М. Д. Горелик

ОРУЖИЕ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Глава I

НАСТУПАТЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ

Наступательное оружие древнего Востока по конструкции и материалу и боевой функции (характеру поражающего действия и наносимой травмы), а также дистанции поражения подразделяется на несколько видов.

По конструкции и материалу оно бывает древковым, монолитным, может представлять собой метательные конструкции и приспособления. Древковое оружие выделяется поражающей частью, насаженной на древко; к нему относятся копья, дротики, булавы, топоры и клевцы, боевые молоты, усложненные и комбинированные формы типа алебард, глеф и т. п.

Монолитное оружие характеризуется тем, что его рукоять составляет, как правило, единое целое с поражающей частью, а по длине не более поражающей части. К монолитному оружию относятся ножи, кинжалы, мечи, различные специфические формы однолезвийного клинкового оружия.

К метательным конструкциям и приспособлениям относятся луки, пращи, арбалеты.

По характеру поражающего действия и наносимой травмы оружие подразделяется на несколько видов, причем систематизация по данным признакам представляет, пожалуй, самую большую трудность. Дело в том, что существовало множество переходных и многофункциональных типов одного и того же вида оружия, когда даже при незначительном изменении формы менялся и характер наносимой травмы. Основные виды оружия, выделяемые по признаку характера поражающего действия и наносимой травмы, суть следующие: *колющее* оружие — стрелы, дротики, копья; *ударно-дробящее* оружие — булавы, дубины, боевые молоты, пращи. Ножи имеют режущее и колющее действие, кинжалы — колющее и режуще-рубящее, мечи — рубящее и колющее (в зависимости от формы и величины клинка преобладал тот или иной эффект воздействия); однолезвийные длинные клинки по преимуществу режуще-рубящие, но иногда и колющие. Ударно-рубящим и ударно-раскалывающим действием обладают топоры, ударно-колющим — клевцы.

В зависимости от дистанции поражения наступательное оружие можно подразделить на следующие виды: оружие дальней дистанции (20—100 м) — праща, лук, арбалет; оружие средней дистанции (5—20 м) — метательные копья, дротики, метательные дубины; оружие ближнего боя (1,5—3 м) — копья и разного типа длиннодревковое комбинированное оружие. К оружию рукопашного боя относятся боевые ножи, кинжалы, мечи, однолезвийные клинки специфических форм, дубины и булавы, боевые молоты, топоры и клевцы.

Наступательное оружие было одним из первых продуктов трудовой деятельности человека. Неважно, что изначально это были орудия охоты (хотя, как полагают отдельные исследователи на Западе, эти орудия сразу же были созданы для убийства себе подобных [Кларк, 1972, с. 200]): назначение охотничьего оружия практически совпадает с боевым, особенно оружие охоты на крупного и хищного зверя. Более того, в древности для охоты использовалось даже защитное вооружение (см. например, изображения охоты со щитами

в Египте в древности [Touny, Wenig, 1969, табл. 60], со щитами в древней Эгеиде [Connolly, 1977, с. 14], в панцирях и шлемах — в Сирии конца II — начала I тысячелетия до н. э. [Borchhardt, 1972, табл. 17, 1; Klengel, 1967, табл. 45], в шлеме и поножах со щитом — на Крите первых веков I тысячелетия до н. э. [Borchhardt, 1972, табл. 25, 25]);и очень вероятно, что элементы последнего возникли именно как охотничья «спецодежда», предмет охотничьего снаряжения. Охота же на все времена оставалась «школой войны», причем иногда она прямо конституировалась как таковая (например, в военной организации средневековых монголов, созданной Чингисханом [Д'Оссон, 1937, с. 226—227], да и на более стадиально ранних этапах общественного развития, зафиксированных этнографией) [Абрамзон, 1971, с. 100]. Поэтому весьма трудно, вплоть до эпохи средневековья, разделить охотничье и боевое оружие. Лишь в отдельных случаях наиболее архаичные его образцы снимались с вооружения войск, оставаясь в охотничьем арсенале. Примером тому может служить в рассматриваемый здесь период только, пожалуй, метательная дубинка-бумеранг египтян [Touny, Wenig 1969, табл. 60, 6, с. 67, 68; Nickel, 1969, с. 7].

Следует также остановиться и на вопросе о парадном и ритуальном оружии. Поскольку оружие в жизни древнего человека играло исключительно важную роль, ему придавали магическое значение. Его наделяли душой, считали живым — со всеми вытекающими последствиями: так, предметам оружия давали собственные имена (за недостатком места и отсутствием сводной работы на данную тему напомним лишь, что собственные имена оружия и колесниц известны для древности в Шумере, Египте, Ассирии, Индии, Китае, для эпохи переселения народов и раннего средневековья — в Европе, для всей эпохи средневековья в Китае, особенно Японии, Индонезии и Малайе), им приписывали половое разделение, их «кормили» и т. п. Кроме того, полагали, что оружие не только жило собственной таинственной жизнью, но и теснейшим образом было связано с жизнью хозяина, а нередко считалось средоточием его души. Не случайно оружие очень часто изготовлялось на заказ, причем учитывалась не только реальная приспособленность его к физическим особенностям клиента, но и соотнесенность предмета с теми индивидуальными особенностями заказчика, которые диктовались магическими и религиозными воззрениями. Учитывалось это и при покупке готового оружия на рынке [Gardner, 1973; Moebirman, 1973, с. 36—38]. Оружием, как полагали древние, пользовались не только люди, но и боги, хотя их оружие часто, но не всегда носило совершенно другой характер, олицетворяя природные явления. Последние, впрочем, обычно ассоциировались по действию с теми или иными видами оружия и зачастую прямо отождествлялись с ними. Более того, иногда сами боги были оружием, например боги-мечи у хеттов и скифов. На более низком уровне оружие было атрибутом бога и его олицетворением.

Поскольку выделка оружия всегда была наиболее передовой отраслью производства, для его изготовления использовались лучшие, часто редкие, привозные материалы, и поэтому оно обычно было относительно дорогим, что еще более повышало его значение в глазах хозяина. Социальная идеологизация и тотальная сакрализация жизни породили парадное и ритуальное оружие. В сущности, парадное оружие являлось также ритуальным, но оно всегда было оружием человека, который носил его в особо значащих ситуациях. Такой ситуацией, кстати, была и битва, поэтому парадное оружие, бывшее прежде всего знаком отличия, высоты социального положения, предметом, которым отмечались заслуги перед обществом, обязательно должно было обладать всеми боевыми качествами и отличалось от обычного только трудоемкостью выделки и ценностью материала отделки. Свойства ритуального

оружия определялись характером ритуала. Оно могло быть вполне функционально боевым, если применялось, к примеру, в гладиаторских играх или какой-нибудь тавромахии, могло иметь ограниченные реальные функциональные свойства, как у орудий ритуального убийства-жертвоприношения, а могло реальной функции вообще не иметь, если оружие было символом или изображением божества или было вотивом, изготовлявшимся в виде уменьшенной модели. Как правило, все ритуальное оружие отличается от боевого если не формой, то материалом и величиной. Поэтому при изучении военного дела парадное оружие должно подлежать учету и исследованию, тогда как ценность ритуального оружия для данной тематики в том, что оно дает, особенно вотивное — всегда реальных форм, определенное представление о боевом оружии, если таковое слабо известно, а также позволяет наблюдать тенденцию развития, например на «оружии богов», которое почти всегда оказывается архаизированным.

В данной работе мы не будем уделять наступательному оружию много места. Это обусловлено не только ограниченностью объема книги. Основная причина в том, что уровень его репрезентативности совсем иной, чем, скажем, у защитного вооружения или «военной техники». Ведь для истории военного дела имеют значение лишь основные функционально-формальные признаки предметов наступательного вооружения, связанные со всем комплексом вооружения и прежде всего со способом боя и защитным вооружением. Поэтому многие особенности конструкции и оформления здесь принципиальной роли не играют. Что же касается роли оружия как показателя уровня технологии производства или этнотерриториального взаимодействия, то и в этом плане наступательное оружие ввиду компактности, портативности, исключительной связи формы с функцией значительно легче в изготовлении, представляет меньше простора для индивидуального формо- и декоротворчества, гораздо легче в распространении, чем такие вещи, как доспехи или такие сооружения, как колесницы, осадные орудия или фортификационные постройки. Кроме того, наступательное оружие предъявляет повышенные требования к качеству материала, а также к квалификации изготовителя, что также способствует его типизации. Остальные же виды вооружения более локальны, «интимны», теснее связаны с этносом и территорией, часто не требуют высокой специализации всех стадий изготовления, потому гораздо репрезентативнее в плане историко-экономическом и этноисторическом: возникновение и распространение их форм вызывалось несравненно более вескими причинами, было связано с гораздо более мощными процессами в жизни обществ. Поэтому здесь мы дадим лишь краткий обзор основных этапов развития наступательного оружия на древнем Востоке в описываемую эпоху, начиная с рассмотрения оружия ближнего боя.

1. БОЕВЫЕ НОЖИ

Боевые ножи — однолезвийное клинковое оружие по преимуществу режущего действия. Наибольшим режущим эффектом обладают выгнутые лезвия, дающие даже при небольшой длине клинка и слабом усилии длинную, хотя и неглубокую рану. Ножами с вогнутым лезвием и горбатой спинкой наносили глубокую рану, но это требовало значительных усилий. Часто лезвие ножей делали S-видным, начиная от рукояти вогнутым и плавно выпуклым ближе к концу. Режущей функцией ножа нередко и ограничивались, и в этом случае конец клинка нередко делали загнутым или закругленным. Но все же чаще его заостряли, придавая ножу еще и колющее действие. Особенно это характерно для ножей с прямым лезвием.

Большое значение в бою играли размеры клинка — длина, ширина, толщина. По современным оружейным стандартам боевыми, т. е. ножами, при

помощи которых в рукопашной схватке можно одним ударом нанести смертельную рану, считаются экземпляры с клинком не короче 13 см и толщиной спинки не менее 3 мм. На древнем Востоке при большом разнообразии форм сильно варьировали и размеры клинков, достигая подчас 50 см в длину и 5—7 см в ширину. При увеличении параметров менялись и свойства ножей: длинный заостренный клинок с прямым лезвием становился преимущественно колющим, а особенно широкий клинок с загнутым концом, при толстой спинке и достаточно длинный кромке режущего становился также и рубящим.

Характерным признаком ножей, в том числе и древневосточных, является отсутствие у них, за редчайшими исключениями, перекрестия между клинком и ручкой, мешающего соскальзыванию руки с рукояти на клинок. Роль преграды соскальзыванию в ножах играют пяты клинка. С развитием ножей рукоять, обычно более узкую, чем клинок, стали смещать в сторону спинки так, что она становится ее продолжением, а нижняя пята клинка увеличивается, образуя вполне достаточное препятствие соскальзыванию руки, тем более что подчас эта функция пяты усиливалась шипом, горизонтально выступающим из нее.

Обратимся к конкретной истории развития и применения боевых ножей на древнем Востоке.

Во второй половине IV тысячелетия до н. э. клинки ножей изготовлялись еще из камня, хотя медь на Ближнем Востоке была к этому времени уже известна. Боевое применение кремневых ножей в данный период можно утверждать для Египта. Оттуда происходят прекрасно выделанные клинки длиной 15—20 см с сильно загнутым лезвием, пригодные только для резания (табл. I, 1—4). Некоторые из них имеют богато украшенные высокорельефной резьбой рукояти из слоновой кости. На одной из них, со сценой битвы (табл. I, 4), показано и применение в бою ножа. Там же, в руках одного из воинов, мы видим нож с изогнутым лезвием, который воин держит за середину обуха (спинки), как бритву, нанося режущий удар в область живота.

Для III тысячелетия до н. э. применение боевых ножей в Египте не зафиксировано. Бронзовые боевые ножи середины — второй половины III тысячелетия до н. э. известны в Северной Месопотамии (табл. I, 5—7). Они имеют сильно изогнутое лезвие, вогнутую или прямую спинку и предназначены для резания, хотя заостренный конец позволяет использовать в бою и его. Хвосты клинков плоские, так что рукоять имела накладки из дерева или кости, которые привязывались (приклеивались) или приклепывались; встречаются и штыревидные хвосты, на которые насаживалась рукоять из органических материалов. В это же время бронзовые боевые ножи применялись и в Индии (табл. I, 19). Функционально они не очень эффективны, поскольку, будучи чисто режущими (конец клинка округло загнут), имеют прямое лезвие; хвост штыревидный, слегка расплющенный.

В начале II тысячелетия до н. э. бронзовые боевые ножи достаточно широко применялись в Палестине (табл. I, 8—11). Их форма близка североме-сопотамской второй половины III тысячелетия до н. э., но клинки более длинные, а утяжеленный конец предполагает для них и рубящую функцию. Рукоять могла отливаться вместе с клинком, и тогда она имела утоньшенный и загнутый вниз конец (табл. I, 8) либо делалась из органических материалов и приклепывалась к клинку; в этом случае она могла иметь бронзовое округлое навершие (табл. I, 10, 11). От этого же периода дошел бронзовый клинок из малоазийского Каниша (табл. I, 20) с вогнутым, S-видным лезвием и горбатой спинкой, с загнутым концом. Рукоять имела наклепываемые щечки; на клинке, впервые для ножей, проточены долы.

В середине II тысячелетия до н. э. боевые ножи по-прежнему достаточно широко использовались в Палестине и Сирии. Одни из них воспроизводят

местные формы и конструкции начала II тысячелетия до н. э. (табл. I, 18, 23), другие имеют вогнутое лезвие с горбатой спинкой или S-видные клинки (табл. I, 12—17), что, видимо, следует связывать с малоазийским влиянием; в Малой Азии клинки с S-видным лезвием продолжали бытовать и в середине II тысячелетия до н. э. (табл. I, 24, 25). О связях Малой Азии и Палестины в области изготовления боевых ножей говорит и факт одновременного бытования в обоих регионах в XVI — XV вв. до н. э. ножей, у которых рукоять поставлена под углом к спинке (табл. I, 15, 22, 25), что позволяло наносить более длинные резаные раны.

Для Египта в третьей четверти II тысячелетия до н. э. после более чем полуторатысячелетнего перерыва фиксируется применение боевых ножей; вероятно, краткий период использования египтянами боевых ножей связан был с влиянием военного дела Палестины-Сирии и Малой Азии XIV — XIII вв. до н. э. (именно в это время Египет вел войны в Сирии-Палестине с местными и малоазийскими воинскими контингентами, также получили развитие и мирные контакты, и наем Египтом воинов из Сирии-Палестины). Тем не менее египетские ножи достаточно оригинальны (табл. I, 41, 42); лезвие у них прямое, конец загнут и закруглен, а отдельные экземпляры достигают максимальной для ножа длины — видимо, 40—50 см.

Боевые бронзовые ножи, близко напоминающие по форме и размерам описанные выше древнеегипетские, были весьма распространены в Закавказье в последней трети II тысячелетия до н. э. (табл. I, 28, 29). Принципиальное сходство настолько велико, что можно предположить какой-то непосредственный единовременный импульс из Египта (через Кипр и восток Малой Азии?). Ножи закавказского типа иногда встречаются в Луристане и датируются рубежом II — I тысячелетий до н. э. (табл. I, 30). Можно говорить о применении боевых ножей и на севере Афганистана в середине II тысячелетия до н. э. и несколько позднее (табл. II, 1).

В первой половине I тысячелетия до н. э. с широким распространением железа на Ближнем Востоке и Закавказье из этого металла стали ковать и боевые ножи. На Ближнем Востоке их применяли крайне редко даже в Сирии-Палестине, где боевые ножи вообще, как мы видели, были весьма популярны. В Сирии форма ножа повторяет форму местных ножей II тысячелетия до н. э. (табл. I, 26) либо нож воспроизводит в уменьшенном виде специфические секачи II тысячелетия до н. э. (о них ниже) (табл. I, 27). В Ассирии боевой нож имел вогнутое лезвие и горбатую спинку, конец острый (табл. I, 36). Носился он в ножнах с металлической бутеролью, ножны ременной оплеткой прикреплялись к широкой плечевой портупее, обшитой бляшками.

Судя по количеству находок боевых ножей в Персеполе, они довольно широко использовались в центре Ахеменидской державы. Персидские ножи (табл. I, 33—35) имеют выгнутое лезвие, прямую спинку и заостренный конец — форма, оптимальная для ножевого клинка, позволяющая весьма эффективно и резать и колоть. Боевые ножи персов, судя по находкам их обломков, подчас имели перекрестия и носились в ножнах.

В отличие от Сирии и Месопотамии популярность боевых ножей на Кавказе в первой половине I тысячелетия до н. э. продолжала оставаться высокой. Кавказские железные ножи (табл. I, 31, 32, 39, 40, 43) отличаются от бронзовых ножей предыдущего периода меньшими размерами и заостренным концом. Лезвие может быть выгнутым при вогнутой спинке, но обычно оно резко вогнутое или S-видное при очень горбатой спинке. Во второй четверти I тысячелетия до н. э. на Кавказе становятся заметны влияния традиций изготовления ножей в северных — причерноморских, средне- и центральноазиатских степях, выразившиеся как в форме ножей (табл. I, 38), так и в отделке их ножен в скифском «зверином» стиле (табл. I, 43).

В самом же Северном Причерноморье ножи в качестве *боевого оружия* начали использовать лишь в скифское время, в VI—IV вв. до н. э. И хотя ножи — одна из самых частых находок в скифских археологических памятниках, боевых экземпляров среди них немного. Как и хозяйственные и рабочие, боевые ножи, отличавшиеся от последних лишь большей длиной клинка, скифы ковали из железа, спинку делали прямой или чуть горбатой, лезвие прямым, чуть выгнутым, вогнутым, изредка S-видным, конец острым (табл. II, 2—4, 63; IX, 28). Деревянные или костяные щечки рукояти приклепывались или привязывались, рукоять могла оставаться и просто железной (в этом случае ее могли обвязывать ремешком). Нож скифы носили в ножнах, подвешенных к поясу, либо затыкали его в отделения для стрел в горите или даже в ножны кинжала, для чего к гориту и ножнам мог пришиваться специальный карман. В качестве основного оружия рукопашной схватки у скифов его применяли, скорее всего, наименее состоятельные воины и «амазонки» (женщины-воительницы), которым ношение и применение кинжалов и мечей не разрешалось (об этом см. ниже).

В степной и лесостепной зоне к востоку от Северного Причерноморья боевые ножи из бронзы появляются после середины II тысячелетия до н. э. в сейминско-турбинской культуре Прикамья (табл. II, 9). Это очень совершенное оружие с S-видным широким клинком, с рукоятью, отлитой вместе с клинком и часто богато украшенной нарезным и ажурным геометрическим орнаментом, фигурами животных и людей.

Традиция использования боевых ножей продолжала развиваться в Прикамье и в железном веке. Для ананьинской культуры VI — V вв. до н. э. характерны боевые ножи (табл. II, 5—8) с S-видным клинком, с вогнутым лезвием и горбатой спинкой, с почти прямым лезвием и сильно выгнутой спинкой, в результате чего клинок получался очень широким, с широкими клинками, имеющими выгнутое лезвие и вогнутую спинку. Все ножи имеют острый конец. Уникальным, чисто ананьинским признаком являются бронзовые рукояти с перекрестием, характерные для кинжалов, а не ножей.

Бронзовые боевые ножи в андроновской культуре степей Средней и Центральной Азии второй половины II тысячелетия до н. э. встречаются редко. По форме и декору (табл. II, 10—12) они продолжают сейминско-турбинские традиции, но размеры клинков у них меньше, декор обычно гораздо проще. Зато более разнообразны формы рукоятей и клинков, среди которых преобладают вогнутолезвийные с горбатой спинкой и S-видные.

Бронзовые ножи в качестве основного оружия рукопашной схватки широко применялись в культурах «карасукского» типа Центральной Азии в XIII — первой половине VII в. до н. э. (табл. II, 13—19) и «карасукоидной» культуре «верхнего слоя Сяцзядянь» XI — VII вв. до н. э. северо-востока КНР (табл. II, 25—30). Боевые ножи «карасукского» и «карасукоидного» типа представляют следующую фазу развития андроновских ножей. Отличаются они большим разнообразием форм клинков и рукоятей, богатством отделки, элементами «звериного стиля» в декоре. Особенностью их является наличие очень длинных экземпляров — 40—50 см (табл. II, 13—15, 25—27). Их довольно узкие клинки с острым концом имеют вытянутую S-видную форму либо слегка вогнутое лезвие, и в этом случае предназначены для рубки и укола, клинки же с прямыми лезвием и спинкой, встречающиеся чаще, служат прежде всего колющим оружием. (В связи с описанными длинными ножами была высказана гипотеза, что для защиты именно от этих ножей древними жителями северных окраин КНР изготовлялись бронзовые шлемы [Варёнов, 1984, с. 47]. Такую защиту стоило изготовлять, пожалуй, лишь против длинных ножей с S-видным клинком, дававших высокий рубящий эффект, с колющими же клинками шлемы никак не связаны. Все же, учитывая редкость длинных ножей, а с S-видными

клинками особенно, а также то, что шлемы на севере КНР встречаются чаще, чем длинные ножи и здесь, и в Центральной Азии, можно быть уверенным, что столь прочный и тяжелый доспех, излишне сильный в качестве защиты от ножа, создавался в противовес гораздо более мощному и распространенному виду или видам наступательного оружия.)

Ножи «карасукского» типа и их несколько измененные местные подражания хорошо известны в материалах Великой Китайской равнины XIII — X вв. до н. э. (табл. II, 34—37, 45, 64—66, 69). Собственно китайские боевые ножи эпохи Инь, отливавшиеся, как и центральноазиатские, из бронзы, имели широкий — до 6 см и длинный — до 30 см, чуть расширяющийся к загнутому концу клинок, чаще всего S-видной формы (табл. II, 38—41, 43, 44, 46, 47, 67). Благодаря величине, форме и тяжести клинка иньские ножи обладали не только режущим, но и довольно сильным рубящим эффектом. Пользование им облегчало массивное, тяжелое трапециевидное навершие рукояти, уравновешивающее тяжесть клинка. Боевые ножи иньского типа в иньском Китае, в отличие от ножей «карасукского» типа, имели и большое сакрально-магическое значение. Об этом говорят роскошно оформленные их экземпляры, в том числе и из царских погребений, и то, что в царских же погребениях находят их чисто ритуальные образцы, выполненные из нефрита (табл. II, 47); известна и иньская пиктограмма такого ножа (табл. II, 41), причем его навершие в виде трезубца, незафиксированное у подлинных ножей, говорит о том, что такой нож использовали в ритуале, втыкая его трезубым навершием, может быть изготовлявшимся отдельно (такие навершия хорошо известны среди иньских памятников) и надевавшимся во время ритуала, в землю вертикально. Происхождением своим боевые ножи иньского типа связаны, скорее всего, с сейминско-турбинскими, к которым восходят и «карасукские».

Взаимодействие «карасукской» и иньской традиций боевых ножей в Китае XII — XI вв. до н. э. дало переходные формы (табл. II, 42, 68); иньский клинок мог получать «карасукскую» рукоять (табл. II, 38, 44, 67).

После VII в. до н. э. боевые ножи в степях Средней и Центральной Азии встречаются редко. По форме и декору они (табл. II, 20—24, 62) продолжают «карасукские» традиции, но особо крупными их больше не делали. Отливали их по-прежнему из бронзы, хотя в Средней Азии попадаются и единичные экземпляры из железа.

На северных окраинах КНР и на севере Великой Китайской равнины в VII — IV вв. до н. э. преобладали ножи центральноазиатского «тагарского» типа (табл. II, 38, 30). В Центральном Китае в изготовлении боевых ножей из бронзы преобладала «тагарская» традиция, но продолжали бытовать и ножи иньского типа, причем с распространением центральнокитайской, хуаской культуры оба типа ножей широко распространяются на восток и юг от Великой Китайской равнины (табл. II, 46—48).

Длинные — 30—40 см — ножи из бронзы распространялись в середине I тысячелетия до н. э. на юго-западе КНР, в культуре «царств» Шу и Ба (табл. II, 32, 33). Их кольцевидные навершия и подчас вогнутые лезвия свидетельствуют о северных истоках, но то, что навершия оттянуты вниз, а клинок может иметь и саблевидную форму, говорит о сильной переработке северных образцов в местной среде.

Очень специфичны дальневосточные ножи-резаки, которые держали за середину спинки (табл. II, 51—53, 58—61). Китайские резаки «та-тао» XIII — XII вв. до н. э. делались из бронзы, рукоять представляла собой скобу; ритуальные экземпляры из иньских погребений XII в. до н. э. выполнены из нефрита, для держания вдоль спинки просверлены отверстия. Ножи-резаки Кореи и Приамурья середины I тысячелетия до н. э. делались из камня, но в Корее уже в IV — III вв. до н. э. появляются резаки из железа.

Рассмотрев развитие изготовления и применения боевых ножей на древнем Востоке, можно убедиться, что, несмотря на большое внимание, уделявшееся им мастерами-оружейниками, экспериментирование в области форм и размеров клинка, форм и декора, рукоятей, боевое применение ножа на древнем Востоке имело место далеко не всегда и не везде. Еще реже боевой нож был основным клинковым оружием рукопашной схватки. Вообще, закономерность его популярности или непопулярности в тот или иной отрезок времени проследить трудно. Все же наметить ее можно. Так, популярность боевого ножа в центре и на востоке Азии во II тысячелетии до н. э. можно объяснить отсутствием равноценного ему клинкового оружия, тогда как ближневосточные цивилизации очень рано стали изготовлять кинжалы, которые оказались эффективнее, в качестве колющего оружия, и секачи (о них выше), более эффективные, чем ножи, как рубяще-режущее оружие. В то же время развитие боевых ножей наблюдается в Сирии-Палестине начала II тысячелетия до н. э., в Закавказье в конце II тысячелетия, в какой-то мере в Луристане на рубеже II—I тысячелетий до н. э., т. е. в регионах, где в это же время успешно развивалось изготовление и имело место широкое применение кинжалов, секачей и даже мечей. Подобное явление трудно объяснить чем-то иным, нежели высоким уровнем предприимчивости, изобретательности, стремлением мастеров данных регионов к поиску все новых, более эффективных и разнообразных форм оружия, желанием предоставить максимально большой выбор вещей для местного рынка, а также и на вывоз.

2. КИНЖАЛЫ

Кинжал является клинковым оружием ближнего боя и обоюдоострым клинком, не превышающим в длину 50 см, и предназначен прежде всего для колющего удара, в меньшей степени — для режущего. Клинки в длину от 25—30 см и более, особенно широкие, обладают также рубящим эффектом. Автор убедился в этом на опытах с музейными образцами итальянских кинжалов типа «чинквидеа» начала XVI в., кавказских кинжалов «кама» и индонезийских кинжалов «крис» XVIII—XIX вв. Все образцы имели клинок длиной от 30 до 50 см; итальянские клинки треугольной формы с основанием шириной 8—10 см, кавказские — с параллельными лезвиями, плавно сходящимися к острому концу, индонезийские — в виде узкого треугольника (3—5 см в основании), обычно «пламевидные» (т. е. с параллельно извилистыми лезвиями). Все испытанные кинжалы отлично рубили: с первого удара (при непрофессиональном владении этим оружием) глубоко — на 3—4 см надрубали доски толщиной в 2,5 см, т. е. их рубящий эффект близок рубящему эффекту топора.

На древнем Востоке в IV тысячелетии до н. э.— IV в. до н. э. кинжал был основным, самым массовым клинковым оружием, одним из главных видов оружия ближнего боя.

Самые ранние металлические кинжалы появляются уже в IV тысячелетии до н. э. в Египте и Палестине. Первые египетские кинжалы, относящиеся к герзейской культуре середины — второй половины IV тысячелетия до н. э. (табл. III, 1), имели треугольный медный клинок без хвоста, к которому приклепывалась рукоять с грибовидным плоским навершием, короткой ручкой, переходящей в опущенные на клинок «усы», охватывающие пяты клинка и служившие перекрестием. Длина кинжала — около 25 см. На рубеже IV—III тысячелетий до н. э. египетские клинки все еще ковали из меди, но форма и размеры их говорят о значительном прогрессе — клинок более узкий, максимальной длины — 50 см, на нем прорезано несколько тонких неглубоких долов (табл. III, 2). Рукоять по-прежнему наклепывалась на расширенную верхнюю часть клинка.

Самые ранние палестинские клинки (табл. III, 3, 4), датируемые концом IV тысячелетия до н. э., свидетельствуют уже о целом ряде прогрессивных нововведений: материалом для них служит еще медь, но появляется ребро жесткости, резко увеличивающее прочность клинка, ряд экземпляров снабжен штыреобразным хвостом-черенком, на который надевалась рукоять из органического материала. Однако и бесчеренковые кинжальные клинки продолжали изготовляться еще очень долго.

В середине III тысячелетия до н. э. бронзовые кинжалы распространяются до Ирана и Индии. В это время они все чаще снабжаются черенком для насадки на рукоять (табл. III, 5—26; IV, 1—5), стержневидным либо плоским с отверстиями, на которые наклепывались деревянные щечки рукояти. Но сохраняются, а в Египте особенно долго — до начала II тысячелетия до н. э., и клинки без черенка. Есть и переходные формы — с очень коротким плоским черенком. Длина таких кинжалов варьирует от 30 до почти 50 см, клинки подтреугольные или с параллельными, плавно сходящимися к острию лезвиями; в Индии изготовляли широкие листовидные клинки. На некоторых месопотамских образцах из «царских» гробниц в Уре сохранились рукояти из слоновой кости или камня, отделанные золотом. Рукоять имеет четко выраженный и удобный упор у перекрестия, что говорит о большой силе колющего удара. На всех изображениях III тысячелетия до н. э. кинжалы на Ближнем Востоке носили в ножнах, заткнутые за пояс (табл. III, 11), роскошные образцы которых, имитирующие в бронзе и золоте тростниковое плетение, сохранились в Уре (табл. III, 15—17).

Судя по египетскому «Рассказу Синухета», в бою большую роль играло беспрепятственное скольжение клинка в ножнах, так как задержка при выхватывании грозила гибелью. В середине III тысячелетия до н. э. в Нгирсу (Телло) появились кинжалы с рукоятью, отлитой вместе с клинком и имеющей форму пары лежащих хищников (табл. III, 23). Этот прием оформления рукояти возродится в хеттской Малой Азии XIII в. до н. э.; мы видим сдвоенных львиц на рукояти Бога-Меча на рельефе в Язылыкая [Hamann, 1959, рис. 400], откуда он снова вернулся в Месопотамию, а именно в Ассирию начала I тысячелетия до н. э. (табл. VI, 12—14). Нашел он свое воплощение и на востоке Азии — в памятнике середины VII в. до н. э. культуры «верхнего слоя Сяцзядянь» (табл. VIII, 61), что свидетельствует о контактах обитателей востока и запада Азии, о знакомстве, разумеется, не с культурой непосредственно, но с такими ее «плодами», как предметы вооружения.

Интересная традиция кинжалов развивалась в Малой Азии второй половины III тысячелетия до н. э. (табл. III, 9, 30—37, 43—52). Прежде всего отметим, что их клинки подтреугольной формы часто имеют очень большую для кинжалов длину. Другим характерным их признаком являются навершия в виде сдвоенных львиных голов, глядящих в разные стороны. Эта традиция нашла свое продолжение также в I тысячелетии до н. э.

Анатолийские кинжалы интересны еще и тем, что некоторые из них имеют железные клинки (табл. III, 9), причем это, как выяснили анализы, не только метеоритное железо, обработанное ковкой, но также и плавленое [Muhly, e. a., 1985, с. 71]. Правда, в металле некоторых клинков из Анатолии наблюдается повышенное содержание никеля, характерное для метеоритного железа, но здесь, на наш взгляд, далеко не всегда следует видеть применение его в чистом виде, хотя первые железные клинки, по-видимому, ковались именно из метеоритного железа. Но и при наличии плавленого железа метеоритное, улучшающее благодаря именно повышенному содержанию никеля и иных редких элементов качество изделия, должно было применяться как добавка при ковке клинка. Подобная практика хорошо известна вплоть до новейшего времени в изготовлении кинжальных клинков высшего качества в Индонезии.

Тем не менее великое открытие анатолийских металлургов еще более тысячи лет держалось в секрете, а железные клинки оставались предметами огромной ценности (и стоимости) и входили в число царских сокровищ, например ввозной клинок одного из кинжалов Тутанхамона (табл. V, 18). И только с разгромом Хеттской державы «народами моря» тайна выплавки железа перестала быть тайной и технология получения железа стала все шире и быстрей распространяться по свету, все более повышая роль этого металла в изготовлении оружия, прежде всего наступательного.

В конце III — начале II тысячелетия до н. э. кинжалы (бронзовые) с Ближнего Востока через Кавказ проникают в Восточную Европу и начинают распространяться на восток по поясу степей. Это еще весьма примитивное оружие: обычно очень короткие треугольные или листовидные клинки, часто с закругленным концом, годные только для резания (табл. III, 40, 41, 54, 55). В степях Евразии они продолжали оставаться такими очень долго; лишь с середины II тысячелетия до н. э. начинают появляться такие признаки, как заостренный конец, ребро жесткости (табл. IV, 6—14), т. е. этими кинжалами уже можно колоть. Однако примитивные формы кинжалов также продолжают существовать.

В начале II тысячелетия до н. э. в западной части Ближнего Востока началось изготовление двух типов кинжалов, применение которых связано с группой племен, известных как гиксосы [Seters, 1966, с. 54—57; Petrie, 1917; Yadin, 1963, с. 61].

К первому типу относятся ланцетовидные клинки с ярко выраженной колюще-режущей функцией, часто усиленные выпуклым ребром жесткости или долами, повторяющими контур клинка (табл. IV, 15—21, 23—25). Обычно полагают, что долы предназначены для стока крови, но это глубокое заблуждение. Поскольку они замкнуты, кровь в них, напротив, застаивается. Назначение долов иное: увеличение прочности клинка и уменьшение его веса. Кинжалы первого «гиксосского» типа, распространившиеся в Египте (табл. IV, 28—34), соединялись с рукоятью с тяжелым полушаровидным уплощенным навершием из камня или бронзы посредством заклепок на очень коротком черенке либо на верхней части клинка, часто вовсе не имевшего черенка. У египетских образцов часто можно видеть странную рукоять: очень короткую, настолько, что на ней не умещается ладонь, ручку и большое плоское округлое навершие с двумя отверстиями. Как держали в руках эти кинжалы, как пользовались ими — до сих пор загадка.

Около XVII в. до н. э., видимо, гиксосскими мастерами были изобретены кинжалы (табл. IV, 22, 26, 37, 38) с удлиненным нешироким клинком подтреугольной формы, иногда с жилкой, но чаще плоским, и рукоятью, отлитой вместе с клинком, плоской, довольно широкой, с выраженными, иногда резко, чаще плавно, навершием и перекрестием, с выпуклыми закраинами, ограничивающими вырезанные из дерева или кости плоские щечки, приклеивавшиеся или приклепывавшиеся к бронзовой основе. Такие «рамочные» кинжалы очень быстро приобрели популярность в Месопотамии и далее на востоке и северо-востоке, а также на северо-западе, в Эгеиде [Seters, 1966, с. 57] и стали в этих регионах чуть ли не самым распространенным видом кинжалов вплоть до середины I тысячелетия до н. э. (табл. IV, 35, 36, 42, 49—56, 58—60, 62—65а, 72—75; V, 23—26). В Египте времени Нового царства они также употреблялись (табл. V, 13, 16, 19, 22), но редко: они были там, видимо, привозными, а если изготовлялись, то в малом количестве и как подражание, поскольку в это время там преобладали кинжалы первого «гиксосского» типа, а также местные типы — с довольно коротким массивным листовидным, снабженным ребром, клинком, часто закругленным на конце и предназначенным только для резания и частично для рубки (табл. V, 5, 8—10, 14, 15), и с изящным, относительно длинным

клинком с параллельными лезвиями, плавно переходящими в острие, с выпуклым сильным ребром (табл. V, 6, 7, 11, 12, 17, 19, 21). Такие клинки насаживались на очень удобную трубчатую рукоять, более узкую, нежели клинок, с конусовидным раструбом вверх — навершием и таким же расширением вниз — перекрестием. Кинжалы такого типа, лучшие образцы которых прекрасно сохранились в гробнице Тутанхамона (табл. V, 18), стали популярны и в Восточном Средиземноморье (табл. V, 4).

К XVII в. до н. э. относится находка — пока единственная в Месопотамии — кинжала, рукоять которого, отлитая вместе с клинком, как бы состоит из объемных элементов — куба, шара, дисков, «нанизанных» на стержень (табл. IV, 82). Если приведенная дата этого кинжала из Арадума верна, то его можно считать прямым прототипом ассирийского клинкового оружия первой четверти I тысячелетия до н. э. Правда, в этом случае получается почти тысячелетняя ничем не заполненная лакуна между ними.

Кинжалы на Ближнем Востоке во II тысячелетии до н. э. по-прежнему затыкали за пояс. Судя по изображениям, применялись они только в последней стадии рукопашной схватки (табл. V, 1—5), когда противники, расстроив ряды, смешивались на поле боя, то бой превращался в резню: щиты отбрасывались или закидывались за спину, противники хватали левой рукой друг друга за волосы или за левую руку и наносили колющий удар в живот, солнечное сплетение или в горло снизу: режуще-рубящие свойства оружия применялись для приканчивания врага и отрезания в качестве трофея, подтверждающего «подвиг» воина, какой-либо части тела убитого врага — головы или руки, как в Египте (табл. V, 5). Таковым было применение кинжала всегда, и там, где он использовался как непременное оружие ближнего боя, с необходимостью следует констатировать описанную фазу боя.

Во второй половине II тысячелетия до н. э. своеобразное развитие кинжалов прослеживается на Кавказе. Там мы встречаем наряду с общеближневосточными типами «рамочных» кинжалов (табл. V, 49—51, 55—60, 63, 66, 67) оригинальные местные варианты с трубчатой рукоятью, часто широким треугольным клинком, богато украшенные, как и их бронзовые ножны, простым геометрическим прорезным орнаментом (табл. V, 32—48, 52—54, 61, 62, 64, 65).

В Западном Иране в это же время абсолютно преобладали «рамочные» кинжалы (табл. V, 23—26). В Восточном Иране, Средней Азии в оседлых земледельческих регионах и в хараппской Индии во II тысячелетии до н. э. продолжают сохраняться старые, наиболее примитивные формы кинжалов (табл. V, 1—6, 79) с плоским, нередко закругленным на конце клинком, маленьким плоским черенком. Лишь в восточной части севера и центра Индии — в культуре «медных кладов» середины — второй половины II тысячелетия до н. э. находим интересные, весьма эффективные кинжалы с длинным (30—55 см), узким острым клинком ромбического сечения, рукоятью с длинным антенным навершием (табл. V, 28, 29). К сожалению, раннеарийский период в Индии известен очень плохо, но можно не сомневаться, что какого-либо прогресса по части выделки кинжалов здесь не было. Это видно как на материале Восточного Ирана и Средней Азии, так и на материале степного пояса Евразии, откуда взяло свое начало движение ариев на юг. Правда, там начиная со второй половины II тысячелетия до н. э. наблюдался определенный прогресс в развитии кинжалов, но он скорее технологический, нежели функциональный. Во всех культурах катакомбного и срубно-андроновского типа господствовали клинки (табл. VII, 4—25, 90) листовидной формы, короткие, и только к концу периода иногда несколько более длинные и треугольные. Совершенствовались рукояти, приобретая более выраженное, но все равно маленькое перекрестие, ручка получала сложную форму в виде двух соединенных на концах дуг; выпуклое ребро на клинке также можно отнести к прогрес-

сивным новшествам, но оно к этому времени давно уже было известно на Ближнем Востоке. Только с начала «карасукского» периода, с XIV—XIII вв. до н. э., наблюдается скачок в развитии кинжалов степного пояса Евразии. Они стали, во-первых, применяться гораздо чаще, судя по обилию находок [Членова, 1976]. Далее, рукоять их становится более удобной — с ручкой брусковидной формы, достаточно широким перекрестием, хорошо выраженным навершием, иногда зооморфным, при отсутствии которого его функцию выполняла удлиненная ручка (табл. VII, 51—56, 58—62, 64—75). Более длинным стали делать клинок, в сечении всегда почти ребристый или ромбический. Некоторые экземпляры «карасукских» кинжалов с изогнутой как у ножей рукоятью имеют узкие и длинные (около 50 см) клинки (табл. VII, 51, 52). Как показала Н. Л. Членова, прогрессивные изменения в «карасукских» кинжалах связаны с влиянием юго-западных регионов — Ближнего Востока и прилегающих к нему территорий.

Карасукские кинжалы, судя по их многочисленным изображениям на «оленных камнях» (табл. VII, 29—50), всегда носились в ножнах, часто с трапециевидной бутеролью или просто расширением конца ножен, подвешенных к поясу на животе или у левого бока, в горизонтальном, немного наискось, рукоятью вверх, положении.

В Китае бронзовые кинжалы появляются достаточно поздно, в конце II тысячелетия до н. э., на северных окраинах и, вероятнее всего, в нехуаской среде. Причем наряду с образцами «карасукского» облика (табл. VII, 57, 63, 76—92, 95, 96) встречаются кинжалы (табл. VII, 93, 94), по пропорциям и форме перекрестия — с волютообразными концами (табл. VII, 93) приближающиеся к гораздо более западным кинжалам днепро-уральского региона срубной культуры XIII—XII вв. до н. э. (табл. VII, 9, 14), но также и с «карасукскими» признаками — навершием в виде прорезного бубенца и рифлеными каймами ручки (табл. VII, 94). От степных же они отличаются тем, что их маленькие листовидные клинки закруглены на конце и имеют только режущую функцию. Их редкость в этот период, а также весьма низкая функциональная эффективность говорят о том, что эти предметы к оружию можно отнести лишь условно, и они являлись скорее регалиями знати, нежели собственно оружием.

Только в раннечжоуское время, в XI—VIII вв. до н. э., кинжалы в Китае изготовляли оригинальными по форме и эффективными функционально. Это уже более длинные клинки, нешироких, с плавно сходящимися к острию лезвиями и плоским черешком (табл. VIII, 74—77). Форма их рукояти пока неизвестна, но носили их в богато украшенных, ажурных литых ножнах, широких, с зооморфным орнаментом.

На северо-восточном пограничье хуаских земель, на западе пров. Ляонин (в районе Пекина), использовали кинжалы «варварские» — «карасукских» образцов, в бронзовых ножнах с трапециевидным расширением на конце; ножны украшались прорезным орнаментом из треугольников и подвешивались спереди к поясу (табл. VII, 95, 96). Кинжал в этих землях играл явно более существенную роль, чем на собственно хуаских территориях, о чем говорит обилие находок.

В начале I тысячелетия до н. э. на Ближнем Востоке особенных сдвигов в развитии кинжала не происходит. По-прежнему продолжают бытовать здесь, а также и на Среднем Востоке «рамочные» кинжалы (табл. VII, 2—4, 7, 8, 11, 20, 25—27, 29, 32, 34, 35, 38). Изменяется лишь способ их ношения: на Ближнем и Среднем Востоке по старой сирийской традиции (табл. VII, 1) длинные кинжалы в начале I тысячелетия до н. э. носят обычно на портупейной перевязи через плечо, которая в Ассирии была очень широкой и часто бронировалась металлическими бляшками, служившими и защитой

и украшением (табл. VII, 2, 3, 9, 10, 15, 16, 19); носили их и заткнутыми за пояс, особенно короткие экземпляры (табл. VII, 4, 7, 8, 11, 19, 21, 29, 73).

От Сирии до Ирана и Северного Кавказа встречается узкое длинное навершие дуговидной, с концами, обращенными вниз, формы (табл. VI, 2—5, 35, 36, 51, 53, 65, 66), напоминающей навершия Месопотамии середины III тысячелетия до н. э. Рукояти ассирийских кинжалов часто выполнены в виде сдвоенных лежащих зверей, с головами, развернутыми в разные стороны (табл. VI, 9, 10, 13, 14, 19),— развитие форм III тысячелетия до н. э., зародившихся в Месопотамии и Анатолии и продолженных в хеттской среде. Ножны ассирийских кинжалов увенчаны массивными бутеролями, часто также с головами животных, торчащими вверх в стороны, либо заменяющими головы отростками.

От Сирии до Западного Ирана продолжают обнаруживать листовидные клинки архаических форм (табл. VI, 5, 17, 42). В Западном Иране и прилегающих к нему районах Закавказья мы встречаем оригинальные массивные навершия в виде двух округлых лопастей, стоящих под углом друг к другу (табл. VI, 44, 51, 53).

В целом надо отметить, что кинжалы в начале I тысячелетия до н. э. становятся в массе максимально длинными — около 50 см, уже годными для рубки. Видимо, тут сказалось влияние распространявшихся здесь с середины II тысячелетия до н. э. мечей.

Около VIII в. до н. э. кинжалы Северного Кавказа, а иногда и Западного Ирана снабжали перекрестием в виде плоской обоймы битреугольной формы (табл. VI, 35, 47; VIII, 5—12), развившейся из дугообразной обоймы — перекрестия, распространенного здесь в начале I тысячелетия до н. э. (табл. VI, 41, 46, 48, 62, 64, 66, 71, 75). Из этих-то битреугольных перекрестий, получивших во второй половине VIII — первой половине VII в. до н. э. широкое распространение в Северном Причерноморье (табл. VIII, 3—14, 18, 19, 21, 22—24), и выработалось, на наш взгляд (так полагают и некоторые другие исследователи), перекрестие скифо-иранского клинкового оружия.

Генезис формы акинака — кинжала со специфическим перекрестием и формой ножен — происходит в середине VII в. до н. э., видимо, на севере Предкавказья, где складывалась культура и государственность скифов, в эпоху их экспансии на Средний и Ближний Восток. Об этом говорит не только почковидная форма перекрестия, а позднее, в VI—V вв. до н. э., бабочковидная, но и два варианта формы клинков: треугольная, с несколькими тонкими долами, столь характерная для кавказских и западноиранских клинков конца II — первой половины I тысячелетия до н. э. (табл. VII, 49, 62—64; VIII, 41, 71, 74), и с параллельными лезвиями, плавно сходящимися к острию, с ребром или ромбического сечения, более характерных для степного пояса Евразии начала I тысячелетия до н. э. Чисто скифской, вероятно, следует считать характерную лопасть в верхней части ножен, за которую они прикреплялись к поясу. Ножны скифских акинаков уже на ранней стадии снабжались бутеролью округлой формы, часто изображавшей свернувшегося зверя (табл. IX, 14, 22, 23, 30, 31). Бутероли из металла или кости имели евразийские ножны предшествующего «киммерийско-карасукского» периода (табл. VIII, 2, 3, 7; XV, 5), как и ассирийские ножны, поэтому здесь можно видеть влияние обеих традиций, но зооморфность бутеролей акинаков, несомненно, ближневосточного происхождения, хотя и в самостоятельной трактовке.

Скифские акинаки, их особенности и развитие хорошо и подробно исследованы в трудах многих авторов, особенно А. И. Мелюковой [Мелюкова, 1964], поэтому здесь нет нужды в столь же досконалном их анализе. Следует только отметить, что акинаки скифской знати часто изготовлялись иноэтническими мастерами, вначале, видимо, урартами [Пиотровский, 1959, с. 249—250; Черненко, 1980, с. 22—23], а позднее греками-колонистами. Скифские мастера создавали не менее роскошные по оформлению экземпляры (табл. IX, 26, 27, 29, 35), причем в ранних — конца VII—VI вв. до н. э.—

акинаках детали скифской работы, обычно в «зверином» стиле, сочетались с деталями, выполненными греками в чисто греческом стиле, с применением зерни, скани; эмали.

Широчайшее распространение их в степи (табл. XI, XII) [явно с запада на восток, поскольку чем восточнее, тем дольше задерживаются «карасукские» признаки в кинжалах (табл. XI, 40, 41, 53—55; XII, 22, 34а, 40, 44, 45, 53)] говорит о том, что акинак в скифском, синдо-меотском, савроматском и сакском обществах являлся важным социальным показателем, обозначая, видимо, принадлежность к сословию воинов, военной «аристократии», поскольку их находят далеко не во всех мужских погребениях с оружием.

Акинак всегда изображался на скифских каменных изваяниях, олицетворявших покойников очень высокого ранга, что унаследовано еще от стел предыдущего периода. Характерно, что акинаки не находят в погребениях скифских «амазонок» — женщин-воительниц, известных теперь по довольно большому числу погребений. Вместе с тем в могилах сарматских «амазонок» они, как и мечи, встречаются нередко.

На наш взгляд, скифянки не могли употреблять акинак по двум причинам: мировоззренческой и практически-военной. Как мы полагаем, в представлении ираноязычных скотоводов акинак символизировал именно мужественность. Будучи у скифов воплощением бога войны, он втыкался в жертвенник и в таком виде, несомненно, ассоциировался с фаллосом, тем более что об этом напоминали перекрестия в виде сдвоенных кружков, сама форма которых образовалась, видимо, именно в связи с таким представлением. Поэтому женщине, разумеется, акинак был не положен. Военно-практическая сторона здесь также играет не меньшую роль и, вероятно, даже определила ситуацию с акинаком. Ведь будучи кинжалом, акинак мог применяться только в пешем рукопашном бою, что, кстати, прекрасно видно на солохском гребне и особенно ярко — на обкладке солохского горита (табл. IX, 55, 56): на последнем памятнике есть фрагмент, где пеший воин, вооруженный акинаком, хватает противника за волосы, стремясь его убить (точно как на описанных выше древних ближневосточных изображениях), а жертва начинает выхватывать свой акинак именно в тот момент, когда сваливается или соскакивает с падающего коня. Женщины же скорее всего до пешей рукопашной фазы боя, представлявшей собой настоящую резню, никогда не допускались в виду предельной опасности момента. Как это засвидетельствовано в позднейших источниках о монголках XIII в., женщины кочевников активно привлекались к участию в обстреле противника из луков, делая это не хуже мужчин. Скифские женщины, судя по комплексам «амазонок», еще и метали дротики и копья, т. е. вели бой на достаточно далекой дистанции. В пешей же сече, кроме того, что она была самым опасным моментом боя, женщина обязательно проигрывала бы в поединке с мужчиной по причине относительной слабости. Однако акинак мог ей помочь при обороне, но тут, видимо, и сказался мировоззренческий запрет на это оружие для скифских женщин*. Таким образом, то, что акинак был гораздо употребительней у скотоводов Евразии, чем меч, говорит о практически обязательной для «скифского» боя фазе пешей рукопашной схватки.

---

* Ношение кинжала (и меча) сарматками можно объяснить следующим: женские погребения с этим оружием принадлежат обычно жрицам высокого ранга (судя по каменным алтарикам в погребениях). В то же время для скифских жрецов хорошо известна такая их особенность, как женоподобность (отражавшаяся, видимо, и в одежде). Вероятно, у обоих родственных народов — и скифов и сарматов — жреческий сан подразумевал двуполость его носителя (чему имеются обильные этнографические параллели), но проявлялось это у них по-разному: у сарматов, в связи с особым высоким положением женщин в их обществе, жрицы наделялись такими мужскими атрибутами, как кинжал и меч, у скифов же мужчины-жрецы были женоподобны.

Однако акинаки в VI—IV вв. до н. э. были известны не только в степях, но и в не меньшей степени в среде оседлых ираноязычных народов Ближнего и Среднего Востока (табл. X). Уже по золотой бутероли в виде свернувшегося хищника (табл. IX, 30) в комплексе из Зивие можно полагать, что акинак там был известен. Позднее его изображения мы встречаем на многочисленных памятниках Ахеменидской державы, особенно на изображениях знатных иранцев центра империи (табл. X, 1—5). В. Г. Луконин связывает их с мидийцами, реконструируя на базе изображений и находок реальных предметов мидийскую школу торевтики [Луконин, 1977, с. 30, 35]. На наш взгляд, во всех случаях принадлежность богато украшенных акинаков в Иране мидийцам и выводимая из этого предположения мидийская школа торевтики не имеют под собой основания. Ведь это утверждение базируется в конечном счете на том, что акинаки на персепольских рельефах и других изображениях (табл. X, 1—5, 18, 19) носят персонажи в одежде, которую В. Г. Луконин, как и ряд других авторов, считает мидийской. Однако, как было показано в одной из наших работ, комплект из штанов, рубахи с длинными рукавами, кафтана и башлыка с круглым верхом принадлежит в не меньшей степени и персам [Горелик, 1985], поэтому акинак является настолько же персидским, насколько и мидийским оружием. Не отрицая при этом распространения акинаков у мидийцев, зафиксированного на рельефах Персеполя [Schmidt, 1953, табл. 27], как и их возможного высокого искусства златокузнецов и торевтов, пока можно констатировать, что никакой специально мидийской школы торевтики еще не известно — все это вещи имперского ахеменидского стиля, в создании которого мидийцы приняли, несомненно, большое участие.

Рядовые персо-мидийские акинаки (около V в. до н. э.), откованные целиком из железа, найдены в Деве-Хююк (Каркемиш) [Moorly, 1981]. В длину они достигают около 30—40 см, имеют «почковидные» и «бабочковидные» перекрестья, брусковидные навершия, плоскую ручку. Лезвия плавно изгибаются к заостренному концу (табл. X, 6, 7). В целом они почти не отличаются от скифских.

Как уже говорилось, акинак везде — от Дуная до Центральной Азии — имеет очень схожие признаки. Однако далеко не все отмечают специфику не только в оформлении или в материале — встречающиеся на востоке бронзовые акинаки датируются до середины I тысячелетия до н. э.,— но и в способе ношения акинака. Как иногда считают, на правом боку его всегда носили отнюдь не скифы, а обитатели Ирана, оседлых регионов Средней Азии и в сакской среде (табл. X, 1—4, 18, 47—55; XI, 82) [Schmidt, 1953, табл. 37, 43]. Специфика восточного способа ношения акинака заключалась в том, что его всегда привязывали к ноге за нижний конец ножен. Более того, у саков весь акинак привязывался к правой ляжке, (и лишь дополнительным ремешком также и к поясу), что и породило специфическую форму сакских ножен — с двумя парами выступов в верхней и нижней части ножен (табл. XI, 85—89, 91). Персо-мидийский акинак за единственную верхнюю лопасть крепился к поясу. У скифов же акинак к ноге никогда не привязывался, так как чаще всего подвешивался по древней степной традиции на животе, а также и на правом и левом боку за одну, реже и вторую, но на той же стороне ножен, лопасть (табл. IX, 1—8, 45—49, 55, 56). Ошибочное представление о скифской подвеске акинака даже породило объяснение этому факту: якобы ножны внизу привязывали к ноге затем, чтобы они не хлопали по боку лошади и тем самым не нервировали ее. Однако, как показывает практика, сколько-нибудь выезженная лошадь не обращает никакого внимания на хлопанье по боку не только небольшим кинжалом, но и длинным мечом, саблей, шпагой.

Акинаки из регионов к востоку от савроматской территории — на востоке Средней Азии и в Центральной Азии [Членова, 1967, табл. 40; Литвинский, 1972, табл. 40,1, с. 111; Грач, 1980, рис. 66] — в массе своей короче, чем скифо-

савроматские, и очень долго, вплоть до V в. до н. э., делались из бронзы. Более того, в Центральной Азии еще некоторое время — на протяжении всего VII в. до н. э. — сохраняются архаичные формы кинжалов с шипастым перекрестием, характерные для «карасукской» эпохи [Членова, 1967, табл. 40, 1, 2, 4, 20; Грач. 1980, рис. 66] (табл. XII, 5, 22, 24, 31).

Вплоть до III — начала II в. до н. э. акинак господствовал на всей территории Центральной Азии, будучи распространен до границ Китая и влияя на развитие китайского оружия. Как и на Западе, здесь он также часто украшался в скифском «зверином» стиле, даже чаще, чем в землях, где сформировался и господствовал, поскольку бронзовое литье давало для этого гораздо больше возможностей, нежели резьба по железу, а золотые чеканные обкладки или инкрустации, в которых обычно на западе выполнялся декор «звериного» стиля, были, понятно, доступны немногим. Восточные (заалтайские) акинаки имеют еще некоторые отличия. Носились они в простых ножнах, без лопастей (табл. XII, 36, 37). Форма наверший их многообразней западных, что опять-таки обусловлено возможностями бронзового литья. Наряду с общераспространенными навершиями — брусковидными (табл. XII, 1—3, 5, 14, 20, 24, 30), когтевидными (табл. XII, 15), а также волютообразными, с завершениями концов в виде орлиных голов (табл. XII, 7, 8, 17, 27, 28), характерных для степного пояса, в виде сдвоенных голов животных, смотрящих друг на друга (табл. XII, 16, 18, 19, 29), но и иногда и в разные стороны, как делали в Иране (табл. X, 4, 9, 10, 18; XII, 25, 33а, 33), в Центральной Азии часто встречаются навершия в виде целой фигуры животного (табл. XII, 9, 21, 31, 34а, 35, 44, 50) — яркое наследие «карасукской» культуры. Характерно и кольцевидное навершие (табл. XII, 4, 6, 42), также реликт «карасукской» культуры, но ему была суждена долгая жизнь: оно было заимствовано к III в. до н. э. сарматами и занесено ими далеко на запад.

В Китае кинжалы, сделанные из бронзы, получили к середине I тысячелетия до н. э. большое распространение и развитие. Здесь для первой половины — середины I тысячелетия до н. э. характерно большое разнообразие форм, причем резко выделяются нехуаские типы этого оружия на северо-востоке и юго-западе Китая.

О бытовании в северо-западном и северо-центральном пограничье Китая акинаков уже упоминалось. На северо-востоке, в пров. Ляонин, с VII в. до н. э. началось распространение так называемых «скрипковидных» кинжалов, изучению которых посвящена достаточно обширная литература [Воробьев, 1961, с. 50; Бутин, 1978, с. 137—146; У Энь, 1978; Линь Юнь, 1980; Чи Лэй, 1982; Цзинь Фэнъи, 1983; Комиссаров, 1984]. Свое название они оправдывают специфической формой клинка с боковыми выступами на лезвиях изогнутых очертаний (табл. VIII, 60—70); с течением времени изгибы на лезвиях становились все менее «выраженными» и постепенно стали прямыми. Кинжалы эти довольно крупные (35—40 см в длину), клинок имеет выпуклое, круглое в сечении ребро, переходящее в штырь для насадки рукояти. Со временем широкие (до 6 см) клинки становятся уже и снабжаются широкими долами по сторонам ребра. Специфична форма рукоятей кинжалов, точнее, их навершие — очень большое и тяжелое, часто выточенное из камня. Такая рукоять сформировалась около VI—V вв. до н. э., так как на самых ранних из известных образцах кинжалов со «скрипковидным» клинком, найденных в Наньшаньгэне, VII в. до н. э. (табл. VIII, 61, 62), рукояти иные. Они удивительно напоминают ближневосточные: выполнены в виде сдвоенных лежащих хищников (но не львов, как в оригинале, а местных тигров) и в виде нагой женской фигуры, как рукояти из Луристана.

«Скрипковидные» кинжалы, родиной и центром распространения которых был Ляонин, в течение V—II вв. до н. э. были широко заимствованы

населением более восточных территорий — до Приморья и Японии [Деревянко, 1976, табл. XXXIII, 1; XXX] (табл. XIII, 67, 68). В настоящее время их происхождение связывают с племенами протомонголов дунху [Комиссаров, 1984, с. 82— 92] и с древним Чосоном — прото- и раннегосударственным образованием протокорейских племен [Бутин, 1982, с. 226, 229, 258—259].

Ножны для «скрипковидных» кинжалов подпрямоугольной формы, слегка суженные книзу, делались из кожи и внизу имели высокий бронзовый наконечник с округлым выступом в середине внешней плоскости (табл. VIII, 63, 65, 66). С помощью кольчатой цепи или ремешка они крепились за верхнюю часть к поясу. Были и цельнобронзовые ножны ромбического сечения с фигурными краями (табл. VIII, 64), производные от более простых «карасукских» ножен.

Происхождение «скрипковидных» кинжалов можно, на наш взгляд, вполне уверенно связывать с кинжалами «карасукоидного», переходного типа из пров. Ляонин VIII—VII вв. до н. э. (табл. VIII, 56—59), восходящим к более ранним местным «карасукским» образцам (табл. VII, 79—81, 83, 87—89, 92), которые отличаются от чистых, классических образцов «карасукской» культуры волнистыми лезвиями, усиливающими эффект резания, а также трубчатой рукоятью. К той же группе ляонинских, «карасукоидных», переходных типов кинжалов с трубчатой рукоятью, но прямыми лезвиями и плоским круглым (точнее — кольцевидным, так как навершие выделено путем расклепывания верха трубчатой рукояти) навершием (табл. VIII, 72) непосредственно восходят почти синхронные им — первой половины VII в. до н. э.— кинжалы из Шанцуньлина, могильника собственно китайского царства Го (табл. VIII, 73).

На собственно хуаских землях в позднечжоуское время (VII—III вв. до н. э.) можно выделить четыре основных типа кинжала. Два первых типа имеют одинаковой формы клинки, слегка сужающиеся книзу с округлым переходом к острию или слегка листовидные, плоско-ромбические в сечении, с выпуклым ребром, либо линзовидные в сечении, связанные с северо-центральноазиатской традицией кинжалов «карасукских» типов. Отличаются они рукоятями.

Первый тип имеет отлитые вместе с клинком объемные, круглые в сечении рукояти, часто со сквозным узором, волютообразные, как в раннечжоуских кинжалах, или массивные фигурные перекрестия, иногда и фигурное массивное навершие (табл. VIII, 78, 79; XII, 57—60). Дошедшие от них ножны — бронзовые, повторяющие форму клинка, со сквозным узором (табл. VIII, 79). Такие кинжалы в VII—VI вв. до н. э. были распространены по всему северу Китая, как у хуа, так и в приграничьях, от Ганьсу до Ляонина. Прототипами их, очевидно, послужили «карасукоидные» кинжалы VII в. до н. э. северо-востока территории КНР.

Яркие образцы слияния центральноазиатских традиций с традициями Великой Китайской равнины дает группа кинжалов, относящихся и к описываемому, и к другим типам, датируемых разным временем, но объединяемых нами отношением их к традициям центральноазиатских племен, известных по китайским источникам как красные и белые ди [Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978, с. 180—184]. Племена эти с последней четверти VII в. до н. э. владели обширными территориями в долине Хуанхэ, а в VI — в начале V в. до н. э. образовали (белые ди) государство, получившее название Чжуншань (пров. Хэбэй). Последние раскопки на территории этого государства показали, что для культуры китаизированных *ди* характерно полное и органичное претворение центральноазиатских, степных по происхождению форм предметов и элементов декора в чисто китайские вещи. Скорее всего, именно с китаизированными ди следует связывать кинжалы из бронзы, имеющие «карасукские» и «тагарские» прототипы и украшенные орнаментом, в котором центральноазиатские, но уже китаизированные элементы степного «звериного» стиля

вырисовываются по китайской схеме построения орнамента (табл. VIII, 78, 79; XII, 57—61).

Два роскошных образца изделий дисских оружейников, отражающих карасукско-тагарский этап подражания — вторую половину VII — VI в. до н. э. (табл. XII, 60) и среднетагарский этап — IV в. до н. э. (табл. XII, 61), обнаружены в гробнице Лю Шэна — вана Чжуншаня, умершего в 113 г. до н. э., раскопанной в Мэнчене, пров. Хэбэй [Раскопки ханьских гробниц, 1980]. Кинжалы находились среди чисто ханьского оружия II в. до н. э. и были положены в гробницу, видимо, в качестве реликвий чжуншаньской государственной казны.

Чжэн Шаоцзун опубликовал большую подборку кинжалов из погребений, раскопанных в пров. Хэбэй [Чжэн Шаоцзун, 1984], правда, вне контекста сопровождающего инвентаря. Интересно, что в этой группе кинжалов имеются «скрипковидные» клинки с рукоятями акинаков. Причем как рукояти, так и клинки этой группы кинжалов отражают стадии развития частей оружия соответственно в Южной Сибири и Ляонине на протяжении VII—III вв. до н. э. Кроме названных среди кинжалов данной группы есть образцы с рукоятями тех же форм, что и из Наньшаньгэнь (табл. VIII, 78), Мэнчена и др. (табл. XII, 57—60). Точная и подробная историческая интерпретация данной группы кинжалов еще впереди, но уже сейчас можно предположить, что они отражают этапы культурного взаимодействия пришельцев с северо-запада — ди и ляосийских дунху (или протокорейцев) и, может быть, сложения на этой основе хуннуского культурного комплекса.

Второй тип кинжалов с территории КНР имеет, как и «скрипковидные», круглый в сечении штырь для насаживания рукояти, с плоской, овальной, горизонтально лежащей пластиной навершия наверху. Один из прекрасно сохранившихся экземпляров кинжала этого типа — из Чжунчжоулу в Лояне [Су Бинци, Ань Чжимин, Линь Шоуцзинь, 1959, с. 97, рис. 64, табл. 46] (табл. XII, 62) — пластинчатого навершия не имеет, но клинок со штырем насажен на рукоять с плоским верхом, сделанную из слоновой кости, массивную, овально-ромбическую в сечении, плавно слегка сужающуюся от навершия вниз и снова расширяющуюся в нижней части. Ножны кинжала, также костяные и столь же массивные, повторяют очертания клинка. Как и рукоять, они сплошь покрыты тончайшим резным узором и имеют в середине прямоугольный вертикальный выступ — ограничитель, мешающий им выскользнуть из-за пояса, за который, судя по скульптурному синхронному (VI—V вв. до н. э.) изображению мужчины (табл. XII, 62а) [Watson, 1961, рис. 101], кинжалы затыкали, нося их сзади, на спине. Длина кинжала из Чжунчжоулу, вместе с ножнами — около 50 см, а клинка — 28,5 см.

Третий тип — подтреугольные клинки вытянутых пропорций, достигающие в длину 40—55 см, плоско-линзовидные в сечении или плоские, с плоским же коротким черенком с отверстиями для наклепывания рукояти. Известные еще в раннечжоуское время (табл. VIII, 75—77), клинки этого типа во второй половине I тысячелетия до н. э. широко распространились (табл. XII, 6, 7, 15, 19), особенно на юге и юго-западе Китая (табл. XIII, 28—37, 53) среди нехуаских этносов, сохранивших самостоятельность своих племенных и государственных образований до самого конца исследуемого периода и даже позднее.

В то же время для «царств» Шу и Ба с IV в. до н. э. характерны кинжалы (табл. XII, 65—68), которые были местной модификацией «карасукоидных» кинжалов с территории северо-востока КНР (табл. VII, 64, 66, 82; VIII, 57—60), а также местные модификации кинжалов типа «тагарских» акинаков (табл. XII, 63, 64, 69, 70), нередко очень близкие к оригиналам. Подражания центральноазиатским образцам «тагарского» типа встречаются и среди юэсских кинжалов юга КНР (табл. XII, 71, 72).

Четвертый, основной тип китайских кинжалов, известный в литературе как «восточночжоуский», характеризуется сверху широким, а ближе к концу резко сужающимся к острию клинком плоско-ромбического сечения, часто с ребром жесткости или жилкой, с трубчатой рукоятью, брусковидным в основе, более или менее толстым и сложно профилированным перекрестием и навершием в виде плоского конуса раструбом вверх (табл. XIII, 1—5, 9—14, 16—18, 20, 24, 38—54, 56—61). К VI в. до н. э. они уже имели широкое прямоугольное перекрестие, длина которого равнялась ширине клинка, позже несколько более длинного. Очень быстро они распространились на север и стали самым популярным типом кинжалов в Центральном Китае, судя по тому, что именно они всегда изображены, подвешенными или, скорее, заткнутыми за пояс в горизонтальном положении, на воинах, во множестве представленных на китайских бронзовых сосудах IV—III вв. до н. э. (табл. XIII, 4). Вопрос генезиса кинжалов четвертого типа вызвал серьезные дискуссии и довольно обширную литературу. Территория, на которой была сделана большая часть находок, к тому же относящихся к ранним образцам, говорит о том, что в основе кинжалов этого типа лежат гоские образцы первой половины VII в. до н. э., известные по раскопкам Шанцуньлина, а часто встречающийся у них волнообразный переход на лезвии от более широкой верхней части клинка к более узкой нижней — прямое развитие форм клинков «скрипковидных» кинжалов VII—VI вв. до н. э. Однако С. А. Комиссарову [Комиссаров, 1986] удалось показать с максимальной долей вероятности, основываясь на более полной публикации находок из погребения в Туньци (пров. Аньхой) (табл. XIII, 70), что кинжалы с прожилкой на клинке, трубчатой, с прилитым кольцом, ручкой, оканчивающейся плоским диско- или кольцевидным навершием — почти полностью сформировавшийся кинжал четвертого типа — бытовали около X в. до н. э. в междуречье рек Хуанхэ и Янцзы, т. е. к югу от Центрального Китая. Бронзовые сосуды «ю», «хэ», «фонъи», найденные вместе с кинжалом, говорят не только о дате, но и о том, что культура царства Чу, на территории которого была сделана находка и которое возникло именно в это время, формировалась с самого начала под прямым влиянием, во всяком случае в прямой связи, с культурой раннечжоуского Китая. Трубчатая ручка, клинок с жилкой — признаки, ведущие на северо-восток КНР, но подтреугольное перекрестие с загнутыми вверх концами, кольцо вокруг ручки, плоское дисковидное навершие — признаки, пока не имеющие аналогий и могут считаться местными. Несколько странно, однако, что данный тип кинжала, столь рано возникнув, не представлен пока образцами, датируемыми последущими четырьмя веками. Впрочем, находки еще могут появиться. Благодаря размерам клинка — 5—6 см в ширину, 40—50 см в длину и тяжести, эти кинжалы использовались, как и кинжалы третьего типа, не только для укола, но и в еще большей степени для рубки, выполняя функции меча.

Вместе с тем известно и определенное количество коротких и даже очень коротких кинжалов данного типа (табл. XIII, 8—14, 16—18, 20—24, 27, 71), причем в погребениях они подчас лежат в паре с длинными кинжалами и мечами.

Ножны кинжалов четвертого типа повторяли форму клинка, с его резко выраженным переходом от широкой верхней части к более узкой нижней, снабжались скобой, которой зацеплялись за пояс, и нередко бутеролью. В богатых экземплярах весь «гарнитур» деталей — скоба, бутероль, навершие и перекрестие изготовлялись из нефрита, украшенного богатой резьбой (табл. XIII, 16, 40, 47, 56—61). Уникальные ножны V—IV вв. до н. э. были найдены в могильнике Чжунчжоулу близ Лояна (табл. XIII, 62): они целиком были покрыты пластинами резного нефрита; особеность их и в том, что они имеют лопасти для крепления к корпусу воина, как у сакских акинаков.

Вне боя длинные кинжалы (и мечи) древние китайцы хранили в специальных деревянных, покрытых лаком, футлярах (табл. XIII, 52, 54).

Во Вьетнаме среди памятников культуры Донгдак первой половины I тысячелетия до н. э. мы встречаем короткие кинжалы с листовидным лезвием и биконической рукоятью, внизу переходящей в горизонтально плоские короткие шипы, образующие перекрестия [Nguen Phuc Long, 1975, табл. 11, 125] (табл. XIII, 64, 65). Того же самого типа кинжалы, но только с навершием низкой цилиндрической формы применялись и населением, оставившим культуру Донгшон, в середине — третьей четверти I тысячелетия до н. э. (табл. XIII, 63, 64).

Д. В. Деопик выдвинул интересную гипотезу о культурных и этнических связях населения юго-западной части КНР с культурами и кочевниками запада Центральной Азии [Деопик, 1979]. Одним из подтверждений этому может служить находка бронзовых ножен для пары кинжалов типа Шу-Ба IV в. до н. э. в Чэнду (пров. Сычуань) (табл. XIII, 35): ножны имеют парные лопасти для крепления, как и их вероятные сако-юэчжийские прототипы.

Хотелось бы отметить одну любопытную традицию на востоке Азии, зафиксированную на протяжении всей позднечжоуской эпохи, от Ляонина на северо-востоке до Юньнани на юго-западе: ношение парных кинжалов в сдвоенных либо просто в одних ножнах (табл. VII, 96; XIII, 35).

До самого конца исследуемого периода кинжалы Восточной Азии делались из бронзы, а на Дальнем Востоке — даже из камня, хотя именно там имелись во второй половине I тысячелетия до н. э. первые в Восточной Азии железные клинки [Бутин, 1978; Бутин, 1982].

Из всех видов оружия ближнего боя кинжал на древнем Востоке являлся если не самым массовым, то, пожалуй, самым престижным видом оружия (а среди клинкового оружия — и самым популярным). Кинжал оказался одной из наиболее репрезентативных категорий предметов для изучения развития культурно-исторических процессов: компактность формы, возможность очень богато и дорого украсить не в ущерб боевой функции, популярность и ценность его как оружия позволили именно кинжалу стать отличным индикатором процессов этнокультурных взаимосвязей, движений и т. п. «Модные» формы кинжалов, отдельных его частей, декора очень быстро распространялись на огромные территории (как мы убедились на примере, скажем, кинжалов с «рамочной» рукоятью или степных по происхождению типов, относящихся к «карасукской» культуре, и позднее акинаков), причем по локальным особенностям этих форм можно наметить этнокультурные границы. Так, различия между кинжалами у этнически или культурно родственных племен гораздо менее заметны, нежели между кинжалами того же типа у племен, этнически и культурно розных. И расстояния не имеют здесь сколько-нибудь решающего значения. Кинжалы, выработанные в городах обширного оседло- земледельческого региона, пусть и разноэтнического, ближе друг другу, нежели предметы, произведенные в столь же разноэтническом племенном мире.

В качестве же боевого оружия популярность кинжала на древнем Востоке в последние столетия рассматриваемого периода зачастую являлась тормозом в развитии военного дела, особенно мешавшим введению полноценного конного боя, заставляя конников спешиваться для рукопашной.

3. МЕЧИ

Мечом называется вид наступательного оружия с прямым обоюдоострым клинком, предназначенным прежде всего для рубки, в длину более 60 см. Мечи длиной от 60 до 70 см мы относим к коротким и пригодным в основном для пешего боя. Мечи длиной 70—90 см можно считать оптимальными по размерам, универсальными, одинаково удобными для рубки с коня и в пешем

строю. Длина мечей от 90 см и более характерна для специально всаднических мечей. Но кроме рубки мечи часто использовались и для колющего удара. В случае ярко же выраженной колющей функции мечи, даже очень длинные мечи, вполне были удобны и для действий в пешем строю, и именно для этого.

Кроме чисто тактических условий на размеры меча должны были влиять и индивидуальные особенности заказчика или покупателя. Так, воины очень сильные или высокого роста предпочитали мечи более крупные. Кроме того, длина меча обусловливалась и проблемой безопасности: ведь меч, как и любое другое клинковое оружие, являлся не только оружием атаки, но парирующим, защитным оружием, преграждающим путь оружию противника. Поэтому длинный меч держал противника на большем расстоянии. Вместе с тем размеры его, а соответственно и вес зависели и от манеры фехтования. Огромное влияние на признаки меча оказывал характер оборонительного вооружения, распространенного в том регионе, где применялся тот или иной тип меча.

Надо сразу отметить, что на Ближнем Востоке меч, даже будучи хорошо известен, очень долго не находил сколько-нибудь широкого применения. Возможно, одна из причин тому — бытование там однолезвийного клинкового оружия, приспособленного исключительно для рубки. Роль рубящего меча частично выполняли кинжалы длиной 50—60 см. Но именно на Ближнем Востоке находилась прародина длинного меча. Однако, прежде чем приступить к рассмотрению истории древневосточных мечей, сделаем одно предварительное замечание. Дело в том, что такая их важная часть, как рукоять, в древности практически всегда, особенно на Востоке, совпадала по форме с рукоятью кинжала, отличаясь лишь размерами и пропорциями отдельных элементов, и то далеко не всегда. Поэтому рукоять меча сколько-нибудь подробно рассматривать здесь нет необходимости, за исключением, разумеется, тех случаев, когда имели место существенные отличия от рукоятей кинжалов. Столь же мало принципиально отличалась и форма клинка: разница заключалась, как правило, в размерах и пропорциях. Больше различий было в способах ношения, и соответственно в конструкции ножен и портупеи.

Родиной меча О. Гамбер справедливо называет древнюю Анатолию [Gamber, 1978, с. 93], отмечая клинок из Дорака середины — второй половины III тысячелетия до н. э. (кованный из метеоритного железа) длиной 70 см (табл. XIV, 1). Кроме длины он ничем не отличается от кинжалов. Однако данный экземпляр был единичным опытом, на ближневосточное вооружение не повлиявшим. Не исключено, что длинные кинжалы-мечи Анатолии послужили прототипом для настоящих длинных мечей, появившихся на Крите в XVII в. до н. э. [Gamber, 1978, с. 138]. Опять-таки следует согласиться с О. Гамбером, что последние были прежде всего колющим оружием, предназначенным для поражения противника из-под распространенного там огромного, в рост человека, 8-образного щита [там же]. На крито-микенских изображениях XVI в. до н. э. видно, что мечи использовались именно как колющее оружие [там же, с. 135].

Эгейские мечи (с Крита и из Микенской Греции) XVII—XVI вв. до н. э. можно разделить на два основных типа: первый — клинок с параллельными, плавно сходящимися у острия лезвиями, линзовидный в сечении, отделенный от рамочной рукояти плоской, с отверстиями для приклепывания щечек ручки округлым расширением [Muller-Karpe, 1980, табл. 184, 9; 232, 5; 250, B3, C2, 11]; второй — клинок подтреугольный, сильно сужающийся к концу, с длинным острием и сильно выступающим ребром, расширяющийся плавно к рукояти и отделенный от нее торчащими вверх в стороны роговидными отростками. Его рамочная рукоять более узкая, нежели у первого типа, и увенчана массивным горизонтально сплюснутым навершием [там же, табл. 199, 1, 2; 202, A12, B14, 218, A2; 225, 5, 6; 228, 7; 232, 1]. Вариантом этого типа являются

мечи, у которых переход от расширенной верхней части клинка к узкой рукояти выполнен плавной линией [там же, табл. 225, 7—9; 228, 1—3].

Мы потому столь подробно описали мечи Эгеиды, что именно они оказались непосредственными прототипами мечей Ближнего Востока.

В Сирии-Палестине и Египте мечи появляются около середины XIII в. в связи с движением «народов моря». Там мы находим видоизмененные варианты первого типа мечей Эгеиды, отличавшихся от оригинала долами на клинке и загнутым на конце стержневидным хвостом для насадки на рукоять: таковы меч с именем фараона Мернептаха из Угарита (табл. XIV, 7) и меч из Эль-Кантары в Дельте (табл. XIV, 8). В Газе был найден меч длиной 104 см — вариант второго типа (табл. XIV, 12), вероятнее всего филистимлянский. Понятно, почему здесь могли иметь успех мечи именно такой формы: по абрису они очень напоминают местные палестинские кинжальные клинки XIX—XVI вв. до н. э. (табл. IV, 17). На этот меч похож меч с надписью — именем фараона Сети II, жившего во второй половине XIII в. до н. э. (табл. XIV, 9).

Мечи второго типа на египетских рельефах изображены только в руках воинов «народов моря» (табл. XIV, 2—4), причем эти мечи имеют рукояти с трубчатой ручкой, перекрестье с ровным верхним и выгнутым нижним краями и шайбообразным навершием, точно соответствуя рукоятям мечей из Микен.

На своей родине, в Эгеиде, мечи всегда были оружием пеших воинов, преимущественно колющим. Колесничные воины хотя и носили их, как показано на стеле из Микен [Gamber, 1978, рис. 134], но никогда не сражались ими, находясь в колеснице (хотя воины «народов моря» на египетском рельефе отбиваются длинными мечами от неожиданно напавших египтян, сидя в транспортных, грузовых повозках). Соглашаясь с О. Гамбером в вопросе о причине появления мечей в Эгеиде, следует признать его объяснение неполным. На наш взгляд, это явление было вызвано также, если не в первую очередь, изобретением там тяжелого панциря, защищавшего торс воина очень надежно. Хотя панцирь из Дендр датируется XV в. до н. э. [Verdelis, 1967], по его развитым формам и конструктивному совершенству, а также по тому, что изображение этого доспеха в качестве рисуночного знака, да еще в разных вариантах вошло в «линейное» письмо Б [Buchholz, e. a. 1977, c. 107—115], можно с большой долей уверенности предполагать, что панцирь такого типа был изобретен раньше, не позднее XVI в. до н. э.

Уязвимым у воина, одетого в такой доспех, оставались лицо и руки. Эгейский меч и стал эффективным оружием против такого доспеха: им можно было колоть в лицо и горло (если панцирь был без стоячего воротника) и рубить по рукам и ногам. Кстати, поражение именно этих участков тела латников мечом зафиксировано со всей впечатляющей достоверностью при раскопках братской могилы защитников г. Висбю 1361 г. [Thordeman, 1939, рис. 177]. Тем не менее, судя по малому количеству находок и практическому отсутствию изображений, меч местное население Ближнего Востока во II тысячелетии до н. э. применяло редко, несмотря на широкое распространение там к этому времени тяжелого доспеха из бронзы. Видимо, как уже отмечалось, рубящим клинковым оружием здесь служили секачи (о них см. ниже), а в качестве колющего традиционно предпочитали копье, тогда как у пришельцев — северян-«народов моря» — на Ближнем Востоке меч, судя по изображениям, был практически единственным наступательным оружием в силу своей универсальности.

Во второй половине II тысячелетия до н. э. только на востоке Индии, в материалах культуры «медных кладов», фиксируется достаточно систематическое применение мечей, не отличавшихся от кинжалов ничем, кроме длины

(табл. XIV, 27, 28). Объяснить этот факт можно лишь применением в этом регионе больших щитов и, может быть, достаточно прочных панцирей из органических материалов, каковыми могли быть лиановое плетение, твердая многослойная кожа. Вообще же редкое использование меча на Востоке во II тысячелетии до н. э. можно объяснить и большим весом бронзовых мечей. Известная автору копия бронзового древнеевропейского меча около 90 см длины весит более 3 кг, и свободно и долго действовать им без достаточно высокой степени тренированности весьма затруднительно. В то же время, как еще писал Э. Ленц, для восточного оружия характерно тщательное избегание неудобства из-за повышенных размеров и особенно веса оружия, тогда как Запад стремился к абсолюту в основной функции как наступательного, так и оборонительного оружия, что приводило к созданию на Западе максимально прочных, но слишком тяжелых доспехов, столь же тяжелых и длинных образцов наступательного вооружения [Ленц, 1908, с. 81].

Широкое распространение мечей наблюдается с начала I тысячелетия до н. э. и связано, скорее всего, с значительно расширившимся, ставшим поистине массовым применением металлического доспеха, а также с бурным распространением железа, облегчившего вес клинков. В гораздо меньшей степени, чем обычно принято думать, использование меча связано с введением в это же время на Востоке конницы. Судя по изображениям, всадники непосредственно в конном бою, даже снабженные мечами, сражались, как правило, копьем или луком, причем конные лучники в начале I тысячелетия до н. э. абсолютно доминировали у кочевников.

В начале I тысячелетия до н. э. особенно популярны стали мечи, причем оптимального — около 70—90 см — размера были в арамейско-позднехеттских государствах Северной Сирии, судя по обилию их изображений (табл. XIV, 30—32); они имели рукояти «рамочного» типа и носились в ножнах с прямоугольным концом, подвешенных слева на широкой портупее через плечо. К сожалению, мы не можем сказать, к кому — пешим, всадникам или колесничным бойцам принадлежали их носители, поскольку на рельефах это обычно придворная знать или бог грозы Тещуб. Ни на одном из изображений боя такие мечи не видны. Любопытно, что в ассирийском войске, судя по редким изображениям и еще более редким находкам (табл. XIV, 33, 34), применялись только короткие мечи, почти не отличавшиеся от длинных кинжалов с рубящей функцией.

Зато в Закавказье и Западном Иране находки мечей, коротких и средних, достаточно обильны (табл. XIV, 16—26, 36—61) [Погребова, 1977; Есаян 1966, с. 82—90], причем наряду с бронзовыми встречаются и железные. Мечи спорадически применяли здесь еще со II тысячелетия до н. э. [Мартиросян, 1969, табл. XIX, 7; XXVII; Есаян, 1966, табл. XIV, 1—4, рис. 4, с. 77—87]. Нам думается, что применение мечей в этих регионах было инспирировано, как и в сиро-палестинском регионе, эгейским влиянием. Узкие колющие мечи — «рапиры» появились здесь, надо полагать, также с XIII в. до н. э. (табл. XIV, 16, 17) в связи с передвижением «народов моря» и пришлись как нельзя более кстати в качестве идеального оружия против панцирей с мягкой основой, обшитых круглыми бляшками. Это же длинное оружие, видимо, и вызвало в Закавказье и Западном Иране удлинение кинжальных клинков местных форм и превращение их в короткие, реже длинные мечи колюще-рубящего действия (табл. XIII, 18—22, 36—38, 40—49). Судя по закругленному концу и широкой треугольной форме клинка, здесь даже появились короткие и оптимальных размеров мечи чисто рубящего действия (табл. XIV, 23—26, 54). Последние удобны не только для всадников, как полагают иногда (причем преимущественно в поединке между двумя всадниками; для того, чтобы ими сильно поразить пешего при посадке без стремян, они коротковаты), но и для

поединка между пешими воинами. Поэтому их использование в первые века I тысячелетия до н. э. в Закавказье и Западном Иране не вызывает удивления, тем более что старая традиция панцирей из круглых бляшек еще была жива. Носили мечи, судя по каменной скульптуре из Мркавана в Армении (табл. XIV, 47), так же, как на всем Ближнем Востоке в то время носили мечи и длинные кинжалы,— на левом боку на широкой перевязи, перекинутой через правое плечо, манера, унаследованная еще от «народов моря» и восходящая к эгейской традиции.

Урартские же и иберийские длинные железные мечи VIII—VII вв. до н. э. с «рамочными» рукоятками (табл. XIV, 48, 49, 56—58) непосредственно восходят, видимо, к позднехеттско-сирийским.

Преобразование кинжала в меч происходило и на просторах евразийских степей в первые века I тысячелетия до н. э.— в «позднекарасукско-киммерийскую» эпоху. Повсеместно можно наблюдать, как от Северного Причерноморья до Центральной Азии все основные формы кинжалов представлены своими удлиненными вариантами — мечами, литыми из бронзы, более широкими и короткими на востоке (табл. XV, 1—4), а на западе с кованным из железа, узким, с параллельными лезвиями клинком, с бронзовой литой рукоятью, в исключительных случаях превышавшим 1 м, и бронзовой рукоятью (табл. XV, 5). Длинные узкие мечи изображены и на каменных северопричерноморских изваяниях предскифской поры (табл. XV, 6—8).

В отличие от кинжала, который на этих изваяниях показан подвешенным за верхнюю часть ножен к поясу спереди, мечи, помещавшиеся в диагональном положении слева, изображены явно заткнутыми за пояс. Подобный способ ношения мечей, тем более длинных, может показаться необычным и неудобным, но он вполне подтверждается позднесредневековыми и этнографическими данными: например, так носили мечи в Тибете еще в начале XX в., длинные ятаганы в Османской империи в XVIII—XIX вв., причем как конники, так и пешие воины [Чжоу Вэй, 1957, табл. 90, 19, 23; 92, 1; Laffont, 1966, ил. 321; Ribaric, 1975, рис. 89, 100].

Длинные мечи народов центра империи Ахеменидов встречаются весьма редко. Чрезвычайно популярный у иранцев акинак никогда не был представлен там, кажется, вариантами с длинным клинком, по размерам равным клинкам меча. Но при раскопках Персеполя было найдено определенное количество клинкового оружия с «рамочной» рукоятью (табл. X, 32—35), говорящего о бытовании у персов оружия старой, доахеменидской, сугубо местной, еще доиранской традиции. Надо полагать, что в большинстве это были кинжалы, носившиеся, судя по их изображениям на рельефах Персеполя и на статуе Дария I из Суз, в специфических ножнах с длинным и широким ассиметричным горизонтальным устьем прямоугольной формы, с ровным верхним и фестончатым нижним краем, которое удерживало кинжал, заткнутый спереди за пояс (табл. X, 20—31). Судя по тому, что такие кинжалы изображены только в комплексе с юбкой, плечевой накидкой-«пончо» и пластинчатой тиарой — комплексе, который по схожести его с костюмом эламитов-сузианцев на ахеменидских рельефах, изображенных несущими эти кинжалы в качестве дани, мы считаем персидско-аншанским [Горелик, 1985], эти кинжалы были унаследованы персами непосредственно у местного населения. Подтверждением тому служит и бронзовая статуэтка из числа «луристанских бронз», на которой виден заткнутый за пояс кинжал с точно таким же перекрестием (табл. VII, 28). У персов ножны с длинным асимметричным горизонтальным устьем заимствовали савроматы для стилетов ананьинского происхождения (табл. XI, 28, 47, 48). Интересно, что именно «рамочной», традиционно ближневосточной рукоятью отличается единственный, полностью дошедший до нас персидский железный меч VI—V вв. до

н. э. оптимального размера — длиной 85 см, с клинком линзовидного сечения, шириной 5,2 см, параллельными лезвиями, плавно сходящимися к острию (табл. XVII, 1),— идеально рубящее оружие конника и пешего воина. О форме его ножен и способе ношения можно только гадать: был ли он также традиционно ближневосточным, т. е. меч носился на плечевой портупее, либо, по традиции ираноязычных народов этого времени, ножны имели сверху лопасть, за которую они прикреплялись к поясу.

Если для персов, мидян и других ираноязычных народов Ирана мечи в целом не характерны, то для Индии этого периода они являлись основным видом клинкового оружия. Мы видим их на персепольских рельефных изображениях североиндийских воинов (табл. XVI, 12, 17). Судя по изображениям, мечи эти 70—80 см длиной, с подтреугольными либо с параллельными лезвиями клинками, без перекрестия или с прямоугольным, полукруглым или трапециевидным перекрестием, ручкой стержневидной, веретенообразной или биконической, плоским, грибовидным или антенным навершием, носились на плечевой портупее, концы которой прикреплялись к устью и границе второй и последней трети длины ножен. Длинные мечи индийцев описаны и у античных авторов-историков похода Александра Македонского [Хрестоматия, 1, 1950, с. 283]. Видимо, тут можно усмотреть влияние традиции мечей культуры «медных кладов» на оружие всей Индии, что отразилось и в антенном навершии. Почти идентичные мечи мы видим и на североарабских «делегатах», изображенных на рельефах Персеполя (табл. XVII, 7—11). В этих мечах следует усматривать продолжение северосирийской традиции начала I тысячелетия до н. э., но вместе с тем можно предположить и наложенное на эту традицию влияние Индии (кстати, на рельефе у арабов показаны и мечи с антенным навершием), чьи мечи, изготовленные из исключительно высококачественной стали, часто полученной способом тигельной плавки вместе с древесным углем и добавками,— всемирно знаменитый индийский «булат» [Rowson, 1968, с. 20], пользовались огромным спросом и часто воспевались в доисламской поэзии арабов еще в середине I тысячелетия н. э.

С мечами, висящими на плечевой портупее в качестве «национального» оружия, на персепольских рельефах изображены египтяне (табл. XVII, 6), а также жители Малой Азии — карийцы и лидийцы (табл. XVII, 3—5), и даже греки, для которых на Балканах, островах и в Италии длинные клинки были вообще нетипичны [Snodgrass, 1962, с. 84, 97] (греческий меч «ксифос», в сущности, был кинжалом с рубящими свойствами, придававшими ему функцию меча). Характерно, что мечи греков и египтян на персепольских изображениях имеют чисто греческие детали: широкое прямоугольное устье ножен и цилиндрическое навершие, тогда как в рукоятях мечей анатолийцев сохраняются формы старых «рамочных» образцов, либо они имеют новое, антенное навершие.

Большое распространение получили мечи в Северном Причерноморье. Старое представление о том, что для скифов конца VII—IV вв. до н. э. не характерны мечи, особенно длиннее 60—70 см [Смирнов, 1961, с. 29; Мелюкова, 1964, с. 60; Мартынов, 1973, с. 139], в настоящее время благодаря изысканиям Е. В. Черненко и С. А. Скорого [Черненко, 1971, с. 36; Скорий, 1981, с. 21—25] должно быть оставлено. Согласно подсчетам этих авторов, мечи длиной свыше 70 см составляют около 20% всех находок клинкового оружия скифов, а если учесть и короткие мечи — от 60 до 70 см длиной, то этот процент будет много выше. Скифские мечи, которые в скифском языке назывались специальным термином иранского языкового происхождения — «карта» [Абаев, 1949], отличались от кинжалов-акинаков только размерами клинка (табл. XV, 9—24; XVI). Характерно, что уже самые ранние скифские мечи достигали длины свыше 70 см. Об этом свидетельствует уникальный комплекс

середины VII в. до н. э. из Имирлер на севере Центральной Анатолии (табл. XV, 49) [Ünal, 1982, рис. 1].

Судя по скифским каменным изваяниям VI—IV вв. до н. э. у с. Медерово Кировоградской области (табл. XV, 9) и из Краснодарского музея (табл. XV, 10), мечи носились на поясе справа в вертикальном положении, в ножнах с лопастью, аналогичных ножнам акинаков, причем наличие акинака, висящего на животе, в комплекте с мечом, превышавшим определенную длину, очевидно, около 70 см, видимо, было обязательным. Короткие же мечи, немного превышавшие длину 60 см, могли носиться и без кинжала и, скорее всего, как и последние, также назывались акинаками. Появляются мечи оптимального и даже длинного размера у скифов очень рано — в конце VII в. до н. э (Кармир-Блур) и бытуют до конца изучаемого здесь периода. Как и кинжалы, все скифские мечи только железные.

Клинки скифских, синдо-меотских и савроматских мечей, как и клинки кинжалов, были двух основных типов: *первый* — с параллельными лезвиями, плавно сходящимися у самого конца к острию, ромбовидными или линзовидными в сечении («карасукско-киммерийская» традиция); *второй* — в форме очень вытянутого треугольника, часто с несколькими желобками (кавказская традиция). На клинках второго типа IV в. до н. э. встречаются по нескольку узких вертикальных прорезей.

Надо отметить, что в качестве одной из инсигний власти у скифов служили короткие мечи-акинаки длиной от 60 до 70 см. Именно они отличаются самой роскошной золотой отделкой рукоятей и ножен, именно их находят среди комплексов царских инсигний — специфической формы сосудов, браслетов, шейно-нагрудных украшений, в самых больших и богатых курганах (табл. XVI). К украшению этих мечей обычно привлекались лучшие иноземные мастера, сначала урартские, а позднее греческие. Урартские мастера создавали чисто урартский декор, но включали в него и элементы скифского «звериного» стиля, например, акинаки из Мельгуновского и Келермесского курганов конца VII в. до н. э. (табл. XVI, 1, 2). Греческие торевты делали обкладки ножен, вписывая в скифские формы как чисто греческие сюжеты, выполненные в собственно греческом стиле (табл. XVI, 5), так и скифские композиции из фигур животных, выполненных в манере, подражающей скифскому «звериному» стилю (табл. XIV, 4, 8), а то и в чисто греческом стиле (табл. XVI, 7). Греки Боспорского царства наладили и «серийное» производство золотых оковок скифских парадных мечей: так, известно четыре абсолютно одинаковых, сделанных с одной матрицы оковки IV в. до н. э. (табл. XVI, 5) с композицией, как убедительно показал Д. С. Раевский, на сюжет Троянской войны. Скифские мастера также принимали участие в создании этих мечей: они отделывали золотой чеканкой рукояти в «зверином» стиле (табл. XV, 24; XVI, 4—6, 8), поэтому в целом отделка некоторых скифских парадных мечей оказывалась достаточно эклектичной. В Прикубанье, у синдо-меотов, мечи также получили широкое распространение. Так, к V в. до н. э. на базе кавказских форм клинкового оружия [Смирнов, 1980, с. 39—41] выработался оригинальный тип меча с клинком вытянуто треугольной формы, без перекрестия, с брусковидным навершием. Все синдо-меотские мечи удивительно стандартны по форме, но варьируют по размерам — от 60 до 90 см в длину и от 3,5—4 до 7—8 см в ширину (табл. XV, 25, 26, 29—32). Конструкция ножен и способ ношения меча были, видимо, в целом аналогичны скифским. Мечи синдо-меотского типа стали очень популярны на территории от Закавказья до Дона в IV в. до н. э.

Столь же часто мечи встречаются среди савромато-сарматского наступательного оружия (табл. XV, 33—45), датируемого не позднее начала VI в. до

н. э. [Смирнов, 1961, ц. 9—31, рис. 1—7; Мошкова, 1963], причем среди них особенно часто встречаются именно длинные клинки. Яркие образцы длинных савроматских мечей породили даже упоминавшееся представление, распространенное и по сю пору, о том, что савроматское наступательное оружие именно длинными мечами и отличалось от скифского, не знавшего их. Теперь такое утверждение не представляется правомерным, однако не стоит впадать и в противоположную крайность — полагать, что у скифов мечи, особенно оптимальные и длинные, получили значительно большее распространение: фонд находок савроматских и раннесарматских мечей такой длины продолжает быстро пополняться [Горбунов, Исмагилов, 1976, с. 229—444, рис. 1, 2, 12; Пшеничнюк, 1983, с. 107, табл. VII, 22; XI, 8; XV, 14; XXIII, 16; XXIV, 8], значит, процентное соотношение тут было, видимо, близким в Северном Причерноморье, Прикубанье и донско-уральских степях.

Формы савроматских мечей, особенно VI—V вв. до н. э., близки скифским, хотя имеются и специфические отличия в декоре и в форме наверший. К IV в. до н. э. все шире распространялись отличные от скифских, ставшие абсолютно преобладающими, формы рукояти: перекрестие в виде сломанного под углом бруска и тонкое серпообразное, переходящее в антенное, навершие. Генезис последнего можно выводить из развития тонкого брусковидного и толстого серпообразного наверший, но можно предположить, что определенную роль здесь могли играть и воздействия индийской традиции, переданной через ахеменидский Иран, прямые связи на «высшем уровне» которого с савромато-сарматами засвидетельствованы находкой под Орском предметов царского ахеменидского репрезентативного обихода [Савельева, Смирнов, 1972, с. 106—123].

Мечи большой длины, хотя и в незначительном количестве, зафиксированы и у среднеазиатских саков (табл. XVII, 18—20), в Приаралье VI—V вв. до н. э. и в Семиречье IV в. до н. э. Они близки савроматским. Как и скифские, мечи савромато-сарматов и саков носились на правом боку, часто в комплекте с акинаком [Пшеничнюк, 1983, табл. VII, 23; XI, 1; XXIII, 1; XXXIV, 6], который в этом случае привязывался к правой ляжке. Ножны савромато-сарматских и сакских мечей, видимо, обычно имели, в противоположность скифским, две лопасти по сторонам устья (судя по более поздним образцам), хотя здесь, в отличие от лопастей ножен акинака, функциональной была лишь одна, за которую ножны меча крепились к поясу, тогда как ножны акинака за парные лопасти прикреплялись к ноге (и один ремень от передней верхней лопасти крепил ножны к поясу). Это свидетельствует о том, что здесь и форма самого меча, и форма его ножен целиком развились из форм кинжала.

Функции мечей у скифов, с одной стороны, и у савромато-сарматов и саков — с другой, должны были иметь существенные различия, основанные на том, что для скифов и синдо-меотов был исключительно характерен оборонительный нательный доспех, тогда как у савромато-сарматов он применялся крайне редко, а у саков до второй половины V в. до н. э., видимо, его не было вообще (см. ниже). Можно предположить «внешнюю» причину распространения оптимальных и длинных мечей, появившихся у скифов в качестве оружия тяжеловооруженного всадника для рубки и укола с коня в схватке с конным и пешим противником, также защищенным панцирем, каковым противником в начале скифской истории были ассирийцы, медяне, урарты, персы. Синдо-меоты развили, савроматы заимствовали у скифов такие мечи для борьбы со скифами, а саки переняли у савромато-сарматов для борьбы с последними. Это, кажется, подтверждается тем, что в степях к востоку от Средней Азии мечи не встречаются вообще, да и у саков они были крайне редки, причем бытовали наряду с кинжалами при полном отсутствии коротких мечей. Но и «внутреннее», локальное развитие военного дела обусловило у савромато-

сарматов и части саков в VI—IV вв. до н. э. распространение мечей оптимального и большого размера. Видимо, это связано с развитием у них, как и у скифов, но в меньшей степени, чем дальше на восток, рукопашного конного боя. Но если у скифов меч наряду с длинным копьем становится оружием конного латника для борьбы с конным же латником прежде всего, то у савромато-сарматов и саков длинным мечом должны были поражаться прежде всего пешие воины, вооруженные кинжалами, конь противника — всадника, и лишь в последнюю очередь такой же конный меченосец, защищенный чаще всего только щитом и лишь в редком случае панцирем или шлемом. И если округлые, литые из бронзы (см. ниже) шлемы, использовавшиеся у них в VI—V вв. до н. э., для мечей были совершенно непроницаемы, то прутяные или кожаные щиты (также см. ниже) прорубить было можно, а тем более вывести противника из строя ударом по ноге (что привело, как увидим ниже, у саков к раннему появлению наножного доспеха).

Все же чем дальше на восток, тем более была регулярной и обязательной последняя фаза боя: пешая резня кинжалами, широко распространенная даже и у скифов — той части их воинов, которая не была вооружена длинными мечами или мечами оптимальной длины. Но с течением времени все больше, надо полагать, распространялась традиция вести бой до конца на коне, не прибегая к спешиванию, хотя у сарматов около III в. до н. э. в этом процессе, кажется, наблюдается временная задержка, судя по подавляющему преобладанию у них в этот период в качестве клинкового оружия кинжалов с кольцевидным навершием [Хазанов, 1971, с. 5—14].

Обратимся к востоку Азии: в Китае мечи из бронзы появляются в середине I тысячелетия до н. э. Они представляли собой прямое развитие длинных кинжалов четвертого, «восточночжоуского» типа, которые были приспособлены не только для колющего, но и для рубящего удара (табл. XVII, 22—24). Можно предположить, что процесс удлинения клинка, превративший кинжал в меч, произошел в царстве Чу, поскольку именно на его территории сосредоточено большинство находок мечей.

Мечи ванов царств Юэ и У V—IV вв. до н. э. (табл. XVII, 34, 36), на которые обычно ссылаются, утверждая южное происхождение китайских мечей, ничем не отличаются от чуских и могли быть выполнены по чуским образцам либо просто чускими, т. е. подаренными, купленными, захваченными в бою. Как бы то ни было, археологические данные пока говорят за то, что меч в Китае происходит с территории южнее р. Янцзы.

Ранние мечи от предшествовавших им кинжалов отличаются только размерами — 60—80 см. Ручка чаще, чем у кинжалов, имеет два, реже больше, «надетых» на нее горизонтальных диска, которые, казалось бы, должны только мешать, натирая своими краями ладонь. Однако находка в г. Чанша (табл. XVII, 27) показала функцию дисков: рукоять между навершием и перекрестием обкладывалась толстым слоем шелковой ваты, обматывалась тканью и обвязывалась шнуром. В таком виде рукоять была мягкой и удобной, так как диски не давали вате сбиваться и, немного выдаваясь из мягкой обкладки, мешали скольжению руки. Как и длинные кинжалы, мечи имеют плоские подпрямоугольные перекрестия, обычно с закругленными верхними углами, прямоугольным вырезом на верхнем крае и подтреугольным выступом на нижнем. И клинок часто имеет более узкую нижнюю треть с плавным вогнутым переходом к ней, а наряду с ребристыми клинками встречаются, хотя и реже, клинки с очень широким долом. Мечи высшей знати отличались, как и длинные мечеподобные кинжалы, очень богатой отделкой: золотой и бирюзовой инкрустацией, резьбой и гравировкой на рукояти (перекрестии и навершии); клинки покрывались инкрустированными золотом надписями с именем владельца; клинки, отлитые из бронзы и прокованные, украшались

геометрическим узором, выполненным в технике инкрустации металлом другого сорта с дальнейшей проковкой, т. е. в технике так называемого «холодного дамаска» (табл. XVII, 29, 36). Особенно искусно оформлены рукояти мечей и мечеподобных кинжалов на востоке Китая, где встречаются перекрестия в виде параллелепипеда и навершия такой же формы, V в. до н. э. (табл. XVI, 3). Как стало ясно из выдающейся по своему богатству находки погребения хоу по имени И, правителя владения Цзэн в уезде Суйсянь пров. Хубэй [Краткий отчет о раскопках могилы цзэнского хоу И, 1979], именно здесь, в Цзэн, находился центр выделки литых бронзовых изделий, виртуозно исполненных в специфическом декоративном стиле, основу которого составляет сложнейшее переплетение мелких, однообразно повторяющихся спиралевидных и скобообразных элементов. Именно к этому кругу памятников принадлежит известная золотая рукоять меча или мечеподобного кинжала, хранящаяся в Британском музее (табл. XVII, 41),—один из самых замечательных образцов декоративного оформления оружия в мировой истории искусства. В этом же погребении хоу И на бронзовых фигурах придворных, служивших опорами для балок, на которые подвешивался набор колоколов, видно, как меч или мечеподобный длинный кинжал держался слева на поясе в диагональном положении при помощи скобы, прикрепленной выше середины ножен. Пояс продевался сквозь скобу, либо ножны затыкались за пояс, а через скобу пропускался дополнительный ремень, концами прикрепленный к поясу (табл. XIII, 1—3; XVII, 22, 28). Сами ножны, судя по находкам и изображениям (табл. XIII, 1, 16, 40, 47; XVII, 27, 28), повторяли форму клинка с его характерным сужением нижней трети, но на конце расширялись и часто увеличивались трапециевидным нефритовым наконечником-бутеролью (табл. XIII, 50, 59; XVII, 38а, 39а). Ножны изготовлялись из дерева и покрывались лаком, иногда с росписью.

К концу IV и особенно в III в. до н. э. в развитии китайских мечей происходят существенные сдвиги: все шире начинает применяться железо и увеличивается длина клинков. На юге длинные, до 100 см мечи все еще делались из бронзы (табл. XIII, 31), но на северо-востоке мы встречаемся уже с массовыми находками железных длинных мечей (табл. XVII, 40). Изменения наблюдаются и в других аспектах: клинки длинных мечей становятся уже, рукоять также удлиняется, чтобы можно было действовать мечом двумя руками. Этот признак говорит о том, что двуручные длинные мечи предназначались в данном случае прежде всего для пеших воинов (обычно в литературе резкое увеличение длины меча автоматически связывается с развитием конницы, с потребностями всадников), пешего боя. Аналогией этому в последующей истории оружия могут послужить примеры западноевропейских гигантских мечей ландскнехтов XVI в., а также мечей и сабель — двуручных, с клинками увеличенного размера — Индии и Китая XVII—XIX вв. [Stone, 1961, с. 642—644]. Правда, в период средневековья в Европе и Японии сражались и всадническими дву- и полутораручными мечами и саблями, но и там они использовались в основном при спешивании, а применение их с коня требовало, при действии обеими руками, исключительно высокого умения в верховой езде, которым в полной мере обладали средневековые воины-феодалы, но что для древнего Китая непредставимо (к тому же, судя по всем данным, длина японских рукоятей обусловлена была еще и тем, что они не имели навершия-ограничителя, и рукоять при сильном взмахе могла бы, будучи нормальной длины, выскочить из кисти). Длинные мечи конца периода Чжаньго держались на портупее при помощи уже известной скобы, но теперь из-за длины меча не затыкались за пояс, а привешивались к специальному ремешку, пришитому одним концом к поясу, а другим — пристегивавшемуся к нему при помощи пряжки (табл. XVII, 21).

Железные мечи часто имели изготовленные отдельно и надетые на них бронзовые и нефритовые шайбообразные навершия и перекрестия; впрочем, навершия, сделанные отдельно, могли иметь и бронзовые мечи (табл. XVII, 38). Наряду с мечами новых модификаций бронзовые мечи классического типа продолжали использовать в Китае еще столетиями позже. Длинный железный меч в Китае (как и панцирь из металла) со времен Б. Лауфера принято связывать с влиянием ираноязычного населения Евразии, переданным в Китай хуннами [Laufer, 1914, с. 230 и сл.]. Однако это справедливо для мечей лишь отчасти — в плане применения железа, действительно сначала употреблявшегося для клинков на севере Китая, и длины клинка. Но здесь применение длинного меча было иным, чем в степях, а сами элементы его — чисто местные, выработанные в Китае для кинжалов «восточночжоуского» типа. В силу своей высокой функциональности такие элементы как шайбовидные навершия, специфическая форма перекрестия, скоба на ножнах для подвески и даже форма наконечника ножен, были восприняты из Китая кочевниками северо-западных его приграничий — хуннами, сако-юэчжийскими племенами (табл. XVII, 21) и в последние века до нашей эры занесены ими далеко на запад.

В Китае мечам и мечевидным кинжалам придавалось большое сакрально-магическое значение. Их изготовление нередко считалось волшебством и окутывалось тайной, им приписывали половое разделение, поэтому они могли изготовляться парами — меч «самка» и меч «самец», им приписывалась самостоятельная жизнь — «рассерженный» меч мог сам отомстить плохому хозяину или отомстить за хорошего [Шефер, 1981, с. 345]. Эти представления были характерны как для хуасцев, так и для их соседей.

Завершая рассмотрение истории меча на древнем Востоке, мы можем отметить, что она весьма сложна и противоречива. Неравномерное распространение и развитие меча на Востоке было связано с большим и сложным комплексом локальных условий, из которых первостепенным была военно-тактическая традиция в каждом из регионов, определявшая его применение и модификации, а также характер оборонительного вооружения. При возникновении насущной необходимости в нем он заимствовался в любом коллективе, вне зависимости от уровня производства (бывшего, впрочем, достаточно схожим по технологическим параметрам практически на всей изучаемой территории) и развития производственных отношений.

4. ОДНОЛЕЗВИЙНОЕ КЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ БЛИЖНЕГО БОЯ

Под этим названием мы объединяем большую группу разнообразных видов наступательного оружия, характеризуемых основным признаком: наличием одного лезвия на клинке и главной функции — быть рубящим оружием. В сущности, сюда можно отнести уже длинные широкие боевые ножи, описанные выше, но здесь мы рассмотрим более мощные типы.

Древнейшие, причем практически во всем разнообразии форм, однолезвийные виды клинкового оружия ближнего боя известны для Месопотамии по меньшей мере с середины III тысячелетия до н. э. Уже в Кише раннединастического периода использовали плоские бронзовые серпообразные клинки длиной 50—60 см, т. е. с лезвием на внутренней, вогнутой стороне изогнутого клинка, двух типов: первый — с одним изгибом (табл. XVII, 3—6) и второй — двоякоизогнутые (табл. XVIII, 1, 2), рубящие не только и не столько вогнутой, сколько продолжающей ее выгнутой стороной клинка. Концы этих клинков

закругленные или в виде тупого треугольника, изредка выделен более узкий хвост — черенок. Рукоятью, видимо, служил костяной или деревянный брусок, в пропил которого клинок вставлялся и закреплялся в рукояти обмоткой и проклейкой.

Обе разновидности клинков нередко встречаются на месопотамских изображениях III тысячелетия до н. э. (табл. XVIII, 7, 8). К концу его окончательно вырабатывается «классическая» форма специфического секача, получившего широкое распространение на Ближнем Востоке несколько позднее. Найденные в Телло (Нгирсу) бронзовые образцы (табл. XVIII, 9, 10) представляют собой массивные, с центральным ребром либо долами клинки около 40 см в длину, двояковыгнутые, с округлым либо волютным концом, без перекрестия; рубящая часть у них на нижней половине; один из секачей имеет плоскую спинку, у другого, может быть, заточены оба лезвия рубящей части, и он мог использоваться и как секира с длинным округлым лезвием, и как боевой серп.

Происхождение двояковыгнутых секачей достаточно ясное: они восходят к секирам с двояковыгнутой рукоятью и изогнутым клинком с лезвием на выпуклой стороне, прикрепленными к верхней половине древка, чрезвычайно популярным в Месопотамии, судя по многочисленным находкам и изображениям, с середины III тысячелетия до н. э. (см. ниже). В конце III тысячелетия до н. э. такой секач становится известен и в Эламе (табл. XVIII, 11).

В Северной Сирии, в Эбле, на изображении конца III — начала II тысячелетия до н. э. мы видим массивные, двояковыгнутые серпообразные клинки с расширенным и заостренным концом (табл. XVIII, 22), лезвие их двояковыгнутое, тогда как спинка имеет один изгиб.

С начала II тысячелетия до н. э. двояковыгнутый секач особенно широко распространяется на запад от Месопотамии, вероятно, с передвигавшимися «сутийскими»-западносемитскими племенами [ИДМ, т. 1, с. 230].

В Месопотамии в первые столетия II тысячелетия до н. э. продолжали бытовать как архаичные секачи, типа найденных в Кише, так и секачи развитой двояковыгнутой формы (табл. XVIII, 12—16). Судя по их многочисленным изображениям (к сожалению, находки реальных экземпляров в Месопотамии этого периода пока неизвестны), секачи всех разновидностей являлись там излюбленным оружием высшей знати, инсигниями царей, военачальников, считались также и оружием богов.

В XIX в. до н. э. много двояковыгнутых секачей изготовлялось в Сирии-Палестине (табл. XVIII, 17—20). Все они имеют «классическую» двояковыгнутую форму, с характерным еще с конца III тысячелетия до н. э. «коленом» на пятке лезвия, и мощное центральное ребро. Как и у «классических» месопотамских образцов, эти клинки имеют плоский узкий хвост — черенок для насаживания на круглую, расширяющуюся кверху рукоять без перекрестия. Но в Библе был найден секач с «рамочной», самой старой этого типа рукоятью с маленьким перекрестием и оттянутым назад вниз навершием (табл. XVIII, 18).

Благодаря «азиатам», проникавшим в Египет, в Дельту на рубеже III и II тысячелетий до н. э. и захватившим его север (под названием гиксосов) в XVIII в. до н. э., секачи стали уже в XIX в. до н. э. известны в Египте. И если экземпляр, найденный в Абидосе, еще можно считать азиатским (табл. XVIII, 17), то секач из Библа (табл. XVIII, 19), судя по декоративному оформлению ребра в виде священной кобры и по картушу с именем фараона Аменемхета III, изготовили египетские мастера. Все же в это время секач в Египте еще не стал обычным, широко распространенным оружием, так как не встречается на многочисленных изображениях рядовых воинов. Да и библосский экземпляр — свидетельство того, что в Египте секач считался, совершенно справедливо, инсигнией царей «азиатов» и, видимо, как таковой был изготовлен

и отправлен в качестве подарка от фараона к правителю Библа либо в качестве знака царской власти, понятного местным жителям, египетскому наместнику Библа. Только после гиксосского владычества секач становится чрезвычайно распространенным оружием в Египте, известным под названием *хопеш*. Он продолжает оставаться там царским оружием: именно хопеш всегда является клинковым оружием в руках фараона на всех соответствующих изображениях времен Нового царства (табл. XVIII, 29, 36—39, 43). Прекрасные его образцы были найдены в гробнице Тутанхамона (табл. XVIII, 33, 34). В середине II тысячелетия до н. э. наряду с «классическим» вариантом клинка, у которого теперь стали косо обрезать конец, египтяне применяли широкий короткий, с коленом на пятке хопеш, с заостренным концом (табл. XVIII, 38), а также секач с тонким клинком, несущая часть которого была прямой, а рубящая, притом, вероятно, обоюдоострая, серпообразной (табл. XVIII, 28) (с острым тонким концом, поэтому оружие это, судя по его обилию в нарисованных на стенах гробниц арсеналах [Muller-Karpe, 1980, табл. 18], было рядовым, обычным). Им можно было рубить как секирой, резать как серпом, а при случае еще и колоть. Похоже, что клинки такой формы были заимствованы из Северной Сирии, поскольку их изображения мы встречаем на «сиро-хеттских» («хурритских», «митаннийских») печатях (табл. XVIII, 26). Уникальный образец изогнутого однолезвийного клинка в виде очень короткой «сабли» с острым колющим концом среди прочих модификаций хопеша был создан в Египте (табл. XVIII, 41), но не получил там широкого распространения. Секачи же «классической» модификации — двояковыгнутые — в XIV—XII вв. до н. э. очень широко применялись по всему Ближнему Востоку — в Египте, Палестине-Сирии (табл. VIII, 30—35, 44—47), реже — в Месопотамии (табл. VIII, 49) и Малой Азии (табл. VIII, 50). Рукояти преобладали «рамочные», с маленькими перекрестиями-выступами и оттянутыми вниз навершиями — форма, возникшая в Финикии в начале II тысячелетия до н. э. Только египтяне в коротких, часто богато украшенных экземплярах превращали в рукоять всю несущую часть секача, делая ее круглой в сечении, плавно расширяющейся, переходящей в лотосовидную шайбу на конце (табл. XVIII, 28, 29, 36—40).

Секачи с коротким широким клинком неоднократно встречены в материалах из Нузы XV в. до н. э. (табл. XVIII, 23—25), и не исключено, что они являются подражанием египетским образцам, как египтяне заимствовали в это же время хурритские секачи.

Что касается степных культур Восточной Европы, то единичные экземпляры секачей, датируемые последней третью II тысячелетия до н. э. (табл. XVIII, 52), встречаются и там: это мощное оружие длиной около 40 см, очень похожее на настоящий египетский хопеш, но оформленный в чисто местной традиции — с рукоятью, «составленной» из двух дуг. Типичная срубно-андроновская рукоять соединена с широким изогнутым клинком с режущей выпуклой стороной и фигурными выступами — зооморфными (?) — на обухе. Эти детали и сама редкость, нетипичность, даже уникальность этого оружия в степных культурах заставляют предполагать, что использовалось оно здесь в основном в ритуальных целях.

Обычная длина «классических» двоякоизогнутых секачей — 50—70 см, но существовали и более короткие, и более длинные. Несомненно, секачи были исключительно эффективным рубящим оружием, применявшимся, судя по всем источникам, только в пешем бою. На наш взгляд, именно их популярность на Востоке препятствовала возникновению, а после заимствования в XIII в. до н. э. также и широкому распространению там мечей: секачи выполняли функцию клинкового рубящего оружия, а функцию колющих клинков выполняли кинжалы. И только начиная с первых веков I тысячелетия до н. э. меч, оптимально сочетающий в себе рубящую и колющую функцию,

вытесняет на Ближнем Востоке служившие полтора тысячелетия секачи. Однако и в I тысячелетии до н. э. секачи использовались в Ассирии, но уже как ритуально-парадное оружие, традиционная, древняя инсигния в руках царей (табл. XVIII, 54—56); их лезвия оформлены рядом округлых фестонов, повышающих эффективность удара.

Клинки конца VI в. до н. э. с вогнутым лезвием и горбатой спинкой встречаются на Северном Кавказе (табл. XVIII, 61—63), а VII—VI вв. до н. э. особенно часто в Волго-Камье (табл. XVIII, 64—69). Позднее — в V—IV вв. до н. э.— они были у савроматов (табл. XVIII, 75). Можно полагать, что такие клинки были и у скифов во второй половине VII—VI в. до н. э., судя по центральноевропейским клинкам с рукоятями, оформленными в скифском «зверином» стиле и датированными VI в. до н. э. [Ginters, 1928, табл. 13 b, d; 15 b; Мелюкова, 1979, рис. 35, 10]. Более того, изогнутый однолезвийный клинок обнаружен у одного из биметаллических северокавказских «кинжалов» VIII — первой половины VII в. до н. э. Длинными и более короткими однолезвийными крупными клинками иногда пользовались скифы (табл. XVIII, 71—74). В ряде случаев они могут быть подражанием греческой махайре, но не менее вероятно, что они отражают развитие традиции, заимствованной с Кавказа. Кроме изогнутых в скифском материале имеется и несколько прямых длинных клинков с одним лезвием (табл. XVIII, 72—74). Подобные однолезвийные клинки являются просто половиной обычного скифского меча, причем и от рукояти в такой однолезвийной модификации остается тоже половина. Надо отметить, что однолезвийные клинки у скифов бытовали в IV в. до н. э. и представляют в скифском материале сравнительную редкость.

Изогнутые клинки с одним лезвием, видимо, довольно часто использовались в ахеменидском войске, судя по находкам в Персеполе и греческим изображениям персидских воинов (табл. XVIII, 57—59), в чем, может быть, сказалось влияние оружейной традиции Северной Сирии.

Изогнутые однолезвийные клинки становятся характерным оружием позднеахеменидской конницы, что зафиксировано Ксенофонтом в конце V в. до н. э. в его описании всадников войска Кира Младшего (Анабасис I, VIII, 7).

Более того, Курций Руф сообщает, что Дарий III приказал перевооружить персидскую отборную конницу, заменив прежние акинаки махайрами (Курций Руф III, III, 6). Видимо, Дарий просто продолжал осуществлять начинание Кира Младшего. Великолепная рукоять персидской махайры была найдена на юге Средней Азии (табл. XVIII, 60). Вырезанная из слоновой кости, она напоминает греческие рукояти махайр, в том числе и обнаруженных там же [Пичикян, 1980], но отличается сечением, пропорциями и, главное, навершием, представляющим собой голову орлиного грифона типично ахеменидского стиля. Вместе с тем на мозаичной копии II в. до н. э., сделанной с живописного оригинала IV в. до н. э. «Битвы Александра с Дарием», знатные персидские воины сражаются короткими изогнутыми, сужающимися книзу клинками местного, а не греческого оформления (табл. XVIII, 59). Видимо, персидская традиция изогнутых однолезвийных клинков продолжала существовать наряду с греческим заимствованием. Отличались они, скорее всего, тем, что у персидских клинков была заточена выгнутая сторона, и это придавало ему свойства короткой сабли, тогда как у махайры лезвие было с вогнутой стороны. Рубящий эффект махайры был более сильным, чем у персидских клинков, но она была намного тяжелее, что было, видимо, не по вкусу изнеженной персидской аристократии (Киропедия VIII, VIII, 15, 23), сохранившей свое, более легкое оружие. Боевые же свойства серпообразных клинков Ксенофонт не зря считал превосходными и рекомендовал использовать для экипировки конного воина.

В Китае к III—II вв. до н. э. на основе ножей «карасукского» типа с кольцевым навершием изготавливается железное прямое однолезвийное оружие,

которое стало самым популярным в конце I тысячелетия до н. э.— первых веков н. э. на всем Востоке и в центре Азии. Именно это оружие позднее породило классическую саблю [Горелик, Вооружение...], первые опыты создания которой принадлежат древнему Востоку.

Обычно представляется, что широкое использование однолезвийных рубяще-режущих клинков — прерогатива восточного средневековья и связано с появлением, развитием и распространением сабли. Однако, как мы увидели, рубяще-режущее однолезвийное клинковое оружие было весьма широко распространено и активно применялось в ряде регионов древнего Востока уже начиная с III тысячелетия до н. э. Но все изобретения такого рода оказались разрозненными и относительно несовершенными. Так, переднеазиатские секачи III—II тысячелетия до н. э. не дали продуктивной линии развития, поскольку не «дожили» до эпохи распространения железа; ведь для конников, для которых однолезвийные рубяще-режущие клинки являются наиболее эффективными в бою, такие секачи были слишком коротки, а увеличение размеров их бронзового клинка делало тяжесть оружия слишком большой для стремительной конной схватки. Да и в железном варианте увеличенные секачи оказались бы недостаточно маневренными в действии из-за относительной их громоздкости.

Скифские железные однолезвийные клинки, вполне подходящие всадникам по размерам, также не привели к оптимальному результату, поскольку конструктивно оставались лишь половинами мечей, да и сама культура скифов вскоре после появления в ней однолезвийных клинков была сметена сарматским нашествием. Единственно перспективной оказалась китайско-хуннская идея удлинения железного ножа (что, собственно, было возрождением еще древних, «карасукского», VIII—VII вв. до н. э., времени, центральноазиатских единичных опытов по удлинению бронзовых ножей), но развитие на основе этой идеи сабли началось только в начале I тысячелетия до н. э.

На наш взгляд, появлению полноценной сабли на древнем Востоке (а потребность в ней возникла вместе с зарождением конного рукопашного боя) помешали в целом причины чисто технологического характера: принципиальная невозможность пользования бронзовой саблей и недостаточно высокий уровень выделки железных клинков, так как для сабли требуется клинок из весьма высокосортной стали.

5. БОЕВЫЕ ТОПОРЫ

Боевые топоры являются клинково-древковым оружием ударно-рубящего действия и одним из древнейших видов оружия ближнего боя. Благодаря своей огромной эффективности, связанной с относительной тяжестью и массивностью клинка, сочетавшейся с малой, концентрирующей силу удара поверхностью поражения, и большим рычагом — рукоятью, а также относительной простоте изготовления топор был изначально самым распространенным оружием боя на короткой дистанции. К выгодным качествам топоров следует отнести и большую универсальность, поскольку большинство их разновидностей годятся для боя как с легковооруженным противником, так и с противником, снабженным защитным вооружением, в том числе и металлическим. Вместе с тем очень большая вариабельность, присущая формам топоров, позволяет, изменяя формы и размеры клинка, длину рукояти, создавать более специализированные или, напротив, более универсальные разновидности этого оружия. Более того, топору можно придавать комбинированные сочетания поражающего действия за счет дополнительных поражающих элементов на обухе. Пожалуй, единственным отрицательным

качеством топора можно считать меньшую точность поражения, так как лезвие его не составляет «продолжения» руки воина и отстоит от кисти руки довольно далеко, да еще под двумя углами — между рукой и древком и между древком и клинком. Тяжелый ударный конец оружия, дающий столь высокий эффект, одновременно снижает удобство в пользовании. Но эти отрицательные моменты оружия сглаживаются пропорционированием масс и объемов его основных составляющих — древка-топорища и клинка, а также, разумеется, тренировкой, выучкой воина.

Благодаря своей массовости и вариабельности топоры служат высокоинформативным археологическим источником для решения самых разнообразных проблем. Однако здесь нас будут интересовать только их функциональные, военно-тактические особенности. Оговорим здесь термин «секира»: под ним мы понимаем боевой топор, у которого длина лезвия превышает горизонтальную длину клинка, что делает топор в большей степени секуще-режущим оружием, нежели раскалывающим.

Наиболее ранний комплекс всех основных типов боевых топоров из металла вполне развитых форм известен с территории Месопотамии и датируется концом IV — первой половиной III тысячелетия до н. э. Уже от убайдского времени IV тысячелетия до н. э. дошли глиняные модели явно бронзовых, судя по проуху, топоров (табл. XIX, 1—4) с трапециевидным клинком и длинным прямым лезвием, с прямоугольным узким клинком и округлым коротким лезвием, а также секира с широким, округлым, оттянутым книзу назад лезвием. Оба типа имеют развитый обух, который не только уравновешивал клинок на древке, но и использовался как поражающий элемент ударного действия. Функциональное назначение обуха бронзовым топорам досталось в наследство от каменных: он придавал дополнительную прочность относительно хрупкому каменному изделию, в котором высверливалось широкое отверстие-проух.

К середине III тысячелетия до н. э. в Месопотамии вырабатываются четыре основных типа боевых топоров, представленные разнообразными вариантами. Типы первый и второй характеризуются узким горизонтальным подпрямоугольным клинком, типы третий и четвертый (топоры-секиры) — клинком с округлой боевой частью. Топоры с подпрямоугольным клинком имеют прямое короткое лезвие — это тип первый (табл. XIX, 11, 13—15, 32, 32а, 34—36, 38), либо, гораздо чаще,— лезвие от верхнего внешнего угла клинка до нижнего внутреннего плавно закругленного, так что образуется угол — острие, и это второй тип, который приобретает не только и не столько ударно-рубящую, сколько ударно-колющую функцию (табл. XIX, 5—10, 12, 16, 31). Очень часто клинки оттянуты немного вниз для усиления раскалывающего эффекта удара. Проух обычно цельноотлитый, в виде короткой или длинной трубки, часто со скошенными для лучшего упора краями, но иногда проух свернут из одной полосы с клинком, а иногда встречается цельноотлитый обух в виде нескольких шипов или полулуния.

Третий тип — топоры-секиры — встречается очень редко, он с массивным клинком и полукруглым лезвием и проухом (табл. XIX, 26, 27). Длинный вогнутый упор на проухе сзади говорит о том, что древко в верхней части было отогнуто назад для усиления рубяще-режущего свойств клинка. Концы клинка загнуты назад и раскованы в полуобоймы, накладывавшиеся на древко. Разновидностью этого клинка были плоские, довольно узкие и длинные, крепившиеся к древку в пропилы в нем при помощи отверстий в клинке на концах и в выступе в середине спинки (табл. XIX, 23, 25). Четвертый тип месопотамских топоров III тысячелетия до н. э.— также секира — характеризуется длинным узким полулунным клинком, крепившимся в пропилы древка заклепками или веревками, пропущенными через отверстия на концах и в середине клинка, или приклепывавшимися к специальным металлическим обоймам на древке (табл. XIX, 24, 33, 37, 39—41). Древко при этом имело изгиб

соответственно изгибу спинки клинка. В собранном виде топор этого типа представлял собой секиру исключительно рубящего действия.

Уникальным является найденный в «царском» некрополе Ура топор с двусторонним симметричным клинком округлой формы, с круглыми отверстиями и трубчатым проухом (табл. XIX, 26), на котором отлита крестообразная выпуклость, свидетельствующая о том, что прототип данного топора проуха не имел и врезался в пропил древка, где его закрепляли веревочными или кожаными обмотками крест-накрест. Поскольку материалом для топора послужило золото, значит, данный предмет являлся инсигнией власти и (или) ритуальным оружием.

Можно полагать, что топоры с длинными полукруглыми лезвиями были заимствованы в Месопотамию из Сирии-Палестины. Там изготовлялись плоские, без проуха, варианты еще в конце IV — первой половине III тысячелетия до н. э. (табл. XIX, 48, 50). То же мы наблюдаем и в Египте (табл. XIX, 50, 53, 56, 78, 80—87). Следовательно, именно в египетско-палестинском регионе возник и развился тип плоского, без проуха, топора с длинным округлым лезвием, как со сплошным клинком, так и с клинком с вырезами. (В сущности, видимо, полулунными ножами, вставленными вогнутой спинкой в древко, являются египетские прототипы таких топоров.) Наряду с ними в Сирии-Палестине (но не в Египте, где плоские клинки оставались единственными за всю фараоновскую эпоху) с V тысячелетия до н. э. использовались и боевые топоры с подпрямоугольным горизонтальным клинком и коротким прямым или слегка закругленным лезвием (табл. XIX, 49). На севере сиро-месопотамского региона со второй половины III тысячелетия до н. э. применялись исключительно массивные топоры с трапециевидным клинком, который был усилен ребром вдоль верхнего горизонтального края, чуть закругленным и слегка оттянутым назад книзу относительно длинным лезвием и опущенным цилиндрическим проухом, обух отсутствует (табл. XIX, 43, 91). Преобладание топоров с преимущественно раскалывающим или с рубяще-режущим действием в разных регионах симптоматично. В Месопотамии до последней трети III тысячелетия до н. э. полностью преобладали топоры с первым их эффектом (табл. XIX, 5—22, 26—32, 34): оружейники здесь явно были ориентированы на изготовление оружия, пробивающего бронзовые и медные шлемы, большие, усиленные металлическими накладками щиты. Начиная со времени династии Аккаде, с исчезновением щитоносной фаланги и преобладанием рассыпного строя [ИДМ, т. 1, с. 66], длиннолезвийные секиры становятся здесь главным видом рубящего оружия ближнего боя (табл. XIX, 37, 39—42). Более того, секира оказала влияние и на клинковое оружие: именно от нее произошли секачи, о которых говорилось выше, причем нередко на изображении трудно определить, какой из видов оружия перед нами, настолько идентична их форма и функция при конструктивном отличии.

Одновременно можно отметить (во всяком случае, для сиро-месопотамского региона) и нарастание специализации топоров. Если в середине III тысячелетия до н. э. наиболее массовыми были типы топоров, обладавшие наряду с основным раскалывающим эффектом, в некоторой степени и режущим действием (табл. XIX, 5—10, 12, 16—31), то в последней трети этого тысячелетия наблюдается резкая дифференциация, с одной стороны, секир, с другой — топоров с узким прямоугольным клинком и коротким лезвием (табл. XIX, 35, 36, 38, 45, 46, 71, 92), рассчитанных только на раскалывание (последние использовались, вероятно, именно для пробивания шлемов). Такое резкое разделение боевых топоров по функциям следует связывать с влиянием сиро-палестинской традиции, где подобную дифференциацию, при отсутствии сколько-нибудь полифункциональных форм, можно наблюдать еще с конца IV тысячелетия до н. э. и всего III тысячелетия до н. э.

В Египте, где широкое распространение панциря относится к относительно позднему периоду, а шлемы из твердых материалов не применялись практически никогда, длиннолезвийные топоры-секиры преобладали очень долго, так как вполне удовлетворяли требованиям боя с бездоспешным противником, не знавшим плотных, закрытых построений,— нубийцами, ливийцами, по незащищенным телам которых секирами наносились огромные раны. В Сирии-Палестине же в отличие от Африки панцири и шлемы использовались до II тысячелетия до н. э., но, скорее всего, крайне редко, а при отсутствии там фаланги — сомкнутого строя копьеносцев, прикрытых щитами,— широкое применение секир было волне оправданным.

В Малой Азии с середины III тысячелетия до н. э. использовали и проушные массивные топоры с более или менее вытянутыми трапециевидными клинками с закругленным лезвием (табл. XIX, 62—63). Известны были и заимствованные из Восточного Средиземноморья секиры, с узким, плоским, полулунной формы клинком с отростком в середине спинки; клинки соединяли с древками, вставляя их в пропилы в древке и привязывая их к древкам веревкой, которую пропускали сквозь отверстия в клинках и соответствующих местах в древках (табл. XIX, 64, 65). Применялись также и двулезвийные топоры (табл. XIX, 61), воспроизводившие в бронзе формы каменных топоров Европы и запада Малой Азии. Оригинальными представляются топоры-секиры, клинки которых имели полукруглые лезвия и прямую спинку, к которой в середине приставлен низкий цилиндрический проух с плоским асимметрично округлым, оттянутым вниз обухом (табл. XIX, 59, 60), причем иногда лезвия этих секир были зубчатыми, что должно было повышать их раздробляющий эффект, но почему-то «зубчатость» не получила распространения.

Массивные проушные топоры с подпрямоугольным клинком во второй половине III тысячелетия до н. э. постепенно распространяются с Ближнего Востока на Кавказ (табл. XX, 1—11, 23—27), а оттуда — в Предкавказье (табл. XX, 14—22). Здесь особенно сильным оказалось влияние форм месопотамских топоров с закругленным нижним краем и восточносредиземноморских с оттянутой вниз втулкой проуха.

Следует отметить, что на территориях к северу от Кавказа, в степной зоне Евразии, боевой топор был основным оружием рукопашной схватки, далеко превосходя по эффективности местное клинковое оружие, еще очень слабое, короткое и примитивное. И не случайно обилие в этом регионе великолепно выделанных боевых топоров, каменных по преимуществу, давших название «культура боевых топоров» целому комплексу археологических культур западной, центрально- и восточноевропейской частей степной зоны Евразии (хотя подобное название можно распространить и на степные культуры Поволжья, Приуралья, Казахстана). При этом каменные топоры (табл. XXII, 50, 51, 54—57, 64) в массе своей можно лишь весьма относительно считать рубящим оружием: чисто ударный эффект, приближающий их по действию к булаве, был у них выражен много сильнее.

Обратимся к территориям, лежащим далеко на юге от Кавказа. Для Сузианы и Луристана, для Восточного Ирана III тысячелетия до н. э. характерны были заимствованные с Ближнего Востока (а иногда и просто вывезенные оттуда отдельные экземпляры) боевые топоры с трубчатым проухом и подпрямоугольным клинком с закругленной нижней стороной, заточенной в лезвие (табл. XIX, 6, 8, 69, 71—74, 79), и с трапециевидным клинком с закругленным лезвием (табл. XIX, 70, 75, 76).

Специфичны бронзовые боевые топоры Восточного Ирана середины — второй половины III тысячелетия до н. э. (табл. XX, 32—35), где на трубчатом проухе с одной стороны имеется узкий, подпрямоугольной формы клинок с коротким прямым лезвием либо трапециевидный с закругленным лезвием,

с другой же стороны проуха всегда также поражающий элемент — тесло, четырехгранное мощное острие, либо такой же клинок.

Подобные двухклинковые, обычно с топором и теслом на одном проухе топоры, скорее всего, заимствованные из Восточного Ирана, были распространены и в Индии второй половины III — начала II тысячелетия до н. э. (табл. XX, 39, 40). Надо полагать, они, как и в Иране, использовались и в бою, и в работе. То же можно сказать и о разновидностях топоров местного происхождения. Главной их особенностью является то, что все они были плоские, без проуха и вставлялись в древко в пропил на нем с последующей обмоткой веревками или ремешками. Хараппские боевые топоры двулезвийные, часто с симметричными, полулунными лезвиями (табл. XX, 41—43).

В начале II тысячелетия до н. э. топор в Месопотамии продолжал оставаться важнейшим оружием ближнего боя. О его значении говорят не только археологические находки самих топоров, для этого времени немногочисленные; топоров много на изображениях: в руках царей, военачальников, богов (табл. XX, 46—58). Надо сказать, что и в III тысячелетии до н. э. идеологическая значимость боевого топора вполне соответствовала его боевой значимости. Большую роль топор играет в эпосе о Гильгамеше в качестве основного наряду с кинжалом оружия героя, которое он видит во сне, которым клянется, которым поражает чудовище Хумбабу [Эпос о Гильгамеше. 15, 21, 23, 25, 27]. Топор мы видим и в руках Нарам-Суэна на его стеле похода на лулубеев (табл. XIX, 35). Но чаще он встречается на изображениях Старовавилонского периода, причем не только в руках персонажей высшего ранга, но и в руках рядовых, хотя и отборных воинов (табл. XX, 52), которые еще с середины III тысячелетия до н. э. применяли в качестве наступательного оружия одновременно топор и копье и были защищены шлемом и нередко мягким панцирем, хотя и не имели щита, так как обе руки у них были заняты оружием нападения (табл. XIX, 29, 30, 36, 37). Одновременное использование в бою топора и копья ярко запечатлено на рельефе Старовавилонского периода (табл. XX, 58). Боевые топоры Месопотамии с начала II тысячелетия до н. э. уже не столь разнообразны по форме. Узкие плоские полулунные секиры с клинком, врезанным в изогнутую верхнюю часть древка, видны на изображениях только в руках богов [Brentjes, 1981, рис. 104; Gamber, 1978, рис. 94], видимо, их постепенно заменили описанные выше секачи.

Из топоров Месопотамии II тысячелетия до н. э. можно выделить три основных типа: топоры сирийского происхождения с трапециевидным клинком с немного округлым лезвием и спущенным цилиндрическим проухом (табл. XX, 94); месопотамские по происхождению топоры с прямоугольным вытянутым клинком и коротким прямым либо слегка расширенным округлым лезвием, с цилиндрическим обухом высотой с ширину клинка, окаймленным рельефными валиками (табл. XX, 46, 48—51, 53, 58); наконец, третий, заимствованный, как и первый, из Сирии, являлся этапом развития старого типа полукруглых клинков с двумя полукруглыми же вырезами на спинке. Но теперь они были уже не плоскообушными, а надевались на древко при помощи длинного трубчатого проуха (табл. XX, 52).

В Сирии-Палестине около XIX в. до н. э., откуда эти топоры происходят, их формы несколько более разнообразны (табл. XX, 59—74): кроме полукруглой они имеют часто вытянутую, овальную форму. В отличие от старых образцов плоских форм теперь это массивное тяжелое оружие, способное, особенно в его овально-лезвийных вариантах, разрубать и раскалывать любое защитное вооружение, включая металлическое. Этому способствовало и немного загнутое вперед древко (табл. XX, 52, 59а), которое мы видим не только на сирийских, но и на месопотамских изображениях топоров с клинком описываемого типа.

В XVIII в. до н. э. в Палестине появляется новый тип боевого топора: очень узкий, с длинным прямоугольным клинком и очень коротким лезвием (табл. XX, 78—85). Высота проуха равнялась ширине клинка, и сам проух был окаймлен рельефными валиками, иногда слегка отогнут и часто имел выступы-упоры для древка. Новым и важным свойством этих топоров была овальная форма отверстия проуха, которая в отличие от распространенных ранее круглых отверстий несравненно крепче удерживала клинок на топорище, не давая ему вертеться вокруг оси, как в варианте с круглым отверстием проуха. Топор такого типа обладает ярко выраженным раскалывающим действием, а благодаря сравнительной массивности и очень малой площади поражения он кажется специально приспособленным для пробивания металлического доспеха. И это не случайно: данные топоры, определенно связываемые с гиксосами, появляются одновременно и в месте первых развитых металлических панцирей, а также металлических боевых поясов. Но уже очень скоро в Сирии-Палестине, а потом и в Месопотамии начинают отказываться от столь узкой специализации топоров. Клинки расширяются к лезвию, которое становится более длинным и слегка округлым. Проух часто оттянут вниз или вверх. От сутийской традиции наследуются ярко выраженные упоры у нижней пяты клинка и валики вдоль проушной части, которые на обухе все чаще переходят в шипы (табл. XX, 77, 88). Топорами, вероятно рабочего, а не только военного назначения, являются двулезвийные узкие симметричные проушные топоры-лабрисы (табл. XX, 86), скорее всего заимствованные из Эгеиды, а также топоры с перпендикулярно направленными лезвиями (табл. XX, 87), напоминающие восточноиранские, но в отличие от последних со скрытым, а не трубчатым — выделенным — проухом.

В Египте в начале II тысячелетия до н. э. использовались в основном секиры с очень узким длиннолезвийным клинком, крепившимся в пропил древка при помощи веревки или ремешков, продернутых сквозь отверстия на спинке клинка, которая может быть ровной или иметь два округлых выреза (табл. XX, 89—98, 105, 106, 108—110). Рукояти их нередко оковывались бронзой. Во время Нового царства широко распространились, вытеснив остальные формы, плоские топоры полуовальной или подпрямоугольной формы с вогнутыми длинными сторонами и округлым лезвием (табл. XXI, 1—29). Крепились такие клинки в пропил древка, чаще, чем раньше, при помощи упоров-плечиков; место соединения туго обматывалось многорядной косичкой узких ремешков, которые заплетались сырыми и, высохнув, накрепко держали клинок в древке. Само древко было довольно толстым, прогнутым в середине вперед с сильным расширением-противовесом на конце, что снижало ощущение тяжести оружия для владельца топора. Очень высокого уровня достигла отделка клинков топоров — среди царских экземпляров встречаются богато инкрустированные золотом, цветными металлами и пастой (табл. XXI, 8). Особенно изящны просечные клинки, которые начали изготовлять еще в начале II тысячелетия до н. э. и особенно часто во времена XVIII династии — с изображениями одиночных животных, человеческих фигур, сцен терзания собаками и хищниками копытных (табл. XXI, 12, 13, 18—32). В Египте боевые топоры были самым распространенным оружием рукопашного боя, далеко оставляя кинжалы. Интересно, что топоры не вытеснил и секач-хопеш, впрочем, это понятно, поскольку он был много сложнее в изготовлении, но функционально использовался вместе с топором, даже одним и тем же воином. Видимо, это связано с тем, что роль режуще-рубящего оружия была отдана секачу и здесь, как это имело место и в Месопотамии, что привело к вытеснению длиннолезвийных секир, тогда как топоры других форм выполняли роль рубяще-раскалывающего оружия.

В середине — третьей четверти II тысячелетия до н. э. на севере Сирии продолжали использовать старые формы топоров (табл. XXI, 32—35, 37, 40,

41), а также топоры с сильно изогнутым клинком и шипастым обухом (табл. XXI, 43, 44). О большом значении боевых топоров в Сирии-Палестине II тысячелетия до н. э. говорит тот факт, что, по данным угаритских текстов XIV—XIII вв. до н. э., секироносцы-«мажарухли» * были в Угарите царскими телохранителями, составляя отдельное сословие, причем со временем это звание перестало обусловливаться владением именно топором, так как из «мажарухли» вербовали даже лучников [Шифман, 1982, с. 321—325].

В Малой Азии в начале II тысячелетия до н. э. использовали заимствованный из Сирии тип топоров — с полуовальными или полукруглыми клинками с двумя округлыми вырезами в плоскости клинка и трубчатым проухом (табл. XXI, 45).

Хеттские топоры XV—XIII вв. до н. э.— и реальные предметы, и изображенные на рельефах — имеют клинок, расширяющийся к лезвию, которое принимает полулунную форму, цилиндрический проух и вертикально прямоугольный или шипастый, как в Сирии, обух (табл. XXI, 47—49).

Сузиана II тысячелетия до н. э. дает нам образцы топоров, весьма схожих с месопотамскими и сирийскими, но оригинальные по оформлению (табл. XXI, 51—58). В Луристане, мощном центре бронзолитейного производства, вероятно специализировавшемся на торговле бронзовыми изделиями, в конце II тысячелетия до н. э. тщательно повторяют месопотамско-эламские формы боевых топоров, но часто с утрированными элементами и преувеличенно пышным декором, также «цитирующим» месопотамско-эламские прототипы, но в целом достаточно своеобразным (табл. XXI, 59—71, 73). Изготовлялись в Луристане и топоры сирийско-месопотамского и сирийско-палестинского типов — с оттянутым вниз проухом (табл. XXI, 72), плоские секиры полулунной формы (табл. XXI, 76, 77), «глазчатые» секиры (табл. XXI, 74, 75). В Луристане нашли удачное сочетание полулунного клинка и трубчатого проуха, таким образом получился весьма эффективный тип секиры, обычно украшавшейся в луристанском «зверином» стиле, причем переход от проуха к клинку нередко оформлялся человеческой личиной (табл. XXI, 78—80). Группа очень специфичных луристанских топоров и секир (табл. XXI, 69—71) является промежуточным звеном между топорами Элама XIII—XII вв. до н. э. (табл. XXI, 57) и топорами древней Бактрии (табл. XXI, 82, 83, 85, 87, 90).

На некоторых топорах, как и на других видах оружия, найденных в Луристане, имеются надписи с именами месопотамских царей (табл. XXI, 59) [Muller-Karpe, 1980, табл. 556, А6). Это могли быть «высокие» заказы прославленным мастерам, по той или иной причине не доставленные заказчику, но с большим основанием можно предположить, что в Луристан эти предметы вооружения попадали в качестве добычи завоевателей, в частности касситских, чьим центром Луристан и мог быть в III—II тысячелетиях до н. э. [Дьяконов, 1956, с. 121—122].

На северо-западе Ирана во II тысячелетии до н. э. особенно популярны были распространенные также и в Закавказье северосирийского происхождения массивные топоры с трапециевидным, широким клинком, округлым, оттянутым назад вниз нижним углом и смещенным вниз проухом [Алиев, 1960, табл. XCIIб].

В Восточном Иране во II тысячелетии до н. э. продолжали развиваться традиции конца предыдущего III тысячелетия до н. э.: двулезвийные топоры с обухом в виде теши или молотка, но теперь уже с невысоким цилиндрическим или скрытым проухом (табл. XXI, 91). Во второй половине II тысячелетия

* И. Ш. Шифман предложил убедительную этимологию термина «мажарухли» (mžrġl), возведя его к хурритскому mžr «разрубать, рубить» [Шифман, 1982, с. 324].

до н. э. здесь на базе старых типов создаются крайне разнообразные, вычурные формы, клинки получают полукруглый нижний край — лезвие (табл. XXI, 84); словом, здесь мы наблюдаем процесс и его результаты, чрезвычайно схожие с синхронными процессами на Центральном и Северном Кавказе. Поэтому можно предположить, что имела место прямая связь через южное побережье Каспия, так как на северных его берегах ничего подобного не встречается. Зато не исключено, что из северо-восточной части Прикаспия на юг, вплоть до Индии, проникли примитивные, тяжелые проушные топоры-колуны с прямоугольным клинком и прямым лезвием (табл. XXI, 44, 45). Тем же путем попали в Индию в конце третьей четверти II тысячелетия до н. э. и проушные топоры кавказского происхождения с узким изогнутым горизонтальным клинком (табл. XXII, 5). Наряду с ними в Индии второй половины II тысячелетия до н. э. продолжали использовать и даже развивать плоскообушные топоры. Двулезвийные топоры больше не изготовлялись.

Зато в восточноиндийской культуре «медных кладов» II тысячелетия до н. э. мы встречаем плоские топоры с полукруглым лезвием и отростками на боковых сторонах клинка и на обухе, придающими клинку сходство с абрисом человеческой фигуры (табл. XXII, 1). Тот же принцип оформления можно видеть и в клинках некоторых, правда проушных, топоров из Бактрии II тысячелетия до н. э. (табл. XXI, 82). Можно думать, что в Восточной Индии и Бактрии имели место схожие преставления, благодаря которым тело человека олицетворялось топором; в противном случае трудно объяснить заимствование (с севера на юг) столь специфической формы.

Большим разнообразием форм отличаются боевые топоры Кавказа. Здесь еще в конце III тысячелетия до н. э. появляются топоры с клинком в виде очень узкой изогнутой трапеции с коротким лезвием, с трубчатым проухом — первого типа (табл. XX, 3—8), бытовавшие до последней трети II тысячелетия до н. э. [Кореневский, 1981]. Оригинальные топоры второго типа — с узким прямоугольным клинком и коротким лезвием, скрытым проухом и клевцом на обухе (табл. XX, 11—13), также применявшиеся в конце III тысячелетия до н. э., созданные, видимо, для пробивания появившихся здесь в это время панцирей из металлических круглых блях на мягкой основе. Из Сирии в начале III тысячелетия до н. э. были заимствованы массивные топоры, представляющие на Кавказе третий тип — с широким трапециевидным клинком, округлым лезвием с оттянутым назад нижним углом и невысоким цилиндрическим проухом, оттянутым вниз от верхнего края клинка (табл. XX, 1, 2). Во II тысячелетии до н. э. на Кавказе развиваются варианты топоров первого типа — с изогнутым горизонтальным клинком и проухом трубчатым или в виде короткого цилиндра, часто оттянутого вниз. Наиболее простые варианты этих типов через север Предкавказья заимствуются обитателями евразийских степей. В степях топоры около середины II тысячелетия до н. э. стали самым мощным бронзовым оружием, распространясь далеко на восток (табл. XXII, 23, 26, 27, 31, 49, 52, 53, 58, 60—63а, 65—69). На Кавказе же формы топоров становятся все более разнообразными и подчас вычурными (табл. XXII, 40—44, 107), но больше преобладают клинки с округлым нижним краем, заточенным в лезвие, образующим с верхним краем острый угол, таким образом топор приобретал преимущественно ударно-колющую функцию, что лучше соответствовало задачам пробивания панциря, мягкая основа которого была сплошь обшита мелкими бляшками. Наряду с ними продолжали развиваться и формы отмеченных массивных топоров сирийского происхождения (табл. XXII, 6—13, 24, 25).

С XIII в. до н. э. на значительной части территории Закавказья распространяются очень своеобразные секиры — пятого типа — с широким полукруглым клинком и оттянутыми назад концами и цилиндрическим невысоким

проухом с тремя толстыми горизонтальными валиками на нем (табл. XXII, 14—19, 28, 29). На наш взгляд, образцом для них послужили сирийские топоры начала II тысячелетия до н. э., у которых был клинок с полуовальным лезвием с двумя округлыми вырезами на спинке, проух же как у узких «гиксосских» топоров. Благодаря своей массивности эти кавказские секиры были практически универсальны как ударно-рубящее оружие и могли разрубить щит или шлем из металла, но, вероятно, были бессильны против ламеллярного эластичного доспеха, нанося, однако, серьезные ушибы и внутренние переломы и в этом случае, особенно же опасные, если панцирь был пластинчатый — обшитый бляшками.

В восточной части степной зоны Евразии во второй половине II тысячелетия до н. э. господствовали разновидности топора, который попал сюда через степи Восточной Европы из Предкавказья — с узким горизонтальным клинком, коротким лезвием и трубкообразным, оттянутым вниз проухом (табл. XXII, 49, 52, 53, 58, 20—63, 65—69). Надо полагать, что распространение такого типа топоров на восток степной зоны связано с движением в этом направлении с середины II тысячелетия до н. э. ираноязычных, а может быть, и тохароязычных племен, использовавших двухколесные, с конской запряжкой, легкие боевые колесницы. Подобные топоры во множестве изображены на центральноазиатских каменных изваяниях «карасукского» периода — «оленных камнях» (табл. XXII, 77—79, 84, 86, 87, 89) конца II — начала I тысячелетия до н. э.

С юга Средней Азии в Центральную Азию попадает во второй половине II тысячелетия до н. э. тип двулезвийных топоров с уже архаичным для Бактрии этого времени трубкообразным проухом (табл. XXII, 76, 100—104). Из центральноазиатских степей топоры с трубчатым проухом распространяются на север Китая вместе с другими «карасукскими» вещами. Клинки как общеевразийского типа — подпрямоугольные (табл. XXIII, 1—17, 19, 21), так и местные — полукруглые или овальные (табл. XXIII, 18, 20, 22—26, 46, 47). Прототипом последних послужили еще неолитические топоры, вставляющиеся в пропил древка (табл. XXIII, 56). Основным же видом топоров в Китае, как и во всей Южной Азии, были плоские топоры с плечиками-упорами, чьи каменные неолитические (табл. XXIII, 28—44), а позднее и бронзовые прототипы встречаются на гигантских территориях от Кореи до Индонезии. В иньском Китае они довольно стандартны — подквадратно-трапециевидной формы, с вогнутыми сторонами и полукруглым лезвием, прямоугольным обушком и двумя узкими прорезями параллельно спинке в ее углах (табл. XXIII, 52—64). Клинок вставлялся в пропил древка и привязывался к нему ремешками, продернутыми в отверстия на клинке. Прогрессивные признаки можно усмотреть в клинке, найденном в Тайси пров. Хэбэй (табл. XXIII, 66): во-первых, он имеет выступы-упоры, которые получат дальнейшее развитие; во-вторых, бронзовый клинок представляет собой здесь касту, в которую вставлялось железное лезвие, причем не кованное из метеоритного железа, а, судя по находке здесь же шлаков, сделанное из выплавленного рудного железа [Кучера, 1977, с. 102—105]. Однако этот опыт применения железа оказался в Китае надолго уникальным экспериментом.

Топоры иньской знати были часто богато украшены литым, иногда ажурным орнаментом, что говорит о большой репрезентативной роли топоров. В раннечжоуское время в Китае преобладали плоские топоры старых форм (табл. XXIII, 65, 68—71). Проушные топоры, сделанные под влиянием центральноазиатских образцов, также встречаются в Китае второй половины II — начала I тысячелетия до н. э. (табл. XXIII, 65а, 73—79). Гораздо реже находят секиры с узким вертикальным, округло загнутым сверху клинком, плоские в иньское время (табл. XXIII, 83) или же с обоймами-проухами — в

позднеиньское и раннечжоуское время (табл. XXIII, 79, 80, 84). В раннечжоуское же время эти секиры подчас получали причудливые формы — волнистое лезвие (табл. XXIII, 81) или абрис знака «?» (табл. XXIII, 82). Может быть, с чжоускими племенами конца II тысячелетия до н. э. надо связывать эксперименты по превращению клевца «гэ» (см. ниже) в секиру (табл. XXIII, 85—87).

Редкие для Центрального Китая топоры с узким горизонтальным клинком (табл. XXIII, 67) иньского времени, прямо связанные с северными степными прототипами, послужили, в свою очередь, образцами для топоров насельников юга КНР конца II тысячелетия до н. э. (табл. XXIII, 88—90).

В начале I тысячелетия до н. э. роль топора как боевого оружия на Ближнем Востоке резко падает. В войсках, судя по немногочисленным изображениям, применялись двулезвийные топоры (табл. XXIV, 1, 3, 4, 7). Образец такого железного топора 60 см длиной, с тонким черешком для насадки на древко найден в Сам'але (Зинджирли) (табл. XXIV, 8). В основном они использовались воинами в качестве рабочего инструмента, а не в бою. Вероятно, это связано с распространением длинных мечеподобных кинжалов из стали, которыми было вооружено большинство воинов ассирийского войска, особенно в последний век существования Ассирийской державы. В качестве универсального оружия рубяще-колющего действия они и вытеснили топоры, превосходящие в пробивной силе (но здесь их могло заменить копье), однако все же относительно неудобные по сравнению с мечом, дающим больше возможности для манипулирования.

В Западном Иране, и особенно в Луристане, выделка топоров увеличивается. Наблюдается не только количественный рост вариантов, но и увеличение разнообразия форм, которые уже не просто воспроизводят ближневосточные образцы, но подражают восточно-иранским прототипам, а еще более являют самостоятельность местных мастеров (табл. XXIV, 15—35) в разработке форм. С закавказскими прототипами связаны луристанские топоры с загнутым вниз клинком и оттянутой вниз бородкой (табл. XXIV, 18, 21, 22), а трубчатообушные бифункциональные топоры Луристана сделаны в восточноиранских традициях (табл. XXIV, 31—33): у них с одной стороны трубчатого проуха помещен клинок топора, с другой — клевец с кольцом для подвески под основанием клевца. К оригинальным, местным формам можно отнести узкие, полулунной формы клинки, соединенные фигурной перемычкой с трубчатым проухом (табл. XXIV, 28—30), и особенно длиннолезвийные очень узкие секиры — «бердыши» с клинком с прямой Т-образной в сечении спинкой и лезвием, выступающим тупым углом; сверху клинок заострен и может использоваться для укола, снизу, отступя от края спинки, прямо срезан (табл. XXIV, 25—27). Обух большей части западноиранских топоров снабжен рядом длинных шипов, как это делалось в Месопотамии в III тысячелетии до н. э., в Сирии и Малой Азии — во второй половине II тысячелетия до н. э. Исключительно богат бывает декор луристанских топоров, отливавшихся из бронзы вместе с клинком. Наряду с преобладающими зооморфными мотивами в нем встречаются и антропоморфные и еще реже растительные.

Популярным оружием топоры продолжали оставаться и на Кавказе. Здесь к началу I тысячелетия до н. э. на базе массивных топоров со смещенной вниз втулкой (табл. XXII, 6—9) вырабатывается довольно стандартизированный тип изящных «колхидско-кобанских» топоров, использовавшихся от Абхазии до севера Предкавказья всю первую половину I тысячелетия до н. э. (табл. XXII, 32—39, 45, 46; XXIV, 40—43). Их клинок двояковогнут, с слегка расширенным округлым лезвием и молотообразным обухом. Нередко эти топоры богато украшены выгравированным зооморфным и геометрическим орнаментом. В то же время топоры практически исчезают как оружие воинов

Урарту: несомненно, здесь сказалось общее тяготение этой страны к месопотамской традиции.

В середине I тысячелетия до н. э. во владениях Ахеменидской империи распространение боевых топоров было весьма спорадическим. Ираноязычные народы применяли здесь в основном топоры северной степной традиции — с узким горизонтальным клинком и двойным топорным лезвием либо с клинком топора с одной стороны и клевцом — с другой (табл. XXV, 1—3). В представлении греческих художников они были самым характерным оружием обитателей ахеменидской Малой Азии.

В самих же евразийских степях боевые топоры в начале I тысячелетия до н. э. продолжали оставаться самым мощным, эффективным (наряду, как мы увидим ниже, с копьями) оружием, причем в них особенно подчеркивали ударно-раскалывающую функцию, что выражалось в массивности формы (табл. XXII, 97—99; XXIV, 72, 73, 91—93), в материале — обычно в бронзе, а иногда и в камне (табл. XXIV, 71, 74, 76, 88—90), в коротком, почти вертикальном лезвии (табл. XXII, 97—99, 103, 104; XXIV, 72, 75, 76), в молотковидном обухе (табл. XXII, 98, 99; XXIV, 71, 72, 74—76, 88, 90—93). Эта функция и соответствующие ей формы были унаследованы в основном еще от топоров срубно-андроновского круга, которые были связаны с кавказской традицией; на молотковидные же обухи, как и кольцо в верхней части проуха (табл. XXV, 72, 75, 91—93), видимо, воздействовали «карасукские» топоры (табл. XXII, 76—90, 97—104), на которые, в свою очередь, оказали влияние бактрийские трубкообушные двулезвийные топоры. В целом картина форм боевых топоров Евразии первых столетий I тысячелетия до н. э. достаточно цельна, так что можно говорить о едином подходе к этому виду оружия у всех степняков, хотя, разумеется, локальные отличия имеют место: так, на северочерноморских стелах «киммерийского» времени клинки топоров более напоминают кавказские (табл. XXIV, 28—70), хотя реальные топоры (табл. XXIV, 72, 75) ближе уральским (табл. XXIV, 91—93).

«Карасукско-киммерийский» этап развития евразийских боевых топоров, начавшийся в конце II тысячелетия до н. э., около середины VII в. до н. э. достаточно резко и практически одновременно сменяется «скифским» этапом, когда на территории от Закавказья до Центральной Азии начинают абсолютно преобладать новые типы топоров, выработанные на «киммерийско-карасукской» основе и в еще большей степени несущие ударно-раскалывающую функцию, в связи с чем пропорции их удлиненнее, лезвия обычно очень коротки, обух еще более развит и представляет собой молоток или чекан. Особенно ярко эти черты проявляются в зонах формирования скифской, синдо-меотской и савроматской культур с середины VII в. до н. э. от Закавказья до Прикамья, где топоры стали делать исключительно из железа (табл. XXIV, 78—87, 95—105; XXV, 5—9, 14, 22, 27, 29, 30). Позднее, в V—IV вв. до н. э., топоры степных воинов от Предкавказья до Памира стали делать более разнообразными, в частности, лезвия становятся более длинными и округленными, придавая топорам и секущую функцию (табл. XXV, 16, 20, 24, 28, 31, 34, 35, 38, 39). Еще более ярко картина развития топора просматривается для восточной части евразийских степей — в Центральной Азии: здесь топоры изготовляли из бронзы, и они из тяжелых рубяще-раскалывающих орудий войны (табл. XXV, 45—48) становятся легкими, изящными топориками, с раскалывающей функцией, теперь уже дополняющей основную функцию данного оружия, воплощенную в чекане на обухе (табл. XXV, 40—44А, 59—69, 98, 99, 102), хотя здесь встречаются и двулезвийные топорики (табл. XXV, 70, 100, 101). Степного типа боевые топоры, но уже в собственном оформлении, иногда применялись в Китае середины I тысячелетия до н. э. (табл. XXV, 71, 76), тогда как собственно китайские формы

топоров практически выходят из употребления. На территориях юга КНР и ЮВА в камне воспроизводились плечиковые плоские топоры (табл. XXV, 74, 75), бронзовые же топоры, чрезвычайно там популярные и бывшие, по всей видимости, основным видом оружия ближнего боя, были весьма своеобразны: имели втульчатый насад, перпендикулярный лезвию, само лезвие — более или менее вертикальное и округлое, так что топоры данного типа представляли собой секиру с ярко выраженной рассекающей функцией (табл. XXV, 77—97).

Возвращаясь к боевым топорам народов евразийских степей, следует отметить, что на всех изображениях — «карасукских», киммерийских, скифских (табл. XXII, 80, 85, 90—92; XXIV, 68—70; XXV, 32, 33) — они показаны висящими справа на поясе, клинком вверх, лезвием назад.

До середины I тысячелетия до н. э. боевые топоры везде часто имели богатый декор, говорящий об их высокой идеологической значимости. Это связано не только с боевым значением топора, но и с его важнейшей функцией орудия ритуального убийства, казни.

Попробуем как-то объяснить процесс развития боевого топора. Сужение клинка, укорочение лезвия топора увеличивало его ударно-раскалывающую функцию, уменьшая рубящую. Первая функция необходима оружию против твердого, особенно гомогенного доспеха, тогда как против щита такие топоры почти бессильны, поскольку узкий горизонтальный клинок, пробив щит, просто застревал в нем, а единственно целесообразный здесь удар — это удар по месту рукояти, чтобы поранить держащую щит руку врага и тем лишить его защиты.

Важной причиной появления суженных клинков было и уменьшение веса оружия. Наконец, главнейшим было, видимо, создание просто очень совершенного оружия, безотносительно к защитному вооружению, т. е. такого, которое было бы предельно эффективным во всех ситуациях. Восприятие нового евразийского топора скифами, а затем мидийцами и персами закономерно, так как у них он был одним из основных видов оружия, применявшегося против металлического доспеха,— панциря и шлема. Почти не имевшие такого защитного вооружения савроматы вполне обходились в ближнем бою длинными кинжалами и особенно мечами. Сакские же племена восточной зоны и их соседи с культурами «скифского» типа, также поздно освоившие тяжелый металлический доспех, мечами не владели, а акинаки их были весьма коротки, поэтому топоры у них находили большое применение в качестве «абсолютного» оружия, лучшим образцом которого оказался чекан, мешавший здесь распространению топоров.

Функционально к топорам примыкают боевые тесла, известные в литературе под термином «кельт». Однако специфическая форма кельта была не единственной для боевых тесел древнего Востока.

Основное отличие боевого тесла от топора в том, что лезвие его расположено обычно горизонтально, что обусловливает соответствующее расположение клинка и соединение с древком. Клинки тесел мы часто видим на обухе боевых топоров Восточного Ирана и юга Средней Азии (табл. XX, 32—35), Индии (табл. XX, 39, 40) — в конце III — первой половине II тысячелетия до н. э., севера Сиро-Месопотамии в самом начале I тысячелетия до н. э. (табл. XXIV, 9, 10).

В качестве самостоятельного оружия боевые тесла с трубчатыми, иногда весьма длинными проухами встречаются на Ближнем и Среднем Востоке в III—II тысячелетиях до н. э., причем их декор, если он есть у того или иного образца, аналогичен декору топоров данного региона (табл. XXVI, 1—15, 104—106, 109а). И если в майкопской культуре Северного Кавказа боевое тесло выполнено в ближне- и средневосточных традициях (табл. XXVI, 107), как и многие другие элементы этой культуры конца III — первой половины II

тысячелетия до н. э., то боевые тесла степного пояса Евразии (табл. XXVI, 16—85) второй половины II — первой половины I тысячелетия до н. э. представляют собой настоящие кельты — с клинком-втулкой, которая насаживается на древко посредством дополнительного бруска дерева (табл. XXVI, 38, 39) или на загнутый вперед верхний конец древка (табл. XXVI, 41). Часто кельты имели кольца у края втулки, к которым привязывалась веревка-растяжка (см., например, табл. XXVI, 38). Китайские кельты (табл. XXVI, 86—103, 108) восходят к степным образцам, тогда как последние — несомненное заимствование из европейских культур.

Обычно кельты служили орудием труда, деревообделочным инструментом, но их боевое применение достоверно зафиксировано изображениями [Stary, 1981, табл. 29, 3; 58, 1, 69; 72, 1; 75, 1]. Несомненно, оружием они служили и воинам северо-востока КНР первой половины I тысячелетия до н. э., так как другого ударно-рубящего оружия там не найдено.

6. ЧЕКАНЫ

Чеканом, или клевцом, называется короткое древковое оружие ближнего боя с узким, горизонтально расположенным клинком, заканчивающимся острием. Чекан действительно является «абсолютным» оружием ближнего боя, поскольку именно при его помощи достигается максимальная концентрация силы удара на минимальной площади поражения, что при относительной массивности клинка и наличии мощного рычага-рукояти придает оружию максимально возможный ударно-колющий эффект, перед которым могло устоять только очень и очень солидное защитное вооружение. Не случайно в позднесредневековой Западной Европе XV в., когда появился почти самый прочный за всю историю развития доспехов панцирь и шлем, в качестве противовеса им возрождается и чекан как оружие средне- и легковооруженных всадников для борьбы со столь тяжеловооруженным противником и, разумеется, между собой.

Однако, несмотря на такие замечательные боевые качества, чекан по сравнению с многими видами оружия обретает свою «классическую» форму и особую популярность довольно поздно.

Наиболее ранними образцами, точнее, прототипами чеканов, можно считать распространенные в Месопотамии с середины III тысячелетия до н. э. боевые кирки (табл. XXVII, 1, 2, 9, 101, 102) с трубчатыми проухами, косо срезанными внизу в целях улучшения упора, узким массивным клинком, несколько оттянутым вниз, что увеличивало пробойную силу, и коротеньким лезвием. Несомненно, такое оружие могло служить как орудием труда, так и боевым оружием. В бою оно предназначалось прежде всего для пробивания появившихся в Месопотамии в это время металлических шлемов. Из Месопотамии в конце III тысячелетия до н. э. боевая кирка была заимствована в Сирию (табл. XXVII, 3—7). Там ее клинок был усовершенствован: он стал почти четырехгранным, а лезвие — вертикальным и еще более коротким, превратившись практически в боек; на обухе для уравновешивания клинка стали делать плоский вертикальный выступ. Надо полагать, что данные «проточеканы» были заимствованы из Месопотамии как оружие для борьбы с противником, защищенным металлическим шлемом,— это средство защиты примерно в это же время появляется в Сирии.

В Иране, судя по имеющимся данным, заимствованная из Месопотамии боевая кирка (табл. XXVII, 8, 10—12) так и не развилась в чекан.

В течение всего II тысячелетия до н. э. чеканы на Востоке, за исключением Центральной и Восточной Азии, не встречаются. Видимо, на Переднем

Востоке их роль успешно выполняли в это время более универсальные топоры с узким клинком и коротким прямым лезвием, введенные гиксосами, а также схожие с ними кавказские разновидности, распространившиеся в степную зону на север и восток, и топоры с закругленным лезвием вдоль нижнего края клинка, известные еще в III тысячелетии до н. э. на Ближнем Востоке и особенно специализированные на ударно-колющий эффект на Кавказе во II тысячелетии до н. э.

Настоящие чеканы появляются на Востоке в степях Центральной Азии и в Китае лишь в последние века II тысячелетия до н. э.

Для «карасукских» чеканов характерны плоский листовидный клинок, обычно с жилкой-ребром жесткости, длинный трубчатый проух и полукруглый плоский выступ на обухе с отверстием в этом выступе, за которое чекан подвешивали к поясу (табл. XXVIII, 7—9). Судя по изображениям на «оленных камнях» [Кубарев, 1979, табл. II—VI; Волков, 1981, с. 145, рис. 2; с. 150, рис. 1; с. 163, рис. 1; с. 185, рис. 1; с. 206; с. 215, рис. 3; с. 226, рис. 2], чеканы подвешивались к поясу с правого бока, как и топоры, причем эта традиция ношения древкового клинкового оружия рукопашного боя характерна, опять-таки судя по изображениям на каменных изваяниях, для всей зоны степей с конца II до середины I тысячелетия до н. э. [Членова, 1975] (табл. XXVIII, 21—35). В Китае аналогичные чеканы встречаются среди материалов XIII—XI вв. до н. э. (табл. XXVII, 70, 71, 84) и особенно в материалах севера КНР XI—IX вв. до н. э. (табл. XXVIII, 3, 7). Такой вид чеканов, называемый в Китае «цюй», следует считать заимствованным из Центральной Азии. Н. Л. Членова очень убедительно показала ближневосточные истоки этого типа [Членова, 1967, с. 33, 34] чеканов, основываясь на таких признаках, как трубчатый проух, полукруглый выступ на обухе и ряд мелких деталей. Соглашаясь в принципе с выводами Н. Л. Членовой, следует все же отметить, что основной функциональный элемент этих чеканов — листовидный клинок на Ближнем Востоке не был известен, а сама идея чекана там заглохла на протяжении всего II тысячелетия до н. э. Тем не менее можно предположить, что ближневосточная форма проуха и узенький клинок могли «законсервироваться» в истинном «музее ближневосточной бронзы» — Луристане, откуда в течение II тысячелетия до н. э. проникли далеко на восток, но не через северную степную зону, а, как и полагает Н. Л. Членова, гораздо более южным путем — на границе Центральной Азии и Китая. Что же касается формы клинка, то, вероятнее всего, она китайского происхождения, и «карасукские» чеканы, и китайские «цюй» являются результатом соединения западной и китайской оружейной традиции, причем это соединение произошло, вероятно, в пограничной зоне, может быть, согласно Н. Л. Членовой, в Ордосе [там же, с. 35].

Собственно китайские чеканы — глубоко оригинальное оружие, получившее здесь с середины II тысячелетия до н. э. исключительно широкое распространение и бывшее абсолютно преобладающим среди наступательного оружия ближнего боя. О том, что они являются исконно местным оружием, говорят их каменные прототипы неолитического и энеолитического периодов (табл. XXVII, 13—15, 29). Все чисто китайские чеканы плоские, без проуха, крепятся в прорезь на древке с последующим закреплением ремешками или веревками.

Описанный выше чекан «цюй», проух которого в Китае из длинной трубки превратился в цилиндр высотой в ширину клинка, а выступ на обухе приобрел чисто китайские формы (табл. XXVII, 60—69, 89; XXVIII, 1, 2), был не очень характерен.

Основную массу китайских чеканов составляют так называемые «гэ» с довольно узким ланцетовидным клинком. По форме «гэ» II тысячелетия до н. э. можно разделить на четыре основных типа. *Первый* тип, бытовавший в эпоху Инь, в XVI—XI вв. до н. э., отличается тем, что между клинком и обухом

у него имелись выступы-упоры, за которые «гэ», вставленный в пропил древка, привязывался к последнему (табл. XXVII, 21—23, 26—34, 38, 40, 42, 44, 49, 79, 93). Ко *второму* типу, оказавшемуся наиболее перспективным, относятся клинки с бородкой, отходящей вниз от основания клинка, что при заточке ее придавало клинку дополнительную, рубящую по принципу серпа, функцию; в бородке проделывались узкие вертикальные щели, сквозь которые проходили ремешки или веревки, приматывавшие клинок к древку, в пропил которого он был вставлен (табл. XXVII, 55—59, 82, 83, 87, 90, 91). *Третий* тип, так же как и первый, ограниченный иньским периодом, отличается тем, что его обух, более узкий, чем клинок, образует с основанием клинка пятки-упоры (табл. XXVII, 25, 35—37, 39, 44, 78). *Четвертый* тип (точнее, подтип) — это, по сути, клинки первого и второго типов, дополненные у основания клинка парой плоских «ушей» (табл. XXVII, 85, 86, 96), которые охватывали древко снаружи, тогда когда обух вставлялся в пропил. «Уши» оформлялись здесь в виде звериной личины и были, в сущности, попыткой соединить плоский «гэ» с проушным «цюем». Однако подобные клинки применялись только в раннечжоуское время — на рубеже II и I тысячелетий до н. э. и позже исчезли.

Расцвет и самое широкое распространение чекана на Востоке характерно для I тысячелетия до н. э. Ближе к середине I тысячелетия до н. э. его клинок становится узким, приобретает граненое, круглое или линзовидное сечение, и практически всегда он комбинируется на одной втулке — цилиндрической или скрытой с клинком топора или молотком. Формирование «классического» евразийского чекана произошло, вероятнее всего, на востоке степной зоны Евразии, может быть, в Южной Сибири или в Ордосе в VII в. до н. э. (табл. XXVIII, 1—74), откуда чекан очень быстро распространился по всему ареалу культур «скифского» типа. О его восточном происхождении говорит объемное изображение птичьей головки под клинком, загнутый соколиный клюв которой образует кольцо для подвески, характерное для образцов VII—VI вв. до н. э. с гигантской территории, вплоть до Прикамья и Ахеменидского Ирана (табл. XXVII, 56, 57, 74, 79, 80, 84, 87, 88, 90—93). В Иран чекан попал от среднеазиатских саков. Вместе с тем наличие среди луристанских бронз VIII—VII вв. до н. э. чеканов, комбинированных на одном трубчатом проухе с клинком топора (табл. XXIV, 31—33), да еще с колечком под клинком, служившим для подвески оружия к поясу, лишь позднее оформившимся в головку хищной птицы (чей клюв, вероятно, олицетворял клинок чекана), может говорить о том, что «классический» евразийский чекан мог, при наличии импульсов с востока, сформироваться и здесь, в Луристане, и чуть позднее распространиться через мидян и персов на северо-восток и северо-запад. Но вероятнее все же, что и в луристанских экземплярах следует видеть заимствование с востока, причем очень раннее.

Можно полагать, что саки и их соседи прибегли к усовершенствованию чекана в связи с появлением на востоке зоны евразийских степей во второй четверти I тысячелетия до н. э. толстого шлема, который не могло пробить никакое другое оружие. Против щита же чекан был бесполезен (если только им, пробив щит, не попадали в руки противника), так как он застревал в плоскости щита. Наиболее популярным чекан оставался на востоке евразийской степной зоны и в Средней Азии, а также у персов, будучи, за отсутствием или крайней редкостью длинных кинжалов и мечей, «абсолютным» оружием, особенно у персов, широко употреблявших металлический доспех.

Савроматы, обходясь без тяжелого доспеха, вместо чеканов пользовались длинными акинаками и мечами, но скифы, жадные до всех видов оружия, применяли чеканы наряду с топорами (табл. XXVIII, 101—106). Характерно, что одно из самых ранних достоверно скифских погребений, найденное в Центральной Анатолии, скифское, судя по мечу (табл. XV, 49) и наконечникам

стрел, имело клевец (табл. XXVIII, 114), почти совершенно аналогичный раннесакским (табл. XXVIII, 80, 84, 91); это заставляет вспомнить о царе «страны Сака и Гутиум» — киммерийском царе Тугдамми-Лигдамисе [Алиев, 1979, с. 11], разгромленном скифами в 654 г. до н. э. в Малой Азии [Дьяконов, 1956, с. 285].

Концентрация в данном пункте в одном погребении типично раннескифских и раннесакских вещей позволяет предположить подтверждение определенной вероятности идей И. М. Дьяконова о том, что скифы (и саки) и киммерийцы суть части единого этноса (я бы сказал — суперэтноса), но обособившиеся в процессе и результате переднеазиатских походов, совершавшихся волнами (первая волна — теми, кто получил название киммерийцев, вторая — теми, кто стал скифо-саками), а скифская культура (точнее, основная часть «скифоидного» культурного комплекса: оружие, сбруя, стиль искусства) окончательно сформировалась на Переднем Востоке в среде киммеро-сако-скифского суперэтноса [Дьяконов, 1956, с. 238—239; Дьяконов, 1981, с. 98—100]. При этом, однако, ни в коей мере нельзя умалять тот факт, что все предпосылки, прототипы всех указанных признаков «скифоидных» культур уже имелись в наличии у кочевников Евразии, выработанные в первой трети I тысячелетия до н. э. Переднеазиатские походы только завершили, трансформировав имевшееся в наличии.

В Китае I тысячелетия до н. э. «гэ» (табл. XXIX, 3—15, 24—32, 40—59, 62а) продолжал оставаться излюбленным оружием ближней и средней дистанции (длина рукояти «гэ» всегда варьировала примерно от 1 м до высоты человеческого роста; см. табл. XXVII, 16—19; XXIX, 8, 9; XXXIX, 16а, 30—31); правда, после середины этого тысячелетия длиннодревковые «гэ» все более преобладают. Применение «чо (куй)» перемещается из Центрального Китая к юго-западу, в «царства» Шу и Ба (табл. XXIX, 61, 62, 63—67), попадает также «чо (куй)» и в Корею, где в несколько преобразованном виде становится крайне популярен под названием «ква» (табл. XXIX, 69, 70). Функция же чеканов ближнего боя остается по-прежнему за редким «цюем» (табл. XXIX, 1, 2, 16, 18—21), используемым, судя по богатому декору, в основном на севере Китая. Впрочем, и его применение к IV—III вв. до н. э. сходит на нет.

Видимо, постепенное сокращение использования короткодревковых чеканов, предназначенных прежде всего для пробивания панциря и шлема, связано с синхронным этому процессу распространением длинных тяжелых мечеподобных кинжалов и собственно мечей. Функцию же чеканов постепенно все более приобретало длиннодревковое оружие. Вместе с тем хуаские типы чеканов «гэ» и «цюй» с хуаских территорий распространялись активно и на юг, где, особенно на юго-западе Китая, в IV—III вв. до н. э. стали отличаться особым богатством форм и декора (табл. XXIX, 60—68).

Подводя итоги рассмотрению боевых топоров, тесел и чеканов, можно сделать вывод об основных тенденциях их развития. Первой тенденцией можно считать стремление придать оружию универсальные свойства — ударно-рубящие в сочетании с ударно-раскалывающими, что нашло, пожалуй, самое полное воплощение в северосирийских топорах с опущенным проухом конца III тысячелетия до н. э., в более примитивных кавказских образцах того же времени. Однако им была присуща излишняя тяжесть, в связи с чем поиски оружейников были направлены — в плане универсализации орудия — на пропорционирование элементов клинка при облегчении его общего веса, а также на совмещение на одном проухе двух разнофункциональных клинков. Вторая тенденция, близкая к первой, заключалась в создании «абсолютного» оружия (т. е. такого оружия, от которого не было средства защиты) не путем универсализации, но путем максимального усиления ударно-раскалывающего эффек-

та, поскольку и без увеличения веса такой клинок может пробить любой нательный доспех. Высшей формой развития в этом направлении стал чекан. Третья тенденция, проявлявшаяся на ранних этапах, заключалась в специализации орудия на преимущественное развитие ударно-рубящего эффекта, но изобретение и распространение сначала секачей, а потом и длинных кинжалов и мечей сняли необходимость развития топора в этом направлении. В принципе распространение мечей постоянно оказывало ограничивающее воздействие на широту сферы использования топора: он в местах распространения меча или мечеподобного кинжала оставался, да и то не везде, как эффективное оружие против латников, что придавало ему, разумеется, преобладание ударно-раскалывающей функции.

7. БУЛАВЫ, БОЕВЫЕ МОЛОТЫ, ДУБИНЫ

Булава представляет собой оружие ближнего боя, состоящее из короткого древка-рукояти и массивного поражающего элемента — навершия; оружие ударного действия, причиняющее тяжелые контузии и внутренние переломы. Будучи очень архаичным и достаточно примитивным оружием, булава тем не менее находила достаточно широкое применение на древнем Востоке. Особенно значительна была сакрально-репрезентативная роль булавы. Благодаря своей форме она всегда символизировала мужественность владельца и потому являлась одной из основных инсигний власти, символизируя неразрывность ее гражданской, военной и сакрально-магической сущностей — обеспечения функционирования и воспроизводства коллектива и условий его существования. Поэтому мы так часто встречаем «парадные» булавы, к тому же изготовленные из камня, в данном случае, несомненно, ритуального материала. Правда, надо сказать, что камень в качестве материала для навершия булавы по боевым качествам нисколько не уступал металлу, будучи при этом гораздо более трудоемким в изготовлении, а это как раз весьма импонировало ритуальной, знаковой роли данного оружия. Не будем забывать при этом и об исконно боевой функции булавы, в отличие от многих видов оружия ни на что не годящейся в качестве орудия труда. Не случайно именно изображение булавы в Египте времени Древнего царства означало «сражаться» (табл. XXX, 38, 39); булаву же мы видим на изображениях в качестве основного оружия богов Месопотамии [Афанасьева, 1979, табл. XIXa] (табл. XXX, 47); метательная булава считалась главным оружием и богов индоевропейского пантеона [Невелева, 1975, с. 64, 109]. Ведь она обычно символизировала собой оружие — громовик, перун (являясь гремящим, высекающим искры камнем), что, в свою очередь, также входило в комплекс культов плодородия.

В качестве боевого оружия на древнем Востоке в рассматриваемый период булава * особенно часто применялась в Египте во времена Древнего, Среднего и даже Нового царства, выполняясь там из камня и имея форму шара, яйца или конуса (табл. XXX, 18—44, 73—81; XXXI, 13, 14). Крупные булавы, принадлежавшие фараонам, покрывались сложными многофигурными изображениями ритуального содержания (табл. XXX, 42—44). Булава в древнем Египте служила символом власти и в эпоху Нового царства, как явствует из истории с захватом Яффы одним из египетских военачальников, получившим от

* Поскольку все булавы отличаются друг от друга в основном лишь формой и величиной боевой части — навершия, то и наш анализ соответственно будет касаться именно навершия. Поэтому в дальнейшем термином «булава» будем называть, пусть и не совсем точно, в целях экономии места, именно навершия булав.

фараона булаву, символизирующую частицу власти и магической силы фараона, причем эта булава, носящая собственное имя «Прекрасная...» была использована и как боевое оружие [Сказки, 1979, с. 84]. Собственно, именно булава — посланец фараона, заключающий в себе часть его сверхъестественной силы,— и является главным героем взятия Яффы: а полководец только орудие, использующее ее силу.

В Месопотамии середины III тысячелетия до н. э. известны грушевидные и шаровидные булавы из камня (табл. XXX, 14—17, 45—52, 68, 69, 102). Судя по тому, что в сценах сражений между людьми булава не изображалась, вероятно, в этом регионе она в данный период стала чисто репрезентативным, сакрально-магическим оружием. «Церемониальные» экземпляры месопотамских булав из камня (табл. XXX, 48, 49, 51, 52) оформлены не менее насыщенно и тщательно, чем египетские.

С последней трети III тысячелетия до н. э. в Месопотамии прослеживаются булавы из бронзы, с длинной бронзовой трубчатой втулкой (табл. XXX, 57, 60, 61, 87), видимо, булавы этого типа были заимствованием из Палестины. Затем этот тип булавы из Месопотамии попадает в Элам (табл. XXX, 58, 59, 82—85), а оттуда — в Индию (табл. XXX, 92).

Большое, в том числе и явно боевое, значение имела булава в Палестине в конце IV тысячелетия до н. э.; там найдено, причем в одном комплексе, множество бронзовых булав (табл. XXX, 1—13)—простых шаровидных и грушевидных, с бронзовыми трубчатыми втулками или даже с целыми рукоятками, покрытых рельефными спиралями, ребрами, выступами, а также с антропоморфными навершиями.

Каменные булавы, близкие месопотамским, использовались и в Сузиане III—II тысячелетий до н. э. (табл. XXX, 53—56).

Во II тысячелетии до н. э. булава продолжает использоваться в Месопотамии (табл. XXX, 86, 87; XXXI, 1—11), может быть, не только как знак власти. Какие-то причины могли возродить ее боевое применение, например, желание не убивать противника, а только оглушить его и взять в плен. Может быть, развитие рабовладения повлекло здесь возрождение булавы; эта же причина, вероятно, обусловила ее популярность в Египте. Особенно же эффективно применялась булава для пленения врага, защищенного металлическим доспехом, так как и сам пленник, особенно богатый и знатный, и его очень ценный доспех становились желанной, почти не поврежденной добычей, которую можно было очень дорого продать или обменять.

Широкое использование булавы во II тысячелетии до н. э. также, видимо, связанное с задачей получить не слишком покалеченного, а только оглушенного пленника для последующего его использования в качестве раба или воина, наблюдается и в аморейско-хуррито-хеттской среде (табл. XXXI, 1—5). Вообще, ближневосточные булавы II тысячелетия до н. э., в большинстве своем каменные, не блещут роскошью отделки, что лишний раз говорит о их боевом назначении и рядовом характере, хотя на изображениях они не показаны в руках обитателей Восточного Средиземноморья. Не исключено, что в этот период древнее «высокое» значение булавы как сакрально-магической инсигнии, с которой обычно изображались боги, оказалось в противоречии с ее «низкой» ролью «добывателя пленников», а не «убийцы», как то подобает настоящему оружию. И потому она в руках воинов не изображалась. А в Сирии-Палестине ее в это время не изображали даже в руках богов.

В Малой Азии в III—II тысячелетиях до н. э. булава чаще играла сакральную роль (табл. XXX, 70—72; XXXI, 15, 16). Боевыми были совершенно уникальные, найденные только в Хороз-тепе, памятнике XXIII—XXII вв. до н. э., булавы, чья ударная часть в форме сплюснутого полушария, «нарезанного» сеткой, образующей шипы, находится не сверху, а сбоку трубчатой втулки, которая оттянута на задней стороне книзу, как втулки месопотамских

топоров [Tezcan, 1960, табл. XXVIII]. Прототипом этого «гибрида» послужили топоры из другого анатолийского памятника, несколько более раннего — Махмутлара (табл. XIX, 60).

На Кавказе чисто боевая булава была очень популярна на протяжении всего исследуемого периода (табл. XXX, 95—101; XXXI, 27—48, 50, 90—106). В качестве булавы там эффективно могли использовать и шипастые, реже рифленые бронзовые набалдашники — подтоки дротиков и навершия посохов (табл. XXXI, 107—111). Разумеется, «практичность» кавказских булав не умаляет той сакральной роли, которую они могли играть в представлениях современников. Лишь у редких экземпляров таковая роль может считаться особенно ярко выраженной (табл. XXXI, 49).

В зоне степей, а также в Средней Азии в III—II тысячелетиях до н. э. булава была распространена чрезвычайно широко. Изготовлялась она в основном из камня и обычно имела шарообразную, часто приплюснутую форму (табл. XXX, 96, 97; XXXII, 1—3, 6—9, 73). Встречаются и более сложные формы — с плоским верхом (табл. XXX, 98), а в Северном Причерноморье известны заимствованные с Кавказа шаровидные и грушевидные булавы с четырьмя округлыми шипами (табл. XXXII, 4, 5).

В Бактрии II тысячелетия до н. э. изготовлялись бронзовые трубчато-втульчатые булавы палестинского типа, воспринятые из западных областей Ирана (табл. XXX, 94; XXXI, 25, 113—120). В научной литературе бактрийские булавы обычно считаются флаконами для благовоний. Однако полностью с этим согласиться трудно, так как в большинстве они совершенно идентичны заведомым булавам типа трубчато-втульчатых. Даже наиболее миниатюрные экземпляры, находимые вместе с вставленными в них булавками, в погребениях (всегда разграбленных современными грабителями, поэтому материал погребений известен лишь благодаря антикварной торговле, а сам этот обряд пока не подтвержден археологически) не являются флаконами. Нам они представляются символами тех же булав, а вставленные в них вместо древков булавки — магическим удвоением значения символа: ведь булавка — заколка для одежды или прически — представляет собой штырь с обычно круглым навершием, т. е. маленькую модель булавы. Это точно отражено и этимологией русского слова.

Широкое распространение каменных булав в Средней Азии и степной зоне Евразии связано не с развитием эксплуататорских отношений, влекущих широкомасштабный захват военнопленных, а с военно-технологической отсталостью данных регионов, где булава являлась самым мощным, эффективным, наряду с топором, оружием рукопашного боя и, так же как и топор, была малодоступна широким массам воинов, в большинстве своем, видимо, лучникам и пращникам.

Быстрое военно-технологическое развитие у племен и народов Китая — как у хуаских, так и нехуаских — в последние века II тысячелетия до н. э. привело к почти полному исчезновению там каменной булавы, чрезвычайно широко распространенной в неолите, в эпоху ранней бронзы (табл. XXXII, 19—29). Только изредка бронзовое навершие булавы находят среди материалов погребений в центральных районах Китая: видимо, не только боевым оружием, но и инсигнией власти в X в. до н. э. служил шестопер из погребения цайского «бо» Чжуна.

Но на северо-востоке КНР, а также в Корее и Приамурье булава, выделанная из камня, а позднее и из бронзы, сплющенная, дисковидная или звездчатая, использовалась в течение всего I тысячелетия до н. э. (табл. XXXII, 30—37).

Во второй половине II — начале I тысячелетия до н. э. булава в качестве боевого оружия очень широко применялась на Кавказе и в Западном Иране.

Если кавказские каменные и бронзовые булавы отличаются скромностью отделки, чистотой обработки и преимущественно близкими к шару формами при многообразии разделки поверхности, гладкой, ребристой, долькообразной, с округлыми выступами и шипами (табл. XXXI, 27—50, 90—106), то западноиранские, особенно лурестанские булавы, преимущественно бронзовые, поражают обилием форм (табл. XXXI, 17—24, 72—89). Очень часто, по древней ближневосточной традиции, они имеют длинную трубчатую втулку, а навершия представляют собой круглые и сплющенные шары, груши, сдвоенные конусы, двойные вертикальные полушария, полые стержни; вся поверхность наверший бывает обычно разделана дольками, пирамидальными выступами, рельефными линиями, шипами, зоо- и антропоморфными изображениями.

В Ассирии, судя по изображениям времени первых столетий I тысячелетия до н. э. (табл. XXXI, 51а—66, 68, 69), булавами были вооружены преимущественно бездоспешные лучники и царские телохранители; была булава и царской инсигнией. Характерно, что самые разнообразные формы булав, запечатленные ассирийскими художниками, часто совпадают с формами реальных булав из Северной Сирии (табл. XXXI, 70, 71) и Лурестана (табл. XXXI, 76—83). Это помогает уточнить хронологию булав и связанных с ними предметов из Сирии и Ирана.

В степной зоне Евразии конца II — начала I тысячелетия до н. э. в связи с резким развитием и распространением металлического оружия многообразных видов и достаточно развитых, совершенных форм наблюдается постепенное сокращение применения булавы.

Если в погребениях Предкавказья (табл. XXXII, 12, 13) и Средней Азии (табл. XXXII, 14) первой четверти I тысячелетия до н. э. мы еще встречаем булавы в качестве обычного боевого оружия, то позднее, во вторую половину VII—III вв. до н. э., булавы клали изредка лишь в погребения знати, для которой это оружие явно оставалось инсигнией власти.

На востоке степной зоны Евразии булавы очень просты по форме — шарообразные либо округлые приплюснутые, биконические (табл. XXXII, 18—20), сделанные из бронзы, камня и даже железа. На западе степной зоны, у скифов Причерноморья, все булавы (встречающиеся в единичных экземплярах) металлические — свинцовые шаровидные (табл. XXXII, 16) либо великолепные бронзовые шестоперы (табл. XXXII, 15); последние по форме ничем не отличаются от тех, что будут применяться через 1800 лет.

Как мы видим, использование булавы было связано с двумя основными факторами: военно-технологической отсталостью, слабым развитием вооружения, основанного на базе металлургии, при наличии родо-племенной структуры общества, где булава в качестве сакрально-магического символа мужественности отличала каждого главу рода и семьи; подобную картину мы наблюдаем в степной зоне до конца II, а кое-где и начала I тысячелетия до н. э., в значительной мере и в Средней Азии в это же время. Социально-репрезентативный фактор обусловил длительное широкое распространение булавы в обществах с очень высоким уровнем производства металлического оружия, но с низким уровнем социальной стратификации, каковыми были общества Кавказа и Западного Ирана, абсолютное большинство населения которых состояло, видимо, из свободных общинников. Наконец, в высокоразвитых классовых обществах — огромных державах древнего Востока булава могла в массовом количестве применяться как орудие, при помощи которого добывали пленных, поскольку булава не наносила тяжких повреждений.

Боевые молоты по своей военной функции (и тому сакрально-магическому значению, которое им придавалось древними) совершенно аналогичны булавам, на древнем Востоке применялись спорадически. Основной территорией

относительно широкого использования их в бою была степная зона Евразии, где в III—II тысячелетиях до н. э. их делали из камня (табл. XXXII, 41—49, 72, 74), а в середине I тысячелетия до н. э., когда их стали использовать реже, боевые молоты изготовлялись уже из бронзы (табл. XXXII, 51, 52), хотя каменные еще применялись на крайнем востоке степной зоны (табл. XXXII, 85). Зато как дополнительный поражающий элемент, молот на обухе топора или чекана применялся очень часто (табл. XXII, 45, 48, 50, 51, 54—57, 64, 73, 102; XXIII, 2—16, 19—21, 23; XXIV, 1—4), но особенно опять-таки в степной зоне Евразии I тысячелетия до н. э. (табл. XXIV, 44—58, 61—64, 71—78, 80—88, 90—93, 95—105; XXV, 5—8, 10—19, 23, 25—29, 31, 34, 36, 37; XXVIII, 15, 17, 19, 20, 43—46, 66, 67, 74, 75, 93, 94, 96, 97, 99, 100, 102).

Боевые дубины из твердых пород дерева являются исключительно архаическим оружием, восходя к первым человеческим орудиям. В рассматриваемое в настоящей книге время они применялись в военных действиях на древнем Востоке уже крайне редко и в очень своеобразном виде. То была ударно-метательная дубина, плоская, изогнутой формы — «бумеранг», судя по реальным, дошедшим до нас образцам, не возвращавшийся (возвращающиеся бумеранги вообще являются уникальным, известным только в Австралии изобретением). Подобные метательные дубины очень хорошо известны по этнографическим материалам [Ратцель, 1900, т. I, с. 222, 349; Stone, 1961, рис. 395, 435, 521, 665, 669, 310, 345, 414, 520, 523].

Легкая метательная дубина была прекрасно известна в Египте, но применялась в эпоху фараонов обычно только во время охоты [Touny, Wenig, 1969, с. 67, 68, рис. 50—51]. В качестве же боевого оружия она зафиксирована в руках западносемитских наемников в сцене осады крепости на стенописи в Бени-Хасане (XIX в. до н. э., табл. XXXII, 53, 54). Влияние этих наемников до некоторой степени привело к возрождению использования легкой дубинки и в собственно египетских контингентах войска фараонов (табл. XXXII, 55—70, 76—80).

8. КОПЬЯ И ДРОТИКИ

Копье представляет собой древковое оружие среднего радиуса действия с колющей функцией и состоит из древка длиной от 1,5 м и более и наконечника. Копье использовалось как для удара, так и для метания на близкое расстояние. Специально метательные копья с обегченными древками и наконечниками, обычно меньших, чем у копья, размеров, называются дротиками.

Копья по своему поражающему действию-уколу однофункциональны, чем отличаются от остального ручного оружия. В связи с этим наконечники копий, несмотря на значительное, казалось бы, разнообразие форм, значительно менее специализированы по сравнению с клинками других видов оружия. Исключение составляют разве что уж крайне специализированные типы — с широким закругленным концом, рассчитанным на нанесение широкой раны бездоспешному противнику, или узкое граненое острие, пробивающее доспех из металла или иного твердого материала, но эффективное, разумеется, и во всех остальных случаях. Копья с большим тяжелым наконечником и толстым древком были в принципе рассчитаны на удар, а для метания малопригодны. В основном же наконечники копий выполняли колющую функцию более или менее одинаково. Определенное значение в бою играли толщина и прочность древка, однако установить эти параметры трудно, так как диаметр втулки может быть заведомо меньше диаметра древка, равняясь диаметру насада, а разница между ними создавала упор для наконечника. Кроме того, тонкое древко из особо прочного дерева или тростника не уступало в надежности

толстому из мягких пород. Таким образом, по наконечнику копья крайне сложно судить о всех специфических особенностях его применения в бою, кроме отмеченных специализированных типов.

Значительно важнее для определения этих особенностей боевого применения копья знание о длине древка. Но и в этом плане вряд ли существовала значительная разница между оптимальными, усредненными размерами и особо длинными, которые опять-таки не годятся для метания. Вообще же конкретная боевая функция копья, за исключением редких случаев, поддается определению только в совокупности с данными о применении прочего оружия, т. е. во всей системе вооружения.

По своей распространенности копье в качестве оружия издревле должно было находиться на первом месте, поскольку прототипом для него послужила заостренная жердь. И в эпоху металла в силу простоты изготовления и большой эффективности поражения копье продолжало оставаться самым распространенным оружием боя на короткой и средней дистанциях. Малое количество металла, необходимое для изготовления наконечника, также могло способствовать доступности этого оружия. И надо отметить, что производство наконечников и дротиков было, по всей видимости, первым опытом применения металла для изготовления оружия. Поиски мастеров на пути развития наконечника касались в основном способа насадки его на древко, тогда как форма клинка впрямую зависела от характера защитного вооружения противника. Вооружение и тактика в целом определяли такие параметры, как величину наконечника и длину древка.

В III — первой половине II тысячелетия на Ближнем и Среднем Востоке, в Индии, на Кавказе и в Средней Азии применялся черешковый насад наконечника (табл. XXXIII, 9, 12, 13, 39, 40, 49—66, 68, 70, 73, 78—87, 89, 91—104, 106, 134; XXXIV, 5—12, 14, 24, 49, 50, 54, 55, 58, 61, 72—75, 77—82, 84—89, 92—97, 99—101), причем выработанные в Месопотамии в середине III тысячелетия до н. э. основные типы — с граненым клинком на объемном штыре и с листовидным клинком на плоском черенке с отверстиями для заклепок — в практически неизменном виде распространились до Кавказа и Бактрии, где дожили до середины II тысячелетия до н. э. С введением на Ближнем Востоке во второй половине III тысячелетия до н. э. втульчатого насада (табл. XXXIII, 22, 23, 31) к середине II тысячелетия втульчатые наконечники становятся абсолютно преобладающими на всем древнем Востоке, и конструкция наконечника копья с тех пор практически не меняется.

Несмотря на свою технологическую простоту, копье сыграло выдающуюся роль в развитии тактики боя. Именно его применение позволило (при соответствующих условиях развития государственности на базе раннегородских цивилизаций с высоким уровнем технологии производства металла) наряду с наличием большого щита выработать сомкнутый строй пеших воинов, подчиненный строгой дисциплине и действующий благодаря синхронности движений каждого из воинов как единое целое. Этот строй, известный в античности под греческим термином «фаланга», был, судя по изображениям на месопотамских памятниках искусства середины III тысячелетия до н. э. (табл. XXXIII, 45), известен уже шумерам и аккадцам. Копье было наступательным оружием фаланги, потому что только оно позволяло, удерживая поражаемого противника на расстоянии, обеспечивать безопасность и синхронность движения всех воинов, составляющих фалангу.

Определенной спецификой отличаются наконечники дротиков. Уже в III тысячелетии до н. э. в Месопотамии наряду с черешковыми появляются и втульчатые дротики с пером, снабженным опущенными вниз жалами, препятствующими вынниманию наконечника из раны, разрывающими ткани тела (табл. XXXIII, 28, 29). Наконечники дротиков с жалами бытовали там же и во II тысячелетии до н. э. (табл. XXXIII, 101, 102; XXXIV, 64, 68, 71), а в I тыся-

челетии до н. э. были как бы «заново» изобретены скифами (табл. XXXVI, 161, 167; XXXVII, 22, 23, 30, 31, 33, 39, 72).

Вообще боевые свойства дротика часто недооцениваются, может быть, потому, что ими была снабжена наиболее многочисленная и хуже всех вооруженная часть малосостоятельных воинов. Однако, как показывают дошедшие до нас свидетельства, в умелых руках дротик был исключительно эффективным оружием. Особенно показательны здесь этнографические африканские материалы. Так, дротик был единственным оружием, с которым охотились на таких могучих хищников, какими являются львы, с ними же выходили на слонов и носорогов с их необыкновенной по толщине и прочности шкурой. Что касается чисто военного применения дротиков, то здесь мы остановимся лишь на одном примере.

Этнографы прошлого века сообщают, что эфиопские щиты из толстой твердой кожи буйволов невозможно было пробить обычными свинцовыми пулями (из гладкоствольного ружья), поэтому приходилось использовать рубленный железный прут [Ратцель, 1900, т. 2, с. 471]. А. К. Булатович, описывая эфиопский турнир, когда всадники, прикрытые такими щитами, мечут друг в друга дротики, у которых для безопасности сняты наконечники, т. е., в сущности, простые жерди, упоминает случай, когда от удара такой жердью щит был пробит насквозь и сломана лучевая кость руки, державшей «пуленепробиваемый» щит и, казалось бы, надежно прикрытой им, тем более от палки [Булатович, 1971, с. 98]. Какова же была сила удара дротика с металлическим наконечником? Не случайно же, обращаясь к древнеевропейской военной истории, мы видим, что дротик-пилум был основным оружием победоносных римских легионов, а дротик-ангон являлся страшным оружием в руках франкских завоевателей. Меткость в метании дротика отражена одним из греческих изображений скифа, который показан охотящимся с дротиком на зайца [Rolle, 1980, с. 107]. Копья и дротики были оружием как пешего, так и колесничного и конного боя. Первыми использовали длинное копье и дротики в колесничном бою воины Месопотамии уже к середине III тысячелетия до н. э. (табл. XXXIII, 41, 42, 47, 48). Во II тысячелетии до н. э. колесничный бой копьями практиковали воины Эгеиды и Малой Азии [Greenhalgh, 1973, с. 8, 9], тогда как в Восточном Средиземноморье и Месопотамии господствовал введенный в начале этого тысячелетия лучной колесничный бой (табл. XL, 36, 40, 47; XLI, 21, 64) [Горелик, 1985, с. 196]. Похоже, что индоиранцы, заимствовавшие боевую колесницу восточносредиземноморского типа [Горелик, 1985, с. 198, 200], переняли и сирийский колесничный лучной бой, а не эгейско-хеттский копейный с применением тех же восточносредиземноморских колесниц. Во всяком случае, петроглифы Евразии, отразившие колесничный путь индоиранцев на Восток, показывают именно колесничных стрелков (табл. XLII, 70). Лук в качестве основного оружия колесничных воинов фигурирует и в ранних индоарийских памятниках словесности.

В Евразийских степях II тысячелетия до н. э. копье наряду с топором было основным видом оружия. Об этом говорят многочисленные находки наконечников (табл. XXXVI), именно на их изготовление шла большая часть бронзы. Если ранние, еще часто медные, копья степняков продолжали традицию ставших уже архаичными черешковых наконечников, то с середины II тысячелетия до н. э. они уже всегда изготовляются втульчатыми и подразделяются на массивные, длинные копейные и короткие легкие дротиковые наконечники. Дротики могли применять как пешие, так и колесничные бойцы, тогда как копья, судя по массивности наконечников и большому диаметру отверстия втулки, имели длинные и толстые древки и использовались, скорее всего, только в пешем бою.

Китайцы, позаимствовав с запада колесницу, также, судя по памятникам словесности, использовали ее прежде всего для лучного боя [Щицзин, с. 97, 98, 182], о чем свидетельствует и отсутствие наконечников копий в колесничных погребениях иньской эпохи [Варёнов, 1983, с. 122]. Но уже с раннечжоуского времени колесничные воины применяли здесь, хотя и не часто, копье [там же, с. 123; Ян Хун, 1980, рис. 71] (табл. XXXVIII, 70). Массивные же иньские копья были оружием плотных построений пехоты. Наконец, максимального эффекта применение копья достигает у скифов, чья латная конница, сражавшаяся длинными, до 3 м, копьями, явилась предшественницей катафрактариев поздней древности [Черненко, 1971; Тереножкин, 1973, с. 143] и рыцарей средневековья.

9. УСЛОЖНЕННЫЕ И КОМБИНИРОВАННЫЕ ФОРМЫ ДЛИННОДРЕВКОВОГО ОРУЖИЯ

Тенденция разнообразить или увеличить, продублировав, поражающие функции отдельно взятого экземпляра длиннодревкового оружия выявилась на древнем Востоке очень рано.

Так, большая популярность выпала на долю боевых вил, двузубых или трезубых, изобретенных в Месопотамии в середине III тысячелетия до н. э. (табл. XXXIII, 35—38). Оттуда они распространились в Малую Азию (табл. XXXIV, 4), Сирию и Египет (табл. XXXIV, 22, 23, 43, 62, 116), Иран (табл. XXXIII, 90; XXXIV, 22—24, 26) и Закавказье (табл. XXXIV, 109, 110, 112; XXXV, 58—63, 99). В Закавказье и Западном Иране они стали весьма популярны и намного пережили этот вид оружия на его родине. Боевые вилы, надо полагать, были оружием пеших воинов, но не исключено, что ими могли пользоваться и колесничные воины, так как много большая, чем у копья, поражающая площадь вил была весьма кстати в колесничном бою, когда очень трудно прицелиться и нанести точный удар с подпрыгивающего, быстро несущегося мимо противника, кузова.

Особое развитие комбинированное, полифункциональное длиннодревковое оружие получило в Китае. Здесь хуасцы и их ближайшие северо-восточные соседи уже с конца II — начала I тысячелетия до н. э. проявили неистощимую изобретательность в создании новых форм оружия, соединив на одном длинном — от 1 до 2 м и более — древке чеканы «чо (куй)» и «гэ», копья, секиры и совершенно новые поражающие элементы, неожиданных и оригинальных (табл. XXXIX, 1—29, 32—37) и, главное, крайне эффективных форм. Произошло это на рубеже II и I тысячелетий до н. э., в одном клинке соединили формы колющего чекана «куй» или «гэ» с колющим же наконечником копья (табл. XXXIX, 1, 3) либо чекана с рубящим клинком вертикальнолезвийной узкой секиры (табл. XXXIX, 2—5, 7, 8), причем встречаются экземпляры с двойными клинками чеканов (табл. XXXIX, 10, 12).

К середине I тысячелетия до н. э. из всего этого разнообразия форм классическую завершенность получили два вида комбинированного оружия — копье с булавой «шу» (табл. XXXIX, 27—29) и особенно глефа «цзи», у которой в одном, традиционном для Китая плоском, врезном клинке соединились чекан «гэ» с длинной режущей бородкой и колющее копейное острие (табл. XXXIX, 14—20, 24—26, 40). К III в. до н. э. «цзи» изготовляют уже из железа, а ее пропорции стали более длинными и тонкими (табл. XXXIX, 26а), что характерно и для китайских мечей, сделанных из железа. Сложное длиннодревковое оружие применялось изначально в основном, скорее всего, пешими воинами, причем очень возможно, что оно было изобретено как средство для борьбы с боевыми колесницами, которым можно было заколоть коня или

подсечь ему ноги, зацепить и стащить с кузова воина, заколоть и зарубить его. На основании многочисленных находок такого оружия в погребениях с колесницами Ян Хун видит в нем оружие прежде всего колесничного воина [Ян Хун, 1980, с. 89—90, рис. 72, 73]. Нисколько не отрицая такой возможности, мы полагаем все же, что для действия из кузова колесницы это оружие, как и чекан или топор, было все же вспомогательным по сравнению с луком. Поздние формы глефы «цзи» были взяты на вооружение конницей около III в. до н. э., видимо, после не совсем удачных попыток создания китайцами конницы лучников, наподобие той, что была у северных кочевников, у которых китайцы заимствовали саму идею конницы. Но основным и наиболее эффективным, особенно против всадников, сложное оружие было в руках пехотинцев. Не следует забывать, что подобное оружие в Европе, сформировавшееся там только к XIV в., обеспечило победу слабой прежде пехоты над всесильными, полностью закованными в броню рыцарями.

МЕТАТЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ ДАЛЬНЕГО БОЯ

10. ПРАЩА

Праща является древнейшим метательным оружием дальнего боя, исключительно простым в изготовлении, дешевым и потому повсеместно распространенным. Пращевые ядра, каменные и глиняные, диаметром от 3 до 6—8 см сотнями находят в развалинах древневосточных городов, а также в могилах степных кочевников (табл. XL, 1—8, 56) [Чайлд, 1956, с. 168, 184, 299, 316]. Устройство обычных пращей примерно одинаково, как и пользование ими. Праща представляет собой веревку или ремень, куда вкладывают камень, чаще всего в специальный открытый «гамачок» в середине, и, накрепко зацепив за большой палец один конец и придерживая остальными второй, пращу раскручивают. После придания достаточной инерционной силы, отпускают свободный конец, и ядро летит в цель.

Реальные пращи и их изображения особенно часто находят в Египте (табл. XL, 1а, 3). Там же встречаются изображения не совсем обычного вида — пращи-«ложки». Это оружие давно было выделено в древнеегипетской иконографии времени Нового царства (с середины II тысячелетия до н. э.) как один из основных элементов вооружения фараонов и богов [Bonnet, 1926, с. 41; Wolf, 1926, рис. 17] (табл. XL, 8, 56). Но до самого недавнего времени оно всегда трактовалось только как своеобразная булава, комбинированная с клинком секиры [Bonnet, 1926, с. 41; Wolf, 1926, с. 38, 68, рис. 19, 44]. И лишь на примере с пращой Давида было доказано, что в большинстве случаев здесь можно говорить о метательном орудии [Газов-Гинзберг, 1966, с. 54—59], использовавшем силу рычага-удлинителя руки.

Кстати, пример с Давидом говорит о том, что праща-«ложка» была распространена и в Палестине. Более того, наиболее ранние изображения пращи-«ложки» — на стенной росписи гробницы Имаунезеха в Фивах, датируемой XV в. до н. э. (табл. XL, 8, 56),— показаны среди предметов дани жителей Палестины-Сирии. Согласно данным, праща-«ложка» была известна ассирийцам, поэтому ничем другим не может быть «деревянная праща», фигурирующая в анналах Саргона II [Salonen E., 1965, с. 135]. К сожалению, до сих пор нет точных экспериментальных данных относительно поражающего эффекта пращи, хотя ею кое-где еще пользуются до сих пор: на всем Ближнем Востоке мальчики с ее помощью охраняют созревающие злаки от птиц. Не приходится сомневаться, что праща была достаточно мощным оружием. По свидетельству Ксенофонта, персидские пращевые ядра

диаметром с руку причиняли серьезные раны и контузии греческим наемникам, защищенным панцирями и щитами (Анабасис III, III, 6, 7, 17). Битва при Сфактерии показала силу пращей, ядрами которых наряду с дротиками фактически была перебита закованная в доспехи спартанская фаланга [Разин, 1955, с. 168].

Профессиональное овладение искусством метания ядер из пращи, как и любым другим метательным оружием, а пожалуй, и в еще большей мере, требовало многолетних, обычно с раннего детства, тренировок. Особая ценность наемников-пращников в древности показывает большое значение применения пращи в бою.

11. ЛУК И СТРЕЛЫ

Лук был основным метательным оружием дальнего действия, а в некоторых древневосточных обществах — основным видом оружия вообще. Исключительно ценные боевые качества лука были освоены уже в эпоху мезолита * [Gamber, 1978, рис. 27]. Ф. Энгельс считал лук важнейшим техническим изобретением древности [Энгельс. Происхождение, с. 29—30], позволявшим настигать прежде недоступную добычу, а при военных действиях обеспечивавшим поражение противника на далеком, безопасном для стрелка расстоянии. Первостепенная значимость лука как орудия охоты и боевого оружия отразилась в богатейшем комплексе идеологических представлений самых различных народов планеты, где он является олицетворением мироздания, сил и процессов плодородия и т. п. [Мифы народов мира, 1982, с. 75—77]. Истории лука посвящена очень обширная литература. Однако до сих пор в мнениях о типологии лука существует определенная разноголосица. Вслед за Г. Раусингом наша типология луков основывается на двух параметрах: конструкции предмета и его форме. Хотя форма во многом зависит от конструкции, зависимость эта весьма относительна: простую палку можно выгнуть в самую сложную форму, а самый сложный лук может иметь вид простой палки.

По конструкции мы подразделяем лук на следующие типы: 1) простой, т. е. состоящий из одного цельного куска дерева; 2) усиленный, когда цельнодеревянная основа усиливается в определенных местах накладками из пластин дерева, рога, кости и других твердых материалов, а также путем привязывания или приклеивания пучков сухожилий; 3) сложный, когда древко лука состоит из более чем одного слоя дерева или другого твердого материала, причем основной слой материала (практически всегда дерево) представляет собой цельный по всей длине лука кусок; 4) составной, когда древко лука собирается из нескольких коротких кусков, образующих его длину. Три последних конструктивных приема могут и, как правило, применялись одновременно для изготовления одного изделия, что позволяло крайне разнообразить конструкцию лука, добиваясь от него необходимых для каждой конкретной задачи свойств. Что касается формы лука, то она варьирует весьма широко, однако для определенных форм лука характерны определенные варианты конструктивных типов. Существующая «этническая» (скажем, «скифский» лук, «гуннский» лук и т. п.) терминология при типологизации отражает сочетание определенной формы лука с определенной конструкцией, связанных с традицией какого-либо этноса и в принципе может быть приемлема, если только не забывать, что эти названия условны, ареал распространения каждого типа много шире ареала этноса-«эпонима».

---

* В настоящее время обсуждается возможность отнесения ряда образцов пещерной настенной живописи с изображениями луков к позднему палеолиту.

Поскольку луки изготовлялись из органических материалов, их находки — большая редкость и потому особенно ценны, так как по изображениям далеко не всегда можно точно судить о конкретной конструкции лука.

Единственной страной, древние луки которой нам известны с достаточной степенью подробности, является Египет, чей климат и почва сохранили множество древних изделий из органических материалов.

По египетским находкам и изображениям видно, что древнеегипетские луки по конструкции были простыми, а по форме — сегментовидными и двояковыгнутыми (табл. XL, 9—12, 14—30, 32—36, 40, 42—44, 48). В Египте лук был важнейшим оружием, широко применявшимся на войне в течение всей его древней истории. Не стоит думать, как это нередко принято, что простой лук являлся всегда более слабым, чем луки остальных типов: будучи крупных размеров (а египетские луки часто превышали 1,5 м), при применении соответствующих пород дерева, простой лук был очень мощным оружием, примером чему могут служить английские луки, в пределах 100 м пробивавшие стальную броню.

Наряду с простыми в середине II тысячелетия до н. э. в Египте применялись, правда, видимо, только в царском обиходе, судя по изображениям и дошедшим до нас роскошным экземплярам (табл. XL, 31, 37—39, 45—47а, 49—55), и сложные луки, склеенные из пластин дерева разных пород, рога и иногда усиленные сухожилиями [Rausing, 1967, с. 71—72]. По форме эти луки были сегментовидными, как и простые, тех же размеров и, как и они, не рефлексивными, т. е. в спущенном, без тетивы, состоянии они не были выгнуты в обратную натяжению сторону. Сила этих луков была, видимо, огромна: из изображений и надписей явствует, что стрелой из них пробивали медную доску толщиной в палец, а то и несколько таких досок, поставленных на небольшом расстоянии одна за другой (табл. XL, 38). Ряд исследователей связывает происхождение (усматривая даже прямой ввоз) этих сложных луков с сиро-месопотамским регионом [Rausing, 1967, с. 77]. Это весьма правдоподобно, так как в Месопотамии сложные, а то и сложносоставные луки, несомненно, были известны еще на рубеже IV—III тысячелетий до н. э., судя по «Стеле охоты» из Урука (табл. XLI, 3), где лук сегментовидной формы имеет отогнутые вперед концы-рога. Вообще, есть мнение, что лук в Месопотамии до последней трети III тысячелетия до н. э. применялся очень мало, ввиду отсутствия там подходящего для его изготовления дерева. Но это мнение в значительной мере опровергается упомянутым изображением из Урука и рядом других (табл. XLI, 1, 2, 5—7). Что же касается материала, то бамбукоподобный тростник, росший в Месопотамии в изобилии, был прекрасным материалом для луков и стрел, да и ввоз нужных пород дерева не являлся слишком трудным делом. В эпосе о Гильгамеше в качестве оружия героя отмечен аншанско-эламский лук [Эпос о Гильгамеше, с. 25], видимо как раз и сделанный из привезенного с востока дерева.

Большая эффективность щитоносной фаланги копейщиков в сочетании с плотной массой сражавшихся одновременно топором и копьем тяжеловооруженных воинов, предводительствуемых колесничными копейщиками и дротометателями, видимо, действительно отодвинули дистанционный бой в Месопотамии середины III тысячелетия до н. э. на второй план. На изображениях того времени из северо-запада Месопотамии совершенно неожиданно встречается «скифский» лук. Его появление и распространение обычно датируют по находкам определенных типов наконечников стрел второй четвертью I тысячелетия до н. э. и непосредственно связывают с конницей скотоводов евразийских степей. Поэтому изображение типичного «скифского» лука, маленького, сигмообразного, представляется странным на гравированной каменной плакетке, найденной в городе Мари в слоях, датируемых серединой III

тысячелетия до н. э. [Gonen, 1975, с. 52] (табл. XLI, 4). Стиль рисунка, а также изображенные на нем реалии: вооружение, костюм не оставляют сомнения в том, что этот памятник был изготовлен на месте находки — в Мари, в середине III тысячелетия до н. э. Лук натягивает воин в типично шумерском боевом облачении — шлеме, «шарфе» с металлическими бляхами и фестончатой юбке. Сцена, видимо, изображает осаду города, так как лучник стреляет вверх, а другой воин с коротким копьем прикрывает его огромным станковым щитом. Сейчас трудно сказать точно, местное ли это оружие — «скифский» лук или заимствованное, но если и заимствованное, то вряд ли из неолитическо-раннебронзовых культур тогдашней евразийской степи. Небольшие размеры «скифского» лука — 70 — 100 см, обычно связываемые с удобством стрельбы с коня, совершенно, на наш взгляд, к этому отношения не имеют: известны весьма крупные луки — монгольские, китайские, а то и очень длинные японские, которые с успехом использовали всадники, тогда как в некоторых европейских странах, а также в Турции, Корее и других маленькие сложносоставные луки применяли пешие воины. Однако нужно отметить, что основное время бытования и самого широкого распространения «скифского» лука действительно приходится на первую половину — середину I тысячелетия до н. э.

Для Месопотамии последней четверти III тысячелетия до н. э. характерно широкое распространение лука, который становится важнейшим оружием; о его высоком престиже говорит то, что он входит в число царских инсигний (табл. XLI, 8 — 12). Судя по небольшим размерам кибити, которая имела форму, переходную от М-образной «скифской» — к сегментовидной, и длинным, чуть изогнутым рогам, он был сложносоставным. Тогда же появляется и лук треугольной формы, о конструкции которого трудно что-либо сказать определенное, хотя этот лук применялся на всем ближнем Востоке вплоть до начала I тысячелетия до н. э. (табл. XLI, 13, 17 — 20, 23, 32, 35, 36, 38, 40, 44, 46, 47, 77, 79). Столь же широко был распространен и гораздо дольше применялся сегментовидный лук небольших размеров, типа изображенного на стеле из Урука и, несомненно, как минимум, сложный, судя по его небольшим размерам, при которых он, если бы был простым, оказался бы слишком слабым (тем более что из него стреляли длинными толстыми стрелами с крупными тяжелыми наконечниками) (табл. XLI, 12, 21, 22, 24, 25 — 31, 33, 34, 42, 43, 45, 47, 48, 49, 50 — 53, 64, 71, 76 — 78). Сегментовидный лук сохранился в ахеменидском Иране на вооружении у эламитов (табл. XLI, 55, 59) и персов, когда последние надевали аншанский костюм [Горелик, 1985] (табл. XLI, 56 — 58, 60).

Поздним образцом лука сегментовидной формы является сложносоставной лук с надписью «YRZI» первых веков нашей эры, найденный хорошо сохранившимся при раскопках в Дура-Европосе [Rausing, 1967, с. 138, 139, рис. 52].

Какой был лук у насельников евразийских степей до конца II тысячелетия до н. э. — времени появления там «скифского» лука, неясно. Хотя теперь и известны находки остатков реальных луков II тысячелетия до н. э. на западе степной зоны [Черненко, 1981, с. 19], пока мы можем только сказать, что они были крупными, свыше 1,2 м длины. Вероятно, в массе луки степняков были довольно крупными, простыми, сегментовидными, о чем можно судить по евразийским петроглифам второй половины II тысячелетия до н. э. (табл. XL, 35). Подобные луки, весьма крупные и иногда очень сильные (поэтому их натягивали, уперев нижний конец в землю и помогая ногой), засвидетельствованы Ксенофонтом у ираноязычных кардухов на западе Ирана и Арианом у воинов севера Индии [Хрестоматия, 1950, с. 283], чему не противоречат данные индоарийской словесности и индийский изобразительный материал I тысячелетия до н. э. [Pant, 1978, с. 61 — 67, 115, 117, 123, 124].

В новом появлении «скифского» лука должны были решающую роль сыграть традиции востока Азии второй половины II тысячелетия до н. э. А. П. Окладников считал сложносоставными огромные сложные, деревянно-роговые восточносибрские луки II тысячелетия до н. э. [Окладников, 1950, с. 227—229; Окладников, 1940] (табл. XLII, 31—34). Однако с большей, практически с полной уверенностью к сложносоставному типу можно отнести китайские луки, чья сигмообразная форма засвидетельствована для последней четверти II тысячелетия до н. э. иньскими гадательными надписями (табл. XLII, 1—9), где они показаны как с надетой, так и со снятой тетивой, с особо крупным и более загнутым верхним рогом, который, видимо, и снабжался накладкой из нефрита или рога: иногда ее находят в погребениях (табл. XLI, 10—12, 135). Это уже вполне сформировавшиеся сложносоставные, крупные (до 140 см длиной), рефлексивные мощные луки, которые без особых изменений изготовлялись и применялись в Китае на протяжении всего I тысячелетия до н. э. (табл. XLII, 13—27).

Находки остатков луков в погребениях показывают, что луки составлялись из разных слоев и кусков дерева различных пород, бамбука, рога, пучков волокон [Хаяси, ил. 370; Cheng Te-k'un, 1963, с. 244]. Несомненно, сложносоставные луки Китая — местного происхождения, так как, соглашаясь с Г. Раусингом, мы считаем, что для появления сложносоставного лука необходимо наличие комплексного — земледельческо-скотоводческого хозяйства [Rausing, 1967, с. 128], в котором развитие скотоводства давало возможность широко использовать рог, кость, сухожилия, а керамическое производство позволяло варить клей, сухожилия, соблюдая сложные технологические условия. Кстати, схожую хозяйственную ситуацию мы наблюдали и в древнейшей Месопотамии.

Видимо, именно к китайским восходят древнейшие степные луки «скифского» типа, изображенные на «карасукского» времени петроглифах и «оленных камнях» Центральной Азии (табл. XLII, 41—66), причем, судя по пропорциям, они по размерам не уступали китайским. Уменьшение их размеров происходит постепенно к середине I тысячелетия до н. э. в связи с распространением на запад. А около VIII—VII вв. до н. э. максимально уменьшившийся «скифский» лук, теперь уже действительно от киммерийцев или скифо-саков, вновь попадает на Ближний и Средний Восток вместе со специфическим комплексом принадлежностей и снарядов для стрельбы — характерными наконечниками стрел и горитом-футляром, где хранились вместе и лук и стрелы. Кстати, здесь неправомерно, на наш взгляд, противопоставлять в использовании «скифского» лука персов и мидийцев, как это иногда делается [Медведская, 1980, с. 33—35]. Несомненно, «скифский» лук со всеми его принадлежностями был, судя по многочисленным изображениям (табл. XLI, 62; XLVI, 38—48), столь же характерен для персов, как и для мидийцев. Отмеченное противопоставление персидского саадака мидийскому базируется на уже упоминавшемся неверном понимании мужского персидского костюма, который на самом деле представлен двумя различными комплексами: общеиранским (с башлыком, штанами и т. д.), с которым носился горит со «скифским» луком и акинак, и аншанско-эламским (куда входили юбка, тюрбан и т. д.), к которому относились «рамочные» кинжалы, трубчатый колчан и сегментовидный ближневосточный лук с концами рогов, оформленными в ассирийской традиции в виде птичьих голов (табл. XLI, 26, 30, 32, 35—40, 42, 55, 56, 80), что было также из Ассирии воспринято и для степных луков (табл. XLII, 80—86, 92—95, 101, 107, 109, 121, 123—130, 133). Заметим, что горит со «скифским» луком персы подчас носили и с аншанским костюмом, а изредка было и с акинаком.

На «скифском» луке хотелось бы остановиться несколько подробнее, так как, несмотря на большую литературу о нем, в этом вопросе имеет место

существенный, запутывающий дело элемент, который отразился даже в последней, сводной работе Е. В. Черненко. Касается это формы лука. Казалось бы, дело обстоит просто: ведь «скифский» лук представлен на десятках, если не на сотнях памятников изобразительного искусства от Южной Европы и Ближнего Востока до Центральной Азии, причем на всех изображениях он почти одинаков (табл. XLI; XLII). И несмотря на это, во всех почти работах нет четкого определения специфики формы этого оружия, ее отличия от похожих типов. Это очень распространенная ошибка, и базируется она на известном высказывании Аммиана Марцеллина (Аммиан Марцеллин, с. 285). Позднеантичный автор описывает луки «скифские или парфянские», хотя во второй половине IV в. н. э.— времени жизни Аммиана Марцеллина, он реально мог сталкиваться именно и только с парфянскими, точнее — парфяно-сасанидскими луками, а отнюдь не с луками древних скифов (вряд ли еще существовавших как этнос в то время), следовательно, их «скифскость» — просто дань древнегреческой научно-литературной традиции. Классическая же форма «скифского» лука (табл. XLI, 62; XLII, 61, 95 — 103, 106, 132) заключает следующие обязательные признаки: выгнутую в сторону стрелка рукоять (а не прямую, описанную Марцеллином, характерную для «хунно-парфянских» луков, которую любят приписывать «скифскому» луку исследователи), достаточно длинную; плечи, приблизительно вдвое превышающие рукоять по длине и резко отогнутые назад, почти прямые (а не дугообразные, как у описанного Марцеллином «хунно-парфянского» лука), поэтому изгиб перехода от рукояти к плечу не столько округл, сколько угловат; небольшие рога, более или менее изогнутые и резко отогнутые вперед (а не длинные, прямые или слабоизогнутые, лежащие по одной прямой либо немного отогнутые назад, как у «хунно-парфянских» луков), так что между плечом и рогом образуется довольно острый угол. Очень часто «скифский» лук изображен асимметричным, как правило, с более длинной верхней половиной. По конструкции был он сложносоставным, чаще всего только из деревянных частей; верхний рог мог изготовляться отдельно в «зверином» стиле из рога или кости (табл. XLII, 80 — 86), на востоке степной зоны — из бронзы [Членова, 1967, с. 64, 65, табл. 15, 2, 8; Черненко, 1981, с. 9 — 16, рис. 3, 1 — 3, рис. 5, 6] (табл. XLII, 107, 121 — 130). Он был полурефлексивным, т. е. в спущенном состоянии плечи хотя и отходили вперед, угол между рукоятью и плечами сохранялся *.

До нас дошли некоторые данные о дальности полета стрел, выпущенных из «скифского» лука. Согласно Ольвийской надписи, Анаксагор, сын Димагора, выстрелил из лука, несомненно, «скифского», так как это был самый мощный лук в Северном Причерноморье, на расстояние 282 оргия (около 521 м) [Черненко, 1981, с. 138 — 139]. Надо отметить, что ближневосточный сегментовидный лук не многим уступал в силе «скифскому». Урартский царь Аргишти, сын Русы, выстрелил из такого лука (табл. XLI, 71) на 476 м [Погребова, 1965, с. 19].

В последнее время была выдвинута идея, что «скифский» лук изображен на бронзовом поясе из Тлийского могильника в Южной Осетии (табл. XLI, 74, 75) [Черненко, 1981, с. 19; Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 74 — 75] и соответственно персонажи с этими луками — скифы. Действительно, луки, казалось бы, похожи на «скифские», только с одной, бросающейся в глаза разницей: рукояти у них не вогнутые, а выгнутые наружу. Но если сравнить луки на

---

* Недавние уникальные находки целых киммерийского (табл. XLII, 72) и скифского (табл. XLI, 76) луков точно соответствуют как изображениям, так и нашему пониманию особенностей «скифского» лука. (Автор выражает глубокую признательность А. И. Кубышеву за возможность упомянуть и опубликовать воспроизведение найденного им, пока не опубликованного, скифского лука.)

тлийских поясах с луками, изображенными на синхронном тлийскому поясе из Санаина в Армении (табл. XLI, 72, 73), то сразу видно их тождество, а уж санаинские луки никто не назовет «скифскими», поскольку они изображены огромными, в рост человека (кстати, тлийские немногим короче, но пропорции людей на тлийских поясах тоже укороченные). А если вглядеться, то и тлийские и санаинские луки отличаются от «скифских» и формой плеч: у них они выраженно округлые, тогда как у «скифского» — прямые. Скорее ближе — и по размерам, и по форме плеч — к «скифскому» луку изображенные на поясе того же времени из Марал-Дереси (Восточная Грузия) (табл. XLI, 81) и особенно на рельефе, скорее всего мидийском, гробницы в Кызкапане (табл. XLI, 61). На наш взгляд, все кавказские луки с выгнутой наружу рукоятью восходят к западноиранскому варианту треугольного лука, каким он представлен на золотой чаше из Иды (Хасанлу) (табл. XLI, 54) «скрещенным» с сегментовидным луком. К треугольному луку восходит и лук из Кызкапана, только этот последний «скрещен» действительно уже со «скифским» луком. Пока мы не можем сказать с полной уверенностью, было ли это «скрещение» реальным, т. е. существовали ли в реальности луки типов, изображенных на кавказских поясах и на кызкапанском рельефе, либо здесь мы видим «скрещение» иконографическое, т. е. развитие традиции изображения лука.

«Скифский» лук на древнем Востоке наряду с китайским был вершиной развития луков в исследуемый период, и не случайно он столь широко распространился не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и по значительной части Европы, когда греки познакомились с ним во время скифских набегов на Запад, а также во время греко-персидских войн и других военных кампаний Ахеменидов, столкнулись с массовым, неизмеримо более широким, чем на Западе, применением лука, в основном «скифского» типа, и испытали на себе его мощь. Достаточно сказать, что знаменитая оборона Фермопил была прорвана персами только тогда, когда они в результате массированного обстрела перебили спартанских гоплитов: «Варвары... засыпали их градом стрел» (Геродот VII, 225).

Большую, хотя и несравненно менее значительную роль, чем метательное устройство — лук, в процессе стрельбы играют стрелы. В принципе длина древка стрелы должна соответствовать расстоянию между натянутой тетивой и древком лука, а ее наконечник должен быть более или менее уравновешен с древком для ровного полета. В пределах этих требований допускались любые формы наконечника. В несколько большей мере форма и размеры наконечника зависели от его боевой или иной функции: предназначен ли он для стрельбы по бездоспешному противнику, в целях нанесения ему значительных ран, или для пробивания брони. И опять-таки на древнем Востоке подобная узкая специализация наконечников стрел наблюдается редко, и основная масса наконечников была универсальна по своей боевой функции. Большое значение имел материал, из которого делали наконечники.

Такие материалы, как кость и камень, еще долго после уже широкого распространения металлов использовались в отдельных районах для изготовления боевых наконечников стрел. Не следует думать, что они годились только для охоты на мелкого зверя и птицу, для стрельбы из слабого лука: костяные и каменные наконечники стрел находят застрявшими в крупных костях и людей и животных [Heath, 1971, с. 22]. Кремневые наконечники, кроме того, обладали таким ценным для этого боевого оружия качеством, как хрупкость при большой твердости: пробив мягкий покров и вонзившись в тело, они часто ломались, оставаясь в теле и вызывая воспалительные процессы в ране.

Специфическую — долотообразную форму имели египетские наконечники стрел, к тому же нередко изготовленные из камня (табл. XLVI, 4, 13—20)

и рассчитанные на нанесение рваной раны не защищенному доспехом противнику. Столь долгое применение египтянами таких примитивных стрел связано с крайне слабым развитием панцирной защиты (подобной формы наконечник не пробил бы и самой непрочной) как в самом Египте, так и особенно у южных и западных противников Египта — нубийцев и ливийцев.

Долгое, чуть ли не до середины I тысячелетия до н. э., применение кремнёвых острых, с загнутыми вниз жалами, наконечников стрел наблюдается также и на Кавказе (табл. XLIII, 187 — 194), где бронзовое оружие, в том числе и защитное, было давно широко распространено, можно объяснить отмеченными выше качествами кремнёвых изделий с особенно легко ломающимися жалами, характером кавказских панцирей, которые в основном были кожаными, обшитыми круглыми бляшками, т. е. уязвимыми для стрел, а также тем, что северные степные противники кавказцев не имели до VII в. до н. э. никакого защитного нательного вооружения. Позднее же появление металлических наконечников в степной зоне Евразии свидетельствует об общей отсталости развития там производства, особенно металлургического, по сравнению с регионами юга и отсутствием стимула к изготовлению металлических наконечников, что связано с отсутствием прочного панциря, который надо было пробивать стрелой (против же щита, даже самого слабого, бессильна любая, самая мощная стрела).

В целом же древневосточные металлические наконечники стрел достаточно универсальны и типологически делятся на очень большие группы, соответственно различным типам луков (здесь не место для подробных типологических схем, практикуемых археологами, внутри каждой из больших основных групп, так как подобное дробное членение в свете рассматриваемых здесь вопросов военно-исторического характера не имеет принципиального значения).

Основы принципиальной типологии наконечников стрел Ближнего и Среднего Востока и евразийских степей заложены статьей И. Н. Медведской [Медведская, 1980], проанализировавшей и систематизировавшей огромный материал. Как явствует из этой важной работы, для всего Ближнего и Среднего Востока до начала I тысячелетия до н. э. характерны довольно крупные бронзовые черешковые наконечники с ребром жесткости, с плоским двулезвийным пером листовидной, ланцетовидной и узкотреугольной формы (например, табл. XLIII, 26, 46 — 136 и др.). Наиболее тяжелые, в основном лавролистной формы наконечники в массе характерны для Восточного Средиземноморья, что говорит о большей мощности тамошних луков, о высокоточном, прицельном характере стрельбы, которая должна была вестись с не слишком далекого расстояния, часто для пробивания твердого, в том числе и металлического, панциря противника.

Напротив, для региона от Северной Сирии и Анатолии до Ирана большее значение имели облегченные наконечники с подтреугольным пером и часто с опущенными жалами (например, табл. XLIII, 161 — 164, 182 — 186). Поражение такой стрелой, даже не слишком точное, происходило за счет шипов и было не менее опасным, чем при абсолютно точном попадании, а это позволяло вести стрельбу с большего расстояния из менее сильного лука. В целом же по действию все наконечники этих двух разновидностей все же достаточно близки и не имеют кардинальных функциональных различий. Принципиально от них отличаются бронзовые наконечники, выработанные в первой половине I тысячелетия до н. э. в евразийских степях на базе удачных спорадических находок формы и конструкции в разных районах степной зоны на протяжении II тысячелетия до н. э. (см., например, табл. XLIII, 282 — 286, 302 — 310), еще на этапе абсолютного преобладания неметаллических, особенно костяных и роговых наконечников, т. е. сделанных из материалов, наиболее доступных для скотоводов и охотников. Сами эти материалы позволяли

свободно воспроизводить объемные формы. Сыграло свою роль и бурное освоение бронзолитейной технологии, начавшееся в степях с отливки наконечников копий, типологически и функционально схожих с наконечниками стрел: причем позднее прочное освоение металлического копья в степной зоне на базе южных развитых оригиналов сразу обусловило появление здесь втульчатых наконечников копий (вспомним, что первые бронзовые передневосточные копья, как и стрелы, были черешковыми). Именно на этой, на наш взгляд, основе с резким развитием бронзовой металлургии в степи был выработан тип объемного наконечника с втулкой, двух-, а вскоре и трехлопастной и пирамидальной, давший огромное количество вариантов (табл. XLIV, 1—115). Эта большая группа наконечников была связана с луком «скифского» типа и вместе с ним распространилась по свету; следовательно, наличие такого наконечника в комплексе материальной культуры почти автоматически свидетельствует о том, что носители этой культуры применяли лук «скифского» типа.

Важнейшими свойствами для определения характера использования лука и стрел в бою являются размер наконечников стрел и их количество в боекомплекте. Размер бронзовых наконечников «скифского» типа и их вес очень невелики, а боекомплект у кочевников, а также в оседлых обществах, прямо заимствовавших способы ведения боя у кочевников вместе с соответствующим комплексом вооружения, включал очень большое количество стрел — десятки и даже сотни [Черненко, 1981, с. 126—130, 132—134].

Тактика же ведения боя с применением «скифского» лука заключалась в основном в том, что конные лучники при помощи стрел вели на безопасном для себя расстоянии бой на изматывание противника, постепенное выведение из строя большого количества его воинов частыми массированными залпами, не строго прицельными, не рассчитанными на непременное смертельное поражение. Если противник, не выдержав, бежал, его преследовали, раня и убивая копьями, дротиками, длинными кинжалами, топорами и чеканами. Если же противник стойко сопротивлялся, на него снова и снова обрушивали дождь стрел, доводя до физического изнеможения, после чего лучники спешивались, доставали акинаки, боевые длинные ножи, топоры и чеканы, копья и дротики и довершали разгром обессиленного противника в рукопашной пешей схватке. При такой последовательности фаз боя силы конных лучников сберегались для рукопашной, а большая дистанция оберегала от ран. Надо полагать, что такая тактика применялась не только кочевниками в войнах с оседлыми земледельцами; высокий уровень развития коневодства во всех обществах Евразии, принадлежавших к различным хозяйственно-культурным типам, позволял воевать так и земледельцам. Главной задачей при такой тактике было выстоять под дождем стрел и подготовить перевес сил для решающего пешего боя.

Еще одна особенность описанной тактики (и соответствующего ей комплекса вооружения): первоначально она не была рассчитана на применение тяжелого защитного вооружения, которого долго не было в глубине евразийских степей и лесостепи. Но на границах с государствами, основанными на базе оседло-земледельческих хозяйств, где имелась традиция изготовления и применения тяжелого защитного вооружения, неминуемо должно было произойти следующее: когда прошел первоначальный шок, вызванный массированными обстрелами, производимыми атакующими киммерийскими и скифскими всадниками (этот шок и обусловил их поразительные по масштабам, но недолговременные завоевания), панцирная конница и пехота земледельческих государств снова стала представлять смертельную опасность для бездоспешных степных наездников. Выстояв под обстрелами и перейдя в контратаку, латники с копьями и длинными кинжалами сразу оказывались сильней утомленных, с уставшими конями и пустыми колчанами бездоспешных

степняков. Эта опасность и привела к бурному развитию у скифов тяжелого оборонительного вооружения. Но, не отказываясь от традиционных луков и стрел, скифские конные латники должны были усложнить тактику, опираться уже не только на стрельбу. Однако и в этой новой ситуации, столкнувшись с хорошо оснащенными доспехами противником, скифы, видимо, нашли способ наиболее эффективного использования своих луков и стрел против тяжеловооруженных: они увеличили объем боезапаса для более продолжительного и массированного обстрела, увеличили, вероятно, и прицельность, соответственно уменьшив дистанцию стрельбы между собой и противником, и устранили опасность, возникшую в связи с этим, введением металлического доспеха. Не случайно самые большие наборы стрел находят именно в скифских погребениях, тогда как в других регионах бытования «скифского» лука, где тяжелое защитное вооружение не применялось, количество стрел в колчанах в среднем в 10 раз меньше [Черненко, 1981, с. 126—134].

Ношение лука и стрел, специфика их форм и боевого применения требовали соответствующих форм футляров колчанов и налучий. Такое относительно громоздкое сооружение, как лук, пешие лучники Ближнего Востока в III—II тысячелетиях до н. э. обычно носили в руках или надетым на левое плечо (табл. XL, 14, 15; XLI, 8, 9, 11—13, 15—20, 23, 24, 26, 32, 36—40, 55, 56, 59). Египтяне с начала II тысячелетия до н. э. обворачивали его среднюю часть кожаным футляром (табл. XLV, 51) или даже во время похода, во время Нового царства, хранили его в чехлах-футлярах, видимо, жестких, на каркасе, повторяющих форму лука, куда лук вставлялся целиком (табл. XLV, 60, 61) в натянутом состоянии, либо — в прямоугольных жестких плоских футлярах, откуда торчали концы спущенных луков (табл. XLV, 51а—59). Налуч был обязательной принадлежностью легких колесниц II тысячелетия до н. э. восточносредиземноморского происхождения: он укреплялся по диагонали на правом, а для второго лука и на левом борту кузова и повторял подтреугольную форму лука, куда последний вставлялся на три четверти, спущенный или с надетой перед боем тетивой.

В начале I тысячелетия до н. э. короткие, в половину длины лука, налучи использовались в Ассирии, на Кавказе и в Иране (табл. XLV, 17, 19, 28, 92). Вместе с тем в Ассирии и Урарту имелись длинные налучи, вмещавшие лук целиком, которые носились за спиной (табл. XLV, 18, 94). Не исключено, что в эти налучи помещали и стрелы (табл. XLV, 19).

Стрелы в бою часто, как это зафиксировано на египетских изображениях, держали кистью левой руки, вместе с древком лука (табл. XL, 11, 30), либо, если стрел было побольше, их связывали веревками и затыкали за пояс. Колчан в виде кожаного узкого цилиндра с дном, висящего на ремне вертикально за левым плечом, был известен в Месопотамии в последние столетия III тысячелетия до н. э. (табл. XLIV, 177—179); нижний конец его всегда украшали длинной пышной кистью. Цилиндрический колчан из бронзы найден в Мари в слоях XVI в. до н. э. (табл. XLIV, 214). Цилиндрический кожаный колчан, но уже без кисти, зафиксирован в Палестине-Сирии начала II тысячелетия до н. э. у воинов (табл. XLIV, 180); подвешивался он вертикально, а также и горизонтально, устьем вперед. С начала II тысячелетия до н. э. он стал известен и в Египте (табл. XLIV, 171—176) и, видимо, был заимствован у азиатов. Ношение стрел в жестком колчане в Западной Азии было обусловлено, скорее всего, относительно большим их запасом — около двух десятков, а также и тем, что, судя по аккадским и египетским изображениям, аккадские и западносемитские лучники имели на вооружении еще и боевые топоры, которыми в рукопашной могли легко изрубить стрелы противника, не предохраненные стенками колчана. В середине II тысячелетия до н. э. цилиндрические колчаны Сирии и тут же перенявшего их Египта (табл. XLIV, 184—196, 198) делают закругленными снизу и часто расширяющимися к устью.

К середине II тысячелетия до н. э. на Ближнем Востоке распространился относительно широкий в устье, сужающийся книзу колчан с закругленным дном, имеющий плоскоцилиндрическое сечение, с глубокой крышкой, либо открытый, с лопастями по бокам устья, носившийся в вертикальном положении на наплечном ремне (табл. XLIV, 183, 199—203). Судя по близким аналогиям второй половины III—начала II тысячелетия до н. э. на изобразительных памятниках Центральной Европы и Прикубанья (табл. XLIV, 181, 182) [Gamber, 1978, рис. 54] (автор благодарит В. Б. Бочкарева за разрешение упомянуть и схематически воспроизвести изображение оружия, в частности колчана, на росписи из гробницы кургана майкопской культуры, раскопанного в Прикубанье в 1982 г.), этот тип колчана в обеих его разновидностях на Ближний Восток занесли индоиранцы, поселившиеся на севере Сирии и Месопотамии.

Наряду с описанными, цилиндрические колчаны продолжали так же широко использоваться на западе Азии вплоть до середины I тысячелетия до н. э. (табл. XLV, 1—27, 30—34); причем в начале этого тысячелетия в Месопотамии, Урарту, на западе Ирана их делали из бронзы, богато украшая чеканкой (табл. XLV, 24—27, 31, 91).

Специфической формой футляра для лука и стрел «скифского» типа был горит. Появился он не позднее начала I тысячелетия до н. э., вероятно, в степях Евразии. Горит состоял из футляра для лука с пришитым к нему снаружи отделением для стрел и носился всегда на поясе, на левом боку. Изображения горита первых веков I тысячелетия до н. э. имеются на каменных изваяниях от Дуная до Монголии (табл. XLV, 64, 70, 77, 80, 86—89).

Интересно, что у центральноазиатских горитов этого периода верхняя треть лука была открытой, тогда как в западной зоне отделение для лука закрывает лук целиком. В середине I тысячелетия до н. э. картина меняется: гориты с открытой верхней половиной лука распространяются в Северном Причерноморье (хотя и там встречено один раз изображение полностью закрытого горита) (табл. XLVI, 2—31) и в малоазийских сатрапиях Ахеменидов (табл. XLVI, 39а), тогда как в Иране, Средней и Центральной Азии имели место закрытые целиком и наполовину отделения для луков (табл. XLII, 116; XLVI, 1, 1а, 33—39, 40—47). Гориты на территориях к западу от Средней Азии—у скифов, савроматов, синдо-меотов—нередко богато украшались золотыми, серебряными и бронзовыми оковками, вышивкой, аппликацией, мехом, кистями, а в Малой Азии—металлической чешуей.

Отделение для лука повторяло его формы, что было характерно еще для налучий Египта, Ассирии, Закавказья (табл. XLI, 71, 74, 75; XLV, 17, 90, 91). У скифов и иранцев Ахеменидской державы горит был, скорре всего, единственной формой футляра (у персов только для гарнитура «скифского» лука); с «аншанским» сегментовидным луком, который персы носили с аншанским костюмом без футляра, по древней традиции сочетался цилиндрический колчан (табл. XLV, 32—34).

В Центральной Азии в «карасукскую» и «скифскую» эпохи встречался, кроме горита, отдельный колчан для стрел в виде уплощенного цилиндра, подвешивавшегося в диагональном положении, устьем вперед, на поясе с правой стороны (табл. XLII, 35, 36, 38, 48; XLV, 35—49). Лук в этом случае своего отдельного футляра не имел, его носили надетым на колчан (табл. XLII, 120).

То, что устье отделения для стрел у горита, висевшего на левом боку, было направлено назад, крайне мешало доставанию оттуда стрел правой рукой, точнее, делало этот процесс невозможным. Поэтому, на наш взгляд, горит в бою перевертывался устьем вперед, чтобы его внешняя сторона оказывалась прижатой к бедру воина, поскольку только так удобно было пользоваться карманом для стрел (табл. XLVI, 1а). Это также предохраняло от порчи

отделку внешней стороны отделения для стрел, которая у знатных скифов, например, состояла из золотых и, реже, серебряных, достаточно тонких и хрупких пластин, покрытых богатым чеканным декором (табл. XLVI, 23, 24, 26, 27), который ничего не стоило исковеркать мечом, а тем более топором.

У «варваров» северо-восточного приграничья Китая для середины I тысячелетия до н. э. археологически засвидетельствован горит из кожи, обшитый сплошь бронзовыми бляшками (табл. XLII, 30).

Древнекитайские колчаны (налучи в Китае для исследуемого здесь периода нам неизвестны), начиная с иньского периода и на протяжении всей древности, подразделяются на два основных типа (табл. XLIV, 206—212). Первый тип представляет собой узкое прямоугольное или овальное донце с низким бортиком спереди и высокой задней стенкой, переходящей в боковины; стрелы, стоявшие остриями вниз, удерживались в вертикальном положении горизонтальной мягкой перемычкой пониже верхнего края стенки. Колчан этого типа подвешивался на ремне, иногда за специальную костяную петлю, у правого бока. Иньский колчан из Сяотуни в Аньяне (табл. XLIV, 210) и раннечжоуский из Люлихэ (табл. XLIV, 211, 212) сплетены из тростника (?), чуский колчан периода Чжаньго из г. Чанша (табл. XLV, 19) — из лакированного дерева.

Подобная конструкция колчанов была, видимо, традиционна для культур Восточной и Юго-Восточной Азии, судя по тому, что она была известна в течение всего средневековья от Японии до Индонезии [Stone, 1961, рис. 266, 267, 4].

Второй тип китайского колчана — цилиндрический (не исключено, что он был заимствован с севера, хотя форма эта достаточно универсальна и появлялась обычно конвергентно). Иньский колчан сделан из кожи (табл. XLIV, 213), чуский, эпохи Чжаньго,— из лакированного дерева (табл. XLV, 50).

Природные свойства бамбука были использованы при изготовлении чуского колчана V—IV вв. из Лючэнцяо (Чанша), сделанного из двух трубок с донцами, одна из которых служит крышкой. Длина колчана 81 см, диаметр около 3,3 см. Колчан покрыт черным лаком и красно-желтым узором, в нем 8 стрел. В средние века похожие колчаны бытовали в Китае и Корее [могила № 1, 1972, с. 66, табл. XVII, 4, 5; Чжоу Вэй, 1957, табл. 66, 12].

Коротко остановимся на способах захвата и спуска тетивы, так как их различия часто обусловлены этнокультурной спецификой. Этой теме посвящены специальная работа Э. Морза, вышедшая сто лет назад [Morse, 1885], и раздел в работе Е. В. Черненко [Черненко, 1981, с. 116—122], касающейся в основном скифов. Согласно наблюдениям этих авторов, на древнем Востоке и на северо-востоке Средиземноморья известно было несколько способов захвата тетивы. Их все можно объединить по тем признакам, когда в работе захватывающей тетиву и стрелу руки основное усилие приходилось на боковую сторону указательного и подушечку большого пальца или в лучшем случае на первый сгиб указательного, среднего и иногда безымянного пальцев и боковой стороны первой фаланги большого пальца. Во всех этих случаях большой палец играл второстепенную роль. Наиболее эффективным оба автора признают способ, когда захват и натягивание тетивы производились сгибом большого пальца, придерживаемого за ноготь первыми двумя фалангами указательного (остальные пальцы были свободны). Этот способ Э. Морз назвал «монгольским», по этнографическим данным. Он полагал, что в древности им пользовались китайцы, скифы и персы, может быть, также египтяне и греки. Н. Л. Членова предположила этот способ стрельбы для воинов тагарской культуры. Кроме положения пальцев для «монгольского» способа необходимо специальное кольцо, предохраняющее внутреннюю часть сгиба большого пальца и хорошо известное во всей Евразии времени средневековья и почти до наших дней. Свой вывод о «монгольском» способе стрельбы

у тагарцев Н. Л. Членова основывает на находках бронзовых наперстков среди тагарских древностей [Членова, 1967, с. 65]. Однако эти наперстки (табл. XLVI, 73) прикрывают только первую фалангу большого пальца, точнее, ее подушечку и бока, оставляя открытым сгиб; такой наперсток годится для любого способа стрельбы, кроме «монгольского». Предположения относительно использования «монгольского» способа натяжения скифами, египтянами, персами, греками пока остаются предположениями, так как изображения не позволяют четко определить этот способ, кроме того, он очень труден для изображения: для этого нужна многовековая традиция изображения. Лишь Китай может бесспорно считаться страной, где раньше всех и постоянно применялся только «монгольский» способ стрельбы. Об этом говорят как древнекитайские тексты «Шицзин» [Morse, 1885, с. 43], так и археологические находки (табл. XLVI, 56—58). Древнейшее кольцо для стрельбы «по-монгольски» — нефритовое кольцо из гробницы царицы Фу-хао, XIII в. до н. э. [Ся Най, 1983, рис. 13, 4]. Оно очень массивное, широкое, с углублением для тетивы. Два отверстия предназначались для шнура, но скорее всего не для крепления к руке, как полагают китайские исследователи, опубликовавшие кольцо, а для подвески к поясу.

Следующие по времени дошедшие до нас образцы также из нефрита относятся к периодам Чуньцю и Чжаньго [Су Бинци, Ань Чжиминь, Линь Шоуцзинь, 1959, рис. 82, 8; 98, 7; табл. 72, 4; 80, 10; Lawton, 1982, № 110, 111]. Это кольца VI—IV вв. до н. э. тоньше, изящнее, вместо шнурка у них имеется специальный выступ для облегчения снимания с пальца. Хочется отметить, что по форме древнекитайские кольца точно соответствуют средневековым кольцам Евразии, несомненно являясь их прототипом. Поэтому способ стрельбы, при котором они использовались, следует скорее называть не «монгольским», а «китайским». Кстати, пользование им говорит о максимально большой мощности древнекитайских луков.

В отличие от современной спортивной стрельбы лучники в древности практически не производили оптического прицеливания, т. е. не совмещали зрительно цель, острие стрелы и глаз. Об этом говорят все изображения, где тетива оттягивается, в зависимости от величины и гибкости лука, к плечу, за ухо, к груди, но никогда к носу, как сейчас. Древний лучник стрелял, исходя из долгого опыта, прикидывая расстояние, учитывая силу ветра, свойства лука и стрел, цели. Поэтому он мог (при нормально высокой «квалификации») стрелять не целясь (в нашем понимании, прицеливание у него происходило в мозгу, а не посредством глаз), в темноте, в движении, вообще не глядя на цель. Эти фантастические сегодня способности достигались, повторяю, многолетней постоянной упорной тренировкой.

При других способах стрельбы также применялись защитные приспособления — нарукавники и наплечники из кожи, как то было на Ближнем Востоке — в Египте во II тысячелетии до н. э. (табл. XLVI, 49—52), Сирии (табл. XLVI, 53) и Ассирии (табл. XLVI, 54, 55) — в I тысячелетии до н. э.

12. АРБАЛЕТ

Арбалет представляет собой метательное оружие дальней дистанции, состоящее из лука, укрепленного на ложе, что позволяло вести более точную стрельбу, отличаясь от лука по способу прицеливания принципиально. Ведь арбалет благодаря наличию ложи, а также фиксации натянутой тетивы, давал возможность спокойно, не тратя усилий на ее удерживание, совершить оптическое прицеливание, что обеспечивало меткость стрельбы без значительного периода обучения. На древнем Востоке в рассматриваемый период

арбалет употреблялся только на территории Китая. Он был изобретен около середины I тысячелетия до н. э. в землях изначально нехуаского царства Чу, к югу от центрального течения р. Янцзы. С этого времени он очень быстро распространяется по Китаю [Школяр, 1980, с. 30—31]. Характернейшей деталью китайского арбалета являлось механическое прицельно-спусковое устройство специфической, очень эффективной конструкции, изготовлявшееся всегда из бронзы. Именно оно чаще всего в хорошей сохранности доходит до наших дней. Устройство состояло (табл. XLVI, 59—60в) из колодки-коробки, в которой размещалась очень простая и эффективная система из зацепных зубьев, совмещенных в одном блоке с прицельным выступом — определителем расстояния с нанесенными на него рисками, спусковым крючком и эксцентриковой планкой. Система, насаженная на две оси и врезанная в ложу арбалета, оказалась очень рациональной и не менялась около 1000 лет. Ложа делалась из дерева, иногда богато украшалась и лакировалась, в длину достигала примерно 75—85 см (табл. XLVI, 61, 62). Дошедшие до нас луковища все сложные, из полос дерева и бамбука, обмотанных растительным волокном, сухожилиями, покрытых лаком. Размеры их — от 75 до 120 см [Ян Хун, 1980, с. 131—138] (табл. XLII, 22, 23, 26).

Сила натяжения древних китайских арбалетов была огромной, в 5—10 раз превосходящей силу натяжения луков, и достигала, согласно сообщению Сюнь-цзы (III в. до н. э.), чуть ли не 360 кг [Материалы, 1968, с. 17]. Однако механизма для натяжения арбалета в Китае не было, и натягивали его двумя руками, лежа на спине и упираясь обеими ногами в луковище, а стрелу держа в зубах. Наряду с большим арбалетом уже в IV — III вв. до н. э. существовала уменьшенная его модификация, с рукоятью типа современной пистолетной (табл. XLVI, 64, 64а). Неясно только, был ли такой арбалет боевым оружием или только охотничьим или спортивным. Арбалетные стрелы (болты) древнего Китая отличались от стрел для лука (табл. XLVI, 65—72) лишь большей массивностью, весом, за счет очень длинного черешка, заходившего в древко не менее чем на треть его длины. Китайский арбалет, уступавший, и очень значительно, луку в скорострельности, был исключительно мощным оружием, залпы которого особенно были опасны для конницы, степняков и китайских колесниц. Арбалеты были прежде всего оружием пехоты, но также и колесничных воинов, и даже иногда всадников, судя по находкам, дошедшим от более позднего периода [Yuan Zhongyi, 1983, с. 12].

Подводя итог рассмотрению метательного оружия, следует прежде всего сказать, что лук являлся исключительно важным оружием и определял во многом всю военную ситуацию, так как от его особенностей прежде всего зависел характер оборонительного вооружения и, главное, боевая тактика. Применение лука, как мы видели, отличается определенной неравномерностью, его значение в разных регионах в разное время менялось. На наш взгляд, характер использования лука в военном деле того или иного общества теснее других видов оружия связан с социально-производственными особенностями общества и может в некотором роде служить их индикатором. Дело в том, что для изготовления лука необходимо длительное время, но при относительной простоте операций и доступности материалов он не требует при этом слишком узкой и высокой профессионализации. Успешное же овладение этим видом оружия требует многолетних, постоянных, многочасовых тренировок.

В качестве орудия труда лук применяется на охоте и при пастьбе скота для защиты его от хищников и продовольствования пастуха. Все эти факторы говорят о том, что широкое использование лука, наличие большого контингента хороших лучников возможны прежде всего в обществе, в котором развита охота и пастушеское скотоводство, а общественные отношения отличаются достаточно высокой степенью свободы индивидуума от трудовых,

требующих изнурительной работы, обязанностей по отношению к властям, что позволяло ему иметь досуг для тренировок, охоты и т. п. Поэтому массовое наличие лучников было возможно прежде всего в относительно отсталых обществах либо там, где пережитки родового строя оставались чрезвычайно сильны и имелась многочисленная прослойка свободных общинников. Не случайно крупные земледельческие государства с высоким уровнем социального неравенства, высоким уровнем огосударствления производства, когда подавляющее большинство населения должно большую часть жизни тратить на работу в поле и не только для себя, но в значительной степени на государство, храм, хозяина земли и т. п., обычно нанимали многолюдные контингенты лучников и пращников в отсталых обществах скотоводов и охотников, где каждый свободный мужчина был воином и как таковой был обязан владеть оружием, из которого по доступности на одном из первых мест стоял лук, не говоря уже о праще.

Так, мы встречаем нубийских лучников в Египте, балеарских пращников в Карфагене, скифских лучников на Ближнем и Среднем Востоке и в Греции. Только мощные военные державы в состоянии воспитывать большие контингенты лучников в своей среде, создавая привилегированное сословие лучников, раздавая им на льготных условиях земельные владения, причем экономические потери при этом возмещались за счет большей эксплуатации податных сословий либо покоренных иноэтничных коллективов. Кстати сказать, военные державы сами в своей основе вырастали чаще из таких отсталых обществ, и изначальная неразвитость эксплуататорских отношений внутри главного этноса поддерживалась искусственно с целью сохранения воинского контингента в собственной среде, и прежде всего лучников, примером чему может служить Ассирия, и прежде всего ахеменидская Персия. И любое увеличение уровня эксплуатации и социального неравенства в таких обществах (в среде господствующего этноса) сразу же ведет к размыванию и уменьшению контингента лучников, снижению их воинской квалификации, к развитию наем[illegible]. Ту же картину мы наблюдаем и в небольших государственных образованиях: на примере, скажем, Угарита видно, как усиление уровня эксплуатации затрудняло создание необходимого контингента лучников — там одного лучника выставляли несколько поселений [Шифман, 1982, с. 248], каждый из них ценился особо, и не только в силу военной необходимости, но и в силу дороговизны содержания такого воина, вне зависимости от того, был ли он наемник или из среды местного населения, поскольку средства на его содержание шли очень большие — в виде специальных налогов с податного населения либо в виде льгот для лучников-подданных, т. е. в любом случае имел место ущерб казне.

Как можно было убедиться на примере истории развития и функционирования лука, первостепенную роль в истории военного дела может играть столь, казалось бы, простой механизм, да еще сделанный из более или менее доступных, недорогих органических, не очень-то и стойких материалов. Однако важность этого оружия для успешного решения боевых задач обусловила особое отношение к луку и всему, что связано с его производством и применением. Еще более полутора тысяч лет после рассматриваемого здесь периода человеческая мысль билась над совершенствованием конструкции лука, наиболее эффективными формами его использования, что влекло серьезные организационные, политико-экономические изменения в том или ином обществе.

Глава II

ОБОРОНИТЕЛЬНОЕ ВООРУЖЕНИЕ

Средства личной защиты воина от наступательного оружия противника являются важнейшей частью вооружения. Вся история военного дела показывает их высокую эффективность (при соответствии уровню военного дела). Даже в современной войне бронежилеты, изготовленные из металлов или специальных пластиков, в семь раз уменьшают количество ранений и на 15% снижают потери в живой силе [Иванов, Михайленко, 1982, с. 36]. Более того, как показали новейшие исследования, даже в современном бою ношение средства личной защиты, особенно панциря, оказывает исключительно сильное воздействие на психологию бойца, резко повышая его агрессивность и подавляя страх за свою безопасность.

В древности, при несравненно менее совершенном наступательном оружии и большем разнообразии средств личной защиты, их эффект был, вероятно, гораздо более значителен.

Разумеется, соотношение между поражающими качествами наступательного оружия и защитными свойствами оборонительного вооружения постоянно колебалось. В сущности, все развитие обоих видов вооружения можно рассматривать (да так это и было на самом деле) в основном как постоянное «соревнование меча и щита», в котором опережение в развитии одного вида неминуемо должно было повлечь улучшение другого.

Применение оборонительного вооружения началось задолго до использования человеком металлов, свидетельством чему служат остатки доспехов времени неолита. Но можно полагать также, что средства защиты тела имелись уже и в мезолите, когда, судя по наскальным изображениям [Gamber, 1978, рис. 27], человеческие коллективы вели между собой боевые действия с применением лука и стрел, а также, весьма вероятно, копий, дротиков, простых и метательных дубин. Этнографические данные представляют собой обильный материал по защитному вооружению различных этнических групп, еще недавно находившихся на стадиях от мезолита до эпохи металлов. Из этих данных видно, что материалом для изготовления доспехов служили деревянные плашки, плетенка из прутьев, луба и лиан, костяные пластины, кожа или шкура крупных животных — более тонкая и мягкая, из больших кусков которой доспех выкраивался, либо толстая и твердая, из крупных кусков которой доспех формовался в сыром виде либо собирался из небольших деталей; применялись доспехи, сплетенные узлами из толстых растительных волокон, а также изготовленные из таких экзотических материалов, как кожа акулы, ската, шипастых рыб или роговых покрытий черепах, панголинов и т. п. Многие из этих органических материалов настолько крепки, часто эластичны и нередко легки, а главное, обычно доступны и просты в изготовлении, что изделия из металла так и не вытеснили их вплоть до новейшего времени, причем в даже достаточно развитых обществах. Так, панцири из чешуи панголина применялись в Индии в XIX в. вполне состоятельными воинами, уже не говоря о стеганых кирасах Типу Султана [Robinson, 1967, табл. XIV, Д; XVIII], и это при широком распространении доспехов из лучших сортов стали: индийского литого булата или сварного «дамаска». Что же касается твердости кожи, то мы уже упоминали эфиопские щиты из буйволовой кожи,

которые не пробивали свинцовые ружейные пули, поэтому приходилось стрелять рублеными железными прутьями [Ратцель, 1900, т. 2, с. 471]. А щиты, сплетенные в Персии и Турции из фиговых прутьев, за свою упругость и легкость в XV — XVII вв. ценились на Востоке, в Восточной и Центральной Европе не меньше, а то и больше стальных.

К комплексу защитного вооружения, другими словами — к доспеху, относятся панцири, защитные детали, не составляющие единое целое с панцирем и носимые отдельно,— пекторали, поножи, наручи, пояса, набедренники, набрюшники, шлемы, щиты. Полный набор видов оборонительного вооружения встречается далеко не везде и не всегда; еще более редко воин применял в бою весь комплекс доспехов. Известны также случаи принципиального отказа от использования имеющихся доспехов в бою, обнажения наиболее уязвимой части или всего тела. Так, галлы, бросаясь в атаку, раздевались донага (правда, при этом они пользовались щитами, шлемами и, скорее всего, оставляли на себе портупейные, нередко металлические, пояса с ножнами мечей) [Connolly, 1978, с. 51; Warry, 1980, с. 165]. На архаической греческой и италийской вазописи и пластике можно увидеть ряды тяжеловооруженных гоплитов, чьи рубахи спереди приподняты и обнажены фаллосы [Boardman, 1974, рис. 57; 62, 2; 67; 98; Stary, 1981, табл. 1; 2, 2; 10, 1, 35; 11, 2; 23, 2; 24, 2; 58, 1; 60, 2—4].

Наконец, скандинавские «боевые безумцы» эпохи викингов — знаменитые бьерсеркеры шли в бой только в рубахе, никогда не одевая кольчугу, но при этом пользовались щитом (обязательно, так как наступление состояния боевого безумия начиналось именно с того, что воин начинал грызть край щита [Исландские саги, 1956, с. 763]) и шлемом. Сатибарзан, сатрап Арейи, восставший против Александра Македонского, перед поединком с македонским военачальником Эригием демонстративно отказался надеть шлем (Курций Руф I, III, 6), аналогичная история, несколько более раннего времени, произошла с Киром Младшим (при этом описавший ее Ксенофонт добавляет, что «говорят, будто и другие персы отваживаются сражаться с непокрытой головой» (Анабасис I, VIII, 6). Проще всего объясняются изображения воинов на греческих и италийских вазах. Разумеется, с обнаженными фаллосами греческие гоплиты в атаку не ходили, тем более что именно в это время — в VI в. до н. э. греки применяли специальную деталь доспеха — «митрэ» — полудисковидную бронзовую пластину, прикреплявшуюся спереди к подолу кирасы и защищавшую как раз низ живота [Buchholz, e. a.; 1977, с. 127—131]. Более того, одно из древнейших защитных приспособлений, известных нам, в Египте IV тысячелетия до н. э. (табл. I, 4) прикрывает именно гениталии. Подобная же картина предстает перед нами и по данным этнографии. Следовательно, отмеченный элемент античной вазописи отражает отнюдь не боевую практику, но символизирует мужественность изображенных воинов. В отношении обнажения галльских воинов, если судить по аналогии с бьерсеркерами, это практиковалось, скорее всего, очень небольшим числом воинов, идущих в бой, разумеется, в первых рядах. Смысл этой акции не столько в демонстрации презрения к врагу и в показе собственной храбрости, что должно было напугать противника (хотя этот аспект, несомненно, присутствовал и с течением времени мог начать превалировать), сколько в том, видимо, что воин, идущий в бой обнаженным, являл собой жертву, которая должна была обеспечить победу и, далее, процветание родного коллектива. Это тем более понятно, что человеческие жертвоприношения являлись неотъемлемой частью религиозной практики древних кельтов и германцев [Тацит, т. I, с. 369; Berg, Rolle, Seeman, 1981, с. 91—93]; в самые ответственные моменты (а бой, несомненно, являлся таковым) жертвовать собой должны были лучшие мужи (в годы народных бедствий в жертву приносили лучшего из лучших — конунга [Гуревич, 1972, с. 30]).

Что касается древнеперсидских сюжетов, то здесь момент жертвенности можно усмотреть, пожалуй, в какой-то мере лишь в случае с Сатибарзаном; Кир же, скорее всего, с одной стороны, просто демонстрировал храбрость, вдохновляя соратников, а с другой стороны, показывал, что идет «ва-банк» и пути отступления нет.

Литература древнего Востока дает еще один любопытный пример сознательного отказа от использования в бою защитного вооружения, причем не просто в бою, а в ответственнейшем поединке с противником, буквально закованным в доспехи: это известная библейская история с Давидом и Голиафом (I Книга царств 17). Правда, библейский текст весьма рационально объясняет этот факт: юному пастушку было неудобно в тяжелом металлическом снаряжении, к которому он не привык и которое он надел впервые, примеряя по приказу царя Саула перед поединком. Если и дальше распространить рационализм истолкования этого факта, можно сказать, что доспех Давиду, если он собирался действовать пращой, т. е. на расстоянии, был бы вообще не нужен и только стеснял его подвижность, помешал бы убежать в случае неудачи и т. п. Все это действительно так, но не совсем. Во-первых, доспех, который примерял Давид (кстати, обладавший, судя по тому же тексту, чрезвычайной силой: он голыми руками душил львов), был скорее ламеллярным (см. ниже), т. е. не слишком тяжелым и, главное, исключительно эластичным, совершенно не стесняющим движений рук и торса, и надевание его даже в первый раз не должно было вызывать отрицательных эмоций (мы убедились в этом на собственном опыте, экспериментируя с ламеллярным тибетским панцирем). Во-вторых, судя по тексту, Давид действовал отнюдь не на расстоянии, а подошел почти вплотную к противнику, и праща его была совсем не обычной мягкой петлей, а несколько иным приспособлением (см. выше, в разделе о пращах). Таким образом, остаются две причины отказа от доспеха: боязнь, что он помешает убежать в случае неудачи, и введение противника в заблуждение своей беззащитностью. На наш взгляд, все же момент жертвенности присутствует здесь весьма явно, хотя он и тщательно завуалирован разъяснением. Красота и молодость Давида, то, что он был младший сын в семье, наводят на сравнение с Исааком, которого Авраам по искушению божьему чуть было не принес в жертву (Бытие 22). И если данный сюжет давно уже трактуется как аллегорическое отражение отказа от практики человеческих жертвоприношений, особенно младших сыновей, а это было весьма распространено у западных семитов [ИДМ, 1982, с. 236], то и история с Давидом, видимо, отразила пережиточную форму жертвоприношения в виде самопожертвования, причем сущность события, как уже отмечено, тщательно завуалирована «рациональным» объяснением.

Наряду с высокой идеологической значимостью отказа от применения доспеха не меньшей значимостью в данном аспекте обладало и само защитное вооружение, что неудивительно, так как оно обеспечивало жизнь, безопасность в бою и в конечном счете победу со всеми вытекающими благоприятными последствиями.

Рассмотрение элементов доспеха лучше начать с наиболее развитой и сложной его категории — панциря.

1. ПАНЦИРИ

Панцирь служил для защиты корпуса бойца и прикрывал, как минимум, его грудь и, как максимум, весь корпус, включая руки и ноги. Он может состоять из различных элементов, которые отличаются (разумеется, достаточно относительно) от соответствующих защитных деталей тем, что составляют единое целое с его основой — прикрытием торса или выполнены по тому же

конструктивному методу и взаимосвязаны друг с другом и с прикрытием торса.

По структуре и соответственно по характеру используемого для изготовления материала панцири следует разделить на два основных вида: доспехи из мягких материалов и доспехи из твердых материалов; в последнюю категорию мы включаем и панцири с мягкой основой и твердым бронированием. Е. В. Черненко выделяет в самостоятельный вид «усиленных панцирей» доспехи на мягкой основе с частичным бронированием [Черненко, 1968, с. 12], но нам представляется, что этой черты недостаточно для выделения их в особый вид: в сущности, это лишь разновидность доспеха на мягкой основе.

А. Панцири из мягких материалов

Панцири из мягких материалов относятся к простейшим типам доспеха и благодаря доступности материалов и простоте изготовления являлись наиболее дешевой и распространенной боевой защитой тела с древнейших времен до начала XX в. Делали их на древнем Востоке из мягкой кожи, толстой ткани, войлока; можно полагать, что зачастую использовали несколько слоев материала, проложенного шерстью, волосом и т. п., придающими панцирю вязкость и упругость, после чего простегивали.

Если по структуре мягкие панцири на всей его территории древнего Востока в общем могли быть сходными, то покрой их был более разнообразным и связанным с определенным регионом, и распространение какого-либо покроя может указать на пути и время воздействия одной военной традиции на другую. Впрочем, нередко возникновение ряда простейших покроев может быть и конвергентным.

Одним из самых древних из известных нам на древнем Востоке панцирей является доспех из шкуры рыси или леопарда, выкроенный в виде «пончо», т. е. прямоугольного куска с отверстием для просовывания головы, прикрывавший спину и грудь до чресел; характерной деталью мог быть специально оставленный хвост зверя и, возможно, лапы. Такой панцирь изображен на древнейшей египетской стенописи конца IV тысячелетия до н. э. (табл. XLVII, 1, 2). Этот покрой обозначим как тип I, или «пончо».

Другим древнейшим покроем мягкого панциря — обозначим его как тип II — являются перекрещивающиеся на груди и спине переброшенные через плечи две полосы материала, иногда весьма значительной ширины. На торсе они крепились обычно при помощи пояса, который стягивал их концы, либо просто концы наглухо пришивались к поясу. Иногда полосы не перекрещивались, и весь доспех представлял собой пояс с широкими лямками. Мягкий панцирь покроя типа II был широко распространен в Месопотамии не позднее середины III тысячелетия до н. э. (табл. XLVII,3), где, судя по изображению на стеле Эанатума («Стеле коршунов»), изготовлялся из толстой кожи или войлока. Особенно он был популярен в Месопотамии в эпоху Саргонидов, династии Аккаде, судя по довольно большому количеству памятников искусства, где он изображен в различных вариантах — от узких кожаных или набитых упругой массой тканых полос до широких и длинных тканых или войлочных шарфов с бахромой (табл. XLVII, 4, 7). Причем эти панцири носили воины всех рангов — от рядового до царя: царь Нарам-Суэн изображен в нем на стеле, прославляющей его поход на луллубеев. От Старовавилонского периода, вообще крайне бедного изображениями оборонительного вооружения, дошла глиняная плакетка, на которой представлен доспех того же типа из очень широких полос, простеганных вдоль и, кажется, не соединенных с поясом (табл. XLVII, 10).

В Египте описываемый доспех появляется уже во время правления Хеопса, во второй четверти III тысячелетия до н. э. (табл. XLVII, 9а), и особой популярностью он пользовался у лучников, как во времена Хеопса, так и в эпоху XII династии, в первой четверти II тысячелетия до н. э. (табл. XLVII, 11—12). В Египте его могли изготовлять из слоев толстой льняной ткани, проложенных льняными очесами.

Панцири-«перевязи», сделанные, скорее всего, из кожи, носили в середине II тысячелетия до н. э. воины Сирии-Палестины (табл. XLVII, 27). Их потомки — финикийцы второй четверти I тысячелетия до н. э. продолжали пользоваться этим доспехом и на Кипре (табл. XLVII, 52, 54). Покрой типа II панциря из мягких материалов можно предположить еще в одном месте, весьма отдаленном от Ближнего Востока и гораздо позднее,— у волжско-камских племен ананьинской культуры в VIII—VI вв. до н. э. (табл. XLVII, 51). Его можно узнать на маленьких бронзовых идольчиках из Старшего Ахмыловского могильника [Патрушев, 1980]. Появление его здесь могло быть самостоятельным, но не исключены и отголоски позднеассирийского влияния, когда пользовались защитными перевязями, правда, уже бронированными. Контакты могли иметь место через территорию Кавказа и Северного Причерноморья, что засвидетельствовано находками оружия оттуда среди памятников ананьинской культуры [Халиков, 1977, с. 181, рис. 69].

Покрой типа III — «корсет-кираса». На Ближнем Востоке панцирь из мягких материалов покроя типа III раньше всего появляется и шире всего распространяется в Египте. В качестве боевого доспеха он изображен на фресках Бени-Хасана XX—XIX вв. до н. э. (табл. XLVII, 13, 24).

Древнейшие египетские «корсеты-кирасы» представляли собой прямоугольный кусок, состоящий из нескольких слоев ткани или войлока (судя по белому цвету, которым они окрашены на фресках), обернутый вокруг корпуса, с завязками на боку, держащийся на широких лямках, перекрещивающихся или простых. Таким образом, он прикрывал торс воина до пояса или до середины бедренных костей, оставляя открытыми, полностью или частично, верхнюю часть груди и плечи.

В качестве «производственной одежды» «корсет-кираса», сделанный из толстого плотного материала — слоев кожи, войлока или грубой ткани, проложенных упругой массой, с закругленным выступом спереди снизу, так что прикрывался и живот, с одной широкой лямкой, использовался в древнем Египте пастухами и рыбаками еще во время VI династии, в XXIV—XXII вв. до н. э. (табл. XLVII, 9). [Культура древнего Египта, 1976, рис. 10, 14]. Это вполне естественно, поскольку пастухи и их стада в пустыне могли подвергнуться нападению льва, гиены, пустынной рыси, а рыбаки на Ниле — нападению крокодила или бегемота. Вообще, работа, при которой имелся риск столкновения с сильным опасным животным, например охота, как мы уже видели, всегда, особенно в древности, сопровождалась применением боевого оружия, и не только оружия нападения, но, как это видно на многих памятниках древневосточного и эгейского искусства, и защитного боевого вооружения, причем, как оказывается, «производственный» панцирь мог оказаться дальним предтечей боевого. Прототипом же для «производственных» панцирей покроя «корсет-кираса» послужили, очевидно, боевые египетские панцири покроя типа II.

В начале второй половины II тысячелетия до н. э. мягкий «корсет-кираса» известен был в Египте уже в нескольких вариантах. В XIV в. до н. э. воины, пешие и колесничные, изображенные на ларце из гробницы Тутанхамона, облачены в льняные или войлочные (белые) «корсеты-кирасы» до талии, с одной очень широкой лямкой — оплечьем (чаще левой), которые, судя по черным линиям, горизонтальным на торсе и вертикальным на оплечье, были

проложены упругой массой из шерсти, волоса, очесов льна и простеганы (табл. XLVII, 17—18). Во времена Рамсеса II и его наследников мягкие панцири с покроем типа III, носимые личной гвардией фараона и отборными частями наемников, делались, судя по желтому цвету, из слоев кожи, проложенной, может быть, упругой массой и простеганных горизонтальными линиями, иногда орнаментальными (табл. XLVII, 19, 20). Они достигали талии или опускались до колен, боковые их завязки иногда снабжались кольцами, вероятно, бронзовыми или роговыми. Лямок, выполненных в той же технологии, как и прикрытие торса, у них всегда две. Короткие, до пояса, тканевые стеганые «корсеты-кирасы» на двух лямках применялись в Египте и на протяжении последней четверти II тысячелетия до н. э. (табл. XLVII, 23, 25).

Панцири из мягких материалов покроя типа III применяли также южнопалестинские бедуины «шасу» и цивилизованные ханаанеи (табл. XLVII, 28—30), изготовляя их, судя по белому цвету доспехов «шасу», из войлока, который они толсто прокладывали, видимо, шерстью или волосом и простегивали горизонтальными линиями стежков. Интересно, что на изображениях панцирей «шасу» не видно лямок. Вероятно, они если были, то очень тонкими, может быть, из кожаных шнурков; но их могло и не быть вовсе, так как панцирь, будучи очень плотным, мог при помощи завязок туго стягиваться на корпусе, не спадая.

В самом Египте «корсеты-кирасы» из мягких материалов применялись, надо полагать, и в первой половине I тысячелетия до н. э. Белые льняные поздние египетские панцири неоднократно упоминаются у античных авторов (Геродот VII, 63; Анабасис I, VIII, 9; Киропедия VI, IV, 2), роскошный экземпляр с вытканными изображениями, украшенный золотом и бахромой, в качестве очень ценной и нарядной вещи описывает Геродот (Геродот II, 18; III, 47). Отсюда становится понятным использование панциря из мягких материалов с покроем типа III на Кипре в VII в. до н. э. (табл. XLVII, 36), когда египетские культурные влияния там были особенно ощутимы. Кипрский доспех типично египетской формы был, вероятно, тканевым, из нескольких слоев, проложенных упругой массой и простроченных в косую клетку. Держался он на одной лямке, вероятно, обшитой, как и верхняя и нижняя каймы, металлическими квадратиками. Простежка в косую клетку была характерна, как мы увидим ниже, и для финикийских доспехов IX—VII вв. до н. э., что отразилось на доспехе из Кипра, бывшего в это время одним из центров финикийской колонизации.

В первой половине I тысячелетия до н. э. «корсет-кираса» использовался и в древнем Иране. Уже на фрагменте расписанного керамического сосуда из Тепе-Сиалка можно усмотреть изображение подобного доспеха (табл. XLVII, 37), сделанного, видимо, из толстой кожи. Очень развитый мягкий панцирь с покроем типа III со стеганым, в косую клетку прикрытием торса и широкими, подтреугольной формы лямками-клапанами, которые, очевидно, пришивались к наспинной части и привязывались к верхнему краю нагрудной, еще и с «юбкой» из треугольных фестонов, изображен на бронзовой фигурке, украшающей псалий из Луристана VIII—VII вв. до н. э. (табл. XLVII, 39). Луристанский доспех, таким образом, практически приближается к другому типу панцирей, известных под немецким термином «клаппенпанцер», о которых речь пойдет ниже. Что касается появления «корсета-кирасы» на Среднем Востоке — в Иране, то его самостоятельность здесь не исключена в силу достаточной примитивности покроя, а также ввиду отсутствия данных о нем в Месопотамии. Впрочем, он мог развиться в Иране из заимствованного из Месопотамии покроя типа II, однако следует учесть, что в начале I тысячелетия до н. э. панцири этого покроя — «перевязи-пояса» — в Месопотамии уже были бронированными, хотя и с мягкой основой.

Мягкие панцири покроя типа IV представляют собой доспехи, скроенные и сшитые в виде рубахи с глухим воротом с короткими рукавами или без них, длиной до талии или прикрывающие бедра. На наш взгляд, этот покрой развился из покроя типа I («пончо») путем соединения боковых разрезов. Доспех такого покроя должен был обладать определенными особенностями. Если он имел вид настоящей рубахи с глухим воротом, то, будучи достаточно толстым и плотным, он обязательно должен был быть весьма просторным, с широкими рукавами, в противном случае он был крайне неудобен, поскольку его очень трудно надевать, в нем нельзя свободно двигать руками. В силу тех же причин панцирь покроя типа IV, как представляется, в случаях, если желательно было его плотное прилегание к телу, обязательно должен был иметь разрезы на боках, туго стягивающиеся после надевания завязками. В любом случае он должен был иметь широкий горловой вырез, чтобы в него свободно проходила при надевании голова. Если же предполагалось более полное прикрытие нижней части шеи, необходим был дополнительный разрез — вдоль плеча либо на верхней части груди — сбоку (как у косоворотки) или по оси (как у обычной нераспашной рубахи), стягивающийся также завязками. Эти заключения основаны на изучении поздних «этнографических» доспехов подобного типа из Северной Африки, Кореи, Северной Америки [Ратцель, 1900, т. 2, с. 532, 543; Stone, 1961, рис. 29, 3; 30; 82; 84—88].

До нас дошел интереснейший доспех XII в. до н. э., точнее, на наш взгляд, часть доспеха из гробницы фараона Рамсеса III (табл. XLVII, 31). К сожалению, столь уникальная и ценная находка, известная еще с прошлого века, до сих пор не получила подробного описания и анализа, которого она, несомненно, заслуживает. Находка представляет собой льняной (к сожалению, нигде не отмечено, из одного или нескольких слоев ткани) прямоугольник с полукруглыми вырезами вверху на длинных сторонах. Доспех расписан красной, голубой, желтой и зеленой красками: бордюрами с геометрическим орнаментом, поле разделено на четыре прямоугольника, в двух верхних изображены крылатые грифоны, в двух нижних — львы, кроме того, в каждой из частей имеется изображение розетки, судя по изображениям в публикациях, панцирь имел бахрому (или имитирующую ее роспись) [Bonnet, 1926, с. 214, рис. 107; Wolf, 1926, с. 98, рис. 71]. В. Вольф называет этот доспех курткой [Wolf, 1926, с. 98], а на реконструкции в одном из современных популярных изданий он представлен в виде нагрудника: он держится на талии при помощи пояса, вырезы наверху образуют своеобразные проймы для рук, а сама верхняя часть — выше пройм — воротник, прикрывающий горло [Saxtorph, 1971, рис. 7]. На наш взгляд, рассматриваемый предмет является нагрудной частью панциря, которой должна соответствовать другая, наспинная часть, отличающаяся лишь клапанами, идущими от спины через плечи к груди. Обе части должны были сшиваться или наглухо связываться вдоль одного бока и одного или обоих плеч (к сожалению, отсутствие научного издания памятника не позволяет судить о таких подробностях) (табл. XLVII, 31а).

В первые века I тысячелетия до н. э. панцири из мягких материалов с покроем типа IV применялись финикийцами Кипра (табл. XLVII, 53), которые, видимо, заимствовали этот доспех у египтян в Сирии-Палестине или здесь же, на Кипре. Финикийские панцири часто простегивались в косую клетку (табл. XLVII, 34), что характерно и для мягких панцирей соседней Эгеиды.

К несколько более раннему времени — IX—VIII вв. до н. э. относится доспех описываемого типа, изображенный на одной из чаш, найденных в некрополе Марлик в Западном Иране (табл. XLVII, 38) (правда, не исключено, что здесь изображена рубашка, заправленная в юбку, так как на почти синхронной данному сосуду чаще из Хасанлу подобным точечным узором

в елочку, очень напоминающим простежку, покрыты одежды большей части персонажей — юбки и драпировки мужчин, хитоны и покрывала женщин [Godar, 1965, рис. 121]).

Зато позднее в ахеменидском Иране употребление доспехов из мягких материалов покроя типа IV с достоверностью отражено греческой вазописью (табл. XLVII, 44—46). Длиной до талии или до середины бедер, с очень короткими рукавами или без них, отороченные по подолу бахромой, они выполнены из нескольких слоев ткани, проложенной упругой массой либо без нее, и простеганы в прямую или косую клетку; в центре клетки имеется узелок или круглая металлическая пуговица. Есть и нестеганые доспехи, вышитые крестиками; эта вышивка также скрепляла слои между собой. Вероятно, это именно те «льняные белые панцири», об употреблении которых персами писал Ксенофонт (Анабасис I, VIII, 9), причем они были египетского происхождения, как о том сообщает Геродот.

Панцири из мягких материалов покроя типа V (табл. XLVII, 32, 33, 35, 55) употреблялись очень недолго — в IX—VIII вв. до н. э. и на весьма ограниченной территории — в Сирии — Финикии, и, судя по изображениям, не были особенно популярны. Они представляли собой, скорее всего, распашной кафтан с разрезом на груди сбоку и, видимо, глубоким запахом, широкими короткими рукавами и подолом, спереди коротким, до середины бедер, а сзади достигавшим лодыжек. Значительно менее вероятно, судя по бронированным аналогиям (см. ниже), покрой типа V мог представлять собой развитие покроя типа IV, т. е. глухую рубаху с удлиненным сзади подолом.

Панцири из мягких материалов покроя типа VI встречаются на изображениях персидских пехотинцев на иранской ахеменидской глиптике (табл. XLVII, 41) и представляют собой, в сущности, доспех покроя типа IV, только с очень высоким стоячим воротом, видимо, весьма толстым и плотным, защищающим шею и затылок воина. Можно предположить, что этот доспех тоже египетского происхождения.

Очень интересно происхождение панцирей покроя типа VII, получившего широчайшее распространение в I тысячелетии до н. э. на огромных территориях Европы и Азии. Прототипом этого покроя является «корсет-кираса». Особенно четко это просматривается на греческих вариантах «клаппенпанцер»: последние отличались тем, что вместо лямок к «корсету» сзади пришивался к верхнему краю прямоугольник, прикрывающий верхнюю часть спины, с маленьким стоячим воротничком; от верхнего края отходили два прямоугольных или трапециевидных клапана, которые перекидывались через плечи на грудь и там привязывались, т. е., собственно, выполняли роль лямок. Спереди «корсет» не был ровно обрезан на уровне подмышек, как египетские, сиро-финикийские и ранние иранские образцы, а поднимался до горла. Разрез с завязками находился обычно на груди сбоку; обязательной принадлежностью греческого панциря с покроем типа VII была пришитая к нижнему краю «корсета» двуслойная, с подолом, разрезанным на фестоны, юбочка-«птерюгес» (досл. «оборка», «оперение»). В Греции этот панцирь, получивший самое широкое распространение с VI в. до н. э., видимо, также связывался с Египтом, имея в виду в основном материал, из которого их предпочитали изготовлять,— лен.

Панцирь покроя типа VII особое распространение получил в ахеменидском Иране (табл. XLVII, 40, 42, 43, 47, 48), а также у скифов и синдо-меотов (табл. XLVII, 49), причем именно в то же время, что и у греков. Но поскольку греческие памятники искусства с изображениями таких доспехов стали известны ученым гораздо раньше, то исследователи обычно считают все панцири покроя типа VII у «варваров» непосредственным заимствованием от греков [Мелюкова, 1964, с. 73, 74; Gamber, 1978, с. 306—308] [лишь в двух-трех

случаях — в скифских чешуйчатых панцирях покроя типа VII — можно предполагать прямое заимствование греческого образца (табл. LII, 3в, 5)].

Действительно, персидские доспехи в греческой вазописи (табл. XLVII, 47, 48) неотличимы от греческих, что, скорее всего, в значительной мере отражало реальную ситуацию: полное сближение персидского панциря данного типа с греческим, но вот на золотой пластине из Амударьинского клада панцирь из мягкого материала покроя типа VII предстает немного иным (табл. XLVII, 40): его наплечники-клапаны сходятся на середине груди, как на более поздних кельтских изображениях [Филип, 1961, рис. 36], а вместо вырезов-пройм на нагрудной части мы видим выступающие над плечами короткие оплечья, тоже, видимо, клапаны, отходящие от нагрудной части на спину и прижимаемые лежащими поверх основными, «держащими» клапанами. Надо сказать, что подобный вариант можно найти и у греков, но в единичных случаях [Boardman, 1975, рис. 168, 186, 282, 2].

Другие персидские варианты «клаппенпанцер», известные из ахеменидской глиптики, отличаются формой и конструкцией оплечий, которые, собственно, уже трудно назвать клапанами: они представляют собой куски ткани, кожи или войлока в форме сегмента, который, вероятно, одним концом пришивался к наспинной части, а другим — привязывался к нагрудной, соединяя обе половины на корпусе и прикрывая не только плечо, но и предплечье (табл. XLVII, 42, 43). Некоторые из них имели довольно высокий стоячий воротник, прикрывающий затылок, тогда как у греческих он был низким. Остается добавить, что иногда персидские «клаппенпанцер» целиком, как и их же панцири покроя типа IV, простегивались в косую клетку, в отличие от греческих, простегивавшихся лишь в отдельных частях.

Как нам представляется, «клаппенпанцер» на Востоке не обязательно всегда нужно связывать с греческим влиянием. Мы уже упоминали «корсет-кирасу» с луристанского псалия VIII—VII вв. до н. э., лямки которого спереди сужались к концам и явно не пришивались, а привязывались к нагрудной части, что по форме и конструкции приближает их к клапанам. Кроме того, он имеет и «юбку» из фестонов, правда треугольных, а не прямоугольных (табл. XLVII, 39). Нет у него и надставки сзади, от которой у греческих доспехов отходят клапаны, но ее определенно не было и на мягких скифских панцирях покроя типа VII, и, вероятно, на значительной части персидских. Еще более ранний прототип «клаппенпанцер», хотя и не имеющий юбки-«птерюгеса» (что характерно опять-таки и для скифских доспехов этого типа), можно усмотреть на сиро-финикийской статуе Адуньябиджи середины XIV в. до н. э. (табл. L, 13), о которой речь пойдет в разделе о бронированных панцирях. Сейчас лишь заметим, что форма его клапанов такая же, как изображенная на пластине из Амударьинского клада: они смыкаются от горла до середины груди (табл. XLVII, 40).

Таким образом, можно полагать, что исходный вариант «клаппенпанцер» развился в Восточном Средиземноморье в третьей четверти II тысячелетия до н. э. из покроя «корсет-кирасы», совершенствовался в начале I тысячелетия до н. э. на юго-западе Иранского нагорья и сформировался полностью у ираноязычных народов Ирана и Северного Причерноморья, вероятно, в VI в. до н. э. и тогда же сформировался в самостоятельный вариант и у греков, причем последний оказывал влияние и на восточные изделия.

Покрой типа VIII панцирей из мягких материалов представлял собой кафтан со сплошным разрезом на груди — по оси или сбоку (в последнем случае он, вероятно, обычно имел запах), чем напоминал покрой типа V, но в отличие от того его подол был одинаковой длины и спереди, и сзади, и, как правило, вместо рукавов он имел несомкнутые оплечья. В рассматриваемое здесь время панцири из мягкого материала покроя типа VIII зафиксированы

пока только у скифов (табл. XLVII, 50, 50а). По изображению на «каменной бабе» из с. Ольховчик [Горелик, 1973, с. 268, рис. 4] он имеет разрез спереди по оси, стык которого прикрывается планкой, пришитой к правой полé, причем на уровне талии планка не пришита, образуя шлейку, сквозь которую продевался пояс. Панцирь имеет маленький стоячий воротничок и оплечья в виде пришитых сверху к пройме рукава сегментовидных кусков мягкого материала, скорее всего кожи; подобная форма и конструкция оплечий совпадает с оплечьями ахеменидских персидских панцирей покроя типа VII (табл. XLVII, 42, 43). Говорить о чьем-либо приоритете относительно изобретения этих оплечий трудно: и скифские и персидские памятники, их изображающие, практически одновременны. Здесь можно только добавить, что, видимо, именно от скифов такая форма оплечий около III в. до н. э. была заимствована кельтами для своего великого изобретения кольчуги и распространена римлянами по их имперской ойкумене [Robinson, 1975, с. 164, табл. 460, 469, 472, рис. 176; Connoly, 1978, с. 64, 65]. Длину доспеха на скифском изваянии определить невозможно; на груди, на месте сосков, были пришиты обозначающие их круглые, скорее всего металлические бляшки.

Специфичны панцири покроя типа IX, бытовавшие в Египте на протяжении, судя по датам изобразительных источников, с рубежа XVI—XIV вв. по XII в. до н. э. (табл. XLVII, 15, 16, 18а). От своих прототипов — панцирей-«перевязей», т. е. покроя типа II, доспехи типа IX отличались тем, что к перевязям, весьма широким и сделанным, судя по белому цвету, из слоев льняной ткани, пришивались короткие, до середины локтя, рукава. На ранних этапах применения их носили рядовые воины и, видимо, также командиры невысоких рангов, причем в то время рассматриваемые панцири имели только один рукав, правый или левый (видимо, в зависимости от того, был ли воин щитоносцем — тогда рукав защищал правое плечо, либо сражался без щита — в этом случае защищалось левое плечо, которое приходилось подставлять во время стрельбы из лука или в ближнем бою). Позднее этот панцирь становится излюбленным доспехом фараонов (табл. XL, 40, 47); всегда делается с обоими рукавами и богато отделывается: обычно изображениями сокола Гора и металлическими мелкими бляшками.

Заключая рассмотрение покроев панцирей из мягких материалов, отметим еще один — тип X, известный по греческим изображениям персов и амазонок, которых греческие художники почти всегда облачали в персидский костюм, вероятно, в его малоазийском варианте [Boardman, 1975, рис. 29, 77, 129, 1, 279, 283, 303; Vos, 1963, табл. III, IV; Devambez, 1962, ил. 115; Richter, 1963, табл. 35, 144]. Этот доспех предстает на изображениях своеобразным «комбинезоном», состоящим, скорее всего, из двух отдельных элементов: штанов с узкими штанинами и рубахи с длинными узкими рукавами, заправленной в штаны или соединенной с ними завязками. Подобный «комбинезон» изображен всегда только на воинах в боевых сценах и обычно является просто боевой одеждой, сделанной из толстой красивой узорной ткани, поверх которой часто одевался настоящий панцирь. Но в отдельных случаях мы можем видеть панцирь, в частности, из мягкого материала и в «комбинезоне». На одной из греческих вазовых росписей со сценой поединка грека с персом на последнем под панцирем из мягкого материала покроя типа VII одет «комбинезон» (табл. XLVII, 47) из материала, имеющего бугорчатую фактуру и покрытого точками и петельками. Видимо, так мастер передал ткань, туго сплетенную из толстых грубых прочных волокон, вероятно, конопляных, таким образом, что поверхность состояла из сплошных крупных узлов. Такое плетение доспеха и сам покрой-«комбинезона» находит полную аналогию в этнографическом материале прошлого века — в доспехе обитателей островов Джильберта (Кингсмиллских) в южной части Тихого океана [Stone, 1961, рис.

84, 85]. Они такой «комбинезон» также носили под панцирем из сплетенных лиан и кожи ската или акулы. Доспех из плетеных волокон в сочетании с кожей надежно предохранял островитян от ударов огромных копий и тяжелых дубин, деревянных мечей, усаженных по краям акульими зубами. Разумеется, персы в своих «комбинезонах» несли больший урон от металлического оружия, но, полагаем, рассмотренный доспех в сочетании с кожаным или льняным был достаточной защитой от стрел и мечей; более того, в описываемом вазовом изображении грек поражает перса копьем не в грудь, а в пах сквозь один из разрезов «птерюгеса» [Nickel, 1969, с. 23]. Панцири из туго переплетенных ссученных веревок, покрывающих льняную основу, наблюдал у жителей северо-востока Малой Азии — халибов в конце V в. до н. э. Ксенофонт (Анабасис IV, VII, 15).

Описанными типами исчерпываются практически все наши знания о панцирях из мягких материалов; разумеется, действительность была богаче дошедших до нас сведений, однако вряд ли намного. Этнографический материал всей Земли дает, в сущности, не большее разнообразие конструкций, материалов, покроев. Хуже то, что наши знания о доспехах из мягких материалов крайне неравномерны. Так, для рассматриваемого здесь периода практически отсутствуют сведения о мягких панцирях Азии к востоку от Урала. Да и на территориях к юго-западу от него панцири из мягких материалов известны, как мы убедились, в подавляющем большинстве случаев только по изображениям. Безусловно, их археологические остатки исключительная редкость, в силу непрочности самого материала. Но и письменные источники в этом плане не отличаются богатством. Так, богатейшие письменные традиции Египта, Месопотамии, Восточного Средиземноморья, Малой Азии и Ирана о них ничего почти не сообщают.

Лишь античные авторы (по времени уже ближе к концу исследуемого в данной книге периода) оставили достаточно точные и подробные описания панцирей из мягких материалов, использовавшихся некоторыми восточными народами, причем эти описания подчас можно отождествить с изображениями доспехов. Из древневосточных, пожалуй, лишь индийская словесность начиная с рубежа II—I тысячелетий до н. э. упоминает мягкий, сшиваемый доспех [Литвинский, 1972, с. 125; Миллер, 1962, с. 117]. Однако за отсутствием изображений, не говоря уже о материальных остатках, предположить его покрой и структуру очень сложно. Правда, здесь можно использовать ретроспективную аналогию с мягкими панцирями Индии конца I тысячелетия до н. э., многочисленные изображения которых дошли [Maisey, 1892, табл. XXII, 2; Hardy, 1902, рис. 21]. Это весьма примитивные «корсеты-кирасы», сделанные, скорее всего, из слоев хлопчатобумажной ткани, толсто проложенные ватой и простеганные горизонтальными строчками, очень напоминающие доспехи южносирийских кочевников по египетским изображениям. Указанная примитивность доспеха и позволяет отодвинуть его применение в Индии к началу I и даже во II тысячелетие до н. э.

Мы специально столь подробно рассмотрели панцири из мягких материалов потому, что они всегда были самым массовым элементом в защитном вооружении и в то же время ни в одном исследовании не были сколько-нибудь тщательно, конкретно и масшабно изучены, исключая, пожалуй, работу Е. В. Черненко, но последняя посвящена лишь скифскому доспеху. Однако значение исследования панцирей из мягких материалов заключается не только в описании их собственной истории. Теперь мы можем относительно уверенно говорить о центрах и путях распространения некоторых типов покроя, о хронологии их развития. Так, для многих панцирей Востока прототипом послужил изобретенный в Египте покрой «корсет-кираса» (основой которому послужили распространенные от Месопотамии до Египта доспехи покроя типа

II — «перевязи» с поясом), в Восточном Средиземноморье около середины II тысячелетия до н. э. начал вырабатываться покрой «клаппенпанцер», ставший одним из основных типов покроя панциря на огромном пространстве Средиземноморья и Черноморья, а также в Иране к середине I тысячелетия до н. э. Не менее универсален оказался и древнейший покрой «пончо», давший не столь много вариантов, но чрезвычайно широко бытовавший на древнем Востоке с последней четверти II тысячелетия до н. э. и особенно в I тысячелетии до н. э.

Роль панцирей из мягких материалов велика в истории развития доспеха и тем, что именно они, как правило, послужили основой при конструировании доспехов из твердых материалов и позволяют судить о покрое последних в тех случаях, когда от панцирей из твердых материалов доходят лишь остатки, детали брони.

Обычно авторы, пишущие об оружии древности, если и касаются вскользь проблемы панцирей из мягких материалов, отмечают лишь то, что таковыми могли служить предметы обычной одежды, может быть, несколько более толстые и жесткие. Это верно лишь в самой малой степени. Среди рассмотренных нами типов покроев только ничтожная часть может быть генетически связана с предметами повседневной одежды. К ним можно, пожалуй, отнести вариант перевязей в виде длинного шарфа в Месопотамии III тысячелетия до н. э. (табл. XLVII, 7) и покрой типа IV (рубаху с глухим воротом и настоящими рукавами), а также, вероятно, покрой типа X («комбинезон»). Но даже и эти типы в силу своей структуры, дававшей толщину и жесткость, значительно превышавшие эти показатели у обычной одежды и обеспечивавшие защитную функцию доспеха, имели не свойственные одежде разрезы для удобства надевания, а рукава зачастую оказывались ложными, являясь на деле лопастями. Остальные же типы покроя панцирей не имеют никаких аналогий в синхронном им повседневном костюме, даже если его элементы могут показаться схожими с элементами костюма какого-либо этноса. Ведь при этом следует помнить, что на родине этого покроя таких элементов одежды не было.

Следовательно, при создании покроя и конструкции панциря имелись в виду только его защитная функция и удобство ношения в условиях боя и надевания (на марше доспех, как правило, не носили, кроме специальных отрядов, а несли на себе либо везли во вьюках или на повозках), что было обусловлено материалами, из которых доспехи изготовлялись. Традиция конструирования бытового костюма здесь использовалась лишь в единичных случаях, когда она не мешала функции, была индифферентна или позволяла успешно применить ее элементы, а это случалось крайне редко. Таким образом, изготовителям панцирей приходилось проявлять огромную изобретательность, новаторство; процесс изготовления даже простого мягкого доспеха требовал все больших специальных навыков в подборе и обработке материала, поиска оптимального покроя, мастерства в выполнении готового изделия, от которого зачастую зависела жизнь владельца. Все это стимулировало, во всяком случае на начальных этапах развития, высокий профессионализм исполнителей и определенную специализацию производства, со всеми вытекающими социально-экономическими последствиями.

Б. Панцири из твердых материалов

Панцири, которые изготовлялись из твердых материалов — дерева, рога, кости, толстой твердой кожи и металла,— можно разделить на две основные разновидности: с мягкой основой, покрытой бронирующим твердым материалом, и без мягкой основы, когда детали доспеха из твердого материала

соединяются непосредственно между собой. В литературе обычно употребляется более дробная и конкретная классификация, учитывающая одновременно такие показатели, как покрой, способ бронирования, форму и материал элементов брони, причем за основу берут сочетание не всех, а только некоторых показателей, в каждом случае разных.

Наиболее удачные из таких классификаций базируются на действительно имеющем место достаточно стойком сочетании выбранных признаков. Все же, на наш взгляд, имеющимся классификациям не хватает систематичности, что не позволяет унифицированно описать, охватить все многообразие признаков в конкретных доспехах и свести это многообразие в единую систему с другими типами. Мы в своем описании и анализе будем классифицировать доспехи по шкале убывающей значимости каждого из признаков. Первым, важнейшим, как уже отмечалось, признаком для нас является наличие или отсутствие мягкой основы. Этому признаку равноценен, если не превосходит его, второй признак — гомогенность или гетерогенность структуры. Третий по важности и самостоятельности признак — покрой. Первый признак определяет методы бронирования, второй — структуру брони. Четвертый признак характеризует форму элементов бронепокрытия и лишь пятый — материал этих элементов, поскольку элементы одной и той же формы выполнялись из разных материалов. Поскольку развитие панциря характеризуется определенной противоречивостью: с одной стороны, к нему предъявляется требование максимальной неуязвимости, а с другой — гибкости, легкости, удобства, постольку функциональную значимость все признаки имеют в равной степени, хотя с развитием наступательного оружия и тактики тот или иной признак может в определенный момент получить более важное значение, но в конечном счете развитие панциря стремится к гармонизации признаков, на каждом этапе по-новому.

Представляется резонным предварительно рассмотреть развитие всех признаков по отдельности, а потом на базе их сочетаемости выявить типы панцирей.

Обратимся к главным различительным признакам — гомогенность (когда прикрытие крупной части тела — груди, шеи, таза и т. п. выполняется из максимально допустимых технологией и соображений удобства кусков бронирующего материала) и гетерогенность (когда броня составлена из небольших кусочков, более или менее индифферентных к формам человеческого тела). Нередки случаи, когда в одном доспехе сочетаются оба признака.

Гомогенные панцири из твердых материалов на древнем Востоке в рассматриваемое в данной книге время были очень редки, и в этом видится коренное отличие восточной традиции изготовления панцирей от европейской; в Европе монолитные доспехи в виде металлических кирас и их производных все шире распространяются начиная с середины II тысячелетия до н. э., когда эти кирасы появляются в микенской Греции [Buchholz, e. a., 1977, с. 96—99, табл. VII] и становятся одним из основных видов панцирей. Если прав И. Ядин в своей трактовке панцирей «народов моря» [Yadin, 1963, с. 250—252], изображенных на стенах храма Рамсеса III в Мединет-Абу около 1180 г. до н. э. (табл. XLIX, 56—61), то здесь можно видеть панцирь микенского происхождения, имеющий в основе двустворчатую кирасу, дополненную кованными оплечьями и усиленную накладками из широких полос того же материала (кроме бронзы тут, видимо, могла применяться твердая, отформованная в сыром виде кожа, а также сочетание обоих материалов), с углом, направленным обычно вверх, изредка вниз. Такой же доспех и на некоторых египетских воинах, изображенных здесь же: видимо, египтяне познакомились с данным типом доспеха раньше, благодаря первой волне находников из Эгеиды, с которыми в начале последней трети XIII в. до н. э. сражался фараон Мернептах. (Интересно, что на изображениях воинов «народов моря», служивших наемниками в правление Рамсеса II, в XIII в. до н. э. таких панцирей еще нет.)

Однако очень скоро от рассмотренных выше доспехов отказались как египтяне, так и сами осевшие в Палестине «народы моря», долго сохранявшие свое традиционное военное снаряжение — специфические шлемы, тиары, мечи, круглые щиты; из-за отсутствия материальных остатков после XII в. до н. э. не известно ни одного изображения из описываемого региона, а в Библии панцирь филистимского богатыря Голиафа назван «чешуйчатым» (скорее, ламеллярным), т. е. местного типа. Единственным регионом древнего Востока, где гомогенная броня фиксируется уже на очень раннем историческом этапе, является Китай. В Аньяне при раскопках обнаружена часть сплошного нагрудника, сделанного из толстой твердой кожи, покрытого и расписанного черным и красным лаком [Ян Хун, 1980, с. 3, рис. 3] (табл. XLIX, 50а). Датировать находку можно XII—XI вв. до н. э. Покрой этого доспеха можно отнести к типу III — «корсету-кирасе». Ввиду твердости материала панцирь состоял из двух створок, нагрудной и наспинной, соединявшихся лямками на плечах и завязками или застежками на боках. Судя по более поздним дальневосточным аналогиям [Robinson, 1967, фиг. 64, 65в, 86, 91, 97, 101], верхний край нагрудника доходил до ключиц, а наспинной части — даже поднимался над плечами; чтобы такой доспех плотно и удобно сидел на корпусе, верхние углы наспинной, а часто и нагрудной частей вырезались углом или по дуге, образуя проймы для рук.

Твердая и толстая кожа крупных животных — быков и особенно носорогов — традиционно широко использовалась и высоко ценилась в качестве материала для доспехов в древнем Китае: древнекитайские тексты в течение практически всей рассматриваемой здесь эпохи упоминают именно такие панцири [Laufer, 1914].

Однако археологические данные позволяют говорить и о доспехах, изготовлявшихся из больших цельных кусков металла. Так, от эпохи раннего Чжоу (XI—VIII вв. до н. э.) до нас дошел нагрудник «корсета-кирасы», состоящий из двух половин (табл. XLIX, 50), отлитых методом «потерянного воска», с орнаментом, представляющим маску чудовища Тао-тье. Видимо, наспинная часть и боковины данного панциря делались из одного куска толстой кожи и наглухо прикреплялись по бокам к бронзовому нагруднику (нет нужды доказывать, что он, как и все другие цельнометаллические панцири, имел подкладку из мягкой кожи, ткани или войлока), а сам панцирь распахивался и соответственно скреплялся при помощи застежек или завязок на груди.

Вообще, надо сказать, что покрой типа III («корсет-кираса») как нельзя лучше подходит для гомогенной брони, поскольку кираса, т. е. створчатый панцирь, как таковая очень компактна, оставляет свободными руки, пояс, шею, не мешая им двигаться, тогда как грудь сама по себе не имеет подвижных сочленений и в бою относительно самой себя может оставаться неподвижной, хотя долгая статика утомляет позвоночник. Но, повторяем, в течение не слишком долгого времени боя она носится достаточно легко. Гомогенные «корсеты-кирасы» бытовали на востоке Азии очень долго. Более того, этот покрой с данной структурой был распространен на гигантских пространствах, примыкающих к Тихому океану, на островах и материках, лежащих на нем. Выполненный из куска толстой кожи, он зафиксирован у индейцев Северной Америки на протяжении I тысячелетия н. э. и позднее; сплетенный из лианы ротанга, он был известен в XIX в. у папуасов Новой Гвинеи и упоминавшихся обитателей Каролинских (Кингсмиллских) островов [Stone, 1961, рис. 84—87]. Нам представляется, что данные поздней этнографии и археологические материалы Америки позволяют предположить, что древнейшими панцирями Юго-Восточной и Южной Азии были «корсеты-кирасы», сделанные из кусков твердой кожи крупных животных либо сплетенные в твердую, но упругую броню из крепких лиан.

Однако абсолютно преобладающими на древнем Востоке исследуемого периода были твердые панцири гетерогенной структуры. Наиболее архаичными являются, судя по находкам в самых разных, отдаленных друг от друга местах, доспехи с мягкой основой в два слоя, между которыми уложены пластины или полосы твердого материала; стыки между пластинами простегиваются, чтобы пластины не сползали вниз в кучу. Древнейшие доспехи такого типа известны в Палестине — в Телль-Гате (конец IV тысячелетия до н. э.) и Кфар Монаше (конец IV — начало III тысячелетия до н. э.) (табл. XLVIII, 1, 2). Эти находки замечательны тем, что в них в качестве бронирующего материала впервые применен металл: тонкие бронзовые ленты шириной 5—6 см пачками в 3—4 слоя укладывались между слоями мягкого материала основы.

Столь архаичный способ бронирования применялся и гораздо позднее, в Месопотамии XV в. до н. э., в эпоху расцвета весьма совершенных панцирных структур: в Нузе среди пластин ламеллярного доспеха найдены бронзовые прямоугольники без отверстий, с боковым выступом (табл. XLVIII, 33а). В работах по истории доспеха было высказано мнение, что эти пластинки прикреплялись нитками к мягкой основе и выступ мешал им соскользнуть с поверхности основы [Catling, 1970, с. 445]. Признавая вероятность внешнего бронирования, в данном случае можно предположить и внутреннее — пластинки зашивались между двумя слоями мягкой основы.

К еще более позднему времени — второй половине XI в. до н. э. относятся подквадратные, высотой около 5 см бронзовые пластинки без отверстий, сплошь покрытые рядами выпуклин [Loud, I, табл. 85, 45], найденные в Мегиддо, в Палестине. Эти пластины зашивались между слоями основы, а выпуклины придавали доспеху дополнительную прочность.

Доспех такого типа известен и в восточной части Азии. Так, в погребении № 1 могильника Усть-Илга в Прибайкалье, датируемого около 1700—1300 гг. до н. э., найден панцирь из пластин лосиной кости [Окладников, 1955, с. 248, рис. 118] (табл. XLVIII, 17—17b). Каждая пластина имела длину 25—27 см, ширину 3—4 см; 40 таких пластин были уложены между двумя слоями кожи, горизонтально одна рядом с другой, сверху вниз, образуя прямоугольник длиной до 1,5 м. Бронированной в доспехе оказывалась только нагрудная часть.

Было ли бронирование одной лишь нагрудной части присуще также и описанным выше палестинским панцирям, сказать точно невозможно. Покрой всех этих доспехов был, скорее всего, типа I, т. е. «пончо». Менее вероятен покрой типа III — «корсет-кираса». Характерна большая длина восточносибирского панциря: при невысоком росте неолитических обитателей Прибайкалья панцирь мог доходить до середины голени. Интересно, что такой признак, как большая длина, оказался у панцирей северо-востока Азии очень стойким и сохранился вплоть до XVIII — начала XX в. [Stone, 1961, фиг. 70; Thordeman, 1939, рис. 251].

Панцирь из костяных пластин известен и приамурской польцевской культуре второй половины I тысячелетия до н. э. Как пишет опубликовавший его А. П. Деревянко, костяные пластины, найденные в поселении Польце I (табл. XLIX, 54), не имели отверстий и были пришиты через край по обеим сторонам кожаной основы [Деревянко, 1976, с. 121]. Как нам представляется, тут имел место доспех с бронированием наружной поверхности нагрудной и наспинной частей; он был положен в могилу сложенным, а за тысячелетия сохранившиеся обрывки кожаной основы спеклись изнанками, поэтому стало казаться, что здесь один слой кожи. Интересно, что такой архаичный доспех бытовал столь поздно (V—III вв. до н. э.) наряду с более совершенными по конструкции, в том числе и металлическими панцирями.

Уже в III—начале II тысячелетия до н. э. в среде оседлых земледельцев-скотоводов неолита Китая, неолита и энеолита Приазовья и Предкавказья использовался пластинчатый доспех. К этому типу мы относим такие панцири с мягкой основой, в которых пришитые пластинки бронирующего материала — обычно более или менее узкие прямоугольники либо кружки — всей своей поверхностью прилегают к основе; для этого в прямоугольниках необходимо и достаточно было проделать два-четыре отверстия в середине или по периферии, на кружках — одно отверстие в центре либо два и более на разных краях или петлю на изнанке. Гибкость в таком доспехе достигается за счет мягкости стыков пластинок: чем стыки шире, тем панцирь гибче и легче, но тем слабее его защитная функция. Естественно, что при равной густоте покрытия защитные свойства, а соответственно и тяжесть выше у прямоугольников, нежели у кружков.

В неолитических культурах Китая пластинчатый доспех бронировался костяными прямоугольниками 7—12 см длиной и 2—4 см шириной, с четырьмя отверстиями по углам (табл. XLVIII, 18). Близки им по размерам, пропорциям, количеству и расположению отверстий прямоугольники из кабаньих клыков, также во множестве найденные в Мариупольском (табл. XLVIII, 16) и Нальчикском могильниках; материал обусловил небольшую выпуклость этих пластинок, что увеличило их жесткость и соответственно прочность доспеха, не утяжеляя его. Большинство исследователей трактуют эти пластинки из Приазовья и Северного Кавказа как украшения деталей костюма — головного убора, пояса, наплечной одежды, тогда как Юрген Борхардт видит в них элементы бронирования шлемов — древнейший вариант эгейских, описанных Гомером в «Илиаде» шлемов из кабаньих клыков [Borchhardt, 1972, с. 26, 28, 29, рис. 2а, табл. 1, 2, 5]. Не отрицая ни того, ни другого варианта применения пластинок, мы полагаем, что использование их также и для бронирования панциря не менее вероятно.

Пластинчатое бронирование можно предположить и для Месопотамии конца III—начала II тысячелетия до н. э. на основании изображения военачальника, царя или бога на глиняной плакетке из Телль-Асмара (табл. XLVIII, 6), если только здесь не изображен длинный мех или ряды бахромы, что, впрочем, в то время еще передавалось рядами волнистых линий. Неизвестно, какой материал применен здесь для изготовления образующих броню прямоугольников, но зато виден покрой доспеха типа I («пончо»), выкроенного в форме круга или овала, что позволяет прикрыть плечи и предплечья почти до локтя, но, вероятно, несколько затрудняло, если броня была из тяжелой бронзы, свободу движений рук. Данный вариант покроя типа I интересен еще и тем, что представляет собой самую настоящую эгиду — защитную одежду, доспех греческой богини мудрости, справедливости, военного искусства Афины [Reinach, 1906, с. 226—238], которая защищала ею не только и не столько себя, сколько покровительствуемых ею героев. Правда, эгида Афины была сделана из козьей шкуры, но ведь и один из древнейших известных нам панцирей в Египте, как мы знаем, также являлся шкурой, выкроенной в форме «пончо», правда, прямоугольных очертаний.

В середине II тысячелетия до н. э. бронзовые нашивные подпрямоугольные пластинки длиной около 9 см встречаются в степях волжско-уральского региона (табл. XLVIII, 36—40). Это дает нам право предполагать бытование здесь пластинчатых, в том числе и с металлическим бронированием, панцирей, хотя очень высока вероятность того, что это были нашивные украшения одежды, покрывавшие небольшие ее участки. Зато, несомненно, броней являются длинные узкие (более 15 см × 2,5—3 см) костяные пластины XV—XIII вв. до н. э. из Ростовкинского могильника близ Омска (табл. XLVIII, 40) [Матющенко, Ложникова, 1969, табл. II, 5, с. 24], хотя подобные пластины

могли нашиваться не только на мягкую основу (или зашиваться между двумя мягкими слоями) панциря, но и на более жесткую основу щита.

Пластинчатые панцири известны на территории Грузии и датируются последними веками II — первыми веками I тысячелетия до н. э. (табл. XLVIII, 50—52). Чешуеобразная форма бронзовых пластинок, ребро жесткости (или два изогнутых ребра, что встречается только в Кахетии и Талыше), размеры — все имитирует признаки пластин ламеллярного доспеха, найденных здесь же, но наличие всего трех отверстий (по одному в каждом углу) не оставляет сомнения, что данные пластины принадлежали пластинчатому панцирю. Прямоугольные пластины из бронзы с четырьмя отверстиями по углам обнаружены в знаменитом «кладе» из Зивие (Северо-Западный Иран, VII в. до н. э.) (табл. LVI, 10, 11). Бóльшие по размерам пластины имеют ребро жесткости, характерное для подавляющего числа металлических панцирных пластин Ближнего и Среднего Востока II — первой половины I тысячелетия до н. э., меньшие — гладкие. Аналогичные пластинки, сделанные из железа, широко бытовали в державе Ахеменидов; встречаются они и в Египте (в Мемфисе), и в Малой Азии (в Гордионе, Фригия) (табл. LVI, 8, 9). Прямоугольные пластины с ребром жесткости явно повторяют форму ассирийских и урартских пластин VIII—VII вв. до н. э., но у последних с короткой стороны было по три отверстия, и принадлежали эти пластины почти наверняка ламеллярным доспехам, т. е. панцирям, броня которых состояла из пластинок твердого материала, соединенных непосредственно между собой, без мягкой основы (подробно о них ниже). Не исключено, что прямоугольники с четырьмя отверстиями по углам также составляли ламеллярную броню. Как о частях пластинчатого доспеха, с уверенностью можно говорить о бронзовых подквадратных пластинах с отверстиями по краям, найденных в Мегиддо в слоях, датируемых второй половиной XI в. до н. э. (табл. XLVIII, 31), и в древней столице Ахеменидов Пасаргадах (табл. XLVIII, 113—115).

На древних ближневосточных изображениях достаточно часто попадаются панцири, поверхность которых покрыта квадратными пластинками с каймой и кружком в центре. Поверхность, покрытая такими пластинками, выглядит в декоративном аспекте очень эффективно, но среди археологических находок эти пластинки не встречаются. Однако, если они изображают панцирную твердую броню, что в военных сценах более чем вероятно, а не орнамент ткани, а это следует видеть в мирных сценах, то почти с полной уверенностью можно считать эти пластинки частями пластинчатого доспеха (если это не доспех из мягкого материала с прокладкой, прострочкой в клетку и с узелками или мелкими круглыми бляшками, пришитыми в центре каждой клетки). Впервые панцирь с мягкой основой, сплошь обшитой такими квадратиками из бронзы или твердой кожи, изображен на фараоне Рамсесе II (XIII в. до н. э.), на фреске, точнее, раскрашенном рельефе, живописующем его подвиги в битве при Кадеше (табл. XLIX, 1, 1а). Это панцирь покроя типа VIIIа — «кафтан» с лопастями (оплечьями), видимо, с двумя разрезами по бокам и широким воротом. Для большей гибкости панциря между рядами пластинок оставлены узкие горизонтальные зазоры. Аналогичные доспехи были популярны, судя по изображению на той же стенописи, хотя и менее четком, у хеттских противников фараона (или их сирийских союзников) (табл. XLIX, 2). Поскольку подобное бронирование нигде раньше не изображалось, трудно сказать, где — в Египте, Сирии или Малой Азии — было впервые сделано такое броневое покрытие.

Особенно популярны описанные подквадратные пластинки были у ассирийских бронников. В VIII в. до н. э. такими пластинками покрывали мягкую основу панциря, покроя «пончо», сшитого на одном боку и с завязками на другом, с короткими широкими лопастями-оплечьями или без них

(табл. XLVIII, 96, 97). Менее вероятно, что здесь был покрой типа IV — рубаха с глухим воротом. Пластинки в этих ассирийских панцирях нашивались сплошь, либо с зазорами, подчас довольно широкими. В VIII—VII вв. до н. э. пластинками данного типа обшивались широкие полосы доспеха покроя типа II («перевязи»), употреблявшиеся легковооруженными воинами из Сирии-Палестины, служившими в ассирийском войске (табл. XLVIII, 100). Скорее всего, именно из Ассирии метод бронирования квадратными пластинками проникает в Иран в предахеменидскую эпоху (табл. XLVIII, 82, 102). Особенно красноречиво об этом свидетельствует доспех, изображенный на бронзовой статуэтке из Хурвина (табл. XLVIII, 102), где широкая перевязь в сочетании с широким поясом не оставляет сомнения в своем ассирийском происхождении (см., например, табл. XLVIII, 97, 99, 100). Поэтому в этом вопросе не прав О. Гамбер, счевший бронированную перевязь пекторалью, а весь комплекс защиты — чисто иранским, т. е. присущим ираноязычным древним народам [Gamber, 1966, с. 12; Gamber, 1968, с. 7]. Можно предположить, что квадратные пластинки применялись в Иране и в ахеменидское время для бронирования панцирей покроя типа VII, как это видно на греческой вазописи, изображающей перса (табл. L, 62), на панцире которого пластинки показаны лишь на отдельных участках поверхности, что характерно для греческой традиции. Не исключено, что одно из греческих изображений (табл. XLVII, 44) передает не доспех из мягкого материала с простежкой в прямую клетку с узелком и бляшкой в центре клетки, а броневую обшивку из рассматриваемых пластинок.

Судя по изобразительным источникам и материальным находкам, наиболее распространенной формой пластинчатой брони были кружки, которые практически всегда выполнялись из металла и имели более или менее выпуклую форму. Ранее всего они встречаются, правда только на изображениях, в раннединастическом Шумере середины III тысячелетия до н. э. Перламутровые и костяные инкрустации из Ура и Мари изображают воинов, облаченных в несколько необычные мягкие панцири, бронированные круглыми бляхами (табл. XLVIII, 3—5), хотя иногда кружки трактуются, как пятна леопардовой шкуры [Alfieri, e.a., 1974, рис. 25]. Это месопотамские доспехи двух покроев. Панцири из Мари представляют собой вариант покроя типа II, но не из двух, а из одной широкой полосы — шарфа, переброшенного через плечо, на поверхности которого бляхи регулярно нашиты в два или три ряда. Наиболее своеобразен покрой доспеха на «штандарте» из Ура: он представляет собой длинный, до середины голеней или даже до лодыжек, плащ из толстой ткани или войлока; бляхи на нем расположены равномерно, но не всегда регулярно.

Покрой панциря в виде плаща — обозначим его как тип XII — один из очень немногих, который можно связывать с покроем бытовой одежды. Зафиксирован этот покрой только один раз — на «штандарте» из Ура и больше никогда и нигде не встречается; видимо, от него быстро отказались из-за того, что он был неудобен в бою, особенно рукопашном, так как мешал движениям рук. И уже в конце III — первых веках II тысячелетия до н. э. в Месопотамии использовали доспех с мягкой основой, обшитый бляшками, более удобного покроя (табл. XLVIII, 6). Правда, с точностью здесь установить тип покроя затруднительно, поскольку верхняя часть фигуры на глиняной плакетке скрыта под упоминавшимся пластинчатым «пончо-эгидой». Доспех мог представлять собой длинную фестончатую «юбку» (покрой типа XIII) — бронированный элемент обычной одежды либо длинную рубаху с глухим воротом — удлиненный вариант покроя типа IV.

Вообще, бронирование круглыми бляшками обеспечивало очень высокую гибкость доспеха, поскольку ими невозможно закрыть всю поверхность

основы и между ними образуются мягкие стыки. Кроме того, ими можно было обшить крой любой, самой сложной формы, в том числе и любую, самую сложную часть костюма, как показывает тысячелетний мировой опыт декорирования одежды. Поэтому так трудно предположить покрой панциря по наличию одних только бляшек, без дополнительных материалов, особенно изобразительных.

На рубеже III—II тысячелетий до н. э. способ бронирования панциря круглыми бляшками начинает распространяться на запад, север и восток от Месопотамии. Крупные, диаметром 8—12 см бронзовые бляхи с выпуклыми каймами, шишечками, пришивавшиеся благодаря отверстиям или петлям, обнаружены в Финикии (Библ) и на Кипре (табл. XLVIII, 10—14). Наиболее крупные из них могли служить умбонами щитов.

Крупные бляхи с радиальными рядами выпуклых точек, найденные в одном из курганов Триалети (табл. XLVIII, 15) в Грузии (конец III—начало II тысячелетия до н. э.), которые раскопавший их Б. А. Куфтин определил как панцирные [Куфтин, 1941, с. 101, табл. XCXV], особенно важны, так как являются самыми ранними здесь образцами блях панцирного покрытия, ставшего исключительно популярным на Кавказе. Триалетская находка важна также и тем, что здесь точно зафиксировано количество блях в одном комплексе — их было шесть штук. Это число говорит о том, что пластины покрывали небольшую площадь, скорее всего нагрудник, и весь короткий панцирь тогда мог иметь покрой типа I («пончо») либо типа IA — «нагрудник» («манишка»).

Число 6 важно еще и вот почему: на щитах, которые несут воины, изображенные на стеле Эанатума, показано по шесть умбонов (табл. LXIII, 2). Т. Визе трактует это в качестве художественной условности, символизирующей 6 воинов, идущих в затылок друг за другом в подразделении шумерской фаланги, тогда как в действительности щит имел лишь один диск-умбон в центре [Wise, 1981, с. 11, 35, табл. AI]. Здесь Т. Визе основывается на не совсем точном подсчете И. Ядина [Yadin, 1963, с. 49, 50]. На самом же деле ряд воинов на стеле состоит из семи человек — одного щитоносца, голова и ноги которого видны из-за щита сверху и снизу, и шести копьеносцев, от которых видны шесть пар рук, снимающих шесть копий. Тогда непонятно, почему на щите не хватает умбона, «символизирующего» самого щитоносца. Находка в Триалети (хотя бляхи там принадлежали не щиту, поскольку при них не было обнаружено остатков дерева, а деревянная основа могла сохраниться, как сохранилось дерево от повозки в другом триалетском кургане) показывает, что число 6 было оптимальным для размещения на нагруднике панциря блях подобного размера.

Можно было бы предположить некий сакральный смысл в количестве умбонов на щитах и блях на панцирях, но цифры получаются самые разные и не соответствуют какой-либо системе. Так, панцири, изображенные на расписной керамике из Мегиддо XII в. до н. э. (табл. XLVIII, 29—32), имеют от 6 до 16 блях [Loud, 1948, табл. 247, 17; Yadin, 1963, с. 242], несколько более поздний доспех из Головино (табл. XLVIII, 62—62в) (Армения) снабжен кроме множества мелких семью основными крупными бляхами, из которых, правда, шесть одинаковых [Мнацаканян, 1962, с. 69, рис. 18], на скифском панцире IV в. до н. э. из кургана 493, у с. Ильинцы (табл. XLIX, 9) — девять блях (десятая — пектораль). Возвращаясь к шумерскому рельефу, надо заметить, что блях на щите, скорее всего, девять штук, если судить по пропорциям щита и расположению на нем блях: просто третий, левый ряд из трех умбонов закрыт изображениями рук копейщиков. Таким образом, количество умбонов здесь ничего реального не символизирует. Видимо, во всех случаях оно определялось оптимумом между потребностями в прикрытии определенной площади и возможностью достать максимальное количество блях.

Почти синхронно с Кавказом в конце III, а скорее всего в начале II тысячелетия до н. э. бляхи из Месопотамии распространяются на юг Средней Азии (табл. XLVIII, 7) и в Индию (табл. XLVIII, 8, 9). Ранние бляхи обоих регионов отличаются друг от друга: среднеазиатские гладкие, крупные — около 5 см в диаметре, и пришивались через две пары отверстий по краям, хараппские же маленькие, около 2 см в диаметре, с выпуклым бортиком, иногда с выпуклиной в центре, крепились к основе посредством пришивания нитью через два отверстия по краям или припаянную изнутри петельку. И в Среднюю Азию, и в Индию круглые бляшки могли попасть через Иран; к сожалению, столь ранние иранские образцы нам пока неизвестны, как, впрочем, и реальные предметы из Месопотамии. От середины же II тысячелетия до н. э. до нас дошли реальные месопотамские бронзовые круглые бронирующие бляшки. Они происходят из Нузы (табл. XLVIII, 28), гладкие, 7 см в диаметре, выпуклые, они пришивались за проволочную петлю, продетую через отверстие в центре. В это же время панцири, обшитые круглыми бляшками, продолжали бытовать в сиро-палестинском регионе, а в Египте появились, видимо, в связи с азиатскими походами фараона Тутмоса IV. Реальных остатков блях данного времени здесь не обнаружено, зато мы имеем подробное изображение панцирей с бляшками, сирийских и египетских, на тиснении кожаной обивки кузова колесницы фараона Тутмоса IV. На сирийцах четыре разновидности панцирей с мягкой основой, обшитой круглыми бляшками, трех типов покроев: самый распространенный — перекрещивающиеся или одинарные «перевязи» (покрой типа II) (табл. XLVIII, 20, 21); в меньшем количестве изображены панцирные «юбки», короткие, до колен, и, кажется, распашные (табл. XLVIII, 24, 25); единичные экземпляры «корсетов-кирас» двух вариантов: очень короткий, видимо, кожаный, двуслойный, с упругой прокладкой, простеганный прямой горизонтальной строчкой, и с бляшками, нашитыми в два ряда, а вдоль лямок — в один ряд (табл. XLVIII, 22), и более длинный, до пояса, «корсет-кираса» (либо «пончо»), сплошь обшитый бляшками (табл. XLVIII, 23). Видимо, именно эти «перевязи» и «корсеты-кирасы» с небольшим количеством блях составили 200 «кожаных броней жалкого войска» правителя Мегиддо, захваченных наряду с «добротными» бронзовыми панцирями воинами Тутмоса III во время его азиатского похода около рубежа первой и второй четверти XV в до н. э. [Хрестоматия, 1950, с. 74]. Тутмос IV на колесничной обивке изображен облаченным в египетский панцирь покроя типа IX — «перевязи с рукавами», с нашитыми на полосы «перевязей» соколами, вероятно, из листового золота. Остальная поверхность панциря сплошь обшита круглыми мелкими бляшками, тоже, вероятно, золотыми или бронзовыми (табл. XLVIII, 19).

Ко второй половине II тысячелетия до н. э. относится расцвет и распространение от Египта до Китая панцирей с мягкой основой, бронированной круглыми бляхами разной величины. В Египте бляшки в небольшом количестве усиливают кожаные «корсеты-кирасы» (материал и способ бронирования, судя по всему, были заимствованы из Сирии) личной гвардии Рамсеса II (табл. XLVIII, 26).

В Палестине и Финикии продолжали использовать «перевязи» и стеганые «пончо», обшитые рядами бляшек (табл. XLVIII, 34); найдены там и сами бляхи этого времени (в Мегиддо), довольно крупные, 5 см в диаметре, гладкие, выпуклые; с одним отверстием в центре, удерживаемые узелками шнура или нитки, которой пришивались к основе (табл. XLVIII, 27).

Регионом, где доспех, бронированный круглыми бляшками, особенно пользовался успехом, являлся, как уже отмечалось, Кавказ. А. А. Мартиросян и за ним Е. В. Черненко совершенно, на наш взгляд, верно отметили перерыв в бытовании на Кавказе круглых бронирующих бляшек, падающий на первую

половину II тысячелетия до н. э., но от второй половины II тысячелетия до н. э.— первых веков I тысячелетия до н. э. дошло огромное количество бляшек со всей территории от Черного до Каспийского моря, от Армении до Северного Кавказа (табл. XLVIII, 42—49, 53—76, 108—110). Бляхи всех известных форм, размеров, способов крепления покрывали поверхность кавказских панцирей, но применялись также и для украшения одежды и конской сбруи, как, собственно, и везде. Практически полный, хотя и не целый доспех был найден у с. Головино (Армения) в погребении конца II—начала I тысячелетия до н. э. (табл. XLVIII, 62—62в). Блях из бронзы было около сотни, из них шесть крупных, остальные мелкие; крупные (8 см в диаметре) пришивались за четыре петли, мелкие—1,5—2 см диаметром—за одну петлю или перемычку. Кроме того, в броню входил большой—14 см диаметром—деревянный диск с закрепленными в нем мелкими бронзовыми бляшками. Огромную ценность представляют остатки основы из сплетенных кожаных ремешков. В своей реконструкции А. О. Мнацаканян удачно воссоздал расположение блях и бляшек. Однако Е. В. Черненко [Черненко, 1968, с. 125] отметил, что неправомерно представлять данный доспех в виде нагрудника с завязками на спине; скорее всего, на наш взгляд, панцирь в начале I тысячелетия до н. э. должен был иметь покрой «пончо» (тип I) и рубахи (тип IV).

Довольно часто круглые бляшки встречаются в Иране, начиная с находок в эламском центре Дур-Унташе (Чога-Замбиле) (табл. XLVIII, 41) XIII в. до н. э. Много их и среди лурестанских бронз начала I тысячелетия до н. э. (табл. XLVIII, 77—79, 88—92), встречаются они целыми комплексами, например, в могильнике Сиалк в слое VI в. (табл. XLVIII, 83—87). Иранские бляхи в основном крупные—9—15 см в диаметре, очень часто украшены, как и многие кавказские. Характерным орнаментом кавказских блях является крестовидный, выполненный гладкой чеканкой, гравировкой, даже инкрустацией, тогда как иранские образцы, в которых преобладают концентрические узоры, начеканены нередко точками.

Во второй половине II—начале I тысячелетия до н. э. металлические круглые бляшки появились на востоке и севере от Кавказа и Ирана—в степях Евразии, в культурах срубно-андроновского типа, в «карасукской» и близких ей культурах (табл. XLIX, 3—8, 13—26, 31). Трудно с полной уверенностью утверждать, что все бляшки, происходящие с этих степных и лесостепных территорий, являлись панцирной броней. Здесь они могли служить и украшением одежды, и отделкой конской упряжи.

В иньском Китае, где круглые бляхи «пао» известны с середины II тысячелетия до н. э., они употреблялись, без всякого сомнения, для бронирования панцирей (табл. XLIX, 34, 35, 45). И позднее—в раннечжоускую эпоху (XI—IX вв. до н. э.)—панцири, бронированные бляхами «пао», были весьма популярны в Китае.

Во второй четверти I тысячелетия до н. э. покрытие основы панцирей броней из круглых металлических бляшек продолжает широко применяться на Ближнем Востоке. В Ассирии VIII и VII вв. до н. э., судя по стенописи из Тиль-Барсибы и резной кости из Зивие, ими обшивали доспехи покроя типа IV («рубахи») с глухим воротом, доходящие до пояса (табл. XLVIII, 95, 101). Тогда же бронзовые, с припаянной с изнанки петелькой, выпуклые бляшки применялись в Ассирии в качестве пуговиц-застежек панцирей (табл. XLVIII, 98), что известно и по поводу синхронных урартских доспехов [Пиотровский, 1955, с. 32—35, рис. 23—25]. В VIII—VII вв. в Ассирии же бляшками обшивали панцирные перевязи (табл. XLVIII, 95, 99), которые в IX—VII вв. до н. э. использовались в качестве портупеи висящего за спиной колчана. Для Кавказа VIII—VII вв. до н. э.—это последний период широкого распространения там излюбленного местными жителями доспеха, обшитого бляшками (табл. XLVIII, 108—110).

Судя по греческой вазописи, «варвары» Малой Азии ахеменидского времени, в том числе, видимо, и персы, любили обшивать круглыми бляшками панцири покроя типа I («пончо») или типа IV («рубахи») (табл. XLVIII, 104), а также типа XIII («юбки»), причем последние были всегда короткие, часто распашные, и могли снабжаться широкими наплечными лямками (табл. XLVIII, 104). Это подтверждается находками бронзовых круглых бляшек диаметром 1,5—4 см в слоях ахеменидского времени в Мегиддо (табл. XLVIII, 105—107).

У скифов известен лишь один достоверный случай применения круглых бронзовых блях для бронирования мягкой основы — это уже упоминавшийся панцирь из кургана № 493 IV в. до н. э. у с. Ильинцы, усиленный девятью гладкими выпуклыми бляхами диаметром 3,5 см с отверстием в центре (табл. XLIX, 9). Предскифское время в степях Причерноморья дает довольно много бляшек (табл. XLIX, 6—8), но трудно сказать, использовались ли они для бронирования доспехов, чего, впрочем, нетрудно ожидать в связи с влияниями оружейной традиции Кавказа, отмеченной для других видов оружия. Видимо, все же в основном они применялись для украшения узды и сбруи, как то было и в скифское время. Столь же гадательно применение в качестве панцирной брони многочисленных бронзовых бляшек, находимых в археологических памятниках VII—IV вв. до н. э. в Волго-Камье: здесь племена ананьинской культуры, судя по положению бляшек в захоронениях, обычно обшивали ими налобные венчики [Патрушев, Халиков, 1982, табл. 21, 5; 36, 3; 54, 1; 14, 3; 120, 2а; Патрушев, 1982]. Но интересно, что на обшивку венчиков здесь шли детали настоящих доспехов — панцирные чешуйки «скифского» типа, кусочки, нарезанные из привозных кавказских бронзовых боевых поясов. Подобное странное употребление элементов брони может свидетельствовать о двух, на наш взгляд, ситуациях. Первая: ананьинцам была неизвестна сама идея панциря из твердых материалов (существование у них мягкого панциря-«перевязей» мы предположили выше). Вторая: ананьинцам было прекрасно знакомо боевое назначение и бляшек, и чешуек, и поясов; они их применяли, изготавливая на месте или покупая привозные. Венчики же были чисто ритуальным, заупокойным убором, который украшался кусочками металла, служившего покойнику при жизни броней, а покойнице — украшением одежды, сумки и т. п. Захоронение с покойным именно обрывка брони, в частности кольчужной, хорошо засвидетельствовано этнографией на Кавказе — в Грузии в весьма поздний период.

Проблематичен пока вопрос о применении в качестве брони круглых бронзовых бляшек, во множестве находимых в археологических памятниках, оставленных скотоводами степей и горных долин Средней и Центральной Азии. Точно зафиксировано их применение здесь в качестве декоративных нашивок на одежду, украшений и отделки сбруи коня. Правда, у «варваров» северо-восточного приграничья Китая, чья культура была во многом близка культуре кочевников Центральной Азии, бляшки зафиксированы в качестве брони: в погребении у Чжэнцзявацзы в Ляонине, датируемом VI—V вв. до н. э., ими были сплошь обшиты боевые сапоги (или ноговицы) погребенного (раскопки двух погребений) (табл. LVII, 47).

Панцирь, мягкая основа которого была обшита металлическими, почти всегда бронзовыми круглыми бляхами, наиболее наряден из всех доспехов с гетерогенным бронированием. Декоративный эффект здесь достигается в силу контраста блестящего металла и мягкой основы, а также благодаря свободе в вариантах расположения бляшек, часто одновременно разной величины и отделки, на поверхности основы, причем эта свобода позволяла образовывать из них любые узоры (а это полностью использовалось в декорировании бляшками одежды, мягких бытовых предметов и украшений, вследствие чего

всегда так нелегко выделить предмет, где бляшки выполняют функцию брони). Не случайно и то, что именно бляшки очень часто покрывались орнаментом, выполненным в самой различной, часто весьма изощренной и дорогостоящей технике, с другими же типами гетерогенного бронепокрытия это делалось крайне редко, лишь в единичных роскошных экземплярах.

Следующим основным многие века и на огромных территориях ведущим типом гетерогенной брони на мягкой основе следует считать чешуйчатую броню. Чешуйчатыми мы называем панцири с мягкой основой, на которую нашиваются пластинки из твердого материала за отверстия, расположенные в верхних двух третях их плоскости таким образом, что нижняя часть пластинок верхнего ряда перекрывает верхнюю часть пластинок нижнего ряда. При этом не обязательно, чтобы пластинки имели действительно чешуеобразную форму — с закругленным или заостренным нижним краем: для определения типа брони важен лишь способ бронирования.

Чешуйчатые панцири подробно рассмотрены в работах Б. Тордемана, Г. В. Кэтлинга, Х. Р. Робинсона, Е. В. Черненко, А. М. Хазанова, М. В. Горелика и др. [Thordeman, 1939; Catling, 1970; Buchholz, e. a., 1977; Robinson, 1975; Черненко, 1968; Хазанов, 1971; Горелик, 1982; Горелик, 1982а; Горелик, 1987], поэтому вопрос этот в настоящее время освещен вполне удовлетворительно, достаточно полно и глубоко, хотя до сих пор имеются нерешенные проблемы и спорные моменты. Так, многие авторы придают чешуйчатым панцирям неправомерно большое значение в истории развития оборонительного вооружения, расширяя сферу его бытования как во времени — в глубь веков, так и в пространстве, и в степени использования. Объясняется это довольно просто: пластинки чешуйчатых панцирей нередко бывает очень трудно отличить от пластинок ламеллярного доспеха, с которыми они в большинстве случаев совпадают по форме и, несколько реже, размерам; главное отличие состоит в количестве и системе расположения отверстий: у пластинок ламеллярного доспеха их, как правило, больше и расположены они по всей поверхности пластинки.

В то же время и на некоторых пластинках заведомо чешуйчатых панцирей можно наблюдать дополнительные отверстия, обычно одно, на нижней их части. Этому можно найти следующие объяснения: в частях панциря, где использовались такие пластинки, применялся ламеллярный набор; эти пластинки пришивались к основе за все отверстия, образуя пластинчатый набор; к основе пластинки пришивали только через отверстия в верхней части, а через дополнительное нижнее они соединялись непосредственно между собой, чтобы их нижние концы не расходились в стороны при колющем ударе. Спутать же чешуйчатый и ламеллярный доспехи часто легко из-за совпадения их внешнего общего вида — скругленные или заостренные концы пластинок чешуйчатых и многих, а на ранних этапах и почти всех ламеллярных доспехов направлены наружу вниз, и, не видя пластинки целиком, невозможно сразу определить тип панциря. Только позднее, с начала I тысячелетия до н. э. закругленные или приостренные концы пластинок в ламеллярных панцирях стали располагаться вверху, что сразу позволяет выделить их. Предположение о преобладании чешуйчатых панцирей над остальными типами доспехов с гетерогенным бронированием может быть основано на мысли о простоте конструкции, ее «естественности». Иногда такое предположение связано и с тем, что в регионах и эпохах, изучаемых тем или иным исследователем, чешуйчатые доспехи действительно преобладали (у скифов, сарматов, греков в VII—I вв. до н. э.).

Наиболее ранним чешуйчатым доспехом некоторые исследователи считают панцирь с именем египетского фараона Шешонка (X в. до н. э.) [Черненко, 1968, с. 136; Хазанов, 1971, с. 54]. На самом деле, как нам представляется, чешуйчатые панцири появились значительно раньше. Первые чешуйки можно предположить в составе брони гиксосского панциря XVIII—XVII вв. до н. э.

из Газы (табл. LIV, 1а, 1в). Наиболее ранний достоверный образец их — бронзовые чешуйки из храма Аменхотепа II (1450—1425 гг. до н. э.) в Фивах (табл. L, 1—1б). Уникальный образец почти целого доспеха — парадный панцирь, найденный в гробнице фараона Тутанхамона (XIV в. до н. э.) (табл. L, 2, 2а). Панцирь покроя типа III («корсет-кираса») имеет матерчатую основу, на которую нашиты прямоугольные, с закругленными нижними углами чешуйки из цветной пасты, с вставками полудрагоценных камней и золотыми кантами. Маленькие чешуйки (1,2 см высоты) нашивались внахлест рядами через четыре отверстия вдоль верхнего края на основу так, что низ каждой пластинки перекрывал стык двух нижних. Этого же типа панцири видны и на богах, изображенных на фресках той же гробницы, и на фресках гробницы Хоремхеба [Pörtner, 1975, c. 141] (табл. L, 3—5). Имея покрой «корсет-кираса», внизу они доходят до талии или, реже, почти до колен и окрашены обычно в голубой или голубой и зеленый цвет. Подобная окраска, несомненно, символизирует цвет глазурованного фаянса, т. е. панцири эти были такими же парадными, как и доспех Тутанхамона. Чешуйками красного, голубого и зеленого цвета покрыты и троны богов на той же стенописи, т. е. чешуйки опять-таки из тех же материалов, что и доспех Тутанхамона, включая красный халцедон. Таким образом, доспех Тутанхамона был ритуальным облачением, в котором фараон при жизни символизировал Гора, а после смерти — Осириса. С птичьим обликом Гора связано и восприятие чешуйчатого покрытия как оперения. Последнее, несомненно, ассоциировалось, в частности и по аналогии с чешуей земноводных и пресмыкающихся, с понятием брони, защитой жизни, силой, дающей безопасность и могущество. Не случайно чешуей-оперением покрыты троны богов. Комплекс понятий и ассоциаций, связывающих панцирь, ритуальный костюм и птичье оперение, прекрасно показан на сибирском шаманском материале [Пекарский; Васильев, 1910, с. 15; Васильев, 1910, с. 42—43; Прокофьева, 1971, с. 93; Иванов, 1978, с. 167, 168]. В связи с этим стоит вспомнить, что «юбка» из фестонов в греческом варианте панциря покроя типа VII называлась «птерюгес»-«оперение». Не случайно также и то, что панцирные чешуйки на «корсете-кирасе» одной из статуй бога или царя-бога эпохи Рамессидов (XIII—XII вв. до н. э.) оформлены в виде перьев (табл. L, 8, 8а).

Однако спустимся на землю. В гомеровской «Илиаде» описан панцирь Агамемнона, который был ему подарен царем Кипра Киннаром. Г. Кэтлинг очень убедительно показал, что, судя по подробнейшему описанию в великой поэме, панцирь Киннара-Агамемнона является практически точной копией доспеха из гробницы Тутанхамона [Buchholz, e. a., 1977, c. 95]. Это неудивительно: связи Египта с Эгеидой во времена XVIII династии были весьма тесными. Б. Б. Пиотровский даже доказывает, и очень убедительно, что некоторые вещи из гробницы Тутанхамона, на первый взгляд совершенно египетские, были тем не менее сделаны мастерами эгейской художественной традиции [Пиотровский, 1976]. Особенно под влиянием культуры Восточного Средиземноморья и Египта находился Кипр. Панцирь Киннара-Агамемнона свидетельствует о том, что фараоны не только получали подарки, но и сами дарили их иноземным владыкам. Но если фараон дарил свой панцирь, сделанный из фаянса и золота, т. е. доспех, в бою практически не применяемый, то, исходя из вышеприведенных рассуждений, получалось, что он «делился» с иноземным владыкой своей божественной силой. Трудно допустить такую щедрость со стороны фараона, к тому же его сила принадлежала не только ему лично, но всей его стране, и усиливать ею иноземца было ни к чему. Значит, среди египетских роскошных царских инсигний доспехи были не только ритуальными, но и просто парадными, репрезентативными, не полностью сакрализованными. Образцами таких парадных, но не ритуально-сакрализованных панцирей и служат доспехи Тутанхамона и Киннара.

Покрой описанных доспехов — «корсет-кираса», как уже отмечалось, связан исключительно и именно с панцирями, не имея ничего общего с покроем одежды. Отсюда можно полагать, что чешуйчатые «корсеты-кирасы» применялись в Египте уже в XV в. до н. э.

К более позднему времени относится статуэтка бога Онуриса, одетого в чешуйчатый «корсет-кирасу» (табл. L, 10); датируется она XIII в. до н. э. Такие же доспехи изображены на египетских воинах и богах XII в. (табл. L, 6—9).

И мы видим, что «панцирь бога» в Египте имел реальный боевой чешуйчатый прототип. О том же говорят подробности изображения в гробнице Хоремхеба: чешуйки на «корсете-кирасе» пришиты через две пары отверстий в верхней части, внизу каждой пластинки имеется одно отверстие, сквозь которое проходил шнур, связывающий нижние концы чешуек одного ряда между собой, чтобы они не расходились при колющем ударе. К сожалению, этот шнур никогда не изображался ни в одной художественной традиции, вероятно, потому, что мешал восприятию декоративного эффекта чешуйчатой брони, разбивая ритм чешуек. Лямки же «панциря бога» набраны ламеллярным способом, о чем говорят направленные вверх закругленные края пластинок и иное расположение отверстий, причем полоса соединенных между собой пластинок накладывалась и, скорее всего, целиком пришивалась к мягкой лямке.

Как уже говорилось, древнейшими чешуйками из металла являются бронзовые образцы, найденные Ф. Питри в фиванском храме Аменемхета II. Ф. Питри не без оснований думал, что ими был оббит трон храмовой статуи божества [Petrie, 1917, с. 38, табл. 42, 105]. Однако, несомненно, точно такие же пластинки применялись и для изготовления боевых чешуйчатых доспехов. Об этом говорят все признаки пластинок: небольшие размеры (около 5 см длины), вертикальное ребро жесткости в нижней части некоторых из них и два отверстия для крепления к основе у верхнего края. То, что эти пластинки не относили именно к чешуйчатому панцирю, объясняется, видимо, расположением отверстия у многих из них вдоль закругленного края, который обычно в чешуйчатом доспехе направлен вниз. В данном же случае нижним был край с прямыми углами. И это не лишено практического смысла: верхняя скругленная часть с нитями крепления все равно перекрывалась низом верхней пластинки (изображение же этих креплений на фреске в гробнице Хоремхеба говорит о стремлении художника передать конструкцию доспеха и украсить поверхность чешуек черточками, не нарушающими, а только увеличивающими декоративный эффект), а прямоугольная форма нижнего края пластинок позволяла им плотнее закрывать бронируемую поверхность. Скругление же углов, кажущееся бесполезным в данном случае, имело кроме сакрально-символических, декоративных и других столь же нематериальных причин чисто практическое значение: оно снижало вес доспеха, что было крайне важно.

Скошены верхние и прямые нижние углы панцирной пластинки из крокодиловой кожи (табл. L, 11, 11а), хранившейся в Берлинском Антикварнуме [Thordeman, 1939, с. 277, рис. 277, 56] и, к сожалению, депаспортизованной. Мы можем считать ее деталью египетского чешуйчатого панциря середины II тысячелетия до н. э. на основании полного совпадения количества и расположения отверстий на ней с количеством и расположением отверстий на пластинках чешуйчатых панцирей, изображенных на стенах гробницы Хоремхеба. О том, что она является частью чешуйчатого доспеха, говорит ее малая величина — всего около 3 см длины. Важна она и тем, что представляет собой подлинное свидетельство изготовления элементов гетерогенного бронирования из толстой твердой кожи крупных животных на Ближнем Востоке. Об

этом мы знаем из текстов: так, синхронные названной пластинке письменные источники из Нузы (Месопотамия) описывают панцири, целиком или частично собранные из кожаных пластинок [Buchholz, e. a., 1977, с. 89]. Правда, здесь, скорее всего, имелись в виду ламеллярные доспехи. Чешуйчатые кожаные панцири известны и в новое время — у тораджей Целебеса и на о-ве Ниас [Stone, 1961, рис. 83, 3].

Синхронный самым древним египетским свидетельствам чешуйчатый панцирь зафиксирован в древней Сирии (табл. L, 13): он изображен на каменной статуе некоего Адуньябиджи из Сфиры, в районе Алеппо, и датируется серединой XIV в. до н. э. Как и египетские панцири, он имеет покрой типа III («корсет-кираса»); для изучения развития доспеха данный панцирь особенно важен тем, что его лямки, в сущности, являются уже клапанами-оплечьями, и конкретный покрой панциря из Сфиры, таким образом, оказывается прототипом покроя типа VII («клаппенпанцер»).

В Восточном Средиземноморье чешуйчатый доспех (скорее всего, сюда он был заимствован из Египта) почти не фиксируется [хотя, может быть, частью чешуйчатого доспеха были пластинки из Лакиша слоя 1500—1200 гг. до н. э., из Дер-Алла конца XIII — начала XII в. до н. э., у которых немногочисленные отверстия — два в лакишской пластинке, три в пластинке из Дер-Алла — расположены лишь у верхнего края; обе сделаны из бронзы, имеют ребра жесткости; у лакишской пластинки все углы равномерно скруглены, у пластинки из Дер-Алла нижний край заострен (табл. L, 14, 15)] до второй четверти I тысячелетия до н. э., зато на своей родине — в Египте он, как уже отмечалось, был широко распространен в последние века II тысячелетия до н. э., о чем свидетельствуют его многочисленные изображения в качестве облачения как богов и богинь, так и вполне земных воинов.

Наконец, известный панцирь с именем фараона Шешонка (X в. до н. э.) (табл. L, 12—12б). От него сохранились куски тканой основы с нашитыми чешуйками — мелкими бронзовыми пластинками; каждая с ровным верхним и закругленным нижним краем, круглой выпуклостью внизу и двумя вертикальными парами отверстий у верхних углов для пришивания к основе. Характерной чертой набора брони в этом доспехе является то, что пластинки частично перекрывают друг друга только по вертикали, как на изображениях более ранних египетских панцирей: там они также внутри ряда расположены встык. Видимо, такой принцип набора являлся чисто египетской особенностью.

Кроме указанных регионов Ближнего Востока наличие чешуйчатого доспеха в конце II — начале I тысячелетия до н. э. можно предположить, по имеющимся на сегодня данным, еще только на Кавказе — на территории Кахетии (табл. L, 16, 17). Однако вопрос с панцирями из Кахетии довольно сложен. Найденные там пластинки слишком крупны для обычных пластинок чешуйчатого набора: они достигают 9—10 см длины, очень богато орнаментированы чеканным точечным орнаментом, нередко имеют не одно, а два ребра жесткости, поставленных под углом друг к другу (уникальное явление), но по одному отверстию у них — у узкого закругленного верхнего края. Если расположение пластинки в наборе закругленным краем вверх еще вполне объяснимо (см. выше), хотя для этого времени уже не характерно, то крепление ее к основе за одну точку на верхнем краю недостаточно эффективно: пластины, да еще такие крупные, будут постоянно расходиться, болтаться, издавая при каждом движении громкий звон, что далеко не обязательно во время боевых действий. Такой панцирь довольно несложно пробить колющим оружием, а если учесть огромные затраты труда на его декорирование, то он никак не оправдывает свое функциональное назначение. Интересно, что такие пластины встречаются здесь наряду с пластинами аналогичной

формы и декорировки, только с тремя отверстиями по углам, нашивавшимися к основе всей плоскостью. Находят их по нескольку штук в погребениях не только мужских, но и женских и детских. В том же могильнике в Кахетии встречен обломок типичной ближневосточной пластины от ламеллярного доспеха, все признаки которой — величину, форму, ребро жесткости — местные пластины копируют и вдобавок «украшают». Не воспроизводится только главный признак — количество и расположение отверстий. Все это позволяет предположить, что местные оружейники были знакомы лишь с отдельными, случайно к ним попавшими эффектными деталями ламеллярного доспеха, и, еще не поняв его конструкции, изготовляли по образцу пластин боевого панциря элементы парадно-ритуального облачения, своеобразные украшения, употреблявшиеся отдельно, «поштучно» либо декорировавшие одежду. Боевыми же доспехами здесь продолжали служить рассмотренные выше панцири с мягкой основой, бронированной круглыми бляшками.

В Месопотамии некоторое распространение чешуйчатого доспеха заметно лишь с последней четверти VIII в. до н. э. в Ассирии (табл. L, 18). Единственное пока известное изображение определенно чешуйчатого панциря из дворца Тиглатпаласара III свидетельствует, что он был покроя типа I («пончо»), с маленькими лопастями-оплечьями. Разрезы и соответственно завязки располагались на боках и, может быть, у горла, если хотели, чтобы это место было лучше защищено. Подол доходил до пояса. Несколько ранее — в IX в. до н. э. — чешуйчатый доспех, аналогичный описанному, был, кажется, изображен ассирийским мастером на знаменитых Балаватских воротах в качестве доспеха урартского воина (табл. L, 19). На Северном Кавказе в отличие от территории Месопотамии найдены реальные пластинки чешуйчатых панцирей, датируемые VIII—VII вв. до н. э. К этому периоду относятся находки из погребения с кобанским топором у пос. Индустрия около Кисловодска и из комплекса у Кабан-горы в том же районе [Виноградов, Дударев, Рунич, 1980, с. 194, 199, рис. 7, 8; Афанасьева, Козенкова, 1981, с. 175—176, рис. 91]. Здесь наряду с пластинками обнаружены удила и псалии, аналогичные северокавказским образцам VIII в. до н. э. и восточноевропейским степным VIII—первой половины VII в. до н. э., а также наконечники стрел этого периода.

Бронзовые маленькие чешуйки (табл. L, 22, 23) (2—2,5 см длины) имеют закругленный нижний край и ровный верхний, у которого расположены три отверстия: два рядом и одно между ними, пониже. Чешуйки чуть изогнуты вдоль вертикальной оси. К VII в. до н. э. относятся бронзовые и, видимо, одни из наиболее ранних, железные чешуйки, обнаруженные при раскопках урартской крепости Тейшебаини (Кармир-Блур) (табл. L, 20, 21). Чешуйки отличаются только тем, что сделаны из разного металла, имеют 3 см длины, закругленный нижний край и ровный верхний, вдоль которого расположены три отверстия в ряд. Перед нами здесь «классические» образцы чешуек, которые впоследствии распространились по гигантским территориям Евразии.

Чешуйчатые панцири Ассирии и особенно Урарту дали мощный импульс развитию оборонительного доспеха у ираноязычных народов, вошедших в соприкосновение с этими культурными центрами и Закавказьем. К сожалению, у нас нет материалов по панцирям, которые могли бы соотноситься с временем Мидийского государства (слишком короток был период его существования), но, надо полагать, к VII в. в этом отношении могли быть сделаны определенные успехи. Зато от эпохи Персидской державы Ахеменидов дошло большое количество сведений именно о чешуйчатом доспехе.

В VII в. до н. э. чешуйчатые панцири распространились практически почти по всему Ближнему Востоку и продолжали использоваться в Египте, о чем говорят многочисленные находки панцирных пластинок в Мемфисе в храме Аписа (табл. L, 47—59), который Ф. Питри датировал временем XXVI дина-

стии [Petrie, 1917, с. 38, табл. XLII], т. е. VII в. до н. э. Вместе с тем вопрос с чешуйками из Мемфиса, как и с другими находками оружия из Египта второй четверти I тысячелетия до н. э., решается, на наш взгляд, не столь однозначно. Железные и бронзовые мелкие чешуйки оттуда, в общем, аналогичны находкам из ахеменидского Персеполя [Schmidt, 1957, табл. II, 77], а пластины прямоугольной формы с ребром жесткости и четырьмя отверстиями по углам, которые могли применяться и в пластинчатом, и в чешуйчатом, и в ламеллярном доспехе, находят себе прямые аналогии в VIII—VII вв. до н. э. и даже VI в. до н. э. в Ассирии, Закавказье, Малой Азии и Иране (табл. L, 25—46, 60). Ф. Питри еще задолго до раскопок Персеполя предположил, что мемфисские панцири могли принадлежать воинам персидского гарнизона [Petrie, 1917, с. 38], и персепольские находки подтвержают это. Конечно, ряд чешуек из персепольского арсенала мог принадлежать египетским доспехам, причем достаточно старым, «музейным». Когда Геродот писал, что персы «на войну надевают египетские доспехи» (Геродот I, 135), он мог иметь в виду не только мягкие панцири из льна, но и чешуйчатые. Причем и те и другие совсем необязательно все были египетской выделки; просто для грека сама традиция выделки соответствующих типов доспехов, видимо, считалась египетской.

Бронзовые чешуйки с двумя рядами отверстий (табл. L, 46) (как у чешуек панциря с именем фараона Шешонка) найдены в городе Мегиддо в Палестине в слоях ахеменидского времени.

VI—IV вв. до н. э., когда практически весь Ближний и Средний Восток входил в империю Ахеменидов, можно назвать эпохой почти полного господства чешуйчатых панцирей, как доспехов с твердым покрытием, на этой территории. Геродот, описывая войско Ксеркса, говорит о чешуйчатых панцирях у персов (Геродот VII, 61). Рассказывая о том, что мидийцы и гирканцы были вооружены как персы (Геродот VII, 62), он тем самым дает возможность полагать, что чешуйчатые панцири были и у этих народов (относительно мидийцев тут нет никаких сомнений).

К ахеменидскому времени относятся и находки бронзовых, иногда орнаментированных гравированным простым геометрическим узором, пластинок в Мегиддо (табл. L, 45). О чешуйчатых панцирях из Мемфиса говорилось выше. Кроме того, чешуйки времени персидского владычества были найдены Ф. Питри в Дафне (Египет) (табл. L, 60) и Хорсабаде. К сожалению, судить о покрое ахеменидских панцирей крайне затруднительно, так как их древневосточных изображений пока не известно. Судя по описанию Геродота, они имели рукава, видные из-под надетых поверх панцирей хитонов (Геродот VII, 61). Насколько нам известен персидский костюм, в нем не было мужской наплечной одежды, оставляющей открытыми руки [Горелик, 1985]. Правда, при одном из способов ношения эламской пелерины, издавна принятой у Ахеменидов, она с боков могла собираться к плечам и подкалываться [Зияпур, 1965, рис. 36, 50—53]: тогда одежда действительно не закрывала рук. Однако, судя по изображениям, эта «пелерина», носившаяся с юбкой, надевалась на голое тело. Панцирь же, тем более металлический, на голом теле никогда не носился. Следовательно, остается предположить, что на тело надевалась рубаха с длинным рукавом с глухим воротом иранского типа, поверх нее панцирь, а на панцирь — «пелерина»-«пончо», с подтянутыми к плечам и сколотыми боковыми сторонами. На одном из греческих вазовых изображений V в. до н. э. мы видим «восточного варвара» в безрукавной тунике, из-под которой видны длинные, до запястий узкие чешуйчатые рукава (табл. L, 24), в точности соответствующие тексту Геродота. Поэтому не исключено, что у персов могла быть специальная боевая одежда — безрукавная рубаха, надеваемая поверх панциря, предохраняющая от перегрева на солнце. Покрой же изображенного здесь панциря мог быть типа IV или I, с одним или двумя

разрезами на боках и глухим широким воротом, либо типа VIII («кафтан») со сплошным разрезом на груди. Но чаще на панцирях этих покроев имелись не настоящие рукава, а лопасти-оплечья, иногда довольно длинные, края которых соединялись с внутренней стороны руки при помощи завязок или шнуровки. Основной же покрой чешуйчатых панцирей, в которых греческие художники изображали персов,— типа VII, т. е. «клаппенпанцер», притом совершенно греческой формы (табл. L, 62). Как показали одна находка в Македонии [Treasures, 1978, табл. 30, № 228, с. 68] и исследования [Горелик, 1982а, с. 95], персидский доспех с чешуйчатым покрытием мог иметь очень высокий стоячий воротник, также чешуйчатый, с толстой кожаной основой (табл. L, 61). По аналогии с панцирями из мягкого материала он и в данном доспехе мог составлять с ним единое целое, а мог, судя по экземпляру из Македонии, одеваться отдельно от прикрытия торса. В первом случае он мог быть частью доспехов покроя типов I, IV, VI, VIII и X, во втором — мог носиться с панцирем любого типа покроя. Скорее всего, именно эта деталь, неоднократно описанная Ксенофонтом и определенно связываемая им с персидским вооружением (Киропедия VI, I, 56; О коннице XII), известна под персидским термином «кюрис» [Herzfeld, 1947, с. 786], в значении «прикрытие затылка, шеи», каковой термин, как нам представляется, связан со словом «кирбасия», обозначающим ирано-сакскую шапку с назатыльником [Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 164], и восходит к гораздо более древнему ближневосточному слову «курпису», «гурпису», также, по нашему мнению, обозначающему панцирный стоячий воротник, о чем речь подробнее пойдет ниже.

Особого развития чешуйчатый доспех достиг в VI—III вв. до н. э. в Северном Причерноморье у скифов и их юго-восточных соседей синдов и меотов. Здесь роль Ассирии и Урарту в стимулировании применения и передачи традиции изготовления оказалась поистине выдающейся для истории развития и распространения металлического доспеха вообще: в это время он выходит на бескрайние просторы евразийского пояса степей. Единичные находки на Северном Кавказе, о которых мы уже упоминали, говорят о первых шагах в заимствовании чешуйчатого доспеха племенами киммерийского круга уже в предскифскую эпоху. И в самые ранние археологические комплексы, связанные со скифами, VII в. до н. э. уже входят бронзовые и железные панцирные чешуйки (табл. LI, 1—4). Скифские чешуйчатые панцири очень подробно и тщательно изучены Е. В. Черненко. Поэтому здесь мы изложим в основном наши собственные соображения по этому вопросу на основании дополнительных данных, полученных за довольно большой отрезок времени, прошедший после выхода книги Е. В. Черненко, используя, разумеется, обширный материал, обработанный этим автором.

Объем накопленных ныне данных по скифским чешуйчатым панцирям огромен: количество комплексов с ними составляет около 300 * и постоянно пополняется находками археологов. Благодаря возросшей тщательности раскопок, их высокому методическому уровню мы теперь нередко получаем для изучения практически полный доспех, у которого можно проследить и подробности устройства, и покрой, и характер материала. Правда, находки достаточно хорошо сохранившихся частей панцирей имели место и раньше, но сейчас, как правило, этот материал к тому же полнее и тщательнее публикуется.

Как показали подсчеты Е. В. Черненко [Черненко, 1968, с. 22—23], для изготовления чешуек в качестве основного материала скифы использовали железо (чисто бронзовых комплектов панцирных чешуек известно в пять раз меньше), причем роль железа с течением времени все возрастала. Часто

---

* Автор приносит благодарность Е. В. Черненко за сообщение о результатах его подсчетов и разрешение их опубликовать.

в одном доспехе совмещали чешуйки из обоих металлов, количество таких панцирей примерно равно количеству доспехов из бронзы. Подобное соединение различных металлов, подвергавшее изделие опасности быстрой коррозии и утяжелявшее доспех, применялось, и, как видим, достаточно широко, в силу, видимо, эстетических соображений: доспехи, где отдельные части либо каймы набирались из чешуек другого, нежели основное покрытие, металла либо железные и бронзовые чешуйки располагались вперемежку (табл. II, 8, 22а; LII, 17), образуя простые и ясные геометрические узоры [Черненко, 1968, с. 35, рис. 6], были чрезвычайно нарядны, а это требование всегда предъявлялось, как мы знаем, к вооружению. Что касается формы и размеров чешуек (табл. LI—LIII), то все они имеют ровный верхний край, а нижний чаще бывает с закругленными углами либо одним углом, а также треугольным или прямоугольным. Вдоль верхнего края идут три, реже два отверстия для пришивания, внизу сбоку иногда еще одно отверстие для соединения пластинок между собой. Большая редкость — чешуйки из кости (табл. LI, 28; LII, 10а) той же формы, что и большинство металлических, они встречены всего два раза, причем один раз в комплекте с бронзовыми, бронируя, видимо, другую часть панциря. Пропорции чешуек варьируют от вытянутых до почти квадратных, размеры — от 1,5—4 см и до 5—9 см. Более крупные, обычно прямоугольные пластины располагались в один-три ряда на подоле, а самые мелкие — на рукавах и лопастевидных оплечьях, а также на частях, прикрывающих ноги.

В целом чешуйки скифских панцирей аналогичны персидским. Всех их объединяют признаки, известные еще по панцирю с именем Шешонка: малые размеры, легкий изгиб вдоль осей, придающий жесткость, и отсутствие, за редчайшими исключениями (согласно материалам из Персеполя) (табл. L, 31), ребра жесткости вдоль вертикальной оси, столь характерного для пластинок ламеллярных и иных панцирей II — начала I тысячелетия до н. э. От ассирийско-урартских чешуек персидские и скифские образцы унаследовали гладкую поверхность. Видимо, все это связано с упрощением изготовления, продиктованным новыми, невиданно прежде огромными масштабами применения чешуйчатого и вообще металлического доспеха, а также и в некоторой степени более низким уровнем развития ремесла по сравнению с Передним Востоком.

Характерно, что чешуйки греческих панцирей, судя по находкам и особенно массе изображений на вазах, в значительной мере сохранили и ребро жесткости, и круглые выпуклости, а это при широком масштабе производства требовало усложнения его, более высокого уровня производительности и экономичности, если мастер не хотел разориться. Особенностью скифского бронничества является широкое применение сложно профилированных пластинок, нашивавшихся на основу в зоне пояса — таза для плотного охватывания панцирем талии (табл. LI, 21, 21а, 25, 29а; LII, 9, 16, 17д; LIII, 4б, 4в). Основу для панцирей скотоводы-скифы кроили, как правило, из кожи, прекрасной, на уровне самых современных тогда стандартов, по мягкости, тонкости и прочности выделки [Шрамко, 1966, с. 20], хотя изредка зафиксирован и толстый холст [Черненко, 1968, с. 20]. Из кожи же делались широкие канты, окаймлявшие подол, разрезы, клапаны, нарукавья и горловину, которые предохраняли тело и одежду от трения тонких жестких краев пластинок. Пришивались пластинки к основе жилами или кожаными тесемками и нитками; нередко под каждый ряд подшивалась дополнительная полоска кожи (табл. LI, 8); известен даже доспех, где отдельная кожаная подкладка подшивалась под каждую пластинку, при этом повторяя ее абрис [Черненко, 1968, с. 21—22].

Характерной особенностью скифских чешуйчатых доспехов является то, что часто они собирались из отдельных чешуйчатых блоков, каждый из которых имел собственную основу и окантовку; обычно такие панцирные блоки усиливали отдельные участки кожаного панциря (табл. LI, 3—3в, 4, 5,

5а, 6). К тому же все эти окантовки, весьма, как показывают эксперименты, трудоемкие и сложные в исполнении, а также описанные выше подробности набора показывают исключительно высокий уровень традиции работы с кожей: ведь при огромном масштабе панцирного производства эти приемы, если бы они слишком усложняли изготовление, привели бы к непомерному вздорожанию доспеха. Однако широкое распространение указанных приемов в сочетании с широким масштабом производства панцирей свидетельствует о том, что скифские мастера, с одной стороны, с достаточной легкостью справлялись с ними, а с другой, не жалели труда. Говорит это и о весьма высоком уровне бронного производства, когда можно предположить в мастерской определенное разделение труда и наличие исполнителей разной квалификации, т. е. мастера и подмастерьев. Определенную часть чешуйчатых панцирей скифы, синды и меоты могли получать от греческих колонистов: об этом свидетельствуют декорирование некоторых панцирей в греческом стиле (табл. LII, 15, 16в) [ОАК, 1918, с. 157; Черненко, 1968, с. 38, 48, рис. 26] и интереснейшая находка из Пантикапея — свинцовая матрица-подкладка, на которой штамповались панцирные чешуйки, тогда как собственно скифской техникой было вырезание их ножницами из металлического листа [Черненко, 1968, с. 25]. Впрочем, форма пластинок-чешуек на греческой матрице неотличима от скифской, так как желания заказчиков учитывались полностью. Определенное греческое влияние наблюдается и в деталях покроя. Но прежде несколько слов о характере набора чешуек на основе. Чешуйки одного ряда всегда перекрывали друг друга на $^1/_3$ или даже на $^1/_2$, а учитывая, что каждый ряд перекрывал друг друга таким же образом, оказывается, что чешуйки везде лежали, как минимум, в два слоя, а это при обычной толщине пластинки около 1 мм создавало весьма надежную толстую броню.

Перекрытие чешуек в рядах могло быть как правосторонним, так и левосторонним. Расположение в одном доспехе, через один, рядов с разными направлениями перекрытия чешуек создавало определенный декоративный эффект узора в «елочку» (табл. LI, 19а). Кроме металлических логически не исключено применение у скифов и чешуек из рога или твердой толстой кожи (о костяных чешуйках уже упоминалось). Однако они до сих пор не встречены в раскопках, несмотря на то что эти материалы нередко сохраняются вполне удовлетворительно. Может быть, если они и имели место, то принадлежали воинам из самых малоимущих слоев, для которых и такой доспех был слишком большой ценностью, чтобы уносить его в могилу, а не передать по наследству.

Особым разнообразием, можно даже сказать, изощренностью отличаются покрои скифских панцирей [Горелик, 1971; Горелик, 1973; Горелик, 1977; Горелик, 1985]. Покрои, в основном встречающиеся у них — типов I, VII и VIII, но в очень большом количестве вариантов каждого типа, причем практически все варианты, кроме самых простых, являются сугубо местными. Даже в таком, казалось бы, типично греческом доспехе, как «клаппенпанцер», у скифов лишь в единичных случаях можно предположить достаточно полное совпадение с греческими образцами (табл. LII, 1, 4, 4а, 12). Во всех же остальных случаях наблюдаются отличия в деталях. Так, за редчайшим исключением (табл. XLIX, 12а; LII, 1), для них характерно отсутствие фестончатой «юбки»-«птерюгеса». Окончания клапанов, как правило, имеют не свойственную греческим доспехам прямоугольную форму (табл. LII, 2, 15, 16), а если и имеют вырезы на нижних внешних углах, как у греческих панцирей, то окончания клапанов скифских доспехов представляют собой пришитые куски кожи, обшитой металлической чешуей и окантованные кожаным валиком (табл. LII, 3, 5), тогда как в греческих панцирях они кроились из одного со всей наплечной частью куска и чешуйками покрывались лишь в редких случаях [Boardman, 1975,

рис. 50, 1; 280, 2]. Обычно же концы клапанов греческих панцирей бронировались одной чеканной, нередко с изображением, пластиной [Boardman, 1975, рис. 186, 268; 281; Огненова, 1959, с. 35, 36, рис. 16, 17]. Известны для скифского доспеха покроя типа VII и случаи пришивания к клапанам прямоугольных лопастей-оплечий, бронированных чешуйками и длинными узкими металлическими полосами (табл. LII, 15). Особенно же, вероятно, был популярен покрой типа «пончо» (как самый простой и весьма рациональный). Об этом говорит и размещение в большинстве погребений сохранившихся комплектов пластинок в виде двух прямоугольных слоев (табл. LII, 8; LIII, 2, 4). Панцири с покроем типа I у скифов часто снабжались лопастевидными оплечьями-нарукавьями различной длины — до середины предплечья, до локтя или почти до запястья. Крайне интересный вариант покроя типа I был недавно обнаружен на Херсонщине: настоящее чешуйчатое «пончо» дополнено пришитым к боковине наспинной части вторым нагрудником, соединенным с «пелериной», заходившей через левое плечо на спину и закреплявшейся на правом плече. Таким образом, грудь, плечи и верхняя часть спины в этом доспехе были защищены двойным слоем брони. Весьма популярны, видимо, были и панцири-«кафтаны» (покрой типа VIII), о которых впервые предположил Е. В. Черненко по аналогии с китайским панцирем XVIII—XIX вв. [Черненко, 1965, с. 94]; сплошной разрез на груди был обычно сбоку, а также два разреза на боках — от подола до пояса; доспехи этого покроя почти всегда имели нарукавья, часто длинные (табл. LI, 30—32а; LII, 18). Подол их спереди мог иметь разрез до пояса, превращаясь в набедренники (табл. LI, 31—32а), либо быть значительно более коротким, чем сзади (табл. LI, 30, 30а), что дает нам право отнести этот доспех, изображенный на «каменной бабе» из Краснодарского музея, уже, собственно, не к покрою типа VIII, а к V, который, как мы уже знаем, был характерен для ассирийских и финикийских панцирей IX—VIII вв. до н. э. Проявилась ли здесь традиция, унаследованная от Ближнего Востока, либо возникла независимо на месте почти три столетия спустя, сказать трудно. Между VIII и V вв. до н. э. покрой типа V нам неизвестен, а для езды верхом он весьма удобен (хотя на Ближнем Востоке он применялся именно для панцирей пехотинцев). Панцирь на изваянии из Краснодарского музея интересен и тем, что имел рукава, сшитые или шнурованные, соединенные с корпусом через выпуклые, округлые формы наплечники, аналогичные тем, которые встречаются на ахеменидской глиптике (табл. XLVII, 42, 43), у мягких панцирей, а также и на скифском изваянии из с. Ольховчик (табл. XLVII, 50, 50а). В этом случае опять-таки трудно установить, у кого, у персов или у скифов и меотов, впервые появились подобные оплечья, так как изображения их в обоих регионах практически синхронны. В двух хорошо сохранившихся панцирях с покроем типа I нами замечено наличие на одном из боков широкой щели, образовывающейся потому, что края разрезов не сходились (табл. LII, 8, 8б; LIII, 4, 4г). Подобная деталь хорошо известна в этнографии, и именно у панцирей покроя типа I («пончо»): на ламеллярных доспехах тибетцев XIX — начала XX в. и на кожаных панцирях североамериканских индейцев прошлого века [Stone, 1961, рис. 234, 235].

Другой интересной особенностью скифских панцирей является наличие в некоторых комплексах чешуйчатых наножников — длинных прямоугольных лопастей, защищающих ноги до середины голени или даже до ступни. К настоящему времени известно уже 12 экземпляров подобных доспехов (табл. LIII, 1—5б). Иногда эти наножники крепились, каждый по отдельности, непосредственно к прикрытию корпуса, как в доспехе из Новорозановки (табл. LIII, 3, 3б), где на изнанке нагрудной части панциря, в районе талии, находились две бронзовые пуговицы для пристегивания наножников. Либо же, как в краснoперекопском доспехе (табл. LIII, 4, 4е), наножники были наверху соединены

вместе полосой кожи, пришитой к поясу, и весь этот доспех целиком был покрыт железными чешуйками. В некоторых случаях, как в комплексе из кургана № 3 в урочище Стайкин Верх, можно предполагать, что наножники составляли одно целое с прикрытием корпуса, т. е. пришивались к его подолу (табл. LIII, 5, 5б). На ноге наножники-лопасти фиксировались при помощи парных завязок.

Кроме скифов чешуйчатые наножники до IV в. до н. э. фиксируются только в ахеменидской паноплии: штаны с штанинами, обшитыми чешуей, изображены греческими вазописцами на «варваре» в панцире с длинными рукавами, с которыми образуют доспех покроя типа X («комбинезон») (табл. L, 24), и на «амазонке» в персидском башлыке и кожаном «клаппенпанцер» (табл. L, 64). Чешуйчатые наножники мы рассматриваем в разделе панцирей, а не защитных деталей не только потому, что иногда они были непосредственно соединены с прикрытием корпуса, но и потому, что даже тогда, когда они представляли собой отдельный предмет, всегда, судя и по скифским курганным находкам и по греческой вазописи, их носили только вместе с прикрытием торса, составляя с ним единый комплекс.

Скифские панцири нередко украшались, иногда весьма богато. Грудь украшали мелкие бляшки в виде полусфер, ромбов и когтей [Петренко, 1967, с. 50, табл. 27, 29, 37; Черненко, 1968, с. 36]. Крупные бронзовые бляхи в скифском «зверином» стиле поодиночке нашивались на грудь панциря и иногда на округлые оплечья спереди и сзади (табл. LI, 30, 30а; LII, 3а—3в). В греческом стиле выполнены нагрудные украшения в виде маски Горгоны (табл. LII, 15), звездообразной розетки из золотых пластинок [ОАК, 1918, с. 157], найденные в Прикубанье. В наиболее роскошных доспехах чешуйки плакировались золотом, что встречается и в персидском материале. В скифских панцирях золоченые пластинки окаймляли ворот (табл. LI, 19) [Черненко, 1968, с. 36, рис. 11, 9], может быть, подол и «рукава». В богатейшем кургане Луговая могила (Александропольском) и в кургане 11/16 у с. Мастюгино ими была покрыта вся нагрудная часть панциря [Древности Геродотовой Скифии, 1866, табл. IX, 13, 14; Либеров, 1965, табл. 20, 1, 6] (табл. LI, 14, 15; LII, 6).

В степях к востоку от Дона чешуйчатый панцирь встречается редко. От савроматов Нижнего Поволжья и Приуралья их известно шесть штук, датируемых V—IV вв. до н. э., в основном железных, но есть и бронзовые, с чешуйками, мелкими и довольно крупными (табл. LIII, 6—11б), обычно копирующими скифские (не исключено, что это просто скифский импорт). Но чешуйки из кургана № 7/6 у с. Верхне-Погромное имеют четыре-шесть отверстий, расположенных попарно в два ряда, что совсем не встречается в скифском материале, но обычно для Египта XIV—VI вв. до н. э., Восточного Средиземноморья VII—V вв. до н. э., Ирана VI—IV вв. до н. э. Здесь можно предположить влияние с юга (если не импорт), а не с запада. Единственный относительно сохранившийся савроматский панцирь, обнаруженный в кургане у с. Никольское, реконструируется как «пончо».

Отдельные чешуйки скифского образца из бронзы попадаются среди обшивок венчиков в могилах волжско-камских ананьинцев (табл. LIII, 12—14), но их местное изготовление и применение в качестве панцирной брони остается крайне проблематичным.

До рубежа V—IV вв. до н. э. чешуйчатый, как и другие типы доспехов из твердых материалов, тем более из металла, для Средней Азии нам не известен ни по находкам, ни по изображениям, ни по достоверно датированным письменным источникам. Несмотря на это, укоренилось мнение, что Средняя Азия является одним из древнейших центров появления и развития металлического доспеха, каковой оттуда был заимствован от Ирана до Китая [Толстов, 1962; Литвинский, Пьянков, 1966; Пугаченкова, 1966; Laufer, 1914]. При этом приводятся обычно цитаты из Геродота, Страбона и «Авесты». Но

Геродот писал только о конских нагрудниках, блистающих золотом, у массагетов (Геродот I, 215); Страбон, живший много позднее, переписывая у древнего автора этот пассаж, добавил современные ему данные о массагетском человеческом доспехе (Страбон XI, 8, 7), к этому времени уже бытовавшем у них, а что касается «Авесты», то более или менее точной датировки и локализации соответствующих мест в ней нет до сих пор. Более того, такой признак описанных в ней шлемов, как вытянутость, заостренность [Литвинский, 1972, с. 127], свидетельствует о том, что данные разделы «Авесты» создавались либо на границах иранских племен с Месопотамией и Закавказьем в первые века I тысячелетия до н. э., а если уж в Восточном Иране — Средней Азии, то не ранее эпохи Ахеменидов, если не позднее.

Наиболее ранней находкой реального панциря в Средней Азии может считаться известный доспех из Чирик-Рабата в приаральских степях (табл. LIII, 21—21б). Бронирование прикрытия торса в этом доспехе выполнено чешуйчатым способом. Но для этого здесь применены не мелкие чешуйки скифско-иранского типа, как можно было ожидать, а очень крупные железные прямоугольные пластины 8,5 см шириной и 7,5 см длиной. Пришивались они к основе через восемь отверстий, расположенных в два ряда попарно вдоль верхнего края. Судя по очень большому количеству пластин, панцирь был весьма длинным и мог иметь покрой типа I или VIII. Характерной его особенностью был высокий, около 10 см, цельнокованный воротник. Датируется чирик-рабатский доспех IV в. до н. э. К этому же времени относится изображение всадника в панцире на обломке керамического сосуда из Хумбуз-тепе, тоже в степном Приаралье (табл. LIII, 20). Он также выполнен из крупных подквадратных пластин и достигает колен, но подробно его покрой установить нельзя, так как изображение фигуры всадника сохранилось ниже пояса. К рубежу V—IV вв. до н. э., а скорее всего, к IV в. до н. э. относится изображение воина в панцире на роговой пластинке из могильника Ак-Там в Фергане (табл. LIII, 17). Прикрытие верхней части корпуса воина здесь состоит также из крупных подквадратных пластин, виден и высокий стоячий воротник, набранный из узких вертикальных пластин. Труднее определить характер бронирования нижней части панциря от пояса до подола: горизонтальные черточки могут изображать и более мелкую чешую из прямоугольных пластинок или даже чешуйки персидско-скифского типа. Точно такой же панцирь, со всеми его признаками — силуэтом, бронированием из крупных подквадратных пластин и высоким панцирным воротником зафиксирован на памятнике сако-юэчжийских насельников Алтая и Семиречья — золотом навершии из «Сибирской коллекции Петра I» (табл. LIII, 19—19б), которое можно датировать IV—III вв. до н. э., и на бронзовой фигурке из Тараза, того же времени (табл. LIII, 18).

Таким образом, мы видим, что в Средней и в западной части Центральной Азии на рубеже V—IV вв. до н. э. произошло формирование своеобразного типа панциря, причем не в древних центрах земледельческой культуры — Бактрии, Согде или Хорезме, а в среде скотоводов-саков — частью кочевников, частью оседлых и полуоседлых. Характерно то, что процесс формирования панциря происходил на окраинах сакского мира — западной (Приаралье) и восточной (Притяньшанье, Алтай, северо-западное приграничье Китая). Это, конечно же, не случайно. Без сомнения, появление и бурное развитие у саков такого чрезвычайно эффективного, но и самого, пожалуй, трудо- и материалоемкого вида оборонительного вооружения, как панцирь, было продиктовано серьезными причинами военно-политического характера, точно так же, как передневосточные походы скифов и их соседство с греческими колониями обусловили расцвет скифского бронничества. Саки стали заниматься этим на 250 лет позже.

Согласно китайским источникам, в III в. до н. э. юэчжи господствовали в степях от Дуньхуана до Ганьчжоу, откуда в 70-х годах II в. до н. э. были вытеснены хунну. Видимо, экспансия сако-юэчжийских племен, приведшая их к границам Китая, военные контакты с оседлыми жителями китайского пограничья и создали условия появления и развития панциря на востоке сакского мира. А поскольку панцири у восточных саков фиксируются с рубежа V—IV вв. до н. э., то и начало военных контактов с Китаем можно датировать временем, не слишком удаленным в глубь веков от отмеченной даты.

Как мы успеем убедиться (об этом см. ниже), такие существенные признаки сакского панциря, как стоячий воротник и крупные подквадратные панцирные пластины, связаны с китайской традицией.

Появление панцирей у приаральских саков можно, на наш взгляд, связывать с событиями IV в. до н. э., которые привели к отпадению Хорезма от Персидской державы, что, скорее всего, сопровождалось военными действиями, к которым привлекались вольные кочевники и которым пришлось в этом случае столкнуться с персидской панцирной конницей. Ведь не случайно, что и покрой доспеха, и, как мы увидим далее, специфические панцирные рукава, и, частично, такая деталь, как высокий панцирный воротник, в сакском панцире имели персидское происхождение. Не следует отказываться и от предположения, что кроме больших прямоугольных пластин саки могли бронировать свои панцири и маленькими чешуйками, воспринятыми вместе со всем доспехом у персов. Иначе трудно объяснить появление этих, типично ирано-скифских чешуек, сделанных из бронзы, далеко на востоке Азии — в Приамурье (табл. LIII, 25), где они в немалом количестве известны на памятниках польцевской культуры V—III вв. до н. э., причем сами чешуйки, как нам представляется, следует датировать IV—III вв. до н. э., не раньше. Правда, для этого периода и позднее пока не известны находки таких чешуек на всей территории от Средней Азии до Приамурья, и можно предполагать, что польцевские чешуйки являются упрощенной модификацией пластинок ламеллярного доспеха, находимых здесь же (табл. LVI, 25—26е). Но уж слишком они похожи на персидские и особенно скифские образцы по форме, размерам, количеству и расположению отверстий: три вдоль верхнего края, одно внизу сбоку. Кроме того, ламеллярные пластинки из поселения Польцево имеют явно китайское происхождение и должны датироваться не ранее III в. до н. э., как мы увидим ниже, поэтому они моложе чешуек, и последние не могут быть их упрощенным вариантом. Польцевские чешуйки остаются уникальным явлением для этого региона Восточной Азии вплоть до средневековья, в то время как для всей восточной половины Центральной Азии чешуйчатый доспех в древности, видимо, был чужд.

Применение чешуйчатого панциря для северной части Индостана можно предполагать с середины I тысячелетия до н. э. Приблизительно 700 г. до н. э. датируется находка крупных бронзовых чешуек в Нагпуре (табл. LIII, 22). Правда, эти чешуйки, судя по комплексу погребения, пришивались к конской сбруе, но наличие конского доспеха чаще всего позволяет думать о существовании и панцирей для людей, да и бронируются они, как правило, одинаково. Нагпурская же находка характерна тем, что здесь чешуйки размером, формой и вертикальным ребром жесткости точно воспроизводят ближневосточные пластины ламеллярных доспехов II—начала I тысячелетия до н. э. (табл. LIV; LV), но с одним отличием: на индийских экземплярах имеется лишь по одному отверстию у верхнего края, что и свидетельствует о чешуйчатом бронировании. В данном случае можно говорить о ситуации, близкой той, которую мы отмечали для находок в Талыше и Кахетии: случайно разрозненные ближневосточные пластины попали в Индию, и местный мастер, не поняв назначения многочисленных отверстий на оригинале, сделал упро-

щенный вариант, поэтому его изделие не столько защищало (хотя эта реальная функция здесь тоже имела место, но в достаточно малой степени в силу несовершенства подобной брони), сколько, звеня и болтаясь на ремне, украшало коня, являясь магическим оберегом и символизируя волшебное оперение крылатых коней древнеиндийской мифологии.

Между прочим, почти аналогичны по форме, способу крепления и ритуально-декоративной функции, хотя и более чем вдвое меньше по размеру, бронзовые пластины-подвески из могильника Тегермансу I на Памире (табл. XLIX, 27), датируемые VI в. до н. э.

Подлинный же чешуйчатый панцирь зафиксирован для Северной Индии IV в. до н. э. Он защищал царя Пора в битве при Гидаспе с Александром Македонским (Арриан V, 18), причем, судя по описаниям, плотно и мягко охватывал все тело царя.

Чешуйчатый доспех можно различить и на изображении Пора на одной из раннеэллинистических вавилонских монет (табл. LIII, 23). Согласно описаниям доспеха и тому, что он там представлен практически уникальным, можно предположить, что на Поре был персидский чешуйчатый доспех типа «комбинезона» без рукавов.

Как мы попытались показать, чешуйчатый панцирь появился не очень рано и был распространен не столь широко, как полагают одни авторы, но и не так поздно, как полагают другие. Наиболее близок к истине относительно места его появления оказывается Е. В. Черненко, хотя он и омолаживает дату изобретения чешуйчатого панциря на полтысячелетия. И совершенно не подтверждаются теории, ведущие свое происхождение от Б. Лауфера, связывающие появление панциря из металлических пластинок-чешуек с Ираном и тем более со Средней Азией.

Переходим к рассмотрению еще одного основного типа брони из твердого материала гетерогенной структуры, т. е. к первому типу брони без мягкой основы, к ламеллярному доспеху. Ламеллярный доспех отличается тем, что пластины, его составляющие, соединены непосредственно между собой, без всякой основы, при помощи ремешков, тесемок, шнуров, пропущенных через отверстия, расположенные по определенной системе на всей поверхности пластинки.

Заслуга открытия ламеллярной брони и введение самого термина принадлежат Б. Тордеману. Он выделил ламеллярный тип доспеха на основании изучения необычных североевропейских панцирей, раскопанных в братской могиле воинов, павших у стен г. Висбю на о-ве Готланд в 1361 г., проследив развитие этого типа доспеха на большом археологическом, изобразительном и этнографическом материале с I тысячелетия до н. э. до XIX в. К сожалению, панцирям II тысячелетия до н. э. Б. Тордеман уделил не много внимания, но это в значительной мере объясняется тем, что к середине 30-х годов их было известно мало, а может быть, и потому, что он, и это чувствуется по тексту книги, по натуре был первооткрывателем и уделял внимание в основном свежим или нетривиальным материалам. Здесь важно отметить следующее: открытые к тому времени панцирные пластины XV в. до н. э. из Нузы (Месопотамия) и Лишта (Египет) он хотя и без подробного обоснования, но совершенно безошибочно отнес к ламеллярному доспеху [Thordeman, 1939, с. 447]. К сожалению, последующие авторы не учли высказываний Б. Тордемана по этому поводу, может быть, и потому, что они были сделаны походя и в основном в примечании. Так, Г. Кэтлинг, Х. Р. Робинсон, О. Гамбер, И. Ядин пластины ближневосточных панцирей II тысячелетия до н. э. относят к чешуйчатому панцирю, Е. В. Черненко, А. М. Хазанов, а вслед за ними и другие — к пластинчатому, т. е. во всех случаях — к доспеху с мягкой основой. Определение их как чешуйчатых основано на том, что закругленные или

заостренные концы этих пластин на изображениях II тысячелетия до н. э. направлены всегда вниз, как у чешуйчатых доспехов, и, кроме того, на некоторых пластинах из дворца Аменемхета III сохранились прикипевшие остатки мягкой подкладки. Отнесение же их к пластинчатому типу основывается на расположении отверстий на всей плоскости, а не с одного края.

Рассмотрим основания причисления их к броне чешуйчатого типа. Остатки подкладки из грубого полотна на пластинах из дворца Аменемхета III в Фивах действительно есть [Wise, 1981, с. 20], но при этом нет следов шнурков, тесемок или ремешков, которыми пластины могли пришиваться к ней и которые могли сохраниться лучше подкладки, так как делались из более прочного, чем она, материала, если бы они здесь имели место. На самом же деле к пластинам прикипели остатки поддоспешной рубахи, которая могла одеваться отдельно, а могла и пришиваться к броне за край ворота, подола и разрезов, составляя с броней единое целое, но отнюдь не являясь ее основой. Без поддоспешной одежды металлические панцири, не имевшие мягкой основы, никогда не носились, а тем более в условиях Ближнего Востока, при частом отсутствии наплечной одежды, при высокой температуре воздуха, когда раскаленный солнцем металл мог причинить серьезный ожог. Кроме того, поддоспешная одежда амортизировала наиболее сильные и опасные удары копья и топора, удары которых если не пробивали доспех с гетерогенной структурой, то из-за его эластичности могли привести к серьезным травмам-ушибам, ссадинам, переломам. Что же касается расположения отверстий по всей плоскости пластин, из-за чего их относят к броне пластинчатого типа, то этих отверстий на них, как правило, значительно больше, и система их расположения гораздо сложнее, чем это необходимо для деталей пластинчатой брони, а это доказывают многочисленные аналогии ламеллярных пластин из археологических и особенно этнографических материалов [Thordeman, 1939, рис. 232].

Наиболее ранняя находка остатков ламеллярного доспеха — пластины,— раскопанная Ф. Питри в гиксосском могильнике около Газы и датированная им XVIII—XVII вв. до н. э. [Petrie, 1934, с. 11, табл. 35, № 551—553]. Пластины бронирования торса (табл. LIV, 1, 1а) сохранились фрагментарно, но ясно, что они были по меньшей мере двух разновидностей: очень крупные, около 12—15 см длины и 4,5 см ширины, прямоугольные сверху, книзу расширяющиеся и плавно заостренные, с вертикальным ребром жесткости, и более мелкие, примерно вдвое меньше вышеописанных (целиком они, к сожалению, не сохранились), закругленные внизу и, кажется, гладкие, хотя, может быть, ребро жесткости располагалось на несохранившейся и занимающей две трети длины верхней части. Количество и точное место отверстий установить трудно, но видно, что они располагались по всей поверхности и их было больше двух. Третья пластина из этого комплекса имела вытянутую овальную форму, размеры — около 14 × 4 см, бортик по периметру и не менее 12 отверстий вдоль одной из длинных сторон (табл. LIV, 1б). Как полагал Ф. Питри, овальные пластины прикрывали торс воина, а остальные — назовем их «перьевидными» — составляли рукава. Здесь он, на наш взгляд, ошибался, так как мы имеем подробное изображение сирийского панциря конца XV в. до н. э., на котором четко прослеживается расположение и назначение этих разновидностей пластин. Но об этом чуть позже. Следующая по времени находка «перьевидных» пластин ламеллярной брони тоже была сделана Ф. Питри и тоже в Газе [Petrie, 1933, с. 9, табл. 22, № 81—83] (табл. LIV, 2—2б). Они найдены уже не в погребении, как первый комплекс, а в развалинах дворца, и датируются временем начиная с XVI в. до н. э. и немного позднее. Они очень похожи на пластины комплекса XVIII—XVII вв. до н. э., но среди них есть экземпляры с треугольно заостренным нижним краем, ранее не встречавшиеся.

На одной из них, сохранившейся лучше других, видны четыре отверстия, расположенные попарно (пары чуть сдвинуты друг относительно друга), в центральной части поверхности пластины.

Наконец, от периода второй четверти — середины II тысячелетия до н. э. с территории Палестины и Сирии до нас дошло уже большое количество «перьевидных» пластин от ламеллярной брони, различающихся размерами — от 5 до 15 см длины, но аналогичных по форме: с четырьмя вариантами фигурного края — закругленным, плавно заостренным, треугольным и прямоугольным со слегка скругленными углами, большей частью с ребром жесткости и стандартным для всех экземпляров расположением и количеством отверстий для соединения пластин между собой — два-три в ряд или чаще, по дуге, у одного верхнего угла, три-четыре по дуге у нижнего, по диагонали, угла (табл. LIV, 3—6е).

Прекрасные изображения сиро-палестинских ламеллярных панцирей имеются на уже упоминавшейся тисненой кожаной обивке колесницы фараона Тутмоса IV, выполненной около 1410 г. до н. э. (табл. LIV, 7—7в). Разные по длине — чаще до пояса, реже — значительно длиннее, видимо, до середины бедренных костей или даже до колен, они одинакового покроя — типа I («пончо»), со сплошными разрезами по бокам, короткими лопастевидными нарукавьями до середины предплечья либо без них. Ворот круглый, с небольшим разрезом от края вниз на длину ладони, спереди по оси — для удобства надевания разрез стянут завязками-шнурками с кисточками на концах и обшит широкой полосой ткани или кожи с нашитыми мелкими круглыми бляшками. Один из панцирей имеет высокий стоячий воротник, явно с плотной кожаной основой, на которую нашиты в один ряд вертикально гладкие пластины с закругленными углами таким образом, что длинным вертикальным краем каждая пластина перекрывает следующую. Это изображение показывает функцию вытянутых овальных гладких пластин с отверстиями вдоль одной длинной стороны из комплекса XVIII—XVII вв. до н. э. из Газы: такие пластины бронировали стоячий панцирный воротник, «перьевидные» же пластины — крупные с ребром и мелкие гладкие — составляли броню прикрытия корпуса (на колеснице Тутмоса IV сиро-палестинские панцири изображены сделанными как раз из обеих этих разновидностей пластин).

В XV в. до н. э. в Египте распространился палестинский ламеллярный панцирь. Два таких панциря, в точности совпадающие с сиро-палестинскими, представленными на колеснице Тутмоса IV, нарисованы на стенописи гробницы Кенамона, изображающей «оружейную палату» фараона Аменхотепа II, правившего в 1438/6—1412/11 гг. до н. э. Панцири (табл. LIV, 22) покроя типа I, длиной приблизительно до колен, с короткими лопастевидными нарукавьями, глухим воротом, состоят из крупных «перьевидных» пластин, плавно заостренных внизу, с ребром жесткости; точка-черточка внизу пластинки изображает шнурок, продетый через два отверстия, одно под другим, которым пластинка соединена с нижележащей. «Рукава» и подол окаймлены широкими полосами кожи. Панцири имеют очень высокие стоячие воротники пластинчатого набора, видна только кожаная изнанка-основа.

Два панциря того же самого типа мы видим и на гробничной стенописи (около 1167 г. до н. э.), изображающей «оружейную палату» фараона Рамсеса III (табл. LIV, 23). Панцирь Рамсеса III, изготовленный почти на два столетия позже доспеха Аменхотепа II, отличается от последнего лишь в деталях. Пластины его несколько меньше и имеют закругленные концы, ряды набора не смещены относительно друг друга через один, ряды набора нарукавий перпендикулярны рядам набора торса, а не являются их продолжениями, как в доспехе Аменхотепа II; панцирь Рамсеса III не имеет окантовок, и, наконец, его стоячий воротник несколько ниже, набран

ламеллярным способом из двух рядов «перьевидных» пластин, составляет одно целое с панцирем и имеет разрез, стянутый у горла. Ранние же воротники на кожаной основе, весьма вероятно, изготовлялись отдельно и не обязательно наглухо приделывались к прикрытию корпуса, были выше и значительно большего диаметра. Древнеегипетские доспехи ламеллярного типа дошли до нас не только в изображениях, от них сохранились и бронзовые «перьевидные» пластины XV—XIV вв. до н. э. (табл. LIV, 21—21б), в целом аналогичные сиро-палестинским. Несколько выделяются пластины из клада бронзолитейщика в Лиште (табл. LIV, 20): вместо одного из нижних углов на каждой из них имеется дуговидный вырез. Видимо, здесь была предпринята попытка облегчить вес пластин.

Следует отметить, что в общем ламеллярные панцири описываемого типа для Египта характерны не были, представляя там большую редкость. Более того, и в этом сходятся многие исследователи, эти доспехи в значительной части были там не своего производства, а добытыми в качестве трофея или как дань в Палестине-Сирии, о чем свидетельствуют анналы Тутмоса III [Хрестоматия, 1980, ч. 1, с. 69, 70], а также полученными в подарок от владык Месопотамии, как это явствует из амарнской переписки [Salonen E., 1965, с. 102, 106]. Но надо сказать, что и на их родине — в Палестине-Сирии бронзовые ламеллярные панцири, опять-таки судя по анналам Тутмоса III, в первой половине XV в. до н. э. представляли достаточную редкость. Так, в битве при Мегиддо его воинами были захвачены всего два бронзовых панциря, принадлежавших правителям городов-государств. 200 остальных доспехов, взятых у «жалкого войска» правителя Мегиддо, были, согласно исследованиям, кожаными [Хрестоматия, 1950, с. 74], а не бронзовыми, как обычно полагают. Лишь один бронзовый панцирь имелся среди огромной дани области Речену [Хрестоматия, 1980, ч. 1, с. 70]. Весьма вероятно, что среди кожаных доспехов Сирии-Палестины были и ламеллярные, собранные из «перьевидных» пластин, изготовленных из твердой толстой кожи.

Месопотамия дает прекрасные образцы ламеллярного доспеха, известного там по находкам на севере региона, в центре хурритского государства Аррапха — Нузе, датируемые около 1475 г. до н. э. «Перьевидные» пластины из Нузы (табл. LIV, 26—26а, 26в—26ж) по всем признакам аналогичны сиро-палестинским. Исключение составляют пластины, отличающиеся подквадратной формой и размерами — около 15 × 10 см (табл. LIV, 26б), из которых, по всей вероятности, набирались конские доспехи. Кроме Нузы бронзовые «перьевидные» пластинки второй половины II тысячелетия до н. э. от ламеллярного доспеха найдены на городище Телль эль-Фахар (табл. LIV, 27).

Находки в Нузе дали не только панцирные пластинки. Не менее ценны для нас письменные документы, в основном из дома царевича Шильви-Тешшуба, в которых дотошно описаны сами панцири и их части и детали, причем указывается количество и материал пластинок в каждом доспехе и его частях [Buchholz, e.a., 1977, с. 89]. Панцири для людей и коней, как правило, выдавались здесь из казенных арсеналов, причем часто не готовыми экземплярами, а «полуфабрикатами» — наборами пластинок, которые должны были, вероятно, получившими их воинами или мастерами связываться в готовый доспех. Приведем здесь наиболее интересные документы. «Ахи-Иллика получил (x+) 179 больших медных пластинок для бока и 256 кожаных пластин, чтобы из них сделать панцирь». «Бел-Ахи получил панцирь из дворца, который был подогнан к телу и сделан из 400 больших и 280 очень маленьких пластин. Бока и украшения (?) были медными. Он получил также kurpisu из меди, состоящий из 190 пластинок, а также панцирь для tarkumâzu». «Вуррукуни получил из дворца панцирь из меди для боков, состоящий из 598 больших и 544 маленьких пластин. Бока и КАВ были из меди; он получил панцирь для коня, kurpisu

которого был покрыт медью. Унуниашу тоже получил из дворца панцирь и kurpisu из 190 пластинок, щит и кожаный панцирь для коня и ka-ga-ni-aš-šu, покрытый медью». «400 пластин для (одного.— *М. Г.*) бока, 500 пластин для (другого.— *М. Г.*) бока, 200 пластин для kurpisu — 1200 медных пластин получил Нинки-Тешшуб». «Две пары доспехов из страны Ханигальбат, две пары доспехов из страны Аррапха, принадлежащие наместнику страны Мишенни».

В амарнских документах панцири с gurzipu упомянуты в качестве подарков от митаннийских владык фараонам, в том числе два комплекта конских доспехов — от царя Тушратты [Salonen A., 1956, с. 141; Salonen E., 1965, с. 102].

В связи с этим встает вопрос о части доспеха, которая в разных текстах II тысячелетия до н. э. называется GI gur-si-pu, kur-bi-su, kur-bi-si (Мари, XIX—XVIII вв. до н. э.); gur-z[i-i]p, gur-si-ip, kur-bi-ši (Телль эль-Амарна, XV—XIV вв. до н. э.); gur-bi-zu, gur-bi-iz, k[u-u]r-bi-zi, gu-ur-bi-iz-zu, gur-bi-zi, gur-bi-is, gurpisu (Нуза, около 1475 г. до н. э.); gurpišu (богазкёйский хурритский), kurpiši, gurpiši (хеттский); известно это слово и в ассиро-вавилонских текстах первых веков I тысячелетия до н. э.: gur-pis-si (Телль-Халаф); gur-pi-si (анналы ассирийских царей); gur-sip-pi (вавилонские тексты) [Salonen A., 1956, с. 141; Salonen E., 1965, с. 101—103].

Различные авторы трактуют этот термин по-разному: как панцирь, бармицу, забрало, шлем, но в основном сфера применения доспеха, обозначаемого этим словом, ограничивается (и в человеческих и в конских доспехах) областью шеи, затылка, верхней части груди.

Однако пока никто не попытался отождествить этот термин с какой-либо частью доспехов, представленных изобразительными или археологическими источниками. Тогда все стало бы на свои места, так как на египетских изображениях ламеллярных панцирей сиро-палестинского типа, только что рассмотренных, четко выделяется такая деталь, как высокий стоячий бронированный воротник, появившийся, судя по дате самых ранних из известных пластин, предназначенных для воротника (табл. LIV, 1б), в XVIII—XVII вв. до н. э. в Газе. Это подтверждается и подробностями текстов из Нузы: всегда стабильным для «курпису» количеством пластин — 190—200 штук, тогда как для панциря было необходимо около 700—1000 пластин, т. е. в 3,5—5 раз больше.

Для изготовления основы «курпису» применялись кожа и конский волос [Buchholz, e. a., 1977, с. 90]. Видимо, основа шилась из двух слоев кожи, между которыми набивался конский волос, а поверх нашивались пластины или готовый ламеллярный набор. Правда в этих же текстах из Нузы даны для «курпису» такие цифры, что они вызывают недоумение и сомнение в отождествлении «курпису» с воротником: так, для одного «курпису» идет 12 мин (около 6 кг) конского волоса, 7 козьих шкур для 3 «курпису», а вес всего «курпису» достигал 30 мин 40 шекелей (около 20 кг) [там же], что совершенно исключено для детали доспеха, великовато даже для всего доспеха. Несомненно, здесь речь идет о «курпису», защищавшем не человеческую шею, а конскую.

Как уже отмечалось, древнейшие остатки и изображения панцирного воротника связаны с палестинско-сирийским регионом XVIII—XV вв. до н. э., но древнейшие упоминания термина встречаются в документах из Мари (на северо-западе Месопотамии, рядом с Сирией) XIX—XVIII вв. до н. э. Однако обитатели северо-запада Месопотамии ни о чем подобном, т. е. сиро-палестинском панцире с воротником, в это время не знали. «Курпису» же в документах из Мари названы, притом в больших количествах — десятками [Salonen E., 1965, с. 101], но совершенно самостоятельно, без панцирей. В двух местах рядом с данным термином стоит и слово UŠ, которое авторы Чикагского ассирийского словаря трактуют как «гениталии», а все выражение «курпису» как «чехол для гениталий» [там же, с. 103]. Е. Салонен справедливо, на

наш взгляд, отмечает, что здесь предпочтительнее чтение Ботерро «„курпису" обычного качества» [там же]. Вероятно, авторы Чикагского словаря при переводе исходили из стоящего в данном тексте классификатора GI, обозначающего камыш, тростник, на основании чего справедливо критикующий их Е. Салонен решил, что упомянутые в данном тексте «курпису» делались из камыша, тростника [там же].

В принципе вполне можно себе представить прикрытие шеи в виде воротника, сделанного из связанных в ряд тростниковых трубочек, обложенных толстым мягким материалом, достаточно надежным, ввиду жесткости тростниковых трубок, и дешевым прикрытием. Не отрицая мнения Е. Салонена, хочется сказать, что здесь классификатор GI может указывать не на материал, а на «трубчатость» предмета (и в этом могут быть правы авторы Чикагского словаря), ибо панцирный воротник был не чем иным, как короткой широкой трубкой.

В связи с этим представляет интерес один новохеттский (XIV—XII вв. до н. э.) текст, где упомянут сосуд kurupšini, из которого царь и царица пьют во время ритуала [Neu, 1970, с. 68]. Видимо, этот сосуд получил свое название по ассоциации с «курпису», т. е. сосуд имел формы низкого стакана: здесь при образовании термина опять-таки имелась в виду «трубчатость» боевого нашейника. Реальный «курпису» из Мари, как нам представляется, изображен на воинах в скульптуре и живописи Мари XVIII в. до н. э., во дворце его правителя Зимри-Лима (первая половина XVIII в. до н. э.) найдены их изображения: грудь обнажена, на голову надет шлем с бармицей, а на шее — широкий, туго ее охватывающий, вероятно завязанный у горла, нашейник из такого же плотного, толстого и мягкого материала (войлока или ткани, судя по белому цвету в росписи), как и шлем (табл. LX, 18). Скорее всего, этот нашейник, являвшийся, видимо, «курпису», верхним краем пришивался или привязывался к низу бармицы шлема. Очень возможно, что палестинские бронники именно из Мари заимствовали идею панцирного воротника, усовершенствовав его путем бронирования твердым материалом, в том числе и металлом.

Как полагают ассирологи, сам термин «курпису» не аккадского, а хурритского происхождения [Salonen A., 1956, с. 141]. Однако ряд иранистов связывают его с иранской языковой средой. Действительно, выше упоминалось, что в древних иранских языках встречается целая группа слов с тем же значением (причем относительно значения иранисты достаточно единодушны, в отличие от ассирологов): в «Авесте» прикрытие шеи обозначено словами kǔris, kurit, kurie, kūrpāsa, др.-перс. *krp-paura [Herzfeld, 1947, с. 786; Bailey, 1955, с. 12—14] (в связь с этим словом мы ставим слово «кирбаса», которым греческие авторы обозначали сакские башлыки с назатыльником, о чем см. ниже). Г. В. Бэйли и В. Хеннинг даже предложили иранскую этимологию: по Г. В. Бэйли, kur — «шея» + ра — «защита» (среднеиранск. *krp-pāssa); по В. Хеннингу, также из среднеиранского *krp-pāssa, где krp — «тело», а все вместе — «защита тела» [Литвинский, 1972, с. 127]. Однако, как мы уже видели, бронированный панцирный воротник у персов фиксируется надежно лишь с эпохи Ахеменидов, а у саков в Средней Азии — и того позже, а датировка и локализация различных частей «Авесты», в том числе и тех, где встречаются описания доспехов, до сих пор не отличаются определенностью. Да и этимологии Г. В. Бэйли и В. Хеннинга, несмотря на их прозрачность и убедительность, все же достаточно гипотетичны и могут оказаться хотя и древнеиранскими, но «народными» этимологиями. Однако в последнее время в источниках, не относящихся к Ближнему и Среднему Востоку, выясняется еще одна зона бытования рассматриваемого термина в близком значении: как было показано в статье И. И. Пейроса и С. А. Старостина, в древнекитайском

языке эпохи сложения сборника песен «Шицзин» (первая половина I тысячелетия до н. э.) и в тибетском письменном языке понятие «панцирь» (также и «раковина») обозначалось словом krap (др.-кит.), krap, khrap (тибетск.) [Пейрос, Старостин, 1977, с. 218]. Это можно объяснить заимствованием из иранских языков, однако, как и у иранцев, панцирный воротник в Китае фиксируется довольно поздно — не ранее V в. до н. э. Не исключено, вместе с тем, что столь широкое распространение термина с основой *krp в значении «панцирь» и уже — «прикрытие шеи» можно объяснять, исходя из теории о сино-кавказском языковом единстве (куда входили и хурритские и сино-тибетские языки).

Картина получается следующая: примитивный защитный нашейник, обозначаемый хурритским термином, появляется на северо-западе Месопотамии в XIX—XVIII вв до н. э., совершенствуется на юге Восточного Средиземноморья в XVII—XVI вв. до н. э., откуда распространяется в XVI—XV вв. до н. э. в Египет, Эгеиду (высокий бронзовый цельнокованный воротник панциря XV в. до н. э., найденный в Дендрах, Греция [Connolly, 1977, с. 12]), Месопотамию и позднее Элам, где с ним во второй четверти I тысячелетия до н. э. знакомятся персы, а у них, в свою очередь, его в конце V — первой половине IV в. до н. э. переняли саки; незадолго до этого он со Среднего Востока в V в. до н. э. попал в Китай, пока трудно сказать, каким путем.

Вернемся от лингвистических сюжетов к рассмотрению истории ламеллярного доспеха. В начале второй половины II тысячелетия до н. э. он распространяется в Малой Азии, судя по находкам бронзовых «перьевидных» стандартного типа пластин (табл. LIV, 31—31е), найденных в слоях, датируемых XIV—XII вв. до н. э. в Хаттусе (Богазкёе) — столице Хеттского царства. Правда, там же была сделана находка «перьевидной» бронзовой пластины в слое, датируемом XVIII в. до н. э. [Boehmer, 1972, с. 103], что сразу выдвигает Анатолию в качестве «родины» ламеллярного доспеха с металлическими «перьевидными» пластинами в один ряд с Палестиной (и даже опережая ее). Однако «стандартность» пластины, полное ее совпадение с пластинами XIV—XII вв. до н. э. (табл. LIV, 31 в) убеждает нас в том, что в слой, датируемый XVIII в. до н. э., она попала случайно, как это часто бывает в многослойных городищах, и датировать ее следует тоже XIV—XII вв. до н. э. Вообще, сведений о панцирях у хеттов мы находим крайне мало, однако можно с уверенностью говорить, что кроме длинных пластинчатых панцирей, употреблявшихся в XIII в. до н. э. и изображенных на многих хеттских воинах на раскрашенных египетских рельефах, показывающих битву при Кадеше (не исключено, что аналогичный доспех на Рамсесе II был привезен из Малой Азии, поскольку для Египта он совершенно уникален, так как изображен только на Рамсесе II, зато в такие доспехи облачены многие хеттские воины, и в этих панцирях — одно из «этнографических» отличий хеттских воинов от египетских), хетты во времена Новохеттского царства пользовались заимствованными из Сирии ламеллярными панцирями с высокими бронированными воротниками, о чем свидетельствуют и находки бронзовых «перьевидных» пластин, и слово «курпису» в хеттских хетто- и хурритоязычных текстах.

Из Месопотамии рассматриваемые панцири не позднее XIII в. до н. э. распространяются в Эламе, о чем говорят находки больших и малых бронзовых пластин в Дур-Унташе (Чога-Замбиле) со ставшим практически стандартным количеством и расположением отверстий (табл. LIV, 30—30б). Среди них есть и пластины овальной формы с выпуклым бортиком (табл. LIV, 30в), как и древнейшие палестинские, но поздний эламский вариант имеет ребро жесткости и систему отверстий, которая свидетельствует о том, что из таких пластин панцирный воротник высотой 10 см набирался ламеллярным способом. Находка в Чога-Замбиле, пожалуй, единственное свидетельство

использования металлического панциря в Эламе за всю его историю; однако в применении металлического доспеха в этой стране, хотя бы в небольших масштабах, трудно сомневаться.

Кроме Хеттской державы ламеллярным доспехом с «перьевидными» стандартными пластинами, заимствовав его, видимо, у хеттов, пользовались воины Трои в XII в. до н. э. (табл. LIV, 32—32б). В это же время он распространяется и в эгейском мире [Guida, 1973], а также на Кипре (табл. LIV, 14—16), куда попал, скорее всего, из Финикии.

Если Эгеида была крайней северо-западной зоной распространения рассматриваемого типа панцирей, то самой северо-восточной зоной его распространения стало Закавказье. Мы уже упоминали о «перьевидной» пластине, найденной в Кахетии (XIII—IX вв. до н. э.) (табл. LIV, 33), которая появилась, как мы пытались показать, здесь случайно, хотя и вызвала неумелые подражания. Зато пластины из Армении (Нор-Баязет, XIII—X вв. до н. э.) явно относятся к настоящему боевому доспеху. Среди пластин встречаются точные аналоги ближневосточным (табл. LIV, 34), может быть, привозным доспехам, похожим на египетские (из Лишта), с вырезанным нижним углом (табл. LIV, 34б), хотя близость их, вероятнее всего, чисто типологическая. Оригинальной подтреугольной формы (табл. LIV, 34а), явно местный вариант, говорящий о том, что здесь на базе заимствованного из Анатолии и Северной Месопотамии доспеха также стала разрабатываться специфическая местная традиция изготовления панцирных пластин.

На территории Талыша найдены пластины (табл. XLVIII, 81, 82), очень похожие на раскопанные в Кахетии и датируемые, видимо, тем же временем — концом II — началом I тысячелетия до н. э. Это также подражание «перьевидным» пластинам. Отличия их от кахетинских — в большей близости ближневосточному оригиналу — у них одно ребро жесткости, среди них есть прямоугольные, отверстия проделаны и сверху и снизу. В принципе их надо бы отнести к пластинчатому доспеху. Но на примере панциря из Аматуса (Кипр) (табл. LV, 13—13в) можно предположить, что талышские пластины соединялись и ламеллярным способом.

В первые века I тысячелетия до н. э. ламеллярные панцири продолжали широко бытовать на Ближнем Востоке, за исключением, пожалуй, Египта, где чешуйчатый доспех преобладал и к этому времени, практически вытеснив ламеллярный. Судя по изображениям, в Ассирии, Сирии и Финикии в IX в. до н. э. преобладали очень длинные панцири, в которых сражались колесничные и пешие воины. Покрой для них применялся типа V («кафтан»), с разрезом на груди сбоку и подолом, коротким спереди и очень длинным сзади (табл. LV, 1а, 4, 6), и типа VIII («кафтан»), с осевым и боковым разрезом и запáхом на груди (табл. LV, 1, 2, 3, 3а, 5, 8, 19—21). Нижние углы пол у них всегда закруглены. Применялся и покрой типа I («пончо»), с двумя разрезами по бокам (табл. LV, 9, 22—25), который при большой длине панциря должен был несколько сковывать подвижность ног, поэтому на ассирийских рельефах мы видим его одетым только на воинах, боевая специализация которых не требует подвижности,— колесничных бойцах, саперах, царских телохранителях, прикрывающих владыку щитом. Панцири же с покроем типа VIII и особенно типа V, как это видно на Балаватских воротах, такой же длины, одеты и на пеших воинах, вооруженных для рукопашного боя мечами и маленькими щитами, да еще лезущих по штурмовым лестницам на стены города (табл. LV, 21). Последний факт говорит о том, что длинный ламеллярный доспех не был слишком тяжел для тренированного воина, если в нем он мог влезать по лестнице на штурм крепости. Действительно, вес тибетского ламеллярного панциря XVIII—XIX вв. покроя типа VIII, с длинными, почти до запястий лопастевидными нарукавьями, с подолом, на ладонь ниже колен, достигает

16,4 кг [Решетов, 1969, с. 131, рис. 16], а реконструированного безрукавного «корсета-кирасы» — 4 кг *, и ношение их автором этих строк не вызвало у него никаких затруднений, за исключением небольшого давления на плечи, которого тренированные воины могли не замечать достаточно продолжительное время, тем более что надевался доспех непосредственно перед боем, а рукопашные схватки, как правило, быстротечны. К тому же ряд изменений в начале I тысячелетия до н. э. позволил уменьшить вес ближневосточных ламеллярных панцирей.

Судя по изображениям, в это время на Ближнем Востоке уже не использовали бронированные стоячие воротники. Однако термин «курпису» еще встречается в анналах ассирийских царей IX—VIII вв. до н. э. [Salonen A., 1956, с. 142—143]. В основном он обозначал броню, заковывающую шею лошади. Что касается доспеха для людей, то в IX в. до н. э. на севере Месопотамии использовали ламеллярные бармицы шлемов, закрывающие целиком шею и нижнюю часть лица (табл. LV, 22). Видимо, к этим бармицам, функционально полностью соответствующим бронированным воротникам, и перешло от последних название «курпису». Облегчило ламеллярные панцири и то, что составляющие их пластинки стали делать более мелкими — 4—7 см длиной (табл. LIV, 10—18а, 29). Мелкие пластинки применялись постоянно и раньше, но тогда из них составляли лишь отдельные участки панциря, требующие особой гибкости на плечах, боках, пояснице, теперь же из них панцирь изготовляется целиком.

В IX в. до н. э. в памятниках Ассирии встречается изображение ламеллярного доспеха, в наборе которого закругленный край пластин направлен вверх и ряды пластин перекрывают друг друга снизу вверх: подобный способ набора несколько увеличивал эластичность брони, и не случайно он представлен на доспехах, покрой которых типа I при большой длине панциря несколько мешал свободе движений тела ниже пояса (табл. LV, 22—25). Форма и детали пластин «перьевидного» типа по-прежнему стандартные: с ребром жесткости, количеством и системой расположения отверстий. Однако со временем все чаще начинают обходиться без ребра жесткости. В VIII—VII вв. до н. э. длинные ламеллярные панцири употреблялись, кажется, только в Финикии и на находившемся под ее культурным влиянием Кипре (табл. LV, 3—6, 8), причем, судя по кипрским находкам начала VI в. до н. э. в Идалионе и Аматусе, составляющие их пластинки были очень маленькие — 2,6—5 см длиной (табл. LV, 13—14з), вследствие чего финикийско-кипрские панцири были чрезвычайно эластичны.

В Ассирии все панцири в VIII—VII вв. до н. э. делались короткими — до пояса или чуть ниже — до бедер (табл. LV, 26—36). К тому же их стали изготовлять практически вовсе без коротких нарукавий, которые были характерны для более ранних длинных доспехов. Укорочение панцирей связывают с появлением конницы, в частности тяжелой кавалерии в Ассирии [Черненко, 1968, с. 138]. При верховой езде, несомненно, короткий — до пояса или до чресел — панцирь был удобен и к тому же легок, однако и все пешие латники в Ассирии VIII—VII вв. до н. э. носили короткие панцири (табл. LV, 27, 30, 31, 33). Видимо, введение конницы сказалось и на тяжелой пехоте, поскольку от нее потребовалась большая маневренность. А свое тело ниже пояса пеший латник стал защищать широко распространившимся именно в VIII—VII вв. до н. э. круглым бронзовым щитом диаметром более 1 м (см. ниже).

Вместе с тем не следует думать, что короткие ламеллярные панцири были новинкой для VIII в. до н. э.: они были известны в Палестине-Сирии уже в середине II тысячелетия до н. э. (табл. LIV, 7б, 7в, 11—13), а Ассирии в IX

* Оба доспеха изготовлены из железных пластин толщиной в 1,5 мм.

в. до н. э. (табл. LV, 25). Короткими были и чешуйчатые «корсеты-кирасы» египтян, и пластинчатые панцири в Закавказье, судя по доспеху из Головина.

Важнейшим новшеством I тысячелетия до н. э., известным в Ассирии с VIII в. до н. э., стало применение железа для изготовления панцирных пластин [Mallowan, 1966, табл. 336в, с]. Конечно, бронзовые пока преобладали, но вскоре, начиная с конца VII в. до н. э., железные пластины стали неуклонно и быстро вытеснять бронзовые. Железо облегчило доспех и сделало его прочнее. Однако и от бронзы не отказывались полностью, поскольку она более вязкая, что способствует защитной функции, и гораздо более нарядная, а это при прочих равных достоинствах играет важную роль в выборе материала для доспеха. Ассирийские рельефы с замечательной дотошностью передают разнообразие форм пластин — прямоугольных или с закругленным краем, характер плетения связывающих пластины тесемок. Вместе с тем в ассирийских панцирях VIII и особенно VII в. до н. э. наблюдается явная и значительная стандартизация, что, вероятно, связано и с массовостью применения ламеллярного панциря в этом районе.

Ламеллярный доспех был известен и в Урарту. И если прямоугольные пластины с ребром жесткости из Алтын-тепе с шестью отверстиями — по три вдоль узких сторон, и из Арин-берда в точности повторяют найденные в Ассирии, в Нимруде (табл. LVI, 1, 2), то великолепный бронзовый доспех царя Аргишти I (датируется временем после 720 г. до н. э. —года вступления этого царя на престол), найденный, к сожалению, сохранившимся не полностью, при раскопках Тейшебаини (Кармир-Блура), состоит из пластин девяти разновидностей, различающихся по размерам и форме, иногда и по количеству и расположению отверстий (табл. LVI, 3—3д). Несмотря на близость ассирийским образцам, здесь уже нет точных копий стандартных ближневосточных «перьевидных» пластин. Здесь они все без ребра жесткости и украшены геометрическим концентрическим орнаментом, выбитым точечным пуансоном, т. е. декор, знакомый на Кавказе еще по бляхам из Триалети и декоративным пластинкам псевдоброни из Кахетии.

Покрой урартских ламеллярных панцирей, судя по немногочисленным изображениям VII вв. до н. э. (табл. LVI, 4—5), можно отнести к типу I («пончо»), средней длины, до середины бедер, с очень короткими нарукавьями или совсем без них. В общем они очень близки синхронным ассирийским даже в наличии бахромы, окаймляющей подол панциря.

В ахеменидское время ламеллярный доспех, судя по археологическим находкам панцирных пластин, почти совсем вытесняется чешуйчатым. Лишь от времени ранних этапов иранской государственности дошли образцы пластин ламеллярного доспеха — прямоугольных, с ребром жесткости или гладких, более мелких, с четырьмя отверстиями по углам. Пластины эти (табл. LVI, 8, 9), почти аналогичные ассирийским и урартским, найдены в Зивие и Гордионе и датируются соответственно VII и VI вв. до н. э., бронзовые — из Ирана, железные — из Малой Азии. Надо полагать, что посредником в передаче пластин такого типа явилось Урарту, соседствующее и с Мидией и с Анатолией. Крайне оригинальный ламеллярный доспех из крохотных — 1,3 см длиной бронзовых пластинок, гладких, прямоугольной формы, коротких, с одним закругленным углом и тремя парами отверстий, расположенными по три вдоль длинных сторон, датируемый около 470 г. до н. э., был найден в Идалионе на Кипре (табл. LVI, 7).

Скифы, несмотря на полное преобладание у них чешуйчатого способа бронирования, были, на наш взгляд, знакомы и с принципом ламеллярного набора, судя по находкам, хотя и редким, пластин с большим количеством отверстий, расположенных по всей плоскости пластины (табл. LI, 12, 27, 29а). Целого доспеха они здесь, видимо, никогда не составляли, бронируя лишь участки, где нужна была особая гибкость.

Ламеллярный доспех из костяных пластин мог употребляться в середине I тысячелетия до н. э. кочевниками восточноевразийских степей чаще, чем представлялось, о чем говорит находка в г. Кургане [Правда. 5.6. 1985, с. 6].

Самостоятельным и мощным очагом развития ламеллярного доспеха являлась Восточная Азия. Прямоугольные вытянутые пластины 7—10 см длиной и 1,5—3 см шириной, с четырьмя отверстиями по углам либо большим количеством отверстий по всей плоскости пластины, находят часто при раскопках неолитических памятников второй половины III — первой половины II тысячелетия до н. э. почти на всей территории Китая севернее р. Янцзы (табл. LVI, 13, 14, 27). Среди находок иньского времени они пока неизвестны, но их бытование в это время несомненно, судя по находке остатков ламеллярного доспеха в Шаньцунлине периода ранней Чуньцю, т. е. VIII—VII вв. до н. э. Костяные пластины шаньцунлинского панциря (табл. LVI, 15) по форме, пропорциям и размерам (10 см длиной) аналогичны неолитическим, имеют три пары отверстий в углах и в середине. Покрой древнейших китайских ламеллярных доспехов нигде не выявляется, но можно с уверенностью полагать, что основным был покрой типа III («корсет-кираса»), судя по покрою иньского гомогенного кожаного панциря из Анъяна, о котором уже говорилось, и по более поздним — ханьского времени, ламеллярным доспехам [Ян Хун, 1980, с. 19, 20]. Нижний край их мог достигать пояса, но были, вероятно, экземпляры, доходившие до середины бедер и до колен. Мы уже отмечали, что панцирь «корсет-кираса» тысячелетиями, вплоть до XIX в., бытовал в Восточной Азии и на многих территориях Тихоокеанского бассейна.

Ламеллярный панцирь «корсет-кираса» в Восточной Азии просуществовал от Чукотки до Японии и Южного Китая до XIX в. [Thordeman, 1939, рис. 251, 252; Stone, 1961, рис. 70, 80, 87, 1, 2], поэтому имеется счастливая возможность с достаточной полнотой узнать их боевые качества, подробности устройства, вес и т. п., поскольку на Крайнем Севере их часто делали из кости, а на юге — из кожи.

Наши знания о китайском ламеллярном доспехе за последние десятилетия стали относительно полными благодаря археологическим находкам прекрасных скульптурных изображений латников и особенно остатков самих панцирей, причем иногда практически полностью сохранившихся. Подавляющее большинство их происходит с территории царства Чу периода Чжаньго, в основном датируются V—IV вв. до н. э. Культура этого царства, изначально не хуаского [Деопик, 1977, 270—271], в данную эпоху стала уже интегральной частью культуры Китая, и при всех ее локальных отличиях (а такие отличия имелись в культуре любого из регионов-царств, как показывают результаты раскопок) по ней можно судить о состоянии вооружения всего Китая.

Чуские панцири [У Миншен, Дай Ядун, 1957, с. 96, табл. II, 7; Могила № 1, 1972, с. 66—67; Краткий отчет о раскопках, 1973, с. 160; Краткий отчет, 1973, с. 9; Ян Хун, 1980, табл. III] по целому ряду признаков имеют прямые аналогии с панцирем из Чирик-Рабата (см. выше).

Покрой в виде «кафтана» с разрезом на правой стороне груди, ниже пояса переходящим на бок, вычленение нагрудной и набедренной части, лопастевидные либо сомкнутые широкие наручья до середины предплечья или до локтя и, наконец, такая характернейшая деталь, как высокий стоячий воротник (табл. LVI, 17—20),— все это, как мы уже видели, было характерно и для сакских панцирей IV—III вв. до н. э. Сходство было и в применении пластин крупного размера подквадратной формы, и в том, что наручья набирались из узких горизонтальных пластин. Разница была в том, что китайские панцири, в отличие от чешуйчатых сакских, всегда ламеллярные. На деревянной расписной статуэтке из г. Чанша ламеллярное соединение пластин передано многочисленными точками и черточками на поверхности каждой из пластин,

хотя панцирь изображен здесь таким образом, что верхний ряд пластин перекрывает нижний, а нижние углы пластин чуть закруглены, отчего доспех можно ошибочно принять за чешуйчатый (табл. LVI, 22).

Также в районе г. Чанша — в Лючэнцяо, Паймашань, Тэндянь найдены фрагменты панцирей из соединенных между собой прямоугольных пластин из лакированной твердой кожи (табл. LVII, 18), общих для каждого комплекса типов.

Полное же представление о чуском доспехе периода Чжаньго дают хорошо сохранившиеся (в количестве 12 штук) панцири из гробницы № 1 в Лэйгудуне уезда Суйсянь пров. Хубэй, в которой был захоронен после 533 г. до н. э. хоу И — правитель владения Цзэн [Исследование и реконструкция, 1979; Dien, 1982, с. 6] (табл. LVI, 19—19ж). Верхняя часть каждого из них представляет собой очень короткий «жилет» с разрезами на правом плече и правом боку, составленный из 20 крупных фигурных пластин, с воротником, собранным из трех больших пластин. Нижняя часть — «юбка» с разрезом на правом боку набрана из 56 пластин подквадратной формы, со стороной около 12 см длины, четырьмя парами отверстий; каждая пластина «юбки» чуть расширяется книзу, таким образом, «юбка» книзу расклешена. Каждое нарукавье состоит из 42 узких изогнутых пластин с тремя парами отверстий в каждой; пластины собраны в 13 горизонтальных и четыре вертикальных ряда, причем пластины верхних рядов — около 12 см длины, нижних — около 7 см, так что нарукавья сужаются книзу. Все пластины и детали панцирей соединены между собой кожаной тесьмой.

Эти панцири показывают исключительно высокий уровень мастерства чуских панцирников, особенно в раскрое пластин «жилета», который точно пригонялся по телу воина.

Очень близок чуским и синхронный им панцирь, изображенный на глиняной статуэтке воина из северо-западных областей долины Хуанхэ (табл. LVI, 21). Правда, формы скульптурки очень обобщены и почти не детализированы, но видно, что панцирь состоит из верхней и нижней, разделенной на горизонтальные полосы, частей, имеет стоячий воротник.

Несколько иной вариант ламеллярного доспеха изображен на статуэтке воина, найденной в пров. Цзянсу (табл. LVI, 23). Этот уникальный памятник стилистически очень отличается от чуских статуэток пропорциями, приближаясь по ряду признаков к ханьским. Однако в руках его длинный «скрипковидный» кинжал, характерный для северо-востока Китая и применявшийся там, в Ляонине, в VII—V вв. до н. э. Следовательно, фигурку можно считать ляонинским изделием V в. до н. э., привезенным в Цзянсу. Панцирь, изображенный на ней, отличается от чуских доспехов. Он очень длинный, чуть ли не до стоп, с длинными же, до запястий, нарукавьями. Пластины, из которых он набран, имеют форму узких прямоугольников, ряды набора перекрывают друг друга снизу вверх (важнейший индикатор ламеллярного доспеха); пластины панциря верхней части, защищающей грудь, более мелкие и расположены радиально, на рукавах и в районе пояса средней величины, ниже пояса крупные, расположены горизонтально. Покрой с точностью определить трудно, вероятно, типа I либо VIII («кафтан» с разрезом, идущим от ворота к плечу и оттуда к подолу, с глубоким запáхом). Такой покрой также известен далеко к западу от Китая, и воздействие оттуда не исключено, так же как и местное его происхождение. Зато форма пластин, безусловно, восточноазиатская. Ведь кроме древнейших китайских образцов известны пластины от ламеллярных панцирей того же типа в Корее, датируемые второй половиной II тысячелетия до н. э. (табл. LVI, 24), в неолитических культурах крайнего северо-востока Сибири, в Приамурье V—III вв. до н. э. (табл. LVI, 25—26е). И вплоть до самых поздних из рассматриваемых в данной работе образцов все они сделаны из кости или рога.

Ламеллярные роговые и костяные доспехи по прочности и по весу немногим уступали металлическим. Известно, например, что чукчи, которые использовали такие панцири в качестве защиты от метательного оружия противника еще в XVIII—XIX вв., часто сбрасывали их для облегчения бега в пылу рукопашной схватки.

Дошедшие до нас реальные китайские панцири периода Чжаньго все сделаны из пластин твердой толстой кожи, покрытой черным лаком, иногда с росписью красным лаком; такая роспись известна нам еще по иньскому доспеху.

Из кожи пластины брони делались, как известно, не только в Китае. Кожаные пластины упомянуты в текстах Нузы, чешуйки из кожи крокодила найдены в Египте. Более того, в одном из аккадских текстов изготовителем панциря назван кожевенник-aškāpu [Salonen E., 1965, с. 106]. Твердая толстая кожа была отличным материалом для брони. Будучи несколько легче металла, она мало уступала ему, при соответствующей обработке, в твердости. В начале раздела мы уже упоминали о прочности восточноафриканских щитов. Что же касается панцирей, то, по свидетельству очевидцев, панцири аборигенов северо-запада Америки — куртки, сделанные из двух и более спрессованных слоев гибкой кожи оленя-карибу, предохраняли даже от пуль (видимо, гладкоствольного оружия.— *М. Г.*) [Laufer, 1914, с. 183]. Несомненно, еще более прочным был ламеллярный доспех, чьи пластины делали твердыми из слоев кожи быка или носорога.

Характерно, что древнекитайские письменные источники до эпохи Хань упоминают практически всегда только о роговых, костяных, кожаных доспехах и специально о панцирях из кожи носорога, превозносимых на все лады, чья прочность оценивалась чуть ли не выше прочности металла и камня. Последнее послужило поводом для написания и основой замечательного исследования Б. Лауфера по истории китайского доспеха [Laufer, 1914].

Особенно полно панцирь из кожи носорога, его изготовление и свойства описаны в трактате «Чжоули» («Ритуалы Чжоу»), но в переводе и трактовке текста у исследователей есть расхождения по ряду вопросов. Вот пассажи, где разночтений в общем нет: панцири, сделанные из кожи двурогих носорогов, служат 100 лет, из кожи однорогих — 200, из кожи тех и других одновременно — 300. Для того чтобы панцирь был надежным, шкура должна быть должным образом обработана. Панцирь состоял из верхней и нижней части, причем части должны весить одинаково, для чего предназначенные для них куски кожи уравновешивались на весах. Качественный панцирь отличался гладкой, без морщин кожей, аккуратным и тугим плетением шнуровки, точной подгонкой к корпусу воина, т. е. был строго индивидуальным. Он должен хорошо сворачиваться для помещения в твердый футляр для хранения.

Принципиальные расхождения касаются трактовки того, что понимать под термином, который Б. Лауфер переводил как «слой» [Laufer, 1914, с. 176], Бьо — как «кусок», «отдельная часть» [там же, с. 177], а Вернер — как «часть» [Werner, 1932, с. 34]. При трактовке Б. Лауфера панцирь должен был быть гомогенным, из многослойной кожи и иметь вид безрукавного разрезанного спереди «кафтана», подобного некоторым североамериканским доспехам [Laufer, 1914, с. 177]. Правда, в тексте есть упоминание, что в случае разрезания кожаной заготовки на горизонтальные полосы доспех уже не будет гомогенным. Как представляется нам, правильным является здесь перевод Бьо, основанный на комментариях ученых эпохи Хань, и его вывод, что чжоуский панцирь состоял из отдельных частей. Согласно тексту «Чжоули», доспех из кожи двурогого носорога состоял из семи кусков, однорогого — из шести, из кожи того и другого — из пяти. Трактовка Бьо предпочтительнее и потому, что лучше учитывает свойства кожи носорога.

Последняя отличается большой толщиной (индийские позднесредневековые щиты из нее, выделанной до полупрозрачности, имеют толщину почти 1 см), и броня из семи ее слоев была бы не тоньше 3—5 см: это совершенно невозможно, учитывая, что доспех должен был свертываться (а это невозможно при подобной толщине, даже если кожа выделывалась фантастической гибкости), и при гипотезе о гомогенности доспеха. Поэтому описываемый в «Чжоули» панцирь можно представить себе прикрывающим верхнюю часть корпуса и составленным из нагрудной и наспинной частей, с разрезом на одном боку (два куска-части), двух лопастевидных нарукавий (два куска-части), «юбки» с одним разрезом (один кусок-часть) или двумя (два куска-части) и, вероятно, стоячего воротника (один кусок-часть). Всего при разных вариантах получается от пяти до семи кусков-частей. И в этом случае конструкция описанного в «Чжоули» панциря полностью совпадает с описанными доспехами периода Чжаньго из царства Чу. Упоминание же в «Чжоули» шнуровки у панциря свидетельствует о том, что в трактате имелся в виду ламеллярный доспех. «Чжоули» — памятник, кодифицировавшийся в основном в период Чжаньго и даже в эпоху Хань, поэтому на раннечжоускую основу могли наслоиться представления о реалиях середины — второй половины I тысячелетия до н. э.

Как видим, панцири в Китае VII—IV вв. до н. э. в отличие от других регионов древнего Востока делались чаще из кожи, рога и кости. И это уже при очень высоком уровне производства и социально-экономических отношений. Видимо, это объяснялось тем, что железо в Китае к IV в. до н. э. еще только начинало входить в употребление, бронзовые же доспехи, скорее всего, представлялись слишком дорогими, а может быть, и излишне тяжелыми по сравнению с костяными и сделанными из кожи, которые вполне надежно защищали воинов от бронзового оружия. Кроме того, сказывался и могучий консерватизм традиции, отсутствие внешних импульсов к массовому изготовлению гетерогенного бронзового доспеха. Собственно, в III в. до н. э. в Китае начинает распространяться и железный доспех, судя по находке шлема из железных пластин в городище одной из столиц северо-восточного царства Янь (табл. LXV, 65).

Почти все занимавшиеся данной проблемой исследователи восприняли теорию Б. Лауфера о том, что металлический доспех китайцы заимствовали только в эпоху Хань у юэчжей через посредство хуннов, а сами юэчжи заимствовали его в Иране [Laufer, 1914, с. 267]. (Правда, для ряда специалистов этим центром была Средняя Азия.) Гипотеза Б. Лауфера базировалась на тогдашнем уровне китайской археологии, с ее крайней скудостью вещественных материалов по доспеху, в основном на изучении письменных источников. Сейчас уже видно, что во многом Б. Лауфер ошибся, но тем ценнее некоторые его предвидения. Действительно, для доханьского времени металлический доспех для Китая был нетипичен. Но все виды покроев и структур панцирей, материалы и технология их обработки были собственно китайскими. Даже доспех цзэнского хоу И, столь напоминающий сакские, датируется более ранним, чем сакские панцири, временем и, похоже, возник самостоятельно и, более того, мог оказать влияние на формирование сакского доспеха.

Как нам пришлось убедиться, ламеллярный доспех на древнем Востоке имеет длинную и богатую историю. В свете изложенного представляется совершенно неверным вывод А. М. Хазанова о том, что он лишь недолго бытовал там в древности и якобы ввиду недостаточной надежности и излишней сложности в изготовлении довольно быстро был заменен чешуйчатым [Хазанов, 1971]. Лишь в малой мере это справедливо для Ближнего и Среднего Востока, что же касается Центральной и особенно Восточной Азии, то к этому региону подобное положение вообще неприменимо.

Вторым типом гетерогенного доспеха из твердого материала без мягкой основы является ламинарный доспех, т. е. броня, образованная более или менее длинными полосами, обычно горизонтально расположенными, твердого материала, соединенными между собой благодаря отверстиям тесемками, шнурками, ремешками [Robinson, 1967, с. 12—13, рис. 90а]. Этот метод бронирования, широко распространенный в средневековье, особенно на Востоке, и просуществовавший у ряда отсталых народов до XIX в. (у чукчей, индейцев северо-запада Америки) [Stone, 1961, рис. 71; 87, 3—9], в древности применялся, видимо, спорадически, и в основном только для отдельных частей панциря. Так, ламинарной, сделанной из полос бронзы, была нижняя часть некоторых микенских панцирей середины — третьей четверти II тысячелетия до н. э., занесенных в начале последней четверти этого тысячелетия в Восточное Средиземноморье и Египет «народами моря» (табл. XLIX, 56—61).

На одном из обломков расписанного керамического сосуда из Тепе-Сиалка в Иране, относящегося к X—IX вв. до н. э., изображен воин в высоком «корсете» с вертикальными полосами (табл. XLVIII, 103). Вероятно, это панцирь из связанных между собой полос твердой кожи или дерева, хотя, впрочем, полосы могут быть нашиты на мягкую основу, либо это стеганый мягкий доспех.

У персов с конца V в. до н. э. употреблялся наручник для левой руки конного латника, сражавшегося без щита, сделанный из металлических или твердых кожаных браслетов, нанизанных на вертикально направленные шнуры. Об этом можно заключить из описания Ксенофонтом идеального всаднического доспеха (О коннице XII). Он писал, что «(вновь) изобретенное защитное приспособление — „хайра“ („рука“), закрывающее всю руку от плеча, где оно соединялось с прикрытием корпуса, до пальцев, могло свободно изгибаться, сокращаться и растягиваться». Такими качествами могла обладать только ламинарная броня — замкнутые (что, впрочем, необязательно) в кольцо или полукольцо полосы твердого материала, причем эти «браслеты» должны были быть точно и тонко рассчитанной чуть воронкообразной формы; нанизанные на вертикально расположенные шнуры (либо, что менее эффективно, нашитые на длинные ремни), они набегали друг на друга и позволяли руке двигаться свободно, полностью и очень надежно — в два «топорщащихся» слоя защищая ее. Такую «руку» мы видим в качестве части мягкого «клаппенпанцер» на персидском воине, изображенном на одной из вотивных золотых пластин V—IV вв. до н. э. Амударьинского клада (табл. XLVII, 40). Эта же деталь характерна и для «сакского доспеха»: ее, отдельно лежащую, мы видим на гравированной пластине из Ак-Тама (Фергана, конец V—IV в. до н. э.) (табл. LIII, 17), на панцирях всадников, изображенных на золотом навершии из «Сибирской коллекции Петра I», Алтай — Семиречье, IV—III вв. до н. э. (табл. LIII, 19—19б).

В Краснодарском музее хранится скифское каменное изваяние, датируемое V в. до н. э. (табл. LI, 30—30а): на руках его нанесены горизонтальные полосы, соединенные вертикальной линией, обозначающие броню рукавов. Вероятно, так изображены прикрепленные к наплечной части доспеха мягкие кожаные рукава, обшитые узкими, горизонтально расположенными пластинками. Подобные пластинки изредка встречаются и в погребениях среди остатков панцирей: они около 5 см длины, 1—1,5 см ширины, изогнуты по длинной оси, с двумя парами отверстий у коротких сторон, причем их стыки на основе, которую они покрывали наполовину, защищая внешнюю сторону руки, перекрыты железными квадратиками (табл. LI, 10, 11). Судя по тому, что такое прикрытие руки появилось у скифов не позднее начала V в. до н. э., т. е. почти на столетие раньше, чем у персов, можно предположить, что персы, увидев скифскую броню для руки и восприняв саму идею и внешний вид,

коренным образом усовершенствовали способ набора, заменив пластинчатый способ бронирования ламинарным, этим резко увеличив подвижность и гибкость брони.

Ламинарным способом из узких изогнутых железных полос набраны прямоугольные лопастевидные нарукавья сакского панциря из Чирик-Рабата (табл. LIII, 21), которые С. П. Толстов принял за бронирование бока панциря [Толстов, 1962, рис. 82, 2].

В китайских позднечжаньгоских кожаных панцирях каждая горизонтальная полоса нарукавий состоит из четырех пластинок, связанных между собой узкими сторонами, и, таким образом, ламинарный набор становился ламеллярным (табл. LVI, 18, 19а, 19б).

Не исключено, что ламинарными, из очень широких полос материала, делали «юбки» «сакских доспехов» в IV—III вв. до н. э. в Средней Азии (табл. LIII, 18, 19б) и на северо-западных приграничьях Китая (табл. LVI, 27). Впрочем, возможно, что на среднеазиатских и китайских памятниках изображены полосы ламеллярного набора, только отдельные пластинки, составляющие эти полосы, не прорисованы в силу обобщенности и слабой детализации фигурок.

Сообщение «Чжоули» о том, что кожа для панциря разрезалась на горизонтальные полосы, которые связывались между собой [Laufer, 1914, с. 175—176], ясно указывает на давнее бытование в Китае ламинарного доспеха. Но делался ли ламинарным весь панцирь или только его нижняя часть, или нарукавья — пока не ясно.

К пластинчатому способу относится и бронирование участка мягкого в основе панциря одним крупным куском твердого материала. В культурах с развитой традицией изготовления панцирей такое бронирование практиковалось редко, и если встречалось, то в сочетании с пластинчатым или чешуйчатым типами брони. На Ближнем и Среднем Востоке этот способ, кажется, не применялся вовсе.

Два случая нашивных пекторалей (лунообразных пластин, пришиваемых спереди у горловины панциря и защищающих горло и верхнюю часть груди) зафиксированы в скифских материалах IV в. до н. э., где они сочетались с пластинчатой броней из круглых блях в панцире из кургана № 493 у с. Ильинцы (табл. XLIX, 9) и в составе чешуйчатого доспеха из 4-го Семибратнего кургана в Прикубанье (табл. LII, 15). Обе пекторали бронзовые, как и остальные элементы брони доспехов, частью которых пекторали являются, имеют отогнутый бортик у горловины, только ильинецкая пектораль крупная — около 10 см шириной, что обусловлено малой площадью зоны, прикрытой круглыми бляхами, семибратненская же узкая — около 2 см шириной и прикрывает только край ворота, тогда как все остальное целиком закрыто чешуей. Большая подтреугольная пектораль, закрывающая почти всю верхнюю часть груди, нашитая на чешуйчатый панцирь покроя типа VIII, реконструируется нами на основании изображений на золотой пластине из Геремесова кургана IV в. до н. э. (табл. LI, 32, 32а) и двух каменных изваяниях того же времени (табл. XLVII, 49; LVII, 24, 24а).

Нашивные пекторали из бронзы иногда встречаются в сакских погребениях VI—III вв. до н. э. (табл. XLIX, 27, 28). Обычно они луновидные, узкие, очень редко широкие, как в Туэктинском кургане VI в. до н. э., на Алтае (длиной 12 см). Уникальна пектораль из кургана № 18 VI в. до н. э. могильника Тегермансу I на Памире (Б. А. Литвинский считает ее украшением головного убора шамана [Литвинский, 1972, с. 126—127]): она имеет вид крупного бронзового квадрата со стороной 15 см, к нижнему краю которого привешены шесть «перьевидных» пластин с одним отверстием наверху для крепления. Узкие пекторали нередко обнаруживают в погребениях воинов тагарской культуры VI—IV вв. до н. э. в Южной Сибири (табл. LVII, 12).

Собственно, только эти пекторали и дают возможность предположить, что у народов культур сакского типа панцирь применялся до IV в. до н. э.— доспех покроя типа I («пончо») (на разрезанный спереди по оси «кафтан» пектораль некуда пришивать, так как в противном случае «кафтан» не распахнется) из кожи или войлока. Несомненно, пекторали не только несли защитные функции, но и выполняли роль магических оберегов и украшений, о чем свидетельствует чеканный декор на сакских образцах VI в. до н. э.— геометрический в Тегермансу и выполненный в скифском «зверином» стиле — из Туэктинского кургана. Происхождение скифских и сакских нашивных пекторалей, видимо, не совсем одинаковое. Если скифские образцы генетически следует связывать с подвесными ближневосточными и кавказскими пекторалями, которые были особенно популярны там в VIII—VII вв. до н. э., то в происхождении сакских образцов основную роль сыграли скорее всего подвесные пекторали, известные на юге Центральной Азии в конце II—начале I тысячелетия до н. э. (о подвесных пекторалях см. выше).

В Китае бронирование большими кусками металла кожаной основы панциря можно констатировать в течение эпохи поздней Инь (XIII—XI вв. до н. э.) и раннего Чжоу (XI—VIII вв. до н. э.) [Loehr, 1956, с. 210—211, табл. XLIV, № 111; Тан Дзинъюй и др., 1980, табл. V, 1; Краткий отчет об исследованиях, 1977, с. 68].

Как иньские, так и чжоуские панцирные пластины отлиты из бронзы в виде личин чудовища Тао-тье. Иньские пластины (табл. XLIX, 45) (их найдено 24 экземпляра, причем 11 из них — в одном погребении) имеют 30—40 см длины и 20—30 см ширины. По углам этих массивных пластин имеются крупные отверстия, сквозь которые пропускались ремешки, крепившие их к основе из твердой кожи. Весь панцирь, вероятно, представлял «корсет-кирасу» из кожи, к нагрудной части которого прикреплялась одна описанная пластина.

Первая из раннечжоуских пластин (табл. XLIX, 46), которую можно датировать XI—X вв. до н. э., отличается только размерами и пропорциями — 18 см длиной и 23,5 см шириной, а функционально абсолютно аналогична иньским.

Части панциря, найденные в погребении конца X — начала IX в. до н. э. в раннечжоуском могильнике Сиань, представляют собой крупные бронзовые накладки в виде фигурной, рельефной маски Тао-тье, смонтированной из трех частей, общим размером 37 на 28 см, и пару круглых выпуклых блях диаметром около 12 см. Ян Хун считает пластину-маску нагрудником, а бляхи — частью наспинника [Ян Хун, 1980, с. 11—12, рис. 10, 68; табл V, 1, 2]. Однако размеры маски по ширине немного великоваты для нагрудника, что затрудняло бы движение рук вперед. Поэтому мы реконструируем панцирь из Сиань как «корсет-кирасу» из твердой кожи, к наспинной части которого была прикреплена бронзовая маска Тао-тье; круглые бляхи помещались на груди и, скорее всего, являлись кроме реальной брони глазами маски Тао-тье, которая была выполнена на нагруднике методом росписи, а может быть, также и тиснения (табл. XLIX, 49).

На панцире пластины служили не только несокрушимой броней, но и не менее, как полагали те, кто его изготовил и носил, эффективным оберегом, стимулятором силы и храбрости воина, а также украшением, обозначающим его ранг.

Как мы видим, бронза применялась для изготовления панцирей в Китае в конце II — начале I тысячелетия до н. э. Такие панцири предназначались для очень небольшого числа воинов высшего ранга и служили не только боевым, но и ритуально-парадным доспехом. По ним видно отношение древнейших китайских мастеров к бронзе как к материалу, подтверждаемое и на массе предметов отнюдь не только военного назначения: для них бронза была

материалом очень ценным (может быть, ритуальным), из которого можно и нужно отливать массивные, сложных форм, богато украшенные вещи, а отнюдь не безликие стандартные, сериями в тысячи штук, пластинки. Вероятно, это отношение мастеров к материалу, эта традиция также сыграли немалую роль в том, что массовое распространение металлического доспеха в Китае произошло довольно поздно. И только железо, ставшее дешевым и бывшее на Востоке Азии с самого начала своего применения не декоративным, а сугубо «инструментальным» материалом, смогло сломать эту традицию в Китае в самом конце рассматриваемой здесь эпохи.

Рассмотрев историю развития панцирей, попробуем сделать некоторые выводы.

Панцирь фиксируется уже в эпоху неолита. Ряд авторов связывает это с развитием лука в мощное, дальнобойное оружие, каковым становится сложный, усиленный и особенно сложносоставной лук [Черненко, 1968, с. 124; Yadin, 1963, с. 85]. Действительно, подобное соответствие наблюдается в древности в таких регионах, как Месопотамия, Сибирь, Китай, т. е. там, где рано стали использовать мощные типы луков. Причем появление панцирей хронологически следует за появлением этих луков, т. е. ближе к эпохе металла, и отражает реакцию на резкое усиление одного из видов наступательного оружия. Ведь применение лука занимало обе руки воина и лишало его возможности использовать щит. Кроме того, прицельная стрельба требовала от пешего воина определенной статики, даже и в том случае (и в еще большей степени), если при лучнике имелся щитоносец, что возможно лишь при осаде или обороне в полевом бою. По этим причинам при сколько-нибудь широком распространении дальнобойного мощного лука стрелки в полевом наступательном бою должны были становиться беззащитной мишенью, причем с обеих враждующих сторон одновременно. Судя же по мезолитическим и неолитическим изображениям, стрелки были самым массовым «родом войск» в те времена. И поскольку нельзя было допустить массовой гибели и увечья лучших представителей племени, возникла необходимость в создании вида защиты, которая предохраняла бы корпус воина, не занимая ни одной из его рук.

Другим способом сохранения масс лучников в бою был тактический прием, заключавшийся в создании такого боевого построения и такой боевой специализации, которые позволили бы обеспечить максимальную эффективность действия при максимальной безопасности стрелков из лука. Поиски привели к созданию сомкнутого ряда щитоносцев и копьеносцев — основы фаланги. Подобное построение оказалось весьма эффективным, так как его выгоды сразу дают себя знать не только по отношению к лучникам: фаланга увеличила безопасность воинов, имевших оружие ближнего боя средней дистанции,— копейщиков. Массивность и слитность удара, высокий душевный подъем воинов, возникающий из чувства безопасности, чувства локтя, единого ритма,— все это должно было обеспечить фаланге успех на первом этапе боя. Вместе с тем применение щитоносной фаланги на ранних этапах сдерживало развитие и распространение панциря. Не случайно он почти не развивался и не применялся в регионах с преимущественным использованием щитоносной фаланги — в Египте времени Древнего и Среднего царств, на доахейском Крите, да и в Месопотамии III тысячелетия до н. э.

Традиция применения панцирей в вышеотмеченных регионах поддерживалась наличием самостоятельных отрядов воинов без щитов, действовавших на флангах фаланги в качестве их прикрытия, ибо слабость фаланги — именно ее фланги.

Бойцами отрядов прикрытия флангов могли быть, на наш взгляд, воины в панцирях-«перевязях», изображенные на стеле Эанатума, обе руки которых

заняты оружием ближнего боя — копьем в правой и топором в левой. Наиболее же совершенный доспех должен был появиться в регионе, где щитоносная фаланга не применялась и боец сражался индивидуально, подвергаясь большей опасности, чем воин фаланги.

Стимулом к совершенствованию панциря должно было послужить и использование боевых колесниц, особенно если в кузове кроме возницы был только один воин, и именно лучник, т. е. опять-таки исключалось применение щита. Все эти стимулы ранее всего одновременно сказались в «гиксосской» среде, в Палестине-Сирии XVIII—XVII вв. до н. э. Они соответствовали особенностям военного дела западносемитских пастушеских племен второго этапа эпохи средней бронзы, которые были связаны с населением многочисленных крупных и мелких городов этого региона, обладавших достаточно высоким по тому времени производственным потенциалом. Политические события XVIII—XVII вв. до н. э., такие, как проникновение и захват северной части Египта, задачи удержания власти в этой богатейшей стране с огромным производственным и военным потенциалом, неисчерпаемыми людскими ресурсами, память о военном могуществе и грабительских походах египтян в Сирию, о политическом и экономическом подчинении региона власти фараонов в XIX в. до н. э.— все это поставило перед «гиксосским» обществом задачу обеспечить максимальную эффективность и безопасность действий одиночных гиксосских бойцов и особенно их цвету — колесничным лучникам.

Пешие индивидуальные бойцы являются легкой добычей щитоносной фаланги. Но и ничем не защищенный колесничный лучник мог оказаться несостоятельным перед ней. Конечно, психологический шок, вызываемый атакой колесниц*, исключительно велик, но только в первое время. Если пешие воины, даже без панцирей, в плотном построении, огражденном стеной щитов, не побегут, они легко одолеют колесничный отряд, не имеющий должной защиты: перебить коней и воинов в повозках стрелами и метательными копьями несложно на вполне безопасном расстоянии. Египтяне же, судя по последним данным, были знакомы, пусть и слабо, с колесницей и лошадью еще незадолго до гиксосского завоевания [Emery, 1960, с. 7—10]: единичные образцы повозок и животные могли попадать туда и в качестве подарков или дани при мирном проникновении в Нижний Египет отдельных западносемитских родов на рубеже III—II тысячелетий до н. э. Поэтому более или менее широкое применение колесниц гиксосами в ходе завоевания могло оказывать психологическое воздействие не столь уж долго. Тогда же, в XVIII—XVII вв. до н. э., и появляется у гиксосов столь совершенный доспех, как ламеллярный бронзовый (вероятно, и из твердой кожи) панцирь со стоячим месопотамским воротником, ставший парадигмой для дальнейшего развития этого вида защитного вооружения на огромных территориях Востока и Запада. За изобретением защиты человека последовал конный доспех, в результате чего колесничный лучник становится исключительно опасным, неуязвимым противником.

Как видим, развитие панциря после его появления, связанного с усовершенствованием лука, стало зависеть уже от целого комплекса условий, определявших разнообразие их типов.

Хотелось бы остановиться на функциональных особенностях этих типов. А. М. Хазанов предпринял попытку дать функциональные характеристики

---

* Как хорошо известно из тысячелетней военной практики, эффект лобовой конной атаки состоит именно (и только) в психологическом шоке, в результате которого противник должен был расстроить ряды и побежать еще до соприкосновения с конницей. Твердая духом, сплоченная масса пехотинцев всегда выстаивала против конной атаки, вынуждая конницу поворачивать, поскольку кони на копья и щиты не лезут.

всем типам ранних металлических панцирей [Хазанов, 1971, с. 53]. Некоторые из этих определений приемлемы, но с большей частью их согласиться нельзя. Главное же, эти определения, как правило, страдают умозрительностью, не базируются на этнографических или экспериментально проверенных данных.

Согласно выдвинутому предположению, шумерские середины III тысячелетия до н. э. панцири-плащи из толстого войлока, обшитые бронзовыми круглыми бляхами так, что между нашивками имелись большие зазоры, служили защитой от стрел, дротиков, копий. Но защитный эффект против перечисленных видов оружия здесь состоял вовсе не в металлических бляхах, которые в силу большого не покрытого броней пространства между ними могли быть защитой лишь от случайных стрел и копий. Нашивались они с другой целью: для защиты от рубящего удара клинком длинного кинжала или изогнутого однолезвийного секача, который попадал лезвием сразу на две бляхи, тогда как колющий удар эти бляхи направляли прямо в мягкие зазоры между ними. От колющих ударов здесь спасал эффект свободно висящей ткани (войлока), причем этот эффект был исключительно действенным. Недаром, например, греки в середине I тысячелетия до н. э. подвешивали к щитам снизу коврики, предохранявшие ноги от стрел противника [Boardman, 1975, рис. 167, 245, 279, 280, 2, 326].

Не совсем приемлемо сравнение чешуйчатых и ламеллярных (ранние образцы последних обычно неверно определяют как пластинчатые) доспехов. Совершенно неверно ходячее мнение о том, что вес чешуйчатых панцирей при равных размерах больше, чем ламеллярных, а защитные свойства чешуйчатой брони выше, чем ламеллярной. Это утверждение основывается на изображении раненного стрелой сирийского колесничного латника, вытисненного на кожаной обивке кузова колесницы Тутмоса IV (табл. LIV, 7а), и на пассаже из Библии, где сказано, что стрела смертельно ранила царя Ахава сквозь швы лат (III Книга царств 22, 34). На египетском же изображении видно, как стрела попала в кусок подкладки на сочленении нарукавья и прикрытия корпуса, не закрытом металлическими пластинами и служащем для соединения не имеющих основу кусков ламеллярного набора. Библейский (III Книга царств 22, 34) текст описывает, вероятно, аналогичный случай, либо там стрела попала в неплотно стянутый разрез. Сам же ламеллярный набор, как показали наши эксперименты с реконструированным ламеллярным панцирем из железных пластин толщиной 1,5 мм, был исключительно прочным за счет металлических пластин, на каждом участке лежащих в два, а местами и в четыре слоя, а также за счет проявляющегося на больших участках эффекта свободного свисания.

Сравнение же свойств ламеллярного и чешуйчатого панцирей (скифский чешуйчатый доспех точно реконструирован в материале реставратором А. И. Минжулиным, которому автор выражает признательность за предоставленную возможность подробного ознакомления с его реконструкцией) показывает, что вес их примерно одинаков (при равной величине), но чешуйчатый доспех уязвим для колющих ударов снизу, тогда как для ламеллярного доспеха любые удары любым оружием безвредны.

Более слабыми защитные качества были у пластинчатых доспехов, поскольку на их поверхности имелось много зазоров на стыках между элементами брони, особенно при применении круглых бляшек. В последнем случае доспех был легче, но зазоров в нем гораздо больше, поэтому он, будучи надежным в защите от рубящих ударов клинковым оружием, представлял слабую защиту от ударов узким острием стрел, копий, клевцов, узких клинков топоров. И не случайно, что именно в Закавказье была популярна длинная «рапира» с узким, снабженным продольным ребром жесткости колющим клинком, явно предназначенная для пробивания панциря, бронированного

круглыми бляшками, столь широко бытовавшего на Кавказе. И по той же причине там столь долго употреблялись давно устаревшие на Ближнем и Среднем Востоке каменные наконечники стрел, так как этот доспех со своими многочисленными зазорами не был для них серьезным препятствием.

В Китае раннее и широкое распространение столь совершенной брони, как ламеллярная, было явно вызвано применением там исключительно мощного древкового оружия ударно-колющего и ударно-рубящего действия, прототипы которых известны еще в неолите, больших и тяжелых наконечников копий, а также известного уже в эпоху Инь сложносоставного рефлексирующего лука. И позже здесь широкое распространение надежного доспеха вызвало появление замечательного изобретения — механического лука-арбалета, которому было суждено большое будущее.

Кстати, пример Восточной Азии показывает, что роль металла в качестве материала для бронирования не столь уж исключительна и принципиальна, как это обычно представляется, особенно в ламеллярном доспехе, где его с успехом может заменить толстая твердая кожа. Важна главным образом сама традиция применения тяжелой брони из твердого материала и освоение наиболее совершенной структуры этой брони.

Неравномерность развития панциря, зависящая от развития наступательного оружия, характера войны и боевых схваток, восходящая в конечном счете к социально-политическому состоянию того или иного общества, специфически отразилась на территории степного пояса Евразии, в военном деле индоиранских племен. На протяжении III — первых двух третей II тысячелетия до н. э. уровень развития наступательного оружия этих племен был весьма низок: короткие бронзовые кинжалы, короткие булавы и топорики, маленькие кремневые наконечники стрел для не слишком мощных луков — все это явно отставало от уровня развития вооружения на Ближнем и Дальнем Востоке и не требовало защитного оружия, более надежного, чем большой деревянный или прутяной щит и широкий толстый жесткий кожаный пояс. Лишь в середине II тысячелетия до н. э. у индоиранцев наблюдается некоторое развитие — спорадическое увеличение длины и веса клинков, увеличение наконечников копий, введение мощных типов луков. Характерно, что в этот период арии сумели завоевать и расселиться лишь в тех, правда весьма обширных, регионах, где уровень развития вооружения не превосходил таковой у арийцев. Подобной была ситуация в зоне евразийских степей, такой же она оказалась и на территории от Средней Азии до Индии. Там слабое развитие наступательного оружия и очень высокий уровень фортификации также помешали возникновению тяжелого доспеха, и воинственные скотоводы не получили там соответствующего отпора, а какие-то внутренние социально-экономические (или экологические) причины не дали возможность эффективно использовать великолепную фортификацию.

Преимуществом же ариев в войнах, которым они, видимо, воспользовались вполне эффективно, была боевая колесница. Приписывать якобы имевшие место широкомасштабные завоевания ариев на Ближнем Востоке высокому уровню их военного дела и особенно конноупряжной двухколесной, со спицами, колеснице, на наш взгляд, нет никаких оснований. Колесница данного типа появилась впервые в Восточном Средиземноморье параллельно с ламеллярным металлическим доспехом у гиксосов в XVIII — XVII вв. до н. э. [Горелик, 1985], а появление ариев на севере Месопотамии датируется не ранее второй половины XVII в. до н. э. и было, скорее всего, не переселением народа, сопровождаемым завоеванием территории, а проникновением отдельных групп искателей удачи, которые нанимались на военную службу к местным правителям.

Лишь в I тысячелетии до н. э. на границах ираноязычного мира с культурами Ближнего и Среднего Востока и особенно Кавказа, где панцирь широко

и активно использовался, доспех у иранцев получает большое развитие; это происходило, как только начиналось активное, особенно военно-политическое, взаимодействие ариев с носителями этих культур.

При этом происходила некая цепная реакция: процесс освоения металлического панциря сначала затронул самых западных иранцев — мидян и персов в VIII—VII вв. до н. э., затем с середины VII в. до н. э. скифов, а на рубеже V—IV вв. сако-юэчжийские племена, соседствовавшие с оседлыми цивилизациями.

В глубинных же районах степного пояса Евразии кочевники воевали между собой без тяжелых панцирей, применяя только щиты, изредка пояса, поножи и шлемы да мягкие панцири, иногда усиленные металлическими пекторалями. И только мощное движение ираноязычных кочевников Центральной и Средней Азии в III в. вызвало «взрыв» развития и распространения у всех обществ степи тяжелого панцирного вооружения.

В свете проблемы взаимовлияний в отношении панцирного прикрытия корпуса воина крайне интересен вопрос терминологии. Выше мы рассмотрели вопрос о термине «курпису»-«кюрис», обозначавшем прикрытие шеи. Не менее сложен и интересен вопрос о термине в тех же древневосточных текстах, обозначавших собственно панцирь как прикрытие корпуса.

На Ближнем Востоке этот термин встречается во многих языках [Salonen A., 1956, с. 146—149; Salonen E., 1965, с. 105—107]. Наиболее ранний вариант термина, обозначающего панцирь, звучит sir_2-a-am; он известен в словнике ḪAR-GUD — imrû-ballu, датируемом серединой второй половины II тысячелетия до н. э. и восходящем к словнику ḪARA — hubullu конца III — первой половины II тысячелетия до н. э.; в богазкёйско-хурритском языке — ša-ri-ja-an-ni, šar-ja-ni; в текстах Телль эль-Амарны XV—XIV вв. до н. э.— z/sa-ri-am; в текстах Нузы около 1475 г. до н. э., приводившихся выше, с подробнейшими описаниями, перечислением количества пластин, которые пошли на них, материала — za-ri-(a)-am; в средневавилонских (касситских) текстах около XVI—XII вв. до н. э.— ši-ri-ja-am; в новоассирийских памятниках *sari(j)am, si-ri-ja-am; наконец, в нововавилонских VII—VI вв. до н. э.— šir-a-am, ši-ir-a-ni (последний вариант несет арамейское влияние). Вне пределов Месопотамии и кроме аккадского языка термин известен как širjānā в арамейском, širjôn, sirjôn в древнееврейском, из которого выводят древнеегипетское Trjn. Ассирологи определенно относят происхождение данного термина («зарйам») к хурритскому языку [Salonen A., 1956, с. 146—147; Salonen E., 1965, с. 107], как и термин «курпису». Но этот термин есть и в древних иранских языках: авестийские — zrāba, zreh, zarmya, которым иранисты, как и в случае с «кюрис», нашли иранскую этимологию; они возводят их к слову zar, обозначающему «покрывать», «закрывать» [Литвинский, 1972, с. 127; Bailey, 1955, с. 12—14]. Нам представляется, что, как и в случае с «кюрис», иранская этимология терминов «зрада», «зрех» нуждается в проверке и может быть пересмотрена, поскольку они, скорее всего, восходят к месопотамской лексике, где sarjam зафиксирован много раньше и где, главное, сам панцирь известен задолго до того, как его заимствовали иранцы.

В качестве материалов для «зарйам» в ближневосточных текстах фигурируют чаще всего кожа, потом бронза, позднее и редко железо и, наконец, даже ткань. Если первые три материала годились для изготовления ламеллярного доспеха, то упоминание ткани и кожи в сочетании с металлическим покрытием [Salonen A., 1956, с. 148; Salonen E., 1965, с. 106] явно свидетельствует, что «зарйам» мог быть и чешуйчатым, а «зарйам» из одной только ткани, что зафиксировано в амарнских табличках и нововавилонском тексте [там же], был мягким доспехом. Исходя из упоминания кожи и металла в изготовлении «зарйам», ряд специалистов описывает его именно как чешуйчатый доспех.

Однако термин «зарйям», скорее всего, был видовым названием любого панциря — мягкого, твердого, гомогенного и гетерогенного и т. д., как человеческого, так и конского. Кстати, ткань и кожа (вероятно, мягкая) шли в основном, как это видно из текстов, на изготовление доспеха для лошади, человеческий же панцирь, согласно текстам из Нузы, делался только из пластин металла и кожи (твердой), т. е. был в основном ламеллярным.

Однако термин «зарйам» был в Месопотамии не единственным словом, обозначающим панцирь.

Ему предшествовало и соответствовало шумерское слово, которое восходит к III тысячелетию до н. э., ^{KUŠ}ul-lu-lu, причем классификатор ^{KUŠ} показывает, что шумерский термин обозначает в отличие от «зарйам» только кожаный доспех [Salonen E., 1965, с. 107], а это вполне соответствует археологическим и иконографическим свидетельствам из Месопотамии III — начала II тысячелетия до н. э. К раннему же периоду — не позднее второй половины III тысячелетия до н. э. — относится встреченный в словнике HARA-hubullu аккадский термин nahlapātu(m), обозначающий, вероятно, панцирное одеяние, причем кожаное, судя по классификатору ^{KUŠ}, стоящему при его шумерском соответствии -lu_2-gu_2-e_3-a [там же, с. 104—105]. Данный аккадский термин связан с популярной во II и особенно в I тысячелетии до н. э. группой слов — halluptu, hullaptu, tahlipu, tahluptu, — обозначающих «панцирь», «защитное снаряжение» и восходящих к аккадскому слову halāpu, hlp в значении «облегать», «облекать», «быть надетым» [там же, с. 104].

Аккадским был и термин, обозначающий панцирные пластины, — kurs/zimtu, kurs/zindu (в Нузе — ku-ur-zi-in-ta, kur_3-zi-im-dû/u, kur_3-zi-me-tu_3, kur_3-zi-ma-te), восходящий к аккадскому слову krsm «змея», т. е. пластинки, похожие на змеиные чешуйки [там же, с. 108]. В подобном происхождении термина видится не только зрительная аналогия, но и определенная сакрализация панциря, не просто напоминавшего шкуру змеи, но и, по представлениям древних, бывшего ею, придававшего опасные свойства змеи владельцу доспеха, служившего не только реальной защитой, но и магическим оберегом. Роль змеи в мифологии известна, причем она там непосредственно соотносится с птицей [Мифы народов мира, 1982, т. 1, с. 468—469; т. 2, с. 346], чье оперение ламеллярный и чешуйчатый доспех также напоминал.

В текстах из Нузы встречается термин aḫu — «нарукавья» (лопастевидные), причем в качестве материала для них там всегда называется бронза, даже если само прикрытие корпуса было из кожи [Salonen E., 1965, с. 107—108]. Как нагрудное украшение и защитная накладка панциря — и человеческого, и лошадиного, сделанного из бронзы, известен термин d/tutiwa, который знаком по текстам из Нузы («5 пар du-[ti]-wa»). В средневавилонском (касситско-вавилонском) словнике есть tu-di-it-ti, т. е. нагрудное украшение, пластина из золота, в более древнем же словнике HA.RA-hubullu отмечено, что tu-di-tu(?) сделан из бронзы [Salonen A., 1956, с. 150]. Логичнее всего было бы предположить, что данный термин обозначал пекторaль — украшение (в том числе и золотое), носимое отдельно либо прикрепленное у горловины панциря. Однако то, что «тутива» в текстах Нузы перечисляются парами, причем, кажется, все пять пар украшали один доспех, заставляет предполагать здесь нечто иное. Если же пять пар предназначались для пяти панцирей, то все равно парность не позволяет отождествить «тутива» с пекторалью, которая была всегда одна. Может быть, вопрос решается тогда следующим образом: на человеческом панцире слово «тутива» обозначало пару дисков, державшихся на перекрещенных ремнях на груди и спине, на конском же две пекторали — на груди и шее, одна под другой, в качестве же отдельного украшения человека — пекторaль.

Как показал разбор терминов, металлическому, ламеллярному (или чешуйчатому) панцирю со стоячим воротником соответствовали термины, видимо,

хурритского происхождения — «зарйам» и «курпису», в то время как сам этот панцирь, как было показано, появился в Палестине-Сирии. Но западносемитский термин, обозначающий этот доспех, восходит к хурритскому. Остается предположить, что изначально в западносемитских языках он был, но впоследствии его полностью вытеснил популярный в Месопотамии и ставший модным в Сирии термин «зарйам» (к сожалению, пока нет хурритской этимологии этого слова; может быть, она была очень эффективной, чем и завоевала популярность). Вероятно, западносемитское слово ṣiryon и было тем словом, которым в начале II тысячелетия до н. э. называли и кожаный, и самый первый металлический доспех? Во всяком случае, оно было заимствовано египтянами, у которых в виде обозначало кожаный панцирь уже в начальный период Нового царства [Gardiner, 1911, с. 1, 7].

2. ЗАЩИТНЫЕ ДЕТАЛИ

А. Пояс

Пояс является древнейшим видом защитного вооружения. В качестве такового он известен на самых ранних памятниках изобразительного искусства Европы и Азии. Основным видом нательного защитного вооружения он служил чуть ли не до XX в. у многих этнических групп тропической зоны планеты, иногда трансформируясь в защитный корсет [Ратцель, 1900, т. 1, с. 179, 200, 344, 395; Народы Земли, 1903, с. 129, 143; Народы мира, 1916, с. 69, 76; Germer, 1965, рис. 20 в]. Основную и наиболее древнюю функцию пояса, защитную, подтверждает то, что в ранние (хронологически и стадиально) периоды он совершенно не был связан с одеждой и надевался на голое тело. Кроме защиты от «внешней» опасности пояс защищал и от «внутренней», т. е. служил корсетом-бандажом, предохраняющим от вредных изменений в организме, наступающих вследствие высоких нагрузок, особенно при поднятии тяжестей. Пояс помогал сохранять осанку, силу, «форму» при длительных передвижениях. В комплексе с одеждой его роль как защиты тоже была велика: он удерживал на теле поясную одежду, не давал распахиваться плечевой распашной, мешал проникновению воздуха под подол нераспашной плечевой одежды, предохраняя от холода. Защитная роль пояса была очень рано и глубоко осмыслена людьми, придававшими ему качества не только реальной, но и в еще большей мере магической защиты. В додинастическом и раннединастическом Египте именно с поясом был связан львиный хвост, служивший символом мужественности воина, в том числе и фараона, и не чем, надо полагать, иным, как поясом, являлся картуш, окружавший в египетских текстах имя фараона, служивший в качестве оберега. В искусстве древнего Ближнего Востока, что особенно хорошо видно на глиптике, пояс часто служил единственным облачением бога или героя, сражающегося с силами зла [Афанасьева, 1979, рис. 9, 13б, 29а, 37, 39, 44; табл. XVIIа, XXIб, XXIII]. Хорошо известна сакральная роль пояса в представлениях древних индоевропейских народов [Widengren, 1969]; Ксенофонт описывает ритуал осуждения на смерть у древних персов, когда судьи прикасаются к поясу осужденного (Анабасис I, VII, 10), как бы развязывая его. Осужденный тем самым лишается защиты жизни. Обязательной принадлежностью мужчины был пояс в древнем Китае [Крюков, Софронов, Чебоксаров, 1978, с. 252, 254]. Роль пояса в военной области повышалась и тем, что обычно он служил и портупеей: в Библии встречается выражение «препоясаться мечом» (I Книга царств 25, 13, 2; II Книга царств 20, 8), обозначавшее выход на войну, на бой. В представлениях многих народов пояс ассоциировался со змеей, существом, обладавшим могу-

чими и таинственными силами, олицетворением и вместилищем сил Земли и Воды — нижнего мира, который хотя и недобр, страшен, но служит основой и скреплением среднего мира, мира людей. Сила мирового змия, свернувшегося в кольцо у основания Вселенной, воплощенная в поясе, должна была охранять его владельца от недоброго воздействия «нижнего» мира, сообщая ему часть своей разрушительной сущности для столь злого, но неизбежного в древности дела, как война.

Древнейшие боевые пояса, как можно полагать, исходя из этнографических параллелей, изготовлялись из толстой твердой кожи и крепкого луба. Кожа служила для поясов и позднее, в эпоху металла. На протяжении веков на древнем Востоке наблюдаются разные региональные традиции боевого применения и изготовления пояса. В данной работе мы будем рассматривать только боевое, защитное его применение. В древнем Египте пояс фактически использовался в основном в качестве препоясания, но также и знака ранга, а иногда и защитной детали (табл. LVIII, 1, 2).

В Месопотамии в III тысячелетии до н. э. пояс использовался и в качестве портупеи, за него, судя по изображениям (табл. III, 11; LVIII, 4, 5) и письменным источникам [Эпос о Гильгамеше, с. 25], затыкался кинжал. Но несомненна роль пояса и в качестве защиты корпуса, судя по его ширине — не менее 5 см и очевидной плотности материала (табл. LVIII, 3).

Месопотамский пояс представлял собой ленту с прямоугольными или закругленными концами, к которым пришивались завязки. Он мог иметь толстые канты и нашивные металлические украшения, служившие и броней, судя по рельефу Анубанини в Сар-и Пуле около 2000—1930 гг. до н. э. (табл. LVIII, 4). Вообще, месопотамские боевые пояса первой половины II тысячелетия до н. э., согласно изобразительным памятникам, более широкие — около 10 см. Можно предположить, что некоторые из них делались из листовой бронзы.

Первые достоверно известные металлические, из листовой бронзы пояса зафиксированы в Палестине-Сирии с XVIII в. до н. э. В Иерихоне и Телль эль-Фар'а (около Наблуса) найдены пояса из листовой бронзы шириной около 8 см, с закругленными концами; к ленте пояса с двух концов, отступя от края на 8—10 см, приделаны подвижные широкие петли из бронзового прута, к которым и крепились завязки (табл. LVIII, 7, 8). Пояс из Телль эль-Фар'а гладкий, снабжен усиливающим его выпуклым кантом; кожаная подкладка у него если и была, то приклеенная, а не подшитая. У пояса же из Иерихона вдоль краев заметны отверстия для нитей, коими пришивалась подкладка, кожаная, судя по обнаруженным остаткам. Канта из бронзы у него нет, видимо, он был из кожи. Зато вся его поверхность украшена концентрическими орнаментами, состоящими из больших и малых чеканных шишечек. Очень вероятно, что здесь чеканный орнамент имитировал декоративно-защитную обивку кожаного пояса круглыми металлическими бляшками. Были и более простые пояса: из гладкой бронзовой ленты от 5 до 12 см ширины, также с закругленными концами. К ней пришивали кожаную подкладку с завязками (табл. LVIII, 9). Такие пояса найдены на территории от Иерихона до Угарита. Несомненно, пояс с петлями мы видим на изображении бога-громовика (Баала?) на мраморной стеле второй половины II тысячелетия до н. э. из Угарита (табл. LVIII, 33). Более или менее широкие пояса, скорее всего из кожи, часто плотно обшитые круглыми, вероятно, бронзовыми бляшками и прямоугольными вертикальными пластинками, мы видим на сиро-палестинских воинах, изображенных на обивке кузова колесницы фараона Тутмоса IV (конец XV в. до н. э.) (табл. LVIII, 10—16). Широкие боевые пояса с рельефными кантами можно видеть на памятниках изобразительного искусства Палестины последней четверти II тысячелетия до н. э. (табл. LVIII, 17).

Таким образом, широкие бронзовые пояса с выпуклыми кантами и петлями для завязок появляются одновременно в одном и том же районе, как и первые металлические, ламеллярные панцири, были вызваны в среде гиксосов периода их экспансии теми же причинами. Кстати, тогда же там распространяется «соперник» столь внушительной броне в наступательном оружии — боевой проушной топор с длинным, очень узким клинком и узким же лезвием, специально предназначенный для пробивания очень прочной брони. Судя по изображениям, бронированный пояс в Палестине-Сирии в первые три четверти II тысячелетия до н. э. носили легковооруженные воины в качестве более простого и дешевого, а главное, легкого защитного средства вместо тяжелого металлического панциря, который носили с кожаными, гладкими и плетеными поясами (табл. LIV, 7—7в). Металлический пояс был здесь тем более необходим, что в данном регионе не использовались большие щиты, закрывавшие значительную часть тела воина: сиро-палестинские щиты III—II тысячелетий до н. э., как мы увидим ниже, были небольшими и закрывали воина от носа до пояса.

Традиция ношения защитного пояса вместе с панцирем распространяется с конца II тысячелетия до н. э. До последней же четверти II тысячелетия до н. э. пояс, как и в Сирии-Палестине, носили чаще всего вместо панциря. Это хорошо видно на хеттских памятниках искусства Малой Азии II тысячелетия до н. э. (табл. LVIII, 19—23). Пояса здесь по форме аналогичны сиро-палестинским и некоторым видам месопотамских, имеют всегда закругленные концы, выпуклый кант, петель для завязок на них не заметно, видимо, последние пришивались просто к концам пояса.

Очень широкие, усиленные бляшками кожаные пояса, служившие не только прикрытием, но и портупеей, носили в Эламе второй половины II тысячелетия до н. э. (табл. LVIII, 24).

Огромной популярностью пользовались защитные пояса на Кавказе. Там бронзовые пояса передневосточных образцов появились в начале I тысячелетия до н. э.*, но часто имели оригинальную, местную систему закрепления на талии: вместо завязок здесь применялась застежка крючком, который сначала отдельно пришивался к концу пояса, а несколько позднее стал частью массивной бронзовой бляхи-пряжки подпрямоугольной формы (табл. LVIII, 78, 82, 84). Такие бляхи прикреплялись не только к бронзовым поясам, дополнительно усиливая их спереди, но и к кожаным (являясь у них единственным бронированным участком), судя по многочисленным находкам в погребениях, где обнаружены одни пряжки.

Кавказские бронзовые пояса обычно богато орнаментированы (табл. LVIII, 58—74), чаще пуансонной чеканкой или гравировкой, причем степень украшенности увеличивается с шириной пояса. Это прямо указывает на то, что повышенная декоративность и идеологическая насыщенность предмета здесь непосредственно связаны с повышением качества его профанной функции, а все вместе увеличивает его надежность, его защитные функции. Поэтому никак нельзя согласиться с утверждением С. А. Есаяна, что бронзовые пояса были сугубо ритуальными, тогда как для практических целей служили только кожаные [Есаян, 1966, с. 103—104].

Излюбленным мотивом оформления бронзовых защитных поясов на Кавказе являлось изображение змеи, волнистой линией расположенной вдоль всей длины пояса, «обвивавшейся» вокруг талии воина на надетом доспехе. Наибо-

* Датирующим признаком наиболее ранних поясов из Армении служит треугольная фигура на концевой части (табл. LVIII, 58—60), точное соответствие которой мы видим на поясах персонажей арамейско-позднехеттского искусства Северной Сирии (табл. LVIII, 27, 29, 30), чьи памятники надежно датируются VIII в. до н. э.

лее богато оформленные пояса изображают сюжеты, связанные с сословной принадлежностью их владельцев: война, охота (мирная война) и пир. Именно этим кругом сюжетов обычно ограничены изображения жизненных проявлений военной знати в древности и раннем средневековье. Как и на Ближнем Востоке II тысячелетия до н. э., на Кавказе бронзовые пояса, видимо, не носились с панцирем, а заменяли его. Во всяком случае, вместе с панцирями ни в одном погребальном комплексе они не обнаружены.

Эламские воины во II тысячелетии до н. э. также пользовались боевыми поясами (табл. LVIII, 24), но утверждать, как, впрочем, и отрицать, что частью они были металлическими, пока нет оснований.

Оригинальные бронзовые пояса изготовлялись на западе Ирана в Луристане в конце II — начале I тысячелетия до н. э. Все они обычно богато декорированы (табл. LIX, 16—23) пуансонной чеканкой, геометрическими и крайне схематизированными зоо- и антропоморфными орнаментами, и в этом они близки кавказским. Отличались они тем, что нередко из бронзы был сделан не весь пояс, а только его передняя часть. Эта деталь имеет вид то полосы 50 см длиной и 5—7 см шириной, с закругленными концами, от которых отходят парные завитки (табл. LIX, 19, 20), то подпрямоугольных пластин 20—26 см длиной и 7—10 см шириной (табл. LIX, 17, 21), то крупных дисков диаметром около 15 см (табл. LIX, 22, 23). Поскольку все эти бронзовые детали располагались на поясе, скорее всего, спереди, то это значит, что завязывался пояс (при помощи завязок на концах) всегда сбоку.

В первой четверти I тысячелетия до н. э. пояс, в том числе и металлический, уже прочно входит в комплект снаряжения воина, носящего панцирь (табл. LV, 1—7, 19—25), по-прежнему оставаясь нательным прикрытием практически всех легко- и средневооруженных воинов Ближнего и Среднего Востока, будучи широко распространенным здесь практически повсеместно (за исключением, может быть, Египта). Особенно разнообразны боевые пояса ассирийских воинов. Судя по изображениям, у них преобладали бронзовые пояса старого сиро-палестинского типа — с кантом и петлями для завязок (табл. LVIII, 35, 36). Также на протяжении IX—VII вв. до н. э. встречаются очень широкие пояса-«корсеты», чья кожаная или войлочная основа сплошь обшита прямоугольными подквадратными пластинками с выпуклиной в центре и часто с рельефным кантом (табл. LVIII, 34, 39, 47, 52, 53). Можно предположить появление в VII в. до н. э. ламеллярных поясов-«корсетов» (табл. LVIII, 42, 44, 54, 55).

В IX—VIII вв. до н. э. применялись и мягкие пояса, обшитые круглыми металлическими бляшками, стеганые многослойные, с упругой прокладкой из шерсти, волоса, растительных волокон между слоями (табл. LVIII, 45, 51, 56).

В IX в. до н. э. ассирийские воины носили и по два пояса: очень широкий мягкий и поверх него узкий, из бронзовой полосы (табл. LVIII, 26, 48).

На сиро-месопотамских памятниках искусства IX — начала VIII в. до н. э. можно заметить новую систему застегивания пояса, в которой сочетаются палестинская и кавказская системы: пояс застегивается по-кавказски на крючок, входящий в отверстие на другом конце пояса, но сам крючок в виде плоской, согнутой на конце пластинки прикрепляли подвижно к металлической петле, приделанной тоже подвижно на другом конце пояса, отступая на ладонь от конца пояса, как это делали в Палестине за 1000 лет до этого (табл. LVIII, 7). Реальные бронзовые пояса с такой застежкой, местного изготовления, найдены при раскопках столицы Фригии Гордиона в богатом погребении мальчика (VIII—VII вв. до н. э.) (табл. LIX, 11), на о-ве Хиос (конец VII — конец VI в. до н. э.) [Buchholz, e. a., 1977, рис. 19 а; Young, 1956, с. 267], также в Западном Иране, в Хасанлу; западноиранские образцы чрезвычайно искусно выполнены из бронзы, украшенной чеканкой,

гравировкой, позолотой, и датируются VIII в. до н. э. (табл. LIX, 26, 27) [Winter, 1983, рис. 70].

Боевые урартские пояса из листовой бронзы VII—VI вв. до н. э. (табл. LIX, 1—10) отличаются очень высокими декоративными качествами: покрыты богатой чеканкой с гравировкой, с геометрическими, зооморфными и растительными узорами, изображениями богов, воинов — пеших, конных и колесничных. Стиль декора и форма тяготеют к ближневосточным, но на них часто встречаются прямоугольные концы, а завязки крепятся непосредственно к кожаной основе, что не характерно для поясов Ближнего Востока.

Боевые пояса запада Ирана первой трети I тысячелетия до н. э. приближаются по типу к ближневосточным. Судя по изображениям и находкам (табл. LIX, 24, 25), они сделаны из цельной полосы, кожаной либо бронзовой, шириной около 10 см, с закругленными концами и завязками. Декор бронзовых поясов становится совершеннее по исполнению и разнообразнее: чаще встречаются сложные фигуративные композиции. На одной из статуэток, найденной в Хурвине, можно увидеть широкий пояс-корсет, сплошь обшитый подквадратными пластинами (табл. LIX, 24),— явное заимствование из ассирийской традиции.

Середина I тысячелетия до н. э. — особая и яркая эпоха в развитии боевого панцирного пояса. От времени господства на всем Ближнем и Среднем Востоке Ахеменидов панцирный пояс встречается здесь крайне редко. По ряду греческих вазописных изображений персов (табл. L, 62; LIX, 28) можно с достаточной долей уверенности предположить, что они пользовались поясами шириной 4—6 см, на кожаной основе, на которую чешуйчатым способом нашивали вертикально узкие металлические пластинки, с отверстиями для пришивания вдоль одной из длинных сторон, частично перекрывающие одна другую; пояс окантовывался кожаным кантом. Доказательством бытования у Ахеменидов именно такого доспеха служат железные пластинки из Дафне в Египте (табл. L, 53, 55), датируемые, вероятно, не позднее VI в. до н. э. В то же время пластинки из Зивие, которые Р. Гиршман считает принадлежащими набору пояса и на этом основании относит их к скифским изделиям, на самом деле являются частями панциря, так как имеют четыре отверстия по углам, что совершенно не характерно для скифских поясных пластинок, но хорошо известно для панцирных пластинок этого же региона.

Среди скифского защитного вооружения особое место занимали боевые панцирные пояса. По обилию и разнообразию им нет равных. Как и для панцирей, для скифских поясов характерна исключительная массовость и вариабельность при простоте элементов структуры. Подробно скифские панцирные пояса изучены в работах А. П. Манцевич, которая впервые выделила их в качестве самостоятельного доспеха, А. И. Мелюковой и особенно в монографии Е. В. Черненко о скифском доспехе [Манцевич, 1941; Мелюкова, 1964; Черненко, 1968], поэтому нет нужды повторять все их данные и выводы.

Хотелось бы все же отметить главные особенности скифских боевых поясов. Е. В. Черненко делит их на две основные группы — узкие портупейные (шириной 4—10 см) и широкие защитные (шириной 17—19 см). К узким поясам подвешивали кинжал, меч, горит и топор. Однако, учитывая их сплошное бронирование, защитная их функция также несомненна и не менее важна.

Название «защитные» для небольшой группы очень широких поясов не определяет их отличий в этом отношении от узких, хотя к ним действительно ничего не привешивали. На наш взгляд, пояса, названные Е. В. Черненко «защитными», лучше и точнее называть панцирными «полукорсетами», каковыми они являлись, так как типологически — и по размерам, и по характеру конструкции — они резко отличаются от портупейных.

Защитно-портупейные бронированные пояса (табл. LIX, 33—54) являлись очень распространенным элементом скифской паноплии, хотя встречаются

в погребениях несколько реже панцирей — почти в три раза, как явствует из сводок Е. В.Черненко. Надо учесть при этом, что их, особенно в комплексе с панцирем, заменяли поясами из толстой кожи. Защитно-портупейные пояса носились как с панцирем, так и без него. Ширина их колеблется от 4 до 10 см, концы обычно более или менее закруглены, а иногда и заужены, держались пояса при помощи пары завязок, пришитых к концам кожаной основы. Бронирование в абсолютном большинстве случаев осуществлялось узкими вертикальными пластинками, бронзовыми или чаще железными, в наиболее богатых экземплярах золочеными. Пластинки чешуйчатым способом пришивались к основе через отверстия вдоль одной из длинных сторон. Обычно они прямоугольные, гладкие, но нередки и с внешним краем, вырезанным зубцами, чаще тремя. Характерным их признаком часто является больший или меньший дугообразный изгиб, в результате чего полоса набора оказывалась вогнутой, поэтому пояс плотнее сидел на талии. Пояс имел кожаный кант-валик, что хорошо видно на памятниках изобразительного искусства (табл. LIX, 49) и на дошедших поясах (табл. LIX, 34—37). Кант-валик закрывал верхние и нижние отверстия пластинок.

Известны случаи, когда пояс сшивался из отдельных кусков набора, каждый из которых по периметру имел такой валик-кант (табл. LIX, 40, 40 а).

Очень редко пояс бронировался горизонтальными пластинами (табл. LIX, 51, 54).

Для подвешивания оружия на поясе делались отверстия, также окаймленные кантом-валиком (табл. LIX, 38 в, 42). В этом месте пластины либо отсутствовали, либо были короче остальных. Иногда же на это место в набор вставлялись специальные прямоугольные бляхи с отверстиями (табл. LIX, 45, 52, 55, 56). Но в большинстве сохранившихся поясных наборов никаких зазоров между пластинками, в которых могло бы поместиться отверстие для подвески, не наблюдается. Видимо, в этих случаях петля для подвески предмета просто обвязывалась вокруг пояса либо в соответствующих местах отверстие — узкий горизонтальный разрез — делалось над верхней или под нижней кромкой набора между краем набора и кантом-валиком.

Концы портупейно-защитных поясов иногда оформлялись специальными пластинами (табл. LIX, 37а, 38, 51, 53). На концах у них заметно по паре отверстий более крупных, чем расположенных по периметру, и предназначенных для прикрепления к основе: через эти крупные отверстия продевались завязки. Панцирные защитно-портупейные пояса появляются у скифов не позднее конца VII — начала VI в. до н. э. [Черненко, 1968, с. 71].

К сожалению, вопрос о происхождении панцирных поясов «скифского» типа в литературе даже не ставился, видимо, потому, что они представлялись всем исследователям чисто скифским явлением. Однако отмеченные выше аналогии им в ахеменидской паноплии заставляют задуматься над этим вопросом. Ахеменидские аналогии и факт появления панцирных поясов с чешуйчатым набором у скифов уже в конце VII — начале VI в. до н. э., причем в развитом виде, позволяют предположить, что пояс «скифского» типа был изобретен либо совместно скифами и персами (или мидянами) во время тесных контактов скифов с населением Ближнего Востока, либо скифами в период их пребывания на территории Северо-Западного Ирана, где был заимствован у них персами и мидянами. Не исключено и заимствование персами чешуйчатых поясов у скифов со времени похода Дария на них в конце VI в. до н. э. Надо сказать, что при большой схожести скифские пояса отличались от персидских вогнутостью пластин брони. Это скифское усовершенствование было крайне функциональным; оно увеличивало прочность пояса и обеспечивало его устойчивость на корпусе воина. Ведь бронированный пояс, обладая значительным весом (около 1 кг и более), отягощенный подвешенным

к нему оружием, вес которого мог составлять от 3 до 5 кг, неминуемо должен был сползать с талии вниз.

Наиболее ярко скифское изобретение — применение гнутых, сложно-профилированных металлических пластин — проявилось в поясах-«корсетах», впервые выделенных Е. В. Черненко (табл. LIX, 31—32 б). Они отличаются большой шириной — более 15 см и иным, чем в портупейно-защитных поясах, характером чешуйчатого набора. Здесь он совершенно такой же, как и в панцирях, той же формы и пластины. Верхние и нижние ряды набора такие же, как у панциря, но между ними помещен ряд особо длинных, глубоко вогнутых пластин, за счет чего корсет, несмотря на вес, приближающийся к 3 кг, держится на корпусе без дополнительных креплений, только на двух парах завязок, пришитых к кожаной толстой основе, что прослежено на сохранившемся доспехе из кургана № 2 у с. Щучинка [Черненко, 1968, с. 70]. Пояс-«корсет» известен у скифов со второй половины VI в. до н. э. [там же, с. 174]. Любопытно было бы связать его происхождение с египетскими чешуйчатыми панцирями-«корсетами». Вместе с тем скифский доспех является не собственно панцирем, а именно поясом; будучи найден вместе с настоящим панцирем, только коротким, он служил прикрытием торса в районе пояса [там же, рис. 18, 2]. Либо же он мог употребляться в сочетании с небольшим щитом, закрывавшим только верхнюю часть груди [Горелик, 1977, с. 149]. Да и сама идея широкого пояса-«корсета», как мы видели, была характерна не только для Египта, но и для Северо-Западного Ирана начала I тысячелетия до н. э., Ассирии VII в. до н. э. (табл. LVII, 17), а также ряда районов Южной Европы. Скифы если и заимствовали идею, то ее воплощение было здесь сугубо оригинальным, местным.

Определенную реальную защитную функцию несли и скифские парадно-ритуальные пояса (табл. LIX, 55—58), кожаная основа которых обшивалась бронзовыми массивными либо даже золотыми бляхами — литыми фигурными, в «зверином» стиле, или тонкими чеканными, с зоо- и антропоморфными мотивами. Несомненно; для самих скифов основу защитных свойств этих поясов составляли магические силы изображений на бляхах. Тем более что такие пояса иногда находят вместе с панцирными портупейно-защитными поясами.

Восточнее территории обитания скифов, синдов и меотов панцирные пояса встречаются в «скифское» время только у скотоводов среднеазиатских и центральноазиатских степей и горных долин. О массагетских поясах, украшенных золотом, упоминает Геродот (Геродот I, 215), но здесь мы имеем дело с ритуально-парадным поясом. Из археологических памятников сакской территории известно не очень много боевых поясов. Наиболее ранние из них датируются концом VII—VI в. до н. э. и найдены в Центральном Казахстане, на Восточном Памире и Алтае (табл. LIX, 64—71). Пояса узкие, шириной 3—4 см. От памирского пояса сохранился и кожаный ремень двойной толщины, т. е. полоса кожи складывалась по длине наверху и снизу, таким образом, на оборотной стороне получался стык. Бронзовый набор представлял собой прямоугольные литые обоймы, насаженные на ремень на некотором расстоянии друг от друга. Казахстанские экземпляры украшены рядами выпуклых точек либо снабжены (каждая вторая обойма) дополнительными петельками на тыльной стороне, куда продевался дополнительный узкий ремешок, концы которого служили завязками пояса. Рядовые обоймы дополнялись обоймами с отверстиями для подвески снаряжения, т. е. пояса служили портупеей. К набору относились и петли со шпеньками, служившие той же цели. Пояса V—III вв. до н. э. из Казахстана (табл. LIX, 70, 71) в целом продолжали старую традицию в конструкции. Несколько видоизменяется лишь оформление обойм, которые становятся фигурными — бипирамидальными, прорезан-

ными. Их также дополняют обоймы с отверстиями и петли со шпеньками для подвески. На одном из поясов имеется подтреугольная концевая обойма. Изображения поясов ранних саков пока неизвестны.

Приходится сразу же признать, что сакские бронированные пояса резко отличаются от скифских. Нет аналогий раннесакским поясам и у соседей саков на юге и востоке. Только в ананьинской культуре Прикамья в Зуевском могильнике мы находим пояс с подтреугольными прорезными концевыми обоймами (табл. LIX, 59). Генезис сакских панцирных поясов представляется сложным. Бронзовые обоймы на поясе середины II тысячелетия до н. э. встречаются в Средней Азии, хотя и в единичных случаях: в количестве 7 штук они найдены на поясе в женском захоронении в районе Самарканда (Самаркандский историко-художественный музей, экспозиция).

Если мы обратимся к предсакскому — «киммерийско-карасукскому» периоду (приблизительно XII—VII вв. до н. э.), то увидим, что пояса с бронзовыми прорезными обоймами, особенно с подтреугольными концевыми, имели широчайшее распространение в Евразии. Их изображения встречаются на каменных стелах от юго-востока Европы до Подунавья [Членова, 1975], их детали найдены в Волго-Камье, на Украине, в Болгарии, Румынии и Венгрии [Горелик, 1987, с. 128]. В это же время от Монголии до Подунавья распространились 8-образные бляшки, которые в VII—V вв. еще изредка встречаются у скифов и племен ананьинской культуры (табл. LIX, 55, 56, 61, 62). Не исключено, что бипирамидальный силуэт сакских поясных обойм восходит к 8-образному силуэту киммерийско-карасукских бляшек.

Как мы видим, раннесакские портупейные пояса имеют весьма древнее происхождение и сохраняют признаки, выработанные в древности, хотя старые формы приобретают у них вполне самобытный облик.

Восточнее Алтая бронированные пояса стали встречаться среди археологических находок только недавно. В кургане 4 (середина VII в. до н. э.) могильника Усть-Хадынныг I в Туве обнаружен кусок кожаного пояса, часть которого унизана бронзовыми обоймами с изображениями горных козлов и хищных птиц [Грач, 1980, с. 30, вкладка III, 21]. В погребениях 43 и 60 в Маоцингоу во Внутренней Монголии, датированных около V в. до н. э., найдены бронзовые обоймы, сплошь унизывающие длинные боевые пояса [Ван Жэньсян, 1986, рис. 6]. Обоймы здесь крайне схожи по форме с памирскими сакскими (табл. LIX, с. 66), причем у них сзади были петельки для узкого ремешка-завязки, как у сакских обойм — казахстанских и некоторых памирских (табл. LIX, 68) [Литвинский, 1972, табл. 7, 11, 21], датируемых тем же временем и даже более ранним. Застегивались пояса из Внутренней Монголии при помощи круглой пряжки со шпеньком, вставлявшимся в прорезь или петельку на другом конце ремня. Сама же пряжка иногда имела прямоугольную рамку сбоку, так что ремень мог крепиться не только непосредственно к самому кольцу пряжки, но и к рамке. Такие пряжки, впервые появившиеся, как показала М. Н. Погребова, в Закавказье около VIII в. до н. э., получили распространение и в Иране (Р. Гиршман считал их кольцами для натягивания тетивы), и во всей степной зоне Евразии, где в большинстве случаев применялись в качестве подпружных пряжек. Пояс из Тувы, еще по «карасукской» традиции, имел концевую обойму, но уже «по-скифски» она кончалась плоскостью с двумя отверстиями для тонких ремешков завязок. Казахстанские же пояса имеют обойму, отличающуюся от рядовых наличием крупного шпенька, который вставлялся в прорезь на широком основном ремне. Этой обоймой был снабжен, видимо, дополнительный ремень, который одним концом пришивался к основному ремню, другим к нему же крепился при помощи шпенька. Назначение же этого ремня видно из персепольских рельефов: к нему крепилась лопасть ножен акинака (табл. XI, 82). В целом же традицию боевых

поясов, применявшихся жителями Средней и Центральной Азии в середине I тысячелетия до н. э., можно считать местной, восходящей к II тысячелетию до н. э.

И все же на востоке зоны степей в XII—III вв. до н. э. господствовали мягкие, кожаные, могущие нести и защитную функцию и реже тканые портупейные пояса, узкие или средней ширины [Волков, 1981, с. 111, 237]. Их остатки, относящиеся к «скифскому» времени, иногда находят в курганах Алтая и Тувы, причем с прорезями для подвески оружия, сумок, нередко с металлическими пластинами с отверстием для той же цели. Известны и сакские парадно-ритуальные пояса. Особенно выделяется пояс из кургана Иссык в Семиречье, украшенный тремя массивными бляхами в «зверином» стиле и вследствие их нечетного количества, вероятно, завязывавшийся на боку [Акишев, 1978, с. 50, 51], что, как отмечалось выше, было характерно для западноиранских бронированных поясов на рубеже II—I тысячелетий до н. э.— в начале I тысячелетия до н. э.

Б. Защитные прикрытия верхней части торса

На древнем Востоке к защитным прикрытиям верхней части торса относятся различные типы металлических пекторалей — крупных пластин обычно луновидной формы, привешиваемых за шею, и крупных нагрудных (и наспинных) пластин, державшихся на корпусе на перекрещенных ремнях. Нашейные украшения известны уже на весьма ранних стадиях развития культуры. Их значение для древних людей как магической защиты крайне важного и опасного места — горла и верха груди, где по представлениям многих народов обитает душа человека. И уже на ранних этапах развития культуры, еще до эпохи металла, пектораль очень крупных размеров из твердого материала становилась защитным доспехом, согласно этнографическим данным, например, у папуасов Новой Гвинеи [Gamber, 1966, рис. 20 а].

На древнем Востоке в рассматриваемый период носимая на шее пектораль из металла так и не переросла в самостоятельный доспех, как это произошло в Европе [Gamber, 1978, рис. 341, 342, 344], хотя широко применялась в качестве украшения на Ближнем и Среднем Востоке: в форме массивных гривен в Палестине конца IV — начала II тысячелетия до н. э., в Месопотамии II тысячелетия до н. э.; на Кавказе и в урало-сибирских степях второй половины II тысячелетия до н. э. (табл. LVII, 2, 2а, 9, 10) [Мартиросян, 1969, табл. XXIX, 3; XXX, 19, 24; Сальников, 1967, рис. 7, 21; Müller-Karpe, 1974, табл. 225, 30; 250, B 24, B 7; 253, A 10; 258, A 12; 285, 27], крупных подвесных дисков (булл) в Месопотамии, Сирии-Палестине, Малой Азии III—I тысячелетий до н. э. (табл. LVII, 3—5) [Müller-Karpe, 1974, табл. 173, 44; 258, A 26; B—1—4; 273, B; Müller-Karpe, 1980, табл. 121, 40, 42] и, наконец, в форме луновидных пекторалей, подвешиваемых за отверстие или петлю в середине у края, с концами, обращенными вниз, на Ближнем Востоке III—II тысячелетий до н. э. [Müller-Karpe, 1980, табл. 171, 36, 37, 45], либо подвешиваемых за отверстия в концах, направленных вверх, на Ближнем Востоке и Среднем Востоке, Кавказе и в степях Евразии в конце II — первых веках I тысячелетия до н. э. (табл. LVII, 7, 8, 11, 12, 12 а) [Патрик, 1967, табл. 2, 9, 11; Матье и др., 1968, ил. 265а, б; 279 а; Orthman, 1975, рис. 411].

Боевая функция наиболее ясно просматривается в массивных бронзовых подвесных пекторалях луновидной формы, применявшихся в Центральной Азии от границ с Великой Китайской равниной (табл. LVII, 11) до Южной Сибири с конца II тысячелетия до н. э. до VI—V вв. до н. э.

Воинскими доспехами, носимыми самостоятельно или нашивавшимися на кожаную основу мягкого панциря, практически все исследователи считают крупные бронзовые пекторали VIII—VII вв. до н. э., найденные на Западном Кавказе — от Эшери в Абхазии до Бештау и Султан-горы в районе Пятигорска — Кисловодска [Иессен, 1954, с. 124—126; Черненко 1968, с. 126], оспаривая мнение Б. А. Куфтина, считавшего эшерскую пекторали частью культового облачения [Куфтин, 1949, с. 164—166]. На самом же деле эти пекторали никак не могли в силу своего размера защищать горло и верхнюю часть груди: наложенные на грудь человека, они открывали именно это место, защищая только боковые стороны груди и живот. Не может быть никакого сомнения, что они являлись конскими доспехами, прикрывавшими низ шеи коня,— местными вариантами ассирийских конских пекторалей IX в. до н. э., прекрасно известных по многочисленным ассирийским рельефам. Некоторые сомнения в подобном отождествлении может вызвать султангорская пектораль, так как у нее не два рога-отростка, а три, но все сомнения исчезают благодаря рисунку на одном из синхронных ей бронзовых поясов из Санаина в Армении, где на шее у запряженных в боевую колесницу коней изображены точно такие «трехрогие» пекторали [Мартиросян, 1969, табл. XXXIX, 3]. С большей долей вероятности достоверную реальную боевую функцию человеческих подвесных пекторалей можно предположить для пекторали, надетой на сражающемся воине (боге? герое?) на одной из сирохеттских (хурритских) печатей середины третьей четверти II тысячелетия до н. э. (табл. LVII, 6), и для одной из лурестанских, бронзовых, начала I тысячелетия до н. э., пекторалей, и для пекторали из Ура VIII—VII вв. до н. э., принимая во внимание их большую ширину и массивность (табл. LVII, 8, 21 а).

Массивная, защищавшая всю грудь бронзовая пектораль в форме языка, датируемая серединой I тысячелетия до н. э., найдена в Корее (табл. XLIV, 52), прямоугольная — во Вьетнаме (табл. XLIV, 55).

Интересным видом защитного вооружения является доспех, состоящий из одного или пары крупных металлических дисков, держащихся на корпусе с помощью перекрещенных ремней и защищающих середину груди (и спины, если диски парные).

Прототипом такого доспеха послужил бронзовый диск с двумя петлями середины III тысячелетия до н. э., найденный в Кише (табл. LVII, 1). Данный доспех хорошо известен по ассирийским рельефам VIII—VII вв. до н. э. (табл. LVII, 14—20). Он использовался воинами средней пехоты всех родов оружия, надевали его на рубаху. Один раз на рельефе VIII в. до н. э. встречено изображение диска на ремнях, надетого на пластинчатый панцирь (табл. LVIII, 15). Диск на ремнях зафиксирован на ассирийском рельефе VII в. до н. э. у эламского воина, но это единичный случай.

О. Гамбер связывает появление дисков на ремнях на Ближнем Востоке с ираноязычными племенами Западного Ирана, почему-то считая этот доспех — в комплексе с боевым поясом — специфически, «национально» иранским [Gamber, 1978, с. 192]. На самом же деле комплект из пояса и перекрещенных перевязей был известен, как мы знаем, уже в Шумере III тысячелетия до н. э. С этого же времени в Месопотамии применялись и металлические нагрудные диски, защитные и декоративные. Соединение этих элементов — дисков и скрещенных перевязей — и могло породить данный ассирийский доспех. Свою гипотезу О. Гамбер строит на находке бронзового, покрытого чеканенными узорами диска из долины р. Сефидруд, датируемого около 1000 г. до н. э., уже рассмотренной фигурке из Хурвина (около VII в. до н. э.) и золотой пластины в виде розетки из пяти соединенных вместе дисков из скифского комплекса в Феттерсфельде, VI в. до н. э. [Gamber, 1978, с. 192].

Сефидрудский диск (табл. LVII, 13) был нагрудной броней, на его изнанке есть четыре скобы для продевания ремней, но в равной мере он мог быть

и умбоном щита. То же можно сказать и о пластине из Феттерсфельде. Правда, в феттерсфельдском комплексе есть золотая же пластина в виде рыбы, которая, скорее всего, относилась к декору щита, а сосуществование в одном комплексе сразу двух щитов с золотыми фигурными бляхами труднопредставимо. Так что вероятность функционирования «пятидисковой» феттерсфельдской пластины в качестве нагрудного украшения велика, но она: а) не является доспехом, б) крепилась, возможно, к сплошной основе, а не висела на ремнях и в) моложе ассирийских доспехов. На статуэтке же воина из Хурвина (табл. XLVIII, 102) изображена панцирная, пластинчатая перевязь, а отнюдь не нагрудная пластина на ремнях.

«Исконно иранский» же защитный комплекс, состоящий из нагрудной пластины и пояса, реконструируемый О. Гамбером, не находит подтверждения ни в самих вещах, ни в их датировках.

Идея нагрудно-наспинных пластин на ремнях, ненадолго, на два века, заняв умы ассирийских бронников, оказалась исключительно популярна на юге Западной Европы — на Апеннинском полуострове, где с VIII в. до н. э. появляются подквадратные, а позднее и круглые пластины, висящие на ремнях [Connolly, 1978, с. 12, 17, 18; Stary, 1981, рис. 1, 5; 2, 8; 3, 1; 5, 7, 8; 7, 3; 8, 8; 9, 9; табл. 42, 2; 61; 62; 64; 65].

Защитную боевую функцию могли нести широкие наплечные воротники в древнем Египте (табл. XLVII, 25), известные там еще с эпохи Древнего царства. Но на воинах они изображались только с начала II тысячелетия до н. э. и после этого становятся частым элементом воинского облачения в Египте. Их реальная функция вначале, не считая магической функции оберега, была вполне мирной и заключалась, видимо, в предохранении плеч от солнечного ожога, и поэтому ранние воротники, судя по белому цвету, делались просто из куска полотна. Позднее парадные воротники знати и царей стали представлять собой роскошную и сложную конструкцию из мелких деталей, сделанных из цветной пасты, драгоценного и полудрагоценного камня, драгоценного металла. Воинские воротники, также предохраняя от ожога, могли быть и защитными — от оружия. На изображениях они белые, видимо, их делали из нескольких слоев льняного полотна, проложенного толстой кожей или упругой массой.

Приходится согласиться с идеей Г. Е. Евдокимова и А. И. Минжулина о существовании у скифов гибких наспинных щитов. Именно таковыми являются щит всадника на солохском гребне (табл. LII, 2) и щит из красноподольского кургана (табл. LVII, 25, 25а). Взяв за основу изображение на каменном изваянии из окрестностей Евпатории (табл. LVII, 24), можно реконструировать панцирь с таких щитом (табл. LVII, 24а, 25б).

Определенное развитие защитные элементы для прикрытия верха корпуса получили на востоке Азии. В ляонинском «варварском» могильнике Чжэнчжавацзы VI—V вв. до н. э., в погребении, где были найдены и упоминавшиеся выше, обшитые бляшками, боевые сапоги, была обнаружена пара наплечников (табл. XLIX, 51—51а) подтреугольной формы, причем разных: один симметричный, с заостренным концом, прочеканенным орнаментом и ребром жесткости вдоль короткой прямой стороны 16 см длиной, второй — с закругленным концом и изогнутый по горизонтальной оси, длиной 20 см. Оба наплечника слегка выпуклые и прикреплялись к корпусу воина ремешками или тесемками, пропущенными через петли на тыльной стороне. Почти такой же, как и второй чжэнчжавацзыйский, наплечник найден в Корее, в районе Кёнчжу (табл. LVII, 26, 26а), датируемый несколько позже ляонинского, но, будучи его дериватом, имеет некоторые отличия: он крупнее — 31 см в длину, имеет несколько более сложную форму и богаче украшен литыми узорными каймами, сугубо местной по стилю гравировкой, изображающей животных. На

изнанке наплечника имеется четыре отлитые вместе с ним петли по углам, за которые он привязывался к телу.

В самом конце рассматриваемого в книге периода можно предполагать появление в Юньнани и Северном Вьетнаме бронзовых нагрудных прямоугольных пластин, защищающих район солнечного сплетения, крупных, около 25—30 см в длину, обычно богато украшенных гравированным геометрическим узором, с четырьмя отверстиями по углам, куда продевались веревки или ремни, крепившие двумя петлями — вокруг шеи и поперек груди — пластину на корпусе воина (табл. XLIX, 55).

Защитные прикрытия верхней части корпуса, за небольшими исключениями, не получили в Азии и Северой Африке большого развития и широкого распространения (в этом было отличие Востока от Центральной и Западной Европы, с самого начала развивавшей традицию изготовления гомогенного металлического доспеха). В Азии, за редким исключением, подобные вещи служили чаще только украшением, элементом магической защиты, оберегом.

В. Прикрытия нижней части корпуса

Нижнюю часть корпуса прикрывали в бою защитные юбки, набедренники, набрюшники.

Защитная «юбка» была очень редким доспехом, использовавшимся в рассматриваемую эпоху на Ближнем и Среднем Востоке, причем она всегда бронировалась твердым материалом и в силу предъявляемых к ней требований максимальной эластичности всегда гетерогенна по структуре.

Разумеется, панцирные «юбки» для удобства надевания и ношения должны были быть распашными.

Древнейший образец панцирной «юбки» можно видеть на глиняной плакетке из Телль-Асмара, датируемой концом III — первыми веками II тысячелетия до н. э. (табл. XLVIII, 6). Месопотамская панцирная «юбка», как и обычные юбки шумерской знати, очень длинная, до лодыжек, окаймлена фестонами. Ее мягкая основа сплошь обшита круглыми металлическими бляшками, т. е. здесь применено пластинчатое бронирование. Панцирная «юбка» изображена надетой на персонаж очень высокого ранга (царя? бога?) и сочетается с наплечным доспехом, пластинчатым же (?) «пончо-эгидой».

В XV—XIII вв. до н. э. панцирную «юбку» применяли в Египте: она изображена на бронзовой статуэтке бога Онуриса в собрании Государственного Эрмитажа (табл. L, 10) и на фараоне Тутмосе IV (табл. LVII, 48). Египетская «юбка» тоже очень длинная, до щиколоток, но в соответствии с передовыми достижениями бронников II тысячелетия до н. э. она ламеллярная, из крупных «перьевидных» пластин, соединенных в шесть рядов. Она также носилась в комплекте с панцирем — типично египетским чешуйчатым «корсетом-кирасой».

Применение панцирных, ламеллярных «юбок» можно предполагать в Северной Месопотамии в середине II тысячелетия до н. э. (табл. LIV, 28).

Наконец, для VIII—VII вв. до н. э. известны финикийские панцирные «юбки». Они также очень длинные, до щиколоток. Не исключено, что они прикреплялись к боевому поясу. «Юбки» VIII в. до н. э. ламеллярные (табл. LV, 7), VII в. до н. э.— из мягких материалов, проложенные упругой массой и простеганные в несколько слоев (табл. XLVII, 54). Финикийские «юбки» из мягких материалов были обычно, в случае их использования, единственным (кроме пояса) прикрытием корпуса, тогда как ламеллярные «юбки» надевались поверх стеганого мягкого панциря покроя типа IV, т. е. во всех случаях ее ношения в Восточном Средиземноморье, которое было

единственным регионом ее широкого распространения* (в VIII—VII вв. до н. э.), она оказывалась более фундаментальной защитой, нежели прикрытие верхней части корпуса. Это пока труднообъяснимо, так как на сиро-финикийских изображениях воины в защитных «юбках» воюют без щитов, которые по логике вещей должны компенсировать более слабую защиту или ее отсутствие верхней части корпуса (табл. XLVII, 54, 55, LV, 7).

Набедренники, прикрывающие и защищающие ляжки воина как самостоятельный доспех, совершенно не характерны для изучаемой территории. Надо сказать, что и в Европе они применялись лишь в Греции и Италии в VI в. до н. э., где они изготовлялись из бронзы или твердой кожи и напоминали по форме и конструкции гомогенные боевые пояса, только очень широкие и охватывающие ляжку воина. Вероятно, поздними дериватами греко-италийских образцов являются две пары набедренников из листовой бронзы, найденные в погребениях IV в. до н. э. в Грузии, в Вани (табл. LVII, 46), и в Прикубанье, в кургане у с. Курджипс. Обе пары прямоугольной формы, длиной около 20 см, немного меньше шириной, с слегка скругленными углами, немного выгнутые поперек длинной оси, с отверстиями по периметру для пришивания мягкой подкладки; они защищали только переднюю часть ляжки и держались на ней при помощи двух-трех пар завязок. На набедреннике из Вани прослеживается гравированная кайма и слабая, но видимая чеканная проработка мускулатуры, выдающая руку греческого мастера либо подражание греческой панцирной традиции.

Совершенно оригинальны имеющие другую конструкцию и происхождение скифские набедренники конца V — первой половины IV в. до н. э., найденные в одном из курганов у с. Красный Подол на Херсонщине (табл. LVII, 29—29б). Этот чешуйчатый железный, на кожаной основе доспех представляет собой полосу 101 см длиной и 25 см шириной, по бокам которой вниз отходят две квадратные лопасти со стороной 25 см. Набедренник завязывался спереди и защищал таз и верхнюю половину ляжек воина. Генетически он связан со скифскими же, описанными выше панцирными лопастевидными наножниками, являясь, в сущности, их укороченным вариантом и чуть отличаясь тем, что пояс наножников завязывался сзади, а поясничная часть набедренников — спереди. Кстати, в этом же погребении были обнаружены и наножники, которые носились с панцирем. Набедренники же носились вместе с набрюшником.

Набрюшники в качестве самостоятельного доспеха были на древнем Востоке достаточно редки, изобретались и применялись спорадически в различных местах и в разное время. Самые ранние известны нам в Египте (не позднее XIV в. до н. э.) и только по изображениям. По форме они напоминают длинный каплевидный, острым концом вниз, фартук (табл. XLVII, 22, 23). Изготовлялись они, судя по белому цвету, из нескольких слоев льняного полотна или войлока, проложенных упругим материалом — ватой, шерстью, или льняными оческами — и простеганных несколькими замкнутыми линиями, повторяющими, постепенно уменьшаясь к середине, контур изделия. Носили набрюшник, прикрепив к поясу. Форма египетского набрюшника очень рациональна: широкий сверху, он надежно защищал живот, а его нижний узкий конец не мешал ходьбе и бегу, болтаясь между ногами.

Ламеллярный набрюшник-фартук можно усмотреть на одной из североме-сопотамских печатей середины II тысячелетия до н. э. (табл. LIV, 29).

Панцирные набрюшники обнаружены также в составе скифской паноплии V—IV вв. до н. э. Один из них найден в кургане у с. Красный Подол (табл. LVII, 31—31 г) и представляет собой железный чешуйчатый доспех. Верхняя часть его — пояс, завязывавшийся на боку, от него спереди спускается

* Защитные «юбки» — ламеллярные (табл. LVII, 27), чешуйчатые (табл. LVII, 28) и обшитые круглыми бляшками (табл. XLVIII, 104) — иногда применялись и в Иране в VII — V вв. до н. э.

«фартук» около 60 см шириной и немногим более 30 см длиной, слегка сужающийся и закругленный снизу. Приблизительно в середине «фартука» в броне имелся горизонтальный сплошной зазор для максимальной подвижности доспеха при езде верхом. Чешуйки набора ниже зазора более мелкие, а чешуйки, бронирующие переднюю часть пояса,— более крупные и вогнутые, как на защитно-портупейных поясах, что обеспечивало более крепкое положение доспеха на талии. Второй скифский набрюшник из бронзовых чешуек (выражаем благодарность В. Ю. Мурзину за возможность изучения и публикации сделанной им находки) (табл. LVII, 30—30а) был найден в урочище Бутова долина у поселка Великая Богачка Полтавской области. Чешуйчатая броня представляет прямоугольник 35 см длиной и 13 см шириной с закругленными нижними углами. Чешуйки нашиты в семь рядов, причем в двух нижних они крупнее, что типично и для набора скифских панцирей. Видимо, здесь была бронирована только нижняя часть «фартука». Недавно на Северном Кавказе были найдены набрюшники из полос бронзы (табл. LVII, 32, 32а).

Если в Египте набрюшники использовала пехота и их появление связано, на наш взгляд, со значительным уменьшением размеров щита, то набрюшники у скифов служили доспехом для конников. Действительно, низ живота всадника, сидящего в седле без высоких твердых лук, даже при наличии панциря был особенно уязвим со стороны пешего противника (а ранение в живот не только сразу выводило воина из строя, но в то время практически всегда приводило к смертельному исходу).

Скифские набрюшники можно было бы считать местными и по происхождению, если бы не точные аналогии им у этрусков [Gamber, 1978, рис. 337], а ввоз доспехов в Скифию из Италии сейчас достаточно отчетливо прослеживается [Горелик, 1971, с. 240; Горелик, 1983]. Этрусские же набрюшники являются чешуйчатыми дериватами раннегреческих набрюшников «митрэ», ковавшихся из листовой бронзы и прикреплявшихся подвижно к подолу цельнокованных кирас [Buchholz, e. a., 1977, рис. 22, 23, табл. X, XI], но иногда, видимо, носившихся и как самостоятельный доспех, прикрепленный к кожаному поясу.

Недавно в нескольких скифских погребениях конца V — начала IV в. до н. э. в комплексах с чешуйчатыми панцирями, наножниками и щитами обнаружены нигде более не встречающиеся прикрытия нижней части торса — чешуйчатые прямоугольные «назадники» и прямоугольные и треугольные «гульфики». Они крепились к подолу панциря или к специальному поясу; нижний конец «гульфика» двумя ремешками, пропущенными между ног, привязывался к нижним углам «назадника» *.

Как видим, прикрытия нижней части торса на древнем Востоке имели несколько большее значение, нежели прикрытия верхней части торса, хотя территория их применения гораздо уже. Дело тут, видимо, в том, что подобные прикрытия на Ближнем и Среднем Востоке заменяли целый панцирь в тех случаях, когда воин, желая облегчить общий вес своего защитного вооружения, считал достаточным прикрыть верхнюю часть торса щитом, в то же время опасаясь за безопасность нижней части торса. У скифов развитие такого рода защитных прикрытий диктовалось как схожими причинами, так и задачами всемерного увеличения защитного эффекта доспеха всадника для максимальной безопасности последнего во время боя с пешим противником, вооруженным клинком или копьем.

Вообще, почти всегда развитие защитных прикрытий нижней части торса происходило на фоне развития полного панциря: их практически не было там, где панцирь не использовался.

---

* Автор выражает глубокую признательность Г. Е. Евдокимову и А. И. Минжулину за сведения об этих интереснейших, пока не опубликованных материалах.

Г. Прикрытия конечностей

На древнем Востоке в рассматриваемый период самостоятельный доспех для прикрытия конечностей встречается редко, а для рук его практически не существовало.

Предплечья или рука целиком защищалась нарукавьями панцирей. В определенной мере руки воина защищали широкие массивные браслеты из металла, но главная их функция представлялась защитно-магической (не случайно они нередко украшались изображением змеи, как пояса и нашейные детали) и декоративно-репрезентативной, так как наряду с нашейными украшениями они являлись основными внешними зримыми показателями социального положения владельца.

Единственным образцом самостоятельного наручного доспеха на древнем Востоке до III в. до н. э. можно считать, согласно мнению Дайсона, боевую перчатку или, скорее, рукавицу, обшитую мелкими круглыми бронзовыми бляшками, найденную в Хасанлу, на северо-западе Ирана, на костях руки воина [Dyson, 1959, с. 12—14] и датируемую VIII в. до н. э.

Поножи, датируемые до VI в. до н. э., на Востоке встречены только один раз, в Египте (начало XIV в. до н. э.) (табл. LVII, 33); кожаные или матерчатые, они прикрывали голень спереди, привязанные к ней тремя парами завязок.

В VI в. до н. э. поножи использовали фригийцы и лидийцы (табл. LVII, 34—37), но здесь, несомненно, нужно видеть заимствование у греков.

Пожалуй, самой большой популярностью на древнем Востоке поножи пользовались у ираноязычных народов, у которых, видимо, бытовали очень давно. Так, под названием ranapo, ranapano поножи упоминаются в «Авесте».

Чешуйчатые наножники, соединенные с панцирем, мы уже отмечали выше у ахеменидских персов и скифов. Кроме них скифы употребляли и наголенники греческой выделки — кнемиды [Мелюкова, 1964; Галанина, 1965; Черненко, 19687], нередко переделывая их таким образом, чтобы они не мешали при езде верхом, на шенкелях, контакту ноги с боком коня, необходимому для управления животным. Для этого у кнемиды удалялась коленная часть, а иногда и кусок, защищающий внутреннюю часть голени, ненужный для всадника (табл. LVII, 45). Колено могли после удаления верхней части кнемиды прикрывать и наколенником в виде низкого кожаного или металлического конуса с кантом-валиком, как это видно на изображении, вычеканенном на золотой пластинке из Геремесова кургана (IV в. до н. э.) [Горелик, 1971, с. 243—244] (табл. LVII, 44, 44а).

Известны и наголенники местного, скифского и синдо-меотского типа, найденные в Прикубанье и датируемые V—IV вв. до н. э. Они изготовлялись из длинных узких бронзовых пластин, нашитых на кожаную основу трапециевидной формы, слегка расширяющуюся кверху, с кожаным валиком-кантом.

По счастью, до нас дошел совершенно целый экземпляр бронзового наголенника V в. до н. э. из погребения в Нимфе, ныне хранящийся в Оксфордском музее Эшмола (табл. LVII, 42). Он состоит из 13 бронзовых полос около 25 см длиной каждая, нашитых на кожаную основу трапециевидной формы шириной в более широкой, верхней части около 20 см. Внизу в наборе сделан небольшой дугообразный вырез, чтобы наголенник не тер подъем стопы. Каждая полоса имеет один закругленный под прямым углом длинный край, полосы уложены, перекрывая слегка друг друга по горизонтали: это, как и отогнутые внешние края полос, придает дополнительную прочность доспеху. Так же к V в. относятся бронзовые пластины наголенников из 4-го Семибратнего кургана (табл. LVII, 43). Они отличаются от пластин нимфейского наголенника несколько большей длиной — около 33,5 см.

Пока трудно утверждать, были ли полосчатые наголенники локально прикубанским, синдо-меотским доспехом или все же общескифским. В пользу последнего мнения говорит факт бытования таких наголенников во Фракии (а скифы жили как раз между синдо-меотами и фракийцами), судя по их четкому изображению на серебряной пластинке из Летницкого клада [Горелик, 1971, рис. 8б], не ранее IV в. до н. э., а также то, что таким же образом бронировались скифские щиты, как мы увидим ниже.

Обычно скифские полосчатые наголенники считаются чисто местными по происхождению, и для этого в общем есть все основания. Но на одном из греческих белых арибаллов, датируемом началом V в. до н. э., мы находим изображения восточного «варвара» (которых греки рисовали с малоазийских подданных Ахеменидской державы, чаще всего с персов, а также анатолийцев), на котором надеты полосчатые наголенники (табл. LVII, 23). Левый наголенник совершенно аналогичен скифским, правый же более высок, прикрывает и колено, и потому для увеличения вертикальной эластичности набран из двух рядов более коротких полос. Кроме того, на правой руке у него полосчатый же налокотник. Поскольку это изображение старше известных скифских наголенников, можно предположить, что последние могут быть заимствованы из ахеменидской Малой Азии.

Если нам пришлось констатировать отсутствие у саков вплоть до рубежа V—IV вв. до н. э. тяжелого панциря из твердых материалов, то именно в этом регионе заметно развитие ножных доспехов. В 1-м Туэктинском кургане на Алтае (VI в. до н. э.).) найдена деревянная поножа (табл. LVII, 38, 38а), состоящая из двух частей: более широкой и короткой — для прикрытия ляжки, более узкой и длинной — для защиты голени. Ремешками, продетыми через отверстия на концах, части соединялись между собой (не исключено, что обе части прикреплялись к одной длинной кожаной лопасти), и вся поножа крепилась к ноге у лодыжки, под коленом и вокруг ляжки; верхним краем поножа привязывалась к поясу. Поножа украшена полукруглыми фестонами по длинным сторонам и покрыта резным чешуйчатым орнаментом. Происхождение этого доспеха можно считать местным, так как к VI в. до н. э. ни у одного из народов, окружающих Алтай, да и всю Среднюю и Центральную Азию, ничего подобного не было. Вместе с тем можно предположить и некие, весьма отдаленные импульсы к созданию подобной защиты ног со стороны скифской и персидской традиций доспеха, а также — еще более отдаленные — от античного мира: как раз в VI в. до н. э. в балканской и италийской Греции («Великой Греции») получила широкое распространение двухчастная защита ног, состоящая из бронзовых цельнокованных наголенника-кнемиды и набедренника-парамеридии [Gamber, 1978, рис. 290, 291]. Но если подобный импульс и имел место, то сакская дощатая поножа ни по форме, ни по декору ничем не напоминает бронзовые античные доспехи, натуралистически передающие мускулатуру ног и совершенно отличаясь по структуре от чешуйчатых и полосчатых персидских и скифских доспехов.

Следующий этап развития сакских поножей, уже в комплекте с тяжелым панцирем из твердого материала, приходится на IV—III вв. до н. э. К этому времени относится упоминавшееся выше изображение вереницы конных латников на золотом навершии из «Сибирской коллекции Петра I» в Государственном Эрмитаже. На нем мы видим поножи (табл. LVII, 39—41) разных типов, например, поножи, целиком набранные из сомкнутых или, вероятнее, дуговидных горизонтальных полос ламинарного набора. На одной из фигурок видны наголенники из цельной пластины, защищающей переднюю часть голени, ступня же прикрыта набегающими узкими полосками ламинарного набора. Более сложна поножа другой фигурки: налядвенная часть ее архаична и состоит из цельной пластины, наголенная же — из «браслетного» либо

ламинарного набора. На изображении выделена коленная часть: не исключено, что так изображен наколенник, соединенный посредством ремешков с набедренной и наголенной частями поножи. Как видим, тип ножного доспеха из 1-го Туэктинского кургана в усложненном виде продолжает существовать и позднее. Наголенники «браслетного» или ламинарного набора видны и на керамическом обломке из Хумбуз-тепе в Приаралье, второй половины — конца IV в. до н. э. (табл. LIII, 20).

Надо полагать, что наножники на Востоке, как мы убедились, явление довольно позднее сравнительно с Европой, связанное в основном со средой ираноязычных коневодов и обусловленное особенностями конного боя. Ведь ноги всадника при этом были самыми доступными для оружия ближнего боя пеших воинов. Не случайно поножи применяли саки еще до употребления панциря из твердых материалов: верхнюю часть корпуса они, видимо, достаточно успешно прикрывали щитом. Вместе с тем ранение ноги, если не было очень серьезным, не грозило быстрым выведением воина-всадника из строя и не грозило смертельным исходом, поэтому наножники были здесь предметом защитного вооружения не первой необходимости и применялись в ограниченном масштабе военной знатью. Тут мы видим коренное отличие от применения и распространения поножей на Западе, где они широко использовались еще с XV в. до н. э. [Buchholz, e. a., 1977, с. 147—148], став в греческих полисах середины I тысячелетия до н. э. непременным атрибутом экипировки пешего воина-фалангита. Греческая тактика слитной фаланги требовала максимальной защищенности ног, особенно голени, не прикрытой щитом, поскольку ранение в ногу любого воина сразу же затрудняло, а в массовом порядке и нарушало сам принцип действия фаланги, обеспечивавший ее мощь, слитный, в едином ритме шаг и бег «в ногу» одновременно всех ее воинов.

3. ШЛЕМ

Шлем являлся одним из важнейших видов защитного вооружения.

Этнография дает нам примеры использования защитных боевых наголовий уже на весьма ранних стадиях развития культуры, но все же не на низших, а только в обществах, находящихся на стадии разложения первобытного строя и зарождения и сложения системы общественного неравенства, публичной власти, с относительно высоким уровнем ремесла. Стадиально ранние шлемы, изготовлявшиеся до эпохи металлов из самых различных материалов, всегда являясь в не меньшей степени, чем просто защитным доспехом, также предметом, указующим на социальный статус воина, богато украшенным магическим оберегом. И поэтому вначале шлем был привилегией наиболее знатных воинов, выступавших впереди и символизировавших силу военной организации, к которой они принадлежали. Не случайно в ряде случаев ранение или гибель шлемоносца, падение шлема, символизировавшее прекращение действия могучей силы данного коллектива, приводили к панике, моментальному расстройству и бегству рядовых воинов [Ратцель, 1900, т. 1, с. 209].

На древнем Востоке одними из древнейших можно считать шумерские шлемы, датируемые серединой III тысячелетия до н. э. (табл. LX, 2—10). Их уже весьма совершенные формы говорят о том, что им предшествовал определенный период развития от каких-то более простых и ранних форм.

Самые ранние шумерские шлемы из бронзы были обнаружены при раскопках «царского» некрополя в Уре (табл. LX, 2—2б, 11). Все они имеют округлые и низкие купола. Один из них с ровно обрезанным краем и низким, выкованным вместе с куполом гребнем на темени. Другие снабжены наушами, также выкованными вместе с куполом, полукруглыми и подтреугольной,

закругленных очертаний, формы. На одном, целиком сохранившемся шлеме на макушке видна небольшая округлая выпуклость. Типологически эти шлемы можно определить как «каски», имея в виду низкую округлую форму купола и не очень развитую систему защиты затылка, боковых сторон головы и лица.

Вообще, типологизация шлемов — дело довольно сложное и запутанное. Существуют достаточно подробно разработанные типологии шлемов, более или менее дробные или общие. Но зачастую при этом учитывают лишь общую форму либо такие частности, как украшения шлемов, несколько изменяющие их форму. Последнее очень важно для атрибуции и датировки шлема; но совсем недостаточно для выделения их в отдельный тип. Представляется, что для выделения самостоятельного типа следует принимать во внимание прежде всего общую форму шлема, определяющую его функциональные особенности как средства защиты. Однако при этом нельзя забывать о терминологии; называть тип по какой-либо одной конкретной территории или этносу — почти неминуемо приходить к аберрациям в историческом плане. Конечно, есть и исключения, когда какой-либо тип шлема, обладающий большим количеством признаков, составляющих единую стойкую систему, справедливо называют этногеографическим термином, если точно зафиксировано место, где эта система признаков сформировалась. Но такая стойкость систем признаков характерна в основном для шлемов Европы, да и то не ранее I тысячелетия до н. э., а на Востоке практически всегда эти признаки были более подвижны и расплывчаты. Поэтому лучше стараться применять описательные термины, а не территориальные или «этнические», вроде «кубанский» или «шумерский» тип. Нередко для названия типа шлема используют какой-либо выразительный, формообразующий или функциональный элемент декора, например, форму навершия. Нам представляется это неправомерным, поскольку одни и те же элементы декора могут относиться сразу к нескольким основным типам шлемов. Учитывать их следует при более дробной типологизации шлемов.

Однако вернемся к шлемам из урских гробниц. Относительно этих шлемов остается добавить, что на голове они закреплялись при помощи подбородника из бронзового прута, к шлему же прут прикреплялся подвижно за круглые петельки на его концах. При этом никаких крючков, петель и т. п. для прикрепления подбородника на самом шлеме не было. Видимо, они были на кожаной подкладке шлема, которая могла, судя по отсутствию отверстий для пришивания, приклеиваться внутри купола, как то зафиксировано на сохранившихся полностью средневековых западных и восточных шлемах. Бронзовый подбородник мог, хотя и не обязательно, обматываться кожей или тканью, чтоб не натирал кожу воина под подбородком. Надо сказать, что бронзовый прут-подбородник сохранялся на ближневосточных и средневосточных шлемах в течение всего исследуемого периода. Шумерские памятники искусства середины III тысячелетия до н. э. также дают представление о шлемах данного периода. Знаменитый инкрустированный «штандарт» из Ура и рельефы стелы Эанатума («Стелы коршунов») показывают один тип шлема, чрезвычайно близкий «каскам» с наушами и маленькой выпуклостью на темени. Но у шлемов на изображениях есть и некоторые отличия (табл. LX, 4—10): они чуть более вытянуты вверх (не исключено, впрочем, что в действительности шлемы были именно такими, но несколько сплющились за тысячелетия лежания под землей), науши не кажутся «приставленными» к ровному краю, а плавно продолжают линию налобного выреза и сзади переходят в затылочную часть, опущенную значительно ниже налобной. Точно такие же шлемы мы видим и на многочисленных синхронных урских изображениях, на инкрустациях из Мари (Месопотамия) (табл. LX, 5—7). Эта схожесть, даже идентичность, говорит о высоком уровне стан-

дартизации защитного вооружения на всей территории Месопотамии в это время. Нашли такой шлем на юге Месопотамии, в Телло (Нгирсу) (табл. LX, 3).

К этому же типу относятся и парадные шлемы правителей-военачальников, также достаточно стандартные, судя по почти идентичным изображениям их на юге Месопотамии на стеле Эанатума из Телло (Нгирсу), на севере на инкрустациях из Мари (табл. LX, 9, 10). Отличие их от рядовых шлемов состоит в том, что шлемы военачальников имеют украшения в виде рельефно вычеканенного узла волос на затылке. Реальный образец такого парадного шлема — знаменитое золотое наголовье из гробницы Мескаламдуга в «царском» некрополе Ура (табл. LX, 11). Прическа на этом золотом шлеме передана мастером с помощью чекана и резца с дотошным, хотя и схематизированным, натурализмом, более «орнаментально» изображены уши. Поскольку шлем Мескаламдуга точно изображает покрываемую им часть головы, на нем отсутствует выпуклость на макушке; внутри «ушей» проделаны отверстия для слуха, вдоль всего края — отверстия для подшивания мягкой подкладки. Судя по его значительным размерам, подкладка данного шлема была очень толстой, не менее 1,5—2 см, многослойной, вероятно, проложенной упругой массой. Кованный из толстого листового золота шлем Мескаламдуга вместе с мягкой подкладкой был достаточно надежным прикрытием в бою, а не только парадно-ритуальным предметом, как представляется некоторым исследователям. Какой в действительности материал использовался при изготовлении шлемов военачальников, изображенных на памятниках искусства, трудно сказать, вероятно, чаще всего это была бронза.

Сравнивая все шумерские шлемы военачальников, можно заметить, как от юга к северу убывает реалистичность в передаче в металле подробностей изображаемых прически и ушей: металлический «парик» все больше становится шлемом. Тем не менее во всех случаях описанные шлемы изображали непокрытую, незащищенную голову, и это не было чисто декоративной находкой мастера: на наш взгляд, в этом декоре присутствует уже знакомая нам идея жертвенности, и шлем-«парик» символизировал посвященность идущего впереди войска военачальника в жертву богам ради победы и процветания своего коллектива.

Обычные месопотамские шлемы-каски, как нам представляется, делались из кованой бронзы или меди и иногда из кожи, твердоформованной или более мягкой, как полагают некоторые авторы и как можно видеть в целом ряде реконструкций [Saxtorph, 1971, рис. 26, 28]. Видимо, авторов смутило обилие изображений, на которых воины целых отрядов все имеют такие шлемы. Однако среди реальных находок нет ни малейших следов шлемов из твердой кожи, остатки которых вполне могли бы сохраниться. Уровень развития кузнечного дела в Месопотамии середины III тысячелетия до н. э. был уже весьма высок и вполне мог обеспечить потребности небольших царских дружин, из которых составлялись фаланги тяжеловооруженных (по тому времени) воинов. Кроме того, как мы увидим далее, боевые наголовья из мягких материалов либо повторяли форму металлических шлемов, либо имели иное, самостоятельное или связанное с «цивильным» головным убором происхождение, Месопотамия в этом не составляла исключения.

К еще более раннему времени, чем описанные шлемы из Месопотамии, к первой половине III тысячелетия до н. э., относится миниатюрный серебряный шлем на бронзовой статуэтке бога-воина, представленного в образе обнаженного мужчины, препоясанного широким боевым поясом, с копьем в правой руке и булавой в левой (табл. LX, 1), найденной в Телль эль-Джудейде в Сирии. Шлем божества не имеет налобного выреза, т. е. край у него ровный, как и у одного из урских шлемов, он значительно выше, яйцевидной формы, с маленьким штырьком на макушке.

Шлемы такой формы уже нельзя именовать касками, поскольку перед нами настоящий шлем яйцеобразной формы, с ровным краем.

Во второй половине III тысячелетия до н. э., когда в Месопотамии господствовали аккадцы, появился новый тип шлема — сфероконический, который из-за своей формы — округлого купола тульи, переходящего в конус навершия,— мог изготовляться только из металла. Такой шлем мы видим на аккадском царе Нарам-Суэне (2236—2200 гг. до н. э.), представленном на известной стеле, изображающей его победоносный поход против луллубеев (табл. LX, 12). Шлем имеет ровный край, выделенную узкую тулью и большие бычьи рога, настоящие или выкованные из металла, может быть, и из драгоценного, символизирующие причастность царя к высшим силам и, видимо, заключающие в себе эти силы. Сзади из-под края шлема спускается лопасть назатыльника толстого мягкого подшлемника. На другом победном рельефе этот же царь представлен в наголовье (табл. LX, 15), в котором можно предположить шлем яйцевидной формы, с ровным краем, сделанный из толстого войлока или кожи, с подкладкой. Крупные клетки, на которые расчерчен купол шлема, могут изображать простежку либо нашитые металлические пластины. Форма этого шлема повторяет форму «цивильной» шапки месопотамской знати, и говорить о нем как о шлеме позволяют именно клетки, никогда не встречающиеся на других головных уборах той же формы.

Рядовые воины времени правления аккадской династии в большинстве своем носили мягкие толстые наголовья из органических материалов. Такие шлемы мы видим и на стеле Нарам-Суэна (табл. LX, 13, 13а), и на двусторонней стеле Римуша со сценами сражения (табл. LX, 14), на которой, кстати, царь показан сражающимся с непокрытой головой, с характерной древней шумерской прической — завязанной узлом на затылке косой: видимо, вначале аккадские цари буквально восприняли шумерскую идею боевой жертвенности предводителя, не прикрывая ритуальной прически ее металлическим изображением, и лишь несколько позднее вовсе отказались от шумерской символики, заменив ее своей: бычьи рога на шлемах аккадских владык кроме символа божественной (и реальной) силы также обозначали и идею жертвенности — быка как жертвенного животного, посвященного богам. Мягкие шлемы аккадских воинов, вооруженных копьями, топорами, секачами (на лучниках шлемов не видно), имеют иногда низкие округлые, иногда чуть вытянутые приостренные купола, полукруглые науши, длинные закругленные назатыльники. Мягкие шлемы могли служить также, если судить по сцене на стеле луллубейского похода Нарам-Суэна, и подшлемниками для металлических шлемов. На великолепном рельефе из Насирийе изображен мягкий шлем с кантом, простеганный узкими горизонтальными полосами (табл. LX, 16); науши его подтреугольной формы, назатыльник до половины прикрывает лопатки воина, а на лобной части шлема заметны дуговидные вырезы над бровями, образующие треугольный мыс, опускающийся на переносицу.

Большим разнообразием отличались месопотамские шлемы первых веков II тысячелетия до н. э., известные в основном по изображениям времени Хаммурапи — несколько ранее и несколько позднее — около XVIII в. до н. э. На фреске из дворца Зимри-Лима в Мари и на алебастровой голове воина оттуда же (табл. LX, 17, 18) мы видим мягкий плотный шлем, который был сделан, видимо, из толстого войлока, судя по тому, что он на росписи белого цвета. Шлем копирует обычную месопотамскую шапку того времени с низкой круглой тульей и узким толстым околышем, но у шлема имеются большие нащечники-науши, завязанные под подбородком и переходящие в ровный край на затылке (у шлема, изображенного на фреске), либо же нащечники-науши отделены от короткого назатыльника кантом (как показано на скульптуре). Такой шлем носился вместе с нашейником «курпису», войлочным, поскольку

на фреске он написан той же, что и шлем, белой краской, пришитым к нижней части шлема (как изображено на фреске) или не соединенным со шлемом (как на скульптуре).

На найденной в Мари глиняной плакетке XIX—XVIII вв. до н. э. с изображением воина с копьем, топором, в мягком панцире и боевом поясе виден шлем из мягких материалов, у которого на основу яйцевидной формы с плоской верхушкой горизонтально намотаны и пришиты толстые витые веревки (табл. LX, 19). Подобное «бронирование» достаточно надежно защищало от ударного оружия, что подтверждается, например, этнографическими материалами Океании [Ратцель, 1900, т. 2, с. 269].

Большой интерес представляет также изображение на раковинной инкрустации из Мари (XVIII в. до н. э.) своеобразного трофея в виде шеста с перекладиной, на который надеты панцирь из перекрещенных перевязей, поддерживающих длинную панцирную «юбку», воротник «курпису», простеганный «в елочку» или бронированный двумя рядами пластин (табл. XLVII, 8), и шлем (табл. LX, 20), совершенно аналогичный шлему III тысячелетия до н. э. из Северной Сирии (не исключено, что здесь мы имеем изображение действительно трофея — комплекта доспехов, добытых в результате удачной войны в Северной Сирии и символизировавших поверженную военную мощь какого-то тамошнего общества). Шлем скорее всего металлический, на налобной части круг, вероятно, изображавший магический глаз божества. Интересной и важной отличительной особенностью изображенного на инкрустации шлема является гребень, но на шлеме, послужившем оригиналом для изображения, он не выкованный из одного со шлемом куска металла и идущий вдоль теменного шва, как то было на низкой, с ровным краем каске из Ура, а поперечный, составленный из перьев (либо гребень был металлическим, с чеканным изображением перьев). Гребень шлема, изображавший гриву, являлся не только его украшением и магическим символом такого сильного и быстрого животного, как дикий осел, особенно почитавшийся в Сирии-Палестине [Мифы народов мира, 1982, с. 264], но и вполне реальным защитным дополнением, так как если он был достаточно жестким, то препятствовал прямому соприкосновению ударного и рубящего оружия с поверхностью купола шлема, предохраняя шлем от повреждения, а голову от контузии, могущей наступить при сильном ударе даже без разрушения шлема.

В первой половине — середине II тысячелетия до н. э. на Ближнем Востоке прослеживается ведущая роль сиро-палестинского региона в разработке новых, доминирующих форм шлемов (как и в деле разработки тяжелого металлического панциря). Именно в Сирии-Палестине складываются окончательно два основных типа шлема, породившие все позднейшие многочисленные вариации. Складывание это происходило на основе как местной, так и в основном заимствованной из Месопотамии традиции III тысячелетия до н. э.

К первому основному типу относятся шлемы сфероконической формы, причем теперь конус вытягивается, переходя в шпиль. Этот тип являлся господствующим в Северной Сирии, хорошо известен по сирийской хурритской глиптике XVIII—XII вв. до н. э. (табл. LX, 21—26). Чаще всего у этих шлемов переход от верхушки округлого купола к узкому высокому шпилю весьма резкий, над лбом обычно имеется прямоугольный, иногда закругленный вырез, реже шлем имеет ровный край (по Б. З. Рабиновичу, древневосточные шлемы всегда имели ровный край [Рабинович, 1941], что привело его и авторов, целиком воспринявших выводы его в общем весьма важной и ценной статьи, к целой серии неверных заключений).

Поскольку в рассматриваемых шлемах практически всегда изображены боги, то обычно шлемы увенчаны рогами. Надо полагать, что и реальные шлемы владык и военачальников имели подобное украшение. На некоторых

шлемах (табл. LX, 24) между низким затылочным и высоким налобным краем имеются полукруглые вырезы над ушами, образующие угол с налобной частью и плавно опускающиеся к назатыльной, что хорошо видно на одном из старовавилонских шлемов.

Материалом для шлемов первого основного типа мог служить только металл. Интересен шлем с рогами, изображенный на одной из бронзовых статуэток Баала из Угарита XIV—XII вв. до н. э. (табл. LX, 39). По форме он близок к сфероконусу и состоит из вертикальных полос материала, связанных наверху в пучок и чуть отогнутых в сторону на концах. Почти точная этнографическая аналогия ему — малайский шлем XIX в. из роговых полос [Stone, 1961, рис. 378], дает возможность предполагать бытование роговых шлемов и в Сирии третьей четверти II тысячелетия до н. э.

Второй основной тип представлен сиро-палестинскими шлемами яйцеобразной, более или менее вытянутой формы, как правило, с двумя дугообразными вырезами — над лбом и затылком, образующими треугольные мысы, опускающиеся на уши (табл. LX, 30—37, 40, 69, 70). Иногда затылок их значительно ниже налобной части и не вырезан, лишь слегка скошен вверх. Вырез над лбом может быть и двойным — с дугами над бровями и треугольным мысом над переносицей. К этим вырезам могли добавляться вырезы над ушами, тогда треугольные мысы по бокам прикрывали не уши, а виски, как это видно на бронзовой статуэтке Баала XII в. до н. э. с Кипра — финикийской Алашии (табл. LX, 40), облаченного в рогатый шлем второго основного типа, а также на упоминавшейся угаритской статуэтке Баала в роговом шлеме.

Кроме кипрской статуэтки из Энкоми представление о сиро-палестинских шлемах второго типа мы можем составить по материалам египетской настенной живописи из гробницы Менхеперресенеба (середина XV в. до н. э.) (табл. LX, 36, 37), где их приносят в дань фараону азиаты, и известных уже рельефов обивки кузова колесницы Тутмоса IV (конец XV в. до н. э.). Судя по этим изображениям, все шлемы второго типа выполнены с применением кожи и шкур барса или гиены в качестве единственного, может быть твердой выделки, материала для более ранних шлемов и в качестве мягкой основы для образцов конца XV в. до н. э. Эти последние все сплошь, кроме канта, бронированные металлом, обшиты мелкими и круглыми бляшками поверх мягкой, простеганной вертикальными полосами, либо гладкой основы, а также «перьевидными» пластинками, с ребром жесткости и без него, аналогичными панцирным пластинам. Пластины на шлемах уложены в два ряда (нашиты каждая на основу либо соединены ламеллярным способом, целым наборным куском, надетым на мягкую основу), более длинные покрывают основу в один ряд. Все почти эти шлемы имеют плюмаж из свисающего пучка волос, длинного пера или хвоста шакала, волка, лисицы (табл. LX, 27—35).

Очень возможно, что ближневосточные шлемы середины II тысячелетия до н. э. формировались под влиянием эгейской традиции изготовления шлемов, в которой наблюдаются схожие формы [Borchhardt, 1972, прил. F], особенно в сфероконических шлемах, а также в системе прикрытия шейно-лицевой части головы — наушах, нащечниках, назатыльниках. Надо сказать, что развитие форм в Эгеиде шло несколько быстрее, но нельзя забывать, что в их основе почти всегда, видимо, лежали ближневосточные заимствования. При посредстве оружейников Эгеиды ближневосточные формы в конце I тысячелетия до н. э. проникают в Центральную и Западную Европу [Hencken, 1971].

Роль Малой Азии в развитии шлема выявляется только со второй половины II тысячелетия до н. э. До этого периода применение шлема, во всяком случае металлического, там практически не наблюдается, судя по всем источникам. Высокие головные уборы, изображавшиеся на головах богов Хеттской державы, которые иногда принимают за шлемы, на самом деле таковыми не

являются. На наш взгляд, образцами для наголовий хеттских богов послужили головные уборы на изображениях богов-воинов из Восточного Средиземноморья, известные здесь еще с конца III тысячелетия до н. э. и почти на всем протяжении II тысячелетия до н. э. и, в свою очередь, воспроизводящие корону Верхнего Египта, равно как и сами эти восточносредиземноморские изображения повторяли египетские прототипы — изображения богов и божественных фараонов в проявлении своего величия и силы [Матье и др., 1968, ил. 25, 207б, в, 208а, 218, 219]. Выделенный же околыш головных уборов на хеттских изображениях богов занесен скорее всего из Месопотамии.

Собственно шлем, причем явно металлический, фиксируется в хеттской Малой Азии только в XIV в. до н. э. на известном рельефе, украшающем ворота хеттской столицы Хаттусы и изображающем в образе воина воинственного бога Тархунтаса (табл. LX, 41). Шлем имеет форму купола, переходную от яйцеобразной к сфероконической, длинные округлые нащечники-наушн, примыкающие к также длинному и полукруглому назатыльнику с отогнутым наружу краем. Трудно сказать, прикреплены ли науши и назатыльник к куполу подвижно или нет (назатыльник скорее всего прикреплен неподвижно). Края купола и защитных деталей окаймлены рельефными кантами. Важной особенностью хеттского шлема является низкий волосяной гребень на верхней половине купола, от которого сзади свисает пучок волос. Под шлемом носили подшлемник, длинный назатыльник которого, прикрывающий до пояса спину, свисает из-под назатыльника шлема. В данном шлеме слилась сиро-месопотамская форма купола с эгейскими деталями — четко выделенными наушами, и назатыльником крупных размеров, и гребнем, бывшим в Эгеиде очень развитым еще в XVI в. до н. э. [Borchhardt, 1972, прил. F].

В конце XIII — первой трети XII вв. до н. э. появившиеся в Восточном Средиземноморье из Эгеиды и западной оконечности Малой Азии племена, известные под названием «народы моря», принесли туда собственную, в целом единую традицию вооружения, несомненно эгейского происхождения, как это мы видели на примерах наступательного оружия и панцирей. Однако их шлемы по форме, как правило, практически не отличаются от ближневосточных (табл. LX, 42—68). В основном это округлые довольно низкие каски или реже яйцевидные шлемы с лицевым и затылочным вырезом, как сирийские середины II тысячелетия до н. э., либо с ровным краем и маленькими подпрямоугольными наушами или просто с ровным краем, какие были известны в Сирии и Месопотамии еще в III тысячелетии до н. э. Значит, «народы моря» принесли на Восток восточный же в основе тип шлема. Шлемы полусферической и яйцевидной формы, шлемы с ровным краем к XIII—XII вв. до н. э. уже хорошо были известны в Центральной и Южной Европе [Hencken, 1971].

Материалом для шлемов «народов моря» служила в основном, видимо, бронза и, вероятно, твердая толстая кожа, сформованная на болванке. Но в отдельных случаях можно предполагать и мягкие многослойные стеганые шлемы либо такие, у которых мягкая основа сплошь обшита горизонтальными рядами небольших прямоугольных пластинок, может быть, по старой эгейской традиции вырезанных из рога или кабаньих клыков. Характернейшим украшением шлемов «народов моря» были небольшие бычьи рога и иногда невысокий штырь на макушке, увенчанный небольшим диском. Изображения рогатых шлемов мы уже встречали на Востоке, в том числе и в Малой Азии, были они и в Европе конца II — начала I тысячелетия до н. э. [Hencken, 1971, с. 169—173, рис. 140; Borchhardt, 1972, рис. 13, 14, табл. 12, 3; 14, 4]. В отличие от большинства изображений, на которых в рогатых шлемах можно всегда предполагать богов либо обожествленных правителей, у «народов моря» почти все шлемы имеют рога, поэтому каждый из его владельцев олицетворял и нес в себе силу быка, связанного с лунным или солярным

божеством, символом которого являлся диск между рогами. Пример с «народами моря» может говорить о том, что и в других случаях рогатые шлемы представляли собой вполне реальные предметы, которые, кстати, хорошо известны по европейским находкам I тысячелетия до н. э.

Если в Малой Азии применялся металлический шлем до конца II тысячелетия до н. э. лишь спорадически, то в Египте он вообще не прижился. Египтяне издавна голову защищали плотным упругим волосяным париком, как это до XIX в. делали воины племен Океании [Ратцель, 1900, т. 1, с. 221, 222]. Защитой парики являются, конечно, не слишком эффективной, да и то только от не очень удачного попадания ударным тупым оружием, либо метательным, пращевым ядром, либо стрелой. Видимо, египетская традиция оказалась, как обычно, крайне косной и частично, лишь в силу жестокой необходимости допустив тяжелый металлический панцирь для фараона и, может быть, для ближайшего его окружения, особенно телохранителей, оттолкнула идею металлического шлема. Хотя благодаря «народам моря» египтяне познакомились с широким использованием металлического шлема, сами они эти шлемы не носили, предоставляя это наемникам и воинам-пленникам из среды «народов моря». Даже подаренные в XV в. до н. э. фараонам и вельможам сирийские шлемы яйцевидной формы из кожи, шкур и войлока чуть ли не 300 лет пролежали в царских арсеналах (все это явствует из гробничных фресок), пока их в масовом масштабе не изобразили надетыми на египетских воинов XII в. до н. э., представленных на рельефах (табл. LX, 69, 70).

Подобное «снисхождение» к сирийским шлемам можно объяснить именно их мягким материалом, что соответствовало египетской традиции. Собственно египетские боевые наголовья (табл. LX, 71—84), на форму которых явно оказали влияние сиро-палестинские образцы XV в. до н. э., всегда делались из мягких материалов и отличались от своих прототипов низким круглым куполом и длинным назатыльником, ровным или чуть скошенным от углов назад вверх. В XII в. до н. э. египетские яйцевидные маленькие шлемы часто простегивались горизонтальными строчками, увенчивались кисточкой на шнурке вместо сирийского плюмажа и имели по краю сложную систему вырезов над бровями и ушами, как и у сирийских шлемов XV в. до н. э.

На территориях к северу и востоку от Ближнего Востока данные о шлемах до начала I тысячелетия до н. э. крайне отрывочны. Правда, Ю. Борхардт предположил, основываясь на мариупольских находках пластин из кабаньих клыков, что в Приазовье уже в конце неолита, в III тысячелетии до н. э., применялись шлемы, чья мягкая основа бронировалась рогатыми пластинами, увенчанные рогами из тех же кабаньих клыков [Borchhardt, 1972, с. 20, 26, 28—29; рис. 2а). Но это единичный факт, никаких последствий для Восточной Европы не имевший.

На поселении протогородского типа Алдын-депе в Южной Туркмении III тысячелетия до н. э. найдена глиняная статуэтка мужчины, на которой большинство исследователей Средней Азии усматривают шлем типа парадных шумерских, изображавших прическу. Правда, она здесь несколько иная: одна коса, как и у правителей Месопотамии, обмотана вокруг головы, но сзади не завязана в узел, вместо него имеется вторая коса либо пучок волос, свисающий назад вниз. Нам представляется, что на таком основании делать какие-либо заключения о том, что здесь имело место изображение шлема, нельзя. Скорее всего, это была просто прическа, а не шлем, копирующий месопотамский шлем, изображающий прическу. Поэтому Средняя Азия до I тысячелетия до н. э. в отношении шлемов, тем более металлических, продолжает оставаться белым пятном. Впрочем, каких-либо находок такого рода здесь трудно и ожидать, поскольку уровень вооруженности оседло-

земледельческих центров Средней Азии, Восточного Ирана и типологически в военном отношении исключительно близкой им хараппской Индии в III—II тысячелетиях до н. э. оставался, как мы убедились на примере наступательного оружия и скудости материалов по панцирям, достаточно примитивным, весьма низким, и основу обороноспособности здесь составляла, видимо, именно оборона, базировавшаяся на очень высоко развитой фортификации.

Из всех так или иначе связанных с Ближним Востоком территорий только на Кавказе, точнее, в Закавказье, можно отметить бытование шлемов, скорее всего металлических, с середины II тысячелетия до н. э. Они фиксируются на бронзовых скульптурных изображениях запряженных колесниц с воинами из Лчашена на оз. Севан (около XIII в. до н. э.), к сожалению, изображения очень схематичны (табл. LX, 86—91), но можно отметить, что шлемы представляют собой низкие округлые каски, обычно с ровным краем, но есть и со слабыми, плавно переходящими в слегка опущенные боковины вырезами — лицевым и затылочным. По этим признакам лчашенские шлемы можно сопоставить с касками «народов моря», поскольку они практически синхронны. С западом, правда, более близким с Анатолией, но также и с Эгеидой, явно связаны и гребни лчашенских шлемов, делавшиеся в реальности, скорее всего, из торчащего конского волоса. Только в Армении гребни намного выше. Как видим, на генезис самых ранних кавказских шлемов, можно считать, воздействовали западные — эгейско-малоазийские влияния, свидетельством которых и служит появление в Закавказье после середины XV в. до н. э. длинной, эгейской по происхождению, «рапиры». Появление же здесь самих шлемов связано с общим развитием военного уровня вооруженности, что отразилось в большем распространении и повышении роли боевых колесниц, в распространении старых и заимствовании новых, более совершенных и солидных панцирей, а также в связанных с развившимся оборонительным оружием некоторых видов наступательного вооружения, фиксируемого здесь именно после середины II тысячелетия до н. э.,— мечах и очень массивных секирах с полулунным лезвием.

Уникальным явлением для всей Азии восточнее Кавказа, где до I тысячелетия до н. э. отмечается отсутствие металлических шлемов, стали великолепные бронзовые шлемы Китая. По сравнению с Ближним Востоком они появляются поздно, около XIII в. до н. э., на аньянской стадии эпохи Шан-Инь, и практически все известные — около 140 штук — экземпляры обнаружены в одном царском погребении [Ян Хун, 1980, с. 8—9, рис. 5—7, табл. 4, 1—4] (табл. LX, 92—98). При этом они отличаются удивительной стандартностью. Все они имеют яйцевидной формы купол с несколько оттянутой назад макушкой, увенчанной трубочкой для плюмажа, и глубокий подпрямоугольный лицевой вырез, так что шлем закрывает голову сбоку и сзади ниже ушей. Сходен и их декор — маска чудовища Тао-тье на налобной части и стилизованные изображения ушей либо вихревых розеток напротив ушей. Разница в декоре наблюдается только в полноте изображения, поскольку отдельные его элементы могли просто редуцироваться: как минимум, оставались глаза чудовища или вихревые розетки. Видимо, именно эти элементы декора составляли самое существенное во всей его системе.

Шлемы изготовлялись отливкой из бронзы способом «потерянного воска» в сложной форме с последующей отделкой ковкой, подчеканкой и гравировкой. По своему характеру, роскоши отделки, очень высокой смысловой насыщенности декора — устрашающего оберега, иньские шлемы явно принадлежат к предметам военного обихода знати. Появляются они в Китае внезапно, вместе с колесницей, ставшей сразу же самым престижным социально и в значительной мере функционально предметом военного снаряжения.

Происхождение иньских боевых колесниц сейчас надежно можно связать с западом, хорошо прослеживаются пути распространения боевых колесниц

с Ближнего Востока в центр и на восток Азии. Все признаки иньских шлемов (кроме декора) также указывают на запад и имеют вполне определенную аналогию в шлемах, известных в сиро-месопотамской («сиро-хеттской», хурритской) глиптике середины — третьей четверти II тысячелетия до н. э. (табл. LX, 25, 26). Но если путь распространения колесниц от названного региона до востока Азии более или менее ясно прослеживается, то о шлемах этого сказать нельзя, так как никаких свидетельств о них в поясе степей Евразии — на пути колесниц, как и в Средней Азии, что уже отмечалось, в этот отрезок времени нет. Вместе с тем вихревая розетка может служить указателем пути проникновения шлемов в Китай, поскольку для него она не характерна, зато очень популярна в евразийской орнаментике середины — второй половины II тысячелетия до н. э., в частности, в памятниках степных культур срубно-андроновского типа, с большой долей основательности связываемых с населением индоиранской языковой принадлежности [Смирнов, Кузьмина, 1977, рис. 12, 3, 4, 12—14].

В свете имеющихся данных, предположительно можно реконструировать следующую картину проникновения ближневосточного типа шлемов в Китай. Арии из правящей воинской группы, господствовавшей в некоторых регионах на севере Месопотамии с сильным хурритским этническим элементом с XVII в. до н. э. (именно с этого времени там появляются царские имена относительно достоверного индоиранского облика) [Бикерман, 1975, с. 183, 191], заимствуют сложившиеся там к XVII в. до н. э. в Восточном Средиземноморье усовершенствованную гиксосами боевую колесницу и тяжелый металлический панцирь вместе с сиро-месопотамским металлическим шлемом. На свою родину — в северные и северо-восточные степи — они сумели передать только колесницу с элементами упряжи. Низкий уровень развития металлургии и отсутствие настоятельных стимулов военного характера не позволили в эту эпоху индоиранцам усвоить изготовление металлического доспеха, тогда как деревянная колесница оказалась вполне по плечу северным древоделам. Но какой-то ближневосточный экземпляр металлического шлема все же попал на север в качестве диковинной редкости, парадно-ритуального военного убора одного из вождей арийских племен, продвигавшихся, успешно применяя такую техническую военную новинку, как легкую колесницу, на восток. Не исключено, что в степях шлем был повторен ариями в единичных экземплярах, получив при этом магическое украшение в виде вихревой розетки, и уже с таким украшением попал шлем в Китай, где на базе очень высокого уровня обработки бронзы и производства вообще в местной социально-политической и военной ситуации получил, как и колесница, большое развитие. Шлемы в позднеиньском Китае были распространены достаточно широко, о чем можно судить не только по значительному количеству дошедших до нас экземпляров, но и по факту фиксации их (в точно передающем их реальный облик виде) в иньской письменности (табл. LX, 101).

Начало I тысячелетия до н. э. стало временем нового скачка в развитии и распространении оборонительного вооружения, и не только панцирей, как уже отмечалось, но и шлемов. На Ближнем Востоке это явление сопровождало невиданную прежде по масштабам и результатам военную активность Ассирийской державы. Качественно усилившиеся и расширившиеся международные связи — экономические, политические, военные — способствовали широчайшему обмену новинками военной техники, расширению и одновременно унификации ее ассортимента. Огромную роль, полностью проявившуюся в оборонительном вооружении, правда, ближе к середине этого тысячелетия сыграло распространение железа. Но и бронза при повысившемся уровне производства продолжала активно использоваться в процессе распространения металлического оборонительного вооружения. Однако и в I тысячелетии

до н. э. неравномерность развития, наблюдавшаяся в применении тяжелого панциря, проявлялась, хотя и по-другому, в использовании тяжелого шлема.

Лидерство в развитии и широком применении пока по-прежнему продолжал удерживать Ближний Восток. Здесь на основе традиций второй половины II тысячелетия до н. э. развилось несколько основных форм шлемов. В северо-западных его регионах — Малой Азии и Северной Сирии, хранивших хеттские и сирийские культурные традиции, в X—VIII вв. до н. э. бытовали шлемы с ровным краем и волосяным гребнем. Форма купола яйцевидная (табл. LXI, 4), сфероконическая, с широкой и округлой верхней частью (табл. LXI, 5), которая к концу этого периода все более утончается и загибается вперед, приобретая форму «фригийского колпака» (табл. LXI, 62, 64) или же переходя в подковообразное, с опущенными вниз концами навершие (табл. LXI, 67). Иногда шлемы имели полукруглые науши.

На шлемах каркемишских рельефов IX в. до н. э. нащечники имеют на переднем крае двойной дуговидный вырез и концы их направлены вперед, прикрывая подбородок (табл. LXI, 4, 5). Эта форма нащечников — явный результат влияния эгейской традиции. Часто встречается на северосирийских шлемах начала I тысячелетия до н. э. и выпуклый диск на лбу — магический глаз бога.

Велика была роль малоазийско-сирийских (и кипрских) шлемов в сложении форм греческих боевых наголовий, особенно в выработке форм и конструкций наушей-нащечников (табл. LXI, 9, 10).

В Ассирийской державе в IX в. до н. э. преобладали конические, иногда со смещенной назад верхушкой, а также сфероконические шлемы с узкой верхней частью (табл. LXI, 22, 28—36). Край у них всегда ровный. Обычно они одинаково украшены выпуклыми горизонтальными линиями на тулье и арочной линией над лбом. Некоторые шлемы, в комплекте с особо тяжелым длинным панцирем, имеют ламеллярную бармицу, закрывающую затылок, шею, горло и нижнюю часть лица воина, на которую теперь, видимо, переносится термин «курпису». Их носили саперы и телохранители царя в бою. В VIII в. до н. э. ассирийские шлемы становятся разнообразнее, видимо, первый порыв создания собственного стиля, собственной традиции, когда старались оторвать свои шлемы и от старой, и от современной им чужой традиции, у ассирийских мастеров прошел.

Чисто ассирийские конические шлемы в VIII в. до н. э. исчезают. Преобладают сфероконические законченных форм (табл. LXI, 23, 38, 40, 42, 44, 48) с ровным краем или низким прямоугольным лицевым вырезом, становятся очень популярны полусферические каски, увенчанные тонким шпилем, который по малоазийско-сирийской традиции загнут вперед или увенчан подковообразным навершием, с волосяными гребнями (табл. LXI, 41, 46, 47, 49—51, 53, 55а, 57), причем пропорции ассирийских наверший шлемов много тоньше и изящнее своих прототипов. Обычно эти каски имеют ровный край и полукруглые наушники. В Азербайджане (иранском) был найден подлинный, почти целый бронзовый шлем VIII—VII вв. до н. э. (табл. LXI, 25) с подковообразным навершием, хранящийся ныне в Британском музее. Формы его не столь изящны, как на рельефах: купол с высокой вертикальной тульей, довольно резко переходящей в почти плоскую верхушку, толстый, с шаровидным вздутием, конический шпиль, очень крупные подпрямоугольные, с чуть скругленными нижними углами науши. Изящно только подковообразное навершие — каста для волосяного гребня. Может быть, этот шлем является маннейским или мидийским «варварским» подражанием изящному месопотамскому оригиналу?

Иногда каски VIII в. до н. э. вместо обычного ровного края имели низкий дуговидный лицевой вырез, и в этом случае у них нет наушей (табл. LXI, 40,

42). В VIII в. до н. э. зафиксированы шлемы и с лицевым, и с затылочным дуговидными вырезами, образуемые ими мысы закрывали уши (табл. LXI, 38).

Ассирийские шлемы VII в. до н. э. (табл. LXI, 24, 56—60) мало меняются по сравнению с образцами предыдущего столетия, только сфероконические шлемы становятся разнообразнее: и имеющие ровный край, и те, что с прямоугольным вырезом, получают полукруглые науши. Иногда же они с низким дуговидным вырезом надо лбом и тогда наушей не имеют.

Реальных ассирийских шлемов дошло до нас очень мало. Сфероконический ассирийский шлем с ровным краем и отделкой из горизонтальных выпуклых линий вдоль края хранится в Британском музее (табл. LXI, 24) и особо интересен тем, что выкован из железа. Датировать его можно VIII—VII вв. до н. э.

Сиро-финикийские шлемы VIII—VII вв. до н. э. поражают разнообразием. В этом регионе (включая сюда и финикийские районы Кипра) применялись, судя по изображениям, конические, заимствованные у ассирийцев шлемы [на иудейских воинах, обороняющих город Лакиш от ассирийцев в VII в. до н. э. (табл. LXI, 19, 20)], конические и сфероконические [на изображениях кипрских воинов VII в. до н. э. (табл. LXI, 7—9)], круглые каски с назатыльником и гребнем (VII в. до н. э.) (табл. LXI, 9, 17), наконец, на резной, слоновой кости пластинке IX в. до н. э. из Кальху (Нимруда) (табл. LXI, 6) изображен яйцеобразный, с приостренным верхом и ровным краем шлем из мягкого материала, на который рядами нашиты круглые металлические бляшки,— сирийская традиция еще середины XV в. до н. э., засвидетельствованная в VII—VI вв. до н. э. в Центральной Европе [Gamber, 1978, рис. 252, 254, 255]. Войлочные или кожаные, с высоким яйцевидным или шарообразным куполом шлемы, иногда с выделенным низким околышем и длинным плюмажем из пучка волос на макушке, всегда с назатыльником, были очень распространены у финикийцев в VIII—VII в. до н. э. (табл. LXI, 12, 15, 16).

Высокого расцвета достигла выделка шлемов в Урарту. Судя по изображениям на Балаватских воротах IX в. до н. э. и рельефу из дворца Тиглатпаласара III в Нимруде VIII в. до н. э. (табл. LXI, 78, 79—79б), в это время там господствовал старый, еще известный по лчашенским памятникам XIII в. до н. э. тип низкой округлой каски с высоким гребнем, но с двумя полукруглыми вырезами — большим лицевым и низким затылочным либо только с одним глубоким лицевым вырезом. На бронзовых фигурках IX в. до н. э., скорее всего первой его половины, из Топрак-кале (табл. LXI, 80, 81) видны гребнистые низкие полукруглые каски, точно такие же, как и в Лчашене.

Но уже в VIII и далее в VII в. до н. э. в Урарту распространяются ассирийского образца сфероконические шлемы, представленные большой серией экземпляров (табл. LXI, 77, 85—92). Иногда они отличаются утрированно длинными навершиями. Бронзовые шлемы часто богато украшены в ассирийском стиле рядами выпуклых линий, окаймляющих всегда ровный край, утроенными рогами на лбу, чьи загнутые концы направлены друг к другу вертикальной линией, идущей вдоль оси шлема. Собственно урартскими по происхождению можно считать чеканенные изображения на лобной части в виде двуглавого орла, молниеобразной фигуры и на особо роскошных, царских экземплярах изображения древа жизни с предстоянием богов и священных животных, ярусами расположенных между утроенными рогами, оканчивающимися змеиными головами. В качестве декора встречаются и вереницы воинов всех родов войск — мотив, известный и на других бронзовых предметах урартского вооружения — щитах, колчанах, поясах (табл. LXI, 83, 84). Характерно, что на изображениях все воины имеют шлемы, зато панцири почти не встречаются.

В последнее время стал известен еще один тип урартского шлема коническо-колоколовидной формы, с ровным краем и невысоким гребнем, выкованным вместе с самим шлемом (табл. LXI, 76) [Tanabe, e. a., 1982, рис. 2, табл. VII]. Этот реальный бронзовый шлем из случайных находок или грабительских раскопок в Северо-Западном Иране (изображений шлемов такого типа пока неизвестно) украшен чеканкой в виде схематизированного силуэта бычьей головы в фас на лбу, и полосой, оканчивающейся двумя львиными головами, вокруг околыша, и гравированными фигурами львов, орлиных и бычьих грифонов. По краю имеются отверстия для пришивания подкладки. Этот тип шлема восходит к эгейско-малоазийской традиции конца II — начала I тысячелетия до н. э.

Кроме бронзовых теперь известны и железные урартские шлемы [Kellner, 1979, с. 151—153; рис. B., рис. 1] VIII—VII вв. до н. э. (табл. LXI, 92). Они склепывались из двух вертикальных симметричных половин, коническое навершие, выкованное отдельно, наваривалось. В отличие от подавляющего большинства бронзовых железные урартские шлемы вдоль края имеют отверстия для подшивания мягкой подкладки; у бронзовых она если и была, то, видимо, приклеивалась. На изображениях, да и в находках урартские шлемы лишены нащечников, но на урартской территории, в Алтын-тепе, найдены полукруглые бронзовые нащечники, аналогичные ассирийским, подвижно прикреплявшиеся к краям шлема (табл. LXI, 27).

Кроме Урарту бронзовые шлемы VII в. до н. э. найдены на Кавказе — в Грузии, в Бешташени — Сафар-Хароба (табл. LXI, 93), у с. Приморское в Абхазии (табл. LXI, 94) и в Фаскау в Осетии (табл. LXI, 95). Все они конической формы, что говорит о их связях со шлемами Ассирии, а не Урарту. Шлем из с. Приморское свернут из листа бронзы и прошит бронзовой полоской, навершие сделано отдельно и тоже пришито тем же способом; у шлема из Триалети (Бешташени — Сафар-Хароба), лучше всех сохранившегося, глубокие полукруглые вырезы — налобный и нащечный, образующие довольно длинные, закругленные внизу науши. Кавказские шлемы представляются, в отличие от урартских, спорадическими редкими заимствованиями. Их найдено очень мало, нет их и на многочисленных изображениях воинов. Упомянем еще урартские шлемы VIII—VII вв. до н. э. с навершием, загнутым вперед, с двойным — лицевым и затылочным вырезом, известные только по скульптурным изображениям (табл. LXI, 82).

С начала I тысячелетия до н. э. шлемы появляются в западной части Ирана. На юге этого региона, в Луристане, известны кроме привозных урартских два местных шлема из бронзы. Один из них (табл. LXII, 1) имеет ярко выраженную сфероконическую форму с высоким навершием-шпилем, ровный край и длинные закругленные внизу науши. Купол его составлен из двух симметричных половин, причем швы, в отличие от ассирийских и урартских экземпляров, на которые данный шлем чрезвычайно похож, расположены по бокам, а не по центру. Снизу к куполу приклепан (или приварен) околыш, также местное отличие, украшенный шестью протомами козлов. Датируют его публикаторы около 1000 г. до н. э. [Persian Art, 1971, рис. 93], что не очень вероятно. Скорее всего, данный шлем является местным подражанием ассиро-урартским, и тогда датировать его надо VIII—VII вв. до н. э. Вероятно, подражаниями ассирийским шлемам или просто ассирийскими являются два прекрасных сфероконических бронзовых шлема IX—VII вв. до н. э., найденные в Хасанлу (табл. LXII, 3, 4). Сфероконический шлем сирийско-малоазийского типа, из мягкого материала, простеганный, изображен на серебряной чаше из Марлика IX—VIII вв. до н. э. (табл. LXII, 2).

Остатком шлема считается бронзовое изделие из Луристана, хранящееся в Музее Эшмола, Оксфорд (табл. LXII, 11). По аналогии с шлемами, изоб-

раженными на памятниках искусства Западного Ирана первой трети I тысячелетия до н. э. (табл. LXII, 9, 10а), данное изделие можно реконструировать как затылочную часть шлема с глубоким лицевым вырезом, к которой изнутри пришивался длинный мягкий назатыльник (табл. LXII, 11а).

Местную традицию, тесно связанную с закавказско-раннеурартской, представляют два великолепных целых экземпляра бронзовых шлемов, принадлежащих к одному основному типу — полусферической каске. Более ранним, видимо, является шлем из долины р. Сефидруд (табл. XLII, 8). Литой его купол очень низкий, края с боков ровные, имеются вырезы подпрямоугольной формы — очень глубокий затылочный и небольшой лицевой, на котором в центре, над переносицей, опущен короткий треугольный мысок. Шлем очень богато украшен золоченым декором — рельефными круглыми заклепками по краю, рельефными изображениями трех божеств на лобной части и скульптурным изображением птицы с распростертыми крыльями на темени. Иконография божеств явно месопотамская, стилистически они напоминают эламские изделия конца II — начала I тысячелетия до н. э., из-за чего сам шлем ряд авторов считает эламским, рубежа II и I тысячелетий до н. э. [Nickel, 1969, с. 11; Gamber, 1978, с. 199, рис. 202]. В то же время Г. Н. Курочкин, основываясь на реконструируемой им семантике декора, считает декор соответствующим идеологическим представлениям ираноязычных племен, расселившихся здесь около IX в. до н. э. [Курочкин, 1974, с. 44—45]. К сожалению, его доводы малоубедительны.

Иконография же божеств, как бы их ни трактовать, совершенно месопотамская, форма же наголовья, как мы увидим ниже, типична для места его нахождения первых веков I тысячелетия до н. э. Поэтому можно предположить, что данный шлем является западноиранским в основе изделием, декорированным эламским (?) ювелиром. Второй шлем найден в развалинах городища Хасанлу — центра города-государства «страны Иды», погибшего в VIII в. до н. э. [Dyson, 1959, с. 14; Грантовский, 1981, с. 268]. Шлем был надет на одном из воинов, спасавших знаменитую золотую чашу. Каска из Хасанлу (табл. LXII, 7) имеет купол полуяйцевидной формы, со слабо заметным переходом к верхней половине, увенчанной большим бронзовым же приклепанным гребнем. Край каски ровный, вдоль него идут отверстия для подшивки подкладки. Шлем снабжен подвижными наушами на подкладке в форме узкой, расширяющейся книзу трапеции с сильно скошенной назад вверх нижней стороной. Очень интересен гравированный декор этого шлема, по структуре схожий с ассирийским, но иной по технике и стилю. Здесь каймами также выделена арка над лбом, но если на шлемах Ассирии и Урарту она прерывалась в середине и концы ее загибались вниз, символизируя рога, то на шлеме из Хасанлу арка сомкнута и изображает лицевой вырез шлема, в котором видны большие стилизованные глаза, магический оберег, дополненный изображениями змей вдоль края, что мы часто видим и на кавказских доспехах.

Описанному шлему близко боевое наголовье бога или героя, изображенного на конском нагруднике VIII в. до н. э. из Хасанлу (табл. LXII, 5). Отличия составляют налобный и затылочный вырезы, низкий гребень, в сущности, литьевой шов. Того же типа, что и из Хасанлу, шлем с гребнем и даже глазами на лбу виден на бронзовой статуэтке воина из Хурвина IX—VIII вв. до н. э. (табл. LXII, 9). Наушей у него нет, а над лбом имеется сложный вырез в виде двойных надбровных дуг с мысом над переносицей в точке их схождения, что приближает его к сефидрудскому шлему. Такой же шлем, но без гребня и с ровными дугами над бровями изображен на бронзовом навершии булавы в виде головы воина из Амлаша IX—VIII вв. до н. э. (табл. LXII, 6). Купол его чуть более конический, увенчан плоской двойной шайбой и сделан из широких вертикальных трапециевидных полос. Круглая каска с глубоким

прямоугольным лицевым вырезом, круглыми выпуклыми глазами на лбу, увенчанная толстым коническим навершием, венчает голову деревянной фигурки воина из Зивие (табл. LXII, 10а).

Рассмотрев западноиранские шлемы начала I тысячелетия до н. э., можно прийти к выводу, что их происхождение связано в основном с урартской традицией. Для западноиранского культурного круга особенно характерны округлые, не очень высокие каски, развитие которых шло по линии расчленения края на функциональные зоны посредством подпрямоугольного или округлого затылочного выреза и лицевого выреза в виде двух сомкнутых на переносице дуг. Через кавказско-урартские образцы западноиранские каски связаны с сиро-палестинской традицией изготовления шлемов середины II тысячелетия до н. э. и далее с месопотамской традицией III тысячелетия до н. э.

Мы уделили столь пристальное внимание западноиранским шлемам в связи со сложной и спорной проблемой происхождения большой группы шлемов Евразии конца II — середины I тысячелетия до н. э.

Эти шлемы впервые были обнаружены при раскопках в Прикубанье раннескифских памятников — Келермесских курганов конца VII в. до н. э., в кургане у станицы Крымская и др. [Черненко, 1968, с. 77—81, 181]. Находки подобных шлемов в Прикубанье продолжаются [Виноградов, 1973]*. Все это позволило Б. З. Рабиновичу, посвятившему им значительную часть своего исследования, связать их генезис и производство с районом находок, а сам тип назвать «кубанским» [Рабинович, 1941, с. 128]. При этом аналогии им приводились из греческого материала, серия же аналогий из древневосточного материала была крайне ограниченной: он рассматривал только сфероконические восточные шлемы с ровным краем второй половины II — начала I тысячелетия до н. э. Естественно, что и от тех и от других резко отличались раннескифские шлемы из прикубанских курганов, отлитые из бронзы в трехчастных формах, имевшие вид полусферической каски с ребром вдоль темени, прямоугольным вырезом на затылке и глубоким лицевым вырезом в виде дуг над бровями, сходящихся в треугольный мыс на переносье (табл. LXII, 24—29). После же сравнения с касками из Северо-Западного Ирана и Урарту совершенно, на наш взгляд, очевидно, что шлемы из раннескифских курганов Прикубанья непосредственно восходят к ним всеми своими структурными, формообразующими элементами. Даже временного разрыва между ними практически нет: как выясняется, бытование рассматриваемых скифских шлемов не ограничивается рамками VI в. до н. э., как это обычно считалось. Раннескифская археологическая культура Прикубанья, одним из элементов которой были данные шлемы, сейчас датируется не позднее середины VII в. до н. э. [Петренко, 1983].

Разумеется, раннескифские каски имеют и отличия от своих урартийско-северо-западноиранских прототипов. К ним относятся очень подчеркнуто выраженные дуги над бровями, прямоугольная форма небольшого затылочного выреза. Макушки шлемов увенчаны обычно прилитой петелькой либо маленьким штырьком. Один из шлемов имеет горизонтальные рельефные полосы вдоль ровных краев боковин и над затылочным вырезом. Вдоль ровных краев боковин и затылочной части они имеют несколько довольно крупных отверстий для прикрепления наушей и назатыльника либо цельной бармицы, видимо восходящей к сиро-ассирийскому «курпису» IX в. и, как

* По последним подсчетам Е. В. Черненко, на территории Северо-Восточного Причерноморья их найдено уже 18 экземпляров. Кроме того, в научный оборот введены раннескифские каменные изваяния, где данные шлемы изображены (табл. LXII, 30—32), причем с бармицами [Петренко, 1986, с. 158—177].

и у прототипа, бронированной металлом, но не ламеллярной, а обычной для скифов чешуйчатой структуры.

Таким образом, видимо, надо отказаться от термина «кубанские» в приложении к описываемым шлемам, имея в виду их происхождение. Тем более что литые каски данного типа известны не только в Прикубанье. Конечно, находка типично раннескифской литой каски в Поволжье (табл. LXII, 33) говорит только о ввозе. Но схожие, а иногда и аналогичные шлемы мы видим на глиптике ахеменидского Ирана и на одной из вотивных золотых пластин из Амударьинского клада (табл. LXII, 14—16) (что это именно шлемы, а не просто шапки, доказывается следующим: на всех иранских изображениях мужские головные уборы имеют совершенно другой вид) [Горелик, 1985]. На последнем изображении округлой формы шлем с лицевым и затылочным вырезами увенчан загнутым навершием вполне в духе малоазийско-урартийской традиции VIII—VII вв. до н. э. (LXI, 62, 64, 65, 82), но на иранском изображении показан не просто полый и узкий конус, но рог горного козла, к тому же загнутый не вперед, а назад и увенчанный то ли цветком, то ли змеиной или звериной головой с высунутым языком. В связи со сказанным появилась возможность отождествить с ахеменидскими персо-мидийскими два бронзовых шлема, близких «кубанским». Один из них хранится в Глазго (табл. LXII, 20), а другой найден в Ахсуйском районе советского Азербайджана (табл. LXII, 17), видимо, более поздний, чем первый шлем.

Конечно же, шлемы данного типа персы и мидяне ахеменидского времени не заимствовали у скифов, а унаследовали из традиции Северо-Западного Ирана первой трети I тысячелетия до н. э.

Сложнее обстоит дело со шлемами рассматриваемого типа из Средней Азии. Найдены там два образца шлемов данного типа: из Самарканда и с городища Кысмычи в Таласской долине (табл. LXII, 42, 43). Оба шлема совершенно аналогичны северопричерноморским. Даже рельефные полосы над боковыми сторонами, то же количество и расположение крупных отверстий для крепления защиты шеи. Только самаркандский шлем имеет низкий гребень, край которого представляет волнистую линию с «запятой» на макушке. Как показала в своей статье, посвященной самаркандскому шлему, Е. Е. Кузьмина, подобный декор является характерным для саков Средней (и, добавим, Центральной) Азии, что справедливо позволило отнести самаркандский, а заодно и таласский шлемы к сакским изделиям [Кузьмина, 1958]. При этом, на наш взгляд, они могли копировать именно скифские образцы, поскольку мидийско-персидские шлемы данного типа (табл. LXII, 14—17, 20) не обладали точно такими же деталями (рельефные полосы и гребни), а были, напротив, тщательно заглажены.

Отмеченные две каски, которые, вероятно, можно датировать VI—V вв. до н. э., единственные шлемы, известные в Средней Азии до IV—III вв. до н. э. Никаких других свидетельств о бытовании там шлемов до указанного периода нет. Хорошо известные остроконечные сакские башлыки с наушами и назатыльниками были, конечно же, только головными уборами и никак не могли быть шлемами, тем более литыми из бронзы, как полагает Б. А. Литвинский [Литвинский, 1972, с. 127—128]. Литой бронзовый шлем такой высоты — около 60 см, подтверждаемой и находкой золотого декора сакского башлыка in situ в кургане Иссык [Акишев, 1978, с. 43, ил. 62, 63], был бы неимоверно тяжелым и очень неудобным. Канты на сакских башлыках, изображенных на персидских рельефах Бехистуна и Персеполя [Луконин, 1977, с. 74; Luschey, 1968], передают совсем не литые полосы на шлеме, а ленты-диадемы, носимые поверх башлыков-тиар; одновременное ношение обоих головных уборов являлось у иранцев, персов, например, прерогативой самой высшей знати из царского рода [Горелик, 1985]. Предположительно такая же традиция имела

место и у ираноязычных саков, тем более что на рельефах изображены как раз представители высшей сакской знати; на Бехистунском рельефе даже точно назван племенной вождь Скунха.

Вместе с тем у обозначения шлема в «Авесте» как хаоба (обычно шлем там называется sāra-vāra — «покрывающий голову») в выражении urvi. хаоба имеется указание на его остроконечность [Литвинский, 1972, с. 127]. Видимо, это и натолкнуло Б. А. Литвинского признать шлемами сакские башлыки, так как никаких других остроконечных уборов там не известно, а единственные достоверные шлемы — самаркандский и таласский — имеют совсем иную форму. Но если мы не будем связывать происхождение соответствующих мест «Авесты» со среднеазиатской и восточноиранской территорией, то увидим, что в «Авесте» описаны реальные шлемы, действительно «остроконечные», сделанные, как там указано, из бронзы, железа (прекрасный датирующий и локализующий признак) и золота: бытовавшие на Ближнем Востоке, на Кавказе, в Урарту и Западном Иране в начале I тысячелетия до н. э., причем железные и именно остроконечные шлемы появляются в Ассирии и Урарту в VIII—VII вв. до н. э., будучи самыми ранними из известных железных шлемов.

От саков дошел еще один экземпляр литой каски с надбровными вырезами, найденный на Алтае (табл. LXII, 41). Его отличие состоит в том, что у него нет затылочного выреза, углы лицевого выреза приострены и слегка направлены вперед, макушка несколько смещена назад. Эти признаки сближают его со шлемом, изображенным на ахеменидских печатях (табл. LXII, 15). Но, как мы полагаем, специфика ахеменидских иранских шлемов (табл. LXII, 12, 13, 17, 20) состоит, в частности, в очень тщательной шлифовке, заглаживании изделия, а на алтайском шлеме мы видим характерное ребро вдоль передней части темени. Поэтому он представляет собой, видимо, сакскую копию персидского шлема-каски.

В отличие от скифов, переставших употреблять литые каски с вырезами после VI в. до н. э., у саков развитие данного типа шлема (единственного, знакомого им) продолжалось почти до конца I тысячелетия до н. э., порождая новые модификации, их носили уже в комплекте с панцирем — «сакским доспехом» [Горелик, 1987]. Об этом свидетельствуют изображения на упоминавшемся навершии из «Сибирской коллекции Петра I» и на бронзовой скульптуре воина — детали ритуального светильника из Таласа (табл. LXII, 44—48). Каски даже стимулировали появление у саков специального головного убора — подшлемника, отличающегося от обычного, всегда остроконечного, хотя и не обязательно такого высокого, как у саков-тиграхауда («острошапочных»), башлыка [Schmidt, 1953, табл. III] только низким округлым куполом и отсутствием длинного назатыльника, т. е. подшлемник точно повторял форму рассматриваемых шлемов. Реальный такой башлык-подшлемник найден в 3-м Пазырыкском кургане (около V в. до н. э.) [Руденко, 1953, табл. XCVI, 2], причем здесь он увенчан маленькой зубчатой короной, т. е. являлся функционально уже не подшлемником, а парадно-ритуальным убором. Это можно объяснить высоким уровнем престижности, социальной значимости подшлемника как головного убора (носители такого редкого и ценного у ранних саков доспеха, несомненно, имели высший социальный статус), а также тем, что его функция, оторвавшись от изначальной и параллельной ей, превратилась в репрезентативную, поэтому уже сам подшлемник, без шлема, стал символизировать принадлежность его владельца к высшему слою военной аристократии. Впрочем, настоящий сакский подшлемник тоже известен: мы видим его на бронзовой скульптурке — детали ритуального светильника из Таласа (IV—III вв. до н. э.) (табл. LXII, 68). Он отличается толстым горизонтальным валиком над лбом, необходимым, видимо, для амортизации ударов по налобной части шлема и для того, чтобы шлем,

который всегда на несколько размеров больше головы (так было всегда у всех шлемов во все времена), не болтался на ней. Именно такой головной убор китайцы, переняв у саков, не позднее конца III в. до н. э. сделали «уставным», «форменным» головным убором в войске, сначала, в эпоху Цинь, для конницы, а потом, в раннюю Хань, и для пехоты [Ян Хун, 1980, ил. 19, 75, 76, табл. 7, 1; 22, 1; 23]. Можно даже предположить, что у некоторых восточносакских племен подшлемник вытеснил остальные формы головных уборов.

С новой остротой вопрос о литых касках с вырезами встает в последние годы в связи с новыми археологическими находками в КНР. Еще до второй мировой войны во Внутренней Монголии японские археологи обнаружили два шлема этого типа [Namio Egami, Seiichi Mizuno, 1936, рис. 3, 3, с. 63]. Еще один из таких шлемов, найденный в Синьцунь, хранится в Королевском музее Онтарио в Торонто. Сейчас известны находки еще девяти литых касок с вырезами из полных, хорошо датируемых, в том числе и по C^{14}, комплексов [Ли Ию, 1959; Ян Хун, 1980; Цзинь Фэнъи, 1982, 1983]. Обнаружены все рассматриваемые шлемы на северо-востоке КНР и севере Центрального Китая. Датируются все 20 шлемов следующим образом: два шлема из Байфу под Пекином — XI в. до н. э. (табл. LXII, 49, 50), шлемы из Гаохун, Синьцунь, второй шлем из Чифэн — X—IX вв. до н. э. (табл. LXII, 51, 52 и аналогичен 52), оба шлема из Наньшаньгэнь и хранящийся в Париже — около середины VII в. до н. э. (табл. LXII, 53, 54, 66), шлемы из Мэйлихэ, Шилишань и первый шлем из Чифэн — VII в. до н. э. (табл. LXII, 55, 56, 57), шлем из Уцзиньтан — VI—V вв. до н. э. (табл. LXII, 58).

Показательно, что перечисленные шлемы, кроме шлема из Синьцунь, происходят не из собственно китайских (хуаских) комплексов, а из погребений пограничных с Китаем «варваров».

Найденные в Китае шлемы очень похожи на шлемы из Прикубанья и относятся к тому же типу, но имеют и некоторые отличия. Главное заключается в том, что лицевой и затылочный вырезы у них практически одинаковы по размерам и форме, т. е. мыса на переносье не наблюдается. Отверстий для крепления системы защиты шеи у них нет, видимо, эта защитная функция отводилась толстому мягкому подшлемнику. Есть только по одному отверстию по бокам или по паре петель для крепления подбородного ремня. Петли, увенчивающие все экземпляры, иногда бывают прямоугольных очертаний. На первом шлеме из Байфу петля составляет одно целое с ажурным гребнем, своей формой живо напоминающим закавказско-северо-западноиранские образцы.

Ранняя и вполне достоверная дата самых ранних описанных восточноазиатских шлемов, а также их заметные отличия от скифо-сакских, к тому же значительно более поздних, при полном отсутствии признаков каких-либо металлических шлемов до конца VII в. до н. э. во всем поясе степей от Днестра до Китая, а также и от Восточного Ирана до Китая, позволяют предположить их самостоятельное развитие в Китае как «варварских» дериватов изысканных иньских шлемов. Вместе с тем поразительная схожесть в технике исполнения с закавказскими и прикубанскими образцами IX — начала VI в. до н. э., как и отмеченные схождения в форме, позволяет предположить какой-то общий источник для обеих «ветвей». Таким источником могут быть шлемы «народов моря» XIII—XII вв. до н. э. (табл. LX, 46, 50, 57, 58, 60а), восходящие к сирийским шлемам середины II тысячелетия до н. э. (табл. LX, 27, 28, 31, 32, 35—37). На протяжении XI—X вв. до н. э. шлемы типа боевых наголовий «народов моря» могли попасть через Кавказ степями на север Китая. Тогда переносчика следует искать в среде носителей культур «киммерийско-карасукского» круга, скотоводов, переходящих к кочеванию, разнородных этнически, но с весьма сходной материальной культурой. Для этих племен шлемы

рассматриваемого типа до наступления «скифской» эпохи оказались случайностью, не имевшей ни значения, ни последствий.

Как у саков, так и в Китае, уже у хуасцев, данный тип шлема еще долго продолжал свое бытование и развитие, претерпевая в этом процессе серьезные изменения и в конструкции и в материале. Непрерывность развития шлемов описываемого типа в Китае подтверждается его изображением на глиняной статуэтке пляшущего воина в «сакском» доспехе из северо-западных регионов Центрального Китая V—III вв. до н. э. (табл. LXII, 59), может быть, на инкрустированном изображении всадника на бронзовом зеркале из Лояна того же времени (табл. LXII, 63) и, наконец, чуским кожаным шлемом 30-х годов V в. до н. э. из Лэйгудуна, найденным в комплекте с описанным выше кожаным же панцирем, близким «сакскому доспеху» (табл. LXII, 64). Интересно, что этот последний шлем имитирует особенности литой каски с вырезами весьма сложным соединением фигурно выкроенных кусков твердой лакированной кожи, которые лишь при соединении напоминают гребенчатую каску с глубоким подпрямоугольным вырезом.

Кроме описанного на Ближнем и Среднем Востоке, в Северном Причерноморье и в Китае употреблялись в середине I тысячелетия и другие типы шлемов.

В Ахеменидской империи персы и мидяне, служившие в коннице, носили, как писал Геродот, кованные бронзовые и железные шлемы (Геродот VII, 84) сфероконической формы с ровным краем, урартского происхождения, но отличающиеся гладкостью и чистотой обработки поверхности; один из таких шлемов найден в Олимпии и являлся трофеем греков, захваченным в Марафонской битве, как выясняется из греческой надписи на нем (табл. LXII, 13), другой был раскопан в египетских Фивах (табл. LXII, 12). Конники, служившие в Малой Азии, пользовались греческими шлемами «спартанского» типа (табл. LXII, 19). Оригинальные, отличные от персидско-мидийских, шлемы носили ближневосточные подданные ахеменидских царей. Так, Геродот упоминает ассирийские шлемы из меди, «сплетенные каким-то труднообъяснимым способом» (Геродот VII, 63), не ассоциирующиеся пока ни с какими реальными наголовьями. Высушенный твердый конский скальп, видимо, с ушами и гривой, в качестве шлема носили жители Палестины, как сообщал, описывая войско Ксеркса, греческий поэт конца V в. до н. э. Хэрил Самосский [Аверинцев, 1973, с. 234]. Не исключено, правда, что здесь поэт перепутал, заимствуя у Геродота описания экзотического облачения разноплеменных воинов великого царя: у Геродота такой шлем носят «восточные эфиопы» (Геродот VII, 70), темнокожие дравидоиды из Белуджистана.

Финикийцы и анатолийцы, чье защитное вооружение в VI—IV вв. до н. э., судя по изображениям и описаниям (Геродот VII, 89), было такое, как у эллинов, предпочитали специфический, восточноэллинский тип шлема — «инсулярный» (табл. LXII, 61). А ведь еще в VII—VI вв. до н. э. фригийцы и лидийцы пользовались шлемами местных форм, восходящих к традициям начала I тысячелетия до н. э. и еще более древним, украшая шлемы кабаньими клыками, гребнями и загнутыми вперед навершиями, придававшими шлемам вид «фригийского колпака» (табл. LXI, 68—72, 74, 75).

Оригинальные шлемы, судя по описаниям Геродота и Ксенофонта, защищали головы воинов некоторых народов Восточной Анатолии. Так, у Геродота упомянуты медные шлемы с бычьими рогами и ушами, с султаном на макушке (Геродот VII, 76). Он же сообщает о кожаных и деревянных шлемах воинов Юго-Восточного Причерноморья (Геродот VII, 77—79). Позднее Ксенофонт описал моссинойские и аналогичные им пафлагонские шлемы, так похожие на тиару, с гребнем посередине (Анабасис V, IV, 13). Если учесть, что такой тиарой греки называли головной убор типа башлыка с наушами и назатыльни-

ком, то именно такой шлем, с чешуйчатыми наушами и назатыльником, образующими цельную бармицу, изображен на одной из греческих ваз на воине в чешуйчатом панцире-«комбинезоне» (табл. LXII, 18).

Своеобразным путем пошло развитие шлема у скифов. Как уже говорилось, после VI в. до н. э. они больше не пользовались литыми касками с вырезами. Может быть, это связано с тем, что скифская знать (а металлический гомогенный шлем был более дорогим доспехом, чем чешуйчатый скифский панцирь, так как требовал гораздо более высокого уровня квалификации от мастера и потому был доступен здесь только знати) стала в большом количестве получать прекрасные по совершенству форм и отделке престижные античные шлемы [Черненко, 1968, с. 82—89; Горелик, 1983] из причерноморских колоний Эллады, Италии. Для менее знатных и состоятельных воинов такие шлемы были недоступны, но военная потребность диктовала необходимость более широкого применения средств защиты головы, и тогда не позднее конца VI в. до н. э. появляются оригинальные скифские чешуйчатые шлемы [Ковалева, Мухопад, 1982].

Их сейчас известно около шести экземпляров, но, судя по частоте, с какой их стали находить в последние годы — по одному-два в сезон,— они были, видимо, достаточно популярным доспехом. Чешуйчатые скифские шлемы (табл. LXII, 21—23), бронировавшиеся всегда железными пластинками тех же типов, что и в панцирях (любопытно, что на некоторых шлемах чешуйки нашиты в обратном порядке — снизу вверх, как у более поздних, сарматского времени шлемов, изображенных на стене одного из пантикапейских склепов), имели кожаную основу, выкроенную в форме башлыка, но не обычного скифского головного убора — с ровным краем широкого назатыльника, прикрывающего голову и шею сзади и с боков [Горелик, Скифский. в печати], а с выделенными большими наушами и назатыльником. Это позволяет предположить, что данный тип шлема вместе с покроем скифы могли заимствовать в ахеменидской восточной Малой Азии, так как именно для нее характерна подобная форма башлыка, да и сам чешуйчатый башлык (табл. LXII, 18) мы видели изображенным на анатолийском воине, подданном Ахеменидской державы.

Характерной частью скифской паноплии были античные шлемы, подвергшиеся переделке скифскими мастерами [Манцевич, 1957, с. 156; Черненко, 1968, с. 89—95]. Переделка осуществлялась таким образом, что греческая система защиты затылка и щек, выкованная из листового металла, заменялась гибкой чешуйчатой броней или толстой мягкой кожей. Прекрасно сохранившийся образец такого симбиоза дошел до нас в сарматском погребении у с. Никольское в Нижнем Поволжье (табл. LXII, 40), причем здесь имеет место явный скифский импорт, поскольку металлические шлемы для степей восточнее Дона вплоть до Средней Азии не характерны вплоть до конца I тысячелетия до н. э. Вероятно, здесь, как и у скифов и саков, широко применялись шлемы из толстой воловьей кожи, что наблюдается и у роксоланских воинов конца III в. до н. э. (Страбон VII, 3, 17).

Вскоре после середины I тысячелетия до н. э. в Китае наряду с описанными выше шлемами появляются две другие формы боевых оголовий: известная по декору на бронзе круглая низкая каска с ровным краем и козырьком (табл. LXII, 62) и явно кожаный шлем с куполом полуяйцевидной, приостренной формы, над лбом ровный или с вырезанными надбровными дугами, с очень большим, длинным и широким назатыльником прямоугольных очертаний, закрывавшим сзади и с боков шею и верх спины и плеч, известен по скульптурным изображениям (табл. LXII, 61). Данный тип шлема, несомненно, является производным от более ранних образцов, типа описанного выше лэйгудунского шлема хоу И. Вероятно, именно такими, как лэйгудунский или

изображенный на статуэтке из пров. Цзянсу, были шлемы из кожи, в том числе носорожьей, о которых так много сообщают китайские письменные источники эпохи Восточного Чжоу [Шицзин, с. 180; Laufer, 1914, с. 185]. Там же есть интересные подробности о них: в «Шицзине» описаны кожаные шлемы, украшенные ракушками каури и пучками красных нитей. В конце периода Чжаньго, в III в. до н. э., на северо-востоке Китая появляются шлемы новой конструкции. По форме это все та же круглая каска с дугообразными вырезами над бровями, с маленьким наносником и низким назатыльником (бармицей), закрывающим щеки и подбородок. Но выполнен он из соединенных между собой подквадратных железных пластин с круглой, почти плоской пластиной на макушке (табл. LXII, 65). Он очень напоминает скифские чешуйчатые шлемы, особенно тот, который из кургана № 401 у с. Журовка (табл. LXII, 21). Поскольку для периода V—III вв. до н. э. на территории между Скифией и Китаем такие шлемы не засвидетельствованы, можно полагать, что в Китае этот тип появился независимо от скифского влияния.

Трудно в настоящий момент с уверенностью утверждать, оригинальной или заимствованной с далекого северо-запада была форма бронзового сфероконического шлема IV—III вв. до н. э., найденного в центре «царства» Шу (табл. LXII, 67), поскольку Шу в 316 г. до н. э. было захвачено царством Цинь, то шлем может быть и циньским (а Цинь — крайнее северо-западное царство в Китае).

Рассматривая историю шлема, мы обнаруживаем как его связь с историей панциря, так и отличия от нее. В меньшей мере, по нашим представлениям, развитие шлема, особенно металлического гомогенного, зависело от развития наступательного оружия. Раз возникнув в качестве «ответа» на распространение металлического оружия, металлические, да и неметаллические шлемы, их применение и распространение теснее были связаны с особенностями тактики. Так, мы видим его преобладание в оседло-земледельческих обществах, обычно с высокоразвитыми общественными отношениями, практикующих в бою слитные боевые построения типа фаланги. Здесь на ранних этапах становления классового общества и государства (цивилизации) большие щиты еще заменяют панцирь, голову же воинов старались прикрыть. Исключение составлял Египет, вероятно, в силу косности традиции. В этих же обществах шлем становится необходимым атрибутом колесничных бойцов — передовых и самых знатных воинов, от защищенности которых зависел успех их первого натиска и успех всей битвы. Кочевые и полукочевые народы, воевавшие в основном верхом на конях, напротив, шлем использовали реже, особенно в войнах между собой (как, впрочем, и панцирь). Но когда кочевникам и полукочевым коневодам пришлось столкнуться с войсками оседло-земледельческих государств, в которых пехота, а главное, конница были снабжены панцирями и шлемами, то шлем, как и панцирь, сразу же заимствовался и распространялся относительно независимо от уровня организации производства у этих кочевых и полукочевых народов.

Вообще, шлем был более репрезентативным доспехом, чем панцирь, так как покрывал голову, наиболее «значимую» часть тела. К тому же панцирь часто был скрыт в бою щитом или заменялся последним. Не случайно шлем изображался на памятниках искусства несравненно чаще панцирей.

Приоритет в изобретении и развитии шлема в III—II тысячелетиях до н. э. принадлежал Сирии и Месопотамии. Начиная с I тысячелетия до н. э. все большую роль в развитии этого вида защитного вооружения начинают играть Анатолия, Закавказье, Западный Иран, а после середины I тысячелетия до н. э. она переходит к кочевникам евразийских степей, поскольку они контактировали со всеми основными оседло-земледельческими культурами и были знакомы с последними достижениями военной техники этих культур. Очень быстрое

распространение новой информации в кочевой среде и достаточно высокий уровень ремесла вкупе с возраставшей потребностью в тяжелом защитном вооружении и порождали постоянный поиск и удачные решения в области производства предметов вооружения.

Кроме шлемов к средствам защиты головы относятся забрала, защищающие лицо. В рассматриваемый в книге период они на Востоке были известны только в Китае. От позднеиньского периода (XIII—XII вв. до н. э.) дошло бронзовое забрало в виде реалистически переданного человеческого лица (табл. LX, 99). Для крепления на голове ремнями у забрала имелась петля у верхнего края и круглые отверстия в «ушах». Если оно носилось вместе со шлемом, то у последнего должен был быть очень неглубокий лицевой вырез (табл. LX, 98), так как в противном случае торчащие в стороны «уши» личины не позволяли бы достаточно плотно и глубоко надеть шлем. К более позднему периоду (XII—XI вв. до н. э.) и другому этносу — чжоусцам относятся найденные в богатом погребении в г. Чэнгу пров. Шэньси сразу 23 бронзовых забрала (табл. LX, 100) в виде устрашающих получеловеческих-полуобезьяньих личин [Тан Дзинъюй и др., 1980, табл. V, 4]. Интересен факт отсутствия в погребении с забралами наголовий. Похоже, что шлемы здесь если и лежали, то были сделаны из кожи или дерева, либо забрала надевались просто поверх головного убора, который в таком случае должен был изготовляться из весьма толстого материала. Для закрепления на голове у забрал имелись большие щелевидные отверстия в «ушах» и у верхней кромки, сквозь которые продевались ремни крепления.

4. ЩИТ

Щит является древнейшим наряду с поясом защитным приспособлением. Судя по этнографическим данным, можно полагать, что своим происхождением он обязан парирующей палке, державшейся левой рукой, т. е. был «фехтовальным» орудием. Уже в росписи святилища в неолитическом анатолийском поселении Чатал-Хююк VI тысячелетия до н. э., в ритуальной охотничьей сцене с быком, в руках некоторых персонажей видны небольшие предметы прямоугольной и подтреугольной формы, иногда круглые [Pörtner, 1975, с. 52—53]. Круглый предмет можно рассматривать как бубен, по которому бьют короткой кривой, сильно расширяющейся кверху колотушкой, но этот же предмет можно считать и щитом, а колотушку — палицей, тем более что такая форма боевых дубинок, в том числе и метательных, как мы уже видели, была прекрасно известна на древнем Востоке. Этнография также подтверждает наличие боевых дубинок такой формы; к ним, кстати, относятся и ранние формы знаменитых индейских томагавков [Stone, 1961, рис. 395]. У других персонажей с указанными предметами в другой руке лук или ничего нет, т. е. здесь изображены заведомо не бубны.

Таким образом, мы видим, что уже в неолите, в эпоху, когда войны между человеческими коллективами на Ближнем Востоке и в Южной Европе заставляли ограждать поселения фортификационными сооружениями, щит стал защитной плоскостью, но в силу своей малой величины продолжал быть фехтовальным. Щит в виде парирующей короткой палки с подковообразной рукояткой в середине применялся в древнем Египте во времена I династии, около 2800 г. до н. э. [Hamann, 1959, рис. 109]. Что это именно щит-палка, а не изображение плоского щита сбоку, видно из всей древнеегипетской традиции, где щит практически всегда развернут фасом на зрителя, и, главное, подтверждается уникальным изображением поединка на стенописи из Иераконполя конца IV тысячелетия до н. э. (табл. LXIII, 4), на котором один из воинов

защищается щитом-палкой, а другой — щитом из цельной высушенной твердой шкуры леопарда, с лапами и хвостом. Г. Боннет справедливо возводит к щиту-палке архаической формы щит, символизирующий в египетской иероглифике нижнеегипетскую богиню Нейт [Bonnet, 1926, с. 182—183] (табл. LXIII, 7). Щит этот узкий, длинный, в виде очень вытянутой восьмерки или вытянутого прямоугольника. Иероглиф «сражаться» эпохи Древнего царства [Yadin, 1963, с. 48) включает в себя изображение щита прямоугольной формы с дугообразно вогнутыми боками (табл. LXIII, 6). Нам представляется, что это геометризированное изображение шкуры, а также в какой-то степени и щита Нейт. Но в эту же эпоху существовал и другой вариант того же иероглифа «сражаться», где щит изображен (а в Египте это встречается в единичных случаях) в профиль (табл. LXIII, 6). Это изображение важно тем, что здесь впервые представлен щит с прямоугольной нижней и закругленной и приостренной верхней частью, который станет единственным типом щита в Египте последующую тысячу лет.

Из Месопотамии щиты нам известны начиная с середины III тысячелетия до н. э. Изображения их единичны, что говорит о достаточно узком их применении. Это изображенные на победной стеле Эанатума очень большие, защищавшие тело воина от подбородка до лодыжек прямоугольные щиты, усиленные девятью большими круглыми бляхами, расположенными по три в три горизонтальных ряда (на изображении видны два правых вертикальных ряда, левый ряд закрыт руками копейщиков, идущих за щитоносцами) (табл. LXIII, 2). Поверхность щитов гладкая, следовательно, для их изготовления применялась кожа, составляющая, как минимум, верхний слой щита. О структуре и конструкции щитов можно только предполагать: они могли иметь основу из досок, или из соединенных рейками вертикально поставленных жердей, или тростниковых стволов; это могла быть и прутяная или камышово-тростниковая плетенка на жесткой раме, либо щит делался из цельного куска толстой твердой кожи, вероятно, в несколько слоев.

Использовались такие щиты, как это показано на стеле, в качестве элементов подвижной стены, защищавшей фалангу тяжеловооруженных копейщиков в шлемах: щитоносцы, также в шлемах, шедшие в первой шеренге, держали их двумя руками, иначе такой щит, несомненно очень тяжелый, долго и быстро нести было бы невозможно, да им еще нужно было хотя бы минимально манипулировать.

За щитоносцами двигались в шесть шеренг копьеносцы, державшие, что хорошо видно, свои копья двумя руками.

Из Мари происходит датируемая также серединой III тысячелетия до н. э. пластинка с изображением станкового щита, применявшегося для осады, как это следует из контекста изображения, но, вероятно, также и для полевого боя, для создания легкого, подвижного полевого укрепления — базы наступления и прикрытия в случае отступления. Щит из Мари (табл. LXIII, 3) огромен: выше человеческого роста, он сверху загнут назад, защищая воинов от метательных снарядов со стен осаждаемого укрепления. Сделан он из жердей или стволов тростника, слой которых, может быть, и не один, скреплен четырьмя широкими обоймами — металлическими или из твердой кожи либо просто досками. На его изнанке, в верхней части, укреплена дужка рукоятки, за которую его двумя руками удерживали в стоячем положении и перетаскивали с места на место.

Из «царских» гробниц Ура происходит крупная бронзовая чеканная обкладка, которую с большой долей вероятности можно отнести к щиту; размером эта обкладка около 30—40 см в длину и 25—30 см в ширину (табл. LXIII, 1). Она представляет собой горизонтально вытянутый прямоугольник указанных размеров, к середине нижнего края «приставлен» вырезанный из

одного с ним листа бронзы диск около 14 см диаметром. Чеканный декор на прямоугольной части обкладки изображает две симметричные сцены: льва, стоящего над лежащим ничком человеком, убитым и захороненным (судя по горизонтальной линии, отделяющей льва от человека) врагом, чеканное изображение на диске — многолепестковая розетка, символизирующая солнце. Типично военно-победная символика — лев, попирающий поверженного врага, подтверждает принадлежность предмета к вооружению. На щите эта пластина могла покрывать его верхний край (табл. LXIII, 1а); если же она располагалась в середине, то у верхнего, дошедшего не полностью верхнего края должен был быть еще один диск, симметричный нижнему. Ширина покрываемого ею щита не превышала 50—60 см, соответственно в высоту щит был не более 1 м, а скорее даже короче. Следовательно, он был вполне мобилен, и его могли носить свободно одной рукой. Как видим, месопотамские щиты были весьма совершенны, разнообразны по размерам, материалу, весу, были достаточно специализированы, предназначались для разных родов войск. И. М. Дьяконов почему-то считает их несовершенными [ИДМ, 1982, с. 39], хотя щиты из этих материалов (которые не смогли вытеснить в позднем средневековье даже стальные щиты) высоко ценились вплоть до исчезновения щитов как вида вооружения, и именно не за доступность материала, а за надежность.

А ведь в «ненадежности» шумерских и раннеаккадских щитов И. М.Дьяконов в какой-то мере видит причину слабого развития рабства (за счет порабощенных военнопленных и захваченных в войне мужских представителей чужих коллективов) в древней Месопотамии [там же].

К сожалению, после середины III тысячелетия до н. э., вплоть до начала I тысячелетия до н. э., пока не дошло ни вещественных остатков, ни изображений месопотамских щитов. Это отнюдь не означает там их отсутствия, поскольку щиты упомянуты в письменных источниках второй половины III—II тысячелетий до н. э., даже с указанием материала [Salonen E., 1965, с. 128—129]. Они известны в это время под аккадским термином aritu(m), в качестве материала отмечена кожа — KUŠ и дерево — GIŠ, причем всегда раздельно, т. е. получается, что щиты были или целиком кожаные, или целиком деревянные. Как явствует из найденного в Эль-Амарне списка подарков митаннийского царя Тушратты, кожаные щиты имели металлические детали, видимо, круглые умбоны из металла, обозначавшиеся в XV в. до н. э., во всяком случае, в Митанни, хурритским словом urukmannu, бронзовые и даже серебряные (в последнем случае явно парадные, подарочные экземпляры) [там же, с. 129—132]. Отсутствие щитов на месопотамских памятниках искусства может говорить либо о существовании там начиная с времени правления Саргонидов какого-то ритуального запрета на его изображение, либо, что вероятнее, действительно о редком его применении. Скорее всего причина ограниченного использования щита кроется в месопотамской традиции, когда воины, не входившие в состав фаланги, часто сражались двумя видами оружия — коротким копьем в правой и боевым топором в левой руке, что прослеживается и на стеле Эанатума, и на «луллубейской» стеле Нарам-Суэна, и на глиняных плакетках первых веков II тысячелетия до н. э. (табл. XIX, 37; XX, 58). А с прекращением в эпоху Аккадской династии использования фаланги сфера применения щита еще более сузилась, если практически почти не исчезла надолго.

Зато в Египте во второй половине III тысячелетия до н. э. все воины, кроме лучников, пользуются щитами, во всяком случае, в полевом бою. Основная форма щита здесь, установившаяся еще с начала III тысячелетия до н. э., прямоугольная или слегка расширяющаяся книзу трапециевидная в нижней части, закругленная или приостренная в верхней (табл. LXIII, 9—14, 16—22). Размеры щитов, судя по изображениям, варьируют от около 60—80 см

высотой (щиты этих размеров были самыми распространенными) до очень больших, закрывавших воина от подбородка до щиколотки. Огромные, выше человеческого роста, вытянутых пропорций, с закругленным верхом, щиты (табл. LXIII, 15, 25), опять-таки судя по изображениям, применялись только на охоте высшей знатью на крупных опасных животных, и держали их специальные оруженосцы. Боевые щиты делали из дерева, обтягивая шкурами пегих коров, рысей, леопардов, гиен, окаймлялись кожаными кантами, полосами либо, реже, целиком расписывались яркими простыми геометрическими узорами. Рукоять щита представляла собой деревянный брус, палку, длиной равную ширине щита: брус горизонтально прикреплялся в районе верхней трети высоты щита, в середине он имел расширение с отверстием для просовывания кисти руки (табл. LXIII, 24).

Со времени Нового царства египетские щиты (табл. LXIII, 43—48) претерпевают изменения: несколько уменьшились их размеры (не более 60 см высотой), верх всегда скругленный и в отличие от ранних щитов равный или превышающий во время XVIII династии по ширине нижнюю часть. Их конструкция и оформление остались почти без изменения. Новшества заключаются в том, что рукоять стала делаться из двух кожаных, соединенных между собой петель, расположенных вертикально в середине щита, дополнительная ременная петля позволяла носить щит за спиной в походе или в бою, когда приходилось действовать обеими руками. Новым явлением было и усиление щита круглым умбоном (табл. LXIII, 23), деревянным или металлическим, заимствованным из сиро-палестинской традиции изготовления щитов: умбоны видны на щитах азиатских наемников, участвовавших в междоусобицах Египта в конце эпохи Среднего царства, что подробно изображено на стенной росписи в Бени-Хасане в XIX в. до н. э. (табл. LXIII, 49). Первоначально, судя по находке реального предмета (табл. LXIII, 23), умбон египетского щита вырезался из одного куска с палкой-рукоятью и выставлялся наружу сквозь круглое отверстие в плоскости щита, но позднее, с изменением конструкции рукояти, умбон стали делать в виде металлической бляхи, прикрепленной к верхней трети плоскости щита вдоль его оси. Роскошные щиты фараонов украшались деревянными прорезными накладками с аллегорическими изображениями их побед (табл. LXIII, 26) либо солнечным диском с двумя кобрами-уреями по бокам (табл. LXIII, 40). Сверху египетские щиты имели маленькую петлю, за которую подвешивались во время хранения в арсеналах.

Иную традицию представляют сиро-палестинские щиты. Древнейшее их изображение имеется на рисунке, процарапанном на стене одной из погребальных камер в Иерихоне около 2200 г. до н. э. [Kenyon, 1957, рис. 13]. Они имеют вид короткого прямоугольника или квадрата, небольших размеров, судя по масштабу, не более 50—60 см. высотой. Изображение (табл. LXIII, 50) схематично, и конструкцию, и материал, из коего сделаны щиты, определить невозможно.Щиты в руках «азиатских» семитских наемников, изображенных на стенописи из Бени-Хасана (XIX в. до н. э.), представляют собой по форме небольшие узкие прямоугольники с раздвоенными узкими сторонами (табл. LXIII, 49). В их несколько необычной форме можно усмотреть геометризированное воспроизведение шкуры, послужившей основой плоского щита (кстати, их форма напоминает форму стандартных слитков меди, предназначенных для торгового обмена, известных на Крите в середине II тысячелетия до н. э. и тоже воспроизводящих форму снятой и растянутой шкуры [Блаватская, 1966, с. 98—99, рис. 64]).

Умбоны из металла, изображения которых мы видим на щитах «азиатов» на фресках Бени-Хасана, видимо, послужили образцами для умбонов египетских щитов.

В XV—XIII вв. до н. э. сиро-палестинские щиты, хорошо представленные на египетских изображениях, все небольшие, прямоугольной, реже почти

квадратной формы (табл. XLIII, 51—62). В конце XV в. до н. э., судя по изображению на обивке колесницы Тутмоса IV, они обычно имели небольшой квадратный выступ на верхнем крае, видимо служивший для защиты лица, тогда как основная плоскость щита закрывала корпус от шеи до пояса. Вероятно, эта деталь — квадратный выступ — была заимствована со щитов Крита — Кафтора, так его называли сиро-палестинцы, с которым у них еще с начала II тысячелетия до н. э. отмечены глубокие и разносторонние связи вплоть до того, что Крит почитался одной из родин (другой родиной был Египет) сирийского бога Кусару ва Хасису — покровителя кузнечного ремесла [Шифман, 1982, с. 113]. Правда, критские щиты были очень большими [Buchholz, e.a., 1977, рис. 1, с. 2, табл. 11, c], но, закрывая все тело от шеи до щиколоток, оставляли открытым лицо, а если щит приподнимали, то из-за его ширины не было обзора. Поэтому критяне и делали полукруглый выступ наверху. В XIV в. до н. э. этого выступа на сиро-палестинских щитах уже нет. Судя по изображениям, сиро-палестинские щиты изготовлялись двумя способами. Первый заключался в том, что дощатая основа обтягивалась кожей, и поверхность таких щитов на изображениях гладкая. По второму способу делались из широких, перпендикулярно переплетенных лыковых (может быть, и из твердой кожи) полос; плетенка натягивалась на деревянную раму. Не исключено, что такая же плетенка была в основе и щитов, обтянутых кожей. На изображении XIII в. до н. э. (табл. LXIII, 61) поверхность прямоугольного сиро-палестинского щита расчерчена не клетками, а «кирпичиками», а так рисунок заведомо изображает лыковое плетение.

И плетеные, и обтянутые кожей сиро-палестинские щиты, во всяком случае, в XV в. до н. э. густо обивались круглыми металлическими бляшками. Если на плетеных щитах по одной маленькой бляшке помещалось внутри каждой «клетки», то на гладких щитах довольно крупные, небольшие и совсем мелкие бляшки образовывали разнообразные геометрические узоры — концентрические и полосчатые, в результате чего металл не только укреплял щиты, но и украшал их.

В XIII в. до н. э. в Восточном Средиземноморье появляется круглый щит, дотоле неизвестный на Ближнем Востоке. Заносят его туда передовые отряды «народов моря». Щиты этих воинов с севера (табл. LXIII, 70—75) довольно большие — около 70 см диаметром, гладкие и часто имеют по нескольку круглых умбонов. С их изнаночной стороны изображены канты, а также круги в местах прикрепления умбонов. Рукоять у них — в виде двух мягких петель: в одну рука продевалась, за другую держалась кисть руки. Длинная ременная петля позволяла носить щит за спиной. Судя по канту на изнанке, эти щиты были деревянными и обтягивались с лицевой стороны кожей, загнутой наизнанку.

Вторая волна нашествия «народов моря» в XII в. до н. э. принесла в Египет щиты той же круглой формы, но только с одной рукояткой-петлей, что говорит о несколько ином способе манипулирования щитом (табл. LXIII, 74, 75) (когда щит держат только кистью за одну рукоять, на полусогнутой или вытянутой руке им можно быстрее манипулировать, защищая большую площадь). Но египтяне к этому времени уже сами, а не только их наемники и пленники-воины из тех же «народов моря» («шарданов») стали пользоваться такими щитами, что вызывает удивление, поскольку египтяне не были склонны к массовым нововведениям, особенно по части защитного вооружения. Правда, надо сказать, что круглые щиты очень быстро исчезли из египетского вооружения. Собственно, их изображения встречаются только на храмовых рельефах времени Рамсеса III, в начале XII в. до н. э., в руках колесничных щитоносцев. Эта военная специальность оказалась столь же недолговечным нововведением Рамсеса III, как и круглые египетские щиты.

В отличие от Египта круглый щит, судя по изображениям, стал с XII в. до н. э. широко употребляться ханаанеями в Палестине и Сирии, возможно, благодаря постоянному влиянию осевших здесь филистимлян — одного из «народов моря». Одни круглые щиты ханаанеян, с единственной рукоятью-петлей и длинной ременной петлей для ношения за спиной, были диаметром не менее 70 см (табл. LXIII, 67), другие — около 50 см (табл. LXIII, 66), а третьи — не более 30 см (табл. LXIII, 68), «фехтовального» типа. Материалом им служили дерево, толстая, твердая, склеенная и спрессованная в несколько слоев кожа, а также — для небольших экземпляров — бронза.

Местом изобретения круглых щитов считаются Эгеида и юг Центральной Европы — родина «народов моря». Однако в Эгеиде самое раннее из известных изображений круглого щита, очень большого и выпуклого, покрытого косматой шкурой или меньших размеров, с кантом и одним или несколькими умбонами, фиксируется еще позже, чем у «шарданов» в Египте — на рубеже XIII — XII вв. и позднее [Buchholz, e.a., 1977, с. 27—44]. В Центральной Европе, как и во всей Евразии, до начала I тысячелетия до н. э. их следов вообще не обнаружено. И лишь благодаря находкам самого последнего времени стало возможным наметить ранний ареал их генезиса. Мы уже упоминали о раскопках в Прикубанье кургана майкопской культуры, в склепе которого на стенах были обнаружены уникальные росписи с изображениями оружия, в частности лука и колчана. Справа от них, под изображением то ли обезглавленного покойника, то ли скорее набора мужской одежды, развешанной по стене (погребальный обряд развешивания на стенах погребальной камеры одежды зафиксирован в скифских мужских богатых погребениях), нарисован красный диск, несколько неправильной формы, с нанесенными черной краской квадратами, кружками, черточками и несколькими выступами на верхнем крае. На наш взгляд, этот диск является изображением щита, обтянутого шкурой (черточки, обозначающие волосы, шерсть) и оббитого металлическими бляхами-умбонами (квадратики, кружки). В то же время черные выступы на верхнем крае могут обозначать лучи, а вместе с красным диском весь рисунок символизировал заходящее солнце [Резепкин, 1987, с. 27, рис. 1].

Изображению в Майкопском кургане — по набору оружия, его расположению и формам — точно соответствует также упоминавшееся выше изображение на стене погребальной камеры культуры «боевых топоров и шнуровой керамики» из Галле в Германии [Gamber, 1978, рис. 56]. Отличие последнего в том, что изображение здесь не живописное, а гравированное и, главное, нет щита. Датируется центральноевропейское изображение 2000—1800 гг. до н. э., прикубанское, видимо, немного раньше, что может соответствовать времени выхода на западноевропейские и предкавказские рубежи индоевропейцев, с которыми убедительно связывается культура «боевых топоров и шнуровой керамики».

Можно предположить, что круглые щиты, которые могли быть характерными для индоевропейцев на их северопричерноморской прародине, при продвижении в южном направлении попали в зону контакта с передневосточными цивилизациями — в Предкавказье, но там не получили распространения и развития, поскольку в Прикавказье они вновь фиксируются только с начала I тысячелетия до н. э. и имеют в это время явно передневосточное происхождение. На пути же в Центральную Европу круглые щиты, хотя и распространялись на запад медленнее, стали определенно развиваться у одной из южных групп индоевропейских племен около середины II тысячелетия до н. э., которые, восприняв эгейскую военную культуру, в XIII в. до н. э. принесли их на Передний Восток. Однако эти племена отличались в культурном отношении от хеттов — основателей Хеттской державы. У последних круглый щит был неизвестен.

Хетты, судя по изображениям, датируемым после середины II тысячелетия до н. э., в том числе и египетским, применяли специфический 8-образный щит либо его вариант — овальный, с дуговидными вырезами по бокам (табл. LXIV, 4). Иногда они использовали и заимствованный из Сирии прямоугольный щит (табл. LXIV, 5). Хеттские 8-образные щиты по форме схожи со щитами крито-микенскими, но намного меньше последних, достигавших высоты почти человеческого роста. Поскольку крито-микенские щиты датируются временем до середины II тысячелетия до н. э., их можно было бы считать прототипами хеттских. Однако О. Гамбер высказал справедливое предположение, что они появились в Анатолии после середины III тысячелетия до н. э., основываясь на форме золотых фибул (около 2400 г. до н. э.) из Аладжа-Хююка [Gamber, 1978, с. 94]. Правда, 8-образную форму фибул О. Гамбер возводит к той же формы плоским идольчикам из Западной Анатолии, но, надо полагать, и идолы и щиты просто передают контур человеческого торса, а фибулы воспроизводят именно форму щита, который, судя по декору фибул (табл. LXIV, 1—3), обтягивался кожей, прибитой к основе из досок или плетенки заклепками, образующими сетчатый узор, а внутри крупных «ячеек» этого узора помещались большие металлические круглые умбоны. Таким образом, Анатолия может считаться родиной как крито-микенских, так и «хеттских» щитов, с которыми хетты познакомились, проникнув в Малую Азию и не имея на вооружении круглых щитов. От хеттов 8-образные щиты были заимствованы в последние столетия II тысячелетия до н. э. в Сирию (табл. LXIII, 63а, 64).

В Сирии в это время еще бытовали небольшие прямоугольные щиты, иногда, под хеттским влиянием, имеющие дуговидные низкие вырезы вдоль длинных сторон (табл. LXIII, 63).

Хеттские щиты, как и крито-микенские, обтягивались шкурой с длинным мехом. Недаром спорным является вопрос, что же было атрибутом охранительного божества хеттов, который в двух экземплярах (божество было двойным) хранился в его святилище и ежегодно обновлялся, причем старые экземпляры атрибута отсылались в другие, периферийные, города, где служили объектом поклонения уже не в качестве атрибута, а воплощения божества [Otten, 1959, с. 356]. Большинство авторов этим атрибутом-символом считают 8-образный щит, но В. Г. Ардзинба, исходя из охранительной семантики шерсти, предлагает считать этот атрибут просто шерстью [Ардзинба, 1982, с. 145—146]. Все же представляется, что атрибутом — воплощением божества-защитника является именно щит. И это вполне логично для функции божества и для качества его символа как предмета, изготовляемого, обновляемого и посылаемого. Тем более что именно щит и именно 8-образный служил атрибутом и воплощением божества, воспроизведенным в сакральных изображениях, был объектом поклонения в качестве инкарнации божества; щит устанавливался на алтарях в крито-микенском мире [Buchholz, e.a., 1977, с. 13]. Противоречия же между щитом и шерстью нет, так как крито-микенские щиты, судя по изображениям, практически всегда обтягивались шкурой пегой коровы; ведь и козья шерсть, воплощавшая защитную функцию Афины, была все же не просто шкурой или кучей волос, а доспехом, предметом — эгидой, которая, кстати, уже с VII в. до н. э. изображалась чешуйчатой. В Малой же Азии щиты из косматых шкур отмечались античными авторами вплоть до конца исследуемого в данной книге периода (Анабасис V, IV, 12).

С начала I тысячелетия до н. э. круглый щит получает распространение на Ближнем Востоке. Особенно популярны круглые щиты были в IX — VII вв. до н. э. в сиро-финикийском регионе (табл. LXIV, 15—27). Они разных размеров, но маленьких среди них нет, выпуклые — сферические или конические, обычно с умбоном, также коническим, но встречаются и почти плоские щиты без

умбонов. На изображениях Сирии X—VIII вв. до н. э. мы видим еще 8-образные щиты несколько вырожденной формы, но только в руках богов (табл. LXIV, 6), и, надо полагать, такие щиты в реальной жизни уже не использовались.

Круглыми щитами пользовались и пешие воины, и всадники, щитами, украшенными по центру львиной головой, заслоняли вход в кузов колесницы. Теперь все чаще в древневосточных текстах встречаются упоминания чисто металлических щитов. Золотые щиты (может быть, из золоченой бронзы) захватил царь Давид у рабов (телохранителей? — *М. Г.*) сирийского царя? Своих телохранителей израильско-иудейские цари снабжали тоже золотыми и медными щитами, а трофейные золотые щиты вывешивали в храме (II Книга царств 8, 7; III Книга царств 10, 16, 17). Огромное количество урартских бронзовых щитов — 25 212 штук — было захвачено в одной из военных кампаний (последняя четверть VIII в. до н. э.) ассирийским царем Саргоном II [Thureau-Dangin, Dunand, 1912, с. E 37, примеч. 302]. В храмовом центре Урарту, Муцацире, он захватил «6 золотых щитов, висевших в его (бога Урсаны) доме на стенах слева и права... 12 крепких щитов из серебра с драконьими и львиными головами в их середине» [Дьяконов, 1951, с. 352 и сл.]. Этот храм с щитами, висящими на фасаде «слева и справа» от входа, разграбляемый ассирийскими воинами, изображен на рельефе из Хорсабада (табл. LXV, 3).

В Ассирии круглые щиты также были широко распространены, но стали там единственным типом этого доспеха. Ассирийские круглые щиты (табл. LXIV, 33—35, 38—40) IX в. до н. э. известны двух разновидностей: гладкие, средних размеров, около 50—60 см в диаметре, и маленькие «фехтовальные», 35—40 см в диаметре, округло-выпуклые, с широким, отогнутым наружу краем, часто усаженные выпуклыми круглыми металлическими умбонами. Вероятно, они были отформованы из толстой твердой кожи либо целиком ковались из бронзы.

В VIII в. до н. э. маленькие щиты больше не применяются. Пользуются только круглыми щитами, выше средних размеров — 60—70 см в диаметре (табл. LXIV, 42—44, 48, 49, 50, 52—56), выкованными из бронзового листа, выпукло-конической формы, украшенными чеканным геометрическим и растительным орнаментом, концентрически скомпонованным, а также плоскими щитами, плетенными из лыка. С внешней стороны щиты могли, впрочем не всегда, обтягиваться кожей, а их деревянная рама оковывалась бронзовым кантом. В конце VIII — VII вв. до н. э. выше средних размеров круглые щиты делали из перекрещенных полос сплетенного «в косичку» лыка (табл. LXIV, 58), из уложенных в ряд жердей или стволов камыша или тростника (табл. LXIV, 59). Такие щиты могли быть только плоскими. На эти щиты крепились круглыми коническими умбонами и бронзовыми оковками вокруг деревянной рамы, а лыковые еще и обтягивались снаружи кожей (табл. LXIV, 50). Кроме того, средних размеров щиты ковались из бронзы (табл. LXIV, 53—54), с чеканным концентрическим орнаментом.

В конце VIII — VII вв. до н. э. на вооружении ассирийского войска появляются и широко применяются огромные круглые, коническо-выпуклые щиты, закрывающие воина от шеи до середины голеней (табл. LXIV, 60, 61, 63). Некоторые из них гладкие, другие имеют большие конические же умбоны и широкие канты из бронзы, с заклепками. Видимо, они формовались из толстой твердой кожи, либо их основу составляла концентрическая прутяная плетенка, обтянутая кожей; трудно представить, чтобы такие щиты делали целиком из бронзы, так как их вес тогда был бы слишком велик, будучи немалым и в неметалическом исполнении.

Кроме круглых в ассирийском войске широко применялись прямоугольные щиты двух размеров: средние, приблизительно 40 × 100 см, и большие — почти

в человеческий рост и даже выше станковые щиты, использовавшиеся при осаде городов. В IX в. до н. э. прямоугольные ассирийские щиты изготовлялись только из вертикально составленных жердей, тростниковых или камышовых стволов, соединенных вверху и внизу поперечными рейками. Вероятно, часть средних щитов имела горизонтальные кожаные полосы для соединения с прорезями, сквозь которые продевались жерди, образуя геометрический узор (табл. LXIV, 32, 32а, 36—37а). В VIII в. до н. э. прямоугольные ручные щиты стали делать также из плетеного лыка (табл. LXIV, 46). Осадные щиты, изготовлявшиеся в VIII в. до н. э., судя по изображениям, только плетенными из лыковых полос или прутьев и камышин, сплетенных в «елочку», стали для лучшей защиты осаждающих от метательных снарядов осажденных наверху загибать назад (табл. LXIV, 45, 47, 51).

В VII в. до н. э. прямоугольные щиты из ассирийского военного обихода исчезают. Средние, пехотные, заменяются очень крупными щитами, закрывающими воина от плеча до середины голени, прямоугольными снизу и закругленными сверху (табл. LXIV, 65—70), изогнутыми по горизонтали. Как и большие круглые, пехотные, эти щиты также гладкие или имеют круглый умбон и широкий кант из металла, прикрепляемые заклепками. Делали такие щиты, видимо, из досок, обтянутых сверху кожей. Встречаются также и сплетенные из лыковых полос. Форма этих щитов очень похожа на форму египетских щитов, да и появляются они в Ассирии после захвата ею Египта в середине VII в. до н. э.

Надо полагать, позднеегипетские щиты были именно такими, т. е., сохранив традиционную форму, резко увеличились в размерах. Еще в V в. до н. э. эти огромные, тяжелые деревянные или плетеные египетские щиты видели и описали эллинские авторы (Анабасис I, VIII, 9; Киропедия VI, IV, 1; VII, I, 33; VII, II, 10; Геродот VII, 63, 89). Близкую им форму приобрели и огромные осадные станковые щиты (табл. LXIV, 71—73), выпуклые, с верхом, отогнутым назад. Делали их из жердей или тростниковых стволов, сверху и снизу скрепленными широкими, видимо, металлическими полосами; иногда изнутри подкладывался слой кожи с прорезями, через которые продевались жерди. Удивительным образом позднеассирийские щиты практически аналогичны осадному щиту, изображенному на костяной пластинке из Мари середины III тысячелетия до н. э. (табл. LXIII, 3). Видимо, месопотамская традиция изготовления осадных станковых щитов жила тысячелетиями, временами затухала, но в момент перед захватом иранцами всего Ближнего Востока вновь дала о себе знать.

Неметаллическая поверхность ассирийских щитов могла окрашиваться. Так, в Библии мы находим указание, что ассирийские щиты VII в. до н. э. были красными (Книга Наума 2, 3). Не исключено, что подобная окраска, характерная, видимо, для круглых щитов, символизировавших солнце, могла быть воспринята жителями Месопотамии у индоиранцев в середине II тысячелетия до н. э. либо у иранцев в начале I тысячелетия до н. э.

В Урарту, судя по изображениям и находкам реальных предметов, использовали только круглые щиты диаметром около 50 см (табл. LXV, 1—6) и более крупные, диаметром 70—100 см (табл. LXV, 8—10а). Судя по находкам и огромным цифрам, приводимым в ассирийских анналах,— десяткам тысяч, в Урарту исключительно широко применялись бронзовые кованые щиты, а некоторые ритуально-парадные щиты делали из серебра и даже золота и украшали в центре скульптурным изображением головы зверя, обычно льва (табл. LXV, 3, 4). Подобные украшения были, как мы уже знаем, на сирийских щитах IX в. до н. э., а также и на ассирийских щитах IX в. до н. э., которые, как и в Северной Сирии, закрывали входы в кузова ассирийских колесниц.

В Урарту круглые бронзовые щиты заимствуются, видимо, из Ассирии в VIII в. до н. э., из Урарту через Малую Азию (а также, вероятно, из Сирии через Кипр) попадают в эллинскую Эгеиду в VII в. до н. э. О связи с ассирийскими маленькими щитами IX в. до н. э. и средними — VIII в. до н. э. говорят и такие признаки урартских бронзовых щитов (табл. LXV, 8—10), как резко отогнутый наружу край (такой же у ассирийских щитов IX в. до н. э.) и выпукло-коническая форма центральной части (подобная у ассирийских щитов VIII в. до н. э.). Бронзовые щиты урартской знати богато украшались чеканкой и гравировкой — концентрически расположенными изображениями верениц быков и львов (табл. LXV, 9—10а). Декор выполнялся на высоком декоративно-художественном уровне, мастерами прекрасной квалификации, но не отличался разнообразием.

Кроме бронзовых урарты использовали и щиты из кожи, досок, жердей и прутяного или лыкового плетения. Вероятно, они также были схожи с типами, распространенными в Ассирии. Деталями таких щитов является группа бронзовых гладких умбонов конической формы, диаметром и высотой около 12—15 см, найденных в развалинах крепости Тейшебаини, с именами царей Аргишти I (781—760 гг. до н. э.) и Сардури II (760—730 гг. до н. э.) (табл. LXV, 7, 7а). Надо отметить, что все найденные подлинные щиты, даже неметаллические с умбонами, были ритуальными подношениями в храм.

В отличие от ассирийских щитов, а также урартских маленьких щитов IX в. до н. э. только с одной петлей-рукояткой, урартские щиты VIII — VII вв. до н. э. имели две петли — большую ременную, привязанную к двум горизонтальным бронзовым петелькам, куда просовывалась локтевая часть руки, и малую бронзовую, которая схватывалась кистью [Есаян, 1966, с. 94—95]. Так на Востоке, впервые после «шарденов», урарты стали держать щит и локтем и кистью, в результате чего носить его стало гораздо легче даже при увеличенном весе, но зато уменьшилась возможность маневрирования, в чем, собственно, уже не было необходимости ввиду больших размеров щита, и так прикрывавшего большую часть корпуса воина. Вероятно, именно от урартов способ держания щита и локтем и кистью распространился в эллинский мир, став там единственным.

Закавказские щиты, известные по изображениям на памятниках из Армении начала I тысячелетия до н. э., можно разделить на три типа. К первому типу относятся большие, закрывавшие воина от плеча до колена, прямоугольные щиты, горизонтально изогнутые (табл. LXIV, 74). Щиты второго типа отличаются треугольной или закругленной верхней частью, заметно более широкой, иногда как бы «раздутой» (табл. LXIV, 75—77). Судя по рядам точек на поверхности щита, который несет предводитель отряда, изображенного на поясе из Степанавана, щиты знати, как предположил С. А. Есаян, покрывались металлическими бляшками [Есаян, 1966, с. 91]. Эти щиты практически аналогичны щитам «египетского» типа на ассирийских изображениях VII в. до н. э. С. А. Есаян датирует эти щиты, как и пояс, на котором они изображены, X в. до н. э. [Есаян, 1966, с. 92]. Однако выше, в разделе о поясах, нами было показано, что дата степанаванского пояса может быть не ранее VIII в. до н. э. А ассирийские аналоги щитов еще более омолаживают дату изготовления пояса. Тем же VII в. до н. э. следует датировать и статуэтки богов-воителей из Паравакара в Армении (табл. LXIV, 77), которые С. А. Есаян относит к IX в. до н. э. [Есаян, 1980, 37].

К третьему типу можно отнести круглые маленькие щиты, которые изображены на группе памятников из Армении, созданных на протяжении двухсот лет,— на поясе из Санаина (табл. LXIV, 79), датируемом по изображенным на нем конским нагрудникам VIII — первой половиной VII в. до н. э., на одной из паравакарских статуэток VII в. до н. э. и на бронзовых статуэтках богов-воинов из Айрума (табл. LXIV, 78), которые датируются VI — V вв. до н. э.

[там же]. Щиты, изображенные на санаинском поясе, снабжены умбонами по периметру, либо так передана крестообразная фигура, украшающая его.

Маленькие металлические щиты круглой и овальной формы, судя по находкам и изображениям, бытовали в IX—VII вв. до н. э. в Грузии (табл. LXIV, 82; LXV, 11).

Круглые щиты диаметром около 50 см на статуэтках воинов с северных склонов Центрального и Восточного Кавказа изображены заброшенными за спину. Скульптурка из Чечено-Ингушетии (табл. LXIV, 80), судя по шлему с гребнем, относится к периоду не позднее VIII в. до н. э. Зато статуэтка из Дагестана (табл. LXIV, 81) имеет такой датирующий признак, как скифский акинак на левом боку, а кафтан с острыми полами, штаны и невысокие сапожки, гривна на шее и отрубленная голова в руке позволяют видеть в данном бородатом персонаже практически первое достоверное изображение скифа и относить его ко второй половине VII—началу VI в. до н. э. Не противоречит этому конический шлем, видимо, трофейный—ассирийский, маннейский или урартский. Круглый его щит, плоский, с умбоном и оковкой по краю, имеет снизу подвесной коврик. Такие коврики для защиты ног применялись греками. На ранних этапах скифы, заимствовав на Кавказе круглые щиты, могли снабжать их также заимствованными, но уже, видимо, в Малой Азии, защитными ковриками.

Северокавказские щиты начала I тысячелетия до н. э. до нас не дошли. Лишь судя по большой круглой бронзовой бляхе диаметром 26 см, найденной в составе комплекса находок оружия конца VIII—начала VII в. до н. э. у г. Бештау (табл. LXV, 13), можно полагать, что их делали из органических материалов и усиливали металлическими умбонами с чеканным геометрическим узором, весьма сходным с тем, который мы видели на щитах, изображенных на поясе VIII—начала VII в. до н. э. из Санаина (табл. LXIV, 79).

Щиты Западного Ирана начала I тысячелетия до н. э. известны двух основных типов. От щитов первого типа до нас дошли сделанные на юге, в Луристане, массовые находки бронзовых умбонов от щитов, которые можно подразделить на две разновидности. К первой относятся плоские умбоны диаметром от 13 до 20 см (табл. LXV, 16—18), с большой полусферической выпуклостью в центре и двумя парами отверстий по краям либо одним в центре серединной выпуклости. Они обычно украшены геометрическим чеканным орнаментом, отдаленно напоминающим орнамент умбона из бештауского комплекса. К другой разновидности относятся умбоны обычно диаметром около 25 см, с отогнутым наружу краем, плоской зоной вокруг центра, как правило, с концентрическими перепадами и высоко выступающей коническо-закругленной серединной выпуклостью (табл. LXV, 14, 15). По краю у них также имеются две пары отверстий для прикрепления к основе, узоров на поверхности нет. Луристанские умбоны можно датировать IX—VIII вв. до н. э., они укрепляли, украшая, круглые щиты из органических материалов, причем умбоны второй разновидности, судя по отогнутому краю, покрывали, видимо, почти всю поверхность маленьких «фехтовальных» круглых щитов, напоминая в целом ассирийские и урартские щиты IX в. до н. э. Как видим, здесь чувствуется сильное ассиро-урартское влияние: не забудем, что и шлемы урартского типа были найдены в Луристане [Borchhardt, 1972, с. 108].

На севере Западного Ирана мы сталкиваемся с преобладанием щитов иного плана—прямоугольных, размером приблизительно 35—40 × 60—80 см, сделанных из лыковой плетенки, натянутой на деревянную раму (табл. LXV, 21, 22, 24). Такие щиты (их можно объединить во второй тип) видны на росписи керамики X—IX вв. до н. э. из Тепе-Сиалка и на ассирийских рельефах VIII в. до н. э., изображающих битвы в горах Северо-Западного Ирана.

На тех же рельефах мы видим прямоугольные щиты, покрытые крупным геометрическим орнаментом, видимо, нарисованным на коже, обтягивающей поверхность щита (табл. LXV, 22). Лишь в составе богатого комплекса разновременных предметов из Зивие встретили обломки парадного круглого серебряного щита (табл. LXV, 20), украшенного в урартской традиции концентрически расположенными вереницами животных, но стилистически не совсем урартских. Не к урартской традиции относится и наличие на щите металлического умбона при металлическом же щите (точнее, обивке щита). Может быть, здесь можно видеть локальную маннейско-мидийскую традицию VII в. до н. э.

Западная и среднеазиатская части степного пояса Евразии в течение II—начала I тысячелетия до н. э. не дают практически никаких данных о щитах. Зато в Центральной Азии многочисленные «оленные камни» — каменные изваяния, изображающие вооруженного мужа,— «карасукской» эпохи (XII—VII вв. до н. э.) несут на себе почти всегда изображения щитов. Как таковые, они были опознаны одновременно Э. А. Новгородовой и М. А. Дэвлет [Дэвлет, 1975; Новгородова, 1975] в до того загадочных, вызывавших многие и долгие споры пятиугольных фигурах на «спинах» «оленных камней» (табл. LXV, 34—48).

Щиты центральноазиатских скотоводов, переходивших на рубеже II—I тысячелетия до н. э. к кочеванию, представляли собой прямоугольники, как правило, с треугольной верхней частью. Чаще всего они покрыты «елочным» орнаментом, может быть передающим каркас обтянутого кожей щита либо его структуру — набор из дощечек, как это имело место ранее в кельтских и кельтского типа римских щитах [Piggott, 1965, табл. XILIII, в; Филип, 1961; табл. XIX]; тем более что схожие изображения щитов второй половины II тысячелетия до н. э. обнаружены в швейцарском ущелье Валкамоника [Дэвлет, 1975]. Изредка орнамент на щитах ромбический, аналогичный западноиранскому. Часто в середине верхней части «карасукского» щита имеется круглый умбон, реже два или три, расположенных по диагонали. Иногда умбон очень большой, имеет или ромбическую, или каплевидную форму. Есть изображение щита с тремя полулунными бляхами на правой стороне.

Наличие схожих щитов в Западной Европе того же времени говорит о том, что этот тип щитов был характерен для всей центральной полосы Евразии, поэтому распространение щитов этого типа на столь обширной территории можно связать с миграциями индоевропейцев во второй половине — конце II тысячелетия до н. э. в западном и восточном направлениях.

Древнейшие восточноазиатские щиты запечатлены в китайской рисуночной письменности эпохи Шан-Инь с XIII в. до н. э. (табл. LXV, 70—80). Щиты эти прямоугольные, явно имеют каркас из рамы и перекрещенных в центре жердей либо одной вертикальной осевой жерди. Именно последнюю конструкцию имел прямоугольный щит-«штандарт», устанавливавшийся на колеснице или носившийся телохранителем перед господином (такая разновидность щитов, где осевая жердь, высоко поднимаясь над щитом, увенчивалась клинком клевца-«гэ», также отражена в иньской рисуночной письменности) (табл. XXVII, 20), найденный вместе с клинком «гэ» в богатом погребении в Аньяне [Хаяси Минао, 1972, ил. 454].

Каркас аньянского щита, датируемого XII—XI вв. до н. э., затянут двумя слоями циновок крупного и мелкого плетения, покрытых слоем кожи с аппликацией в виде двух больших, повернутых спиной друг к другу тигров. Размер этого щита-«штандарта» — 70 × 80 см, высота центральной жерди — около 120 см. Каждая половина его несколько выгнута по горизонтали.

Поверхность иньского щита могла усиливаться круглыми умбонами (табл. LXV, 79) диаметром около 8—12 см, слегка выпуклыми, с петлей на обороте, типологически тождественными нашивным бляшкам «пао».

В раннечжоуское время (XI — VIII вв. до н. э.) китайские щиты [Дай Инсинь, 1976; Жертвенное сопогребение, 1974] не претерпевают особенных изменений. Лишь диаметр умбонов увеличивается до 25 см, и крепятся они уже не с помощью петли на оборотной стороне, а посредством парных отверстий по краям умбона (табл. LXV, 81, 85). Иногда оковка приобретает более сложный вид: в центре умбон диаметром 10,8 см, вокруг него плоское кольцо шириной 5 см и внешним диаметром 30 см, от которого отходят в верхние углы полосы шириной 6,6 и длиной 13 см (табл. LXV, 82), поэтому по оковке можно установить ширину щита, достигающую не менее 45 см.

Иногда на раннечжоуских умбонах изображается устрашающая человеческая личина (табл. LXV, 83), а личина чудовища Тао-тье, например, могла набираться на черной лаковой поверхности щита из отдельных бронзовых элементов (табл. LXV, 84).

Щиты с такими же крупными бронзовыми умбонами и, несомненно, той же формы появляются в это же время и у некитайских племен северо-востока (табл. LXV, 74, 75). В принципе можно предположить, что прямоугольные щиты с круглыми металлическими умбонами были заимствованы иньцами вместе с колесницей и шлемом у северных кочевников. За это может говорить и каркасная система, и то, что до сих пор прямоугольные щиты одного из народов Юго-Западного Китая расписаны в «елочку», а это, несомненно, продолжение традиции, унаследованной еще от раннесредневекового Китая и Центральной Азии [Горелик, Вооружение...; Robinson, 1967, рис. 83]. Однако тут следует быть осторожным, делая подобный вывод, поскольку прямоугольная форма щита исключительно проста и была распространена слишком широко, как и усиление его круглым умбоном. Кстати, говоря о «елочном» каркасе-узоре, можно полагать, что он воспринимался в качестве символа «мирового» дерева (эта мысль была высказана Д. С. Раевским в беседе с автором), а круг умбона, вписанного в прямоугольник щита, как единство земли и неба.

К общеевразийским степным щитам высокий прямоугольный вытянутый щит можно относить еще и потому, что он изображен на пещерной росписи Мирзапура в Индии, датируемой X — IX вв. до н. э. (табл. LXV, 32), причем он был основным типом щита в Индии и позднее, вплоть до раннего средневековья. Видимо, он был на вооружении индоариев, проникших из северных степей в Индию во второй половине II тысячелетия до н. э.

Щиты в Ахеменидской державе, надо полагать, были в основном однотипными у постоянных контингентов ахеменидского войска.

Письменные и изобразительные источники дают представление о двух основных типах ахеменидских щитов. Самым распространенным первым типом был, несомненно, большой щит из прутьев и жердей. Он постоянно упоминается Геродотом и Ксенофонтом (см. [Горелик, 1982, с. 101]). Носили такой щит только пехотинцы (всадники, видимо, вообще практически не пользовались щитами или употребляли их крайне редко). Щит держали за короткую петлеобразную ручку кистью руки (Киропедия VII, I, 34). В бою персидско-мидийская пехота шла в атаку или оборонялась, «сомкнув щиты», создавала из них легкие полевые укрепления (Геродот IX, 61, 62, 99, 102). Видимо, в последнем случае щиты ставили на землю и упирали в заостренную палку, как это делали со средневековыми станковыми щитами. Рельефы Персеполя и греческая вазопись донесли изображения этих щитов (табл. LXI, 26, 31). Они прямоугольные, очень высокие, от земли до подбородка воина, шириной около 50—70 см. Длинные прутья или жерди, а также, вероятно, тростниковые и камышовые стволы, из которых они состояли, соединялись, скорее всего, путем вставления их в прорези кожаной основы, концы же сверху и снизу скреплялись поперечными рейками. Именно такую конструкцию мы

видим у реальных щитов алтайских саков (см. ниже), у раннесасанидского иранского щита [Bour, Rostovtzeff, 1931, табл XXVI] III в. до н. э. из Дура-Европоса. Элементы такой конструкции мы наблюдали выше на ассирийских щитах IX — VIII вв. до н. э. Сочетание прутьев, вероятно иногда раскрашивавшихся, и цветной кожи, видимой на поверхности щита, должно было создавать эффектный геометрический узор.

Не исключено, что имелись и другие конструкции прямоугольных прутяных щитов. Так, в сакском могильнике Памирская I на Восточном Памире, в кургане 9, датируемом V — IV вв. до н. э., найдены остатки прутяного щита, покрытого кожей (табл. LXV, 67). Он резко отличается от обычных сакских щитов прежде всего своими размерами и пропорциями — 140 см высотой и 50 см шириной, точно совпадая с параметрами персидских щитов. Можно предположить, что это трофейный или ввозной персидский щит или сакское подражание ему. Щит состоял из деревянной рамы с шестью поперечными внутренними планками, причем третья и четвертая планки сближены между собой и соединены кожаной вертикальной перемычкой-рукоятью, за которую щит держали кистью левой руки. Поверхность щита состояла из сплетенных прутьев, поверх которых крепилась кожа. Таким образом, данная конструкция отличалась как от обычной персидской, так и от сакской. В целом можно сказать, что ахеменидские щиты продолжали северо-западноиранскую традицию изготовления щитов, вероятно унаследованную ахеменидами от мидийцев.

Второй тип персидских щитов известен только по изображениям на рельефах Персеполя (табл. LXV, 25): их держат в руках воины царя. Это овальные щиты; довольно крупные, закрывавшие воина от плеча до середины бедра, с овальными вырезами на боках. Они являются явным греческим заимствованием, относятся к греческому «беотийскому» типу щитов, которые бытовали на Балканах и в Италии до середины V в. до н. э. Изготовлялись эти щиты, судя по дошедшим до нас реальным греческим щитам, из деревянных досок, изнутри и снаружи обтягивались кожей, по краям снаружи оббивались бронзовой полосой, иногда вся их поверхность могла покрываться бронзовым листом. В центре персепольских щитов виден округлый умбон в форме колеса греческой колесницы — весьма распространенный мотив оформления греческих щитов.

На о-ве Самос найден подлинный такой умбон [Connolly, 1981, с. 13. рис. 5] (табл. LXV, 240). Он сделан из листа бронзы, орнамент в виде креста с вписанными между его отростками четырьмя кругами вычеканен, как и мелкие выпуклости, помещенные по четыре в каждом круге и двумя рядами окаймляющие край умбона. Интересно, что декор данного умбона удивительно напоминает декор умбона с г. Бештау (табл. LXV, 13), закавказских умбонов (табл. LXIV, 79). Наличие щитов только в руках воинов говорит скорее всего о том, что щиты «беотийского» типа были в ахеменидском Иране парадным оружием придворной знати.

Судя по помпейской мозаике «Битва Александра с Дарием», в IV в. до н. э. у персов, во всяком случае знатных, были и заимствованные у греков круглые большие плоско-выпуклые щиты из деревянных досок, обтянутых кожей, украшенные росписью по коже и чеканкой по бронзовым оковкам,— щиты типа «гоплон».

Еще одним, также заимствованным с Запада (с Балкан?), был достаточно, судя по греческой вазописи, часто употреблявшийся небольшой щит полулунной формы — «пельта» (табл. LXV, 27—30). «Пельты», которые изображены в руках персидских воинов, делались, вероятно, из лыковой плетенки, рядов жердочек и, возможно, из полос металла, прикрепленных проволокой к деревянной основе.

Кроме «казенно-имперских», «уставных» щитов в Ахеменидской державе у каждого из народов, входящих в империю, бытовали и локальные разновидности щитов. Особенно разнообразны были щиты обитателей Малой Азии. Здесь у лидийцев и фригийцев мы наблюдаем крупные круглые щиты, в том числе и типа греческого «гоплона» (табл. LXIV, 9—13), а также «пельту». Характерны щиты азиатских фракийцев (перс. «скудра», греч. «вифинцев»), большие, круглые, полусферические, выполненные из концентрически плетенных прутьев (табл. LXIV, 14).

Интересно, согласно Геродоту, щиты всех народов Малой Азии и Закавказья были маленькими, сделанными большей частью из сырой (т. е. твердой.— *М. Г.*) кожи (Геродот VII, 72—74, 76, 79—91). Ксенофонт же более чем через три четверти века щиты этих же народов описывает большими, сделанными из дерева и прутьев (Анабасис IV, III, 4; IV, VII, 26). Видимо, персидское влияние оказало за этот срок решающее воздействие на изготовление щитов в указанных регионах.

Оригинальны щиты жителей востока Малой Азии: Ксенофонт сообщает, что их делали в форме листа плюща и покрывали «косматой белой воловьей шкурой». Описывая щиты народов юго-восточной и восточной частей Ахеменидской империи, Геродот отмечает лишь у гирканцев щиты персидского образца из прутьев, да у «азиатских эфиопов» из Белуджистана были щиты из высушенной журавлиной кожи (Геродот VII, 90).

Крайне интересны и многообразны формы щитов у скифов. Если судить по греческим изображениям, то самыми распространенными у скифов были щиты кожаные. Все они достаточно стандартны (табл. LXV, 54—56): прямоугольные, со скругленными углами, чуть сжатые с длинных сторон, довольно большие, около 40 × 60—80 см, слегка выгнутые вдоль короткой оси. Вероятно, они имели каркас в виде рамы из жердей с двумя поперечными планками в середине, соединенными кожаной ручкой из двух петель, на который натягивалась сырая толстая кожа, может быть в несколько слоев, которая, затвердев, становилась прочной как дерево, но более упругой. Отмечено также бытование у скифов и деревянных щитов овальной формы, окрашенных красной краской [Черненко, 1968, с. 100]. В этот цвет, видимо, всегда окрашивались неметаллические скифские щиты. Подобная окраска идет, как мы видели, из глубокой индоевропейской древности и связана кругом представлений о военном сословии, для которого у иранцев фиксируется связь с солнцем и соответственно красный цвет в качестве «кастовой» краски. Не случайно в этот цвет окрашивались многие предметы военного быта скифов и сарматов — ножны мечей и кинжалов, горит и, как видим, щиты.

Прямоугольные и близкие им овальные щиты (последние особенно характерны для западных индоевропейцев — кельтов, италиков и иллирийцев [Connolly, 1978, с. 14, 20, 42, 50, 52, 57, 66, 67]) являлись исконной формой щитов индоевропейцев центрального широтного пояса Евразии, и не случайно они были основной формой щитов у скифов.

Наиболее архаичным способом усиления для таких кожаных или деревянно-кожаных щитов служило покрытие их рядами костяных или роговых прямоугольных пластинок (табл. LXV, 57, 57а). Но уже с ранних этапов своей истории скифы все чаще для бронирования щитов использовали металл, в основном железо. Большая круглая, около 75 см диаметром, железная пластина — оковка щита была найдена в Прикубанье, в раннескифском кургане конца VII — начала VI в. до н. э. у стан. Костромская (табл. LXV, 51): именно покрытый этой пластиной щит украшал знаменитый Костромской олень, представляющий собой массивное, большое золотое навершие, имевшее определенное магико-«геральдическое» значение. Видимо, костромской щит, совсем не характерный для скифов по всем признакам (кроме, конечно,

оленя — «эталонного» произведения скифского «звериного» стиля), был изделием рук ближневосточного, вероятно, урартского мастера, так как именно для Урарту типичны щиты из листового металла, причем здесь традиционная для урартов бронза была заменена, видимо по желанию заказчика-скифа, на железо. Правда, данный щит мог быть просто привезен с юго-запада.

Другая находка цельнометаллического, бронзового, на деревянной основе щита, найденного в Одесской области (табл. LXV, 52), говорит о том, что скифские формы соединялись с греческой технологией северопричерноморских колоний. Его овальная форма и размеры, около 60 × 42 см, позволяют видеть в нем либо греческую «пельту», либо, что вероятнее, типично скифский щит, но сделанный греческим мастером. Ведь металлическая броня щитов скифской работы всегда была гетерогенной. Но обычно броня скифских щитов набиралась чешуйчатым способом из более или менее крупных чешуек, аналогичных панцирным, либо из узких полос, набранных вертикально, реже горизонтально (табл. LXV, 53, 58—64). Железные полосы как нащитную броню впервые определил Е. В. Черненко [Черненко, 1968, с. 106—109]. Бронированные скифские щиты подробно рассмотрены в его работе, а также в статье А. П. Манцевич [Манцевич, 1968], поэтому здесь нет нужды в описании каждого известного экземпляра, и мы рассмотрим их суммарно. Появление чешуйчатых щитов можно отнести к концу VII — началу VI в. до н. э., так как не исключено, что именно щиту принадлежали железные чешуйки из одного из Келермесских курганов, найденные там вместе со знаменитой золотой пантерой [Манцевич, 1961, с. 333]. Форма щитов с бронировкой разнообразна — овальная, прямоугольная, часто луновидная. Размеры их средние, около 35—45 × 50—60 см. Уникален по размерам чешуйчатый, с концентрическим расположением рядов набора, овальный щит из Золотого кургана в Крыму, около 120 × 70 см (табл. LXV, 63). В данном предмете можно усматривать наспинный щит на кожаной основе. Более поздние, этнографические аналогии известны по чукотскому доспеху XVIII — XIX вв. [Thordeman, 1939, рис. 251, 252; Stone, 1961, рис. 70, 71] (о них см. выше, в разделе о панцирях).

Бронированные ручные щиты имели деревянную основу, к которой проволокой прикреплялись элементы брони; изнанка затягивалась кожей, по краю проходил кожаный кант, следы которого часто видны на концах полос железа. Судя по изображению, их рукоять имела вид пары петель, за которые воин брался кистью руки (табл. LXV, 53, 55).

По нашей разработке мастером Л. А. Парусниковым был воссоздан полосчатый щит-«пельта» из натуральных материалов — дерева, железа, кожи, 35 см высотой и 50 см шириной. Его вес составил 3 кг, что вполне позволяет держать его одной рукой кистью и даже манипулировать им. Вес же наспинных, более крупных, чешуйчатых щитов достигал, согласно реконструкции, выполненной И. А. Минжулиным, 5 кг, но ношение их на спине нисколько не обременяло воина.

Формы скифских бронированных щитов по большей части местные, исключение составляют лунообразные «пельты». Щиты такой формы, причем обязательно легкие, сделанные из деревянных дощечек, прутьев, кожи, считались греками, которые их изображали и применяли с VI в. до н. э., фракийскими по происхождению [Snodgrass, 1962, с. 78—79, 83]. Любопытно, что чаще всего мы видели их в руках именно «варваров» — фракийцев и азиатов. Характерны и нетипичный для греческих щитов способ их держания — кистью руки, и нашейный дополнительный ремень. Бронирование щитов железными полосами мы встречаем у персов, анатолийцев и скифов, чешуйчатое, кажется, только у скифов. У фракийцев же такое бронирование известно по находкам и изображениям не ранее IV в. до н. э. [Мелюкова, 1979, с. 207]. К сожалению, неизвестна первоначальная форма «пельты». Вероятно, чисто полулунную

форму «пельта» приобрела у греков, у которых и была заимствована персами и скифами. Но у скифов она часто имеет вид чуть изогнутого прямоугольника с закругленными углами, т. е. представляет собой модификацию евразийского прямоугольного щита. Видимо, это и было первоначальной формой «пельты» — небольшого горизонтального прямоугольника, причем не исключено, что она была общей и для фракийцев, и для скифов.

Украшением бронированных щитов служили не только магическо-«геральдические» зооморфные фигуры вроде келермесской пантеры или рыбы, что видели на полосчатом щите из кургана под г. Орджоникидзе (табл. LXV, 59); в кургане 401 у с. Журкова чешуйчатый щит украшали мелкие золотые бляшки в виде ромбов. Золотыми фигурами зверей украшались и неметаллические щиты, например, в кургане Куль-Оба, где металлического покрытия щита не обнаружено.

О щитах восточных соседей скифов — савроматов у нас пока нет достоверных известий для интересующего нас периода. Известна лишь железная, инкрустированная золотом бляха, похожая на умбон из кургана у с. Сары в Поволжье, которую К. Ф. Смирнов трактует как умбон неметаллического щита [Смирнов, 1961, с. 75, рис. 42,2]. Все же можно полагать, что щиты савроматов не очень отличались от скифских и сакских и в основном имели прямоугольную форму. Косвенным свидетельством этому служат находки остатков щитов на территории к северу от савроматской у волжско-камских ананьинцев (VII в. до н. э.). Там обнаружили прямоугольные вертикальные щиты из дерева, сверху покрытого кожей, размером около 35—40 × 50—60 см, с железной оковкой по краю и бронзовыми умбонами дисковидной формы в центре, ближе к верхней части (табл. LXV, 49, 50).

До нас дошла довольно большая коллекция подлинных, достаточно хорошо сохранившихся сакских щитов из археологических раскопок, что почти компенсирует отсутствие изобразительных и скудость письменных данных по этой теме. Датируются эти щиты VI — IV вв. до н. э. Места их нахождения — восточные районы Средней Азии и Алтай.

Сделаны эти щиты из кожи и дерева. По материалам и способу изготовления они все весьма близки, но не совсем тождественны, и можно различить их разновидности. К первой относятся щиты из курганов Алтая VI — V вв. до н. э. (табл. LXV, 69, 71—73). Почти все они составлены из вертикально расположенных палочек, соединенных сверху и снизу двумя горизонтальными рейками. До того как эти рейки были прикреплены к ним, палочки были продеты сквозь прорези в куске кожи, который также служил их соединению; расположение прорезей в коже позволило создать прекрасный декоративный эффект: участки кожи и раскрашенных в разные цвета палочек образуют геометрический узор из рядов зубчатых полос, ромбов и т. п. Большинство щитов имеет прямоугольную форму, лишь щит из Пазырыкского кургана 3 с округлым верхом. Один из щитов, найденный в 1-м Туэктинском кургане (табл. LXV, 70), сделан из цельной деревянной доски, но его отделка имитирует щиты из палочек и кожи. Размеры алтайских щитов небольшие, около 30 × 40 см, но самый большой — из Пазырыка — достигает 70 × 52 см.

Щиты, найденные на Восточном Памире, по материалам и технике изготовления близки алтайским (табл. LXV, 67, 68). Они составлены из палочек или сплетены из прутьев и снаружи обтянуты кожей по рамке. Размер щита из могильника Акбеит близок по размерам к крупным алтайским экземплярам. Различие лишь в форме: он овальный. Прямоугольный щит из могильника Памирская I, описанный выше (табл. LXV, 67), мы связали с ахеменидским Ираном, хотя это мог быть и большой сакский щит, который греки считали прототипом греческой разновидности большого щита, называвшегося по-гречески σάχος [Литвинский, Пьянков, 1966, с. 43].

В Китае в середине I тысячелетия до н. э. продолжалось развитие древних прямоугольных щитов. Видимо, не без влияния северных «варваров» щиты в верхней части нередко утрачивают прямоугольную форму, приближаясь к округленно-заостренным очертаниям. Найденные в довольно большом количестве щиты с территории царства Чу V — III вв. до н. э. (табл. LXV, 86, 87) завершаются наверху сложной сердцевидной фигурой, переход к которой от прямоугольного низа осуществлен округлыми сложными вырезами в средней части. Щиты эти крупные, около 70 см высотой, сделаны из толстой твердой кожи, а также из обтянутого кожей дерева и покрыты сложнейшей, изящной лаковой росписью, предохраняющей кожу от сырости. На бронзовых изделиях этого же времени мы видим профильные изображения щитов высотой около 50—60 см (в сравнении с человеческими фигурами), изогнутых вдоль вертикальной оси. Держат их кистью руки за деревянную ручку (табл. LXV, 88). Можно полагать, что они имели прямоугольную форму, если судить по более поздним, ханьского времени, щитам с таким же изгибом [Laufer, 1914, рис. 27].

Что касается Индии, то там можно предположить дальнейшее развитие высоких узких прямоугольных щитов, хотя на персепольских рельефах мы видим изображение представителей североиндийского народа гандхаров, держащих кистью руки за рукоятку-петлю большие, около 70 см в диаметре, круглые щиты (табл. LXV, 33). Бытование их в Северной Индии в VI — V вв. до н. э. можно объяснить заимствованием из ближневосточной традиции начала I тысячелетия до н. э. или знакомством со щитами малоазийцев эллинского образца, входивших в империю Ахеменидов. Но не исключено, что круглый щит попал в Индию очень давно, вместе с первыми индоариями, принесшими его со своей восточноевропейской прародины.

По свидетельству участников похода Александра, донесенному до нас Аррианом, североиндийские воины имели твердые кожаные щиты, напоминавшие греческую «пельту»; размеры ее у пеших воинов уступали греческим «пельтам», а у конных они были еще меньше [Хрестоматия, 1950, с. 283]. Греческая «пельта» в IV в. до н. э. имела овальную форму, а размер ее по сравнению с «пельтами» VI — V вв. до н. э. немного увеличился. Следовательно, и индийские щиты имели овальную форму для пехоты, размером около 70 × 40 см, а для всадников — около 55—60 × 35 см, что сближает их со скифскими «пельтообразными» щитами.

Подводя итог разделу о щитах, можно сказать следующее. Щиты являлись наиболее массовым видом защитного вооружения почти для всего древнего Востока. Исключение составляла лишь Месопотамия второй половины III — II тысячелетия до н. э., видимо, в силу местной традиции, когда каждый воин в рукопашной сражался обеими руками двумя видами оружия. Интерес представляет проблема функциональной зависимости формы и размера щита от его боевого применения. Обычно считается, что большие щиты использовала пехота, тогда как средние и малые, особенно круглые или горизонтальные прямоугольные и «пельты», — всадники. Действительно, очень большие щиты в бою применяла только пехота. Но и средние и малые щиты могли пользоваться не меньшей популярностью пеших воинов, особенно ярок пример Ассирии и Луристана (а на Балканах «пельты» пешие воины употребляли не реже конников), тогда как и особенно колесничные бойцы очень охотно и повсеместно пользовались средними и даже весьма крупными щитами. Это вполне закономерно — в раннем средневековье, например, рыцари сражались верхом с очень большими, длинными щитами, нисколько не мешавшими всадникам.

Особо велика роль щита в идеологическом аспекте в самом широком смысле. Она значительнее идеологической роли не только панциря, но, пожалуй, даже и шлема. Щит воплощал в себе идею защиты в самые ранние

времена, его поле, плоскость давали гораздо больше простора для отражения в декоре большого и сложного комплекса представлений, чего трудно было достичь в шлеме и особенно в панцире. Щит также выполнял различительно-репрезентативную роль, являясь со своим декором «паспортом» носителя. Мы наблюдаем высокий уровень сакрализации щита на древнем Востоке, что понятно и по перечисленным причинам, и потому, что, как говорилось, он был древнейшим из всех орудий защиты, и ассоциация самого понятия защиты закрепилась прежде всего за ним, породив более сложные ассоциации с понятиями устойчивости, цельности мира, воплощенные в образах «мирового древа», других образах мироздания, воплощенных в декоре щитов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели историю развития древневосточного оружия на протяжении периода с конца IV тысячелетия до н. э. до IV—III вв. до н. э. Какие же заключения можно сделать из наблюдений над возникновением, развитием, распространением, взаимовлияниями различных видов и форм оружия и технических средств ведения войны? Оружие оказалось чутким индикатором многих явлений социально-политической, экономической, духовной, этнической истории региона. Более того, оно само в ряде случаев стало стимулом целого ряда существенных процессов в обществе. Обеспечение материальной силы военной организации было одной из важнейших функций производства, и его соответствующая организация требовала определенных форм социальной структуры.

Вместе с тем совершенно очевидно, что оружие развивается и по внутренним законам, подчиненным извечной борьбе нападения и защиты, обусловленной и обусловливающей методы ведения вооруженной борьбы. Мы видим, как изобретение нового вида, типа, разновидности наступательного оружия почти всегда ведет к ответным изобретениям в области защитного вооружения, а создание нового комплекса предметов вооружения ведет к изменениям в военно-тактической области, которая, в свою очередь, диктует соответствующее развитие военной организации, влияющей на все социальные и экономические структуры общества. Между тем очевидно и то, что уровень, качество и количество вооруженности того или иного общества зависят от организации производства далеко не так непосредственно, как подчас кажется. В данном случае в первую очередь диктуют чисто военные потребности, в то же время уровень экономического развития решает дело лишь в конечном счете. Как показывает история оружия, народы, стоящие на разных уровнях в плане общественно-экономической организации, но находящиеся на одной производственно-технологической стадии, могут достичь одинакового уровня вооруженности, если вступят в военный конфликт между собой. В противном случае мы наблюдали бы регулярное поглощение, уничтожение более отсталых обществ более развитыми. Однако этого не происходит, и примеров тому мы увидели множество: так, «варвары» немедленно — при наличии военной угрозы или собственно завоевательного порыва — начинают вырабатывать в необходимых количествах самое совершенное в данный момент вооружение, перестраивают характер военной тактики и одолевают своих «цивилизованных» соседей, как правило, обладающих гораздо более мощными людскими и производственными ресурсами. Но общество, не смогшее шагнуть на соответствующую производственно-технологическую стадию, обычно неминуемо проигрывает в военном отношении и гибнет как таковое.

Наблюдая историю развития вооружения на древнем Востоке на значительном отрезке времени, можно уловить некоторые любопытные закономерности. Так, мы видим, что наибольшее количество изобретений почти всех основных форм оружия приходится на Месопотамию к середине III тысячелетия до н. э., когда здесь бурно развивается процесс широкого и всестороннего освоения металлургического производства при мощном процессе государствообразования, позволяющем сосредоточить невиданные доселе материальные и духовные ресурсы на всех основных аспектах культуры. Близок к этому

уровню и Египет, но нехватка динамизма и несколько периферийное положение, а также излишне высокий уровень централизации обусловили здесь большую косность, застойность форм вооружения, оставшихся очень долго на том же уровне, на котором их застал процесс централизации страны. Подобные процессы застойности начинают оказывать свое влияние и в Месопотамии — в конце правления Саргонидов и особенно в эпоху III династии Ура, но географическая «открытость» этого региона все же меньше способствовала процессам застоя.

Во II тысячелетии до н. э. наибольшую активность в выработке новых прогрессивных форм вооружения проявляет ближняя периферия могучих централизованных монархий. В первой половине этого тысячелетия особая роль выпадает сиро-палестинскому региону. Нестабильная этнополитическая ситуация, сочетание добротной, самого современного уровня производственной базы городов с подвижной массой свободного, «полуварварского» пастушеского населения, большая индивидуальная свобода, не стиснутая мертвящими рамками заорганизованного централизаторского учета, контроля, однообразных повинностей, при постоянной угрозе со стороны неизмеримо превосходящих силой количества и организованности, концентрированности силы огромных деспотий, одна из которых, Египет, развалилась (но память о его завоеваниях была явно жива среди «азиатов»), а другая, Вавилония, набирала силу,— в этих условиях в XVIII — XVII вв. до н. э. здесь был сделан громадный скачок в развитии вооружения: изобретены металлический совершенный панцирь, пояс и новый тип боевой колесницы. Это вооружение позволило гиксосам овладеть без особых помех половиной Египта, который после объединения и изгнания немногочисленных «азиатов» воспринял некоторые из их изобретений, в частности конноупряжную легкую колесницу, и, максимально увеличив количественно за счет гигантских ресурсов и организации мощь нового оружия, обрушил ее на изобретателей, которые при всем совершенстве своего оружия не смогли сконцентрировать силы в нужном масштабе и беспрестанно терпели поражения.

Еще одним регионом — источником формообразования в области оружия — были общества Кавказа и Западного Ирана. Они находились на гораздо более низкой стадии общественного развития, чем государства Месопотамии, но, обладая высоким производственно-технологическим уровнем и запасами сырья, стали гигантскими кузницами и оказывали огромное влияние на развитие оружия, особенно в областях, лежащих к северу от них. При этом определенная замкнутость обществ Кавказа и Юго-Западного Ирана обусловила интересную особенность их оружия, видную на примере Луристана: формальное развитие, бесконечное обилие все более вычурных и разнообразных вариантов, заимствованных когда-то с Ближнего Востока форм, среди которых по-настоящему новых, прогрессивных было очень мало; в меньшей степени это касается Кавказа в силу его меньшей замкнутости.

Юг Средней Азии, Восточный Иран и хараппская Индия, составляя единый в культурном отношении массив, в III тысячелетии до н. э. резко продвинулись к рубежам культуры Месопотамии, но во II тысячелетии до н. э. в силу неизвестных, как теперь полагают многие, экологических причин остановили свое развитие, так и не достигнув уровня месопотамского образца, что на характере вооруженности сказалось однозначно: оружие этого региона осталось на весьма примитивном уровне, который не смогли поднять локальные успехи некоторых восточноиранских обществ. И в столкновении «городских» цивилизаций разного уровня вооруженности с длившейся столетиями экспансией «варваров» степной зоны прекрасно проявились закономерности, связанные с влиянием этого уровня на развитие многих черт протекавшего здесь исторического процесса.

Племена запада степной зоны, которые убедительно связываются с предками индоиранских этносов, на всем почти протяжении II тысячелетия до н. э. только подходили, очень медленно, к развитому этапу металлургии. Заимствованная с Ближнего Востока колесница, при наличии великолепной собственной коневодческой базы, а также небольшие, но на местном уровне ощутимые достижения в области производства металлического оружия позволили им вести быструю и успешную экспансию под руководством вновь образовавшегося под воздействием военно-технологического стимула — боевой колесницы сословия сражающейся и побеждающей на ней военной аристократии; экспансия эта оказалась успешной только в направлении на восток, где обитали племена, находившиеся на том же производственно-технологическом уровне вооруженности, но не обладавшие колесницами, и в направлении на юг от закаспийских степей, где цивилизации, столь же архаически вооруженные, но не имевшие колесниц и пылких военных предводителей, не смогли устоять перед напором ариев. Зато с конца II тысячелетия до н. э., когда в степи расцветает металлургия бронзы и даже железа, новый напор скотоводов-иранцев, усиленный развитием конного лучного боя с соответствующим комплексом вооружения, позволил им проникнуть в недоступные прежде регионы Среднего и Ближнего Востока. Новый уровень технологии дал возможность пограничным «варварам» быстро овладеть всеми новинками военной техники, и мы видим поразительную картину, когда скифы не только не уступают, но и превосходят по уровню вооруженности большинство своих «цивилизованных» соседей, тогда как обитатели «внутренних» пространств степей заметно отстают, варясь в «собственном соку» до той поры, пока им не пришлось столкнуться с лучше вооруженным «цивилизованным» соседом. Тогда каждое из кочевых обществ порождает прогрессивные формы вооружения. Изучение оружия на широком пространстве евразийских степей помогло выявить интереснейшую картину: смену одной системы культур — «киммерийско-карасукских» другой — «скифоидных». Причем самое поразительное в том, что смена происходит на всем гигантском пространстве степей от Восточной Европы до востока Центральной Азии практически одновременно, в середине VII в. до н. э. Выяснение механизма такой быстрой смены культур еще впереди. Видимо, базой его было относительное культурное единство, установившееся в степях на протяжении II тысячелетия до н. э.

В то же время оружие оседло-земледельческих обществ дает картину постепенного развития с использованием в течение больших отрезков времени максимального количества традиционных элементов во всей их сохранности. И лишь очень крупные инвазии приводят к резким переменам. Максимально же продуктивными, прогрессивными являлись, по-видимому, всегда зоны контактов разных культурных типов.

Разумеется, данные закономерности — достаточно частного характера, и не все мы здесь привели, но даже сказанного, как представляется, достаточно, чтобы убедиться в той значительной роли, которую процессы развития оружия играли в обществах древнего Востока.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	— Вестник древней истории. М.
КСИА	— Краткие сообщения института археологии. М.
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.—Л., М.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. М.—Л., М.
ОАК	— Отчет (Императорской) археологической комиссии. СПб., Пг.
ПС	— Палестинский сборник. М.
СА	— Советская археология. М.
САИ	— Свод археологических источников. М.—Л.
AJA	— American Journal of Archaeology. N.Y.
JKSW	— Jahrbuch der kunsthistorischen Sammlungen in Wien. Wien

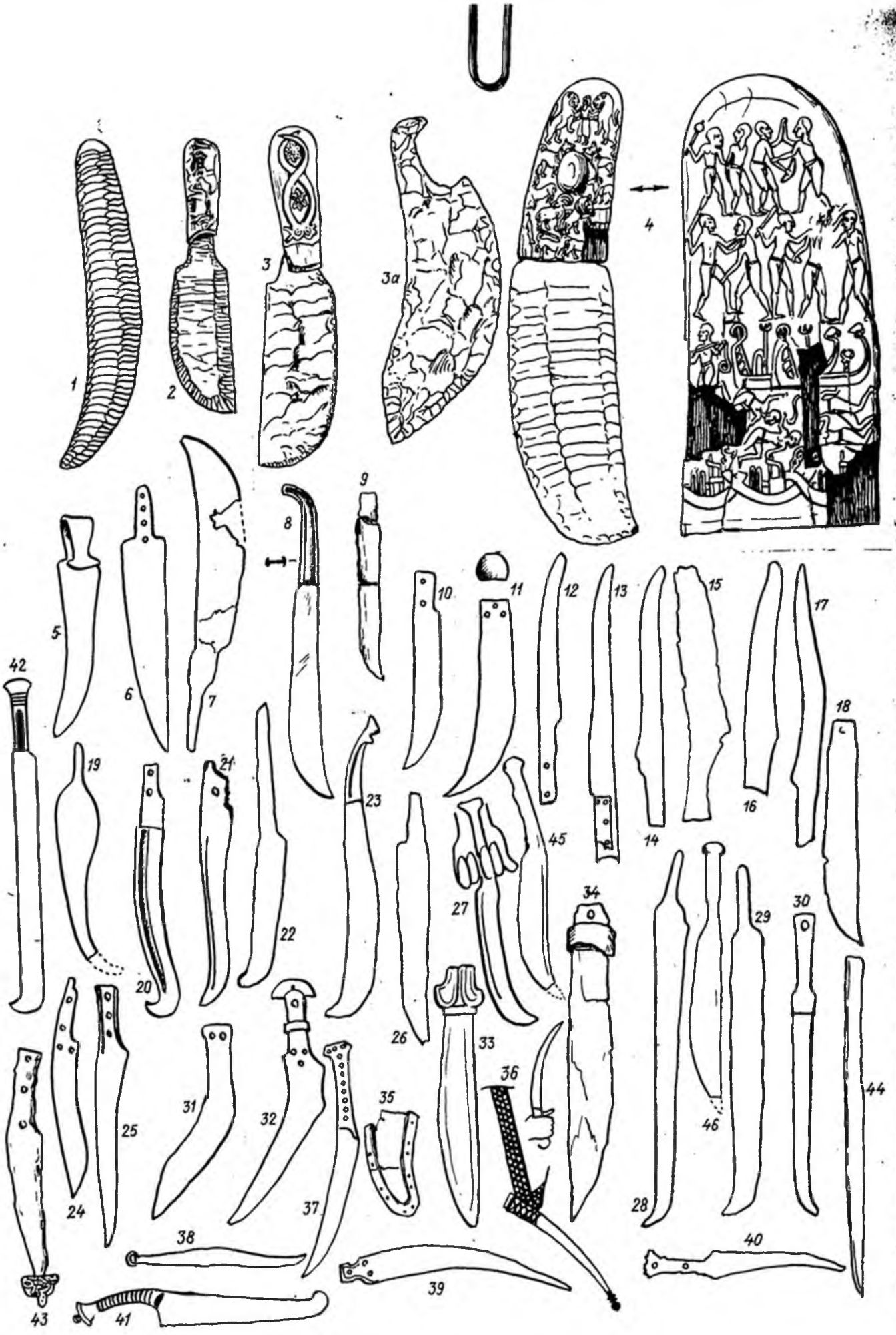

1
2
3
3a
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46

Табл. I

Таблица I. Ножи Месопотамии (5—7, 36), Египта (1—4, 41, 42), Сирии-Палестины (8—18, 21—23, 26, 27), Малой Азии (20, 24, 25), Кавказа (28, 29, 31, 32, 37—40, 43), Ирана (30, 33—35), севера Средней Азии (44—46).

1—3) кремень, третья четверть IV тысячелетия до н. э.; 3а) кремень, рубеж IV — III тысячелетия до н. э.; 4) кремень, рукоять резной слоновой кости, третья четверть IV тысячелетия до н. э.; 5, 6) бронза, Киш, середина III тысячелетия до н. э.; 7) бронза, Ашшур, конец III тысячелетия до н. э.; 8—11) бронза, гиксосского типа: 8) Газа (Телль эль-Аджжуль), XVIII—XVII вв. до н. э., 9) Телль эль-Даб'а, северо-восток Египта, XVIII—XVII вв. до н. э., 10) Телль-эль-Йехудийе, XVIII—XVI вв. до н. э.; 11) Иерихон, XVIII—XVII вв. до н. э.; 12, 13) бронза, Алалах (Телль-Ат-шана), XII в. до н. э.; 14—18) бронза Мегиддо, XVIII—XV вв. до н. э.; 19) бронза, Чанхударо, вторая половина III тысячелетия до н. э.; 20) бронза, Каниш (Кюль-тепе), начало II тысячелетия до н. э.; 21) бронза, Шарухен (Бет-Пелет, Телль эль-Фар'а), XVI—XV вв. до н. э.; 22) бронза, Лакиш (Телль ад-Дувейр), XVI—XV вв. до н. э.; 23) бронза, Угарит (Рас-Шамра), XVI—XV вв. до н. э.; 24, 25) бронза, Хаттуса (Богазкёй), XVI—XV вв. до н. э.; 26) железо, Каркемиш, VII в. до н. э.; 27) деталь рельефа из Сам'аля (Зинджирли), VIII в. до н. э.; 28) бронза, Айриванк, XIII—XII вв. до н. э.; 29) Шуша, XIII—XII вв. до н. э.; 30) бронза, Лурестан, II—начало I тысячелетия до н. э.; 31, 32) железо, Тейшебаини (Кармир-Блур), VIII в. до н. э.; 33) железо, бронзовая рукоять, Персеполь, VI—V вв. до н. э.; 34) железо, Персеполь, VI—V вв. до н. э.; 35) бронза, наконечник ножен, Персеполь, VI—V вв. до н. э.; 36) деталь ассирийской стенописи, Тиль-Барсиб, VIII в. до н. э.; 37—39) железо, Астхи-Блур, середина I тысячелетия до н. э.; 40) железо, Иберия, VII—VI вв. до н. э.; 41) бронза, Эль-Амарна, XIV в. до н. э.; 42) длинный нож, деталь настенной росписи эпохи Рамсеса II, XIII в. до н. э.; 43) железо, костяная бутероль скифского типа, Тлийский могильник, вторая половина VII в. до н. э.; 44) бронза, Ташкентская область, конец II тысячелетия до н. э.; 45, 46) бронза, Чуст, XI—X вв. до н. э.

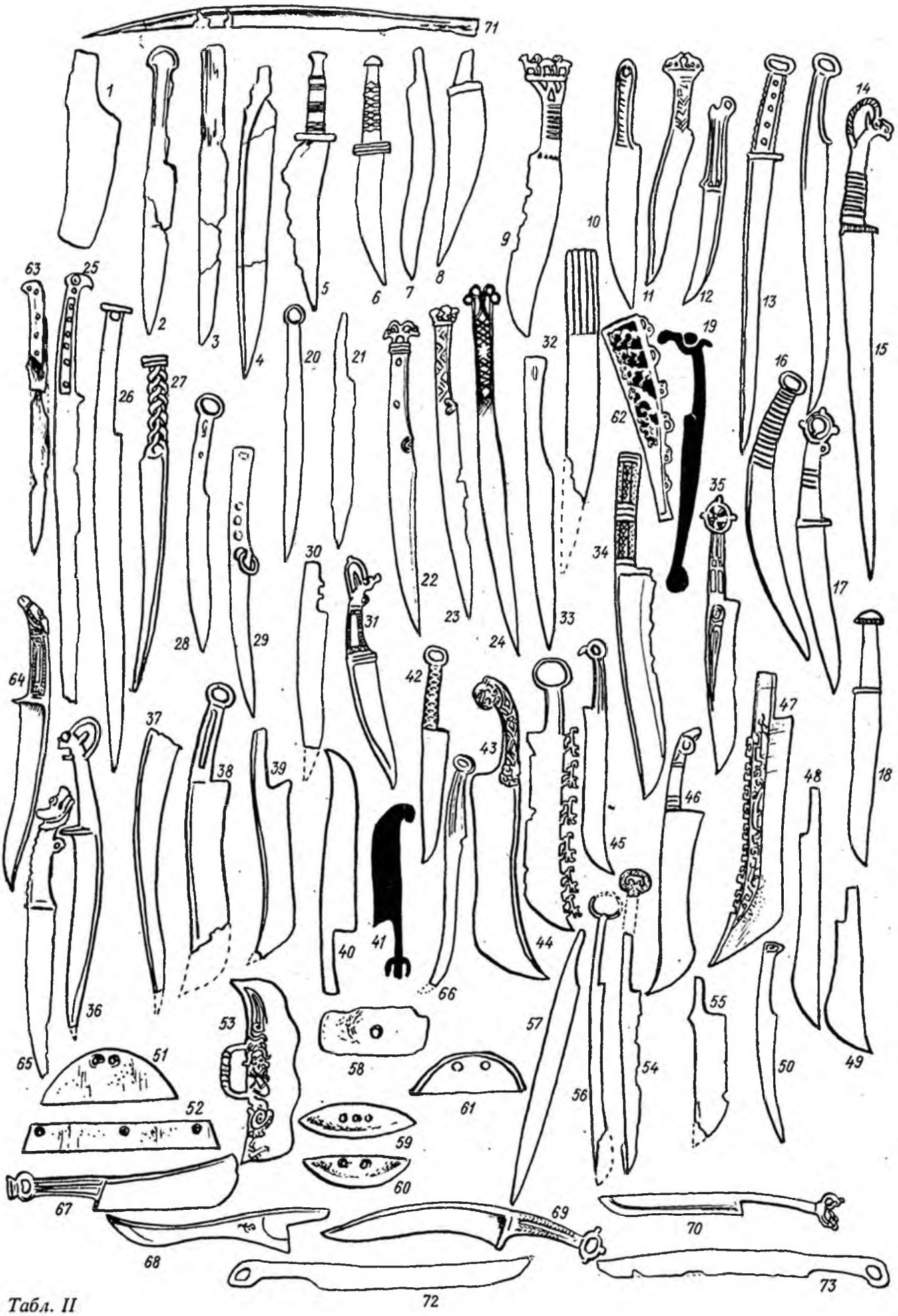


Табл. II

Таблица II. Ножи Средней Азии (1), Северного Причерноморья (2—4, 63, 71), Волго-Камского бассейна (5—9), Казахстана (10—12, 20), Южной Сибири и Центральной Азии (13—19, 21—24, 62), севера КНР (25—33), Великой Китайской равнины (34—49, 51—56, 64—70), юга КНР (50, 72, 73), Приамурья (57, 58), Кореи (59—61); 13—15, 25—27 — длиной 40—50 см.

1) бронза, Дашлы, Афганистан, середина — третья четверть II тысячелетия до н. э.; 2, 3) железо, скифы, с. Аксютинцы, курган 469, VI в. до н. э.; 4) железо, скифы, курган 478 у с. Волковцы, конец VI в. до н. э.; 5—8) железо, Старший Ахмыловский могильник ананьинской культуры, VII—VI вв. до н. э.; 9) бронза, сейминско-турбинская культура Прикамья, середина II тысячелетия до н. э.; 10—12) бронза, культура андроновского типа Северного и Восточного Казахстана, вторая половина II тысячелетия до н. э.; 13—19, 25—29, 31, 34—37, 45, 64—66, 69) бронзовые ножи карасукского типа; 21—24, 62) бронзовые ножи тагарского типа; 13) оз. Кара-Холь, Тува, конец II тысячелетия до н. э., 14) Забайкалье, конец II — начало I тысячелетия до н. э.; 15, 18) Монголия, Южно-Гобийский аймак, конец II — начало I тысячелетия до н. э.; 16) окрестности Красноярска, то же время, 17) пос. Усть-Тулутой, долина р. Онон, то же время; 19) деталь изображения на лицевой стороне «оленного камня» № 9 из Цаган уул-сомона Хубсугульского аймака МНР, то же время; 20) бронза, саки, курган 21 могильника Уйгарак, Приаралье, VII—V вв. до н. э.; 21) железо, курган 1 могильника Саглы-Бажи, Тува, середина I тысячелетия до н. э.; 22) Минусинские степи, VI в. до н. э.; 23) курган 4 могильника Улуг-Козюр, Красноярский край, V—IV вв. до н. э.; 24) Нижний Абакан, Минусинский край, VII—VI вв. до н. э.; 25) бронза, погребение 2, Байфу, р-н Пекина, XI—X вв. до н. э.; 26, 27) бронза, погребение 1963 г., Наньшаньгэнь, уезд Нинчэн, Внутренняя Монголия, VII в. до н. э.; 28) бронза, погребение в уезде Цзянънин, пров. Ляонин, VIII—VII вв. до н. э.; 29) бронза, погребение в Дунханькоу, уезд Биньчуань, пров. Хэбэй, IX—VII вв. до н. э.; 30) бронза, погребение в аймаке Чжаоуда, Внутренняя Монголия, VII в. до н. э.; 31) бронза, могильник в Чаодоугоу, уезд Циньлун, пров. Хэбэй, X—IX вв. до н. э.; 32) бронза, пос. Улутуй Читинской области, VII—VI вв. до н. э.; 33) бронза, погребение в Даохунбала, Внутренняя Монголия, V—IV вв. до н. э.; 34, 35) бронза, погребение в Байцаопо, уезд Линтай, пров. Ганьсу, XI—X вв. до н. э.; 36) бронза, гробница 5 (погребение иньской царицы Фу Хао) в Инсю, Аньян, XII в. до н. э.; 37, 38) бронза, погребение в Инсю, Аньян, XII—XI вв. до н. э.; 39) бронза, погребение в Угуан, Аньян, XII—XI вв. до н. э.; 40) бронза, Тайси, пров. Хэбэй, XI в. до н. э.; 41) иньская пиктограмма, изображающая широкий нож; 42) бронза, погребение в Люлихэ, XI—X вв. до н. э.; 43) бронза, XII—XI вв. до н. э., музей в Праге; 44—46) бронза, Аньян, XII—XI вв. до н. э.; 47) ритуальный нефритовый нож, Аньян, XII—XI вв. до н. э.; 48, 49) бронза, погребение на окраине г. Чэнду, пров. Сычуань, IV в. до н. э. (чуское или циньское изделие); 50) бронза, погребение в Юнчи, пров. Юньнань, IV—III вв. до н. э.; 51, 52) ритуальные нефритовые ножи, XII—XI вв. до н. э., Аньян; 53) бронза, тип «та-тао», Синьцун, пров. Хунань, XI—IX вв. до н. э.; 54, 55) железо, городище Цюфу, пров. Шаньдун, V—IV вв. до н. э.; (у ножа 54 — нефритовое навершие); 56) бронза, погребение 53 у г. Чанша, пров. Хунань, культура царства Чу, V—IV вв. до н. э.; 57) бронза, селище Польце I, Приамурье, середина I тысячелетия до н. э.; 58) шифер, янковская культура, Приморье, середина I тысячелетия до н. э.; 59, 60) камень, дер. Вонамни, то же время; 61) железо, дер. Йонен, IV—III вв. до н. э.; 62) бронза, ажурные ножны, Минусинский край, вторая половина VII—VI вв. до н. э.; 63) железо, рукоять обложена костью, скифы, курган 394 у с. Ковали; 64—69) бронза, эпоха инь, XII—XI вв. до н. э., случайные находки, китайские и европейские музеи; 70) бронза, VI—IV вв. до н. э., Британский музей; 71) железо, погребение 27, Келермесский могильник, Адыгея, вторая половина VII в. до н. э.; 72) бронза, культура Шу-Ба, уезд Цзянвэй, пров. Сычуань, V—III вв. до н. э.; 73) бронза, погребение близ г. Чэнду, пров. Сычуань, культура Шу-Ба, время то же.

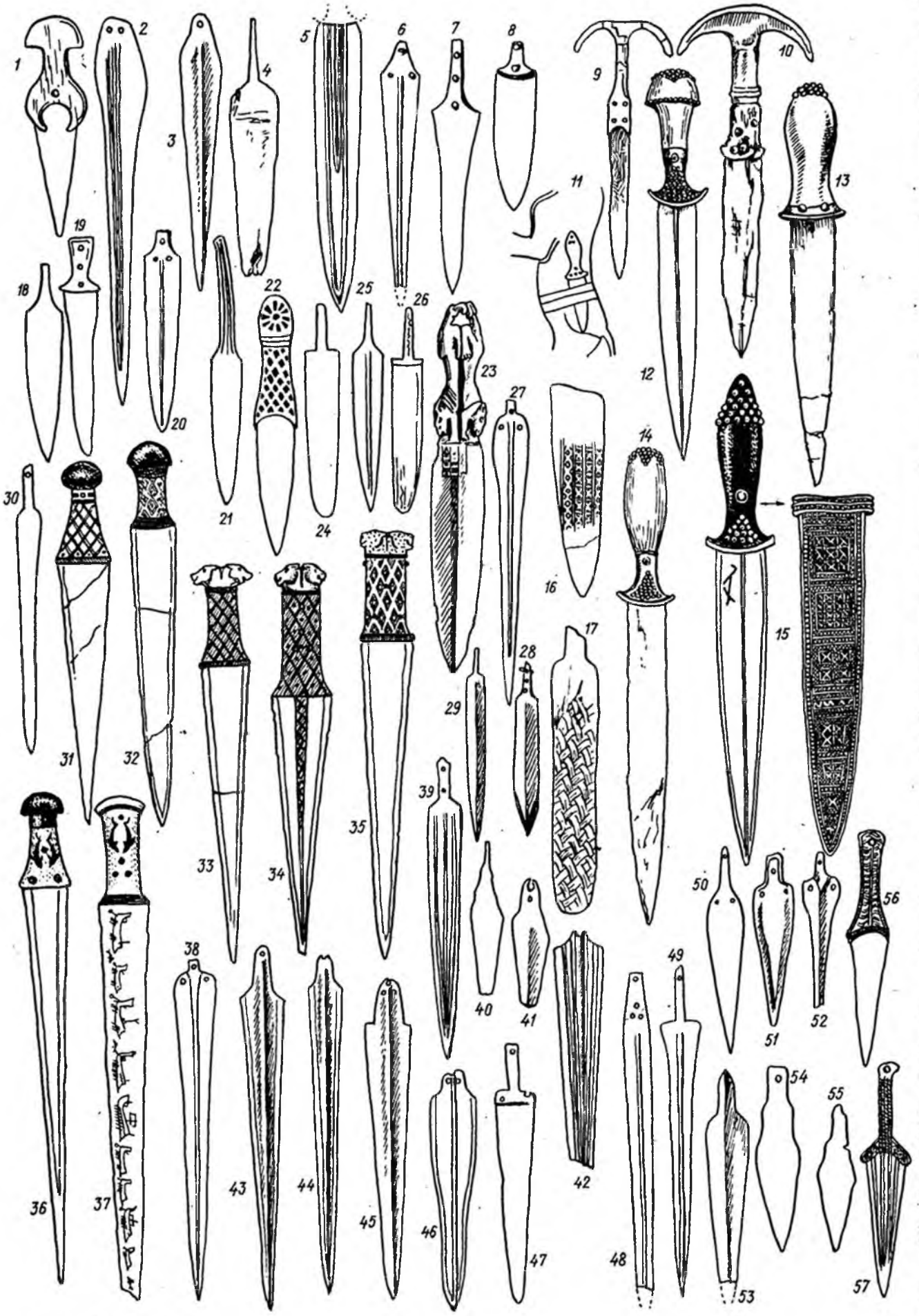


Табл. III

Таблица III. Кинжалы Египта (1, 2), Месопотамии (5—8, 10—26, 29), Сирии-Палестины (3, 4, 27, 28, 38), Малой Азии (9, 30—37, 43—52), Кавказа (53—57) IV—III тысячелетий до н. э.

1) медь, рукоять из слоновой кости, Эль-Амра, вторая половина IV тысячелетия до н. э.; 2) медь, Негада, рубеж IV—III тысячелетий до н. э.; 3, 4) медь, клад в Кфар Монаш, конец IV тысячелетия до н. э.; 5—8) бронза, Ур, «царский» некрополь, середина III тысячелетия до н. э.; 9) железо, рукоять обложена золотом, Аладжа-Хююк, последняя треть III тысячелетия до н. э.; 10) бронза, рукоять обложена золотом, Ур, «царский» некрополь, середина III тысячелетия до н. э.; 11) деталь гравированной перламутровой инкрустации арфы, там же, то же время; 12) золото, рукоять деревянная, отделана золотом, там же, то же время; 13) бронза, рукоять деревянная, обложена золотом, там же, то же время; 14) бронза, рукоять деревянная, обложена серебром и золотом, там же, то же время; 15) золото, рукоять лазуритовая, отделана золотом, ножны золотые, там же, то же время; 16) ножны бронзовые, там же, то же время; 17) бронза, ножны сплетены из камышовых листьев, там же, то же время; 18—22) бронза, Киш, середина III тысячелетия до н. э.; 23) бронза, Нгирсу (Телло), середина — вторая половина III тысячелетия до н. э.; 24, 25) бронза, Мари, середина III тысячелетия до н. э.; 26) бронза, Тепе-Гавра, то же время; 27, 28) бронза, Библ, последняя четверть III тысячелетия до н. э.; 29) бронза, Тиль-Барсиб, то же время; 30) бронза, Аладжа-Хююк, то же время; 31—37) клинки из бронзы, серебра, рукояти каменные с инкрустацией из камня, Дорак, последняя треть III тысячелетия до н. э.; 38) бронза, Библ, рубеж III—II тысячелетий до н. э.; 39—42) бронза, Триалети, то же время; 43—45) бронза, Хороз-тепе, рубеж III—II тысячелетий до н. э.; 46) бронза, Байиндыркёй, вторая половина III тысячелетия до н. э.; 47—52) бронза, Солой-Помпеополис, рубеж III—II тысячелетий до н. э.; 53) медь, Ленинакан, последняя четверть III тысячелетия до н. э.; 54, 55) медь, Карабах, рубеж III—II тысячелетий до н. э.; 56, 57) бронза, Сачхере, вторая половина III тысячелетия до н. э.

Табл. IV

Таблица IV. Кинжалы Индостана (1—5, 81), Северного Причерноморья (6—14, 80), Сирии-Палестины (15—26, 35—38, 57—65, 72, 73, 75, 77, 78), Элама (27), Египта (28—34), Месопотамии (42—56, 76, 82), Ирана (39—41), Малой Азии (66—71, 74), Средней Азии (79) конца III—II тысячелетия до н. э., бронза.

1—5) медь, Чанхударо, конец III—начало II тысячелетия до н. э.; 6) курган майкопской культуры у с. Иноземцево, Ставрополье, конец III—начало II тысячелетия до н. э.; 7, 8) курган майкопской культуры у с. Кишпек, Кабардино-Балкария, время то же; 9) курган майкопской культуры у аула Кубина, Карачаево-Черкесия, время то же; 10) медь, кеми-обинская культура Крыма, вторая половина III—первая четверть II тысячелетия до н. э.; 11) изображение на левом боку каменного изваяния из с. Керносовки, кеми-обинская культура Крыма, первая четверть II тысячелетия до н. э.; 12) медь, курган ямной культуры, у с. Старогорожено, конец III—начало II тысячелетия до н. э.; 13) курган катакомбной культуры у с. Новокаменское, XVIII—XVII вв. до н. э.; 14) медь, курган катакомбной культуры у с. Кут, время то же; 15—17) гиксосского типа, Газа (Телль эль-Аджжуль), XVIII—XVII вв. до н. э.; 18) гиксосского типа, Телль эль-Йехудийе, время то же; 19) гиксосского типа, навершие каменное, Мегиддо, время то же; 20) гиксосского типа, Угарит (Рас-Шамра), время то же; 21—23) гиксосского типа: 22) навершие каменное, 23) навершие бронзовое, Иерихон, XIX—XVII вв. до н. э.; 24) из клада под полом «Храма обелисков», Библ, гиксосского типа, XIX—XVIII вв. до н. э.; 25) золото, рукоять слоновой кости с чеканной золотой обкладкой, ножны чеканного золота, то же место, то же время; 26) Угарит (Рас-Шамра), XVII—XVI вв. до н. э.; 27) рукоять с золотой насечкой, Сузы, третья четверть III тысячелетия до н. э.; 28) ножны костяные, обтянутые кожей, Керма, XVII—XVI вв. до н. э.; 29) рукоять золотая, инкрустированная ляпис-лазурью, малахитом, сердоликом, из гробницы царевича Иты в Дахшуре, XIX—XVIII вв. до н. э.; 30) деталь настенной росписи гробницы Сенби в Меире, XIX—XVIII вв. до н. э.; 31) ножны деревянные с золотой обкладкой, XIX—XVIII вв. до н. э.; 32) время правления фараона Яхмоса, XVI в. до н. э.; 33) время гиксосской династии, Араба, XVIII—XVII вв. до н. э.; 34) рукоять роговая, отделана слоновой костью и золотом, Фивы, XVI—XV вв. до н. э.; 35, 36) Телль эль-Саидийе, XVI—XV вв. до н. э.; 37, 38) Газа (Телль эль-Аджжуль), XVII—XVI вв. до н. э.; 39) рукоять отделана плетенкой из серебряных лент, Тепе-Хиссар, XIX—XVIII вв. до н. э.; 40, 41) Западный Иран, 1800—1600 гг. до н. э.; 42—48) Ур, XVIII—XVII вв. до н. э.; 49) Ур, XVII—XVI вв. до н. э.; 50, 51) Дур-Куригальзу (Акаркуф), XV—XIII вв. до н. э.; 52) рукоять обложена деревом, Иссин, середина II тысячелетия до н. э.; 53—56) клад в пещере около Керманшаха, XII—XI вв. до н. э.; 57) погребение 30, Гезер, XVI—XV вв. до н. э.; 58, 59) из погребений в Гезере, время то же; 60, 61) погребение в Акко, время то же; 62) Хама, XV—XIV вв. до н. э.; 63, 64) Угарит (Рас-Шамра), XV—XIII вв. до н. э.; 65) Алалах (Телль-Атшана), то же время; 64а, 65а) Шарухен (Бет-Пелет, Телль эль-Фар'а), XIV—XII вв. до н. э.; 66—68) Солой-Помпеополис, начало II тысячелетия до н. э.; 69—71) Каниш (Кюль-тепе), XIX в. до н. э.; 72) Кипр, середина II тысячелетия до н. э.; 73) деталь каменной стелы с изображением Баала, Угарит (Рас-Шамра), XIV—XIII вв. до н. э.; 74) деталь рельефа с изображением бога Тархунтаса на «царских» воротах Хаттусы (Боказкёй), XV—XIV вв. до н. э.; 75) кинжал сирийца, деталь росписи ларца из гробницы Тутанхамона, XIV в. до н. э.; 76) деталь алебастрового рельефа, Южная Месопотамия, начало II тысячелетия до н. э.; 77) деталь каменной фигуры Адуньябиджи, Сфира, последняя четверть II тысячелетия до н. э.; 78) деталь бронзовой статуэтки женского божества войны, Угарит (Рас-Шамра), XIV—XIII вв. до н. э.; 79) Сапалли-тепа, середина—третья четверть II тысячелетия до н. э.; 80) IV дольмен, Эшера, Абхазия (северокавказское изделие), первая половина II тысячелетия до н. э.; 81) медь, Мохенджодаро, конец III—начало II тысячелетия до н. э.; 82) Арадум-Арада (Хирбет ад-Дунья), слой XVII в. до н. э.

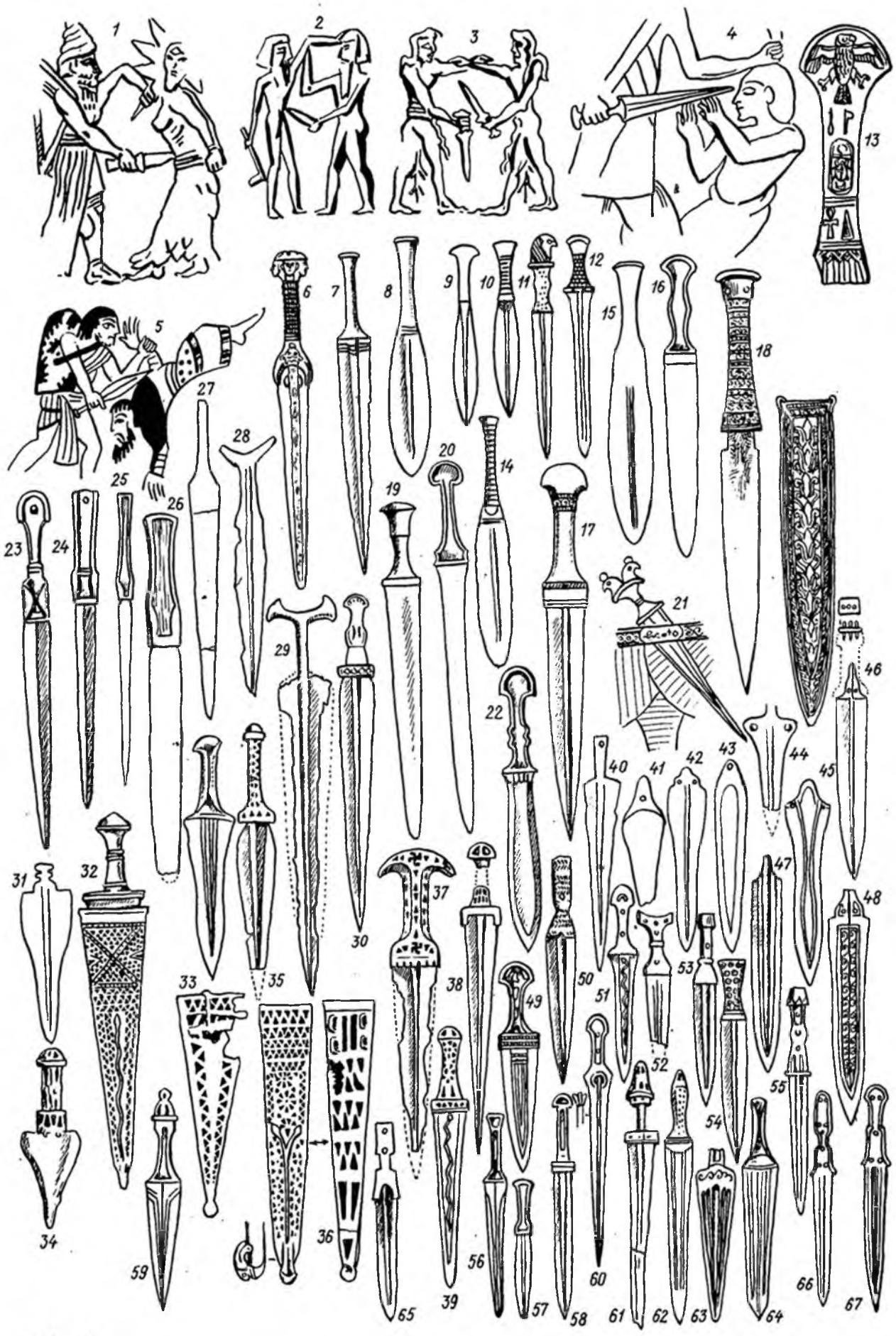


Табл. V

Таблица V. Кинжалы Месопотамии (1, 2), Сирии-Палестины (3, 4), Египта (5—22), Элама (23—27), Западного Ирана (30), Восточного Индостана (28, 29), Кавказа (31—67) II тысячелетия до н. э.

1) изображение борьбы богов на глиняной плакетке, Вавилония, XVIII—XVI вв. до н. э.; 2) касситская печать, Вавилония, середина II тысячелетия до н. э.; 3) хурритская печать, время то же; 4) деталь изображения на костяной плакетке, Угарит (Рас-Шамра), XIV в. до н. э.; 5) египетский воин, отрезающий руку у поверженного сирийца, деталь росписи шкатулки из гробницы Тутанхамона, XIV в. до н. э.; 6, 7) рукояти золотые, из гробницы царицы Яххотеп, первая половина XVI в. до н. э.; 8) из гробницы египетского наместника Газы (Телль эль-Аджжуль), XVI в. до н. э.; 9—12) детали настенной росписи гробницы Кенамона, изображающей царский арсенал, Фивы, XV в. до н. э.; 13) рукоять резной слоновой кости, с именем фараона Тутмоса IV, XVI в. до н. э.; 14—16) Эль-Амарна, XIV в. до н. э.; 17) Египет, XV—XIV вв. до н. э., рукоять золотая; 18) железо, рукоять золотая, отделана цветными эмалями, ножны чеканного золота, из гробницы Тутанхамона, XIV в. до н. э. (митаннийское изделие для Египта); 19) Седмент, XIV—XIII вв. до н. э.; 20) длинный кинжал, XIII в. до н. э.; 21) деталь статуи Рамсеса II, XIII в. до н. э.; 22) XIII—XII вв. до н. э.; 23—27) Дур-Унташ (Чога-Замбиль), XIII в. до н. э.; 28, 29) культура «медных кладов и желтой керамики», вторая половина II тысячелетия до н. э.; 30) форт Мунро, XII—XI вв. до н. э.; 31) Армения, первая половина II тысячелетия до н. э.; 32) кинжал и ножны бронзовые ажурные, Лчашен, XIII—XII вв. до н. э.; 33) кинжал и ножны бронзовые ажурные, Кировакан, XIII—XII вв. до н. э.; 34) Артик, время то же; 35) Кармир-Берд, время то же; 36) ножны бронзовые ажурные, Нор-Баязет, время то же; 37) Папанино, XII—XI вв. до н. э.; 38) Нор-Баязет, XII в. до н. э.; 39) Гуштоган, XI в. до н. э.; 40—44) Тлийский могильник, XVI—XIII вв. до н. э.; 45—55, 66, 67) то же место, XI—X вв. до н. э.; 56) Норатус, XI в. до н. э.; 57) Армения, XII—XI вв. до н. э.; 58) Нор-Баязет, X в. до н. э.; 59) Кафан, XI—IX вв. до н. э.; 60) Талыш, XI—X вв. до н. э.; 61, 65) Бешташен—Сафар-Хароба, X в. до н. э.; 62) Арчадзор, XI—X вв. до н. э.; 63—64) Папанино, XI—X вв. до н. э.

Табл. VI

Таблица VI. Кинжалы позднехеттско-арамейской Сирии (1—6), Месопотамии (ассирийские — 7—20, 52, 77, вавилонские — 21), Западного Ирана (22—51, 53), Кавказа (54—76), Аравии (78) первой трети I тысячелетия до н. э.

1) ношение кинжала сирийцем в середине II тысячелетия до н. э., деталь египетской стенописи, музей Метрополитен, Нью-Йорк; 2) ношение кинжала сирийцем, деталь каменной статуи, Айн ат-Телль, около 800 г. до н. э.; 3) деталь изображения на каменной стеле, Тиль-Барсиб (Телль-Ахмар), начало I тысячелетия до н. э.; 4) деталь каменной статуи, Сам'аль (Зинджирли), около 850 г. до н. э.; 5) деталь изображения на каменном ортостате, оттуда же, VIII в. до н. э.; 6) деталь изображения на ортостате, Гузана (Телль-Халаф), IX в. до н. э.; 7, 9) детали каменных рельефов с изображением царя Ашшурнацирапала II, 883—859 гг. до н. э., Кальху (Нимруд); 8) деталь статуи царя Салманасара III, Ашшур (Кала'ат-Шеркат), 858—824 гг. до н. э.; 10) длинный кинжал рядового воина, оттуда же, IX в. до н. э.; 11—13) царские кинжалы, детали рельефов из Кальху (Нимруд), IX в. до н. э.; 14) рукоять из слоновой кости, Зивие, VIII — VII вв. до н. э.; 15) длинный кинжал рядового лучника, деталь рельефа дворца Синаххериба, Ниневия (Куюнджик), 704—681 гг. до н. э.; 16) длинный кинжал тяжеловооруженного всадника; 17, 18) короткие кинжалы щитоносцев, детали рельефов дворца Саргона II, Дур-Шаррукин (Хорсабад), 721—705 гг. до н. э.; 19) деталь рельефа дворца Ашшурнацирапала II, Кальху (Нимруд), 883—859 гг. до н. э.; 20) бронза, Северный Египет, IX — VIII вв. до н. э.; 21) деталь кудурру (межевого столба) с изображением царя Мардук-надин-аххе, Вавилон, 1100—1083 гг. до н. э.; 22—23) детали росписей сосудов, Тепе-Сиалк, X — IX вв. до н. э.; 24) деталь бронзовой статуэтки, Амлаш, IX — VIII вв. до н. э. 25) деталь изображения на золотой чеканной чаше, Ида (Хасанлу), XI — IX вв. до н. э.; 26) деталь изображения на бронзовой ситуле, Луристан, IX — VIII вв. до н. э.; 27) деталь изображения на бронзовом колчане, Луристан, VIII в. до н. э.; 28) деталь бронзовой статуэтки, Луристан, IX — VIII вв. до н. э.; 29) бронза, погребение 2 могильника Бард-е Бала, Луристан, 1000—750 гг. до н. э.; 30) железо, рукоять с бронзовыми накладками, погребение 4 могильника Татт уль-Бан, Луристан, первая половина VIII в. до н. э.; 31) золото, Калардашт, VIII — VII вв. до н. э.; 32) бронза, Хурвин, IX — VIII вв. до н. э.; 33) бронза, Луристан, IX — VIII вв. до н. э.; 34) бронза, Луристан, X в. до н. э.; 35—37) бронза, Луристан, VIII — VII вв. до н. э.; 38) бронза, рукоять отделана золотом, Луристан, время то же; 39) бронза, Хурвин, IX — VIII вв. до н. э.; 40—44) бронза, Луристан, IX — VII вв. до н. э.; 45) бронза, могильник Тепе-Варкабуд, Луристан, VIII—VII вв. до н. э.; 46) железо, рукоять известняковая, с серебряной обкладкой, Зивие, VII в. до н. э.; 47) железо, рукоять костяная с бронзовой подложкой, навершие серебряное, то же место, то же время; 48) бронза, рукоять ажурная, Луристан, IX — VIII вв. до н. э.; 49) рукоять золотая, отделка перегородками с инкрустациями, Ида (Хасанлу), IX — VIII вв. до н. э.; 50) бронза, Амлаш, IX — VIII вв. до н. э.; 51) рукоять серебряная, Луристан, VIII — VII вв. до н. э.; 52) рукоять из слоновой кости, Зивие, VII в. до н. э.; 53) бронза, рукоять алебастровая, Луристан, IX — VIII вв. до н. э.; 54, 55) железо, Тейшебаини (Кармир-Блур), Урарту, VII в. до н. э.; 56) железо, Мусиери, Урарту, VII в. до н. э.; 57—59) железо, рукояти с бронзовыми обоймами, могильник Самтавро, VII в. до н. э.; 60, 61) железо, рукояти с бронзовой отделкой, Цинцкаройский могильник, VIII — VII вв. до н. э.; 62, 63) бронза, каменный ящик 2, погребение 1, могильник Рутха кобанской культуры, VIII — VII вв. до н. э.; 64) бронза, каменный ящик 1, оттуда же, то же время; 65) бронза, пос. Кистрик, колхидская культура, VIII — VI вв. до н. э.; 66) бронза, могильник Куланурхва, колхидская культура, VIII в. до н. э.; 67) железо, бронзовая отделка рукояти, погребение 171, Трельский могильник, Тбилиси, VIII — первая половина VII в. до н. э.; 68—70) бронза, Тлийский могильник, конец X — IX вв. до н. э.; 71) бронза, оттуда же, VIII — VII вв. до н. э.; 72) бронзовая рукоять, могильник у хут. Кубанского, протомеотская культура, VII в. до н. э.; 73) бронза, деталь деревянной статуэтки бога войны, Тейшебаини (Кармир-Блур), Урарту, VIII — VII вв. до н. э.; 74, 75) бронза, могильник Кобань кобанской культуры, VIII — VII вв. до н. э.; 76) железо, Тейшебаини (Кармир-Блур), Урарту, VII в. до н. э.; 77) бронза, из храма Ану и Адада в Ашшуре (Кала'ат-Шеркат), IX — VIII вв. до н. э.; 78) меч арабов-бедуинов, рельеф дворца Ашшурбанапала (668—635/27 гг. до н. э.), Ниневия.

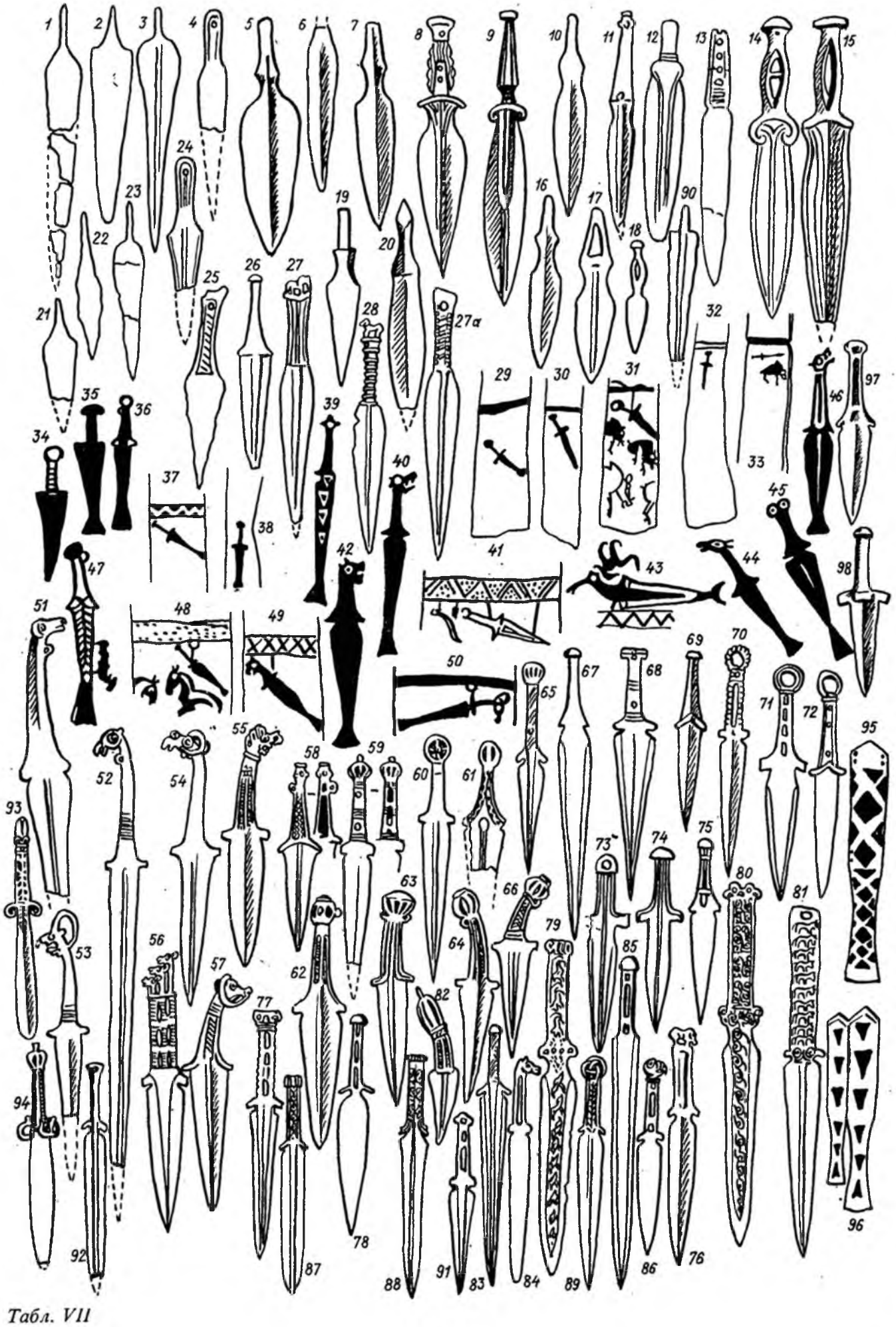


Табл. VII

Таблица VII. Кинжалы Средней Азии конца III — II тысячелетия до н. э. (1—4, 21—24), Северного Причерноморья (5—9, 20), Волго-Уральского региона (10—15, 19), Казахстана (17, 18, 25, 26, 75), Центральной Азии (16, 27—56, 58—62, 64—74, 79, 90, 97, 98), севера КНР (57, 63, 76, 77, 80—89, 91—93, 95, 96), Великой Китайской равнины (94) II — начала I тысячелетия до н. э., бронза.

1) медь, Алтын-депе, Туркмения, вторая половина III тысячелетия до н. э.; 2, 3) медь, Алтын-депе, конец III — начало II тысячелетия до н. э.; 4) Вахшувар, Узбекистан, XII — IX вв. до н. э.; 5) раннесрубная культура Украины, середина II тысячелетия до н. э.; 6, 7) Усово озеро, раннесрубная культура Украины, время то же; 8) рукоять деревянная, с. Борисовка, позднесрубная (сабатиновская) культура Украины, XIII — XII вв. до н. э.; 9) Ингульский клад, позднесрубная (сабатиновская) культура Украины, время то же; 10) срубная культура междуречья Волги и Дона, середина II тысячелетия до н. э.; 11) Борисоглебский могильник, абашевская культура Приуралья, середина II тысячелетия до н. э.; 12) II Новокизгановская стоянка, черкаскульская культура Южного Приуралья, XI — IX вв. до н. э.; 13) Сейма, сейминско-турбинская культура Волго-Камья, середина II тысячелетия до н. э.; 14, 15) Сосновая Маза, позднесрубная культура Нижнего Поволжья, XII — IX вв. до н. э.; 16) Горный Алтай, середина II тысячелетия до н. э.; 17, 18) Казахстан, середина II тысячелетия до н. э.; 19) Красногорский могильник, Южная Башкирия, середина II тысячелетия до н. э.; 20) курган у с. Введенка, Верхнее Подонье, середина II тысячелетия до н. э.; 21—23) Дашлы III, Северный Афганистан, середина II тысячелетия до н. э.; 24) оттуда же, последняя четверть II тысячелетия до н. э.; 25) Восточный Казахстан, андроновская культура, время то же; 26) оттуда же, андроновская культура, конец II — начало I тысячелетия до н. э.; 27, 28) Иссык-Кульская котловина, андроновская культура, третья четверть II тысячелетия до н. э.; 27а) Алтай, андроновская культура, конец II тысячелетия до н. э.; 29—50) изображения кинжалов на каменных изваяниях («оленных камнях») Центральной Азии (34—50 — Западная Монголия), карасукская культура, конец II — начало I тысячелетия до н. э.; 29, 30) Юстыд, Алтай, левая сторона, 31) курган Аржан, Тува, лицевая сторона, 32) Орзак-Аксы, Тува, лицевая сторона, 33) Уюк-Аржан, Тува, лицевая сторона, 34) Батценгель сомон, левая сторона, 35) Шивертын ам, камень 2, левая сторона, 36) бригада Булган-хуле, левая сторона, 37) Их тамир сомон, камень 6, левая сторона, 38) Цацын эрэг, камень 3, лицевая сторона, 39) Ульзит сомон, камень 2, правая сторона, 40) Цохиот, камень 1, 41) Хотонт сомон, левая сторона, 42) Херексурин денж, камень 2, левая сторона, 43) оттуда же, камень 23, левая сторона, 44) оттуда же, камень 28, левая сторона, 45) Булан, камень 6, правая сторона; 46) Орхон-госхоз, камень 1, 47) оттуда же, камень 2, левая сторона, 48) Даган дель, камень 2, левая сторона, 49) Ушкийн увер, камень 14, левая сторона, 50) Галт сомон, III бригада, камень 2, левая сторона; 51—89, 91, 92, 95, 96) кинжалы и ножны карасукского типа; 51) пос. Усть-Тулутай, Забайкалье, XII — IX вв. до н. э., 52) пос. Кузьмино, Читинской области, XII — XI вв. до н. э., 53) оз. Котокель, Забайкалье, XII — XI вв. до н. э., 54, 56) Ордос, XII — XI вв. до н. э.; 55) Южно-Гобийский аймак, Монголия, XII — XI вв. до н. э., 57) Чаодоугоу, уезд Циньлун, пров. Хэбэй, XII — XI вв. до н. э., 58, 59) Минусинская котловина, XII — XI вв. до н. э., 60) Красноярский край, XII — XI вв. до н. э., 61) Тува, XII — XI вв. до н. э., 62) Силингол, Внутренняя Монголия, XII — XI вв. до н. э., 63) уезд Шилоу, пров. Шаньси, XII — IX вв. до н. э., 64) Доюдчи, Внутренняя Монголия, XII — IX вв. до н. э., 65, 66) Ордос, XII — IX вв. до н. э., 67) Красноярский край; XII — VIII вв. до н. э., 68) Минусинская котловина, XI — VII вв. до н. э., 69) Южная Сибирь, VIII — VII вв. до н. э., 70) Красноярский край, VIII — VII вв. до н. э., 71, 72) Минусинская котловина, VII в. до н. э., 73, 74) курган 5, могильник Улуг-Козюр, Минусинская котловина, VIII — VII вв. до н. э., 75) с. Ермак, Северный Казахстан, IX в. до н. э., 76) аймак Чжаоуда, Внутренняя Монголия, VIII — VII вв. до н. э., 77) пров. Шаньси, VII в. до н. э., 78) Северный Китай, VIII — VII вв. до н. э., 79) Ордос, VII — VI вв. до н. э., 80) Хаохэйшигоу, уезд Нинчэн, Внутренняя Монголия, VII — VI вв. до н. э., 81) Дунханькоу, уезд Биньчуань, пров. Хэбэй, VII — VI вв. до н. э., 82—86) Байфу, р-н Пекина, XI — X вв. до н. э., 87—89, 95, 96) кинжалы и ножны бронзовые ажурные, Наньшаньгэнь, уезд Нинчэн, аймак Чжаоуда, Внутренняя Монголия, VII в. до н. э.; 90) Минусинская котловина, андроновская культура, конец II тысячелетия до н. э.; 91, 92) уезд Цзянпин, пров. Ляонин, VIII — VII вв. до н. э.; 93) уезд Шилоу, пров. Шаньси, XII — XI вв. до н. э.; 94) городище Тайси, уезд Гаочэн, пров. Хэбэй; 97, 98) погребения 37 и 43, могильник Улангом, Северо-Западная Монголия, IX — VII вв. до н. э. (из погребений V — III вв. до н. э.).

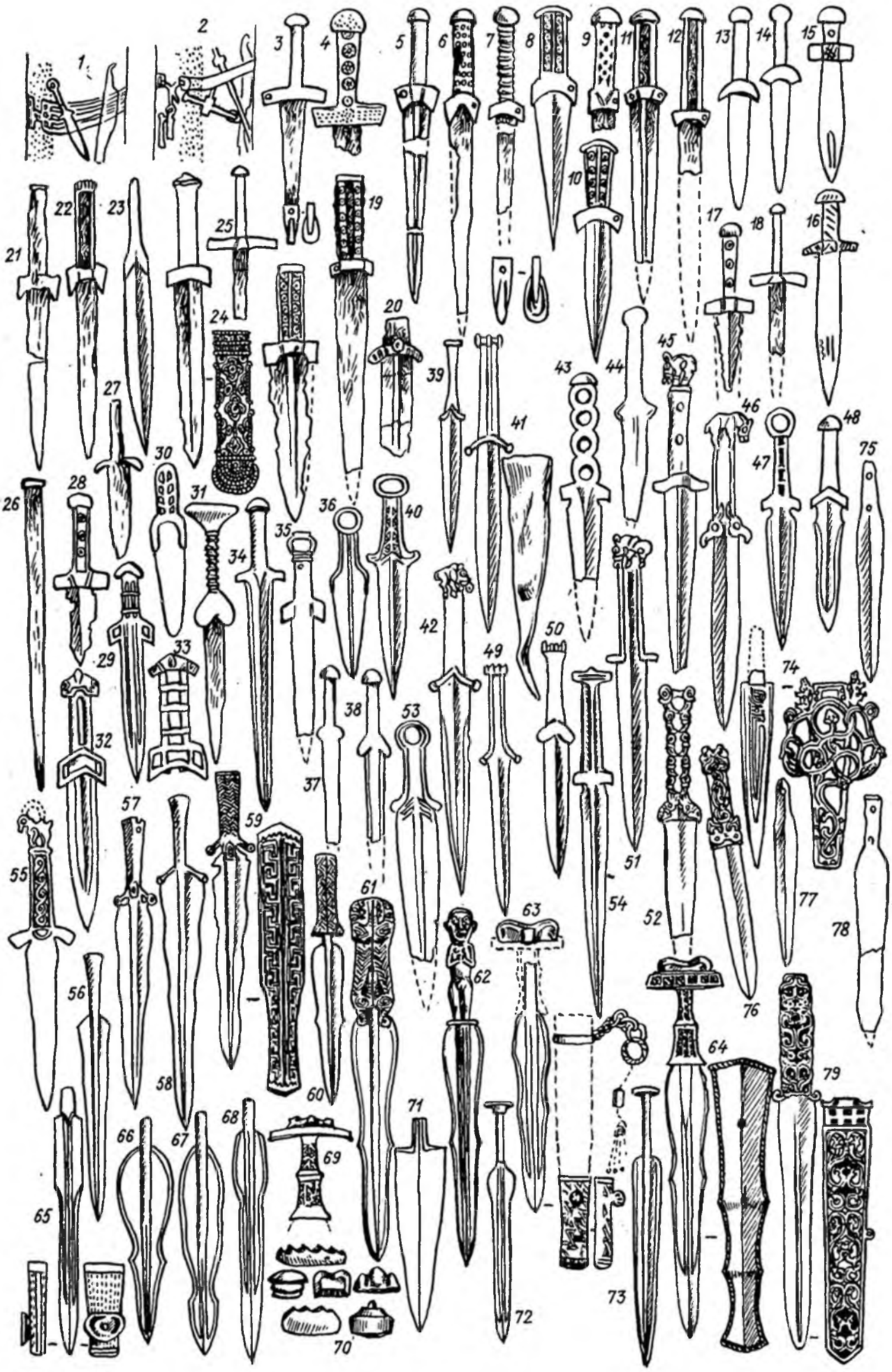


Табл. VIII

Таблица VIII. Кинжалы Северного Причерноморья (1—12, 21—31). Волго-Камья (13—20), Казахстана (32, 33, 43), Алтая (34—38), Центральной Азии (39—42, 44—55), северо-востока КНР (56—72), Великой Китайской равнины (73—79) первой половины I тысячелетия до н. э.

1, 2) детали каменных изваяний «киммерийского» типа VIII — первой половины VII в. до н. э.: 1) курган у с. Целинное, около Джанкоя, Крым, левая сторона, 2) с. Кизбурун 1, Кабардино-Балкария; 3—11) кинжалы «киммерийского» типа Северного Кавказа, конец VIII — первая половина VII в. до н. э. с железными клинками и бронзовыми рукоятями и бутеролями (на одном из концов перекрестий имеются отверстия для подвешивания); 3) могильник Сержень-Юрт, Чечня; 4—12) могильник у Мебельной фабрики, Кисловодск; 13—20) кинжалы «киммерийского» типа из Волго-Камья, VIII — первая половина VII в. до н. э., с железными клинками и бронзовыми рукоятями (на одном из концов перекрестий имеется отверстие для подвешивания); 13—15) изображения на каменных стелах из Новомордова, 16) изображения из с. Навки, 17) с. Демкино, 18—20) Старший Ахмыловский могильник ананьинской культуры; 21—32) кинжалы «киммерийского» типа из Северного Причерноморья, конец VIII — первая половина VII в. до н. э.; 21) железо, с. Березки, 22) погребение 2, курган Высокая могила, рукоять с бронзовой оковкой, 23) бронза, погребение 5, курган Высокая могила, 24) железо, золотая оковка нижней части ножен, курган Птичата могила у с. Белоградец, Болгария, 25) железо, рукоять бронзовая, Демкино, 26) железо, курган Зольный, около Симферополя, 27) железо, слобода Каменка, 28) железо, рукоять бронзовая, с. Навки, 29) бронза, Таганрогский музей, 30) бронза, с. Степанцы, 31) железо, рукоять бронзовая, с. Софиевка, 32) бронза, с. Новоникольское, Северный Казахстан, VII в. до н. э.; 33) бронза, Омская область, VII в. до н. э.; 34) бронза, Лаптев лог, Алтайский край; 35) место находки неизвестно, VII в. до н. э.; 36) бронза, Осинкинский могильник, погребение 6, Северный Алтай, VIII — VII вв. до н. э.; 37, 38) Горный Алтай, VII в. до н. э.; 39—55) бронзовые кинжалы Центральной Азии карасукско-тагарского переходного типа, VII — VI вв. до н. э.; 39) Вторая Поляна, Тува, 40) курган 2, могильник Дужерлиг-Ховузу 1, VII в. до н. э., 41, 42) курган Аржан, Тува, VII в. до н. э., 43) Казахстан, середина VII в. до н. э.; 44) Этыг-Тайга, Тува, 45) Хакасия, 46) Минусинская котловина, 47) Быскар, Минусинская котловина, VII в. до н. э., 48) с. Кавказское, Минусинская котловина, VII в. до н. э., 49) Марьясово, Минусинская котловина, 50) Минусинская котловина, VI в. до н. э., 51) дер. Тесинская, Красноярский край, 52) Ордос, 53) Забайкалье, VII в. до н. э., 54) пос. Усть-Тулутай, Забайкалье, VI в. до н. э., 55) Бийск, Алтай, VII в. до н. э.; 56—59, 71, 72) кинжалы переходного «карасукоидно-скрипковидного» типа северо-востока КНР, 60—70) кинжалы «скрипковидного» типа северо-востока КНР, бронза: 56) Шуйцюань, уезд Цзянпин, пров. Ляонин, VII в. до н. э., 57) Ваньшоу ляосидянь, уезд Цзянпин, пров. Ляонин, VII в. до н. э., 58) Хеладяокоу, уезд Цзянпин, пров. Ляонин, время то же; 59, 60) аймак Чжаоуда, Внутренняя Монголия, VII в. до н. э.; 61, 62) Наньшаньгэнь, уезд Нинчэн, аймак Чжаоуда, Внутренняя Монголия, VII в. до н. э.; 63) кинжал, цепочка и наконечник, ножны бронзовые, Чжэнчжавацзы, пров. Ляонин, VI — начало V в. до н. э.; 64) кинжал и ножны бронзовые, Наньтунгоу, пров. Ляонин, VI — начало V в. до н. э.; 65) кинжал и наконечник ножен бронзовые, уезд Цзиань, пров. Ляонин, время то же; 66, 71) уезд Цинюань, пров. Ляонин, VII — VI вв. до н. э.; 67) Шуаньфань, уезд Синьцзин, пров. Ляонин, VII — VI вв. до н. э.; 68, 72) уезд Цзянпин, пров. Ляонин, время то же; 69, 70) рукоять и каменные утяжелители наверший «скрипковидных» кинжалов Ляонина, VI — V вв. до н. э.; 73—77) китайские западночжоуские кинжалы, бронза: 73) погребения 1052, 1721, 1705 могильника в Шаньцунлине, культура царства Го, первая половина VII в. до н. э., 74) кинжал и ажурная обкладка ножен, бронза, могильник Байцаопо, уезд Линтай, пров. Ганьсу, первая половина X в. до н. э., 75) Фэнси, пров. Шэньси, X в. до н. э., 76) Люлихэ, р-н Пекина, конец XI в. до н. э., 77) Чжуюаньгоу, около г. Баоцзи, пров. Шэньси, конец XI в. до н. э., 78) бронза, Наньшаньгэнь, уезд Нинчэн, Внутренняя Монголия, VII в. до н. э.; 79) бронзовые кинжалы и ножны, VII в. до н. э., Британский музей.

1
1а
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
13а
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58

Табл. IX

Таблица IX. Скифские кинжалы-акинаки второй половины VII — IV в. до н. э. Кавказа (1, 9—23, 59) и Северного Причерноморья (2—8, 24—58), железо.

1—8, 45—49) изображения акинаков на лицевой стороне скифских каменных изваяний: 1) Галайты, Чечено-Ингушетия, конец VII — начало VI в. до н. э., 1а) с. Александровское, Прикубанье, время то же, 2) стан. Бесскорбная, Прикубанье, VI в. до н. э., 3) ГИМ УССР, VI в. до н. э., 4) Грушевка, Херсонский музей, начало V в. до н. э., 5) курган у с. Медерово, Кировоградская область, V в. до н. э., 6) Краснодарский музей, вторая половина V в. до н. э., 7) с. Ольховчик, Донецкий музей, конец VII — начало VI в. до н. э. 8) с. Пески, V в. до н. э.; 9) Лермонтовский разъезд, Пятигорье, середина VII в. до н. э.; 10) могильник Самтавро, Грузия, вторая половина VII в. до н. э.; 11) Тейшебаини (Кармир-Блур), Армения, вторая половина VII в. до н. э.; 12) рукоять бронзовая, могильник Кумбулта, Северная Осетия, время то же; 13) акинак и бронзовая оковка ножен скифской формы с закавказским декором, с. Колхида, около Гагр, время то же; 14) рукоять и бутероль бронзовые, курган у хут. Степного, около Гудермеса, время то же; 15) кинжал и костяная бутероль, Минеральводский могильник, время то же; 16) могильник у Софроновского родника, около Кисловодска, время то же; 17—22) Тлийский могильник, Южная Осетия, время то же: 17) рукоять бронзовая, погребение 25, 18) погребение 106, 19) погребение 128, 20) погребение 139, конец VII — начало VI в. до н. э., 21) погребение 298, время то же, 22) костяные бутероли из погребений 216, 246, 164, вторая половина VII в. до н. э.; 23) костяная бутероль, с. Рук, Южная Осетия, время то же; 24) рукоять бронзовая, с. Томашевка, вторая половина VII в. до н. э.; 25) рукоять окована бронзой, с. Райгород, конец VII — начало VI в. до н. э.; 26) рукоять и ножны обложены золотом (наконечник ножен греческой работы), из клада в Феттерсфельде, начало VI в. до н. э.; 27) рукоять и ножны обложены золотом (наконечник ножен греческой работы), курган у хут. Шумейко, время то же; 28) акинак и боевой нож в одних ножнах, бутероль бронзовая, курган Репяховатая могила, погребение 2, VI в. до н. э.; 29) золотая обкладка рукояти и ножен (наконечник ножен греческой работы), с. Томаковка, курган Острая могила, первая половина VI в. до н. э.; 30) золотая бутероль скифского акинака, Зивие, середина — вторая половина VII в. до н. э.; 31) бронзовый наконечник ножен с костяной бутеролью, курган у с. Дариевка, VI в. до н. э.; 32) бронзовый наконечник ножен, курган Старшая могила, VI в. до н. э.; 33) курган у с. Верхняя Тарасовка, середина V в. до н. э.; 34) бронзовый наконечник ножен из кургана у с. Приднепровка, время то же; 35) рукоять и частично ножны обложены золотом (наконечник ножен греческой работы), курган у с. Александровка, начало V в. до н. э.; 36, 37) р-н с. Смела, конец VI — начало V в. до н. э.; 38) случайная находка, из собрания Бобринского, V в. до н. э.; 39) с. Журовка, V в. до н. э.; 40) с. Гамарня, V в. до н. э.; 41) бронзовая рукоять, курган 13, могильник Славянка у с. Шолохово, конец VI в. до н. э.; 42) дар Терещенко, V в. до н. э.; 43) р-н г. Канева, V в. до н. э.; 44) с. Волковцы, V в. до н. э.; 45) курган у с. Медерово, начало V в. до н. э.; 46) с. Калиновка, Николаевский музей, V в. до н. э.; 47) Первомайский музей, первая половина V в. до н. э.; 48) стан. Елизаветинская, V — IV вв. до н. э.; 49) с. Терновка, Николаевский музей, V в. до н. э.; 50) с. Плескачевка, IV в. до н. э.; 51) р-н г. Канева, IV в. до н. э.; 52) дар Терещенко, IV в. до н. э.; 53) ГИМ УССР, IV в. до н. э.; 54) акинак с железной бутеролью ножен, курган 19/21, погребение 2, Николаевский могильник, IV в. до н. э.; 55) деталь изображения на золотом гребне из кургана Солоха, первая четверть IV в. до н. э.; 56) деталь изображения на серебряном горите, оттуда же; 57) железная рукоять и золотая обкладка ножен, курган 1, стан. Елизаветинская, вторая половина V в. до н. э.; 58) с. Ключ, вторая половина IV в. до н. э.; 59) наконечник ножен, бронза, Фаскау, Осетия, вторая половина VII в. до н. э.

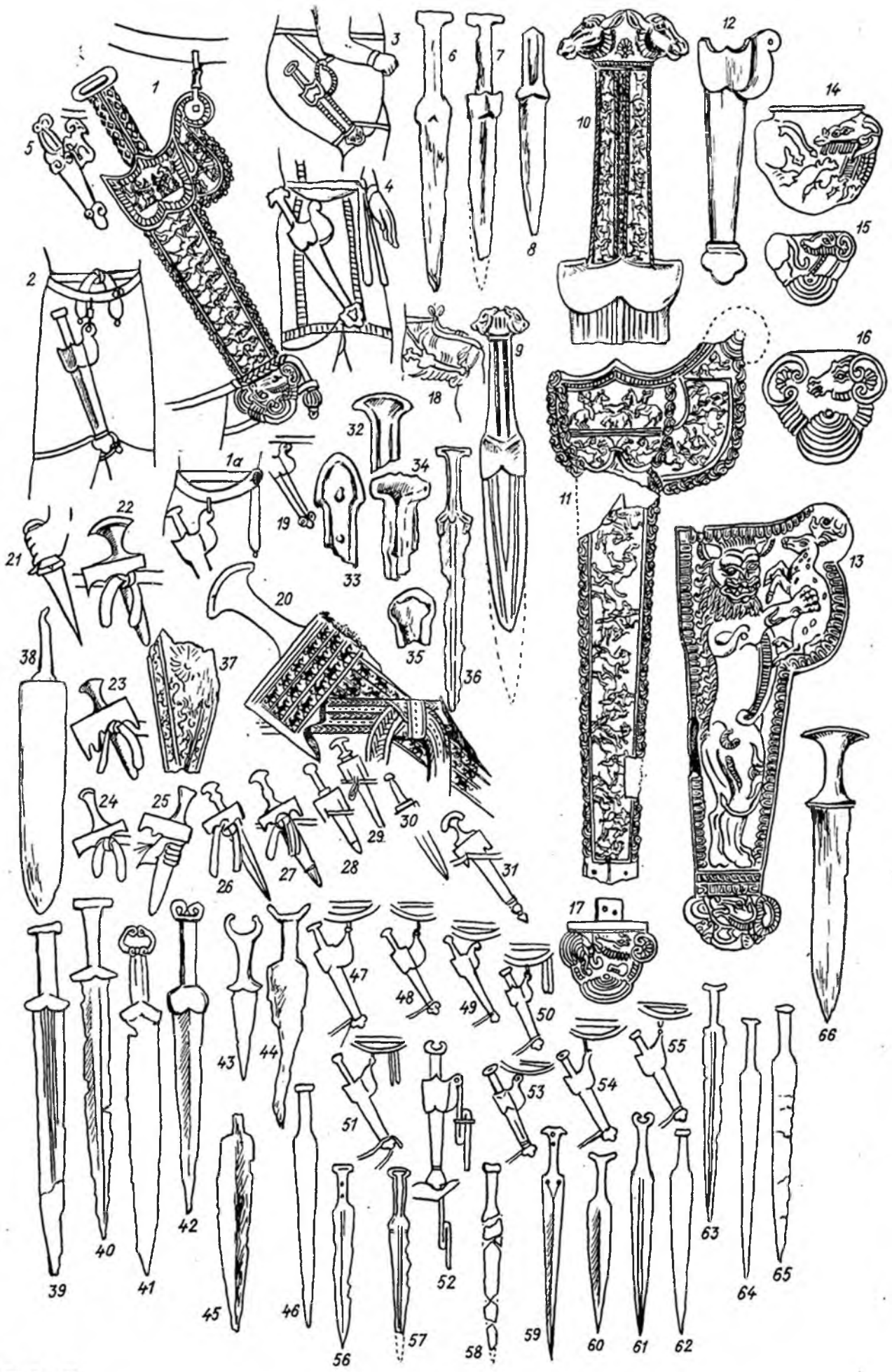


Табл. X

Таблица X. Кинжалы Ахеменидской державы (1—38, 47—55), Индии (66), кавказские акинаки (39—46), кинжалы синдо-меотского типа и их прототипы на Кавказе (56—65) середины I тысячелетия до н. э., железо.

1, 1а) акинак царского оруженосца, деталь рельефа дворца Дария I в Персеполе, начало V в. до н. э.; 2) акинак, рельеф дворца Ксеркса в Персеполе, вторая четверть V в. до н. э.; 3) акинак знатного перса, деталь изображения на серебряном ритоне, Эребуни (Ереван), V в. до н. э.; 4) акинак знатного перса, деталь изображения на золотой пластинке из Амударьинского клада, V в. до н. э.; 5) акинак знатного перса, деталь бронзовой плоской фигурки всадника, V в. до н. э.; 6, 7) персидские акинаки, Каркемиш (Деве-Хююк), V в. до н. э.; 8) акинак из сокровищницы в Персеполе, V—IV вв. до н. э.; 9) сталь, из Минусинской котловины, ахеменидское изделие, V в. до н. э.; 10) золотая обкладка рукояти персидского акинака, V в. до н. э., курган Чертомлык; 11) золотая обкладка ножен персидского акинака, Амударьинский клад, V в. до н. э.; 12) деревянная модель ножен иранского акинака, VI—IV вв. до н. э.; 13) ножны иранского (или бактрийского?) акинака, резная слоновая кость, V в. до н. э., городище Тахти-Сангин, Южный Таджикистан; 14—17) костяные бутероли персидско-мидийских акинаков: 14) из Египта, последняя четверть VI в. до н. э., 15) оттуда же, конец VI—начало V в. до н. э., 16, 17) первая половина V в. до н. э.; 18) акинак представителя ахеменидской знати, деталь рельефа гробницы Пайава, Ликия, IV в. до н. э.; 19) акинак знатного перса, деталь изображения на костяной пластинке, Сузы, V в. до н. э.; 20—30) персидские и сузианские кинжалы передневосточного «рамочного» типа (20—25) — детали изображений персидских царей и вельмож: 20) деталь статуи Дария I из Суз, египетская работа, конец VI—начало V в. до н. э., 21) рельеф дворца Дария I в Персеполе, начало V в. до н. э., 22—24) рельефы дворца Ксеркса в Персеполе, вторая четверть V в. до н. э., 25) рельеф ападаны в Персеполе, первая четверть V в. до н. э., 26) перс, деталь рельефа гробницы Дария II в Накш-е Рустаме, конец V в. до н. э., 27) перс, рельеф дворца Ксеркса в Персеполе, 28) перс, рельеф гробницы Дария I в Никш-е Рустаме, первая четверть V в. до н. э., 29) эламит (сузианец), рельеф гробницы Артаксеркса II в Накш-е Рустаме, середина IV в. до н. э., 30) эламит (сузианец), рельеф гробницы Дария I; 31) эламит (сузианец), рельеф гробницы Ксеркса в Накш-е Рустаме, вторая четверть V в. до н. э.; 32) бронзовая рукоять, сокровищница в Персеполе, VI—IV вв. до н. э.; 33) железная рукоять, «уличный горизонт», Персеполь, V—IV вв. до н. э.; 34) железная рукоять, зал совета в Персеполе, V—IV вв. до н. э.; 35) железная рукоять, сокровищница в Персеполе, VI—IV вв. до н. э.; 36) железный кинжал, Британский музей, VI—IV вв. до н. э.; 37) наконечник ножен, резная кость, сокровищница в Персеполе, V—IV вв. до н. э.; 38) сокровищница в Персеполе, VI—IV вв. до н. э.; 39—41) погребения 49, 37, 54 Лугового могильника позднекобанской культуры, Чечено-Ингушетия, V в. до н. э.; 42) Нестеровский могильник позднекобанской культуры, V в. до н. э.; 43) могильник колхидской культуры на Сухумской горе, V—IV вв. до н. э.; 44) Степанакерт, Армения, IV в. до н. э.; 45) Колхида, VI—IV вв. до н. э.; 46) Вани, Колхида, IV в. до н. э.; 47) акинак армянина, рельеф гробницы Ксеркса; 48) акинак каппадокийца, рельеф оттуда же; 49) акинак парфянина, рельеф гробницы Артаксеркса II; 50) акинак арейца, рельеф гробницы Дария I; 51) акинак бактрийца, рельеф гробницы Артаксеркса II; 52) акинак согдийца, рельеф ападаны в Персеполе; 53) акинак хорезмийца, рельеф гробницы Ксеркса; 54, 55) акинаки дрангианцев, рельеф гробницы Ксеркса; 56) с. Мизрик, Азербайджан, конец VII—VI в. до н. э.; 57) Тлийский могильник, Южная Осетия, конец VII—VI в. до н. э.; 58) могильник Двани, Западная Грузия, конец VII—VI в. до н. э.; 59) могильник Куланурхва колхидской культуры, Абхазия, время то же; 60) Каррас, Пятигорье, VI в. до н. э.; 61, 62) Пятигорье, VI—V вв. до н. э.; 63) Пятигорск, каменоломня № 1, конец V—IV в. до н. э.; 64) Елизаветивский могильник, курган 24, третья четверть V в. до н. э.; 65) Нижняя Эшера, Абхазия, конец IV—III в. до н. э.; 66) железный клинок с медной рукоятью, Махурихара, Декан, VI—V вв. до н. э.

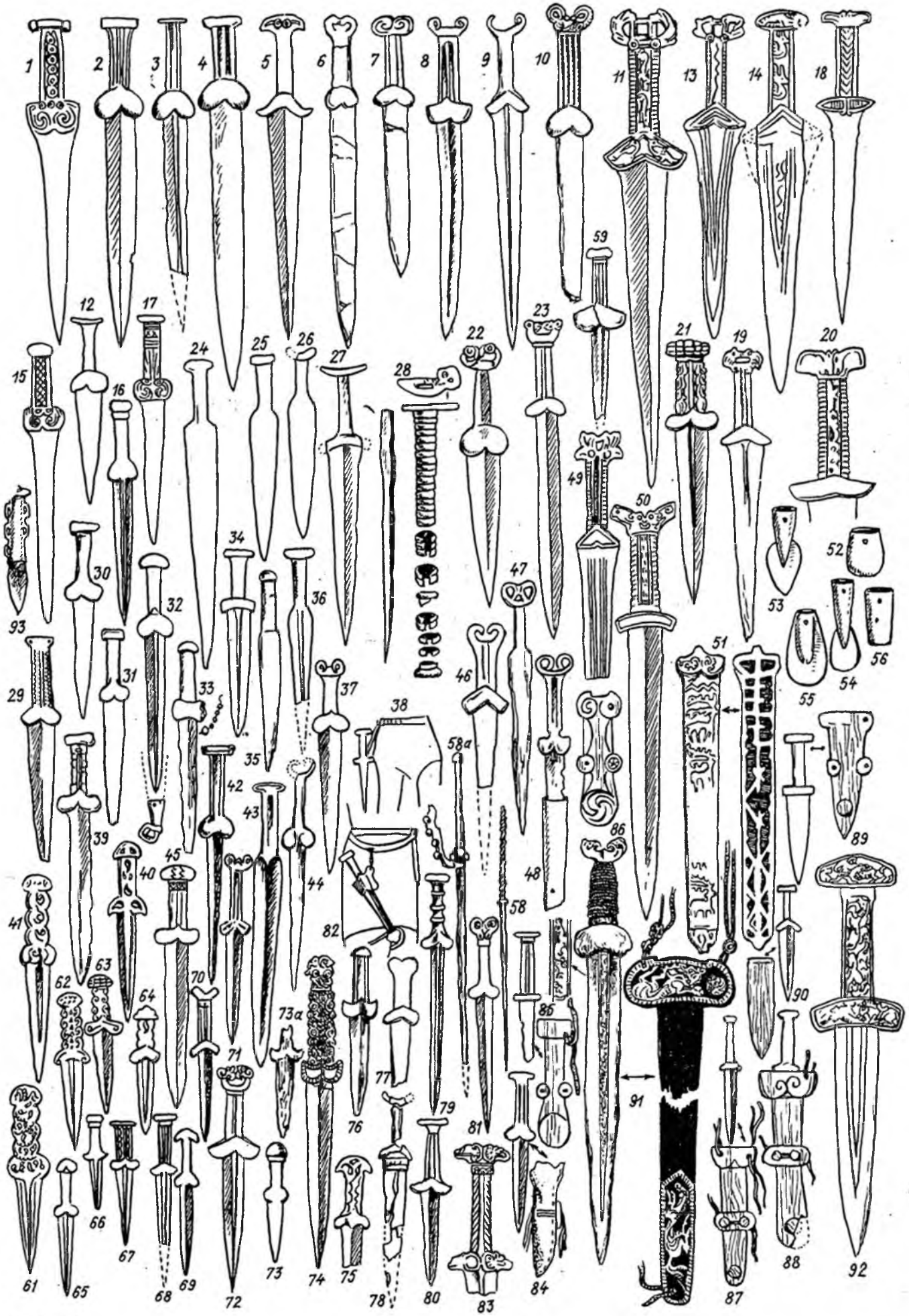


Табл. XI

Таблица XI. Кинжалы-акинаки Волжско-уральского региона (1—59, 93), Казахстана (61—72, 91), Средней Азии (73—82) и Алтая (83—90, 92) середины I тысячелетия до н. э.

1—26) савроматские акинаки: 1) железо, Марычевка, начало VI в. до н. э., 2) железо, колхоз Кызыл-ту, р-н Актюбинска, VI в. до н. э., 3) железо, с. Средняя Липовка, конец VII — начало VI в. до н. э., 4) железо, с. Любимовка, курган 1, IV в. до н. э., 5) с. Ильинское, Оренбуржье, V в. до н. э., 6) железо, курган А 12 у с. Блюменфельд (Цветочное), конец VI — начало V в. до н. э., 7) железо, курган 5 у с. Сара, V в. до н. э., 8) железо, с. Берлочье, V в. до н. э., 9) железо, г. Вольск, конец V — начало IV в. до н. э., 10) железо, Саловка, р-н Бузулука, V в. до н. э., 11) железо, с. Новая Богдановка, Оренбуржье, IV в. до н. э., 12) железо, курган 1, погребение 25, Хопры, нижний Дон, VI в. до н. э., 13) железо, Башкирия, IV в. до н. э., 14) железо, с. Петропавловка, около Стерлитамака, IV в. до н. э., 15) железо, Толочево, Башкирия, VI в. до н. э., 16) железо, Бахмутино, Башкирия, VI в. до н. э., 17) железо, Кунакбаево, Башкирия, VI—V вв. до н. э., 18) железо, совхоз «Дёма», Башкирия, IV в. до н. э., 19) железо, Уршак, Башкирия, IV в. до н. э., 20) железо, Башкуль, Северный Казахстан, IV в. до н. э., 21) железо, савромато-сакский тип, курган 4, Бобровский могильник, Северный Казахстан, V—IV вв. до н. э., 22) железо, с. Большой Толкай, курган 4, Куйбышевская область, V в. до н. э., 23) железо, пещера Алиан-тау, Башкирия, V в. до н. э., 24) железо, курган 25, Сладковка, нижний Дон, V в. до н. э., 25) железо, Новокумакский могильник около Орска, IV в. до н. э., 26) железо, курган, группа Вишневая горка около Уральска, IV в. до н. э.; 27) железо, раннесарматская «прохоровская» культура, с. Путятино, IV в. до н. э.; 28) стилет и ножны, железо, курган 7 у с. Сара, Поволжье, V в. до н. э.; 29—56) акинаки ананьинской культуры Волго-Камья, железо: 29—37) Старший Ахмыловский могильник, VI в. до н. э.; 29) бронзовая рукоять, погребение 704, 30) погребение 543, 31) квадрат К/213, 32) бронзовый наконечник ножен, погребение 336, 33) погребение 250, 34) погребение 383, 35) погребение 273, 36) погребение 71, 37) погребение 226б; 38) деталь изображения на каменной плите, Ананьинский могильник, VI—V вв. до н. э., 39) погребение 57 Луговского могильника, V в. до н. э., 40) бронза, Козловский могильник, вторая половина VII в. до н. э., 41) бронза, Ананьинский могильник, середина VII в. до н. э., 42) Ананьинский могильник, время то же, 43) Зуевский могильник, V—IV вв. до н. э., 44) оттуда же, начало V в. до н. э., 45) с. Енотовка, Башкирия, VI в. до н. э., 46) Зуевский могильник, V—IV вв. до н. э., 47, 48) Ананьинский могильник, V в. до н. э., 49) Кировская область, IV в. до н. э., 50) Висимская дача, IV в. до н. э., 51) бронзовые ножны, Зуевский могильник, VI—V вв. до н. э., 52—56) бронзовые бутероли второй половины VII—VI в. до н. э.: 52, 55) Ананьинский могильник, 53) Каракулинский могильник, 54) Котловский могильник, 56) Зуевский могильник; 57, 58а) железные ананьинские стилеты, Старший Ахмыловский могильник, VI в. до н. э., погребения 500, 621; 59) савромато-сакский акинак, железо, рукоять обложена золотом, курган 4, могильник Бесоба, Южное Приуралье, VI—V вв. до н. э.; 60—92) сакские акинаки: 61) бронза, р-н Павлодара, VI в. до н. э., 62) бронза, Северный Казахстан, V в. до н. э., 63) железо, Восточный Казахстан, V в. до н. э., 64) железо, р-н Кокчетава, VI в. до н. э., 65) железо, дер. Вавиловка, Восточный Казахстан, VI в. до н. э., 66) железо, р-н Павлодара, VI в. до н. э., 67) р-н Семипалатинска, VI—V вв. до н. э., 68) Актюбинская область, V в. до н. э., 69) железо, курган 1, могильник Коргантас, V в. до н. э., 70) железо, курган 1, могильник Айдабуль II, Северный Казахстан, VI—V вв. до н. э., 71) бронза, Семиречье, V в. до н. э., 72) железо, Семиречье, V — начало IV в. до н. э., 73) бронза, курган 51, могильник Уйгарак, Приаралье, конец VII — начало VI в. до н. э., 73а) железо, курган 26, могильник Уйгарак, V в. до н. э., 74) железо, курган 3, могильник Акбеит, Памир, V в. до н. э., 75) бронза, Ташкентский канал, V в. до н. э., 76) железо, рукоять бронзовая, курган 7, могильник Тегермансу I, Памир, V в. до н. э., 77) железо, курган 1, могильник Жарты-Гумбез I, Памир, V в. до н. э., 78) железо, бронзовая обойма устья ножен, курган 9, могильник Памирская I, Памир, IV в. до н. э., 79, 80) бронза, р-н оз. Иссык-Куль, V в. до н. э., 81) Кетмень-Тюбе, с. Кара-Куктой, V в. до н. э., 82) акинак сака-тиграхауда, рельеф ападаны в Персеполе, первая четверть V в. до н. э., 83) железо, станция Укладочная, Алтай, конец V—IV вв. до н. э., 84) бронза, ножны кожаные, зона затопления Чуйской ГЭС, Алтай, V—IV вв. до н. э., 85) бронзовая модель кинжала в деревянных ножнах, курган 23, могильник Юстыд, Алтай, IV в. до н. э., 86, 87) деревянные модели ножен с кожаной подкладкой, курган 8, могильник Юстыд, V—IV вв. до н. э., 88) бронза, ножны деревянные, модель, курган 5, могильник Барбургазы I, Алтай, V—I вв. до н. э., 89) бронза, ножны деревянные, модель, курган 18, могильник Барбургазы II, IV в. до н. э., 90) то же, курган 1, могильник Уландрык, IV в. до н. э., 91) железо, на клинке золотая пластинка, навершие обтянуто золотом, ручка обвита золотой проволокой, на ножнах золотые ажурные накладки, золотые распределители ремней ножен, курган Иссык, Семиречье, IV в. до н. э., 92) железо, долина Ачик, Горный Алтай, конец IV в. до н. э.; 93) железо, бронзовая рукоять (китайской, «чжуншаньской», работы или местное подражание таковой), погребение 86, Аккозинский могильник ананьинской культуры, VII—VI вв. до н. э.

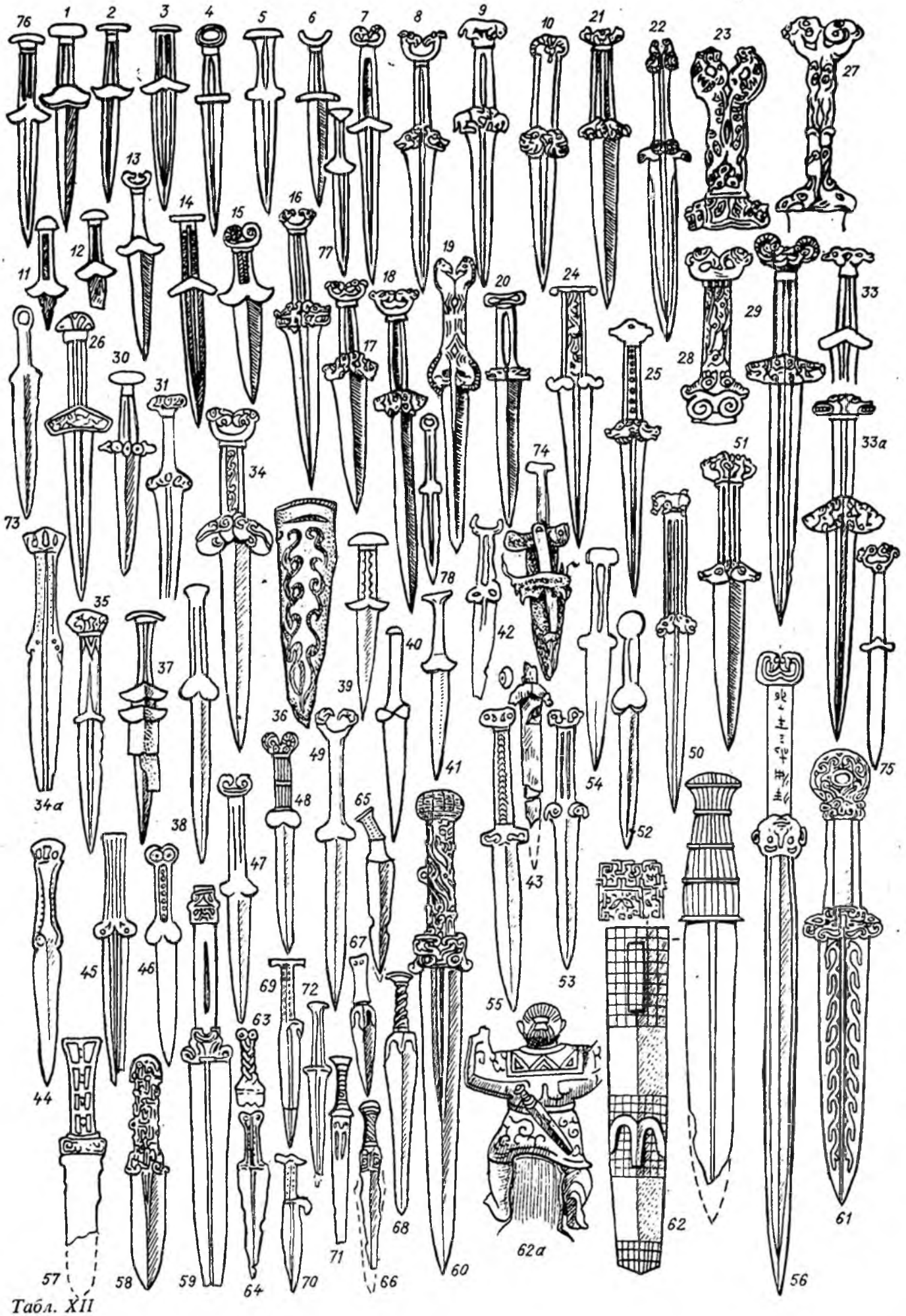


Табл. XII

Таблица XII. Кинжалы Центральной Азии и их дериваты в Китае середины I тысячелетия до н. э., бронза.

1—44, 73—78) кинжалы-акинаки культур тагарского типа: 1, 2) р-н Минусинска, V в. до н. э., 3) Уты, Минусинская котловина, V в. до н. э., 4) Минусинский округ, конец IV в. до н. э., 5) Красноярский округ, IV в. до н. э., 6) Минусинский округ, время то же, 7) оттуда же, первая половина IV в. до н. э., 8) Андронова, Минусинская котловина, IV—III вв. до н. э., 9) Узунжул, там же, IV в. до н. э., 10) Минусинский округ, время то же, 11, 12) железо, бронзовая рукоять, Усть-Ерба и Байкалово, Минусинская котловина, V в. до н. э., 13) бронза, железная рукоять, Биря, Минусинская котловина, V—IV вв. до н. э., 14, 15) Минусинский край, IV в. до н. э., 16—17) Батени, там же, V—IV вв. до н. э., 18) железо, рукоять бронзовая, Минусинская котловина, V в. до н. э., 19) там же, время то же, 20) там же, IV в. до н. э., 21) Каменка, там же, VI—V вв. до н. э., 22) Борки, Минусинский округ, время то же, 23) Западная Сибирь, V—IV вв. до н. э., 24) Башадарский курган, Алтай, VI—V вв. до н. э., 25) Новый Шарап, Новосибирская область, V—IV вв. до н. э., 26) Малая Иня, Хакасия, V—IV вв. до н. э., 27, 28) Минусинская котловина, время то же, 29) железо, р-н Минусинска, V в. до н. э., 30) дер. Парная, р-н Ачинска: V в. до н. э., 31) улус Ключи, там же, VI—V вв. до н. э., 33, 33а) железо, Минусинский край, V—IV вв. до н. э., 34) железо, с. Кордачина, р-н Красноярска, V в. до н. э., 34а) дер. Камская, Минусинский округ, VI—V вв. до н. э., 35) Минусинский округ, время то же, 36) ножны кожаные, вышитые сухожильными нитками, курган 3, погребение 2б, могильник у Сарагашенского озера, Хакасия, V—IV вв. до н. э., 37) кинжал в кожаных ножнах, курган 1, могильник Хемчик-Бом I, Тува, V в. до н. э., 38) курган 17, могильник Куйлуг-Хем I, Тува, VI в. до н. э., 39) курган 13, могильник Саглы-Бажи II, Тува, время то же, 40) там же, курган 5, время то же, 41) там же, курган 8, V в. до н. э., 42) курган 1, могильник Даган-Тэли I, Тува, V—IV вв. до н. э., 43) железо, при нем бронзовая ворворка, курган 52, долина р. Уюу, Тува, IV в. до н. э., 44) плиточная могила, Саянтуй, р-н Улан-Удэ, VI в. до н. э.; 45) р. Иволга, Забайкалье, VI в. до н. э.; 46) Монголия, V в. до н. э.; 47) Лингээр, Внутренняя Монголия, V в. до н. э.; 48) север КНР, V в. до н. э.; 49) Даохунбала, Внутренняя Монголия, время то же; 50) Ордос, VI в. до н. э.; 51) оттуда же, V в. до н. э.; 52) оттуда же, VI—V вв. до н. э.; 53, 54) Внутренняя Монголия, V в. до н. э.; 55) север КНР (Ордос?), Британский музей, V в. до н. э.; 56) север Китая, смешанный ханьско-центральноазиатский стиль, V—IV вв. до н. э.; 57—62) кинжалы центра Китая — дериваты центральноазиатских, бронза: 57) Линтай, пров. Ганьсу, VII—VI вв. до н. э., 58) Северный Китай, диский (?) кинжал, VI—V вв. до н. э., 59) Северный Китай, диский (?) кинжал, VII—VI вв. до н. э., 60) диский кинжал, VII—VI вв. до н. э., из гробницы Лю Шэна, правителя владения Чжуншань (умер в 113 г. до н. э.), Мэнчэн, пров. Хэбэй, 61) железо, навершие перекрестия и клинок отделаны золотом, царство Чжуншань, IV в. до н. э., из гробницы Лю Шэна, 62) рукоять и ножны из гравированной слоновой кости, погребение 2415, могильник Чжунчжоулу, около г. Лоян, пров. Хэнань, культура царства Вэй, V в. до н. э.; 62а) бронзовая статуэтка V—IV вв. до н. э., север Центрального Китая; 63—70) кинжалы юго-запада Китая («царства» Шу и Ба), дериваты центральноазиатских, бронза: 63—66) уезд Нинься, пров. Юньнань, VI—V вв. до н. э., 67, 68) Юнчи, уезд Дэчин, пров. Юньнань, время то же, 69,70) Иньбаньшань, уезд Маоян, пров. Сычуань, IV в. до н. э.; 71, 72) кинжалы юга Китая («царства» Юэ и У), дериваты центральноазиатских, бронза: 71) пров. Гуандун, V—IV вв. до н. э., 72) Иньшаньлинь, уезд Пиньло, пров. Гуанси, время то же; 73—78) погребения 33, 53, 29, 35, 33, 46 (№ 77 — железо), могильник Улангом, Северо-Западная Монголия, V—IV вв. до н. э.

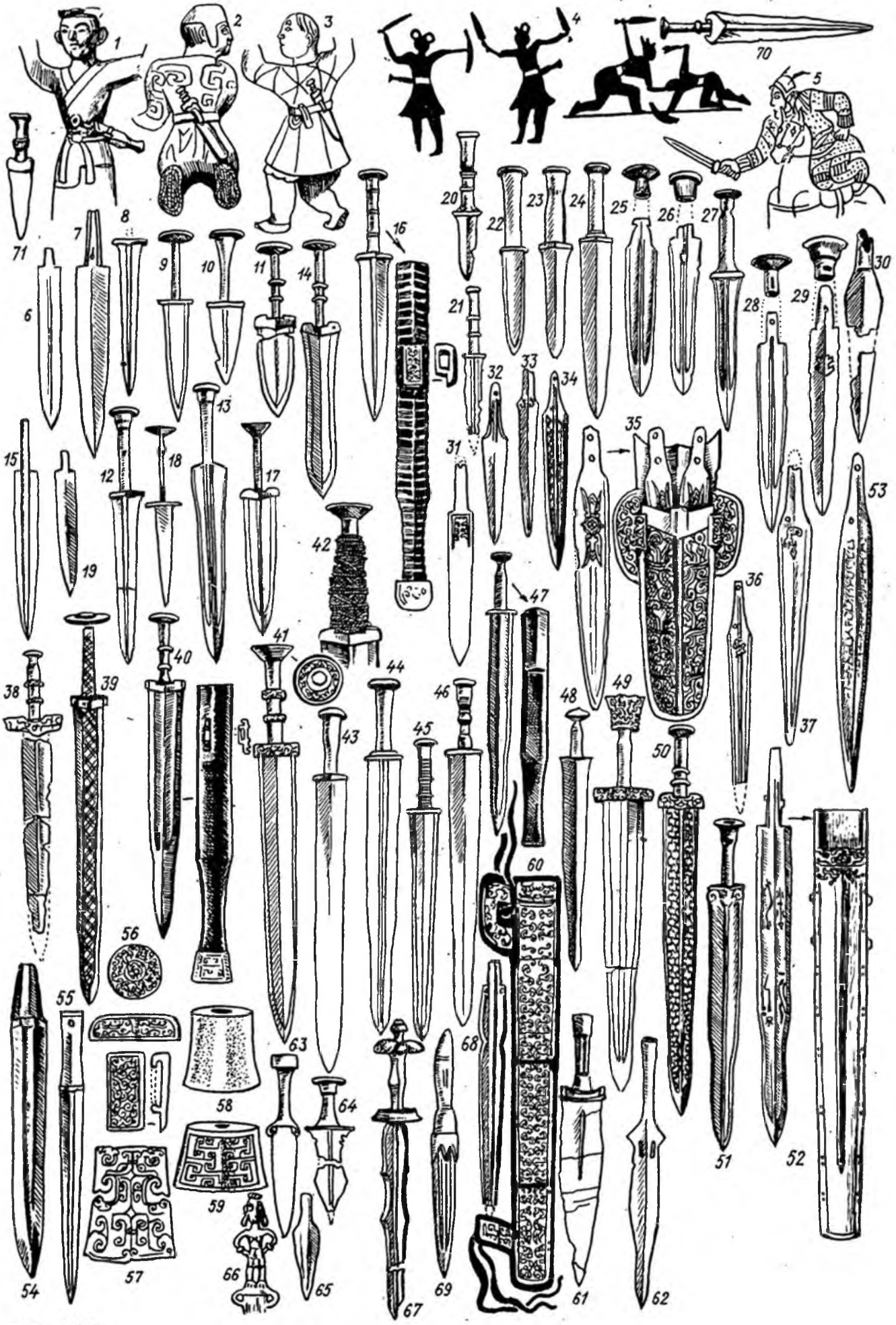

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71

Табл. XIII

Таблица XIII. Китайские кинжалы «восточночжоуского» типа (1—30, 38—52, 70, 71), кинжалы типа «Шу-Ба» юго-запада КНР (31—37), кинжалы северо-востока ЮВА (61—66) и Кореи (67—69) середины I тысячелетия до н. э., бронза; 3—37) короткие кинжалы (до 40 см), 38—55) длинные кинжалы (40—60 см).

1) бронзовая скульптурная стойка, гробница хоу И, владение Цзэн царства Чу, Лэйгудун, пров. Хубэй, 30-е годы V в. до н. э.; 2) бронзовая статуэтка из Хоума, IV в. до н. э.; 3) бронзовая статуэтка, V в. до н. э., галерея Фрир, Вашингтон; 4) рельеф бронзового сосуда «ху», г. Чэнду, пров. Сычуань, VI—V вв. до н. э.; 5) изображение на бронзовом зеркале из Синьцуна, Лоян, пров. Шаньси, конец IV—III вв. до н. э.; 6—9) погребения 303, 27 и 37, 2604, 2733 могильника Чжунчжоулу, около Лояна, культура царства Вэй, V—IV вв. до н. э.; 10) р-н г. Сючжоуфу, пров. Цзянсу, царство Су, V в. до н. э.; 11) Гушисянь, пров. Хунань, культура царства Чу, время то же; 12, 13) Сюаньхуасянь, р-н Пекина, культура царства Янь, V—IV вв. до н. э.; 14) случайная находка, V—IV вв. до н. э.; 15) погребение 44, оз. Янтаньху, р-н г. Чанша, пров. Хунань, культура царства Чу, V—IV вв. до н. э.; 16) ножны деревянные под черным лаком, скоба и бутероль нефритовые, погребение 25, там же, время то же; 17) погребение в Шайхуйгуань, уезд Чанлин, пров. Хубэй, культура царства Чу, время то же; 18) погребение 18 в Паймашань, там же, время то же; 19) городище Сяду (нижней столицы царства Янь), р-н Пекина, время то же; 20, 23, 25—28) погребение в Иньшаньлинь, уезд Пиньло, пров. Гуанси, культура царства Юэ, время то же; 21) погребение 2 юэского могильника в уезде Кунчэн, пров. Гуанси, V—IV вв. до н. э.; 22) погребение 9 в Паймашань, уезд Чанлин, пров. Хубэй, культура царства Чу, время то же; 24) погребение 2 юэского могильника Чжаоцзягудуй у дер. Цайзяган близ г. Хуйнань, пров. Аньхой, время то же; 29, 30) из юэских погребений в пров. Гуанчжоу, IV в. до н. э.; 31, 32) шу-баского типа, из погребений в пров. Хэнань, культура царства Чу, V—IV вв. до н. э.; 33) шу-баского типа, погребение в Даяньцзуй, уезд Сунцзы, пров. Хубэй, культура царства Чу, время то же; 34) погребение 1, Фулинь, пров. Сычуань, культура «царства» Шу, IV в. до н. э.; 35, 36) парные кинжалы в двойных бронзовых чеканных ножнах, из погребения шуского владетеля в г. Чэнду, пров. Сычуань, IV в. до н. э.; 37) собрание Хультмарка, Стокгольм, IV в. до н. э.; 38) погребение в Суншане, около г. Чаоцин, пров. Гуандун, V—IV вв. до н. э.; 39) клинок дамаскированной бронзы, навершие нефритовое, г. Чанша, пров. Хунань, культура царства Чу, время то же; 40) кинжал и деревянные лакированные ножны, скоба и бутероль нефритовые, г. Чанша, IV в. до н. э.; 41) погребение 57, могильник в Фэньшуйлин, около г. Чанчжи, пров. Шаньси, культура царства Вэй, IV в. до н. э.; 42) обмотка рукояти чуского кинжала, погребение в Тайхуйгуань, уезд Чанлин, пров. Хубэй, V—IV вв. до н. э.; 43) время то же, галерея Фрир; 44—46) из погребений в уезде Люхэ, пров. Цзянсу, культура царства Чу, первая четверть IV в. до н. э.; 47) кинжал и деревянные лакированные ножны, погребение 53 в Яньчэне, пров. Хубэй, культура царства Чу, время то же; 48) погребение Циньляннянь, пров. Цзянсу, культура царства Чу, V—IV вв. до н. э.; 49) навершие и перекрестие из нефрита, погребение 57 в Байцзяцунь, уезд Ханьдань, пров. Хэбэй, V—IV вв. до н. э.; 50) чуский кинжал с дамаскированным клинком, погребение в Уэнцяо, уезд Люхэ, пров. Цзянсу, IV в. до н. э.; 51) север Китая, музей Гугун, Пекин, V—IV вв. до н. э.; 52) клинок с инкрустированными иероглифами и деревянный, расписанный лаком футляр, погребение в Лиян, пров. Хэнань, V—IV вв. до н. э.; 53) шу-баского типа, дамаскировка, погребение 1 в Фулинь, пров. Сычуань, IV в. до н. э.; 54) деревянный лакированный футляр для хранения кинжала, погребение 1 в Тайхуйгуань, уезд Чанлин, пров. Хубэй, культура царства Чу, V—IV вв. до н. э.; 55) погребение 55 в г. Чанша, культура царства Чу, IV в. до н. э.; 56) нефритовый гарнитур кинжала (навершие и перекрестие) и ножен (скоба), из погребения 2717, Чжунчжоулу, около г. Лоян, культура царства Вэй, V—IV вв. до н. э.; 57—59) нефритовые бутероли «би», галерея Фрир: 57) V—IV вв. до н. э., 58—59) конец IV—начало III в. до н. э.; 60) нефритовая обкладка ножен (типа ножен акинака), погребение 115, Чжунчжоу, культура царства Вэй, V—IV вв. до н. э.; 61) о-в Ламма, Гонконг, V—III вв. до н. э.; 62—66) кинжалы культуры Донг Шон, Северный Вьетнам, V—IV вв. до н. э.; 67) из дер. Очхон, пров. Пхёнан-Намдо, Северная Корея, VI в. до н. э.; 68) из Пуён, пров. Чхунчхон-Намдо, Южная Корея, VI—IV вв. до н. э.; 69) из Тэдон, пров. Пхёнан-Намдо, Северная Корея, VI—IV вв. до н. э.; 70) Туньци, пров. Аньхой, IX(?) в. до н. э.; 71) уезд Чанеин, пров. Чжэцзян, середина I тысячелетия до н. э.

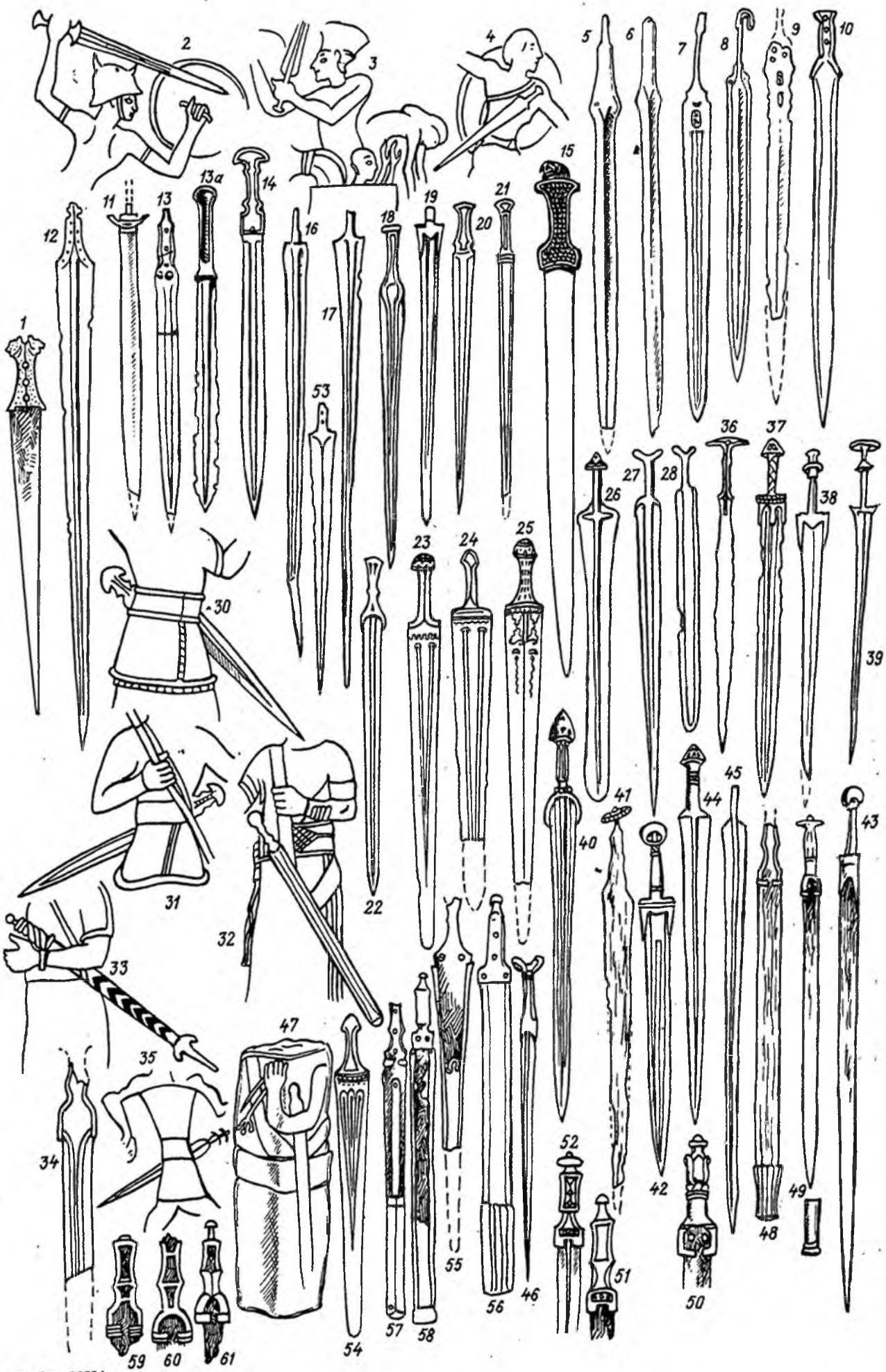

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
13a
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61

Табл. XIV

Таблица XIV. Мечи Ближнего и Среднего Востока, Индии, Закавказья, вторая половина II — начало I тысячелетия до н. э.; 8, 11—15, 18—22, 28, 36, 38—42, 46, 49, 53—55, 57 — короткие, 60—70 см; 1, 5—7, 9, 10, 23—27, 37, 44, 45, 48, 56 — оптимальных размеров, 70—90 см; 12, 16, 17, 43 — длинные, свыше 90 см.

1) железный клинок, рукоять из лазурита с каменными инкрустациями, Малая Азия, последняя четверть III тысячелетия до н. э.; 2—4) мечи «народов моря», детали рельефов из Мединет-Абу, Египет, XII в. до н. э.; 5, 6) бронза, клад в Угарите (Рас-Шамра), Сирия, около XIII в. до н. э.; 7) бронза, с именем фараона Мернептаха, оттуда же, XIII в. до н. э.; 8) бронза, из Эль-Кантары, Египет, XIII—XI вв. до н. э.; 9) бронза, с именем фараона Сети II, из Телль-Фираун, Египет, XIII в. до н. э.; 10) бронза, Бубастис, Египет, XIII—XII вв. до н. э.; 11) бронза, угаритского типа, из Нижнего Египта, XIII в. до н. э.; 12) бронза, Газа (Телль эль-Аджжуль), Палестина, XIII—XII вв. до н. э.; 13, 13а) бронза, из урнового погребения, Хама, слой II, Сирия, XII в. до н. э.; 14) бронза, месопотамское изделие, клад в Керманшахе, XI — первая половина X в. до н. э.; 15) бронза, погребение фараона Псусеннеса, Танис, Египет, начало I тысячелетия до н. э.; 16) бронзовая «рапира», могильник Самтавро, Грузия, XIII—XI вв. до н. э.; 17) бронзовая «рапира», Дзорагет, Армения, XIII—XI вв. до н. э.; 18) бронза, курган 10, Лчашен, Армения, XIII в. до н. э.; 19) бронза, Эчмиадзинский музей, Армения, X—VIII вв. до н. э.; 20) бронза, Артик, Армения, XII в. до н. э.; 21) бронза, Кировакан, Армения, XIII—XI вв. до н. э.; 22) бронза, Лчашен, XII в. до н. э.; 23) бронза, Кировакан, XI—IX вв. до н. э.; 24) бронза, Головино, Армения, время то же; 25) Ворнак, Армения, время то же; 26) бронза, 41 экземпляр из мастерской, раскопанной в Квемо-Кеди, Грузия, X—VII вв. до н. э.; 27, 28) бронза, из Каллура и Райчура, культура «медных кладов и расписной керамики» Восточного Индостана, вторая половина II тысячелетия до н. э.; 30—31) детали рельефов с изображениями бога Тешуба, Сам'аль (Зинджирли), Сирия, IX в. до н. э.; 32) деталь рельефа с изображением царевича Каманаса, Каркемиш, Сирия, VIII в. до н. э.; 33) деталь глазурованного керамического панно, Ассирия, IX—VII вв. до н. э.; 34) сталь, Кальху (Нимруд), Ассирия, IX—VIII вв. до н. э.; 35) деталь изображения на керамическом сосуде, Кипр, VII в. до н. э.; 36) железо, Луристан, XI—IX вв. до н. э.; 37) бронза, Хурвин, Западный Иран, время то же; 38—40) бронза, Луристан, VIII—VII вв. до н. э.; 41) железо, бронзовое навершие, могильник Тепе-Варкабуд, Луристан, VIII—VII вв. до н. э.; 42) бронза, Луристан, X—VIII вв. до н. э.; 43) железная «рапира», рукоять бронзовая, Луристан, VIII—VII вв. до н. э.; 44) бронза, оттуда же, то же время; 45) бронзовая «рапира», Талыш, IX—VIII вв. до н. э.; 46) бронза, могильник Узун-тепе в Мугани, Азербайджан, VII—VI вв. до н. э.; 47) деталь каменной статуи, Мркаван, Армения, VII—VI вв. до н. э.; 48) железо, бронзовый наконечник, ножен, Тейшебаини (Кармир-Блур), Урарту, VII в. до н. э.; 49) железо, бронзовая оковка навершия, ручки, заклепки и наконечник ножен, оттуда же, то же время; 50) железо, оттуда же, то же время; 51, 52) бронзовые рукояти железных мечей, Мусиери, Урарту, VIII—VII вв. до н. э.; 53) бронза, курган Деличе, Кахетия, XII—X вв. до н. э.; 54) бронза, Кедабек, Азербайджан, X—IX вв. до н. э.; 55, 56) железо, бронзовая отделка рукоятей и ножен, Иберия, VII—VI вв. до н. э.; 57) железо, ножны бронзовые, погребение 171, могильник Трели, Тбилиси, VIII — первая половина VII в. до н. э.; 58) железо, погребение 23 в ущелье Машавера, Грузия, VIII—VII вв. до н. э.; 59—61) бронзовые рукояти железных мечей, могильник Самтавро, Грузия, VII—VI вв. до н. э.

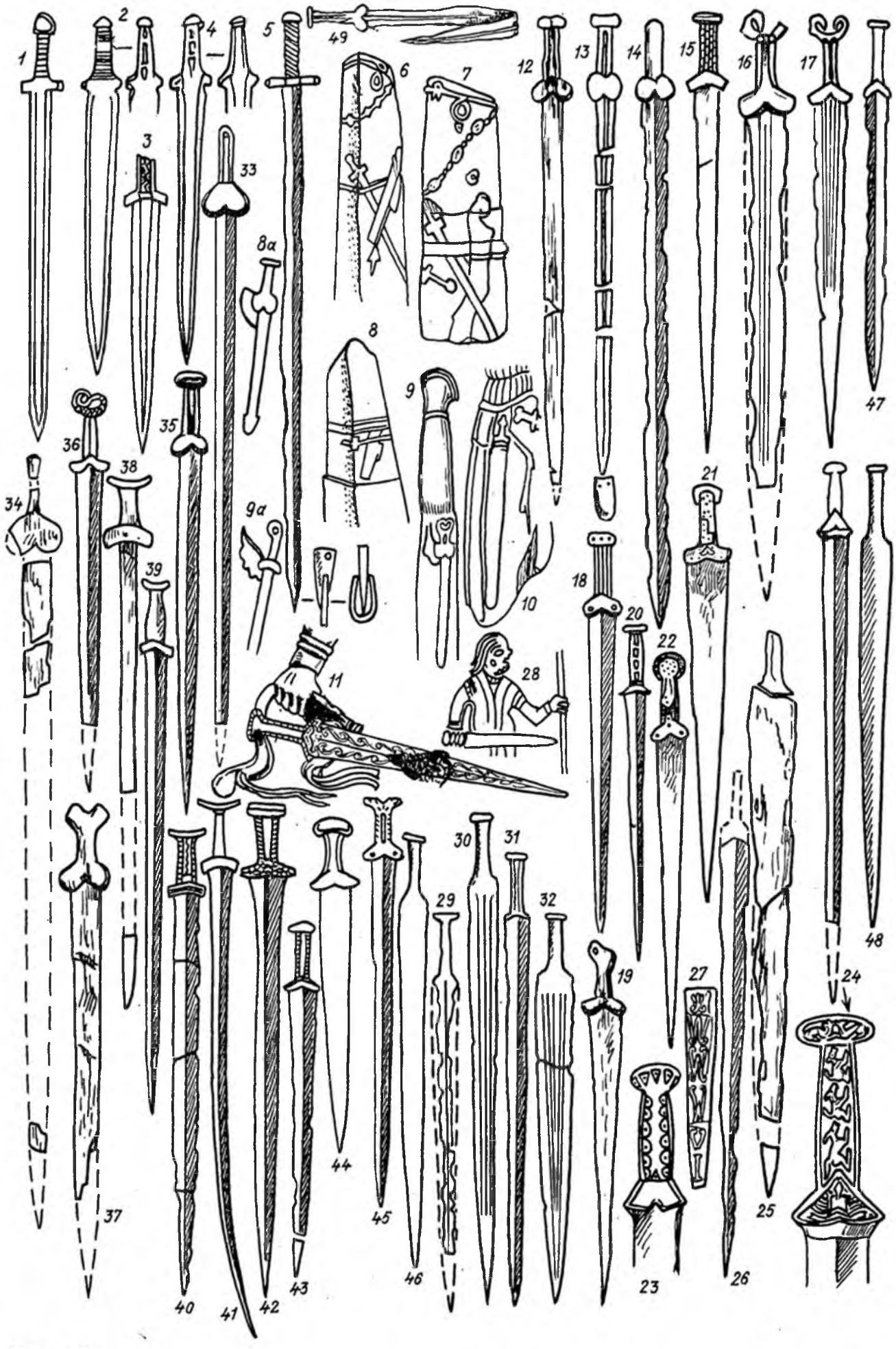

1
2
3
4
5
49
6
7
12
13
14
15
16
17
47
33
8a
8
9
10
35
36
38
34
9a
39
18
20
22
21
11
28
48
19
27
24
37
40
41
42
43
44
45
46
30
31
29
32
23
26
25

Табл. XV

Таблица XV. Мечи степной зоны первой половины — середины I тысячелетия до н. э.; 1—4а «карасукского» типа; 5—8 — «киммерийского» типа, 9—24, 49 — скифского типа; 25, 26, 29—32 — синдо-меотского типа (2—4, 18, 22, 36, 43, 44 — короткие, 60—70 см; 1, 12—15, 17, 24—26, 29—32, 35, 37, 38, 40, 42, 45, 46, 49 — оптимальных размеров, 70—90 см; 5, 14, 16, 33, 34, 39, 41 — длинные, свыше 90 см).

1) бронза, Андреевское озеро, Западная Сибирь, VII в. до н. э.; 2) бронза, Якутия, долина р. Вилюй, IX—VIII вв. до н. э.; 3) бронза, Лагерный сад, р-н Томска, VIII—VII вв. до н. э.; 4) бронза, Гербино, Одесская область, IX—VIII вв. до н. э.; 5) железо, бронзовые рукоять и бутероль, Субботовское городище, Черкасской области, VIII в. до н. э.; 6—8) изображения мечей на левых сторонах изваяний киммерийского типа, VIII—VII вв. до н. э.; 6) Зубовский хутор, Прикубанье, 7) Кызбурун, Кабардино-Балкария, 8) Ольвия; 8а—10) детали скифских каменных изваяний: 8а) правая сторона, Ставропольский краеведческий музей, конец VII — начало VI в. до н. э., 9) правая сторона, курган у с. Медерово, Кировоградская область, начало V в. до н. э., 9а) правая сторона, Кировоградский краеведческий музей, время то же, 10) из Краснодарского музея, V в. до н. э.; 11) деталь изображения на серебряной чаше из кургана Гайманова могила, вторая половина IV в. до н. э.; 12) «карта», железо, Тейшебаини (Кармир-Блур), вторая половина VII в. до н. э.; 13) «карта», железо, курган Старшая могила, VI в. до н. э.; 14) «карта», железо, Изюмовка, Крым, VI в. до н. э.; 15) «карта», железо, Симферопольский музей, VI в. до н. э.; 16) «карта», железо, курган 4 у с. Берестняги, V в. до н. э.; 17) «карта», железо, Екатеринославская губерния, V в. до н. э.; 18) железо, с. Сухино, V в. до н. э.; 19) железо, курган 487 у с. Капитоновка, V в. до н. э.; 20) железо, с. Ковали, V в. до н. э.; 21) железо, рукоять деревянная с костяными и бронзовыми пластинками-накладками, курган 17, могильник Русская Тростянка, средний Дон, IV в. до н. э.; 22) железо, курган 489 у с. Макеевка, IV в. до н. э.; 23) железо, бронзовые и костяные украшения рукояти, курган 9, могильник Частые курганы, средний Дон, IV в. до н. э.; 24) «карта», железо, рукоять обтянута золотом, курган 3, там же, то же время; 25) железо, Ак-Бурун, Крым, IV в. до н. э.; 26) «карта», железо, курган Куль-Оба (?), Крым, IV в. до н. э.; 27) серебряная оковка конца ножен, курган 11/2, могильник Частые курганы, IV в. до н. э.; 28) деталь изображения на золотом колпачке из Курджипского кургана, Прикубанье, IV в. до н. э.; 29) железо, Курджипский курган, IV в. до н. э.; 30—32) железо, курган 4 около аула Уляп, Адыгея, IV в. до н. э.; 33) «карта», железо, Саратовский музей, конец VII — начало VI в. до н. э.; 34) «карта», железо, курган 12, Покровский могильник, Нижнее Поволжье, первая половина VI в. до н. э.; 35) «карта», железо, Енактаево, Башкирия, VI — начало V в. до н. э.; 36) железо, с. Озерки, около г. Аткарска, V в. до н. э.; 37) «карта», железо, курган 5 у пос. Матвеевский, Актюбинская область, V в. до н. э.; 38) «карта», железо, курган 1, погребение 4, с. Любимовка, Нижнее Поволжье, начало IV в. до н. э.; 39) «карта», железо, с. Огневское, Курганская область, IV в. до н. э.; 40) «карта», железо, городище Курмантау, Башкирия, начало IV в. до н. э.; 41) «карта», железо, с. Усть-Караболка, Челябинская область, IV в. до н. э.; 42) «карта», железо, с. Измайлово, р-н Бугуруслана, первая половина V—IV в. до н. э.; 43) железо, Черкасская волость Хвалынского уезда, вторая половина V—IV в. до н. э.; 44) железо, курган 2 группы Алебастрова гора, Актюбинская область, V в. до н. э.; 45) железо, Белебей, Башкирия, конец V—IV в. до н. э.; 46) железо, погребение «амазонки», курган 4 у с. Сладковка, нижний Дон, IV в. до н. э.; 47) железо, Сухумская гора, IV в. до н. э.; 48) железо, Гиенос (Эшерское городище), Абхазия, IV в. до н. э.; 49) «карта», железо, Имирлер, север Центральной Анатолии, вторая половина VII в. до н. э.

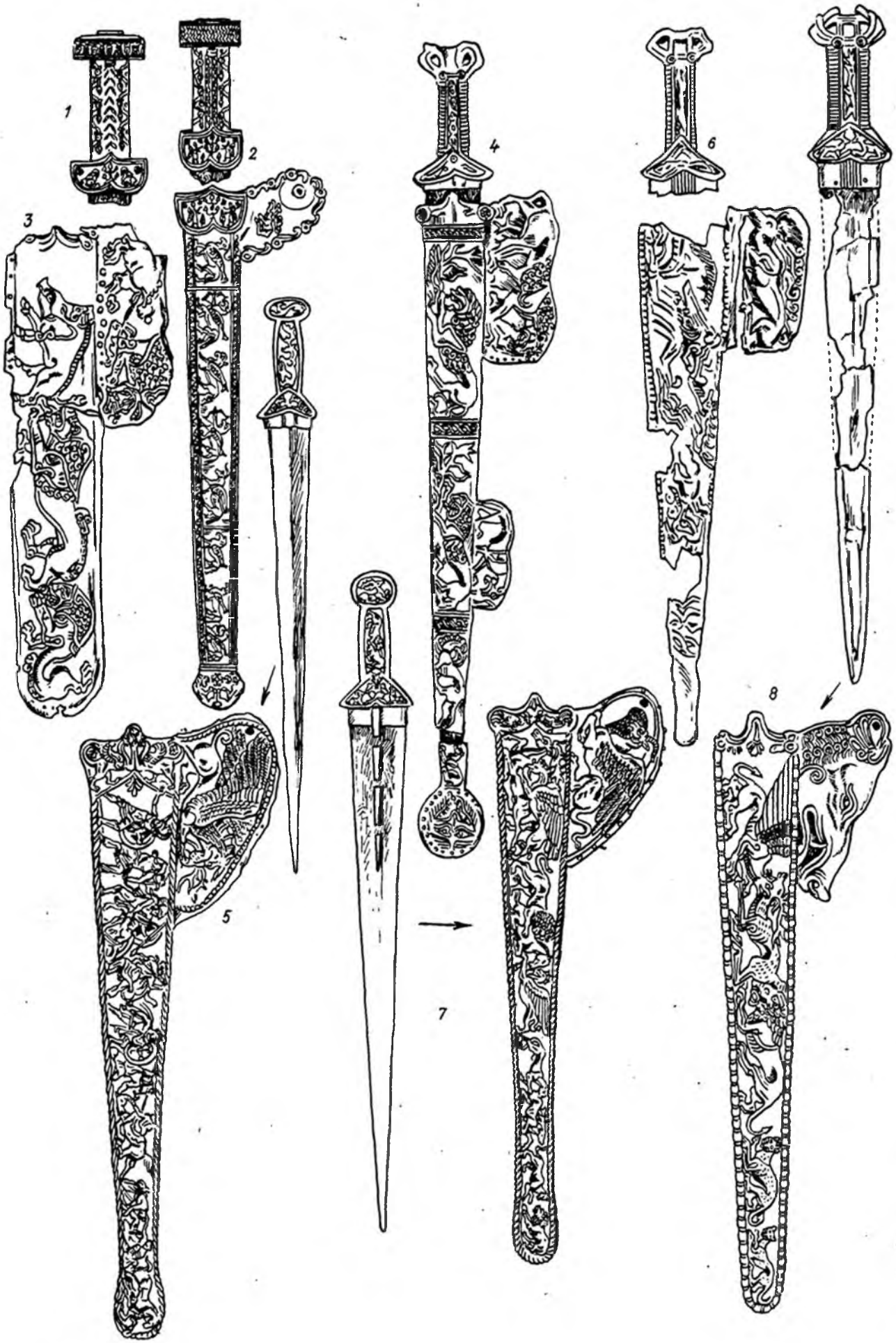


Табл. XVI

Таблица XVI. Парадные скифские железные мечи-акинаки с золотой обкладкой рукояти и ножен, длина короткая.

1) рукоять акинака из Мельгуновского кургана (ножны аналогичны келермесским), конец VII в. до н. э. (урартская работа); 2) рукоять и ножны из Келермесского кургана, то же время (урартская работа); 3) ножны акинака из кургана 16 у стан. Елизаветовской, V — начало IV в. до н. э. (скифско-греческий стиль); 4) курган Солоха, первая четверть IV в. до н. э. (рукоять скифская, ножны скифско-греческого стиля); 5) курган Чертомлык, первая треть IV в. до н. э. (ножны аналогичные в Пятибратнем кургане, музей Метрополитен) (рукоять скифская, ножны греческие); 6) курган 10 у стан. Елизаветовской, IV в. до н. э. (скифская работа); 7) курган Толстая могила, IV в. до н. э. (греческая работа); 8) курган у с. Великая Белозерка, последняя треть IV в. до н. э. (рукоять скифская, ножны греческой работы).

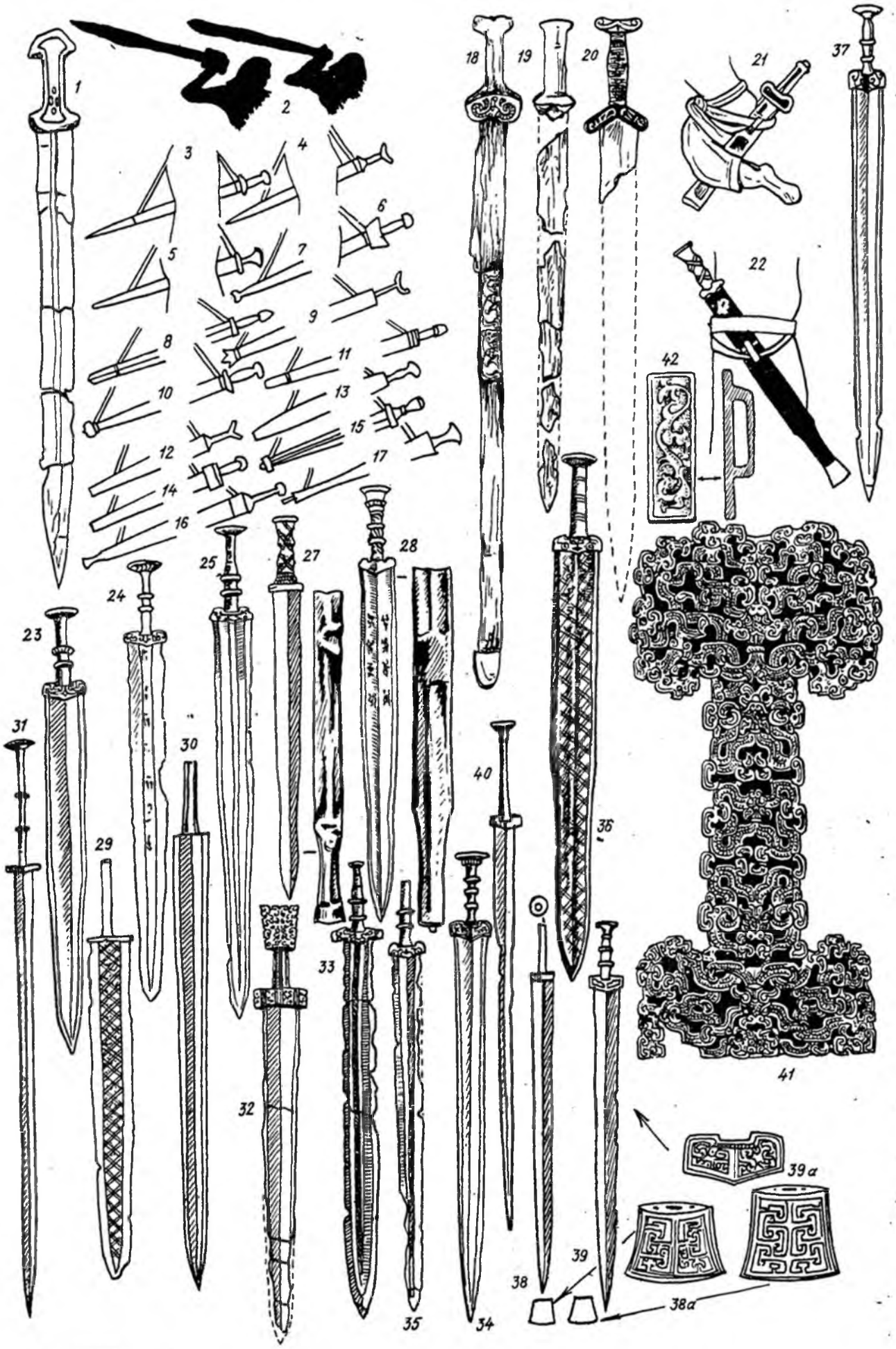

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
38a
39
39a
40
41
42

Табл. XVII

Таблица XVII. Мечи ахеменидского Ирана и народов Ахеменидской империи (1—17), сакские мечи (18—21), китайские мечи (22—42) середины I тысячелетия до н. э.

1) железо, Персеполь, горизонт 4, VI—V вв. до н. э.; 2) иранцы (персы?), детали изображения на керамическом саркофаге из Клазомен, Малая Азия, вторая половина VI в. до н. э.; 3—17) мечи подданных Ахеменидской державы, детали рельефов Персеполя и Накш-е Рустам, V—начало IV в. до н. э.; 3) кариец, 4, 5) лидийцы, 6) египтянин, 7—11) арабы, 12—17) жители севера Индостана, 18) железо, золотые обкладки перекрестья и ножен, курган 53, могильник Тагискен, Приаралье, V в. до н. э.; 19) железо, курган 1, Чирик-Рабат, Приаралье, IV в. до н. э.; 20) железо, золотая инкрустация на навершии и перекрестии, ручка обмотана золотой проволокой, курган Иссык, Семиречье, IV в. до н. э.; 21) деталь изображения на золотой поясной бляхе, «Сибирская коллекция Петра I», Алтай или Семиречье, конец IV—начало III в. до н. э.; 22) способ ношения китайского меча «восточночжоуского» типа, реконструкция по Хаяси Минао; 23) бронза, культура царства Чу, V—IV вв. до н. э., галерея Фрир; 24) бронза, культура царства Чу, первая половина V в. до н. э., там же; 25) бронза, перекрестие инкрустировано бирюзой, культура царства Чу, V—IV вв. до н. э., там же; 27) бронза, ручка обмотана тканью и шнуром, ножны деревянные, лакированные, погребение 154, г. Чанша, культура царства Чу, время то же; 28) бронза, на рукояти остатки шнура, ножны деревянные, лакированные, погребение 1, Тяньтин, уезд Сяньлин, пров. Хубэй, культура царства Чу, время то же; 29) бронза, клинок дамаскированный, погребение 54, г. Чанша, IV в. до н. э.; 30) бронза, погребение 29, Даяньцзуй, уезд Сунцзы, пров. Хубэй, культура царства Чу, время то же; 31) бронза, пров. Аньхой, культура царства Чу, конец IV—III в. до н. э.; 32) бронза, навершие и перекрестие из нефрита, погребение 2, Лючэнцяо, уезд Люхэ, пров. Цзянсу, владение Цзэн, последняя треть V в. до н. э.; 33) бронза, погребение в Суншань, р-н г. Чаоцинь, пров. Гуандун, культура царства Юэ, IV в. до н. э.; 34) бронза, с надписью вана Чу Чи, царство Юэ (покончил с собой в 376 г. до н. э.), музей Гугун; 35) бронза, погребение в Цинцзян, пров. Цзянси, культура царства Чу, конец V—IV в. до н. э.; 36) бронза, клинок дамаскированный с надписью «ван (царства) Юэ Гоу Цзя», чуская работа, V в. до н. э.; 37) бронза, погребение в Иньшаньлинь, уезд Пиньло, пров. Гуанси, культура царства Юэ, IV в. до н. э.; 38,-39) бронза, навершия, бутероли и перекрестие нефритовые, погребение 172, Янцзышань, р-н г. Чэнду, пров. Сычуань, конец IV—III в. до н. э. (чуское или циньское изделие); 40) железо, городище Сяду (нижняя столица), р-н Пекина, культура царства Янь, III в. до н. э.; 41) золотая рукоять, ажурное объемное литье, чеканка, гравировка, владение Цзэн, вторая половина V в. до н. э., Британский музей; 42) нефритовая резная скоба для подвески ножен, погребение близ г. Ханьян, пров. Хунань, культура царства Чу, конец IV—III в. до н. э.

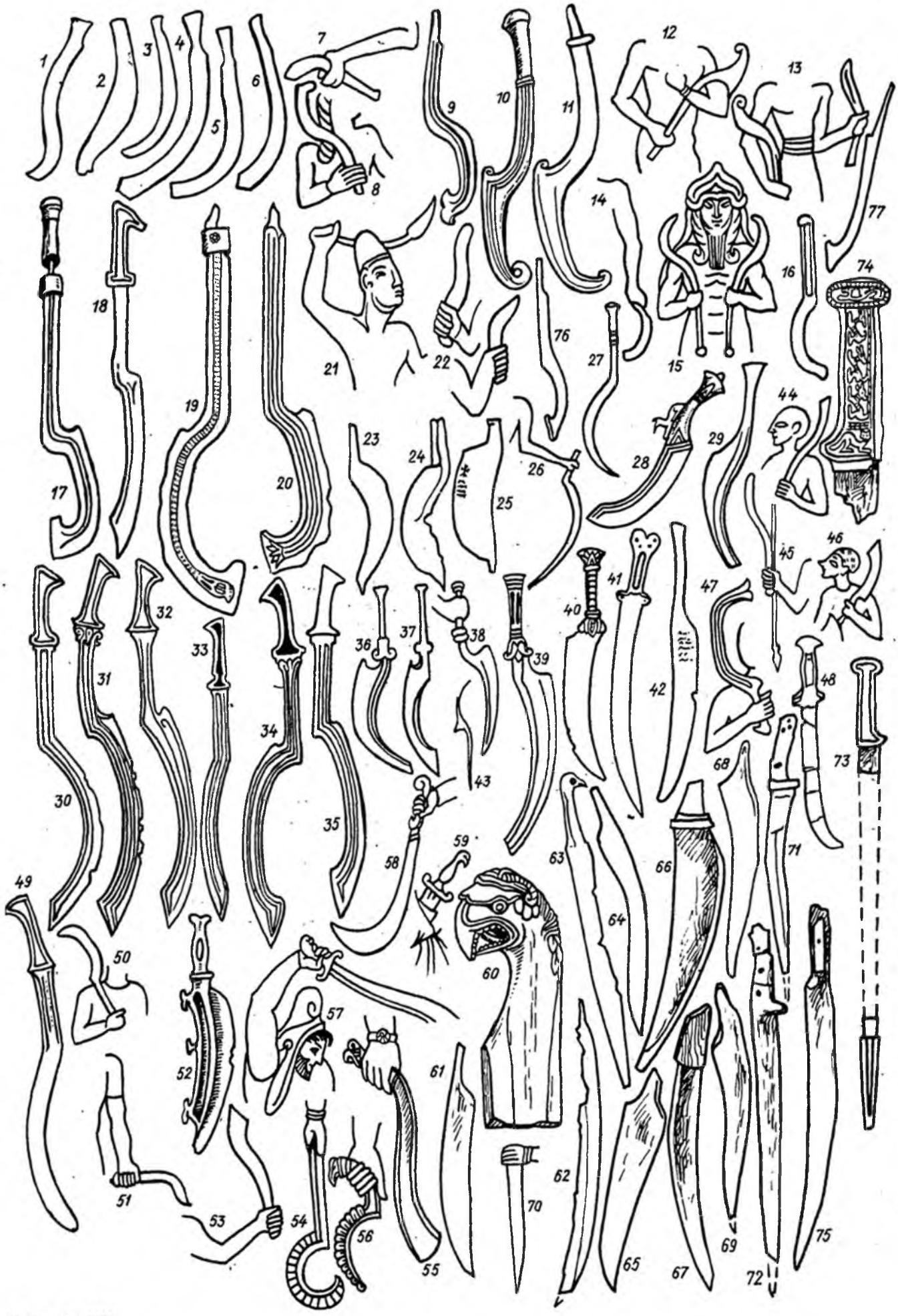


Табл. XVIII

Таблица XVIII. Однолезвийное клинковое оружие III—I тысячелетий до н. э.

1—6) бронза, Киш, Месопотамия, середина III тысячелетия до н. э.; 7) деталь изображения на костяной плакетке из Мари, Месопотамия, середина III тысячелетия до н. э.; 8) деталь изображения на каменной подставке, Нгирсу (Телло), Месопотамия, середина III тысячелетия до н. э.; 9, 10) бронза, Нгирсу (Телло), конец III тысячелетия до н. э.; 11) бронза, Сузы, Элам, время то же; 12) деталь изображения на глиняной плакетке, Нгирсу (Телло), XX—XIX вв. до н. э.; 13) деталь изображения на глиняной плакетке, оттуда же, XX—XVIII вв. до н. э.; 14, 15) изображения божеств на глиняных плакетках, Вавилония, XVIII—XVII вв. до н. э.; 16) секач на алтаре божества войны, деталь изображения на глиняной плакетке, Ниппур, Месопотамия, XIX—XVII вв. до н. э.; 17) бронза, рукоять слоновой кости с бронзовой обоймой, Абидос, Египет, XIX/XVIII вв. до н. э.; 18) бронза, Библ, Сирия-Палестина, XIX—XVIII вв. до н. э.; 19) бронза, инкрустация, с именем фараона Аменемхета III, Библ, XIX в. до н. э. (египетское изделие); 20) бронза, Сихем, Палестина, XIX в. до н. э.; 21) бронзовая статуэтка божества войны, Библ, XIX в. до н. э.; 22) детали изображения на каменном ритуальном бассейне, Эбла (Телль-Мардих), Сирия, конец III—начало II тысячелетия до н. э.; 23—25) бронза, Нуза, Месопотамия, XVI—XV вв. до н. э.; 26) деталь изображения на митаннийской печати, Сирия-Месопотамия, XVI—XV вв. до н. э.; 27) «хопеш», деталь настенной росписи из гробницы Кенамона, Фивы, Египет, XV в. до н. э.; 28) «хопеш», бронза, Египет, XV—XIV вв. до н. э.; 29) деталь настенного изображения, время фараона Тутмоса IV, Египет, XIV в. до н. э.; 30) бронза, Гезер, Палестина, первая половина XIV в. до.н. э.; 31) бронза, Палестина, XIV в. до н. э.; 32) бронза, Угарит (Рас-Шамра), Сирия, XIV в. до н. э.; 33,.34) бронза, рукояти отделаны эмалью, из гробницы фараона Тутанхамона, XIV в. до н. э.; 35) бронза, время Рамсеса II, Египет, XIII в. до н. э.; 36) «хопеш», деталь стенной росписи времени Сети I, Египет, XIV—начало XIII в. до н. э.; 37) «хопеш», деталь настенной росписи времени Рамсеса II, XIII в. до н. э.; 38, 39) «хопеш», детали стенной росписи в Мединет-Абу, XII в. до н. э.; 40) «хопеш», бронза, Египет, XIV—XII вв. до н. э., музей Метрополитен; 41) бронза, Египет, XIV—XIII вв. до н. э.; 42) бронза, на клинке надпись синайским письмом, найден в Египте, XIII—XII вв. до н. э.; 43) «хопеш», деталь изображения на цилиндрической печати из Бет-Шеана, Палестина, время Рамсеса II, XIII в. до н. э.; 44) деталь изображения на костяной пластине, Угарит (Рас-Шамра), XIV—XIII вв. до н. э.; 45) оружие синайских кочевников-«шасу», деталь стенной росписи, Мединет-Абу, XII в. до н. э.; 46) деталь изображения на костяной пластине из Мегиддо, Палестина, XIV—XII вв. до н. э.; 47) деталь изображения на костяной пластине, Угарит, XIV в. до н. э.; 48) бронза, Бет-Шеан, XIII—XII вв. до н. э.; 49) бронза, надпись на клинке с именем царя Ададнерари (1307—1275 гг. до н. э.), Ассирия, музей Метрополитен; 50) деталь хеттского рельефа с изображением божества, Язылыкая, Малая Азия, XIII—XII вв. до н. э.; 51) деталь бронзового рельефа, из Суз, Элам, XII в. до н. э.; 52) бронза, срубная культура, из погребения у стан. Ногайская, р-н Новочеркасска, конец II тысячелетия до н. э.; 53) деталь каменного рельефа, Гузана (Телль-Халаф), начало I тысячелетия до н. э.; 54) деталь статуи Ашшурнацирапала II, Ассирия, IX в. до н. э.; 55) деталь статуи царя Салманасара III, Ассирия, XX в. до н. э.; 56) деталь изображения царя Ашшурнацирапала II на костяной пластинке, Кальху (Нимруд), Ассирия, IX в. до н. э.; 57) персидский воин с махайрой, деталь росписи греческого сосуда, V в. до н. э.; 58) то же, деталь росписи греческого сосуда, Ампурий, Египет, начало V в. до н. э.; 59) махайра персидского воина, деталь мозаики «Битва Александра Македонского с Дарием», Помпеи, II в. до н. э., по оригиналу IV в. до н. э.; 60) рукоять персидской махайры, слоновая кость, городище Тахти-Сангин, Южный Таджикистан, середина IV в. до н. э.; 61) железо, погребение у аула Кызыл-кала, Карачаево-Черкесия, VI в. до н. э.; 62) железо, погребение 62, Луговой могильник, Чечено-Ингушетия, VI—V вв. до н. э.; 63) железо, махайра (?), погребение 56, Луговой могильник, V в. до н. э.; 64—69) железо, Старший Ахмыловский могильник, ананьинская культура Волго-Камья, VII—VI вв. до н. э.; 70) деталь изображения на золотом колпачке из Курджипского кургана, Прикубанье, IV в. до н. э.; 71—74) скифские клинки, железо, IV в. до н. э.; 71) дер. Софиевка, 72) курган в урочище Круглик, с. Федоровка, 73) наконечник ножен обтянут бронзой, из кургана 487, около Златополя, 74) рукоять обтянута золотом, курган у с. Новониколаевка; 75) железо, рукоять обложена костью, сарматский курган 25 у с. Сладковка, нижний Дон, V—IV вв. до н. э.; 76) Сузиана, первая половина II тысячелетия до н. э.; 77) Бактрия, около середины II тысячелетия до н. э.

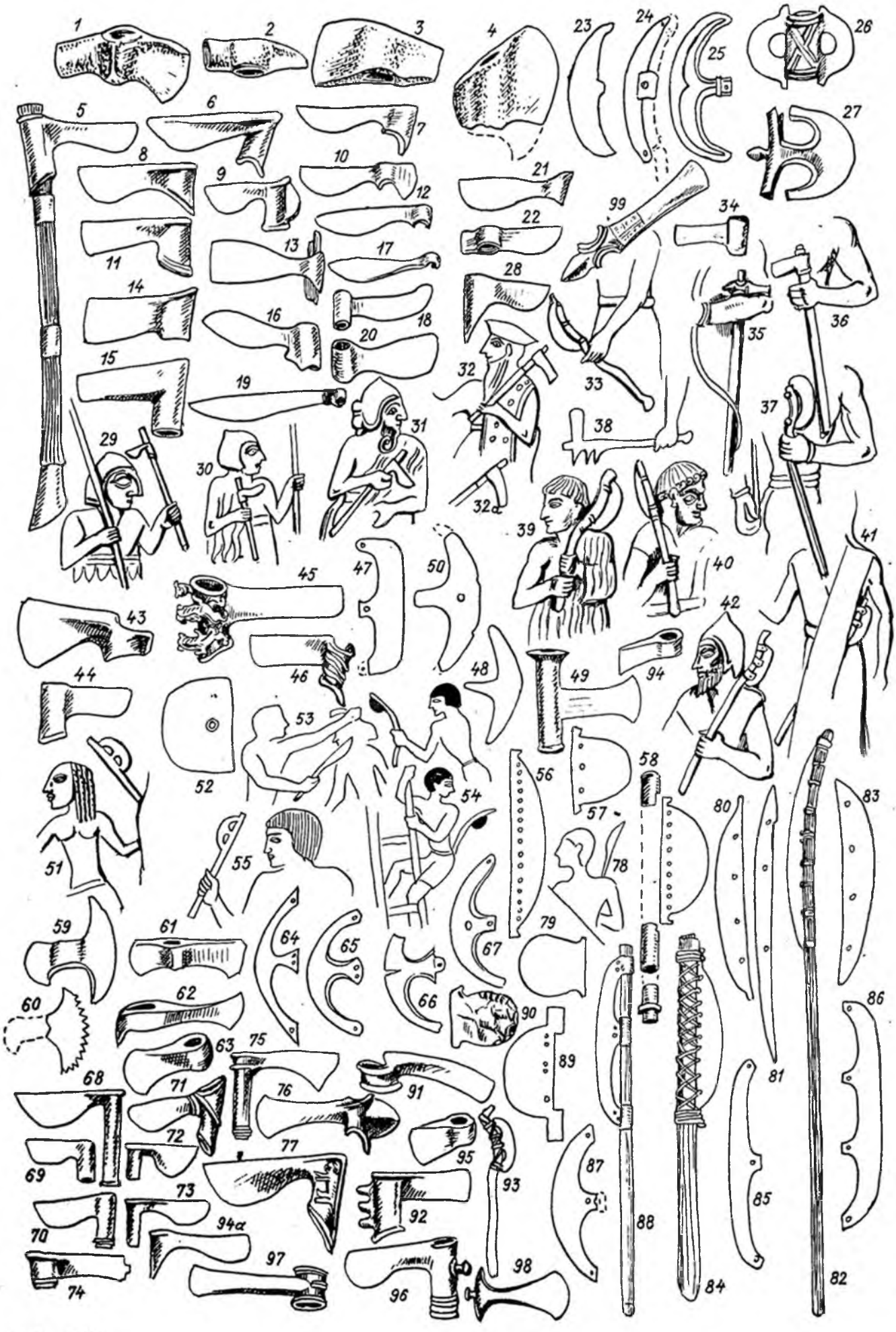


Табл. XIX

Таблица XIX. Топоры и секиры Месопотамии (1—43, 91—94, 99), Сирии-Палестины (44—50), Египта (51—58, 78—90), Малой Азии (59—67), Элама (68—71, 95), Западного Ирана (72—77, 96), Кипра (97), Бактрии-Маргианы (98) III тысячелетия до н. э., бронза, медь.

1—4) глиняные модели, ал-Укайр, IV тысячелетие до н. э.; 5—20, 24—26) Ур, «царский» некрополь, середина III тысячелетия до н. э. (15—рукоять деревянная с золотой обоймой); 21—23) Киш, время то же; 27) Ур, третья четверть III тысячелетия до н. э.; 28, 34) Мари, середина III тысячелетия до н. э.; 29) деталь стелы Эанатума («Стелы коршунов»), из Нгирсу (Телло), время то же; 30) деталь инкрустации панно («штандарта») из Ура, время то же; 31, 32) детали инкрустации из Мари, время то же; 33, 34) то же, из Киша, время то же; 35—37) детали рельефа победной стелы Нарам-Суэна, вторая половина XXIII в. до н. э.; 38) деталь изображения на печати эпохи династии Аккаде, XXIII—XXII вв. до н. э.; 39) деталь изображения на стеле Саргона из Суз, конец XXIV—начало XXIII в. до н. э.; 40) деталь стелы времени династии Аккаде, XXIII—XXII вв. до н. э.; 41, 42) детали каменных рельефов рубежа III—II тысячелетий до н. э., Музей изящных искусств, Бостон, Иракский музей, Багдад; 43) Тепе-Гавра, третья четверть III тысячелетия до н. э.; 44—47) Тиль-Барсиб, XXII—XXI вв. до н. э.; 48) Кфар Монаш, конец IV—начало III тысячелетия до н. э.; 49) Нахал Михмар, конец IV тысячелетия до н. э.; 50) Телль эль-Хеси, середина III тысячелетия до н. э.; 51) деталь рельефа времени I династии, рубеж IV—III тысячелетий до н. э.; 52) медь, погребение времени I династии, Абидос, начало III тысячелетия до н. э.; 53) египетский воин убивает азиата, деталь рельефа из гробницы Анты, Дешаше, время V династии, середина III тысячелетия до н. э.; 54) деталь настенной росписи гробницы Каэмхесета, Саккара, время VI династии, XXIII в. до н. э.; 55) деталь рельефа, храм Ментухотепа II в Дер эль-Бахри, XXII—XXI вв. до н. э.; 56, 57) из Египта, III тысячелетие до н. э., Британский музей и Метрополитен-музей; 58) Гиза, III тысячелетие до н. э.; 59—61) Махмутлар, XXIV—XXIII вв. до н. э.; 62—65) Хороз-тепе, XXIII—XXII вв. до н. э.; 66, 67) Солой-Помпеополис, рубеж III—II тысячелетий до н. э.; 68—71, 94) Сузы, середина III тысячелетия до н. э.; 72—75) Бан-е Сурмех, Луристан, последняя четверть III—начало II тысячелетия до н. э.; 76, 77) Луристан, последняя четверть III тысячелетия до н. э.; 78) деталь настенной росписи гробницы Ахтоя, номарха Сиута, вторая половина III тысячелетия до н. э.; 79) Абидос, время VI династии, третья четверть III тысячелетия до н. э.; 80, 81) Египет, последняя треть III тысячелетия до н. э.; ; 82, 83) рукояти деревянные, Сиут (Асьют), время то же; 84) рукояти деревянные, стяжки кожаные, Египет, время то же; 85) оттуда же, время то же; 86, 87) Сиут (Асьют), время то же; 88, 89) Египет, время то же; 90) камень, Египет, вторая половина IV тысячелетия до н. э.; 91, 92) Ашшур, конец III тысячелетия до н. э.; 93) деталь изображения на глиняной плакетке, из Нгирсу (Телло), XXII в. до н. э.; 94а) из Ирака, середина второй половины III тысячелетия до н. э.; 95) Сузы, время то же; 96) Луристан, рубеж III—II тысячелетий до н. э.; 97) Кипр, начало II тысячелетия до н. э.; 98) Тоголок, Южная Туркмения и Северный Афганистан, конец III тысячелетия до н. э.; ; 99) топор с надписью Шу-Туруля (Шу-Дуркиба), последнего царя династии Аккаде, вторая половина XXII в. до н. э.

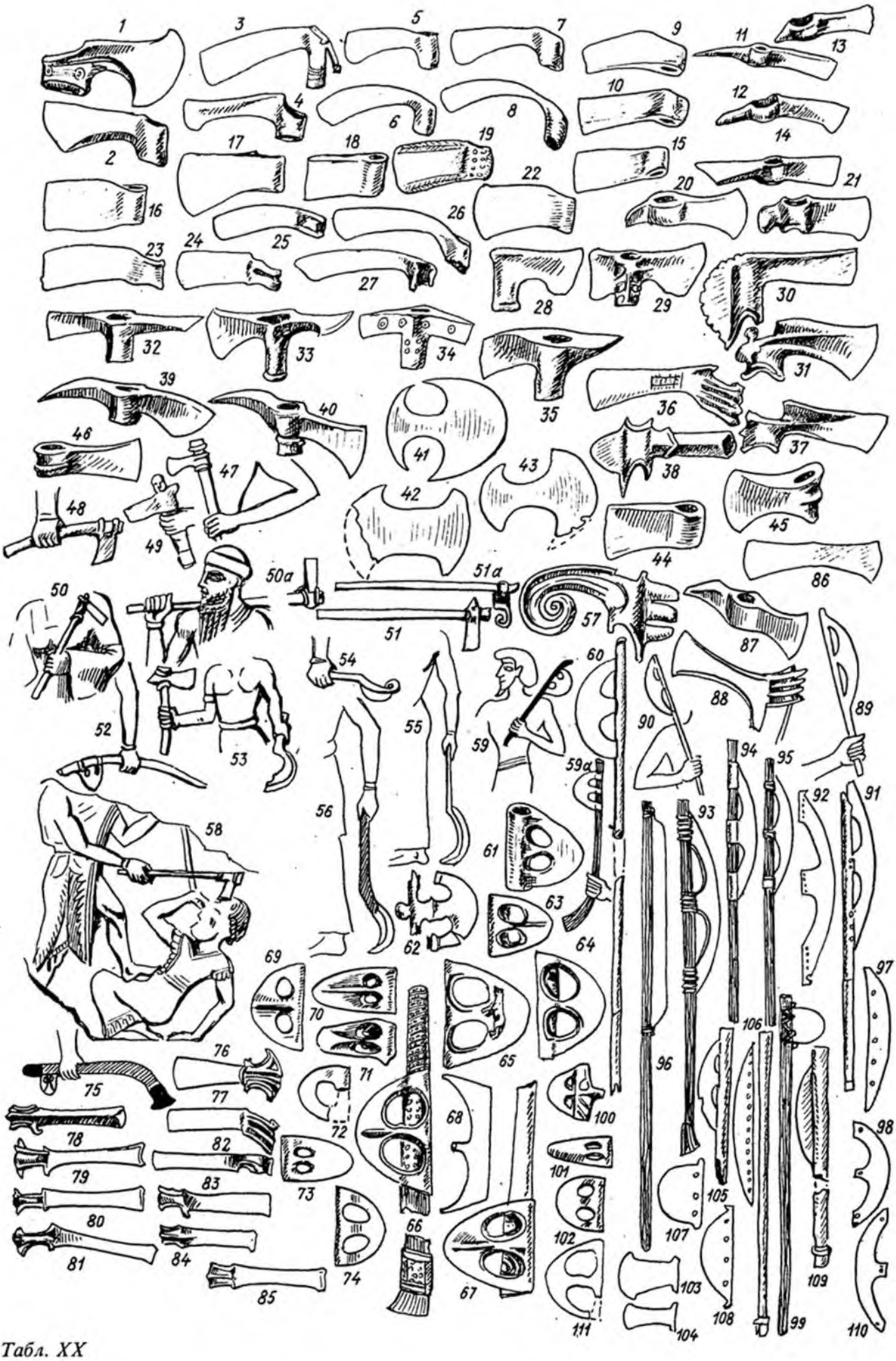


Табл. XX

Таблица XX. Боевые топоры Закавказья (1, 3—13, 23—27), Северного Кавказа (2, 14—22), Западного Ирана (28—31, 36—38), Восточного Ирана и Средней Азии (32—35), Индии (39—45), Месопотамии (46—58), Сирии-Палестины (59—88), Египта, (89—111) конца III — первой трети II тысячелетия до н. э., бронза.

1) Гумбати, Грузия, начало II тысячелетия до н. э.; 2) Гатын-кале, Чечено-Ингушетия, около 1700 г. до н. э.; 3, 4) Грузия, куро-аракская культура, начало II тысячелетия до н. э.; 5, 7) Сачхери, Грузия, культура та же, конец III — начало II тысячелетия до н. э.; 6, 8) р-н Карса, культура и время те же; 9—11, 13) Грузия, культура и время те же; 12) Приереванский клад, Армения, время то же; 14—22) майкопская культура второй половины III — начала II тысячелетия до н. э.; 14, 15) Майкопский курган, 16) погребение 5, курган 21, курганная группа 2 у с. Чегем II, 17) погребение 1, курган 1 у с. Бамут, 18) курган в г. Нальчике, 19) камера 1, курган у стан. Новосвободной, 20) погребение 5, курган VII, у с. Лечинкай; 21) стан. Воздвиженская, 22) курган у с. Иноземцево; 23—27) дольменная культура, начало II тысячелетия до н. э., Западный Кавказ: 23—24) р-н Сочи, 25) дольмен 5 у с. Эшери, Абхазия, 26) дольмен 4, там же, 27) с. Эшери; 28—31) Луристан, последняя четверть III — начало II тысячелетия до н. э.; 32—34) Тепе-Хиссар, слой III С, конец III — начало II тысячелетия до н. э.; 35) камера 31, могильник Пярхай, Южная Туркмения, время то же; 36—38) Луристан, конец III — первая половина II тысячелетия до н. э.; 39, 40) медь, Мохенджодаро, время то же; 41, 42) Бхагалапур, Орисса, середина II тысячелетия до н. э.; 43) Хараппа, время то же; 44) Мундигак, слой III, третья четверть III тысячелетия до н. э.; 45) культура Джукар, Чанхударо, первая половина II тысячелетия до н. э.; 46) Ур, XVIII—XVII вв. до н. э.; 47) деталь изображения на глиняной плакетке, Телль-Асмар, конец III тысячелетия до н. э. — XVII в. до н. э.; 48) то же, Мари, XIX—XVIII вв. до н. э.; 49) деталь терракотовой статуэтки, Нгирсу (Телло), конец III тысячелетия до н. э.; 50, 50а) детали рельефа стелы Ур-Намму, 2122—2094 гг. до н. э.; 51) оружие на алтаре бога войны, деталь изображения храма на глиняной плакетке, Ниппур, XIX—XVII вв. до н. э.; 52) изображение на глиняной плакетке, Мари, XIX—XVIII вв. до н. э.; 53, 54) то же, время то же; 55) деталь живописного изображения богини Иштар на стене дворца Зимри-Лима в Мари, XIX—XVIII вв. до н. э.; 56) деталь печати, Сузы, время то же; 57) Сузы, время то же; 58) фрагмент глиняного рельефа с изображением победоносного вавилонского царя, XVIII—XVII вв. до н. э., Лувр; 59, 59а, 75) топоры азиатских наемников, деталь настенной росписи, Бени-Хасан, Египет, XIX в. до н. э.; 60) секира с бронзовой оковкой рукояти, гробница 84, Мегиддо, XIX в. до н. э.; 61) там же, время то же; 62—74, 76—88) из кладов под полом в «храме обелисков», Библ, XXI—XIX вв. до н. э. (64—67 — золото): 69—72) Угарит (Рас-Шамра), XIX в. до н. э.; 73, 74) Хама, время то же, 78—85) топоры «гиксосского» типа, XVIII—XVII вв. до н. э.; 78) погребение в р-не Тель-Авива, 79) Телль эль-Даб'а, гиксосский некрополь, 80) Иерихон, погребение J3, 81) Шарукен (Бет-Пелет, Телль-эль-Фар'а), 82) Хама, XVIII в. до н. э., 83—85) Угарит (Рас-Шамра), 86, 87) Мегиддо, XVIII—XVII вв. до н. э., 88) Чахар-Базар, XVIII в. до н. э.; 89) деталь настенной росписи гробницы Сенби, XX—XIX вв. до н. э.; 90) то же, Бени-Хасан, XIX в. до н. э.; 91) секира с серебряной оковкой рукояти, XX в. до н. э., Египет, Британский музей; 92) время то же, оттуда же, там же; 93—104) XX—XVII вв. до н. э., Египет, музей Метрополитен, Нью-Йорк; 105—111) секиры с бронзовыми оковками рукоятей, Кана, Нубия, XX—XIX вв. до н. э.

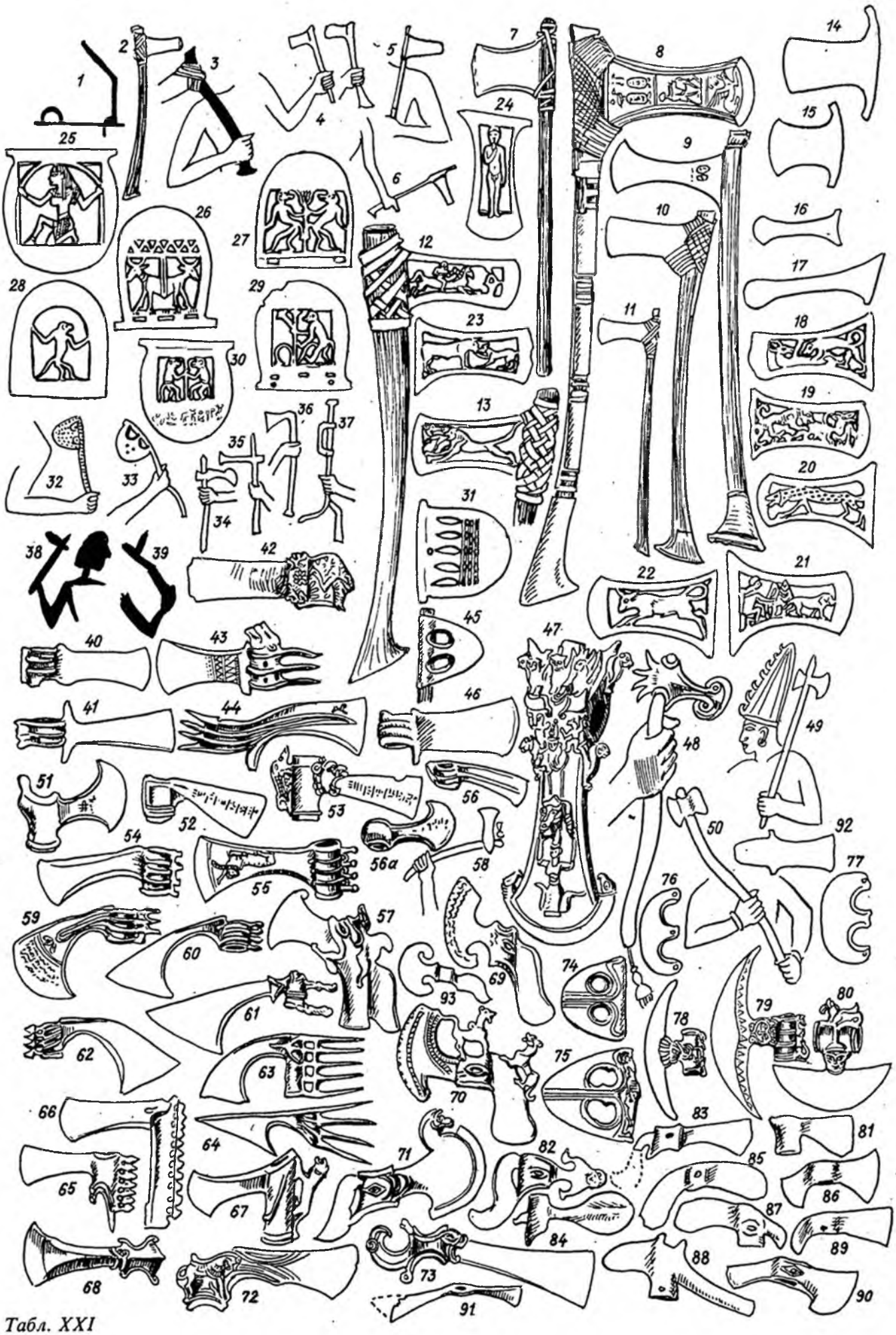


Табл. XXI

Таблица XXI. Боевые топоры Египта (1—31), Месопотамии — Северной Сирии (32—37), Сирии-Палестины (38—44, 59), Малой Азии (45—50, 92), Элама (51—58, 60), Луристана (61—80), Северного Афганистана, Средней Азии и Восточного Ирана (81—91, 93) II тысячелетия до н. э., бронза.

1) деталь иероглифа «сражаться», Новое царство; 2) топор из «оружейной палаты» фараона, деталь настенной росписи гробницы Кенамона, Фивы, XV в. до н. э.; 3) деталь изображения на щите Аменхотепа I, XVI в. до н. э., музей Метрополитен; 4) топоры воинов Эхнатона, деталь рельефа из Эль-Амарны, XIV в. до н. э.; 5, 6) детали рельефов из Мединет-Абу, XII в. до н. э.; 7) на клинке имя Тутмоса III, рукоять деревянная, стяжки кожаные, XV в. до н. э., Британский музей; 8) топор фараона Яхмоса, из гробницы царицы Яххотеп, общая длина 75 см, клинок бронзовый, покрыт золотом, инкрустирован сердоликом, электром, ляпис-лазурью, пастой, рукоять деревянная, обтянута золотом, стяжки золотые, XVI в. до н. э., Каирский музей; 9) бронза, из гробницы Яххотеп; 10, 11) бронза, рукоять деревянная, стяжки кожаные, время XVIII династии, XV—XIV вв. до н. э., музей Метрополитен; 12) то же, время то же, Британский музей; 13) бронза, время XVIII династии, XV—XIV вв. до н. э.; 14, 15) то же, время XIX династии, XIII в. до н. э.; 16, 17) то же, XVII—XVI вв. до н. э.; 18—29) то же, время XVIII династии, XV—XIV вв. до н. э.; 30, 31) то же, начало II тысячелетия до н. э.; 32, 33) топоры сирийцев, детали изображения на кожаной обивке кузова колесницы Тутмоса IV, конец XV в. до н. э.; 34—37) топоры в руках богов, детали изображений на северосирийско-месопотамских печатях царства Митанни, XVI—XIV вв. до н. э.; 38, 39) детали росписи керамического сосуда, Мегиддо, XIV—XII вв. до н. э.; 40) Алалах (Телль-Атшана), середина XV — первая треть XIV в. до н. э.; 41) Угарит (Рас-Шамра), XV—XIV вв. до н. э.; 42) клинок железный, проух и обух из бронзы, таушированной золотом, Угарит, XV—XIV вв. до н. э. (митаннийская работа?); 43) оттуда же, XVI—XV вв. до н. э.; 44) Бет-Шеан (Бейсан), XIV в. до н. э.; 45) Каниш (Кюль-тепе), XIX—XVIII вв. до н. э.; 46, 92) Хаттуса (Богазкёй), середина II тысячелетия до н. э. (46) и XIII—XII вв. до н. э. (92); 47) ритуальный (вотивный?) топор, Шаркишлы, середина II тысячелетия до н. э.; 48) топор бога Тархунтаса (?), деталь рельефа «царских» ворот Хаттусы (Богазкёй), XIV—XIII вв. до н. э.; 49) топор божества, деталь рельефа в святилище Язылыкая, XIII в. до н. э.; 50) деталь каменного рельефа, Хаттуса, XV—XIII вв. до н. э.; 51) топор с именем царя Суз Аддапакшу, XVIII—XVII вв. до н. э.; 52—56а) Дур-Унташ (Чога-Замбиль), приношения в храм, №№ 52, 53—топоры с именем эламского царя Унташ-Напириши (1275—1240 гг. до н. э.); 57) Сузы, XIII—XII вв. до н. э.; 58) деталь бронзового рельефа, Сузы, XII в. до н. э.; 59) топор с именем вавилонского царя Набу-кудурриуцура I, XII в. до н. э., из Луристана; 60) топор с именем эламского царя Шильхак-Иншушиннака, середина XII в. до н. э., из Луристана; 61) оттуда же, XII—X вв. до н. э.; 62) погребение 2, могильник Бард-е Бала, Луристан, около 1000 г. до н. э.; 63, 64, 78—80) Луристан, XII—X вв. до н. э., музей Эшмола, Оксфорд; 65—67) Луристан, первая половина II тысячелетия до н. э.; 68, 72) Луристан, третья четверть II тысячелетия до н. э.; 69—71) Луристан, XIII—XII вв. до н. э.; 73) Луристан, XII—X вв. до н. э.; 74—77) оттуда же, вторая — третья четверти II тысячелетия до н. э.; 81) Северный Афганистан, первая половина II тысячелетия до н. э.; 82—89) оттуда же, вторая половина II тысячелетия до н. э.; 90, 91) Сапаллитепа, Южный Узбекистан, время то же; 93) Шахдад, Восточный Иран, время то же.

Табл. XXII

Таблица XXII. Топоры Индостана (1—5), Закавказья (6—17, 24, 25, 28—30, 33, 37—39, 41—44, 108), Центрального Кавказа (18, 20—22, 34—36, 45, 46), Северного Кавказа (19, 23, 26, 27, 31, 32, 39а, 40), Северного Причерноморья (47—61), Волго-Уральского региона (62—69), севера Средней Азии (70—72, 107), Центральной Азии (73—106) второй половины II — начала I тысячелетия до н. э., бронза и медь.

1—4) культура «медных кладов», Восточная Индия, последняя треть II тысячелетия до н. э.; 1) Фатехгарх, 2) Сартхаули, 3) Гунгерия, 4) Дунрия; 5) медь, Кхурди, Раджастхан, около 1300 г. до н. э.; 6) Грма-Гели, Грузия, середина — третья четверть II тысячелетия до н. э.; 7) Навур, Армения, время то же; 8) медь, Гагра, третья четверть II тысячелетия до н. э.; 9) Махунцети, р-н Батуми, время то же; 10) с. Лавайн, Астаринский р-н, АзерССР, середина — вторая половина II тысячелетия до н. э.; 11) оттуда же, вторая четверть II тысячелетия до н. э.; 12) оттуда же, конец II — начало I тысячелетия до н. э.; 13) Кировакан, Армения, середина II тысячелетия до н. э.; 14) Артик, Армения, XIII—XII вв. до н. э.; 15) Кути, Армения, время то же; 16) Лчашен, Армения, XIII в. до н. э.; 17) с. Дашсалахлы, Казахский р-н, АзерССР, конец II — начало I тысячелетия до н. э.; 18) навершие бронзовой булавки в виде топора, Тлийский могильник, Южная Осетия, конец II тысячелетия до н. э.; 19) то же, Кобанский могильник, Северная Осетия, время то же; 20) из каменного ящика, Дашкесан, Дагестан, конец II — начало I тысячелетия до н. э.; 21) погребение 46, Тлийский могильник, середина — третья четверть II тысячелетия до н. э.; 22) Цхинвали, Южная Осетия, время то же; 23) Северная Осетия, время то же; 24, 25) Талыш, конец II тысячелетия до н. э.; 26, 27) Прикубанье, середина II тысячелетия до н. э.; 28—30) Артик, Армения, XIV—XII вв. до н. э.; 31) могильник Рутха, Северная Осетия, XIII—XII вв. до н. э.; 32) кобанский тип, гравировка, Абгархук, Абхазия, VIII—VII вв. до н. э.; 33) гравировка, рукоять бронзовая, колхидский тип, оттуда же, время то же; 34, 45) кобанский тип, Тлийский могильник, XI—IX вв. до н. э.; 35, 46) колхидский тип, там же, время то же; 36) колхидско-центральнокавказский тип, оттуда же, время то же; 37, 39) Малая Азия, варианты топоров кобанско-колхидского типа, конец II — начало I тысячелетия до н. э.; 38) Паракар, Армения, начало I тысячелетия до н. э.; 39а) Нальчик, середина — вторая половина II тысячелетия до н. э.; 40) Северный Кавказ, вторая половина II тысячелетия до н. э.; 41) Западная Грузия, время то же; 42—44) Западная Грузия (Колхида), конец II — начало I тысячелетия до н. э.; 47) деталь изображения на стеле из с. Керносовка, Крым, кеми-обинская культура, первая треть II тысячелетия до н. э.; 48, 49) бронза, с. Ходасевичи, среднеднепровская культура, время то же; 50, 51) камень, культура та же, время то же; 52) с. Калиновка, катакомбная культура, Восточная Украина, первая половина II тысячелетия до н. э.; 53) Приволье, р-н Северного Донца, культура та же, время то же; 54, 55) камень, Заможное и Аккермень, днепро-азовский регион, культура та же, время то же; 56, 57) камень, Лиманцы, Баратовка, р-н р. Ингул, культура та же, время то же; 58) бронза, Рыбаково, Украина, культура многоваликовой керамики, вторая четверть — середина II тысячелетия до н. э.; 59, 60) бронза, срубная культура Украины, третья четверть II тысячелетия до н. э.; 61) стан. Слащевка, нижний Дон, срубная культура, время то же; 62, 63) Сейма и Турбино, сейминско-турбинская культура, XIII—XII вв. до н. э.; 63а) приказанская культура, последняя четверть II тысячелетия до н. э.; 64) камень, Башкирия, срубная культура, последняя треть II тысячелетия до н. э.; 65—67) курган Царев, Башкирия, андроновская культура, конец II — начало I тысячелетия до н. э.; 68, 69) р-н Алма-Аты, культура та же, время то же; 70, 71) петроглифы, Арпаузень, Семиречье, время то же; 72) то же, долина Теректы, там же, время то же; 73) бронза, погребение 4, могильник Тас-Хазаа, Минусинская котловина, окуневская культура, середина — вторая половина II тысячелетия до н. э.; 74) камень, курган 10, могильник Тесь 1, культура та же, время то же; 75) бронза, устье р. Ус, Тува, «карасукская» культура, конец II — начало I тысячелетия до н. э.; 76) бронза, Южное Гоби, Монголия, «карасукская» культура, время то же, Центральный государственный музей, Улан-Батор; 77—96) изображения топоров на каменных изваяниях «карасукской» культуры — «оленных камнях»: 77) камень 6, правая сторона, Юстыд, Алтай, VIII—VII вв. до н. э., 78—96) правая сторона (у № 95 — сзади), изваяния из Монголии, конец II тысячелетия до н. э. — середина VII в. до н. э.; 97—105) Минусинская котловина, «карасукская» культура: 97, 98) Усинская, конец II — начало I тысячелетия до н. э., 99) Большой Телек, время то же, 100) Норилков улус, X—VIII вв. до н. э., 101) Короли, VIII — первая половина VII в. до н. э., 102) Тесь, первая четверть I тысячелетия до н. э., 103) погребение 17, курган 1, оз. Подгорное, Батени, первая половина VII в. до н. э., 104) юг Красноярского края, время то же, 105) подток, с. Арейское, Красноярский р-н, время то же; 106) Монголия, Хубсугульский музей; 107) Чимбайлык, Ташкентская область, конец II тысячелетия до н. э.; 108) бронзовая подвеска в виде топора, с. Бармыш, Абхазия, VIII—VI вв. до н. э.

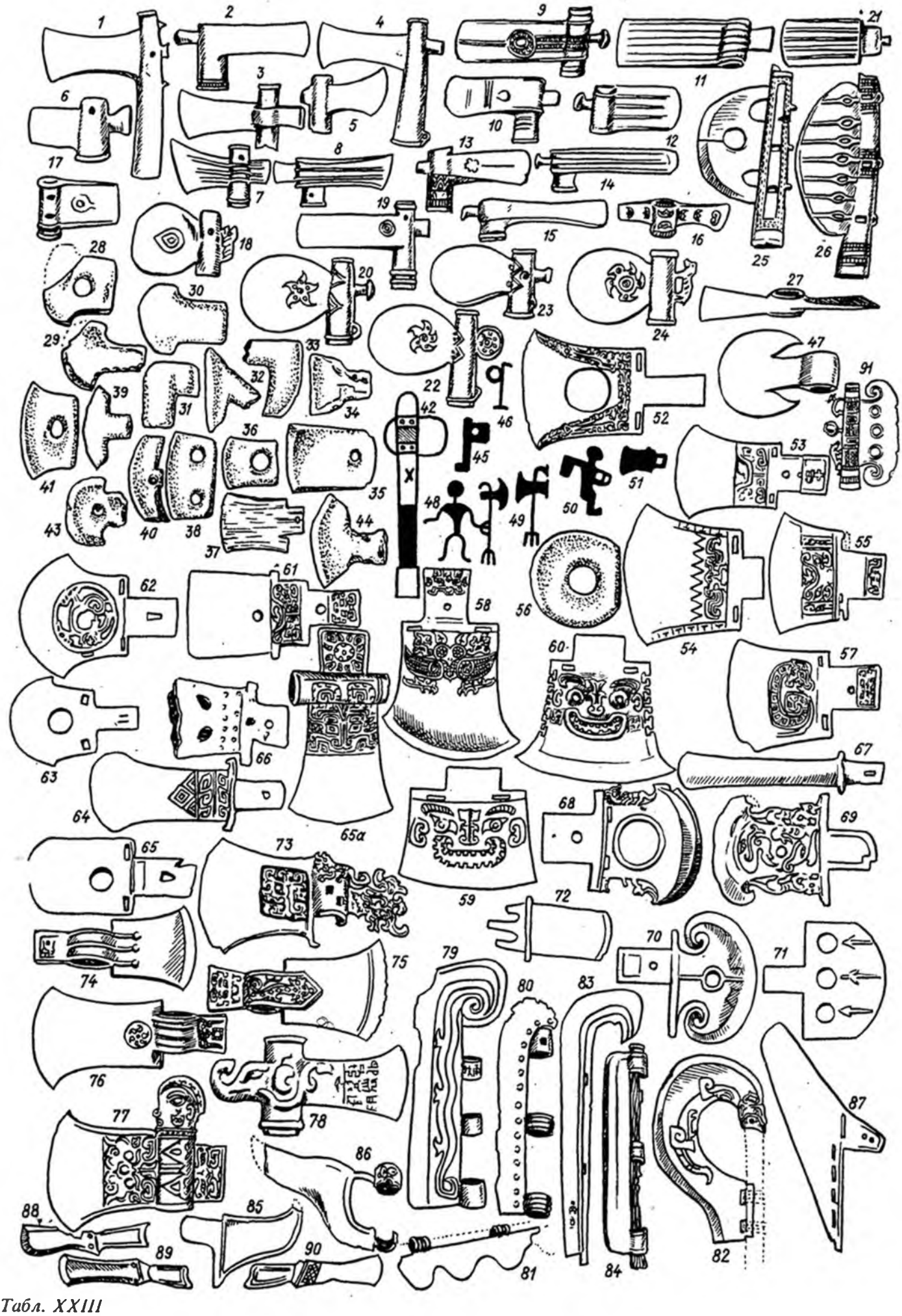


Табл. XXIII

Таблица XXIII. Топоры севера КНР («карасукского» типа — 1—17, 19, 21; «карасукоидно-иньского» типа — 18, 20, 22—26, 91; «восточноиранского» типа — 27) конца II — начала I тысячелетия до н. э., Великой Китайской равнины (китайские типы IV — начала I тысячелетия до н. э. — 28—72, 85—87, китайские типы с северными влияниями и секиры конца II — начала I тысячелетия до н. э. — 73—84), юга КНР (88—90, 29—36, 38—45 — камень, 37 — кость, 66 — железо, остальное — бронза); 18—20, 22, 24, 46—71 — топоры «юэ», 79—81, 83, 84 — секиры «дао»; 59, 60, 73 — особо больших размеров, соответственно 31,7×35,7; 32,5×34,5; 34,3×23 см; 1—7 втулки эллиптические.

1) уезд Шилоу, пров. Шаньси, XIII—XII вв. до н. э.; 2) Чаоцоугоу, уезд Цинлу, пров. Хэбэй, время то же; 3) север КНР, конец II — начало I тысячелетия до н. э.; галерея Фрир, Вашингтон; 4) оттуда же, XIII—X вв. до н. э., Королевский музей Онтарио, Торонто; 5) Байфу, р-н Пекина, XI—IX вв. до н. э.; 6, 27) Наньшаньгэнь, VIII—VII вв. до н. э.; 7) Суйюань, конец II тысячелетия до н. э., Музей дальневосточного искусства, Стокгольм; 8) Внутренняя Монголия, время то же, бывшее собрание Цзоу Аня, Музей-дворец Гугун, Пекин; 9,10) север КНР, конец II — начало I тысячелетия до н. э., Гугун; 11, 12) то же, XII—XI вв. до н. э., там же; 13—15) Шаньваньцзы, уезд Коцзо, пров. Ляонин, XI—VIII вв. до н. э.; 16) гробница «бо» Чжуна, Байцзя, уезд Фуфэн, пров. Шэньси, 20-е годы X в. до н. э.; 17, 18) север КНР, конец II — начало I тысячелетия до н. э. (18 — собрание Вайруса, Париж); 19) Сюнсянь, Северная Хэнань, XIII—X вв. до н. э., галерея Фрир; 20) север КНР, конец II — начало I тысячелетия до н. э., Британский музей; 21) Аньян, XIII—XI вв. до н. э.; 22) север КНР, конец II — начало I тысячелетия до н. э., Музей дальневосточного искусства, Стокгольм; 23) оттуда же, время то же, бывшее собрание Лю Моудэ, Пекин; 24, 91) север КНР, время то же; 25, 26) оттуда же, случайная находка, время то же, Гугун; 28—45, 56) неолитические топоры: 28, 32) культура Мацзяо, северо-запад Китая, III тысячелетие до н. э., 29, 31, 33, 34) Таоси, уезд Сянфэн, пров. Шэньси, рубеж III—II тысячелетий до н. э., 30, 38—40, 43, 44) культура Лянчжу, север пров. Чжэцзян — юг пров. Цзянсу, середина III — начало II тысячелетия до н. э., 37) Аньян, начало II тысячелетия до н. э., 41, 56) культура Цинъляньган, пров. Цзянсу, IV тысячелетие до н. э.; 42) изображение топора на расписном сосуде культуры Яншао, Яньцунь, уезд Линьчжу, пров. Хэнань, IV тысячелетие до н. э., 45) изображение топоров на сосуде культуры Луншань, пров. Шаньдун, последняя четверть III тысячелетия до н. э.; 46, 48—51) то же, на иньских гадательных костях, XIII—XI вв. до н. э.; 47) случайная находка в р-не Лояна в 1841 г., конец II — начало I тысячелетия до н. э.; 52) Паньлунчэн, пров. Хубэй, середина II тысячелетия до н. э.; 53, 54) погребение царицы Фу Хао (погребение 5 в Иньсю), Аньян, XIII в. до н. э.; 55) Аньян, XIII—XII вв. до н. э.; собрание Киси, Киото; 57) Аньян? XIII—XI вв. до н. э., Музей искусств, Кливленд; 58) оттуда же? время то же, собрание М. Продэн, Рим; 59, 60) Суфутунь, пров. Шаньдун, время то же; 61) Аньян? время то же, Гугун; 62) Чэнчжу, пров. Шаньси, XII—XI вв. до н. э.; 63) Аньян? XIII—XI вв. до н. э., музей Восточноазиатского искусства, Будапешт; 64) Дунсяо, уезд Линьбао, пров. Хэнань, середина II тысячелетия до н. э.; 65, 65а) конец Инь — начало Чжоу, XI в. до н. э., Гугун; 66) бронза, лезвие из железа, Тайси, р-н г. Гаочэн, пров. Хэбэй, XIV—XIII вв. до н. э.; 67) Эрлитоу, пров. Хэбэй, XVII—XVI вв. до н. э.; 68) р-н г. Лоян, пров. Хэнань, раннее Чжоу, XI—X вв. до н. э.; 69) время то же, бывшее собрание О. Бурхардта; 70) конец Инь — начало Чжоу, XI в. до н. э., Королевский музей Онтарио, Торонто; 71) могильник Сиань, пров. Шэньси, время то же; 72) Байфу, р-н Пекина, XI—IX вв. до н. э.; 73) г. Чанша, пров. Хунань, эпоха Инь, XII—XI вв. до н. э.; 74) время то же, собрание Савьер, Вашингтон; 75) Аньян, XII—XI вв. до н. э., Музей дальневосточных древностей, Стокгольм; 76) бронза, инкрустированная бирюзой, время то же, музей Метрополитен, Нью-Йорк; 77) раннее Чжоу, XI—X вв. до н. э., собрание Ратерстоуна, Лондон; 78) время то же, бывшее собрание Цзоу Аня; 79) «дао», начало Чжоу, XI в. до н. э., галерея Фрир, Вашингтон; 80) то же, Байфу, р-н Пекина, XI—X вв. до н. э.; 81) из погребения «бо» Чжуна, Байцзя, уезд Фуфэн, пров. Шэньси, 20-е годы X в. до н. э.; 82) Байцаопо, уезд Линтай, пров. Ганьсу, XI—X вв. до н. э.; 83) Аньян, XII—XI вв. до н. э.; 84) «дао», уезд Шилоу, пров. Шаньси, конец Инь — начало Чжоу, XII—XI вв. до н. э.; 85) Хэцзяцунь, до династии Чжоу, XIII—XI вв. до н. э.; 86) Гаоцзябао, уезд Цзиньян, преддинастическое Чжоу, XII в. до н. э.; 87) Байфу, р-н Пекина, X—IX вв. до н. э.; 88—90) Даин, уезд Наньань, пров. Фуцзянь, протоюэ, начало II тысячелетия до н. э.

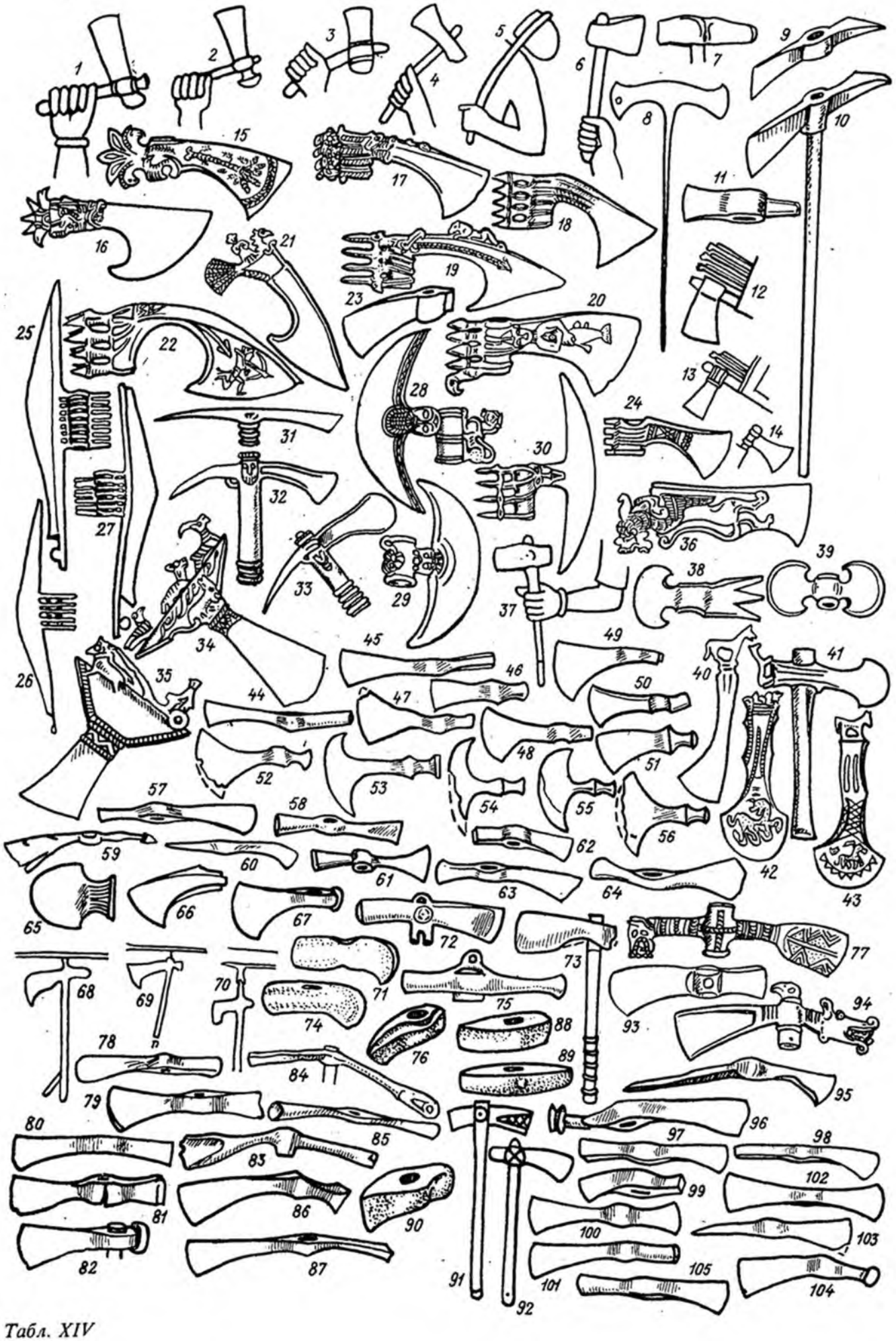


Табл. XIV

Таблица XXIV. Топоры Сиро-Месопотамии (1—14), Западного Ирана (15—36), Закавказья (37—42, 44—64), Центрального Кавказа (43, 65—67), Северного Кавказа (68—87), Волго-Уральского региона (88—105) первой половины—середины I тысячелетия до н. э.

1, 2) деталь стелы с изображением бога Тешуба, Тиль-Барсиб (Телль-Асмар), рубеж II—I тысячелетий до н. э.; 3) то же, Сам'аль (Зинджирли), IX в. до н. э.; 4) деталь ортостата с изображением охоты на льва, Сакчегёзу, VIII в. до н. э.; 5) деталь стелы с изображением бога Мелькарта, Бредж, р-н Алеппо, IX в. до н. э.; 6) рельеф из Гузаны (Телль-Халаф), X в. до н. э.; 7) железо, Гузана (Телль-Халаф), рубеж II—I тысячелетий до н. э.; 8) железо, Сам'аль (Зинджирли), начало I тысячелетия до н. э.; 9) железо, Каркемиш, VII в. до н. э.; 10) бронза, Ашшур, рубеж II—I тысячелетий до н. э.; 11) бронза, Иерихон, время то же; 12) топор в колесничном колчане, деталь рельефа с изображением охоты Ашшурнацирапала II, Кальху (Нимруд), вторая четверть IX в. до н. э.; 13, 14) то же, деталь рельефа с изображением битвы Ашшурнацирапала II, там же, время то же; 15, 16, 19, 21, 22, 24, 29) бронза, Луристан, VIII—VII вв. до н. э.; 17) бронза, оттуда же, IX—VIII вв. до н. э., собрание Форуги; 18) бронза, оттуда же, X—VIII вв. до н. э., Лувр; 20) бронза, р-н Керманшаха, начало I в. до н. э.; 23) бронза, Тепе-Варкабуд, Луристан, VIII—VII вв. до н. э.; 25) бронза, Хурвин, IX—VIII вв. до н. э.; 26, 27) бронза, Луристан, время то же, музей Эшмола в Оксфорде и Лувр; 28, 30) бронза, оттуда же, время то же, Лувр и собрание Форуги; 31, 33) бронза, Тепе-Варкабуд, Луристан, VIII—VII вв. до н. э.; 32) бронза, Чамзи, Луристан, время то же; 34, 35) бронза, Луристан, рубеж II—I тысячелетий до н. э. (35—собрание Форуги); 36) бронза, Хамадан, VI в. до н. э.; 37) деталь бронзовой скульптуры бога Тейшебы, Тейшебаини (Кармир-Блур), Урарту, VIII—VII вв. до н. э.; 38, 39) бронза, Ханлар, АзерССР, начало I тысячелетия до н. э.; 40) бронза, Куланурхва, Абхазия, VIII—VII вв. до н. э.; 41) бронза, Гудаута, время то же; 42) бронза, Колхида, собрание де Боя, время то же; 43) бронза, кобанский тип, Ожорский могильник, время то же; 44—56) железо, Абхазия: 44, 45) Куланурхва, вторая половина VII—VI в. до н. э., 46, 47) р. Келласури, V в. до н. э., 48) Алексеевское ущелье, время то же, 49) Ачандра, время то же, 50) Сухумская гора, время то же, 51) Сухуми, время то же, 52) Гульрипш, IV—III вв. до н. э., 53—56) Сухумская гора, время то же; 57) железо, Хртаноц, Армения, VII—VI вв. до н. э.; 58, 63, 64) железо, Самтавро, Грузия, VI в. до н. э.; 59) железо, Двани, Грузия, время то же; 60) железо, Брили, Грузия, время то же; 61, 62) железо, Мусиери, Армения, VI—V вв. до н. э.; 65) бронза, Хасавъюрт, Дагестан, начало I тысячелетия до н. э.; 66) бронза, Дербент, время то же; 67) бронза, погребение 26, Серженьюрт, Дагестан, VIII—первая половина VII в. до н. э.; 68—70) изображение топоров на «киммерийских» каменных изваяниях VIII—первой половины VII в. до н. э.: 68) Зубовский хутор, Прикубанье, правая сторона, 69) стан. Усть-Лабинская, там же, правая сторона, 70) Кызбурун, Кабардино-Балкария, правая сторона; 71—75) «киммерийские» топоры Северного Причерноморья, VIII—первая половина VII в. до н. э.: 71) камень, хут. Кубанский, Прикубанье, 72) бронза, оттуда же, 73) железо, на рукояти бронзового кольца-обоймы, погребение 34, у Мебельной фабрики, Кисловодск, 74) камень, погребение 1, могильник Султан-гора 1, 75) бронза, погребение 3, там же; 76) камень, хут. Верхнеподпольный, нижний Дон, начало I тысячелетия до н. э.; 77) бронза, пос. Новогрозный, Чечено-Ингушетия, вторая половина VI в. до н. э.; 78) железо, погребение 93, Тлийский могильник, Южная Осетия, вторая половина VII в. до н. э.; 79) железо, погребение 164, там же, время то же; 80) железо, погребение 205, там же, время то же; 81) железо, погребение 216, там же, время то же; 82) железо, погребение 298, там же, время то же; 83—87) железо, из погребений 32 (83), 50 (84, 85), 88 (86), 64, 74 (87) Луговского могильника, Чечено-Ингушетия, VI—V вв. до н. э.; 88—105) топоры ананьинской культуры Волго-Камья, VIII—VI вв. до н. э.: 88) камень, Тетюшский могильник, VIII—VII вв. до н. э., 89) камень, городище Казанка 1, время то же, 90) камень, Новомордовский могильник, время то же, 91, 92) изображение на каменных стелах, там же, время то же, 93) бронза, Билярск, VIII—первая половина VII в. до н. э., 94) бронза, Сарапульский р-н, VII в. до н. э., 95) бронза, Ананьинский могильник, VII—VI вв. до н. э., 96) железо, бронзовый обух, Зуевский могильник, VII в. до н. э., 97—105) железо, Старший Ахмыловский могильник, конец VII—VI вв. до н. э.

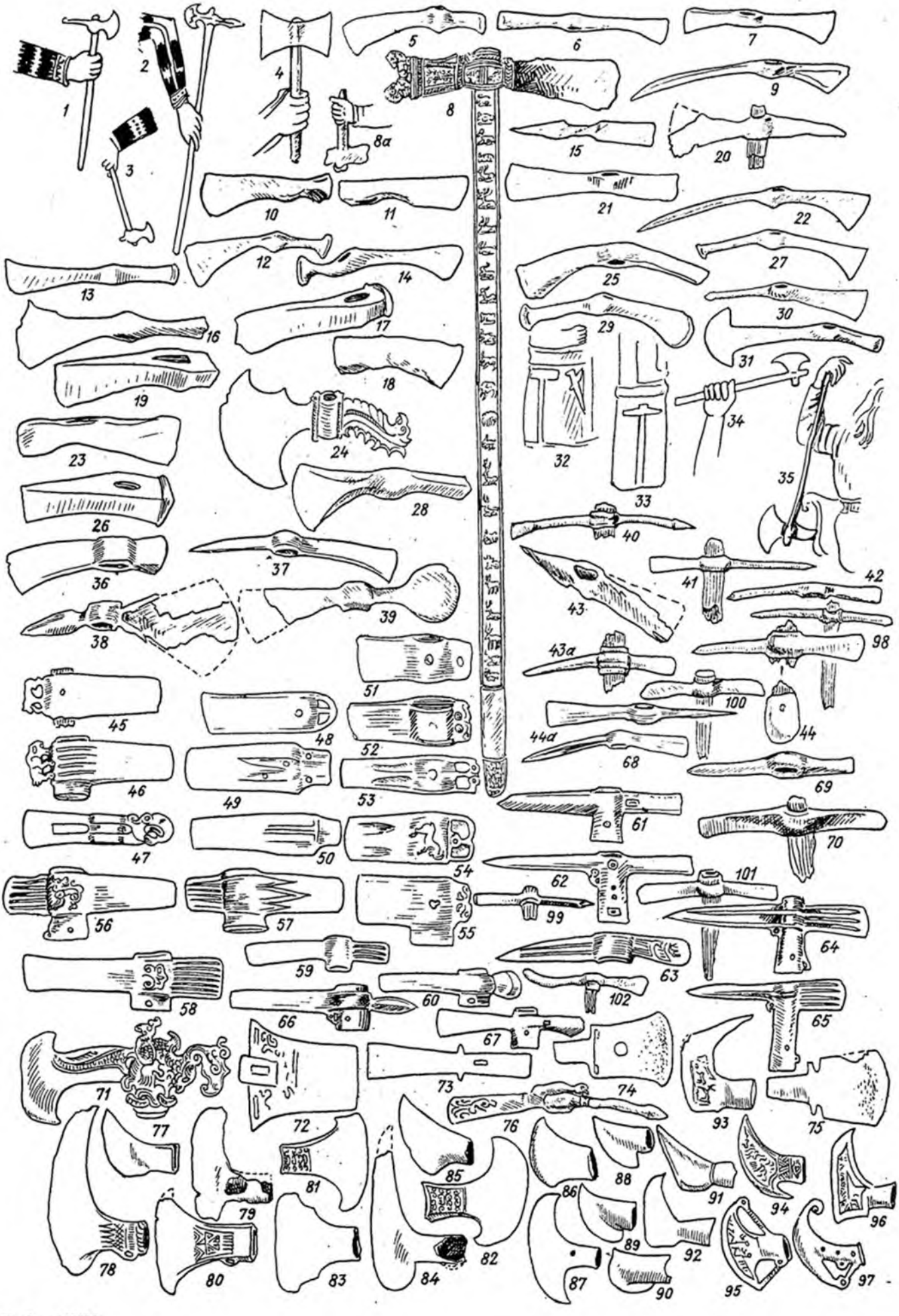

1
2
3
4
5
6
7
8
8a
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
43a
44
44a
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100
101
102

Табл. XXV

Таблица XXV. Топоры «амазонок» и «азиатов» в греческой вазовой живописи (1—3), севера Индостана (4), Северного Причерноморья (5—35), Средней и Центральной Азии (36—70, 98—102), Великой Китайской равнины (71—73), юго и юго-запада КНР и севера Вьетнама (74—97); 5—23, 25—31, 36—39, 43, 76, 100—102 — железо; 24, 40—42, 43а—73, 77—79 — бронза; 74, 75 — камень; середина I тысячелетия до н. э.

1) амфора художника Клеофрада, первая четверть V в. до н. э.; 2) амфора Микона, около 500 г. до н. э.; 3) топор «перса», чаша художника «Парижской гигантомахии», первая треть V в. до н. э.; 4) топор индийца, рельеф ападаны в Персеполе, первая четверть V в. до н. э.; 5—36) скифские и синдо-меотские топоры: 5) погребение 6, могильник Султан-гора III, р-н Кисловодска, первая половина VI в. до н. э., 6) погребение 5, Келермес, Прикубанье, рубеж VII — VI в. до н. э., 7) погребение 27, там же, вторая половина VII в. до н. э., 8) золотые чеканные обкладки клинка и рукояти урартской работы для скифов, курган 1, Келермес, вторая половина VII — начало VI в. до н. э., 9) курган у Цукурского лимана, Таманский п-ов, начало VI в. до н. э., 10, 11) курган Старшая могила, VI в. до н. э., 12) курган 5 в урочище Стайкин верх, время то же, 13) курган 5 у с. Аксютинцы, V в. до н. э., 14) курган 468, там же, VI в. до н. э., 15) курган 1 у с. Волковцы, VI в. до н. э., 16) курган 12, там же, время то же, 17) курган у с. Луки, время то же, 18) курган 3 у хут. Поповка, время то же, 19) курган, там же, время то же, 20) курган I Завадская могила, V в. до н. э., 21) курган у с. Офирня, VI в. до н. э., 22) Трахтемировское городище, время то же, 23) курган 4 группы Страшной могилы, IV в. до н. э., 24) погребение 2, курган 18, с. Львово, IV в. до н. э., греческая работа, 25) погребение 1, курган 2, с. Красный Подол, первая половина IV в. до н. э., 26) курган 7, могильник Частые курганы, средний Дон, IV в. до н. э., 27) курган 448, с. Журовка, VI в. до н. э., 28) курган у с. Ленковцы, VI — V вв. до н. э., 29) курган у хут. Шумейко, VI в. до н. э., 30) место находки неизвестно, VI в. до н. э., 31) Талаевский курган, Крым, V в. до н. э., 32) деталь каменного изваяния из с. Ольховчик, VI — IV вв. до н. э., 33) то же, стан. Бесскорбная, Прикубанье, VI в. до н. э., 34) деталь изображения на серебряной обкладке горита из кургана Солоха, первая четверть IV в. до н. э., 35) то же, на серебряном сосуде из кургана 3, могильник Частые курганы, IV в. до н. э., 36) курган 3, могильник Андемин I, Восточный Памир, V в. до н. э.; 37) курган 1, могильник Истых, там же, V — IV вв. до н. э.; 38) проух, обух и обойма клинка — бронзовые, курган 1, могильник Истык, там же, время то же; 39) курган 1, могильник Яшилькуль, там же, время то же; 40) рукоять деревянная (модель?), курган 2, могильник Боротал II, Алтай, IV — III вв. до н. э.; 41) то же, курган 7, там же, время то же; 42) курган 7, могильник Аргут I, Алтай, время то же; 43) погребение 1, могильник Бай-Даг, баары II, Тува, IV в. до н. э.; 43а) курган 9, могильник Саглы-Бажи II, там же, время то же; 44) курган 1, могильник Кюзленги I, там же, время то же; 44а) курган 2, могильник Дужерлиг-Ховузу I, там же, IV — III вв. до н. э.; 45—67) топоры тагарской культуры: 45) курган 10, Ягуня, Красноярский край, VI — V вв. до н. э., 46) Минусинская котловина, VI в. до н. э., 47, 63) с. Иудина, V в. до н. э., 48) улус Норилков, Красноярский край, VI в. до н. э., 49) Кортус, время то же, 50) Шалоболино, время то же, 51) Манок, вторая половина VII — VI в. до н. э., 52) погребение III, курган 6, Самохвал, VI — V вв. до н. э., 53) Минусинский округ, VI в. до н. э., 54) Большой Тапанов улус, время то же, 55) Таштып, время то же, 56) дер. Кашинская, близ г. Канска, время то же, 57) дер. Метляева, Иркутской области, время то же, 58) дер. Паначева, время то же, 59) Верхний Суэтук, время то же, 60, 66, 67) Минусинский край, время то же, 61) с. Каптырево, VI — V вв. до н. э., 62) курган 33, Тагарское озеро, время то же, 64, 65) Енисейская губерния, время то же; 68) Юлинцай, Чжунгарское знамя, Внутренняя Монголия, V — III вв. до н. э.; 69, 70) Даохунбала, там же, время то же; 71) север Великой Китайской равнины, V — IV вв. до н. э., царство Чжуншань (?), Британский музей; 72) уезд Линьтай, пров. Ганьсу, VII — VI вв. до н. э.; 73) Байцзяцунь у г. Ханьдань, пров. Хэбэй; 74, 75) Вэйхоугуань, уезд Шимянь, пров. Сычуань, VIII — VI вв. до н. э.; 76) железо, бронза, север Китая, IV в. до н. э., Кельнский музей восточноазиатского искусства; 77) Паймашань, уезд Чанлин, пров. Хубэй, культура царства Чу, V — IV вв. до н. э.; 78—80) Иньшаньлинь, уезд Пиньо, пров. Гуанси, культура царства Юэ, IV — III вв. до н. э.; 81, 82) уезд Кунчэн, пров. Гуанси, культура царства Юэ, время то же; 83, 84) Дачин, пров. Гуандун, Юэ, V — III вв. до н. э.; 85, 86) культура Донгда, пров. Бакха, Вьетнам, середина I тысячелетия до н. э.; 87—97) культура Донгшон, Вьетнам, V — III вв. до н. э.; 98—102) погребение 53, 62, 43, 21, могильник Улангом, Северо-Западная Монголия, V — III вв. до н. э.

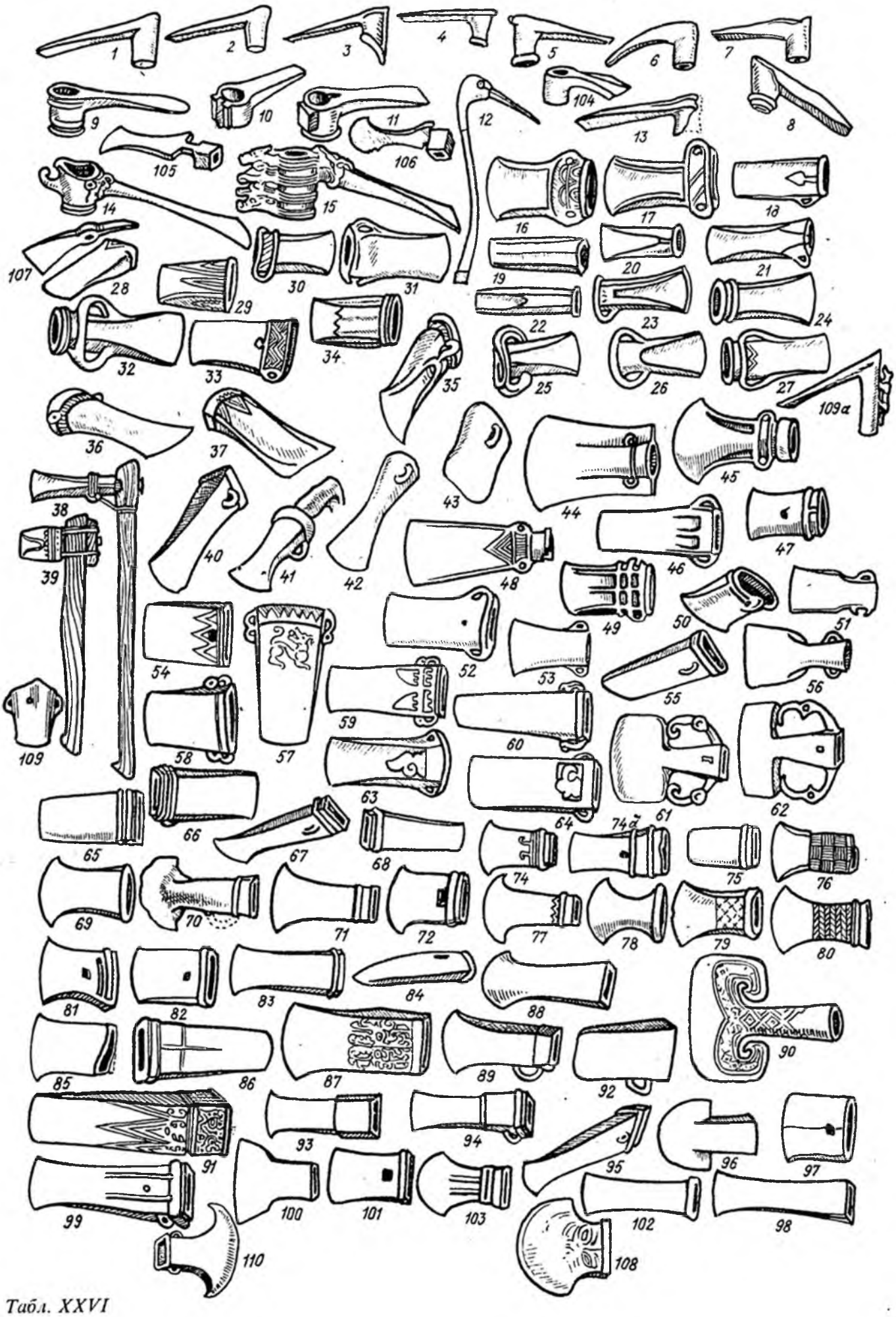


Табл. XXVI

Таблица XXVI. Боевые тесла Месопотамии (1—5, 9—11, 13), Элама (6—8), Египта (12), Западного Ирана (14, 15, 109а), степного Поднепровья (16—27), Уральского региона (28—39), Средней Азии и Казахстана (40—43), Центральной Азии (44—64, 85, 109), северо-востока КНР (65—84), Великой Китайской равнины (86—103, 108), юго-запада КНР (110), Северного Афганистана (104), Закавказья (105, 106), Северного Кавказа (107), 19—103, 110 — кельты, бронза.

1—4) Ур, «царский» некрополь, середина III тысячелетия до н. э.; 5) Киш, время то же; 6, 7) Сузы, время то же; 8) Сузы, конец III — начало II тысячелетия до н. э.; 9) Ур, XVI—XII вв. до н. э.; 10, 11) Нуза, середина II тысячелетия до н. э.; 12) деталь настенной росписи с изображением «оружейной палаты» фараона, гробница Кенамона, Фивы, XV в. до н. э.; 13) Дур-Куригальзу (Акаркуф), XIV—XIII вв. до н. э.; 14, 15) Луристан, X—VIII вв. до н. э.; 16, 17) клад у с. Лобойковка, XIV—XIII вв. до н. э.; 18) по литейной форме, с. Малые Копани, время то же; 19) то же, с. Волошское, XIII—XII вв. до н. э.; 20, 21) то же, Князьгригорьевский клад, время то же; 22, 27) то же, Кардашинка I, XI—IX вв. до н. э.; 23, 24) то же, Кардашинка II, время то же; 25) то же, Солоха, время то же; 26) то же, Новоалександровка, время то же; 28—32) срубная культура Башкирии, вторая половина II тысячелетия до н. э.: 28) Нарыс-тау, 29) Кара-Якупово, 30, 32) Оренбуржье, 31) Петер-тау; 33—35) Андроновская культура Башкирии, конец II — начало I тысячелетия до н. э., Дербеденевский клад; 36, 37) могильник Ростовка, р-н Омска, сейминско-турбинская культура, третья четверть II тысячелетия до н. э.; 38, 39) кельты ананьинской культуры, VIII—VI вв. до н. э., реконструкции общего вида по В. С. Патрушеву: 38) аккозинско-меларский тип, 39) ананьинский тип; 40) курган 25, могильник Уйгарак, Приаралье, вторая половина VII в. до н. э.; 41) курган 33, там же, время то же; 42) курган 60, там же, время то же; 43) долина р. Талас, Казахстан, VI—V вв. до н. э.; 44) с. Усинское, X—VIII вв. до н. э.; 45) пос. Аржан, Тува, время то же; 46) г. Кызыл, Тува, VII в. до н. э.; 47) с. Туран, Тува, VII—VI вв. до н. э.; 48—53) «карасукская» культура Монголии, конец II тысячелетия до н. э.— первая половина VII в. до н. э.: 48) Южно-Гобийский аймак, 49) Южная Гоби, 50) Средняя Гоби, 51, 53) Центральный Государственный музей МНР, 52) Южная Гоби; 54) Саянтуй, р-н Улан-Удэ, середина I тысячелетия до н. э.; 55) Забайкалье, X—VII вв. до н. э.; 56) оттуда же, VII—V вв. до н. э.; 57—64) тагарская культура Минусинской котловины второй половины VII—IV в. до н. э.: 57) VII—VI вв. до н. э., 58) дер. Коркино; VI—V вв. до н. э., 59) дер. Серебряково, VI—V вв. до н. э., 60) Красноярский округ, время то же, 61) р-н Красноярска, время то же, 62) дер. Саянская, время то же, 63) Минусинский край, V в. до н. э., 64) дер. Копьево, V в. до н. э.; 65—68) Байфу, р-н Пекина, XI—IX вв. до н. э.; 69—72) Наньшаньгэнь, уезд Нинчён, Внутренняя Монголия, середина VII в. до н. э.; 74—76) уезд Цзянпин, пров. Ляонин, первая половина VII в. до н. э.; 77) аймак Чжаоуда, Внутренняя Монголия, время то же; 78) уезд Цзиань, пров. Ляонин, VI—V вв. до н. э.; 79) пров. Ляонин, VI в. до н. э.; 80) Шиэртаинцзы, уезд Чжаочи, пров. Ляонин, VII—V вв. до н. э.; 81—84) Цибоцзи, р-н Пекина, VII—VI вв. до н. э.; 85) погребение 16, Даохунбала, долина р. Иксу, Внутренняя Монголия, хунну, V—IV вв. до н. э.; 86) пров. Хэнань, культура царства Инь, XIV—XIII вв. до н. э.; 87) Чжэнчжоу, пров. Хэнань, культура царства Инь, XVI—XIII вв. до н. э.; 88) Тачжуан, уезд Яньши, пров. Хэнань, культура царства Инь, время то же; 89) Дунсяо, уезд Линьбао, пров. Хэнань, время то же; 90) погребение 5 (гробница царицы Фу Хао), Инсю, Аньян, XIII в. до н. э.; 91) пров. Хэнань, культура царства Инь, XII в. до н. э.; 92) оттуда же, XIII—XII вв. до н. э.; 93) Хэцзяцунь, пров. Шэньси, Западное Чжоу, вторая половина X в. до н. э.; 94, 95) Байцаопо, уезд Линтай, пров. Ганьсу, культура Западного Чжоу, XI—X вв. до н. э.; 96) Чжуюаньгоу, р-н г. Баоцзи, пров. Шэньси, XI—X вв. до н. э.; 97, 98) Шаньцуньлин, культура царства Го, VIII—первая половина VII в. до н. э.; 99) уезд Линтай, пров. Ганьсу, период Чуньцю, VII—V вв. до н. э.; 100) городище Хэньчэна, V в. до н. э.; 101, 102) Шаньмацунь, р-н г. Хоума, пров. Шаньси, VI—V вв. до н. э.; 103) пров. Хэнань, VII—V вв. до н. э.; 104) модель, Северный Афганистан, первая половина — середина II тысячелетия до н. э.; 105) Кировакан, Армения, конец II — начало I тысячелетия до н. э.; 106) Эчмиадзин, Армения, время то же; 107) Майкопский курган, конец III — начало II тысячелетия до н. э.; 108) Чэнчжу, пров. Шаньси, XII—XI вв. до н. э.; 109) погребение 11, курган 5, могильник Барсучиха, Минусинская котловина, вторая половина VII — начало VI в. до н. э.; 109а) Луристан, конец III — первая половина II тысячелетия до н. э., Музей изящных искусств, Бостон; 110) погребение 1, могильник Цюйюань, близ г. Баоцзи, пров. Сычуань, культура «царства» Шу, V—III вв. до н. э.

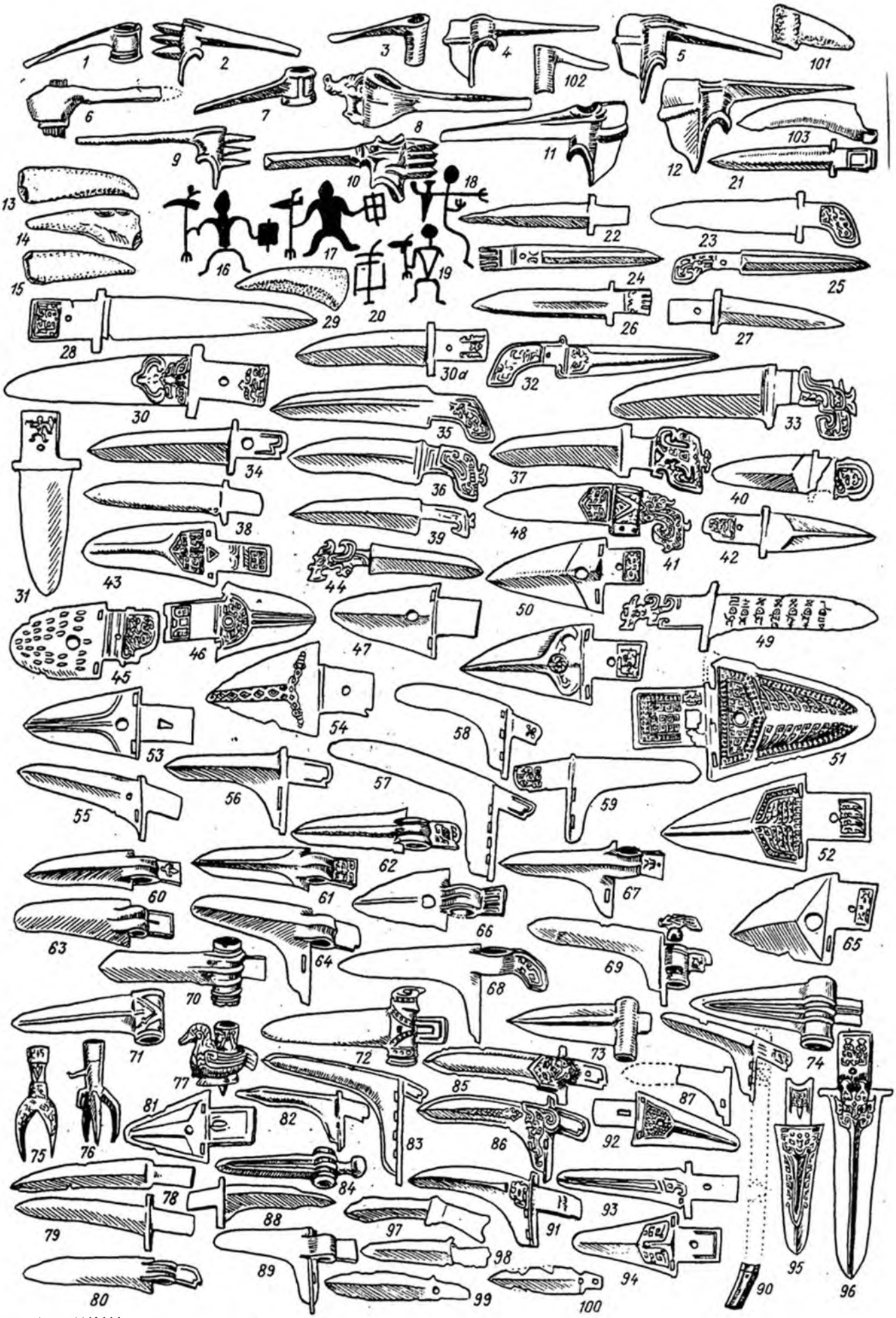


Табл. XXVII

Таблица XXVII. Чеканы Ближнего Востока (1—7, 9, 101—103), Среднего Востока (8, 10—12), Центрального Китая (13—96, 104), юга КНР (97—100) III — начала II тысячелетия до н. э., бронза, кроме 13—15, 29 (камень); 21—42, 44, 49, 55—64, 67—74, 78—80, 82—91, 96 — тип «гэ»; 43, 45—48, 50—54, 65, 66, 81, 92—95 — тип «чо», или «куй».

1, 2, 101, 102) Ур, «царский» некрополь, середина — третья четверть III тысячелетия до н. э.; 3) Тепе-Гавра, последняя треть III тысячелетия до н. э.; 4, 5) Тиль-Барсиб, время то же; 6) Телль эль-Даб'а, Северо-Восточный Египет, гиксосский, XVIII — XVII вв. до н. э.; 7) Алалах, середина II тысячелетия до н. э.; 8) медь, Хураб, Макран, вторая половина II тысячелетия до н. э.; 9) Аккад, вторая половина III тысячелетия до н. э., Багдадский музей; 10—12) Луристан, конец III тысячелетия до н. э.; 13) культура Луншань, конец III тысячелетия до н. э.; 14, 15) культура Лянчжу, пров. Чжэцзян, вторая половина III — начало II тысячелетия до н. э.; 16—20) иньские пиктограммы, XIII — XII вв. до н. э.; 21) Эрлиган, р-н г. Чэньчжоу, пров. Хэнань, культура ранней Инь, XVI — XIV вв. до н. э.; 22, 23) Паньлунчэн, уезд Хуанпи, пров. Хэбэй, время то же; 24, 25) Эрлитоу, пров. Хэнань, XVII — XVI вв. до н. э.; 26) Ванцзинлоу, уезд Синьчжэн, пров. Хэнань, XVI — XV вв. до н. э.; 27) Тачжуан, уезд Яньши, пров. Хэнань, время то же; 28) Люлигэ, уезд Хунсянь, пров. Хэнань, XIII — XII вв. до н. э.; 29) Эрлитоу, конец III — начало II тысячелетия до н. э.; 30) Тайси, р-н г. Гаочэн, пров. Хэбэй, XV — XIV вв. до н. э.; 30а) Аньян, XIII — XII вв. до н. э.; 31, 34—36, 55—58, 60—62, 104) Инсю, Аньян, XIII — XII вв. до н. э.; 32, 33) погребение 5, Инсю (гробница царицы Фу Хао), Аньян, XIII в. до н. э.; 38, 63) Угуан, Аньян, XIII в. до н. э.; 39, 59, 70) Дасыкунцунь, Аньян, XIII — XII вв. до н. э.; 40, 52) уезд Гаочэн, пров. Хэбэй, XII — XI вв. до н. э.; 41) Аньян, время то же; 42) инкрустация бирюзой, Саньцзячэкуань, Аньян, XIII — XII вв. до н. э.; 43) Аньян, XII в. до н. э.; 44) XI в. до н. э., Гугун; 45—47) Инсю, Аньян, XII в. до н. э.; 48) Чжэнчжоу, пров. Хэнань, культура царства Инь, XII — XI вв. до н. э.; 49) Аньян, XIII — XII вв. до н. э.; 50) оттуда же, XII — XI вв. до н. э.; 51) Инь — Чжоу, XI в. до н. э., Музей восточноазиатского искусства, Кёльн; 53, 54) Чэнгу, пров. Шэньси, XII — XI вв. до н. э.; 64) Аньян, XII в. до н. э.; 65) Инь, XIII — XII вв. до н. э., собрание Ойморфопулоса; 66) Инь, время то же, Музей дальневосточных древностей, Стокгольм; 67) Аньян, Инь, XII в. до н. э., Гугун; 68) Инь, XII — XI вв. до н. э., бывшее собрание Болькен, Берлин; 69) Аньян, Инь, XII — XI вв. до н. э.; 71) север Центрального Китая, XII — XI вв. до н. э., галерея Фрир, Вашингтон; 72) оттуда же, время то же, собрание Хэйдт; 73) Юлинфу, пров. Шаньси, XII — XI вв. до н. э., Музей восточноазиатских древностей, Стокгольм; 74) север Центрального Китая, время то же, там же; 75, 76) подтоки чеканов, Инь, XIII — XII вв. до н. э., Гугун; 77) подток чекана, Инь, время то же, Лиюгэ, уезд Хуйсянь, пров. Хэнань; 78—87) Байцаопо, уезд Линтай, пров. Ганьсу, культура Западного Чжоу, первая половина X в. до н. э.; 88—90) Чжанцзяпо, уезд Чанъань, пров. Шэньси, эпоха и время те же; 91) р-н г. Лоян, пров. Хэнань, культура Западного Чжоу, X — VIII вв. до н. э.; 92) Чжуюаньгоу, р-н Баоцзи, пров. Шэньси, культура Западного Чжоу, X — IX вв. до н. э.; 93—95) уезд Пинсян, пров. Сычуань, культура Западного Чжоу, IX — VII вв. до н. э.; 96) инкрустация золотом, позолота, Западное Чжоу, X — IX вв. до н. э., Национальный музей восточного искусства, Рим; 97—100) Даин, уезд Наньань, пров. Фуцзянь, культура протоюэ, начало I тысячелетия до н. э.; 103) Арадум-Арада (Хирбет ад-Дунья), Месопотамия, XVII в. до н. э.

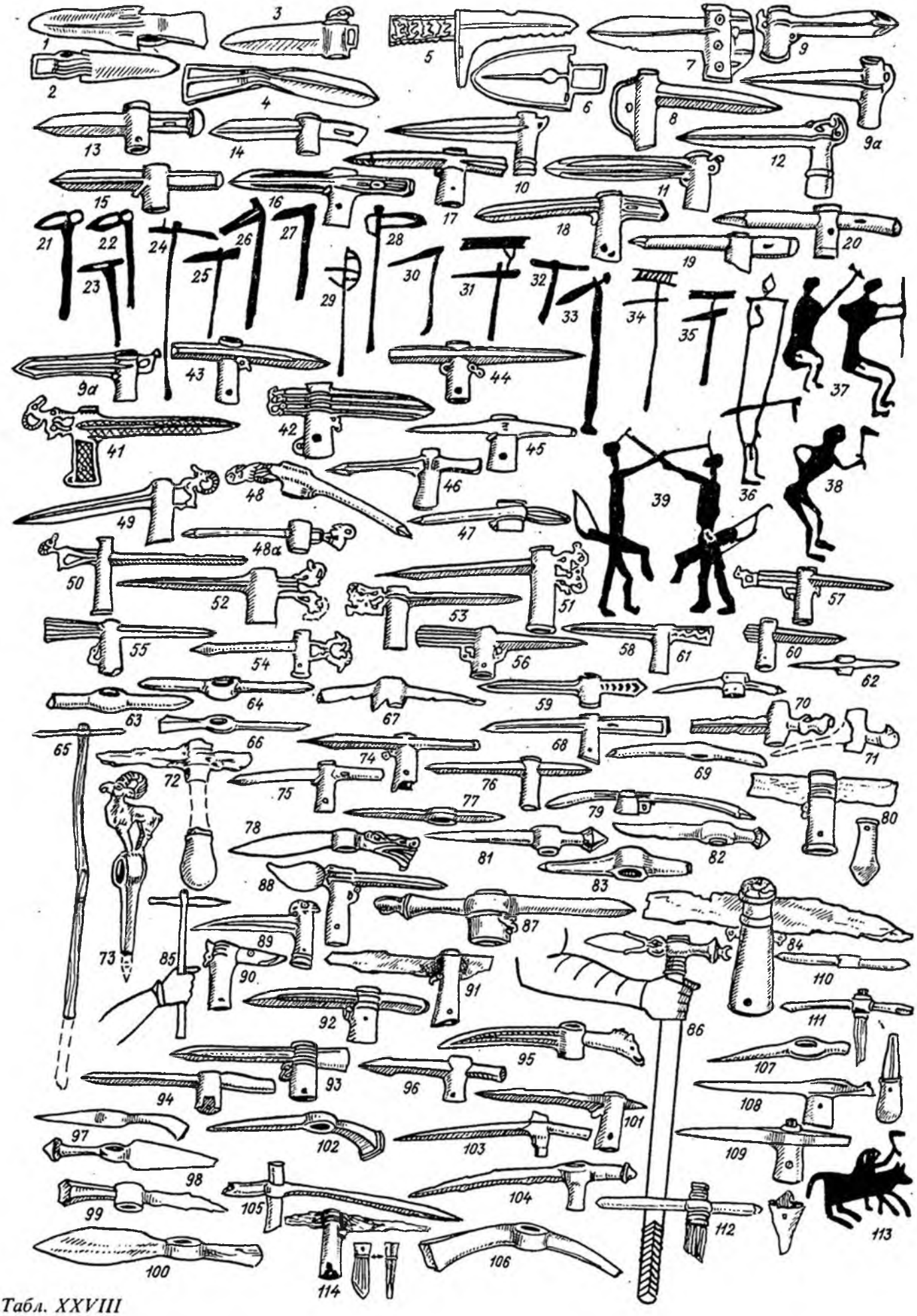


Табл. XXVIII

Таблица XXVIII. Чеканы севера КНР (1—7), Центральной Азии (8—37, 40, 71, 74—79, 108—113), Средней Азии (38, 39, 72, 73, 80—85, 114), Ирана, (86, 87), Уральско-Волжского региона (88—96), Кавказа (97—102), Северного Причерноморья (103—107); бронза — 1—20, 40—79, 88—90, 92—96, 108—112; железо — 80—84, 81, 97—107, 114; 1—4 — китайско-центральноазиатский тип; 5, 6 — китайский тип; 7 — центральноазиатский тип; 7—40 — «карасукская» культура; 41—62, 74—79, 108, 109 — тагарская культура; 68—73, 80—84, 114 — сакские чеканы; 88—95 — ананьинская культура; 97—105 — скифские чеканы; 106, 107 — «киммерийские» чеканы.

1) Цибодзи, р-н Пекина, начало I тысячелетия до н. э.; 2, 3) уезд Шилоу, пров. Шаньси, XII—XI вв. до н. э.; 4) Гаоцзоугоу, уезд Цинлу, пров. Хэбэй, XI—X вв. до н. э.; 5) аймак Чжаоуда, Внутренняя Монголия, VIII—VII вв. до н. э.; 6) Суйяньтянь, уезд Чжуанлан, пров. Ганьсу, культура Сыва, жуно-цяны, конец II — начало I тысячелетия до н. э.; 7) Байфу, р-н Пекина, XI—X вв. до н. э.; 8) р. Джида, Забайкалье, рубеж II—I тысячелетий до н. э.; 9, 9а) Томский могильник, первая половина — середина VII в. до н. э.; 10) Любино-Москальское, Тобольская губерния, VIII — первая половина VII в. до н. э.; 11) с. Усинское, Минусинский край, время то же; 12) Сибирь, время то же; 13) Агаскыр, Минусинская котловина, VIII в. до н. э.; 14) Узунжул, там же, время то же; 15) курган 5, улус Откнин, там же, время то же; 16) с. Лугавское, там же, VII в. до н. э.; 17) Минусинский округ, время то же; 18) р. Тесь, там же, время то же; 19) Монок, там же, время то же; 20) курган Аржан, Тува, середина VII в. до н. э.; 21—35) изображения чеканов на «оленных камнях», на правой стороне, «карасукская» культура, XII — начало VII в. до н. э. (21—29 — Западная Монголия, 30, 31 — Тува, 32—35 — Алтай): 21) камень 2, Жаргалант, 22) камень 6, там же, 23) камень 1, Пунца овоо, 24) камень 2, там же, 25) камень 1, Чулутын огтох, 26) Ховцалын ам, 27) Терхин цаган нур, 28) камень 23, Херексурын денж, 29) камень 6, Завхан Тельман сомон, 30) курган 2, могильник Саглы-Бажи VI, 31) Самалгатай, 32) Чуйский камень, 33) Юстыд, 34) там же, 35) Узунтал; 36—39) петроглифы Западной Монголии (36, 37) и Восточного Казахстана (38, 39): 36) долина р. Чулуут, конец II — начало I тысячелетия до н. э., 37) Ханын-хад, первая треть I тысячелетия до н. э., 38) долина Теректы, время то же, 39) Сыгыр, VIII — первая половина VII в. до н. э.; 40) Сибирь, X в. до н. э.; 41) р-н Красноярска, VII в. до н. э.; 42) Енисейский округ, верховье р. Пит, VII — VI вв. до н. э.; 43) погребение 2, курган 3, могильник у Подгорного озера, Красноярский край, время то же; 44) курган 1, с. Новоселово, там же, VI в. до н. э.; 45) с. Чумай, Томская область, VI—V вв. до н. э.; 46) Енисейская губерния, время то же; 47) Монок, время то же; 48) дер. Колмаково, Минусинский округ, VI в. до н. э.; 48а) дер. Коптырево, там же, время то же; 49) погребение 2, Большой курган, могильник Барсучиха 1, Красноярский край, V в. до н. э.; 50) там же, VI—IV вв. до н. э.; 51, 52) погребение 1, оградка 6, могильник Пристань 1 у с. Новоселово, V—IV вв. до н. э.; 53) Минусинский край, время то же; 54) Минусинский округ, время то же; 55) погребение 1, курган 12, могильник Тисуль, V в. до н. э.; 56) погребение 22, курган 7, там же, время то же; 57) курган 16, Серебряково, V—IV вв. до н. э.; 58) могильник Некрасово II, V в. до н. э.; 59, 61) Красноярский край, V—IV вв. до н. э.; 60) погребение 1, курган 2, Серебряково, время то же; 62) Тува, IV—III вв. до н. э.; 63) курган 3, могильник Саглы-Бажи II, Тува, IV—III вв. до н. э.; 64) курган 8, там же, время то же; 65) рукоять деревянная, уменьшенная модель, курган 1, там же, время то же; 66) курган 2, могильник Саглы-Бажи IV, время то же; 67) курган 3, могильник Даган-Тэли, время то же; 68) Катандинский курган, V—IV вв. до н. э.; 69) курган 1, могильник Аргут I, IV—III вв. до н. э.; 70, 71) Бадруддин-хан, близ г. Хотана, Восточный Туркестан, V—IV вв. до н. э.; 72) бронзовый подток, Киргизия, V—IV вв. до н. э.; 73) Боровое, Северный Казахстан, V в. до н. э.; 74—79) Минусинская котловина, V в. до н. э.; 80) втулка и бронзовый подток, курган 84, могильник Уйгарак, Приаралье, вторая половина VII — начало VI в. до н. э.; 81, 83) курган 31, могильник Тегермансу I, Памир, V в. до н. э.; 82) курган 11, могильник Тегермансу II, там же, время то же; 84) серебряная втулка, вторая половина VII — начало VI в. до н. э., музей Метрополитен; 85) чекан согдийца, рельеф ападаны в Персеполе, первая четверть V в. до н. э.; 86) чекан перса — царского оруженосца, там же, время то же; 87) из тронного зала, Персеполь, первая половина V в. до н. э.; 88) могильник Рёлка, Урал, VII—VI вв. до н. э.; 89) Урал, время то же; 90, 93) Ананьевский могильник, VI в. до н. э.; 91) бронзовая втулка, сакский импорт (?), вторая половина VII — начало VI в. до н. э., там же; 92, 95) могильник Рёлка, VI в. до н. э.; 94) Зуевский могильник, VI—V вв. до н. э.; 96) с. Красный Яр, Самарский уезд, VI—V вв. до н. э.; 97) могильник Брили; 98) погребение 11, могильник Двани, Грузия, вторая половина VII—VI в. до н. э.; 99) Мусиери, Армения, время то же; 100) погребение 258, Тлийский могильник, Южная Осетия, Центральный Кавказ, вторая половина VII в. до н. э.; 101) бронзовая втулка, Перкельский могильник, близ г. Минеральные Воды, рубеж VII—VI вв. до н. э.; 102) могильник у пос. Каррас, близ г. Пятигорска, вторая половина VII в. до н. э.; 103) курган 1 у с. Волковцы, IV в. до н. э.; 104) курган близ Шполы, V—IV вв. до н. э.; 105) Мелитопольский курган, IV в. до н. э.; 106) курган 2 у с. Красный Подол, Херсонщина, первая половина IV в. до н. э.; 107) Старая Яблонка, Хвалынский уезд, Саратовская губерния, VIII—VII вв. до н. э.; 108) погребение 2, курган 6, могильник Тепсей IX, Минусинская котловина, VI в. до н. э.; 109) погребение 1, ограда 5, могильник Тепсей VIII, V в. до н. э.; 110—112) погребение 1, 33, 16, могильник Улангом, Северо-Западная Монголия, V—III вв. до н. э.; 113) петроглиф «Кавказская писаница», с. Туба, Минусинская котловина, IV—III вв. до н. э.; 114) бронзовая втулка и подток, Имирлер, север Центральной Анатолии, вторая половина VII в. до н. э.

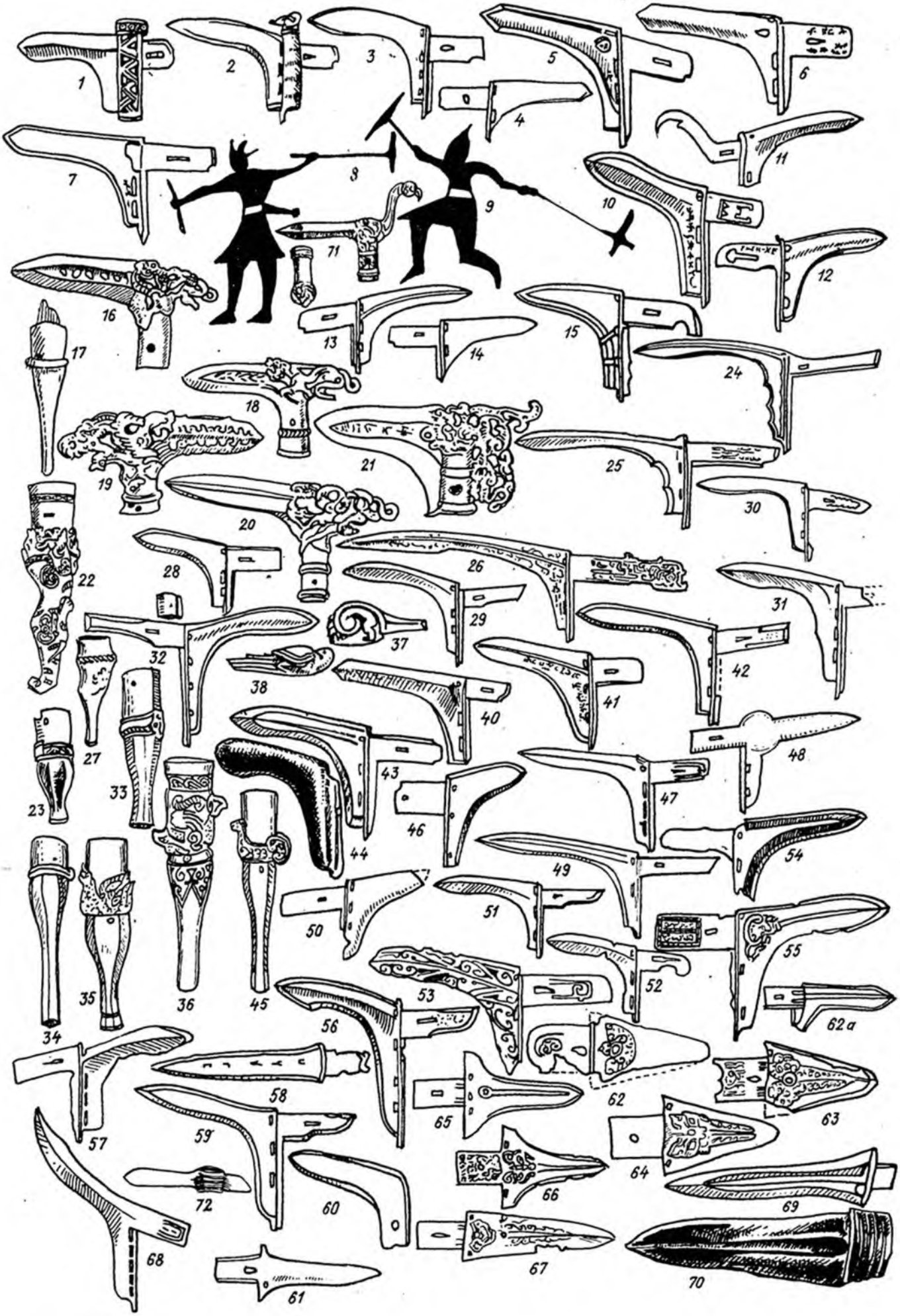


Табл. XXIX

Таблица XXIX. Чеканы «гэ» Китая (Великая Китайская равнина — 1—20, 23—32, 56, 57, 59, 60, 71; 21, 22, 33—55 — царства Чу и У; 61—67, 72 — «царства» Шу и Ба), северо-запада ЮВА (68), «ква» Кореи (69, 70) VII—III вв. до н. э., бронза.

1—3) VIII—VII вв. до н. э., музей Гугун, Пекин; 4, 5) погребение 1721, могильник Шаньцуньлинь, культура царства Го, вторая половина VIII — первая половина VII в. до н. э.; 6) погребение 1052, там же, время то же; 7) Линьтай, пров. Ганьсу, VII в. до н. э.; 8, 9) детали изображения на бронзовом сосуде «ху» из г. Чэнду, пров. Сычуань (циньская работа?), VI—V вв. до н. э.; 10) Лиян, пров. Хэнань, V в. до н. э.; 11) пров. Хэбэй, V—IV вв. до н. э.; 12) Центральный Китай, V—IV вв. до н. э., Генуя, Музей искусства Востока Е. Чьоссоне; 13, 14) Шаньмацунь, близ г. Хоума, пров. Шаньси, V в. до н. э.; 15) погребение 2729, могильник Чжунчжоулу, близ г. Лоян, V—IV вв. до н. э.; 16, 17) погребение 2719, там же, V в. до н. э.; 18) пров. Шаньси, V в. до н. э.; 19) золотая инкрустация, уезд Хуйсянь, пров. Хэнань, V в. до н. э., культура царства Чжао; 20) Юлинфу, пров. Шэньси, время то же, культура царства Чжуншань; 21) с надписью на клинке «Ши Чу, ван (царь) Хань (владение царства У на территории пров. Цзянсу), сделано для высочайшего употребления», первая четверть V в. до н. э., цзэнская (?) работа; 22) подток «цун», культура царства Чу, V—IV вв. до н. э.; 23) то же, серебряная инкрустация, время то же, Гугун; 24) IV—III вв. до н. э., там же; 25) время то же, Музей изящных искусств, Бостон; 26) золотая инкрустация, время то же, Британский музей; 27) подток «цун», погребение 2719, могильник Чжунчжоулу, V в. до н. э.; 28, 29) погребение 53, могильник Фэншуйлин близ г. Чанчжэн, пров. Шаньси, IV—III вв. до н. э.; 30, 31) городище в Синьчжане (древний г. Чжанчао), время то же; 32) погребение 44, городище столицы Сяду, р-н Пекина, культура царства Янь, конец IV—III вв. до н. э.; 33, 34) подтоки «цун», V—IV вв. до н. э., галерея Фрир, Вашингтон; 35, 36) то же, погребение 53, г. Чанша, пров. Хунань, культура царства Чу, V—IV вв. до н. э.; 37, 38) навершия чеканов, оттуда же, время то же; 40) уезд Чунь, пров. Цзянсу, культура царства Чу, VII—VI вв. до н. э.; 41, 42) погребения 10 и 5, могильник Паймашань, уезд Чанлин, пров. Хубэй, культура царства Чу, IV—III вв. до н. э.; 43—45) чекан «гэ», подток «цун», и ножны из лакированного дерева, погребение 53, Янчэн, пров. Хубэй, культура царства Чу, V—IV вв. до н. э.; 46) Цэнцяо, уезд Люхэ, пров. Цзянсу, культура царства Чу, IV—III вв. до н. э.; 47) уезд Люхэ, пров. Цзянсу, культура царства Чу, первая четверть V в. до н. э.; 48) г. Чанша, пров. Хунань, культура царства Чу, время то же; 49) Тайхуйгуань, уезд Чанлин, пров. Хубэй, культура царства Чу, IV в. до н. э.; 50, 52) г. Чанша, V в. до н. э.; 51) оттуда же, V в. до н. э.; 53—55) Чу, V—IV вв. до н. э.; 56) Фулинь, пров. Сычуань, IV—III вв. до н. э.; циньская работа; 57) уезд Кунчэн, пров. Гуанси, IV—III вв. до н. э., северный импорт; 58) Дэчин, пров. Гуандун, культура царства Юэ, V—IV вв. до н. э.; 59) Иньшаньлинь, уезд Пиньло, пров. Гуанси, IV—III вв. до н. э., северный импорт; 60) оттуда же, время то же, юэская работа; 61) уезд Шимянь, пров. Сычуань, культура «царства» Шу-Ба, IV—III вв. до н. э.; 62) «куй» («чо»), погребение 172, Яньцзышань, г. Чэнду, пров. Сычуань, IV—III вв. до н. э., культура царств Цинь, или Шу-Ба; 62а) «гэ»; 63—67) «куй» (чо»), погребение на западной окраине г. Чэнду, пров. Сычуань, время то же, культура Шу-Ба; 68) Нюйвой, пров. Куангнинь, Северный Вьетнам, IV—III вв. до н. э., восточный импорт; 69, 70) «ква» и ножны из дерева под черным лаком, Северная Корея, IV—III вв. до н. э., Центральный исторический музей, Пхеньян; 71) Пекин, культура царства Янь, V в. до н. э.; 72) погребение 13, могильник Цюйюань, близ г. Баоцзи, пров. Сычуань, «царство» Шу, V—IV вв. до н. э.

Табл. XXX

Таблица XXX. Булавы Палестины (1—13, 89—91), Месопотамии (14—17, 45—52, 57, 60—64, 68, 69, 86, 87, 102), Египта (18—44, 73—81), Сирии (66, 67, 103), Элама (53—56, 58, 59, 82—85), Анатолии (70—72, 88), Индии (92), Восточного Ирана (93—95), Средней Азии (96—98), Кавказа (99—101) IV — начала II тысячелетия до н. э.; медь — 1—13; бронза — 57—61, 82—85, 92—95, 103; золото — 72; камень — 14—16, 25—36а, 43—46, 48, 49, 51—56, 67—71, 89—91, 96—101; кость — 43.

1) Беершеба (Телль Абу Матар), середина IV тысячелетия до н. э.; 2—12) клад в Нахал Мишмар, конец IV тысячелетия до н. э.; 13) клад в Кфар Монаш, время то же; 14) Нгирсу (Телло), время то же; 15, 16) Джемдет-Наср, время то же; 17) глиняная модель, Нгирсу, время то же; 18—23) детали изображения на плакетке «охотников на львов», вторая половина IV тысячелетия до н. э.; 24) глиняная модель, Эль-Амра, время то же; 25—36) Иераконполь, Негада, Абу-Сир, время то же; 36а) время то же, музей Метрополитен; 37) деталь изображения на костяной рукояти ножа из Джебель эль-Арака, конец IV тысячелетия до н. э.; 38, 39) иероглифы «сражаться», начало и конец Древнего царства, III тысячелетие до н. э.; 40) булава фараона, деталь изображения на «палетке Нармера», I династия, первая четверть III тысячелетия до н. э.; 41) булава фараона, деталь изображения на костяной пластинке из Абидоса, Древнее царство, вторая четверть III тысячелетия до н. э.; 42) парадная булава из Иераконполя, додинастический Египет, рубеж IV — III тысячелетий до н. э.; 43) ритуальная булава фараона Скорпиона, время то же; 44) парадная булава фараона Нармера, начало III тысячелетия до н. э.; 45, 46) Телль-Аграб, вторая четверть III тысячелетия до н. э.; 47) булава божества, деталь изображения на «Стеле коршунов» Эанатума, Нгирсу, середина III тысячелетия до н. э.; 48) мрамор, вторая четверть III тысячелетия до н. э.; 49) булава Эанатума, Нгирсу, середина III тысячелетия до н. э.; 50) скипетр владетеля, увенчанный булавой, деталь изображения на алебастровой табличке, Нгирсу, конец первой четверти III тысячелетия до н. э.; 51) известняк, Сиппар, конец IV тысячелетия до н. э.; 52) булава Месилима, Нгирсу, вторая четверть III тысячелетия до н. э.; 53—56) Сузы, рубеж IV — III тысячелетий до н. э.; 57) Ур, «царский» некрополь, середина III тысячелетия до н. э.; 58, 59) Сузы, середина — вторая половина III тысячелетия до н. э.; 60) булава с именем царя Нарам-Суэна Аккадского около 2236—2220 гг. до н. э., из Луристана; 61) Аккад, последняя треть III тысячелетия до н. э., из Чанхударо, Индостан; 62—64) булавы царей и богов, детали изображения, на печатях эпохи Саргонидов, XXIV — XXII вв. до н. э. (63 — печать с изображением царя Саргона); 66) деталь скульптуры царя, Телль-Халаф, вторая половина III тысячелетия до н. э.; 67) рукоять деревянная, отделана слоновой костью, золотом, серебром, дворец в Эбле (Телль-Мардих), XXIII в. до н. э.; 68) булава с именем правителя Гудеи, XXI в. до н. э.; 69) Шумер, кутийская эпоха, XXII — XXI вв. до н. э.; 70, 71) рукояти деревянные, обложены золотом (№ 70) и серебром (№ 71), Дорак, Западная Анатолия, третья четверть III тысячелетия до н. э.; 72) «царское» погребение, Аладжа-Хююк, около XXIII в. до н. э.; 73, 74) булавы в сочетании с клинками (пишутся тем же иероглифом, как и обычные булавы, но с детерминативом «нож»), детали изображения на стенных росписях гробниц Среднего царства, последняя четверть III тысячелетия до н. э.; 75) булава вельможи фараона Птахотепа (I), деталь настенной росписи, Древнее царство, V династия, середина III тысячелетия до н. э.; 76—81) детали росписей времени Среднего царства, XII династия, XX — XVIII вв. до н. э. (76 — иероглиф «булава»); 82—85) Месопотамия или Элам, конец III — начало II тысячелетия до н. э., из Луристана; 86) царь или царевич, деталь стенной росписи дворца Зимри-Лима, Мари, XVIII в. до н. э.; 87) божество войны, деталь изображения на ассирийской печати, около 1800 г. до н. э.; 88) царь или божество, деталь изображения на глиняной табличке, Каниш (Кюль-тепе), Анатолия, XVIII — XVII вв. до н. э.; 89—91) Мегиддо, XVIII — XVI вв. до н. э.; 92) Чанхударо, Индостан, конец III — начало II тысячелетия до н. э.; 93) Тепе-Хиссар, слой III, конец III тысячелетия до н. э.; 94, 95) погребение 40, могильник Пархай II, Туркмения, начало II тысячелетия до н. э.; 96, 97) Кара-депе, Южная Туркмения, вторая половина III тысячелетия до н. э.; 99, 101) городище Кюль-тепе I, Нахичеванская АССР, конец IV — начало III тысячелетия до н. э.; 100) Имирис-гора, Грузия, время то же; 102) деталь изображения на «штандарте» из Ура, середина III тысячелетия до н. э.; 103) деталь статуэтки бога-воина, Телль эль-Джудейде, первая половина III тысячелетия до н. э.

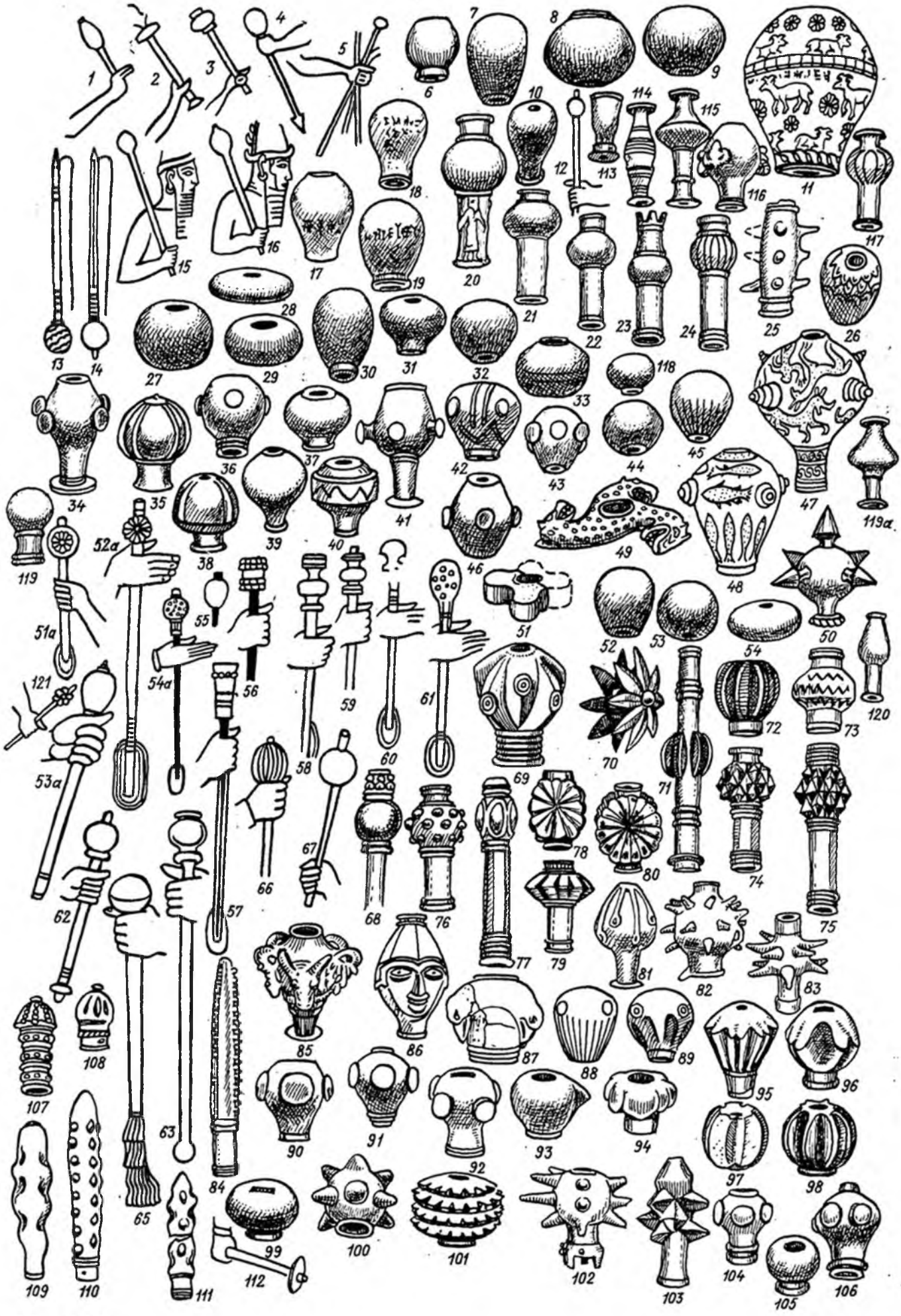


Табл. XXXI

Таблица XXXI. Булавы Месопотамии и Северной Сирии (1—12, 51а—71, 121), Египта (13, 14), Малой Азии (15, 16), Элама и Западного Ирана (17—24, 72—89), Восточного Ирана и Средней Азии (25, 26, 51—54, 113—120), Кавказа 27—50, 90—112) середины II — первой трети I тысячелетия до н. э.; камень — 6—9, 11, 26, 27—32, 37, 43—46, 51—54, 87, 97, 118; бронза — 10, 17—25, 33—36, 38—42, 47—50, 72—86, 88—96, 98—111, 113—117, 119—120 (84, 107—111 — может быть, подтоки древков копий).

1—5) булавы божеств, изображения на северомесопотамско-сирийских хурритских печатях, середина II тысячелетия до н. э.; 6—9) Ур, середина — третья четверть II тысячелетия до н. э.; 10) Ашшур, время то же; 11) Дур-Куригальзу (Акаркуф), XIV — XII вв. до н. э.; 12) деталь изображения на костяной пластинке, Угарит (Рас-Шамра), XIV в. до н. э.; 13, 14) булавы из «оружейной палаты» фараона, детали настенной росписи гробницы Кенамона, Фивы, XV вв. до н. э.; 15, 16) булавы богов, детали рельефа в Язылыкая, XIII в. до н. э.; 17—19) Дур-Унташ (Чога-Замбиль), XIV — XIII вв. до н. э.; 20) Сузы, время то же; 21—24) Элам, время то же, из Луристана; 25, 113—117) Афганистан, около середины II тыс. до н. э.; 26, 118) оттуда же, время то же; 27, 30) Эчмиадзин, Армения, II тысячелетие до н. э.; 28, 29) Шенгавит, Армения, вторая половина II тысячелетия до н. э.; 31, 32) Карабах, первая половина II тысячелетия до н. э.; 33) Кызылванк, Нахичеванская АССР, середина II тысячелетия до н. э.; 34, 35) погребение 43, Тлийский могильник, Южная Осетия, вторая четверть II тысячелетия до н. э.; 36) погребение 56, оттуда же, время то же; 37—41) оттуда же, время то же; 42) погребение 6, Квасатальский могильник, Южная Осетия, XIV — XI вв. до н. э.; 43—45) Северная Осетия, середина — вторая половина II тысячелетия до н. э.; 46) Тлийский могильник, около 1000 г. до н. э.; 47—49) оттуда же, время то же; 50) Ростовский музей краеведения, вторая половина II тысячелетия до н. э.; 51, 53, 54) Чуст, Фергана, XI — X вв. до н. э.; 51а) царская булава; 52) булава пешего лучника, детали рельефа дворца ассирийского царя Ашшурнацирапала II (883—859 гг. до н. э.) в Кальху (Нимруде); 52а) булава царского телохранителя, деталь рельефа, Ассирия, IX в. до н. э., музей Метрополитен, Нью-Йорк; 53а) Булава ассирийского царя Асархаддона (680—669 гг. до н. э.), деталь стелы из Сам'аля (Зинджирли); 54а—61) детали росписей стен дворца ассирийского наместника, Тиль-Барсиб (Телль-Ахмар), VIII в. до н. э.; 62) царская булава, деталь рельефа на алтаре ассирийского царя Тукульти-Нинурты I (1244—1208 гг. до н. э.); Ашшур (Кала'ат-Шеркат); 63) царская булава, деталь рельефа стелы ассирийского царя Ашшурнацирапала II (883—859 гг. до н. э.), Кальху; 65) царская булава, деталь статуи ассирийского царя Салманасара III (858—824 гг. до н. э.), Ашшур; 66) деталь рельефа дворца ассирийского царя Синаххериба (около 680 г. до н. э.), Ниневия (Куюнджик); 67) булава божества, деталь рельефа из Гузаны (Телль-Халаф), начало I тысячелетия до н. э.; 68) деталь рельефа из дворца ассирийского царя Саргона II (721—705 гг. до н. э.), Дур-Шаррукин (Хорсабад); 69) Борсиппа, начало I тысячелетия до н. э.; 70, 71) Сам'аль, IX — VIII вв. до н. э.; 72—82, 84, 85, 88, 89) Луристан, первая четверть I тысячелетия до н. э.; 83) с надписью, содержащей имя бога Нергала, X — IX вв. до н. э.; 86) Амлаш, время то же; 87) Зивие, VII в. до н. э.; 90) Артик, Армения, конец II — начало I тысячелетия до н. э.; 91, 95, 96) Лчашен, Армения, время то же; 92) Алаверди, Армения, IX — VIII вв. до н. э.; 93) Степанаван, Армения, время то же; 94) Адиаман, Армения, время то же; 97) Государственный музей Армении, конец II — начало I тысячелетия до н. э.; 98) Астхадзор, Армения, начало I тысячелетия до н. э.; 99) Камо, Армения, конец II тысячелетия до н. э.; 100) оттуда же, конец II тысячелетия до н. э.; 101) Базмаберд, Армения, время то же; 102) курган у с. Молла Могеррамлы, АзерССР, X — IX вв. до н. э.; 103) Доланлар, АзерССР, VII — VI вв. до н. э.; 104—106) Бешташени — Сафар-Хароба, Грузия, конец II — начало I тысячелетия до н. э.; 107, 108) Качаган, Армения, XI — X вв. до н. э.; 109, 110) Баллукая, Армения, время то же; 111) Лцен, Армения, время то же; 112) булава бога Тейшебы, деталь статуэтки, Тейшебаини (Кармир-Блур), Урарту, VIII — VI вв. до н. э.; 119) погребение 1, Мачарцкальский могильник, Грузия, XVI — XV вв. до н. э.; 119а, 120) городище Сапаллитепа, Южный Узбекистан, около середины II тысячелетия до н. э.; 121) деталь рельефа из Зинджирли (Сам'аль), IX в. до н. э., Стамбул, Музей древнего Востока.

Табл. XXXII

Таблица XXXII. Булавы (1—37, 73) степной зоны Евразии III — I тысячелетий до н. э. (1—18), Средней Азии (73), Китая IV — начала I тысячелетия до н. э. (19—29), Дальнего Востока первой половины — середины I тысячелетия до н. э. (30—37); камень — 1, 3—11, 13, 19, 20, 23, 24, 30—38; бронза — 14, 15, 17, 18, 25—29; серебро — 12; свинец — 16; рог — 22. Боевые молоты (38—52, 72, 74, 75, 85); камень — 42—48, 72, 85; медь — 41; бронза — 49, 51, 52, 74. Боевые дубинки и бумеранги (53—71, 76—84) Египта (55—70, 76—83), Палестины (53, 54, 84), Сирии — Месопотамии (71) первой половины — середины II тысячелетия до н. э.; дерево (56—62).

1) курган 3, Утамыш, Северо-Восточный Дагестан, конец III тысячелетия до н. э.; 2) деталь изображения на каменной стеле, с. Керносовка, Крым, первая треть II тысячелетия до н. э.; 3—6) днепро-азовская катакомбная культура [3) Сватово, 4) Подгородне, 5) Ворошиловград, 6) Каланчак], первая половина II тысячелетия до н. э.; 7) курган 4, могильник Кулевчи II, Южное Зауралье, алакульская культура, середина II тысячелетия до н. э.; 8, 9) срубная культура Волгодонского междуречья [8) погребение 3, курган 1, могильник Ерзовка III, 9) погребение 1, курган 1, могильник Ерзовка V], вторая половина II тысячелетия до н. э.; 10) пос. Мало-Красноярский, Восточный Казахстан, конец II — начало I тысячелетия до н. э.; 11) Аблайкит, там же, время то же; 12) подток бронзовый, рукоять деревянная, длина около 50 см, погребение 15, могильник I на Мебельной фабрике, Кисловодск, первая половина VIII — первая половина VII в. до н. э.; 13) Луговое, Крым, VIII — начало VII в. до н. э.; 14) рукоять деревянная, длина около 40 см, курган 25, могильник Уйгарак, Приаралье, вторая половина VII в. до н. э.; 15) курган Солоха, первая половина IV в. до н. э.; 16) подток бронзовый, курган 2, у с. Красный Подол, Херсонщина, первая половина IV в. до н. э.; 17) подток, курган Толстая могила, время то же; 18) Даохунбала, Внутренняя Монголия, середина I тысячелетия до н. э.; 19, 20) р-н г. Шэньян, пров. Ляонин, IV тысячелетие до н. э.; 21, 22) Лянхуатай, р-н Янцзин, пров. Ганьсу, середина — вторая половина II тысячелетия до н. э.; 23) Хуаннянтай, уезд Увэй, пров. Ганьсу, время то же; 24) поселение Цзичжэнлинь, уезд Нинчэн, пров. Хэйлунцзян, III тысячелетие до н. э.; 25) эпоха Инь, XIII — XI вв. до н. э.; собрание Д. Вейль, Нюиль-сюр-Сэн; 26) эпоха раннего Чжоу, XI — X вв. до н. э.; 27, 28) эпоха Западного Чжоу, X — IX вв. до н. э.; 29) погребение «бо» Чжуна, Байцзя, уезд Фуфэн, пров. Шэньси, рубеж третьей и четвертой четверти X в. до н. э.; 30—36) Корея, первая половина I тысячелетия до н. э.; 37) Приамурье, польцевская культура, середина I тысячелетия до н. э.; 38, 39) детали изображения на «палетке львиной охоты», Египет, конец IV тысячелетия до н. э.; 40) деталь изображения на хуррито-митаннийской печати, середина II тысячелетия до н. э.; 41) Увак, Башкирия, последняя треть II — начало I тысячелетия до н. э.; 42) погребение 2, Байфу, р-н Пекина, XI — X вв. до н. э.; 43—50) «киммерийские» молоты VIII — первой половины VII в. до н. э.: 43) Зеленый Яр, Крым, 44) р-н Днепрогэса, 45) Комбурмовка, Кировоградской области, 46—49) погребения 4, 5, 11, 17, 28, могильник I на Мебельной фабрике, Кисловодск, 50) деталь изображения на стеле из Новомордово, Среднее Поволжье, VIII — первая половина VII в. до н. э.; 51) курган 18, могильник Уйгарак, Приаралье, вторая половина VII — начало VI в. до н. э.; 52) курган 15, могильник Шанчыг, Тува, время то же; 53, 54) дубинки азиатских семитских наемников, деталь росписи гробницы в Бени-Хасане, Египет, XII династия, около 1900 г. до н. э.; 55) дубинки (бичи с утяжелителями) египетского воина, оттуда же, время то же; 56—58) дубинки, Египет, конец Среднего царства, начало II тысячелетия до н. э., музей Метрополитен; 59—62) бумеранги, Египет, время то же, там же; 63—65) дубинки лучников, детали рельефа из Дер эль-Бахри, начало XV в. до н. э.; 66) дубинка лучника Рамсеса II, деталь рельефа с изображением битвы при Кадеше, XIII в. до н. э.; 67) дубинка или бумеранг копейщика, деталь росписи гробницы Небамона, вторая половина XV в. до н. э.; 68, 69) дубинки с бронзовыми оковками (?), деталь росписи с изображением «оружейной палаты» фараона, гробница Рамсеса III, XII в. до н. э.; 70) фехтовальщики на дубинках, рисунок на черепке, XIV в. до н. э., Каирский музей; 71) деталь изображения на хурритской печати, север Сирии — Месопотамии, середина II тысячелетия до н. э.; 72) курган 94, могильник Тигровая балка, Южный Таджикистан, середина — вторая половина II тысячелетия до н. э.; 73) Улуг-депе, Южная Туркмения, вторая четверть II тысячелетия до н. э.; 74) с. Ругуджа, Дагестан, первая половина II тысячелетия до н. э.; 75) деталь изображения на золотой пластинке из Амударьинского клада, Иран, V в. до н. э.; 76—79, 84) дубинки египетских воинов, детали изображения на стенках гробницы в Бени-Хасане, около 1900 г. до н. э.; 80) деталь росписи гробницы в Иераконполе, конец IV тысячелетия до н. э.; 81, 83) деталь росписи гробницы Кенамона, Фивы, XV в. до н. э.; 82) деталь рельефа из Мединет-Абу, XII в. до н. э.; 85) культура кайюэ, погребение в Дахуацзонцзуань, уезд Хуангуан, пров. Цинхай, рубеж II — I тысячелетий до н. э.

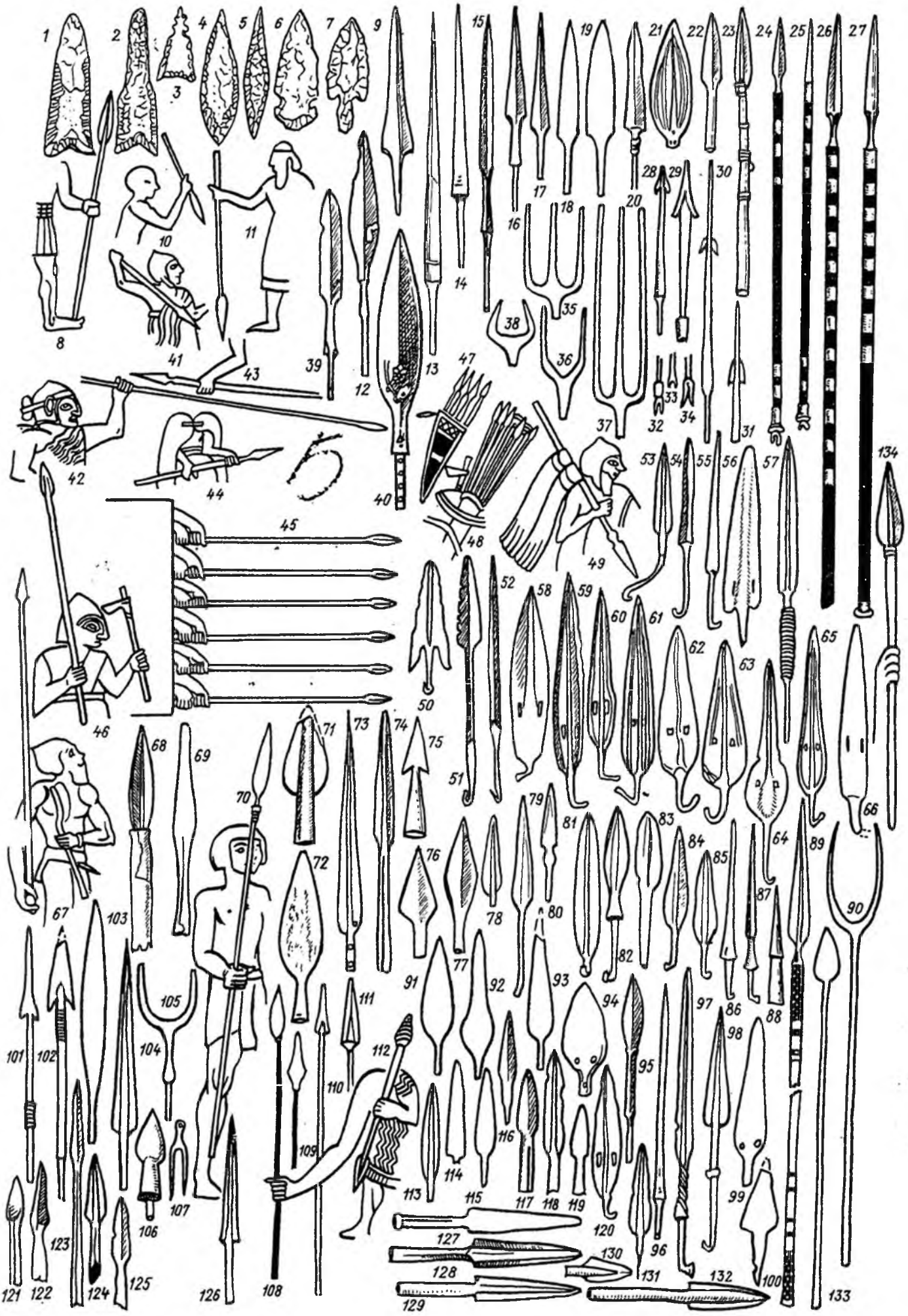


Табл. XXXIII

Таблица XXXIII. Копья, дротики и боевые вилы Египта (1—8, 68—75), Сирии-Палестины (9, 50—52, 59, 108—111, 112—132), Месопотамии (10—49, 67, 101—107, 133), севера Сирии — Месопотамии (53—58, 134), Малой Азии (60—66), Элама (76—80), северо-востока Ирана (81—90), Северо-Западного Индостана (91—94), Западного Ирана (95—100) IV — начала II тысячелетия до н. э.; камень — 1—7; медь — 8, 50, 68, 69, 91, 94, 99, 100; железо — 72; бронза — остальное.

1, 2) Негада, вторая половина IV тысячелетия до н. э.; 3) из гробницы фараона Джера, I династия, начало III тысячелетия до н. э.; 4—7) Египет, конец IV тысячелетия до н. э.; 8) деталь изображения на «палетке львиной охоты», конец IV тысячелетия до н. э.; 9) бронза (медь?), Кфар Монаш, Палестина, время то же; 10, 11) изображение на печати, Шумер, около 2800 г. до н. э.; 12—34) бронзовые, золотые и серебряные наконечники, обивки древков и подтоки копий (12—23, 26, 27) и дротиков (24, 25, 28—34), Ур, «царский» некрополь, середина III тысячелетия до н. э.; 35—38) оттуда же, время то же; 39) Киш, время то же; 40) с именем Урлугаля, царя Урука, Нгирсу (Телло), время то же; 41—49) использование копий и дротиков в Месопотамии, середина III тысячелетия до н. э.: 41, 42) колесничные бойцы, 43) щитоносец, 44, 45) бойцы фаланги, 46) боец, сражающийся обеими руками, 47, 48) дротики в колчанах колесниц, 49) копье-«трофей» с привязанным к древку шарфом — одеждой пленного (41, 44, 47 — перламутровые инкрустации «штандарта» из Ура; 42, 45, 46, 48 — детали «Стелы коршунов» Эанатума, Нгирсу; 43, 44 — гравировки на перламутре, Мари); 50) Телль эль-Хеси, Палестина, XXVI — XXIII вв. до н. э.; 51, 52) оттуда же, вторая половина III — начало II тысячелетия до н. э.; 53—58) Тиль-Барсиб, последняя четверть III тысячелетия до н. э.; 59) Угарит (Рас-Шамра), рубеж III — II тысячелетий до н. э.; 60) Аладжа-Хююк, Анатолия, около XXIII в. до н. э.; 61—65) Хороз-тепе, Анатолия, время то же; 66) с надписью протохеттского царя Анитты, Каниш (Кюль-тепе), Анатолия, около 1800 г. до н. э.; 67) деталь изображения на стеле аккадского царя Нарам-Суэна, из Суз, вторая половина XXIII в. до н. э.; 68) Тархан, рубеж IV — III тысячелетий до н. э.; 69) Египет, время то же, Берлинский государственный музей; 70) копейщик, деревянная статуэтка, из гробницы номарха Сиута Месехти, Среднее царство, X династия, около XXII в. до н. э.; 71) Египет, XII династия, XX — XIX вв. до н. э.; 72) крепость Бухен, XII династия, время то же; 73, 74) Сиут, XIX — XVIII вв. до н. э.; 75) Бени-Хасан, время то же; 76—80) Сузы, середина III тысячелетия до н. э.; 81, 87) Тепе-Хиссар, слой III B, рубеж III—II тысячелетий до н. э.; 82—86, 88—90) там же, слой III C, первая треть II тысячелетия до н. э. [89) древко оковано бронзой и серебром]; 91, 92) Чанхударо, последняя четверть III — начало II тысячелетия до н. э.; 93, 94) Мохенджодаро, время то же; 95) Тепе-Гиян, слой IV, конец III — начало II тысячелетия до н. э.; 96—98) Луристан, время то же; 99, 100) Гёй-Тепе, начало II тысячелетия до н. э.; 101—107) Ур, XIX — XVIII вв. до н. э.; 108—111) короткие копья азиатских наемников-семитов, детали росписи гробницы Бени-Хасан, XX — XIX вв. до н. э.; 112) деталь рельефа на ритуальном бассейне, Эбла (Телль-Мардих), около 1800 г. до н. э.; 113—116) наконечники дротиков, Газа (Телль эль-Аджжуль), XVIII — XVII вв. до н. э.; 117—120) Мегиддо, время то же; 121—125) Библ, клад, XX — XIX вв. до н. э.; 126) Хама, XIX — XVIII вв. до н. э.; 127, 128) Угарит, XVII — XVI вв. до н. э.; 129—131) оттуда же, XIX — XVIII вв. до н. э.; 132) Баркай, Палестина, время то же; 133) одно из копий, фланкирующих вход в храм, деталь изображения фасада храма на глиняной плакетке, Ниппур, XIX — XVII вв. до н. э.; 134) деталь бронзовой статуэтки бога-воина, Телль эль-Джудейде, первая половина III тысячелетия до н. э.

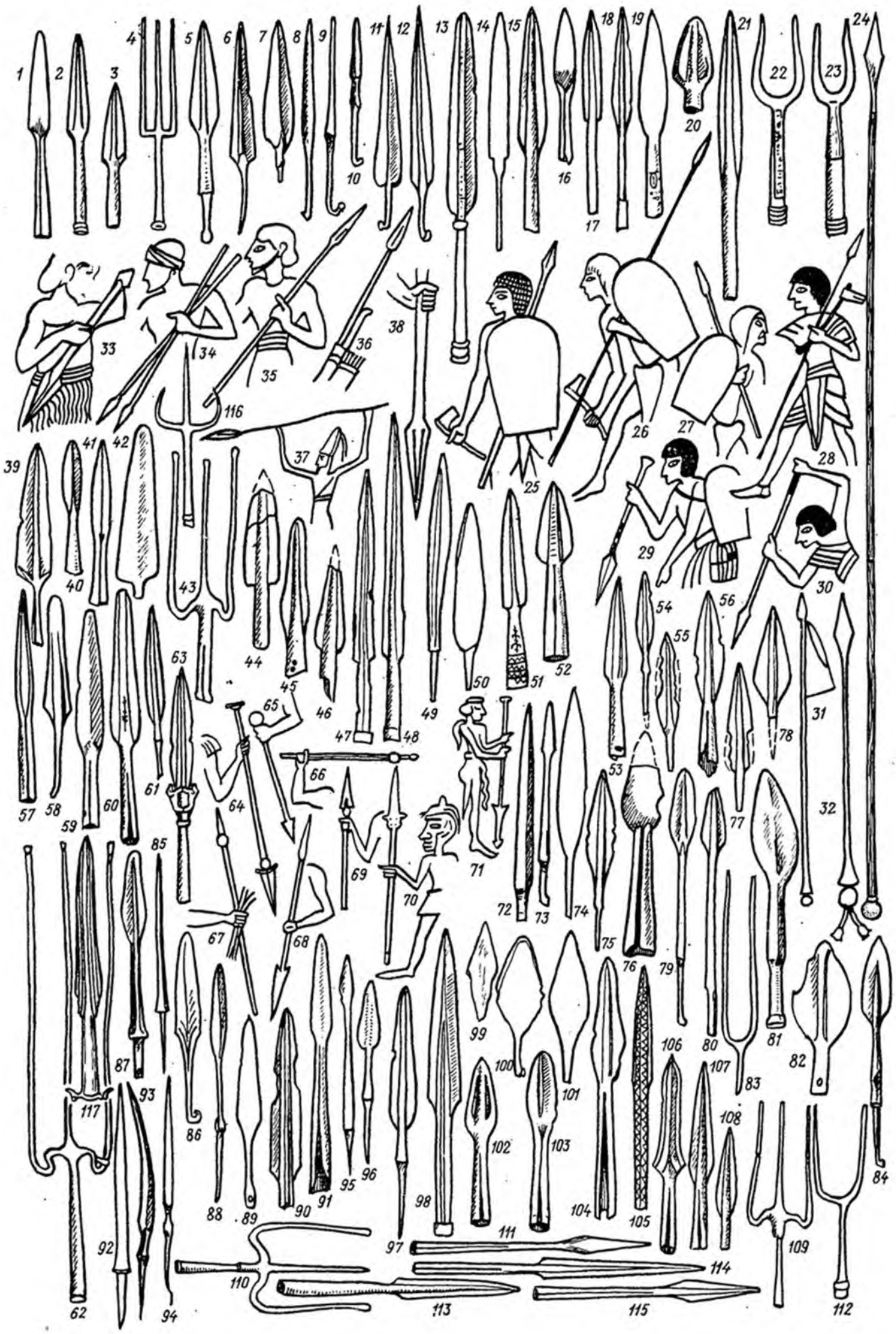


Табл. XXXIV

Таблица XXXIV. Копья, дротики и боевые вилы Малой Азии (1—10, 75, 76), Кипра (11, 12), Египта (13—32), Сирии-Палестины (33—63, 116, 117), Месопотамии и Северной Сирии (6—74), Элама (77, 78), Бактрии (79—83), Средней Азии (84) II тысячелетия до н. э., Кавказа (85—115) III—II тысячелетий до н. э., бронза.

1—4) Каниш (Кюль-тепе), XIX в. до н. э.; 5—10) Солой-Помпеополис, время то же; 11, 12) Кипр, время то же; 13) с именем фараона Камеса, XVII династия, конец XVII—начало XVI в. до н. э., из гробницы царицы Аххотеп; 14) из погребения египетского наместника Газы, XVI в. до н. э.; 15, 16) из погребений в Седменте, XIII в. до н. э.; 17) Абидос, XVIII династия, XV—XIV вв. до н. э.; 18) Мемфис, середина II тысячелетия до н. э.; 19) с именем Рамсеса II, XIX династия, XIII в. до н. э.; 20) Египет, середина II тысячелетия до н. э.; 21—23) из погребений фараонов XXI династии в Танисе, конец II—начало I тысячелетия до н. э.; 24) древко тростниковое с каменным противовесом, Новое царство, середина II тысячелетия до н. э., длина 150 см, музей Метрополитен; 25) деталь рельефа из храма царицы Хатшепсут в Дер эль-Бахри, начало XV в. до н. э.; 26, 27) воины Эхнатона, рельеф из Ахетатона (Эль-Амарны), XVIII династия, XIV в. до н. э.; 28) воин Тутанхамона, деталь росписи ларца из гробницы Тутанхамона, XVIII династия, XIV в. до н. э.; 29, 30) воины Тутанхамона, оттуда же; 31, 32) дротики с противовесами и стабилизатором, детали настенных росписей, Египет, Новое царство, XIII—XII вв. до н. э.; 33) изображение на каменной стеле из Шихана, Моав, около 1300 г. до н. э.; 34) бедуин Синая, деталь настенной росписи эпохи Рамсеса II, Бейт эль-Вали, XIII в. до н. э.; 35, 36) пеший копейщик и копье в колесничном колчане, деталь изображения на гравированной костяной пластинке, Мегиддо, XIII—XII вв. до н. э.; 37) божество с копьем, гравировка на камне, Лакиш (Телль эль-Дувейр), середина II тысячелетия до н. э.; 38) копье бога Баала, деталь изображения на стеле, Угарит, XIV—XIII вв. до н. э.; 39, 40) гробница 216; 41) гробница 559, Лакиш, середина II тысячелетия до н. э.; 42) Гезер, XIV в. до н. э.; 43) Акко, из погребения XIII—XII вв. до н. э.; 44—50) Мегиддо: 44) конец III—начало II тысячелетия до н. э., 45) начало II тысячелетия до н. э., 46) около XVII в. до н. э., 47, 48) XII в. до н. э., 49) XV—XIV вв. до н. э., 50) XVI—XV вв. до н. э.; 51) Угарит (Рас-Шамра), середина II тысячелетия до н. э.; 52) Алалах (Телль-Атшан), XV—XIV вв. до н. э.; 53, 54) Хама, XVI—XV вв. до н. э.; 55, 56) оттуда же, XIV—XIII вв. до н. э.; 57—62, 116, 117) Угарит, XIV—XIII вв. до н. э.; 63) Алалах, XIII в. до н. э.; 64—71) детали изображения на хурритских печатях севера Сирии—Месопотамии, XV—XI вв. до н. э.; 72—74) Нуза (Иорган-тепе), XV—XIV вв. до н. э.; 75, 76) Хаттуса (Богазкёй), XV—XIII вв. до н. э.; 77, 78) Дур-Унташ (Чога-Замбиль), XIII в. до н. э.; 79—83) Бактрия, II тысячелетие до н. э.; 84) Сапалли-тепе, Южный Узбекистан, середина II тысячелетия до н. э.; 85—87) Грузия, вторая половина III тысячелетия до н. э.; 88) Камо, Армения, конец III тысячелетия до н. э.; 89) Кировакан, Армения, конец III—начало II тысячелетия до н. э.; 90) оттуда же, середина II тысячелетия до н. э.; 91) оттуда же, около XII в. до н. э.; 92) городище Кюль-тепе, Нахичеванская АССР, вторая половина III тысячелетия до н. э.; 93) Верхнее Губинское, Дагестан, рубеж III—II тысячелетий до н. э.; 95, 97) курган 1, колхоз Тельмана, Аштаракский р-н, АзерССР, конец III тысячелетия до н. э.; 96) стан. Новосвободная, Прикубанье, рубеж III—II тысячелетий до н. э.; 98) курган XV, Триалети, Грузия, первая половина II тысячелетия до н. э.; 99) Нагорный Карабах, рубеж III—II тысячелетий до н. э.; 100, 101) погребение 1, курган 1, с. Миатли, Дагестан, время то же; 102) Мачарцкальский могильник, Грузия, XVI—XV вв. до н. э.; 103) дольмен 2 у с. Эшера, Абхазия, третья четверть II тысячелетия до н. э.; 104, 105) Южная Осетия, Цхинвали, Музей краеведения, время то же; 106) с. Корниси, Южная Осетия, время то же; 107, 108) могильник Тли, Южная Осетия, время то же; 109—111) Лчашен, Армения, конец II тысячелетия до н. э.; 112) Кировакан, Армения, XIII—XI вв. до н. э.; 113—115) Квасатальский могильник, Южная Осетия, третья четверть II тысячелетия до н. э.

Таблица XXXV. Копья Северной Сирии (1—3), Ассирии (4—11), Западного и Центрального Ирана (12—26), Закавказья (27—99, 117, 118), Ахеменидского Ирана (100—112), Индии (113—116) первой половины I тысячелетия до н. э.; бронза—12—24, 26—33, 35—39, 41, 50—52, 58—61, 64—68, 73—99, 102, 103; железо—остальное.

1) рельеф из Каркемиша, IX в. до н. э.; 2) рельеф из Гузаны (Телль-Халаф), время то же; 3) Каркемиш, VII в. до н. э.; 4) рельеф дворца Ашшурнацирапала II (883—859 гг. до н. э.) в Кальху (Нимруд); 5) детали настенной росписи, Тиль-Барсиб (Телль-Ахмар), VIII в. до н. э.; 6) то же, оттуда же, VII в. до н. э.; 7) деталь рельефа из дворца Ашшурбанипала (668—637 гг. до н. э.); 8—11) Кальху (Нимруд), VII в. до н. э.; 12—15) Луристан, IX—VII вв. до н. э., музей Эшмола, Оксфорд; 16, 17) из погребения могильника Тепе-Варкабуд, Луристан, IX—VIII вв. до н. э.; 18—20) из погребения Хурвин, время то же; 21) Зивие, VII в. до н. э.; 22) из погребения Марлик, IX—VIII вв. до н. э.; 23, 25, 26) из погребения Сиалк, слой VI B, VIII—начало VII в. до н. э.; 24) Хурвин, IX—VIII вв. до н. э.; 27—32) Талыш, IX—VII вв. до н. э.; 33) Чамбарак, Армения, IX—VII вв. до н. э.; 34) Дилижан, Армения, время то же; 35, 36) Армения, рубеж II—I тысячелетий до н. э.; 37, 38) Камо, Армения, IX—VII вв. до н. э.; 39) Хошундаш, там же, время то же; 40) Астхадзор, там же, VIII—VI вв. до н. э.; 41) Кировакан, там же, время то же; 42, 43) Айриванк, там же, IX—VIII вв. до н. э.; 44) Атарбекян, там же, VII—VI вв.

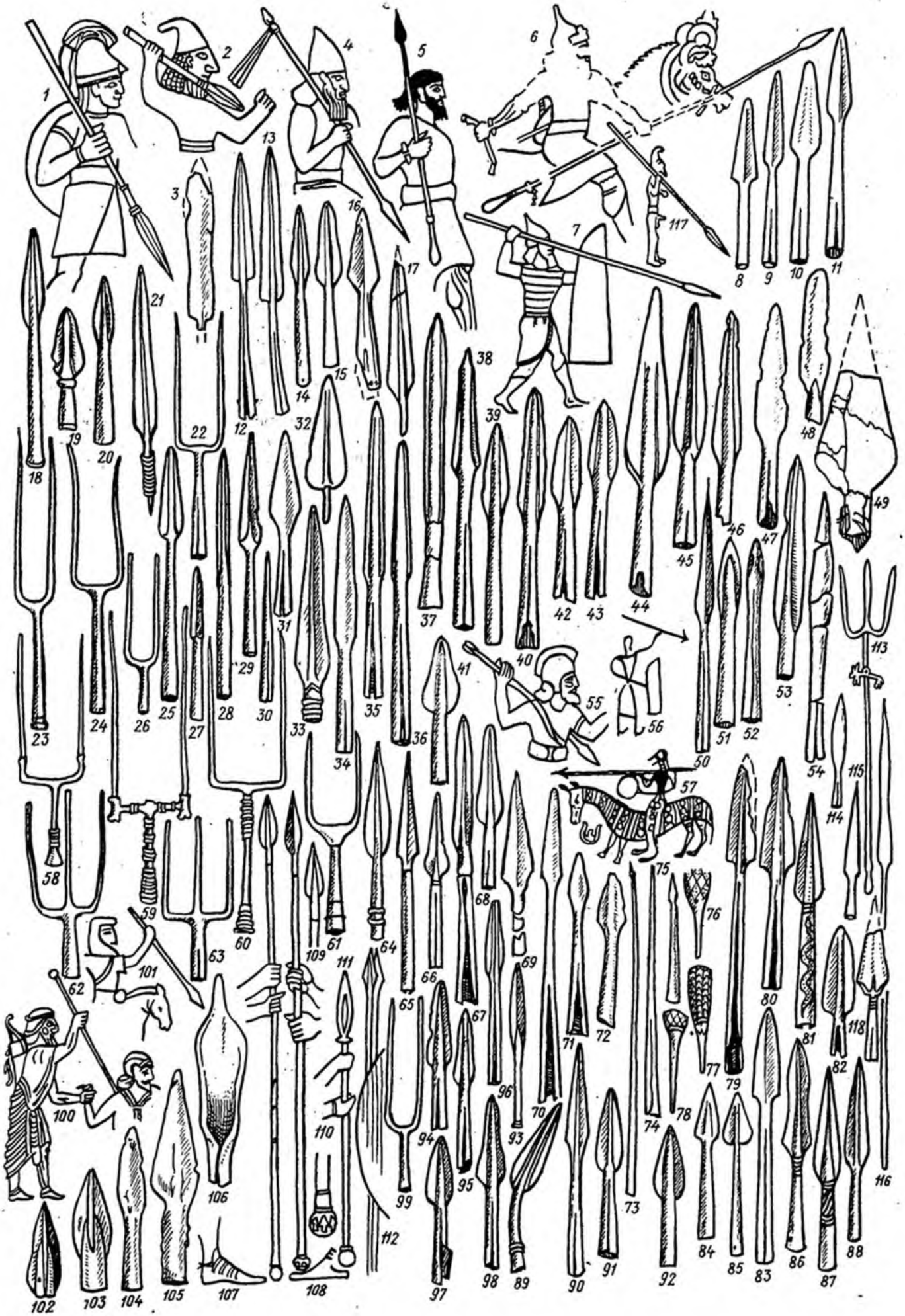
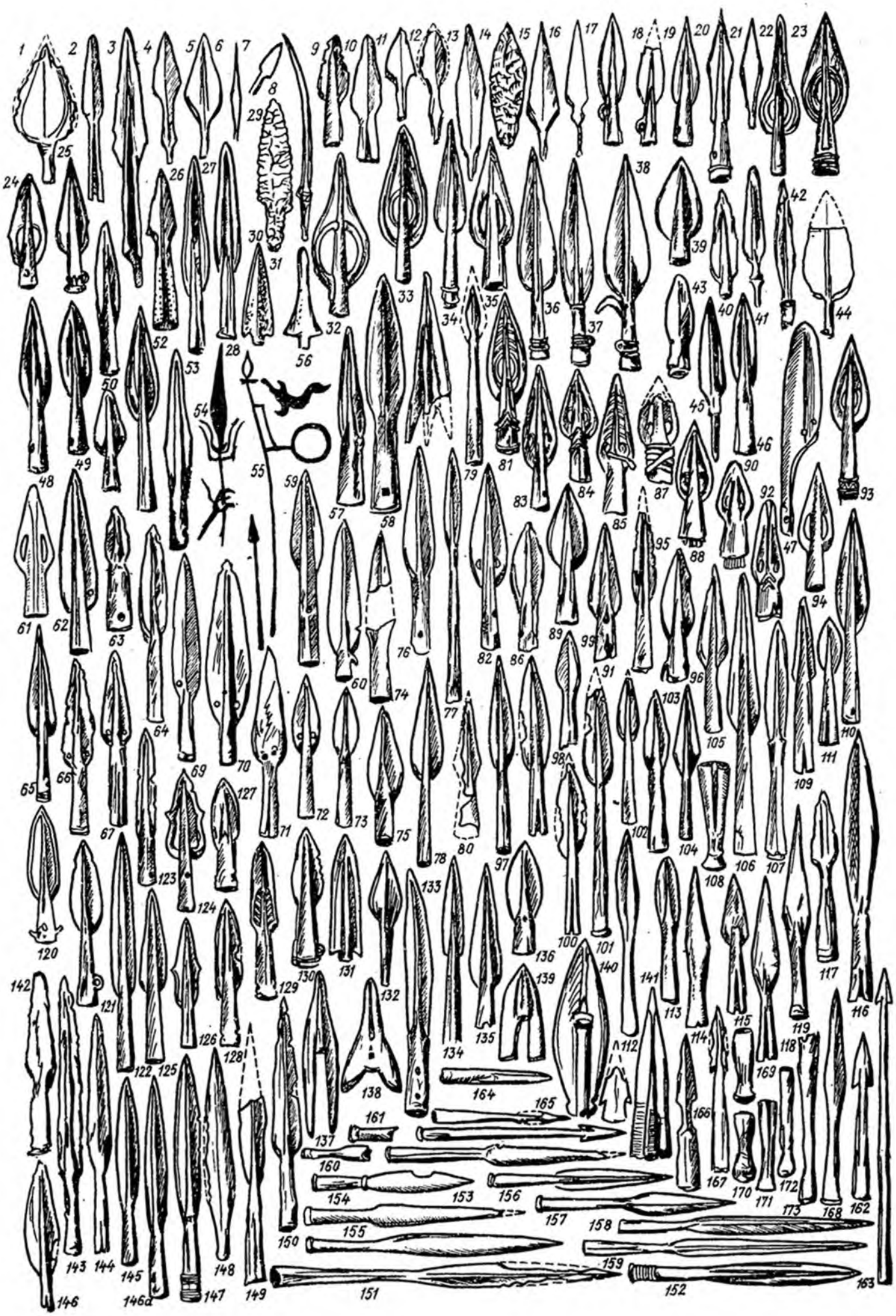


Табл. XXXV

до н. э.; 45) Качаган, там же, VIII—VI вв. до н. э.; 46) Налбанд, там же, VII—VI вв. до н. э.; 47) Головино, там же, VIII—VI вв. до н. э.; 48) Камо, там же, время то же; 49) Бастам, Урарту, VIII—VII вв. до н. э., «копье бога Халди» (?); 50) Редкин лагерь, Армения, первая четверть I тысячелетия до н. э.; 51, 52) Арачадзор, там же, время то же; 53, 54) Тейшебаини (Кармир-Блур), Урарту, VIII — первая половина VI в. до н. э.; 55) пеший воин-урарт, деталь изображения на бронзовой оковке ассирийских ворот, Имгур-Бел (Балават), IX в. до н. э.; 56) деталь изображения на бронзовом поясе из Степанавана, Армения, VIII в. до н. э.; 57) деталь изображения на бронзовом поясе из Саниана, там же, VIII — первая половина VII в. до н. э.; 58) Кировакан, там же, X—VII вв. до н. э.; 59) Баллукая, Нагорный Карабах, время то же; 60) Вардакар, Армения, время то же; 61) Муханат-тапа, там же, время то же; 62, 63) Тейшебаини, VIII—VII вв. до н. э.; 64) Цинандали, Грузия, рубеж II—I тысячелетий до н. э.; 65—67) погребение в Бешташени — Сафар-Хароба, Грузия, IX—VIII вв. до н. э.; 68) погребение 565, могильник Самтавро, там же, VIII—VII вв. до н. э.; 69) Бешташени, там же, VII — первая половина VI в. до н. э.; 70—72) могильник Так-Килиси, Грузия, VIII—VII вв. до н. э.; 73, 74) наконечник дротиков, Бешташени — Сафар-Хароба, Грузия, IX—VIII вв. до н. э.; 75) погребение 583, могильник Самтавро, время то же; 76—78) подтоки, Бешташени, VIII — первая половина VI в. до н. э.; 79—82) Анухва, Абхазия, VIII—VII вв. до н. э.; 83) Ачандара, там же, время то же; 84, 86, 87) Эшера, там же, время то же; 85, 88) погребение 93, могильник Красный Маяк, там же, середина — вторая половина VII в. до н. э.; 94—98) Тлийский могильник, Южная Осетия, IX—VII вв. до н. э.; 99) Мингечаур, АзерССР, IX—VIII вв. до н. э.; 100, 101) пеший и конный персидские копейщики, изображение на ахеменидских печатях, около V в. до н. э.; 102—106) Персеполь, сокровищница, VI — первая половина IV в. до н. э.; 107) царское копье, деталь рельефа Дария I на Бехистунской скале, 521—518 гг. до н. э.; 108—110) копья персидских воинов, детали рельефов ападаны, Персеполь, начало V в. до н. э.; 111) деталь изображения на ахеменидской печати VI—V вв. до н. э.; 112) копье вифинца («скудра»), рельеф ападаны, Персеполь, начало V в. до н. э.; 113—116) Южная Индия, начало I тысячелетия до н. э.; 117) бронзовая статуэтка бога-воина, Паравакар, Армения, VII в. до н. э.; 118) могильник Куланурхва, Абхазия, VIII в. до н. э.

Таблица XXXVI. Копья Северного Предкавказья (1—4), Северного Причерноморья (5—24, 61—72, 146, 147, 152—173), Северного Кавказа (73—80, 145—151), Поволжья — Приуралья (25—37, 81—119), Юго-Западной Сибири (38, 39, 48—54), Казахстана и севера Средней Азии (40—47, 131—134), Центральной Азии и центральноазиатской традиции севера КНР (55—60, 120—130, 135—141), Центрального Кавказа (142—144), III тысячелетие до н. э.; бронза — 1—4, 9—13, 15—28, 32—53, 56—62, 73, 76, 81—96, 120—141; медь — 5, 6, 8; камень — 14, 29, 30; железо — остальное.

1) курган 3, Утамыш, Дагестан, рубеж III—II тысячелетий до н. э.; 2) р. Кубань, вторая половина II тысячелетия до н. э.; 3) курган 3, стан. Андрюковская, Прикубанье, время то же; 4) с. Каменномостское, Притеречье, середина II тысячелетия до н. э.; 5, 6) Крым, кемиобинская культура, конец, III — начало II тысячелетия до н. э.; 7) деталь изображения на каменном изваянии из с. Керносовка, там же, культура та же, начало II тысячелетия до н. э.; 8) Михайловское поселение, ямная культура, вторая половина III тысячелетия до н. э.; 9) Ходосевичи, среднеднепровкультура, конец III — начало II тысячелетия до н. э. 10) Стрелище, культура та же, XVIII—XV вв. до н. э.; 11) Новоселовка, катакомбная культура, середина II тысячелетия до н. э.; 12) Александров, культура та же, время то же; 13) Новоникольское, культура и время те же; 14) александровская культура и время те же; 15) Широкое, культура и время те же; 16) погребение, курган 1, могильник Новоподкряж VIII, культура та же, XV в. до н. э.; 17) Малые Копани, культура та же, XV—XIV вв. до н. э.; 18) по литейным формам, Голоуров, культура та же, время то же; 19) Волошское, сабатиновская культура, XIII—XII вв. до н. э.; 20) по литейной форме, Красномаяцкий клад, культура та же, время то же; 21) Украина, рубеж II—I тысячелетий до н. э.; 22) то же, Завадовка, белозерская культура, XI—IX вв. до н. э.; 23) то же, Златополе, культура и время те же; 24) Белая Вежа, Дон, позднесрубная культура, XI—IX вв. до н. э.; 25) Поволжье, раннесрубная культура, XIII—XII вв. до н. э.; 26) Верхнекызыльский клад, абашевская культура, третья четверть II тысячелетия до н. э.; 27) Красный бор, культура и время те же; 28) Бахмутики, культура и время те же; 29) Жидиловка, Южный Урал, срубная культура, XII—XI вв. до н. э.; 30) Александровка, культура и время те же; 31) каменная форма, Зирган, культура и время те же; 32) Тимашево, культура та же, XI—IX вв. до н. э.; 33) Миасс, андроновская культура, XII—X вв. до н. э.; 34) Близнецы, культура и время те же; 35) Маклашеевка, культура Курмантау, время то же; 36) погребение 36, Сейминский могильник, сейминско-турбинская культура, XIII—XI вв. до н. э.; 37) Турбинский могильник, культура и время те же; 38, 39) Ростовкинский могильник, культура и время те же; 40) Атасуйский могильник, Центральный Казахстан, алакульская культура, XII—IX вв. до н. э.; 41) с. Пролетарки, Восточный Казахстан, время то же; 42) поселение у пос. Мало-Красноярский, там же, время то же; 43) поселение у р. Канай, там же, андроновская культура, XV—XII вв. до н. э.; 44) Прииссыккулье, конец II — начало I тысячелетия до н. э.; 45,



Таб. I. XXXXVI

46) Бурчмулла, Ташкентская область, начало I тысячелетия до н. э.; 47) Кучук-тепе, там же, X в. до н. э.; 48, 49) Большереченский могильник, Верхняя Обь, большереченская культура, VII—VI вв. до н. э.; 50) Томский могильник, культура и время те же; 51, 52) Осинкинский могильник, Северный Алтай, VIII в. до н. э.; 53) погребение 5, могильник Моисеиха, Минусинская котловина, окуневская культура, около середины II тысячелетия до н. э.; 54) деталь изображения на каменной стеле, могильник Черновая VIII, культура и время те же; 55) деталь изображения на «оленном камне» № 8, Херексурин денж, Центральная Монголия, «карасукская» культура, IX—VII вв. до н. э.; 56) р-н Кяхты, Забайкалье, VIII—VII вв. до н. э.; 57) Западное Забайкалье, время то же; 58) оттуда же, VII—VI вв. до н. э.; 59) Центральная Монголия, VIII—VII вв. до н. э.; 60) Северо-Западная Монголия, VII—VI вв. до н. э.; 61—103, 115) «киммерийские» копья: 61) стан. Нижнекуроямская, нижний Дон, вторая половина VIII—первая половина VII в. до н. э., 62) с. Маяки, Одесская область, время то же, 63) Саркел, средний Дон, первая половина VII в. до н. э., 64) курган у с. Енджа, Болгария, нижний Дунай, время то же, 65) с. Родионовка, Днепропетровская область, вторая половина VIII—первая половина VII в. до н. э., 66, 67) курган у с. Бутенки, Полтавщина, первая половина VII в. до н. э., 68) среднее Поднепровье, время то же, 69—72) могильник у с. Матеуцы, Молдавия, время то же, 73) погребение 28, могильник I, Мебельная фабрика, Кисловодск, конец VIII—начало VII в. до н. э., 74) погребение 24, там же, время то же, 75) погребение 11, там же, время то же, 76) разрушенное погребение, там же, время то же, 77) погребение 15, I Берёзовский могильник, р-н Кисловодска, время то же, 78) погребение 26, там же, время то же, 79) погребение 4, Эчкивашский могильник, р-н Кисловодска, время то же, 80) погребение 4, могильник у пос. Индустрия, р-н и время те же; 81—119) копья и дротики ананьинской культуры: 82—92) погребения 29, 55, 80, 97, 114, 133, 240, 334, 450, 683, кв. Ю/22, 825, Старший Ахмыловский могильник, VII в. до н. э., 93) Акозинский могильник, время то же, 94) погребение 10 С, Маклашевский могильник, время то же, 95) Скородумский могильник, время то же, 96) Маркващинский могильник, время то же, 97, 98) погребения 26, 31, Старший Ахмыловский могильник, конец VIII—первая половина VII в. до н. э., 99—103) кв. В/3, погребения 68, 78, 114, там же, VII в. до н. э., 104) погребение 223, там же, VII—VI вв. до н. э., 105) погребение 226б, там же, VI—V вв. до н. э.; 106) погребение 227, там же, VI в. до н. э., 107—109) погребение раскопки 1963 г., погребение 247, погребение 284, там же V в. до н. э., 110—114) погребения 314, 407, 447, кв. В/12, погребение 613, там же, VII—VI вв. до н. э., 115) погребение 688, там же, конец VIII—первая половина VII в. до н. э., 116) погребение 924, там же, VII—VI вв. до н. э., 117) погребение 48, Луговской могильник, время то же, 118, 119) Уфимский могильник, VI—V вв. до н. э.; 120) культура Сыва, Суйяньянь, уезд Чжуанлан, пров. Ганьсу, около VII в. до н. э.; 121, 122) погребение 101, Наньшаньгэнь, аймак Чжаоуда, Внутренняя Монголия, VII в. до н. э.; 123, 124) Чаншэшань, пров. Гирин, VI—V вв. до н. э.; 125, 126) уезд Цинъюань, пров. Ляонин, время то же; 127—129) уезд Цзиань, время то же; 130) Чаоян, время то же; 131—173) копья и дротики «скифского» периода: 131) Южный Казахстан, VI—IV вв. до н. э., 132) Джамбульская область, Юго-Восточный Казахстан, время то же, 133) г. Иссык, Семиречье, время то же, 134) деталь ритуального оружия, курган 25, могильник Уйгарак, Приаралье, вторая половина VII—VI в. до н. э., 135) Кочергино, Минусинская котловина, тагарская культура, конец VI—V в. до н. э., 136) Солба, там же, культура и время те же, 137) Таштып, там же, культура та же, VI—IV вв. до н. э., 138) скала Аржанова, там же, культура и время те же, 139) Телек, там же, культура и время те же, 140) Минусинский край, культура и время те же, 141) Уюк, Тува, VII—V вв. до н. э.; 142—173) скифские копья и дротики: 143) погребение 68, Тлийский могильник, Южная Осетия, VII в. до н. э., 143) погребение 93, там же, время то же, 144) погребение 216, там же, время то же, 145) курган 7 у хут. Красное знамя, Прикубанье, середина—вторая половина VII в. до н. э., 146) погребение 4 (меотское), Келермес, Прикубанье, вторая половина VII в. до н. э., 146а, 147) погребение 2, курган Репяховатая могила, Лесостепь, VI в. до н. э., 148) Лермонтовский разъезд, р-н Пятигорска, середина VII в. до н. э., 149) Ставропольский курган, середина—вторая половина VII в. до н. э., 150) Каррас, р-н Пятигорска, VII—VI вв. до н. э., 151) Келермес, вторая половина VII в. до н. э., 152) курган 491, с. Макеевка, Лесостепь, VI в. до н. э., 153) курган 3, у с. Поповка, там же, VI—V вв. до н. э., 154) курган 04, Марицынский могильник, IV в. до н. э., 155) курган 1 G, там же, V в. до н. э., 156) курган 416, с. Журовка, Лесостепь, VI—V вв. до н. э., 157) курган 12, могильник Частые курганы, средний Дон, IV в. до н. э., 158, 163) курган Чертомлык, первая половина IV в. до н. э., 159) курган 3 у с. Аксютинцы, Лесостепь, V в. до н. э., 160, 161) погребение 2, курган 4, группа Страшной могилы, IV в. до н. э., общая длина копья—3,1 м, дротика—2,3 м, 162) курган у мыса Ак-Бурун, Крым, IV в. до н. э., 164) курган Страшная могила, Лесостепь, VI в. до н. э., 165) курган 2, урочище Стайкин верх, там же, V—IV вв. до н. э., 166) курган 1, (раскопки 1886 г.), с. Волковцы, там же, VI в. до н. э., 167) курган 478, там же, время то же, 168) курган 3, у с. Мастюгино, средний Дон, IV в. до н. э., 169) погребение 29/21, там же, время то же, 170) курган 13, могильник Русская тростянка, средний Дон, время то же, 171) курган 46/29, с. Мастюгино, время то же, 172, 173) курган 5, у с. Владимировка, средний Дон, время то же.

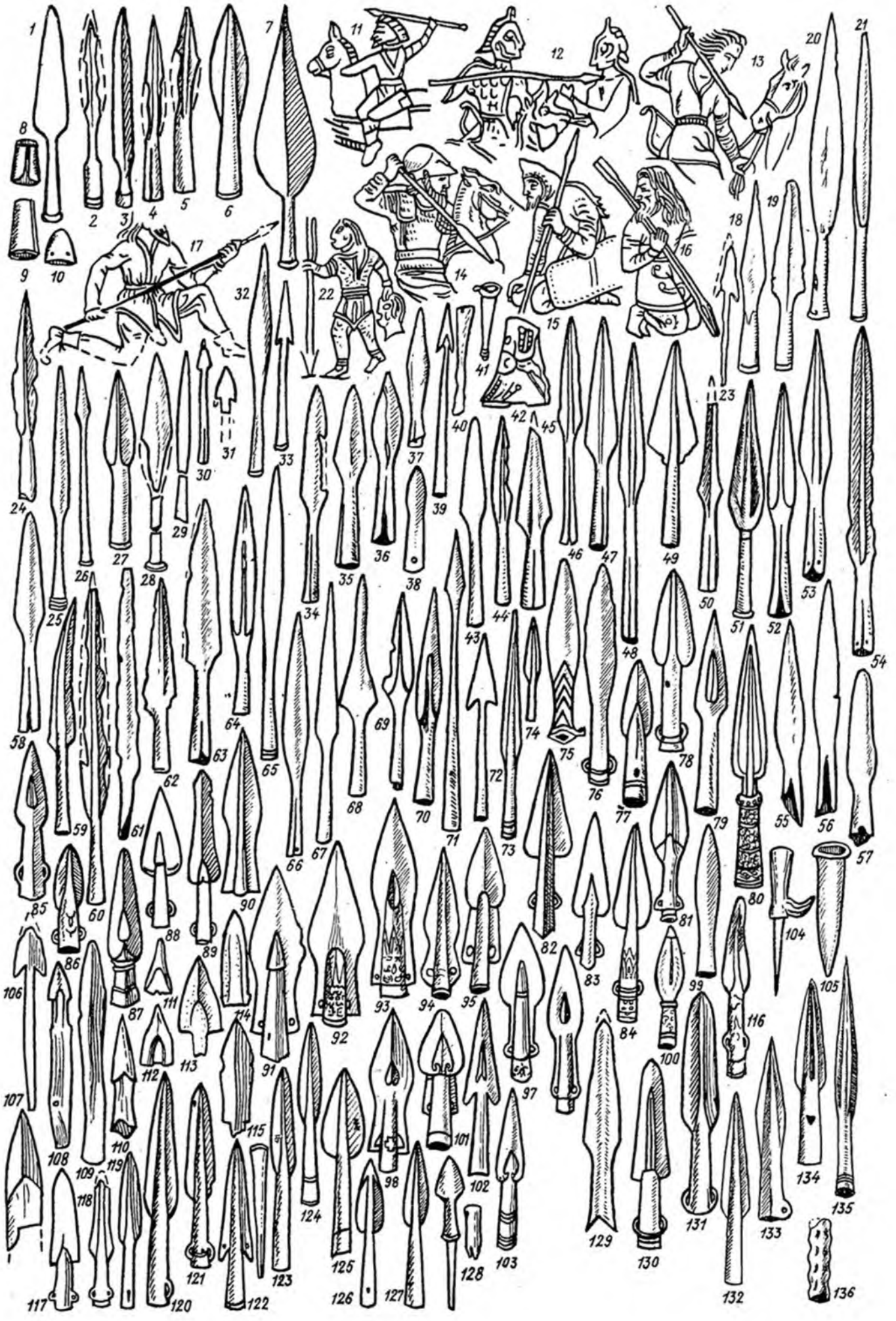


Табл. XXXVII

Таблица XXXVII. Копья и дротики скифские (1—17), меотские (18—23), савроматские (24—42), кавказские (43—74) VII—IV вв. до н. э., железо. Копья и дротики Китая (75—136) XVI—X вв. до н. э., бронза.

1) Медерово, курган, начало V в. до н. э.; 2) с. Грищенцы, V в. до н. э.; 3) курган у с. Броварки, VI—V вв. до н. э.; 4) курган 468, у с. Волковцы, время то же; 5) курган 4681 у с. Аксютинцы, вторая половина VII в. до н. э.; 6) курган 454 у с. Мокеевка, VI—V вв. до н. э.; 7) погребение 1, курган 2 у с. Красный Подол, вторая половина IV в. до н. э.; 8) наконечник ножен копья, курган 453 у с. Мокеевка, VI в. до н. э.; 9) то же, бронза, курган у с. Опишлянка, V—IV вв. до н. э.; 10) бронза, курган 406, урочище Горячево, VI в. до н. э.; 11) изображение на железной золоченой пряжке, IV в. до н. э., ГИМ; 12) изображение на золотой пластине из Геремесова кургана, IV в. до н. э.; 13) деталь изображения на серебряной чаше, курган Солоха, начало IV в. до н. э.; 14) деталь изображения на золотом гребне, оттуда же; 15) деталь изображения на золотом сосуде из кургана Куль-Оба, IV в. до н. э.; 16) деталь изображения на серебряном сосуде из кургана могильника Частые курганы, средний Дон, время то же; 17) деталь изображения на костяной пластинке, курган Гайманова могила, время то же; 18—21) Ульские курганы, Прикубанье, IV в. до н. э. (18, 20, 21 — курган 4; 19 — курган 6); 22) деталь изображения на золотом колпачке из Курджипского кургана, там же, время то же; 23) оттуда же; 24) курган 4, хут. Сладковский, нижний Дон, IV в. до н. э.; 25, 26) Квашино, IV—III вв. до н. э.; 27) курган у пос. Шолоховский, нижний Дон, конец V — начало IV в. до н. э.; 28—31) курган 25, хут. Сладковский, V в. до н. э.; 32, 33) погребение 3, курган 2, Азов, IV—III вв. до н. э.; 34) Озерки, Нижнее Поволжье, V в. до н. э.; 35) Марычевка, там же, время то же; 36) курган 11, могильник Кара Оба, Джангала, там же, V—IV вв. до н. э.; 37) курган 2 у дер. Качаржинская и Черноярская, там же, время то же; 38) погребение 10, курган 58/26, хут. Попов, там же, время то же; 39) Лабовка, р-н Бугуруслана, время то же; 40) курган 5, Владимировская слобода, Нижнее Поволжье, время то же; 41) бугор Степана Разина, там же, время то же; 42) ножны наконечника копья, рог, курган А 12, Блюменфельд, там же, конец VI — начало V в. до н. э.; 43—49) погребения 24, 16, 29, 26, 32, 61, 49, Луговой могильник, Чечено-Ингушетия, VI—V вв. до н. э.; 50, 51) курган 5, с. Гойты, там же, V в. до н. э.; 52—57) Армения, VI—IV вв. до н. э.; 58) погребение 23, Гантиади, Абхазия, VIII—VII вв. до н. э.; 59, 60) могильник Варсиманткари, Грузия, VII—VI вв. до н. э.; 61—63) Грузия, V—IV вв. до н. э.; 64) Науд-Иху, Абхазия, V—IV вв. до н. э.; 65—67, 69, 71, 72) Сухумская гора, Абхазия, время то же; 68) Нижняя Эшера, там же, время то же; 70) Башкардаш, там же, время то же; 73, 74) погребение 9, Вани, Западная Грузия, третья четверть IV в. до н. э.; 75—105, 116) копья и дротики эпохи Шан-Инь: 75) погребение Ли М 2, Паньлунчэн, уезд Хуанпи, пров. Хубэй, середина II тысячелетия до н. э., 76) погребение ЛОУ М 3, там же, время то же, 77, 100) Тайси, уезд Гаочэн, пров. Хэбэй, XIV в. до н. э., 78) Суцунь, уезд Чэнгу, пров. Шэньси, XIII—XII вв. до н. э., 79) погребение 1, Суфутунь, уезд Иду, пров. Шаньдун, время то же, 80) Учэн, уезд Цинцзян, пров. Цзянси, время то же, 81, 82) Аньян, время то же, 83) бывшее собрание Хуан Цюна, время то же, 84) время то же, собрание Академии Синика, Стокгольм, 85—91) Аньян, западная часть городища, время то же, 92) Дасыкунцунь, Аньян, время то же, 93, 102) время то же, музей Гугун, Пекин, 94, 95) уезд Хуйминь, пров. Шаньдун, время то же, 96) время то же, собрание М. Лёра, 97) время то же, собрание Дзюринкан, Киото, 98) время то же, 99) Сяньцзячжуань, Аньян, время то же, 101) XII—XI вв. до н. э., Гугун, 103) XIII—XII вв. до н. э., собрание Р. Рамэ, Париж, 104, 105) подтоки, Инсю, Аньян, время то же; 106—115) копья и дротики неолита Китая: 106, 107) кость, Лянхуатай, Яньцзин, пров. Ганьсу, середина — третья четверть II тысячелетия до н. э., 108—112) кость, Байцзинбао, уезд Чжаоюань, пров. Хэйлунцзян, III—II тысячелетия до н. э., 113—114) камень, кость, Мацзяяо, Шанхай, середина III тысячелетия до н. э.; 116) Чуюаньгоу, уезд Баочи, XII—XI вв. до н. э.; 117—131) копья периода Западное Чжоу: 117) Панцунь, около г. Хаоби, пров. Хэнань (владение Вэй), XII—XI вв. до н. э., 118) Люлихэ, р-н Пекина, конец XI в. до н. э., 119) Таоцзяхэ, уезд Линьтай, пров. Ганьсу, XI—X вв. до н. э., 120) Хэцзяцунь, уезд Цишань, пров. Шэньси, последняя четверть XI в. до н. э., 121) Чжанцзяпо, уезд Чанъань, X в. до н. э., 122) Люлихэ, последняя четверть XI в. до н. э., 123—128) могильник Шаньцуньлин (культура царства Го), VIII — первая половина VII в. до н. э., 129—131) Байфу, р-н Пекина, XI—X вв. до н. э.; 132—136) погребение 96, 95, 4, 57, 91 в Дахуацзонцзуань, уезд Хуангуан, пров. Цинхай, культура Кайюэ, рубеж II—I тысячелетий до н. э.

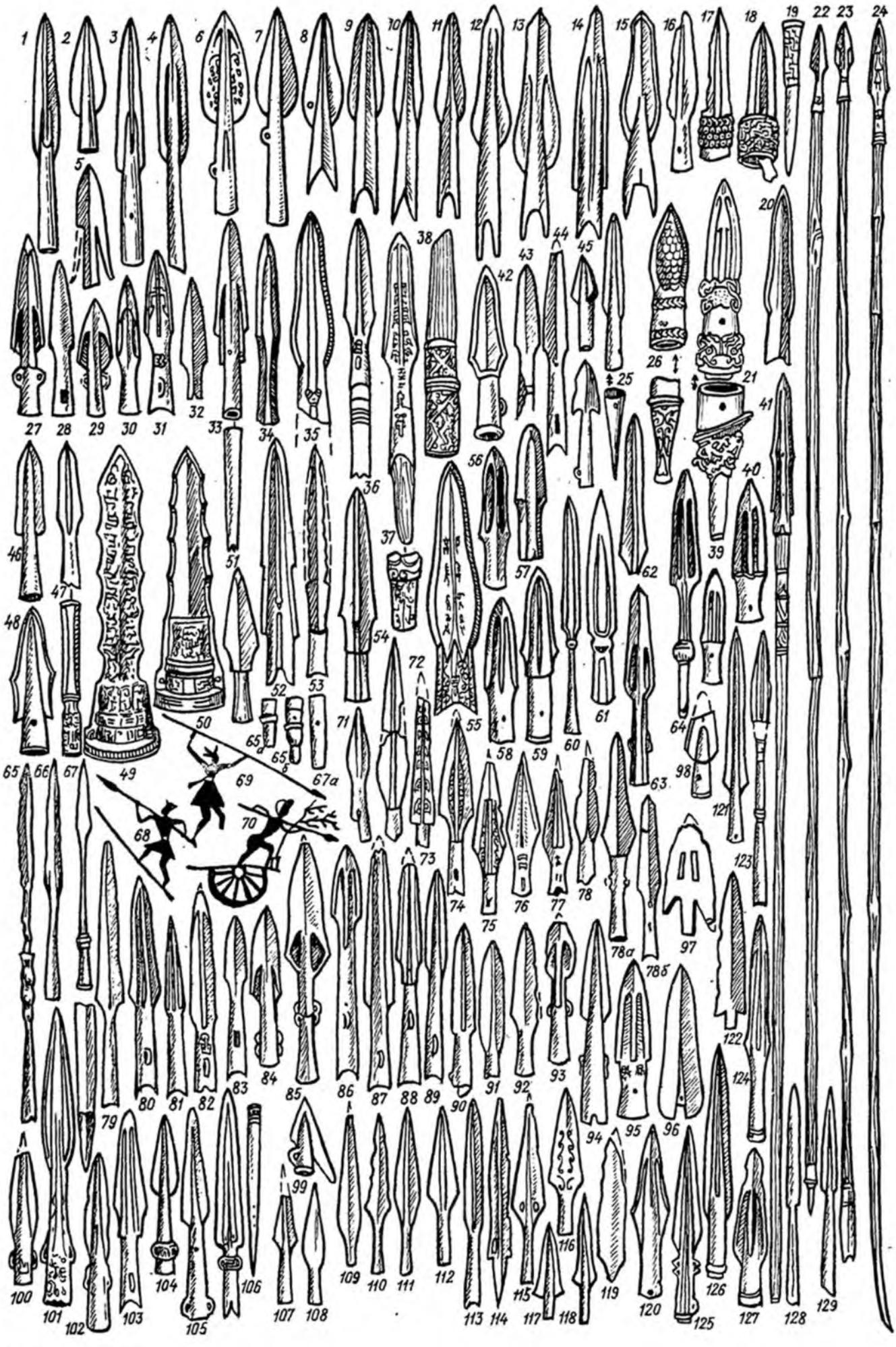


Табл. XXXVIII

Таблица XXXVIII. Копья и дротики Центрального Китая (1—70), северо-востока КНР (121), юга КНР (71—99), юго-запада КНР (100—106), Вьетнама (107—118), Приамурья (119, 120), Кореи (122—129) середины I тысячелетия до н. э.; 65—67, 128, 129 — железо, остальное — бронза.

1—24) период Чуньцю: 1) Цзинцзячжуан, уезд Линтай, пров. Ганьсу, VII—VI вв. до н. э., 2) Лоян, пров. Хунань, VI—V вв. до н. э., 3) Цзинцзячжуан, время то же, 4, 5) Дадянь, уезд Цзюйнань, пров. Шаньдун, культура царства Чу, владение Цзюй, время то же, 6) Сясы, пров. Хунань, культура царства Чу, погребение Линъи Цзычэна (ум. в 552 г. до н. э.), сына вана У, 7—14) уезд Гаочунь, пров. Цзянсу, культура царства Чу, VI в. до н. э., 15) р-н городища древнего г. Ханьчэн, VI—V вв. до н. э., 16, 17) Шоусянь, погребение хоу владения Цай, царство Чу, середина V в. до н. э., 18—20) Чжаоцзягудуй, в р-не Цайцзяган, около г. Хуайнань, пров. Аньхой, владение и царство те же, время то же, 21) Шанма, около г. Хоума, пров. Шаньси, конец VI — первая половина V в. до н. э., 22—24) древки из лакированного бамбука (22 — наконечник длиной 14 см, общая длина 22,5 см, 23 — наконечник длиной 11 см, общая длина 232,5 см, 24 — наконечник длиной 21 см, общая длина 308 см), погребение 1, Лючэнцяо, около г. Чанша, культура царства Чу, конец VI—V в. до н. э., 25, 26) Байцзяцунь, около г. Ханьдань, пров. Хэбэй, время то же; 27—32) Нинсян, пров. Хунань, культура царства Чу, время то же; 33—106) период Чжаньго: 33, 34) Паймашань, уезд Чанлин, пров. Хубэй, культура царства Чу, вторая половина V—IV в. до н. э., 35, 36) Хэжэнь, уезд Люхэ, пров. Цзянсу, культура царства Чу, первая четверть IV в. до н. э.; 37, 38, 41) древки бамбуковые, р-н г. Чанша, культура царства Чу, конец V — начало IV в. до н. э., 39) Суйчуань, пров. Цзянси, культура царства Цинь, III в. до н. э., 40) городище древней столицы Сяньяна, культура царства Цинь, время то же, 42) Дэшань, уезд Чандэ, пров. Хунань, культура царства Чу, IV в. до н. э., 43, 44) Шахуацяо, около г. Чанша, культура царства Чу, время то же, 45) Тайхуйгуань, уезд Чанлин, пров. Хубэй, культура царства Чу, время то же, 46) Тяньдань, уезд Цзянлин, время то же, 47) Учэнцяо, уезд Люхэ, пров. Цзянсу, культура царства Чу, IV—III вв. до н. э., 48) Фэншуйлин, около г. Чанчжэнь, пров. Шаньси, время то же, 49, 50) поражающие наконечники концов оси колесницы или ярма (?), погребение хоу И владения Цзэн, культура царства Чу, 30-е годы V в. до н. э., Лэйгудун, уезд Суйсян, пров. Хубэй, 51) погребение 56, Чанша, культура царства Чу, IV в. до н. э., 52) погребение 53, там же, время то же, 53) г. Чаоцин, пров. Гуандун, IV—III вв. до н. э., 54) дротик, Чжунчжоулу, г. Лоян, пров. Хэнань, V—IV вв. до н. э., 55) первая четверть IV в. до н. э., Британский музей; 56—61) уезд Синьчжэн, городище владения Чжэн, IV—III вв. до н. э., 62, 63) городище древнего г. Ханьчэн, время то же, 64) Шахуацяо, около г. Чанша, культура царства Чу, время то же, 65—67а) железные наконечники и бронзовые подтоки из погребения 44 в городище Сяду, нижней столицы царства Янь, р-н Пекина, конец IV—III в. до н. э., 68, 69) детали изображения на бронзовом сосуде «ху», г. Чэнду, пров. Сычуань, VI—V вв. до н. э. (циньское изделие?), 70) то же, V в. до н. э., галерея Фрир, Вашингтон, 71, 72) пров. Гуанчжоу, V—III вв. до н. э., 73—78) Людин, пров. Гуандун, культура царства Юэ, время то же, 79—98) Иньшаньлинь, уезд Пиньлэ, пров. Гуанси, культура царства Юэ, III в. до н. э.; 99) пров. Гуандун, IV—III вв. до н. э.; 100, 101) погребение на западной окраине г. Чэнду, пров. Сычуань, культура Шу-Ба, IV—III вв. до н. э.; 102, 103) погребение 172, Янцзышань, г. Чэнду, IV в. до н. э. (103 — чуское? изделие); 104) уезд Нинсян, пров. Юньнань, V—III вв. до н. э.; 105) Юнчи, уезд Дэчин, пров. Юньнань, III в. до н. э.; 106) уезд Дэкунь, там же, время то же; 107—112) культура Донгдак, середина I тысячелетия до н. э.; 113—118) культура Лонгшон, V—III вв. до н. э.; 119) поселение Польце, польцевская культура, время то же; 120) сопка Голубиная, IV—III вв. до н. э.; 121) поселение Чифэн, II, Северо-Восточная Маньчжурия, VII—VI вв. до н. э.; 122) середина I тысячелетия до н. э.; 123) III в. до н. э.; 124, 125) Ипсиль, юго-восток Кореи, V—III вв. до н. э.; 126) время то же; 127) Асан, время то же; 128, 129) Енъендон, Западная Корея, IV—III вв. до н. э.

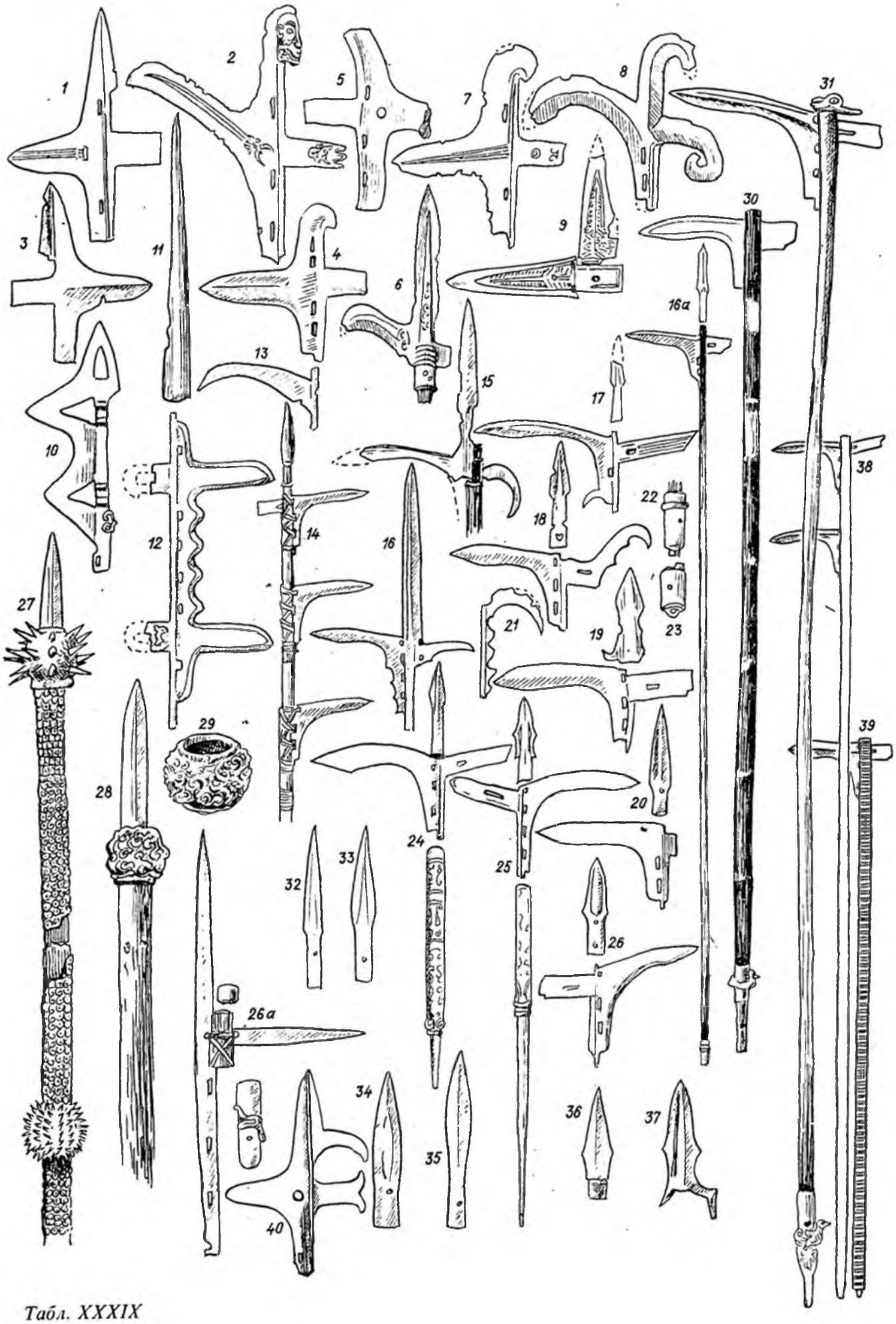

1
2
5
7
8
31
3
11
4
9
30
6
16a
13
15
17
10
38
12
14
16
18
22
27
21
19
23
29
39
28
20
24
25
32
33
26
26a
34
35
36
37
40

Табл. XXXIX

Таблица XXXIX. Длиннодревковое комбинированное оружие и клевцы Китая; 1—9, 13—20, 22—26а, 40 — «цзи»; 27—29 — «шу»; 30, 31, 38, 39 — «гэ»; 32—37 — навершия «цзи»; 26а — железо, остальные — бронза.

1,2) Байцаопо, уезд Линьтай, пров. Наньсу, первая половина X в. до н. э.; 3) Панцзягоу, около г. Лоян, пров. Хэнань, время то же; 4) Люлихэ, р-н Пекина, конец XI в. до н. э.; 5) Юйцюань, около г. Баоцзи, пров. Шэньси, последняя четверть XI в. до н. э.; 6) Сиань, уезд Цисянь, пров. Шаньдун, конец XI — начало X в. до н. э.; 7, 8) Байфу, р-н Пекина, XI—X вв. до н. э.; 9) Пинсян, пров. Сычуань, IX—VII вв. до н. э.; 10) Чунсян, пров. Хэнань, время то же; 11) V—III вв. до н. э., музей Гугун, Пекин; 12) первая половина I тысячелетия до н. э., там же; 13) погребение 1705, могильник Шанцуньлин, царство Го, вторая половина VIII — первая половина VII в. до н. э.; 14) древки из красного дерева, красный и черный лак, погребение хоу И, правителя владения Цзэн, культура царства Чу, 30-е годы V в. до н. э., Лэйгудун, уезд Суйсян, пров. Хубэй; 15) погребение 1, Лючэнцяо, около г. Чанша, культура царства Чу, конец VI—V вв. до н. э.; 16) V—IV вв. до н. э., галерея Фрир, Вашингтон; 16а) общая длина около 140 см, Уэнуяо, уезд Люхэ, пров. Цзянсу, культура царства Чу, IV в. до н. э.; 17) погребение 1, Тяньдань, уезд Цзяцзлин, пров. Хубэй, культура царства Чу, время то же; 18—23) погребение 2717, могильник Чжунчжоулу, около г. Лоян, пров. Хэнань, V—IV вв. до н. э.; 24, 25) подтоки отделаны инкрустацией золотом и серебром, Фэншуйлин, около г. Чанчжэнь, пров. Шаньси, IV—III вв. до н. э.; 26) Фулинь, пров. Сычуань, циньское изделие, III в. до н. э.; 26а) клинки железные, навершия и подтоки бронзовые, древки деревянные, крепления-стяжки кожаные, погребение 44, городище Сяду, нижней столицы царства Янь, р-н Пекина, III в. до н. э.; 27) древко-дерево, обложенное чеканной бронзой, погребение хоу И, Лэйгудун; 28) древко-дерево, под черным лаком, оттуда же; 29) V в. до н. э., царство Чу, галерея Фрир, Вашингтон; 30) общая длина 166 см, древко-дерево, черный и красный лак, погребение 1, Лючэнцяо; 31) древко деревянное, г. Чанша, культура царства Чу, IV в. до н. э.; 32—35) Тяньсиньгуань, царство У, V—IV вв. до н. э.; 36—37) Чжаогу, IV в. до н. э.; 38) общая длина около 2 м, древко деревянное, лакированное, Сиэшань, уезд Цзянлин, пров. Хубэй, культура царства Чу, IV в. до н. э.; 39) общая длина около 130 см, древко деревянное, лакированное, оттуда же; 40) погребение 8, могильник Цюйюань, около г. Баоцзи, пров. Сычуань, «царство» Шу, V—III вв. до н. э.

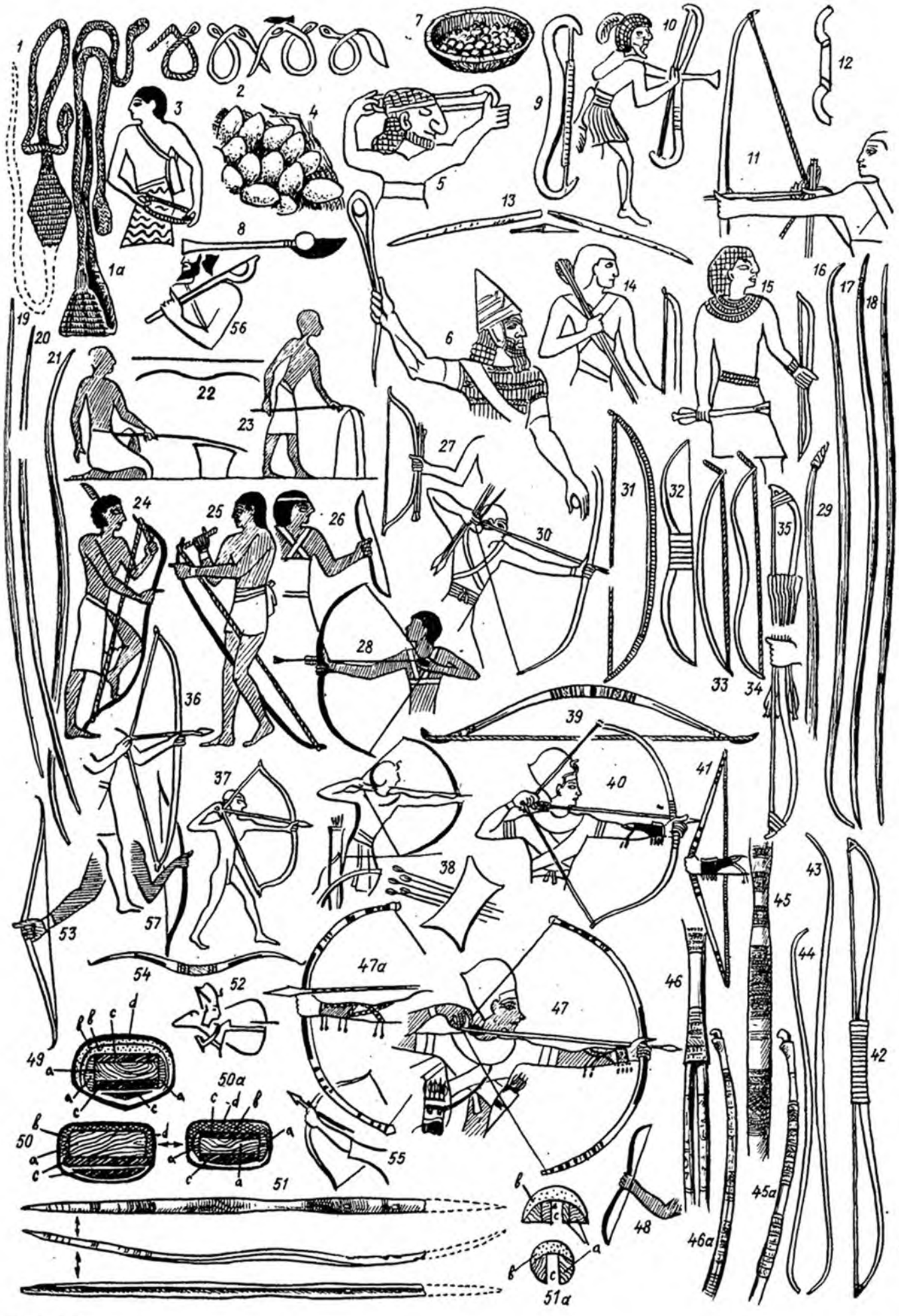

1
1a
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
45a
46
46a
47
47a
48
49
50
50a
51
51a
52
53
54
55
56
57

Табл. XL

Таблица XL. Пращи Египта (1—2), Палестины (3, 8, 56), Ирана (4), Северной Сирии (5), Ассирии (6), скифов (7). Луки Египта (9—55, 57).

1) плетеное волокно, Иллахун, около 800 г. до н. э.; 1а) лен, конец II — первая четверть I тысячелетия до н. э., ГМИИ им. Пушкина; 2) пращи в арсенале, деталь настенной росписи гробницы времен Среднего царства, вторая половина III тысячелетия до н. э.; 3) семито-азиатский наемник на египетской службе, деталь стенописи, гробница в Бени-Хасане, Египет, XII династия, XX—XIX вв. до н. э.; 4) глиняные ядра в корзине, Шахр-е Сохте, 2500—2200 гг. до н. э., вес одного экземпляра — 20—40 г; 5) изображение на каменном ортостате, Гузана (Телль-Халаф), начало I тысячелетия до н. э.; 6) тяжеловооруженный пращник, деталь рельефа дворца Синаххериба (704—681 гг. до н. э.) в Ниневии (Куюнджик); 7) деревянная чаша (диам. 33 см) с 75 каменными ядрами (диам. 3—5 см), курган 2, с. Красный Подол, Херсонщина, первая половина IV в. до н. э.; 8) ложчатая праща — часть сирийской дани, деталь стенописи гробницы Имуанезеха, XV в. до н. э.; 9) деталь рельефа на каменном сосуде, додинастический Египет, конец IV тысячелетия до н. э.; 10) деталь изображения на «палетке львиной охоты», время то же; 11) рельеф времени Хеопса, IV династия, вторая четверть III тысячелетия до н. э.; 12) иероглиф «лук», Древнее царство, первая половина III тысячелетия до н. э.; 13) лук из рогов антилопы орикс и деревянным соединительным стержнем, Абидос, I династия, начало III тысячелетия до н. э.; 14) рельеф храма Ментухотепа II в Дер эль-Бахри, Среднее царство, около XXI в. до н. э.; 15) стела Мин-Окре, Фивы, Среднее царство, XI династия, последняя четверть III тысячелетия до н. э.; 16—20) древки луков из акации, время то же, длина около 130—145 см, музей Метрополитен, Нью-Йорк; 21) то же, время то же, Британский музей; 22—28, 31) детали настенных росписей, Бени-Хасан, XII династия, XX—XIX вв. до н. э.; 22) заготовка и готовое древко, 23) выгибание древков на камнях, 24, 25) надевание тетивы, 26, 27) луки с надетой тетивой, 28) стрельба, 31) усиленный лук; 29) часть плеча и рог лука, дерево, Среднее царство, последняя четверть III тысячелетия до н. э., Берлинский музей; 30) рельеф гробницы Сенби, Меире, время то же; 32-34) луки в арсеналах, детали настенных росписей времени Среднего царства, время то же; 35) деталь рельефа, Дер эль-Бахри, Новое царство, около 1500 г. до н. э.; 36, 37) изображение на настенных росписях из Шейх абд эль-Гурна, XVIII династия, XVI—XV вв. до н. э.; 38) фараон Аменхотеп II с колесницы простреливает медную доску, рельеф, XVIII династия, XV в. до н. э.; 39) лук из «оружейной палаты» фараона, деталь росписи гробницы Кенамона, Фивы, время то же; 40, 41) лук фараона Тутмоса IV в натянутом и спокойном состоянии, детали изображения на кожаной тисненой обивке кузова колесницы фараона, XVIII династия, конец XV в. до н. э.; 42) нубийский лук, деталь изображения на деревянном расписном ларце, гробница Тутанхамона, XVIII династия, XIV в. до н. э., 43, 44) луки Тутанхамона, из его гробницы; 45, 45а) рукоять и часть плеча, верх плеча и рог, золотая, с пастовыми инкрустациями, модель лука, из гробницы Тутанхамона; 46, 46а) то же, боевой лук, дерево, отделка золотом и инкрустациями костью, оттуда же [45-46а) хурритская работа для Египта (?)]; 47, 47а) луки Тутанхамона, рисунки на шкатулках из его гробницы; 48) лук телохранителя Тутанхамона, оттуда же; 49) структура лука (сечение), длина 130 см (по тетиве), из гробницы времени XXVI династии, VII—VI вв. до н. э.: a) дерево, в) сухожилия, c) рог, d) лыко; 50, 50а) структура (сечение) луков из Саккара, XVIII династия, около 1400 г. до н. э., музей Метрополитен (50 — длина 150 см, 50а — обломок): a) дерево, в) клей, c) рог, d) лыко; 51) древко лука времени Рамсеса II, около 1270 г. до н. э., Фивы, длина обломка 102,5 см, целого — 124,5 см; 51а) структура (сечение) лука 51: a) дерево, в) сухожилие, c) место для роговой полосы; 52) Рамсес II простреливает медную доску, изображение на скарабее из Бет-Шеана, XIII в. до н. э.; 53) лук Рамсеса II, деталь росписи храма в Бейт эль-Вали, время то же; 54) лук из «оружейной палаты» фараона, деталь росписи гробницы фараона Рамсеса III, XX династия, XII в. до н. э.; 55,57) детали рельефа из Мединет-Абу, XII в. до н. э.; 56) праща азиатского данника, деталь росписи гробницы Имуанезеха, Фивы, XV в. до н. э.

Таблица XLI, Луки Месопотамии (1—4, 8—15, 30—40, 42, 44), Элама (5—7, 41, 43, 45—47), Сирии-Палестины и Кипра (16—21, 25—29, 64, 80), Малой Азии (22—24), Ирана (48—68), Кавказа (70—79, 81), Северного Причерноморья (82), Аравии (83).

1) деталь изображения на печати, Урук (Варка), начало III тысячелетия до н. э.; 2) то же, Ур (Телль аль-Мукайяр), время то же; 3) деталь изображения на «Стеле охоты», Урук (Варка), первая половина III тысячелетия до н. э.; 4) деталь гравированного на кости изображения, Мари (Телль-Харири), середина III тысячелетия до н. э.; 5—7) детали изображений на печатях из Суз, первая половина III тысячелетия до н. э.; 8) то же, эпоха Саргонидов (династия Аккаде), XXIII—XXII вв. до н. э.; 9) лук Нарам-Суэна, деталь изображения на «Стеле похода на лулубеев», XXIII в. до н. э.; 10) деталь изображения на стеле Римуша, Нгирсу (Телло), время то же; 11) царь

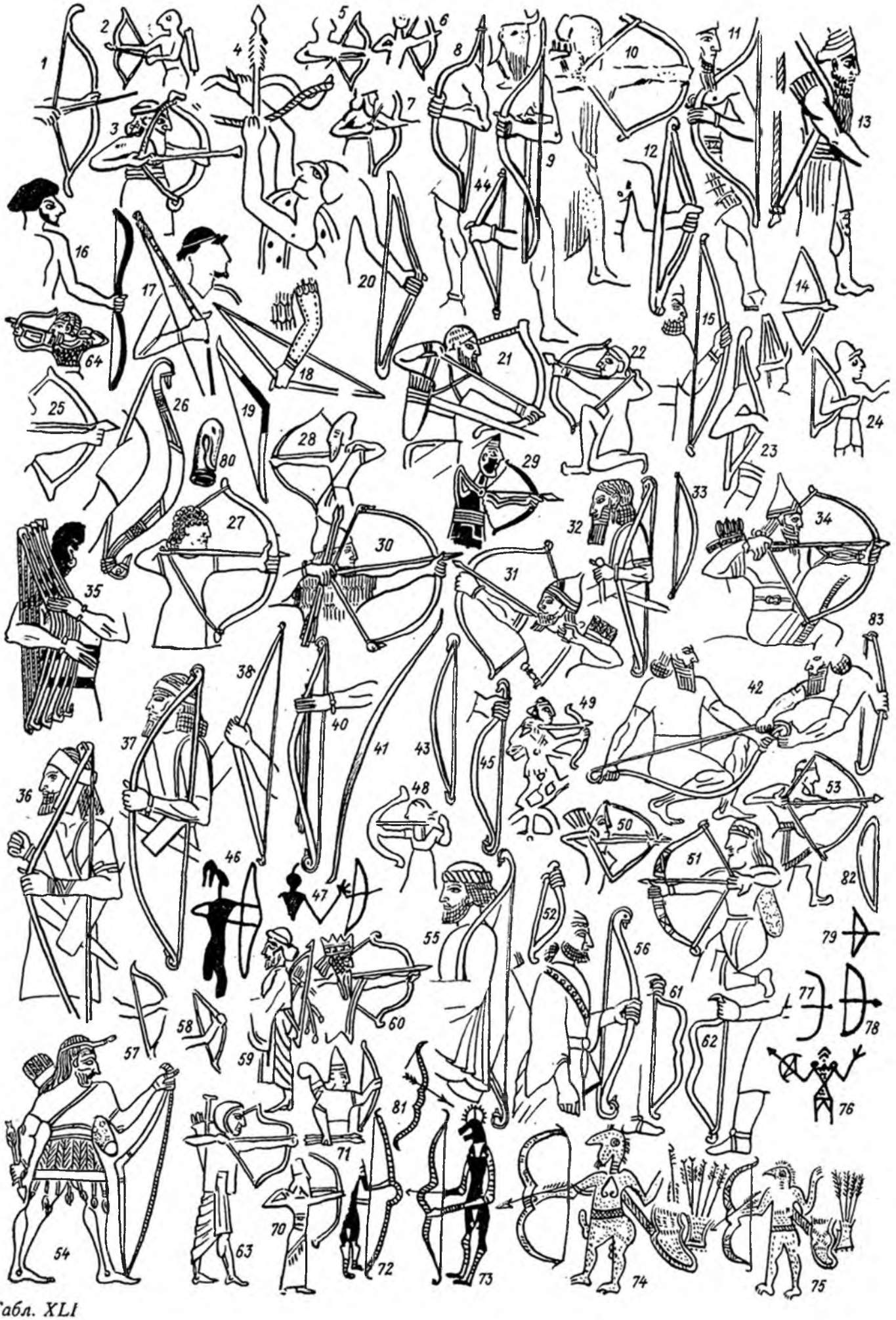


Табл. XLI

лулубеев Анубанини, деталь скального рельефа, вторая половина XXIII в. до н. э.; 12) царь Лаширпирини, то же, Шейх-хан, конец III тысячелетия до н. э.; 13) бог-воин, изображение на глиняной плакетке, Тутуб (Хафадже), начало II тысячелетия до н. э.; 14) изображение на печати, Нуза (Иорган-Тепе), XVI—XIV вв. до н. э.; 15) вавилонский царь Мардук-надин-аххе, деталь изображения на стеле, Сиппар, начало XI в. до н. э.; 16) азиат, деталь стенописи, Бени-Хасан, XII династия, XX—XIX вв. до н. э.; 17) сирийский данник, то же, гробница Рехмира, Фивы, XV в. до н. э.; 18) тяжеловооруженный сирийский воин, деталь изображения на кожаной тисненой обивке кузова колесницы Тутмоса IV, конец XV в. до н. э.; 19) лук сирийца, деталь росписи шкатулки из гробницы Тутанхамона, XIV в. до н. э.; 20) деталь изображения на костяной пластине, Угарит (Рас-Шамра), XIV в. до н. э.; 21) деталь изображения на золотом блюде, Угарит, середина XIV в. до н. э.; 22) хеттский рельеф на ортостате городской стены, Аладжа-Хююк, XV—XIII вв. до н. э.; 23) хеттский рельеф, Кара-Бел, XIII—XII вв. до н. э.; 24) изображение на хеттской печати, середина II тысячелетия до н. э.; 25) изображение на ортостате Гузана (Телль-Халаф), начало I тысячелетия до н. э.; 26) то же, Сам'аль (Зинджирли), VIII в. до н. э.; 27) то же, Каркемиш, время то же; 28) деталь изображения на серебряном кипро-финикийском блюде, Кипр, VIII—VII вв. до н. э.; 29) изображение на керамической вазе, Кипр, 700—600 гг. до н. э.; 30—32) тяжеловооруженные и легкие лучники войска Саргона II (722—705 гг. до н. э.), Ассирия, детали рельефов дворца в Дур-Шаррукине (Хорсабад); 33, 34, 38) луки и конный лучник, детали рельефов дворца Ашшурнацирапала II (883—859 гг. до н. э.) в Кальху (Нимруд), Ассирия; 35) деталь стенописи дворца ассирийского наместника, Тиль-Барсиб (Телль-Ахмар), VIII в. до н. э.; 36, 37) иудейский и ассирийский лучники войска царя Синаххериба (события около 704—703 гг. до н. э.), рельеф дворца в Ниневии (Куюнджик), Ассирия; 40) деталь рельефа дворца Ашшурбанипала (668—635/27 гг. до н. э.), там же; 41) медь, Сузы, VII—VI вв. до н. э. (частичная реконструкция); 42) надевание тетивы на ассирийский лук, деталь рельефа дворца Ашшурбанипала в Ниневии; 43) эламский лук, деталь рельефа, оттуда же; 44) лук царя Нарам-Суэна, XXIII в. до н. э., скальный рельеф в Дарбанд-е Гавр; 45) лук — дань сузианцев, деталь рельефа ападаны, Персеполь, первая четверть V в. до н. э.; 46, 47) роспись на керамике, Сузы, конец IV тысячелетия до н. э.; 48) деталь изображения на бронзовой пластинке, Лурестан, X—VIII вв. до н. э.; 49) колесничный лучник, деталь бронзового псалия, оттуда же, начало I тысячелетия до н. э.; 50) изображение на бронзовом топоре, оттуда же, X—VIII вв. до н. э.; 51) деталь изображения на серебряной пластине, оттуда же, VIII—VII вв. до н. э.; 52) деталь изображения на каменной плакетке, оттуда же, время то же; 53) изображение на серебряной чаше, Амлаш, Западный Иран, IX—VIII вв. до н. э.; 54) изображение на золотой чаше, Ида (Хасанлу), Западный Иран, время то же; 55) сузианский воин, изразцовый рельеф дворца ахеменидских царей, Сузы, VI—V вв. до н. э.; 56) лук царя Дария, деталь изображения на Бехистунской скале (521—518 гг. до н. э.); 57) изображение на золотой монете (дарике, 335—330 гг. до н. э.) Дария III (?); 58) изображение на серебряной монете сатрапа Тиссаферна, около 400 г. до н. э.; 59, 60) изображение на ахеменидских печатях, VI—IV вв. до н. э.; 61, 62) деталь рельефа на скальной гробнице, Кызкапан, Сурдаш, Западный Иран, VII—VI вв. до н. э.; 63) персидский воин, изображение на ахеменидской печати, Иран, VI—IV вв. до н. э.; 64) колесничный тяжеловооруженный лучник, деталь изображения на финикийской костяной шкатулке, Энкоми, Кипр, VII в. до н. э.; 70) изображение на печати Тейшебаини (Кармир-Блур), Урарту, VII—VI вв. до н. э.; 71) изображение на бронзовом поясе, Урарту, VIII в. до н. э., Мюнхен, Донаторий Государственного собрания; 72, 73) то же, Санаин, Армения, VIII—первая половина VII в. до н. э.; 74, 75) то же, погребения 76 и 74, Тлийский могильник, Южная Осетия, время то же; 76) изображение на сосуде Кедабек, АзерССР, время то же; 77—79) петроглифы, Дагестан, III—II тысячелетия до н. э.; 80) рог лука, бронза, Мединет, ал-Байда, Сирия, X—VIII вв. до н. э.; 81) изображение на бронзовом поясе, погребение 5, могильник Марал-Дереси, Восточная Грузия, VIII—VII вв. до н. э.; 82) изображение на каменной стеле, с. Керносовка, Крым, первая четверть II тысячелетия до н. э.; 83) лук араба-бедуина, рельеф дворца Ашшурбанипала в Ниневии, третья четверть VII в. до н. э.

Таблица XLII. Луки Китая (1—28), севера КНР (29, 30, 135), Центральной Азии (31—67, 71, 111—133), Казахстана (68—70, 110), Волго-Уральского региона (104—109), Северного Причерноморья (72—103), Индии (134); 35—71, 121—«карасукская» эпоха, 72—74—«киммерийская» эпоха, 75—120, 122—133—«скифская» эпоха.

1—6) луки с надетой тетивой, пиктограммы, эпоха Инь, XIII—XII вв. до н. э.; 7—9) луки со снятой тетивой, то же, время то же; 10, 11) концевые накладки на рога лука «ми», нефрит, погребение M 20, Аньян, время то же; 12) то же, рог, погребение M 175, Дасыкунцунь, Аньян, время то же; 13) изображение на бронзовом сосуде, период Чуньцю, VI—V вв. до н. э.; 14—17) то же, г. Чэнду, пров. Сычуань, время то же (цинское? изделие); 18) то же, время то же; 19) то же, период Чжаньго, V—IV вв. до н. э., собрание Э. Брэндэджа; 20, 21) то же, из городища

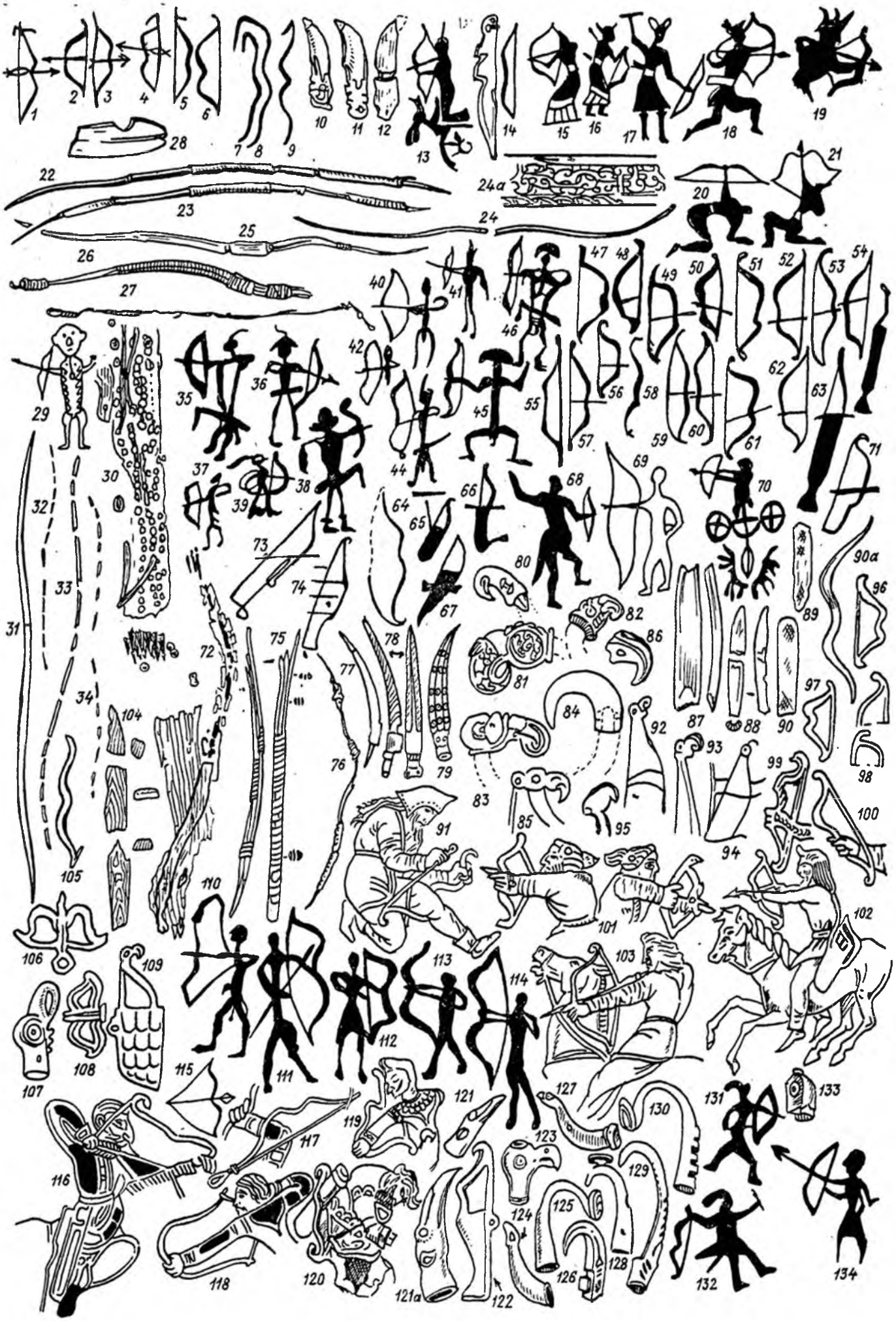


Табл. XLII

Юнчэна, столицы царства Цинь, VI—IV вв. до н. э.; 22, 23) бамбук, волоконные обмотки, лак, погребение 1, Лючэнцяо, р-н г. Чанша, культура царства Чу, VI—V вв. до н. э., длина 135 и 117 см; 24) дерево, цветные лаки, погребение 1, Тяньдань, уезд Цянлин, пров. Хубэй, культура царства Чу, V—IV вв. до н. э.; 25) несколько слоев дерева, волоконные обмотки, длина 140 см, г. Чанша, культура царства Чу, время то же; 26) обломок—половина лука, несколько слоев дерева, волоконные обмотки, роговые концевые накладки, оттуда же, время то же; 27) тетива, оттуда же, время то же; 28) накладка на рог лука, рог, оттуда же, время то же; 29) изображение на роговой пластине, погребение 102, Наньшаньгэнь, уезд Нинчэн, Внутренняя Монголия, VIII—VII вв. до н. э.; 30) лук и стрелы в горите: лук длиной 100 см, дерево, роговые концевые накладки, наконечники стрел из бронзы, горит из дерева, кожи, бронзовые бляшки, длина 125 см, Чжэньчжавацзы, пров. Ляонин, VI—V вв. до н. э.; 31—34) роговые обкладки луков Прибайкалья, первая половина II тысячелетия до н. э.; 31) Бумажкино, погребение 2, длина около 80 см, 32) Пономарево, погребение 12, длина около 80 см, 33) там же, погребение 7, длина около 130 см, 34) погребение 8, Братск, длина 140—150 см; 35—46) петроглифы Монголии: 35—38) долина р. Чулуут, середина II тысячелетия до н. э.; 39—42) Арабжах, время то же, 44, 45) скала Бичигтын-ам, XII—VII вв. до н. э., 46) Ховд-Сомон, вторая половина II тысячелетия до н. э.; 47—62) изображение на «оленных камнях» Монголии, XII—первая половина VII в. до н. э.; 63) Сунгинский «оленный камень», Тува, VIII—первая половина VII в. до н. э.; 64—67) «оленные камни» Алтая, первая четверть I тысячелетия до н. э.; 68, 69) петроглифы Тамгалы и Тюлькули, Казахстан, конец II—начало I тысячелетия до н. э.; 70) колесничный лучник, петроглиф из Арпауженя, Южный Казахстан, вторая половина II—начало I тысячелетия до н. э.; 71) изображение на «оленном камне», оз. Старое Гумерево, Южное Приуралье, конец II—первая четверть I тысячелетия до н. э.; 72) погребение 5, курган 2 у г. Зимогорье, Луганская область, горит с луком и стрелами: лук деревянный из двух полос, обклеенных берестой, длина 93 см, горит деревянный, длина 55 см, ширина 17 см, наконечники стрел из кости и бронзы, VIII в. до н. э.; 73) изображение на стеле из стан. Усть-Лабинской, Прикубанье, VIII—первая половина VII в. до н. э.; 74) то же, Джанкой, Крым, время то же; 75) курган 2, могильник Три брата, р-н Керчи, IV в. до н. э.; 76) лук деревянный, обмотка из коры, Херсонщина, V—IV вв. до н. э.; 77) концевая насадка лука, кость, курган 2 (раскопки 1897—1898 гг.), Волковцы, первая половина VI в. до н. э.; 78) то же, курган 503, с. Броварки, VI в. до н. э.; 79) то же, рог, бывший Роменский уезд, VI—V вв. до н. э.; 80) то же, кость, погребение 3, Комаровский могильник, р-н Моздока, VI в. до н. э.; 81) то же, курган у с. Новоалексеевка I, около Ростова-на-Дону, VI в. до н. э.; 82) то же, кость, курган Серогозы, VI в. до н. э.; 83) то же, кость, погребение 1, курган 2 у пос. Зеленый лагерь, около Каховки, VI в. до н. э.; 84) то же, кабаний клык, курган 3 у с. Подгорное, около Днепропетровска, VI—V вв. до н. э.; 85) то же, деталь изображения на каменном изваянии из с. Терновка, VI—V вв. до н. э.; 86) то же (?), кабаний клык, Зивие, Северо-Западный Иран, середина—вторая половина VII в. до н. э.; 87—90) костяные накладки детали скифских луков: 87) курган у с. Будки, VI в. до н. э., 88) курган 17 у с. Новоалексеевка (Лазурное), Херсонщина, VI в. до н. э., 89) курган 7 у г. Мариуполя, V—IV вв. до н. э., 90) Бельское городище, VI—V вв. до н. э.; 90а) миниатюрная модель лука, бронза, Ольвия, VI—IV вв. до н. э.; 91) скиф, надевающий тетиву на лук, деталь изображения на золотом сосуде из кургана Куль-Оба, Крым, IV в. до н. э.; 92—103) изображения скифских луков: 92) каменное изваяние, конец VII—первая половина VI в. до н. э., Киев, ГИМ, 93) то же, время то же, Ставропольский краеведческий музей, 94) из с. Ольховчик, время то же, 95) из станицы Красный Маныч, время то же, 96) ольвийская монета, IV в. до н. э., 97) монета Понтикапея, IV в. до н. э., 98) изображение на золотой пластинке из Геремесова кургана, IV в. до н. э., 99) изображение на золотой пластинке из кургана у с. Поповка, IV в. до н. э., 100) изображение на серебряном сосуде, курган 3, могильник Частые курганы, IV в. до н. э., 101) изображение на золотой бляшке, курган Куль-Оба, IV в. до н. э., 102) монета скифского царя Атея, середина IV в. до н. э., 103) изображение на серебряном сосуде из кургана Солоха, первая половина IV в. до н. э.; 104) остатки савроматского лука (ширина 2,8 см), береза, два слоя, погребение 1, курган 13, Новокумакский могильник, около Орска, VI—V вв. до н. э.; 105) изображение на савроматском наконечнике стрелы, курган 6, Мечетсайский могильник, Илек, V в. до н. э.; 106) железная бляшка, курган VI, пос. Благословенский, Поволжье, V в. до н. э.; 107) концевая насадка лука, бронза, погребение 926, Старший Ахмыловский могильник, VI в. до н. э.; 108) бронзовая бляшка, Буйское городище ананьинской культуры, V в. до н. э.; 109) то же, культура та же, с. Омары, VI в. до н. э.; 110) петроглиф, Тамгалы, Семиречье, V—IV вв. до н. э.; 111—115) петроглифы, р. Елангаш, Алтай; 116—118) детали изображения на золотой пряжке из «Сибирской коллекции Петра I», Алтай или Семиречье, IV—III вв. до н. э.; 119) золотая фигурка всадника, оттуда же, время то же; 120) золотая фигурка-деталь пронизи, могильник Бэрге III, Тува, IV—III вв. до н. э.; 121, 121а) концевые насадки лука, рог, курган 2, могильник Дужерлиг-Ховузу I, Тува, время то же; 122—133) тагарская культура, Минусинская котловина: 122) бронзовая бляшка, Имен, VII—IV вв. до н. э., 123) концевая насадка лука, бронза, дер. Потрошилово, VI—IV вв. до н. э., 124) Гляден, время то же; 125) Минусинский край, 126) дер. Шошина, 127) Сухая Ерба, 128) Быскар, 129—130) дер. Потехина, 131, 132) петроглиф «Кавказская писаница», р. Туба, IV—III вв. до н. э., 133) с. Тесинское; 134) роспись в пещере, Мирзапу, Индия, начало I тысячелетия до н. э.; 135) концевая накладка, нефрит, Байфу, р-н Пекина, XI—X вв. до н. э.

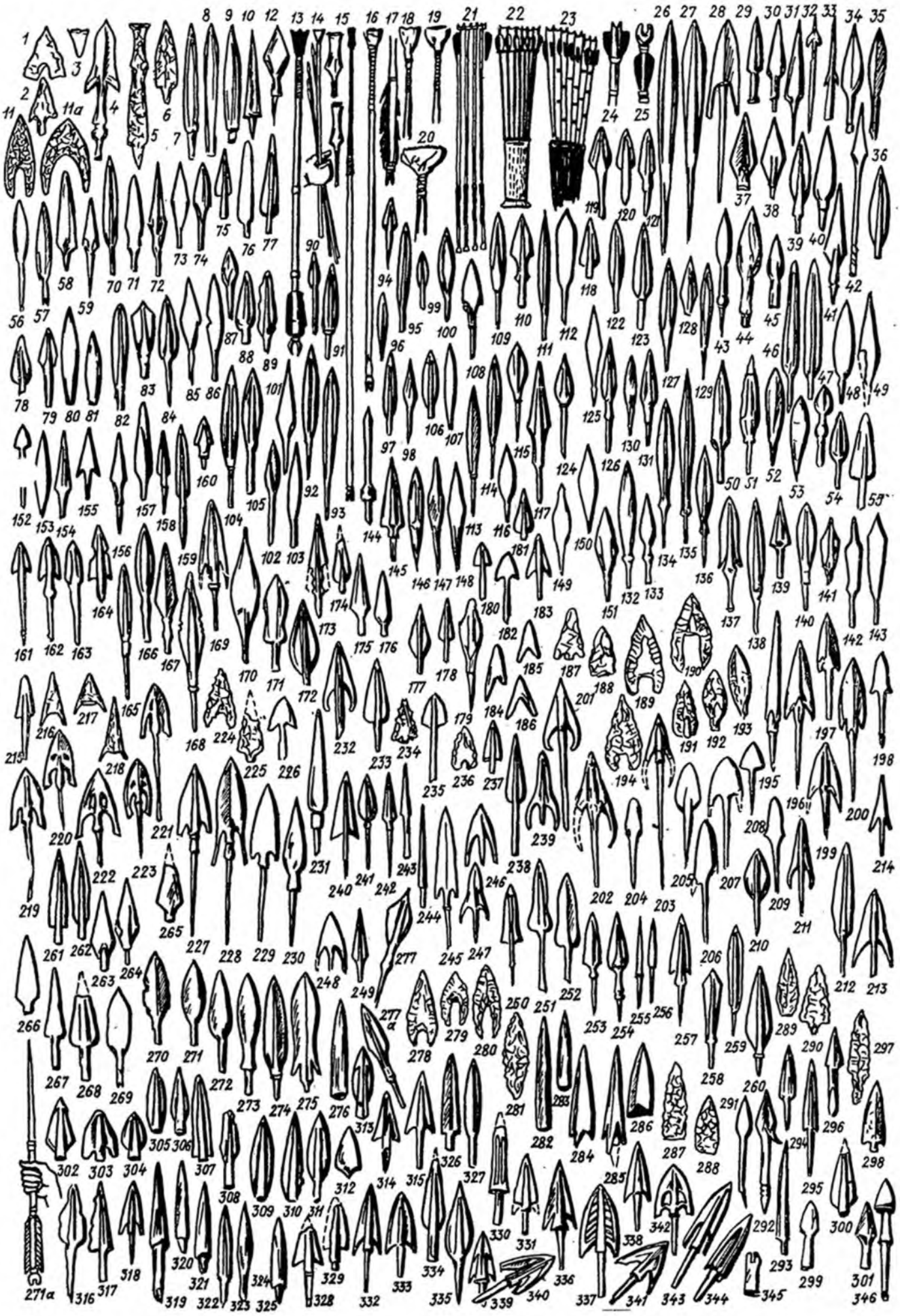


Таблица XLIII. Наконечники стрел и стрелы ближневосточного типа (1—277а), степного евразийского типа (278—318), китайские (319—346); Египта (21—28), Месопотамии (29—55, 266—277а), Сирии-Палестины (56—151, 261—265, 271), Малой Азии (187—231), Элама (170—176), Ирана (122—183, 240—260), Индостана (184—186), Кавказа (187—231), Талыша (232—239).

Северного Причерноморья (278—286), Поволжья — Приуралья (287—301), севера Средней Азии и Казахстана (302—312), Центральной Азии (313—318), Китая (319—346); камень — 1—3, 5—11а, 15—20, 187—194, 216—218, 224, 225, 234, 236, 278—285, 287—290, 297; кость, рог — 4, 195, 276, 282—286, 219—327; медь — 184, 186; железо — 230, 259, 260—275; бронза — остальное.

1, 2) Эль-Хадил, вторая половина IV тысячелетия до н. э.; 3) Абу-Сир, конец IV тысячелетия до н. э.; 4) Негада, время то же; 5—10) из гробниц правителей додинастического Египта, Абидос, время то же; 11) Негада, середина — вторая половина IV тысячелетия до н. э.; 11а) Эль-Файюм, время то же; 12) Среднее царство, последняя четверть III тысячелетия до н. э.; 13) деталь стенописи, Бени-Хасан, XII династия, XX — XIX вв. до н. э.; 14) модель стрелы в руке деревянной фигурки лучника номарха Сиута, дерево, бронза, Асьют, время то же; 15—20) древки тростниковые, длина от 45 до 65 см, XI династия, XXI — XX вв. до н. э.; 21—23) стрелы в арсеналах, стенопись гробниц, Среднее царство, XXIII — XX вв. до н. э.; 24, 25) разновидности оперения и яблочек стрел, оттуда же, время то же; 26, 27) Эль-Амарна, XVIII династия, XIV в. до н. э.; 28) Абидос, XIX династия, XIII в. до н. э. или позже — до начала I тысячелетия до н. э.; 29—33) Ур, середина — вторая половина III тысячелетия до н. э.; 34—42) Ур, первая половина I тысячелетия до н. э.; 43—45) Мари, XVIII в. до н. э.; 46—55) Нуза (Иорган-Тепе), первая половина XIV в. до н. э.; 56—77) Газа (Телль эль-Аджжуль), первая четверть II тысячелетия до н. э.; 78) Телль эль-Даб'а, XVIII — XVII вв. до н. э.; 79—81) Мегиддо, время то же; 82—84) оттуда же, XVI — XV вв. до н. э.; 85—88) оттуда же, первая половина XIV в. до н. э.; 89—93, 101—103) Альман, XV — первая половина XIV в. до н. э.; 94—100) Лакиш (Телль эль-Дувейр), XVI — XV вв. до н. э.; 104, 105) Газа (Телль эль-Аджжуль), XVI в. до н. э.; 106, 107) Хама (Телль эль-Фар'а), XV в. до н. э.; 108—110) Алалах (Телль-Атшана), 1447—1370 гг. до н. э.; 111—117) Гезер, XIV в. до н. э.; 118—123) Мегиддо, XIII в. до н. э.; 124—129) Газа (Телль эль-Аджжуль), XIII в. до н. э.; 130—136) Угарит (Рас-Шамра), XIII в. до н. э.; 137—140) Хама, XII в. до н. э.; 141—143) Мегиддо, XII в. до н. э.; 144—148) Эль-Хадр, XII в. до н. э.; 149—151) Мегиддо, XI в. до н. э.; 152—155) Аладжа-Хююк, XV — XII вв. до н. э.; 156—164) Тарс, время то же; 165—169) Хаттуса (Богазкёй), время то же; 170—171) Сузы, вторая половина II тысячелетия до н. э.; 172—176) Дур-Унташ (Чога-Замбиль), XIII — XII вв. до н. э.; 177) Тепе-Гиссар (слой III с), начало II тысячелетия до н. э.; 178—183) Иран, вторая половина XIII — XI вв. до н. э.;184—186) Мохенджодаро и Хараппа, вторая половина III — первая четверть II тысячелетия до н. э.; 187—188) Кюль-тапа, Армения, III тысячелетие до н. э.; 189, 194) Лчашен, Армения, XIII — XI вв. до н. э.; 190—193) Триалети, Грузия, первая половина II тысячелетия до н. э.; 195) Степанаван, Армения, конец II — начало I тысячелетия до н. э.; 196—198) Армения, XIII — VII вв. до н. э.; 199—203) Армения, конец II — начало I тысячелетия до н. э.; 204—209) Кызыл-Ванк, Нахичеванская область, середина — вторая половина II тысячелетия до н. э.; 210—213) Узун-тепа, Мугань, конец II — начало I тысячелетия до н. э.; 214) Акстафачай, АзерССР, время то же; 215) Бешташен — Сафар-Хароба, Грузия, время то же; 216—218) погребение 565, могильник Самтавро, Грузия, время то же; 219, 220) могильник Так-Килиси, Грузия, начало I тысячелетия до н. э.; 221) курган 2, у с. Ходжалы, АзерССР, время то же; 222, 223) погребение 23, могильник Гантиади, Грузия, VIII в. до н. э.; 224, 225) дольмен № 6, с. Отхара, Абхазия, конец III — первая половина II тысячелетия до н. э.; 226) Гагра, Абхазия, вторая половина II тысячелетия до н. э.; 227—229) Тейшебаини (Кармир-Блур), Урарту, VII в. до н. э.; 230, 231) оттуда же, время то же; 232, 233, 235, 237—239) Талыш, конец II — начало I тысячелетия до н. э.; 234, 236) там же, время то же; 240—245) Хурвин, Западный Иран, X — VIII вв. до н. э.; 246, 247) Марлик, Западный Иран, время то же; 248) могильник Тепе-Сиалк (слой A), Центральный Иран, IX в. до н. э.; 249) там же, слой B, VIII — первая половина VII в. до н. э.; 250—256) Луристан, IX — первая половина VII в. до н. э.; 257) Зивие, Северо-Западный Иран, середина VII в. до н. э.; 258) Персеполь, VII — VI вв. до н. э.; 259, 260) там же, VI в. до н. э.; 261—265) Каркемиш, VII в. до н. э.; 266—270) Гузана (Телль-Халаф), IX — VII вв. до н. э.; 271а) деталь рельефа из Сам'аля (Зинджирли), VIII в. до н. э.; 271—275) Кальху (Нимруд), VII в. до н. э.; 276) оттуда же, время то же; 277) с именем вавилонского царя Набу-мукин-апли (979—944 гг. до н. э.), из Луристана; 278—280) днепро-азовская катакомбная культура, середина II тысячелетия до н. э.; 281) нижний Дон и Крым, время то же; 282—285) Поднепровье, XIV — XII вв. до н. э.; 286) там же, XII — X вв. до н. э.; 287, 288) курган 11 у с. Скатовка, Нижнее Поволжье, срубная культура, время то же; 289—296) абашевская культура, Приуралье, XV — XIII вв. до н. э.; 297, 298) срубная культура, Южное Приуралье, XV — XIII вв. до н. э.; 299—301) андроновская культура, Южное Приуралье, конец II — начало I тысячелетия до н. э.; 302) андроновская культура, Семиречье, время то же; 303) окуневская культура, первая половина II тысячелетия до н. э., Восточный Казахстан; 304—307) андроновская культура, там же, конец II — начало I тысячелетия до н. э.; 308) Кучук-тепа, Северный Узбекистан, X в. до н. э.; 309) Бурчмулла, Ташкентская область, начало I тысячелетия до н. э.; 310—312) Чуст, Фергана, XI — X вв. до н. э.; 313, 314) Тува, VIII — первая половина VII в. до н. э.; 315) Шилоу, Северный Хэбэй, XII — XI вв. до н. э.; 316, 317) Наньшаньгэн, уезд Нинчэн, Внутренняя Монголия, VII в. до н. э.; 318) культура Сыва, Ганьсу, VIII — VII вв. до н. э.; 319—325) Китай, конец III — первая половина II тысячелетия до н. э.; 326, 327, 330, 331) уезд Гаочэн, пров. Хэбэй, культура эпохи Инь, XIII — XII вв. до н. э.; 328, 329) Паньлунчэн, уезд Хуанпи, пров. Хэбэй, культура эпохи Инь, XVI — XIV вв. до н. э.; 332—336) Аньян, эпоха Инь, XIII — XII вв. до н. э.; 337, 338) Хецзяцунь, эпоха Западного Чжоу, XI в. до н. э.; 339, 340) Байцаопо, уезд Линтай, пров. Ганьсу, Западное Чжоу, первая половина X в. до н. э.; 341—346) могильник Шанцуньлинь, царство Го, Западное Чжоу, VIII — первая половина VII в. до н. э.

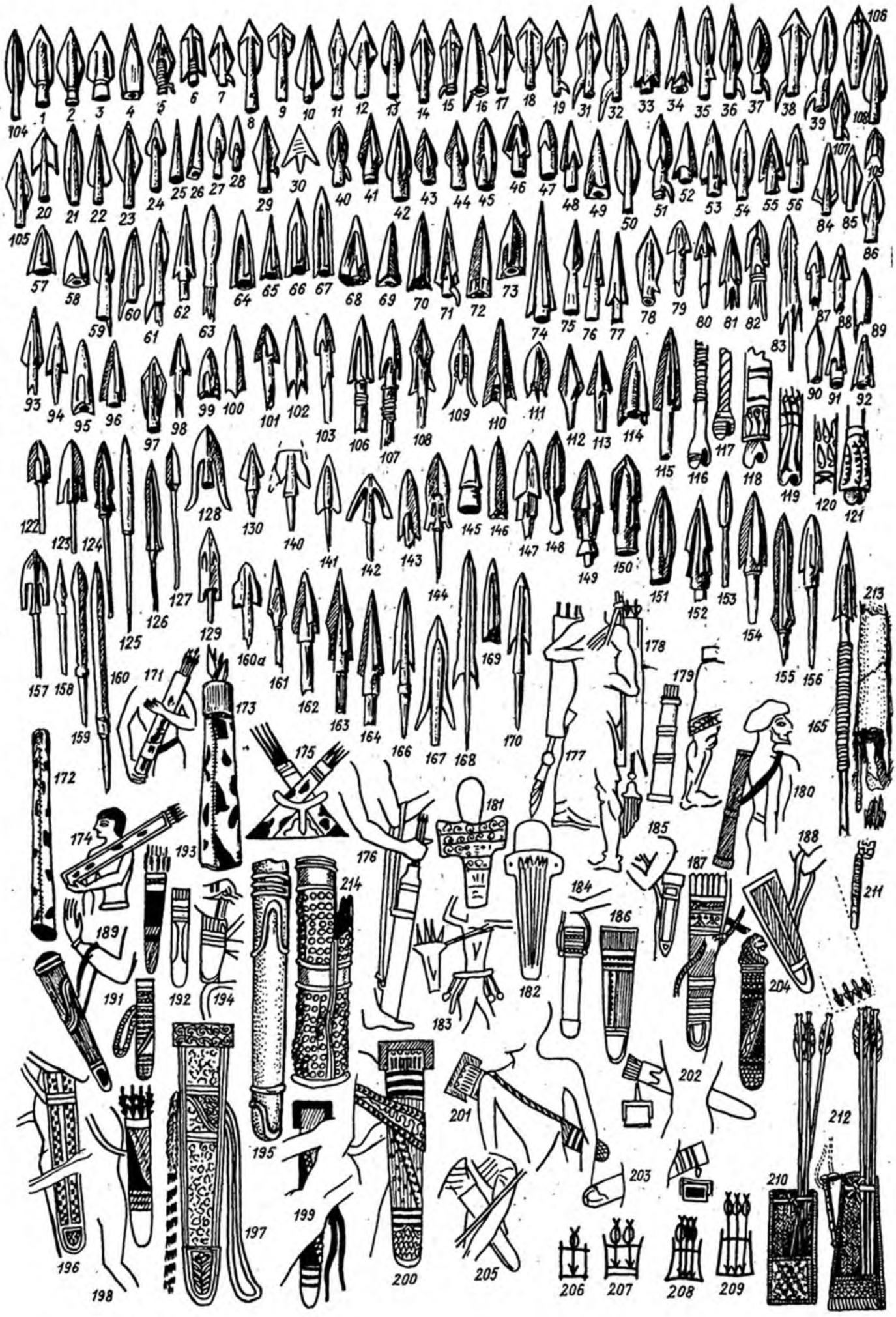


Таблица XLIV. Стрелы и наконечники стрел «киммерийского» периода (1—13, 20—30, 104—105), «скифского» типа (14—19, 31—121), китайские (122—170): колчаны Египта (171—176, 196—203), Месопотамии (177—179, 183, 214), Сирии-Палестины (180, 184—195), Малой Азии (204), Северного Причерноморья (181), Китая (205—213) III—II тысячелетий до н. э., бронза.

1—4) бронза (1, 2) и кость (3), погребение 5, курган 2, у г. Зимогорье, Луганской области, VIII в. до н. э.; 5—7) курган Малая цимбалка, время то же; 8, 9) курган Высокая могила, первая половина VII в. до н. э.; 10—13) Зольный курган, Крым, время то же; 14—16) курган Аржан, Тува, середина VII в. до н. э.; 17—19) Чиликтинский курган, Восточный Казахстан, время то же; 20—30) из «киммерийских» могильников в р-не Кисловодска, конец VIII — первая половина VII в. до н. э.; 20,21) Мебельная фабрика, 22—26) «Станичный», 27, 28) Султан-гора, 29, 30) Аллероевский; 31—34) Самтаврский могильник, Грузия, середина — вторая половина VII в. до н. э.; 35—37) Тейшебаини (Кармир-Блур), Армения, вторая половина VII в. до н. э.; 38, 39) Зивие, Северо-Западный Иран, середина VII в. до н. э.; 40) Зендан-е Сулейман, Иран, середина VII в. до н. э.; 41—43) Сузы, конец VII — начало VI в. до н. э.; 44—50) Персеполь, V в. до н. э.; 51—77) стрелы скифов, савромато-сармат и племен ананьинской культуры (кость — ананьинцы Прикамья, железо — из курганов Подонья): 51—56) первая половина VII — начало VI в. до н. э., 57—63) VI в. до н. э., 64—71) V в. до н. э., 72—77) IV в. до н. э., 78—100) стрелы сакских (и тохарских?) племен Средней Азии, Казахстана, запада Центральной Азии: 78—82) Памир, VII — IV вв. до н. э., 83) железо, Памир, IV — III вв. до н. э., 84—86) Приаралье, VI — V вв. до н. э., 87—92) Казахстан, V — IV вв. до н. э., 93—96) Центральный и Восточный Казахстан, V — III вв. до н. э., 97, 98) Алтай, VII — VI вв. до н. э., 99, 100) Алтай, V — III вв. до н. э.; 101—115) стрелы культур «скифского» типа Центральной Азии: 100—103) Тува, Минусинская котловина, Западная Монголия, VI в. до н. э., 104, 105) Минусинская котловина, VIII — первая половина VII в. до н. э. (предскифский «киммерийско-карасукский» период), 106, 107) Тува, Западная Монголия и Минусинская котловина, конец VI — IV в. до н. э., 108) Минусинская котловина, конец VI — V в. до н. э., 109—111) там же, V — IV вв. до н. э., 112—115) север КНР, VI — IV вв. до н. э.; 116—121) древки стрел скифского типа: 116) дерево, обмотка нитью, курган Три брата, скифы, IV в. до н. э., 117) дерево, роспись красной краской, курган Куль-Оба, скифы, IV в. до н. э., 118—121) дерево, роспись красной и черной краской, 3-й Пазырыкский курган, саки Алтая, V в. до н. э.; 122—170) стрелы Китая: 122—125) Фэньшуйлин, около г. Чанчжэн, пров. Шаньси, V — IV вв. до н. э., 126—128) уезд Люхэ, пров. Цзянсу, IV в. до н. э., 129) Даяньцзуй, уезд Сунцзи, пров. Хубэй, V — IV вв. до н. э., 130—156) городище Саньяня, столицы царства Цинь, IV — III вв. до н. э., 157—160) Байцзяцунь, около г. Ханьдань, пров. Хэбэй, V — IV вв. до н. э., 161—164) городище Сяду, нижней столицы царства Янь, р-н г. Пекина, IV — III вв. до н. э., 165) древко — бамбук, обмотка шелковой нитью, покрытие — черный лак, погребение 1, могильник Тэндянь, уезд Цянлин, пров. Хубэй, V — IV вв. до н. э., 166) уезд Кунчи, пров. Гуанси, V — IV вв. до н. э., 167, 168) Иньшаньлинь, уезд Пиньлэ, пров. Гуанси, культура царства Юэ, IV — III вв. до н. э., 169, 170) погребение 2, уезд Циньюань, пров. Гуандун, IV в. до н. э.; 171) роспись гробницы Каэмхесета, Саккара, Древнее царство, VI династия, третья четверть III тысячелетия до н. э.; 172) деревянная расписная модель, Асьют, Среднее царство, последняя четверть III тысячелетия до н. э., Лувр; 173) то же, время то же, музей Метрополитен; 174) роспись гробницы, Бени-Хасан, XII династия, Среднее царство, XX — XIX вв. до н. э.; 175) колчан со стрелами в арсенале, роспись гробницы, Среднее царство; конец III тысячелетия до н. э.; 176) роспись гробницы Сенби, Меире, XII династия, XX — XIX вв. до н. э.; 177) деталь изображения на стеле Римуша, из Нгирсу (Телло), середина XXIII в. до н. э.; 178) деталь изображения на печати эпохи династии Аккаде, XXIII — XXI вв. до н. э.; 179) деталь скального рельефа с изображением царя лулубеев Лаширпирини, Шейх-хан, конец III тысячелетия до н. э.; 180) «азиат» — деталь росписи гробницы, Бени-Хасан, XII династия, XX — XIX вв. до н. э.; 181) роспись гробницы в кургане у стан. Новосвободной, рубеж III — II тысячелетий до н. э.; 182) гравировка на стене гробницы, Лёйна-Гёлич, р-н г. Галле (Заале), Германия, начало II тысячелетия до н. э.; 183) изображение на митаннийской печати, Нуза (Иорган-Тепе), середина II тысячелетия до н. э.; 184, 185) роспись гробницы Имаунезеха, Фивы, XV в. до н. э.; 186—188) колчаны-сирийская дань, детали росписей гробниц эпохи Нового царства, XVIII династия, XV — начало XIV в. до н. э.; 189) роспись гробницы Себеххотепа, Фивы, XVIII династия, время Тутмоса IV (1420—1411 гг. до н. э.); 191—192) сирийские колчаны, изображение на кожаной обивке колесницы Тутмоса IV; 193) колчан сирийца, деталь росписи шкатулки из гробницы Тутанхамона, XIV в. до н. э.; 194) деталь изображения на золотом блюде, Угарит (Рас-Шамра), середина XIV в. до н. э.; 195) кожа, обтянутая грунтованным и расписанным холстом, длина 80 см, из Фив, сирийский импорт, около 1400 г. до н. э.; 196) роспись гробницы Паэмре, Фивы, XVIII династия, время Тутмоса III, около 1450 г. до н. э.; 197) колчан из «оружейной палаты» фараона, роспись гробницы Кенамона, Фивы, XVIII династия, 1436—1411 гг. до н. э.; 198) деталь росписи на шкатулке из гробницы Тутанхамона, XIV в. до н. э.; 199) колчан Рамсеса II, деталь росписи храма в Бейт эль-Вали, XIII в. до н. э.; 200, 201) телохранители Рамсеса III, роспись в Мединет-Абу, XII в. до н. э.; 202, 203) колчаны Рамсеса III, роспись оттуда же; 204) колчан из «оружейной палаты» фараона, роспись гробницы Рамсеса III, XII в. до н. э.; 205) колчан хеттского колесничного бойца, деталь рельефа в Карнаке, с изображением битвы при Кадеше, XIII в. до н. э.; 206—209) пиктограммы, означающие колчан, эпоха Инь, XIII — XII вв. до н. э.; 210) реконструкции иньского колчана (по Хаяси Минао) по находке в Сяотунь, Аньян, XIII — XII вв. до н. э., тростниковое и волоконное плетение, система подвески из костяных пластин, высота 30 см; 211) остатки колчана и стрел, погребение 141, Люлихэ, уезд Хуйсянь, р-н г. Пекина, раннее Чжоу, конец XI — начало X в. до н. э., тростниковое плетение, подвеска из кости; 212) реконструкция колчана из погребения 141 в Люлихэ (по Хаяси Минао, высота 40 см); 213) кожа, длина 56 см, диам. 7 см, наконечники стрел бронзовые, погребение (чэмакэн) 43, Аньян, эпоха Инь; 214) бронза, Мари, XVI в. до н. э.

Табл. XLV

Таблица XLV. Колчаны II—первой трети I тысячелетия до н. э. Сирии (1), Месопотамии (2—19, 95), Аравии (20), Элама (21—23), Ирана (24—29, 32—34), Кавказа (30, 31), Центральной Азии (35—48), Китая (49—50). Налучья Египта (51—61). Гориты «доскифского» периода Центральной Азии (62—83), Южного Приуралья (84), Северного Причерноморья (85—89), Кавказа (90—92, 94), Казахстана (93).

1) изображение на каменном ортостате, Сам'аль (Зинджирли), VIII в. до н. э.; 2—5) детали рельефов дворца Ашшурнацирапала II (883—859 гг. до н. э.) в Кальху (Нимруд): 2, 5) колчаны месопотамцев, 3) ассирийского пешего лучника, 4) телохранителя ассирийского царя; 6—8) детали росписей дворца в Тиль-Барсибе (Телль-Ахмар), VIII в. до н. э.; 9—11, 95) рельефы дворца Саргона II (721—705 гг. до н. э.) в Дур-Шаррукине (Хорсабад) (95—«горит» конного лучника); 12—14) рельефы дворца Синаххериба (704—681 гг. до н. э.) в Ниневии (Куюнджик); 15, 16) рельефы дворца Ашшурбанапала II (668—635/27 гг. до н. э.), там же; 17, 18) «гориты», изображения на медной оковке ворот, Имгур-Бел (Балават), IX в. до н. э.; 19) «горит», рельеф дворца Ашшурбанапала II в Ниневии; 20) колчан араба-бедуина, рельеф оттуда же, время то же; 21—23) колчаны эламитов, рельеф оттуда же, время то же; 24) бронза, длина 61 см, Луристан, около 860 г. до н. э.; 25) бронза, длина 58 см, Чамзи, Луристан, VIII—VII вв. до н. э., ассирийское изделие; 26) бронза, Луристан, время то же; 27) бронза, длина 60 см, ширина 14 см, Луристан, время то же; 28) бронза, длина 37,4 см, Луристан, музей Эшмола, Оксфорд; 29) деталь каменной резной плакетки, Луристан, время то же; 30) деталь деревянной скульптуры божества, колчан бронзовый, Тейшебаини (Кармир-Блур), Урарту, VII в. до н. э.; 31) бронзовый колчан с именем урартского царя Сардури III (645—625 гг. до н. э.), длина около 65 см, оттуда же; 32, 33) колчаны сузианских воинов ахеменидского царя, Сузы, цветные изразцы, V в. до н. э.; 34) колчан сузианского типа персидского воина ахеменидского царя, рельеф из Персеполя, V в. до н. э.; 35) петроглиф, р. Елангаш, Алтай, конец II—первая четверть I тысячелетия до н. э.; 36, 38) то же, Ховд, сомон, Западная Монголия, вторая половина II тысячелетия до н. э.; 37) то же, Сыгыр, Алтай, конец II—первая половина I тысячелетия до н. э.; 39—48) изображения колчанов на правых гранях «оленных камней» Монголии, конец II—первая треть I тысячелетия до н. э.; 49) дерево, лак, г. Чанша, культура царства Чу, V—IV вв. до н. э.; 50) то же, погребение 1, Тэндянь, уезд Цзянлин, пров. Хубэй, время то же; 51) рельеф из Дер эль-Бахри, XVIII династия, XVI в. до н. э.; 51а) роспись, гробница Бени-Хасан, XII династия, XX—XIX вв. до н. э.; 52—55, 58, 59) детали настенных росписей, Среднее царство, последняя четверть III тысячелетия до н. э.; 56, 57) росписи гробницы, Бени-Хасан, Среднее царство, XX—XIX вв. до н. э.; 60) рельеф храма Хатшепсут, Дер эль-Бахри, Новое царство, XVIII династия, начало XV в. до н. э.; 61) роспись гробницы Кенамона, Фивы, XVIII династия, XV в. до н. э.; 62—81) изображения горитов на левых гранях «оленных камней» Монголии, конец II—первая треть I тысячелетия до н. э.; 82, 83) то же, Тува, время то же; 84, 85) каменные стелы, Зубовский хутор, Прикубанье, VIII—первая половина VII в. до н. э.; 86) каменное изваяние, Гумерово, Оренбургская область, время то же; 87) то же, Кызбурун, Кабардино-Балкария, время то же; 88) то же, Ольвия, нижний Буг, время то же; 89) то же, курган у с. Белоградец, Болгария, нижнее Подунавье, время то же; 90) изображение на бронзовом поясе, погребение 76, могильник Тли, Южная Осетия, время то же; 91) то же, погребение 5, могильник Марал-Дереси, Грузия, время то же; 92) деталь бронзовой скульптурки—навершия булавки, кобанская культура, Северный Кавказ, VII в. до н. э.; 93) петроглиф, урочище Сагыр, Восточный Казахстан, время то же; 94) бронза, VIII—VII вв. до н. э., из Луристана, урартское изделие.

1
1а
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
39а
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
60а
60б
61
62
63
64
64а
65
66
67
68
69
70
71
72
73

Таб. XLVI

Таблица XLVI. Гориты скифские (1—31), волжско-уральские (32), сакские (33—39), персо-мидийские (40—48). Принадлежности для стрельбы из лука (49—58, 73). Арбалеты и арбалетные болты Китая (59—72).

1, 1а) изображение скифов (или саков?) на ахеменидской печати VI—V вв. до н. э. [1) горит в походном положении, 1а) горит в боевом положении]; 2—7) изображения на левых гранях скифских каменных изваяний: 2) из Краснодарского музея, V в. до н. э., 3) из с. Медерово, V в. до н. э., 4) из с. Калиновка, Николаевской губернии, V—IV вв. до н. э., 5) из с. Терновка, там же, время то же, 6) из станицы Елизаветовская, Прикубанье, VI—V вв. до н. э., 7) из Черноморска, около Евпатории, V—IV вв. до н. э.; 8—21) изображения на греческих и скифских рельефах; 8) золотая обкладка пряжки, IV в. до н. э., ГИМ, Москва, 9, 10) ольвийские монеты IV в. до н. э., 11) золотая пластинка из Сахновки, IV в. до н. э., 12—13) серебряная амфора из кургана Чертомлык, IV в. до н. э. (закрытого, иранско-сакского типа), 14, 15) золотой сосуд из кургана Куль-Оба, IV в. до н. э., 16) золотая бляшка, оттуда же, время то же, 17) серебряный сосуд из кургана 3 могильника Частые курганы, IV в. до н. э., 18) золотая пектораль из кургана Толстая могила, IV в. до н. э., 19) серебряный сосуд из кургана Гайманова могила, IV в. до н. э., 20) каменный рельеф из Ольвии, начало V в. до н. э., 21) каменный рельеф из Евпатории, IV—III вв. до н. э.; 22) крепление подвесочной петли горита и застежка отделения для стрел, курган Репяховатая могила, VI в. до н. э. (детали — пронизь, «гвоздики», застежка из кости); 23) реконструкция горита из 4-го Келермесского кургана, рубеж VII—VI вв. до н. э. (обкладка и застежка из золота); 24) реконструкция горита из с. Ильичево, Крым, V в. до н. э. [обкладка отделения для стрел и ворворка для кисти (или скальпа?) из золота]; 25) остатки горита из кургана у с. Опишлянка, VI в. до н. э. (каркас из железного прута, основа — береста, покрытие из меха, металлические детали крепления и оформления бронзовые, обтянуты золотом); 26) реконструкция горита из кургана Дорт-Оба, Крым, начало IV в. до н. э. (основа кожаная, оковки отделения для стрел золотые); 27) золотая обкладка отделения для стрел (схема декора) из курганов Чертомлык, Ильинецкого, Мелитопольского, Пятибратнего, IV в. до н. э.; 28) бронзовая оковка крышки отделения для стрел, 1-й Ульский курган, рубеж VII—VI вв. до н. э.; 29, 30) то же, бронза, курган Солоха, первая половина IV в. до н. э.; 31) изображение на золотой пластине из с. Поповка, IV в. до н. э.; 32) реконструкция горита из погребения 301, Старший Ахмыловский могильник, VII—VI вв. до н. э. (основа — красная кожа, бляхи бронзовые); 33) изображение на войлочном ковре, 5-й Пазырыкский курган, Алтай, V в. до н. э.; 34) изображение на золотой поясной бляхе из «Сибирской коллекции Петра I», ГЭ, Алтай или Семиречье; 35) реконструкция горита алтайских саков (планка-каркас из расписного дерева и кожаный наконечник из 1-го Туэктинского кургана, VI в. до н. э.; 36, 37) деревянные, крашенные красной краской планки-каркасы алтайских горитов, курган 18, могильник Барбургазы II (длина 60 см), и курган 12, могильник Уландрык I (длина 53 см), V—IV вв. до н. э.; 38) горит сака-тиграхауда, рельеф ападаны Персеполя, первая четверть V в. до н. э.; 39) горит согдийца, там же, время то же; 40) изображение на золотой пластинке из Амударьинского клада, Иран, VI—V вв. до н. э.; 41—44) изображение персидских горитов на рельефах ападаны Персеполя, первая четверть V в. до н. э. (43, 44 — внутренняя сторона, 44 — скрепление кожаных кусков-деталей костяными заклепками); 45) костяная заклепка-«столбик» от скифского горита, погребение 2, курган Репяховатая могила, VI в. до н. э.; 46—48) изображения ахеменидских (персо-мидийских) и сакских горитов в греческом искусстве; 46) саркофаг из Клазомен, Малая Азия, VI в. до н. э. (персы), 47—48) вазопись, V в. до н. э.; 49) предохранитель запястья (напульсник), роспись гробницы, Египет, Среднее царство, последняя четверть III тысячелетия до н. э.; 50) то же, расписная кожа, Балабиш, Египет, «гиксосское» время, XVIII—XVII вв. до н. э.; 51) предохранитель предплечья, длина 32 см, красная кожа, из гробницы Тутмоса IV, XVIII династия, конец XV в. до н. э.; 52) то же, роспись гробницы Кенамона, XVIII династия, Фивы, конец XV в. до н. э.; 53) предохранитель для пальцев и запястья, изображение на каменном ортостате, Сам'аль (Зинджирли), Северная Сирия, VIII в. до н. э.; 54) предохранитель предплечья, рельеф дворца Ашшурнацирапала II (883—859 гг. до н. э.) в Кальху (Нимруд), Ассирия; 55) предохранитель запястья, стенопись дворца ассирийского наместника в Тиль-Барсибе (Телль-Ахмар), VII в. до н. э.; 56) нефрит, Аньян, гробница царицы Фу Хао, эпоха Инь, XIII в. до н. э.; 57) нефрит, Китай, период Чжаньго, V—IV вв. до н. э., галерея Фрир, Вашингтон; 58) кость, погребение 2403, могильник Чжунчжоулу, около г. Лоян, IV—III вв. до н. э.; 59) спусковой механизм китайского арбалета, бронза, V—III вв. до н. э.; 60) схема действия спускового механизма: а) при натягивании лука, б) перед спуском натянутой тетивы, в) в момент выстрела при освобождении тетивы; 61) реконструкция (по Ян Хуну) арбалета из г. Чанша, культура царства Чу, V—IV вв. до н. э., длина около 50 см; 62) реконструкция (по Ян Хуну) ложи арбалета из г. Лояна, IV—III вв. до н. э.; 63) механизм и скоба, погребение 44 в городище Сяду, р-н г. Пекина, культура царства Янь, III в. до н. э.; 64) арбалет-пистолет, период Чжаньго, V—IV вв. до н. э., собрание Э. Лидью (реконструкция по Е. М. Гроссеру): бронзовые рукоять, механизм и стрела; длина стрелы 20 см); 65) бронзовый наконечник, железный черешок, деревянное древко, Баньпо, р-н Сиань, V—III вв. до н. э.; 66—69) бронза, Дэшань, уезд Чандэ, пров, Хунань, культура царства Чу, время то же; 70) наконечник бронзовый, черешок железный, древко деревянное, Шахуацяо, р-н г. Чанша, культура царства Чу, время то же; 71, 72) наконечник бронзовый, древко — тростник, обмотка шелковой нитью, покрытие лаком, р-н г. Чанша, культура царства Чу, время то же; 73) наперсток, бронза, Минусинская котловина, тагарская культура, VI—IV вв. до н. э.

1
2
3
4
5
6
7
9a
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
51
25
18a
28
30
24
52
27
22
23
54
31
32
33
26
31a
29
35
53
37
41
34
36
47
55
38
39
40
42
43
44
48
49
50a
45
46
50

Табл. XLVII

Таблица XLVII. Панцири из мягких материалов.

1) настенная роспись, Иераконполь, Египет, конец IV тысячелетия до н. э.; 2) лучник, рельеф эпохи фараона Хуфу (Хеопса), Древнее царство, IV династия, вторая четверть III тысячелетия до н. э.; 3) деталь изображения на стеле Эанатума («Стеле коршунов»), Нгирсу (Телло), середина III тысячелетия до н. э.; 4) то же, на стеле Саргона Древнего, конец XXIV в. до н. э., Лувр; 5) то же; на стеле Римуша из Нгирсу, середина XXIII в. до н. э.; 6) панцирь Нарам-Суэна, деталь его победной «Стелы похода на лулубеев», из Суз, вторая половина XXIII в. до н. э.; 7) сутийский (?) воин, рельеф из Насирийе, рубеж III—II вв. до н. э.; 8) деталь изображения «трофея» (панцирь с воротником «курпису»), резьба по перламутру, Мари, XVIII в. до н. э.; 9) рыбаки, рельеф гробницы Мерерука, Саккара, Древнее царство, VI династия, XXIV в. до н. э.; 9а) лучник, изображение на рельефе времени фараона Хафра, время то же; 10) изображение на глиняной плакетке, Мари, XVIII в. до н. э.; 11—14) лучники и щитоносец (12), росписи гробницы, Бени-Хасан, Среднее царство, XII династия, XX—XIX вв. до н. э.; 15, 16) изображение на черепке, Египет, XVIII династия, XIV в. до н. э., Каирский музей; 17—18а) копейщик (17) и мечники, роспись шкатулки из гробницы Тутанхамона, XVIII династия, XIV в. до н. э.; 19) «шардан» — телохранитель Рамсеса II, рельеф Рамессеума, Фивы, XIX династия, XIII в. до н. э.; 20) египетский телохранитель, лучники, сандаленосец Рамсеса II, то же, оттуда же, время то же; 21) египетский телохранитель Рамсеса III, то же, из Мединет-Абу, XX династия, XII в. до н. э.; 22) рельеф гробницы Хоремхеба, Мемфис, середина XIV в. до н. э.; 23—25) воины Рамсеса III, рельеф из Мединет-Абу, XX династия, XII в. до н. э.; 26) бог Гор (Хор), роспись саркофага Аменеморе, XIII—XII вв. до н. э.; 27) сириец, изображение на кожаной обивке кузова колесницы Тутмоса IV, XVIII династия, конец XV в. до н. э.; 28) «шасу» — бедуин Синая, рельеф в Карнаке, XIX династия, XIII в. до н. э.; 29) азиат, рельеф времени Рамсеса II, XIX династия, XIII в. до н. э., Египетский музей, Каир; 30) азиат, поливной полихромный изразец, Мединет-Абу, XX династия, XII в. до н. э.; 31) нагрудная часть панциря из гробницы Рамсеса III, лен, многоцветное узорное ткачество, XX династия, XII в. до н. э.; 31а) реконструкция панциря Рамсеса III, вид спереди; 32) рельеф ассирийского царя Тукульти-Нинурты II (890—884 гг. до н. э.), Терка (Телль-Ашара); 33—35) резная слоновая кость, финикийская работа, Кальху (Нимруд), IX в. до н. э.; 36) роспись керамического сосуда, Кипр, 700—600 гг. до н. э.; 37) то же, Тепе-Сиалк, Центральный Иран, X—IX вв. до н. э.; 38) изображение на серебряной чаше, Марлик, Западный Иран, IX—VII вв. до н. э.; 39) бронзовый фигурный псалий, Луристан, VIII — первая половина VII в. до н. э.; 40) изображение на золотой пластинке из Амударьинского клада, Персида, V в. до н. э.; 41—43) изображение на ахеменидских печатях: 41) VI—V вв. до н. э., Персида, Мидия, 42) там же, V—IV вв. до н. э., 43) Малая Азия, вторая половина V — первая половина IV в. до н. э., 44—47) изображения персидских воинов на аттической вазописи конца VI — начала V в. до н. э.; 48) персидский воин, деталь картины «Битва Александра Македонского с Дарием III» из «дома Фавна» в Помпеях, мозаика II в. до н. э. по живописной картине IV в. до н. э.; 49) скифское каменное изваяние у г. Черноморское, Крым, IV в. до н. э.; 50) то же, из с. Ольховчик, Донецкий музей, рубеж VI—V вв. до н. э.; 50а) реконструкция панциря, изображение на изваянии из с. Ольховчик; 51) бронзовая фигурка, Старший Ахмыловский могильник, ананьинская культура, Волго-Камье, VI в. до н. э.; 52—55) изображение на финикийской серебряной чаше, Кипр, VII—VI вв. до н. э.

Табл. XLIII

Таблица XLVIII. Панцири из твердых материалов (пластинчатые) Палестины-Сирии (1, 2, 10—14, 20—25, 27, 29—34, 93, 94, 116), Месопотамии (3—6, 28, 33а, 95—112), юга Средней Азии (7), Индостана (8, 9), Кипра (14), Кавказа (15, 42—76, 108—110), Талыша (79—82), Северного Причерноморья (16, 35), Центральной Азии (17—17б), Китая (18), Египта (19, 26), Элама (41), Ирана (77, 78, 83—92, 102—107, 113—115), Волго-Урала и Сибири (36—40).

1) медь, Телль-Гат (Тели Ерани), конец IV тысячелетия до н. э.; 2) медь, Кфар Монаш, время то же; 3, 4) мозаика из резного перламутра, Мари, середина II тысячелетия до н. э.; 5) то же, деталь «штандарта», Ур, время то же; 6) глиняная плакетка, Телль-Асмар, конец XX—начало XVIII в. до н. э.; 7) медь, Алдын-депе, начало II тысячелетия до н. э.; 8, 9) медь, Мохенджодаро, рубеж первой—второй четвертей II тысячелетия до н. э., диам. 1,8 см; 10—13) бронза, Библ, XX—XIX вв. до н. э., диам. 7—8 см; 14) бронза, Линифос, Кипр, время то же, диам. 6 см; 15) бронза, Триалети, Грузия, начало II тысячелетия до н. э., диам. около 5 см; 16) кабаний клык, Мариупольский неолитический могильник, вторая половина III тысячелетия до н. э.; 17) лосиная кость, Усть-Илга, Лена, рубеж III—II тысячелетий до н. э., длина 25—27 см; 17а, б) варианты закрепления пластины на подкладке; 18) кость, находки в пров. Шаньдун и Хунань, III—первая половина II тысячелетия до н. э.; 19—25) панцирь Тутмоса IV (19) и панцири сирийцев (20—25), изображение на кожаной обшивке кузова колесницы фараона, XVIII династия, конец XV в. до н. э.; 26) гвардеец Рамсеса II, рельеф в Карнаке, XIX династия, XIII в. до н. э.; 27) бронза, Мегиддо, последняя четверть II тысячелетия до н. э.; 28) бронза, Нуза, третья четверть II тысячелетия до н. э., диам. 7 см; 29—32) роспись керамики Мегиддо, середина XIV—середина XII в. до н. э.; 33) реконструкция панцирей из Мегиддо; 33а) бронза, Нуза, XVI в. до н. э.; 34) изображение на пластинке из слоновой кости, Угарит, XIV в. до н. э.; 35) бронза, среднее Поднепровье, первая четверть II тысячелетия до н. э., диам. 3 см; 36) бронза, р-н г. Бузулук, вторая четверть II тысячелетия до н. э., высота 9 см; 37—39) бронза, Мало-Кызымское селище, Южный Урал, абашевская культура, середина—третья четверть II тысячелетия до н. э., длина 3 см; 40) кость, погребение 33, могильник Ростовка, р-н г. Омск, третья четверть II тысячелетия до н. э., длина около 25 см; 41) бронза, Дур-Унташ (Чога-Замбиль), XIII—XII вв. до н. э., диам. около 5 см; 42—52) бронза, Кахетия, конец II—начало I тысячелетия до н. э.; 53) бронза, Триалети, время то же; 53а) бронза, погребение 3, Артик, Армения, время то же, одна большая, диам. 10 см, около 100 маленьких, диам. 1,5 см; 54, 55) бронза, Артик, диам. около 10 см; 56, 57) бронза, там же, диам. 6—7 см; 58) бронза, Джрхеч, Армения, время то же, диам. 7—8 см; 59) бронза, Редкин лагерь, Армения, время то же, диам. 7 см; 60) бронза, Кармир-Блур, Армения, время то же, диам. 3—4 см; 61) бронза, Тазакенд, Армения, время то же, диам. 6 см; 62) реконструкция панциря из погребения 6 у с. Головино, Армения, X—VIII вв. до н. э., основа—из плетеных ремешков; 62а—в) детали панциря из погребения 6 у с. Головино: 62а) медь (оборотная сторона), диам. 8 см, 6 экз., 62б) бронза, диам. 1—3 см, около 150 экз., 62в) дерево, диам. 14 см, с бронзовыми заклепками, 1 экз.; 63) бронза, Дилижан, Армения, конец II—начало I тысячелетия до н. э.; 64) бронза, с. Нюзгер, АзерССР, последняя четверть II тысячелетия до н. э., диам. 4 см; 65) бронза, Хачбулаг, АзерССР, время то же, диам. 6 см; 66, 67) бронза, с. Дашсалханд, АзерССР, время то же, диам. 1,5 и 2 см; 68) бронза, с. Беюк-Карамурад, АзерССР, конец II—начало I тысячелетия до н. э., диам. 9 см; 69) бронза, Мингечаур, АзерССР, время то же, диам. 5 см; 70) бронза, Хачбулаг, время то же, диам. 12,5 см; 71, 72) бронза, Тарки, Дагестан, третья четверть II тысячелетия до н. э.; 73) бронза, Дагестан, время то же; 74) бронза, Толги, Дагестан, последняя четверть II тысячелетия до н. э.; 75, 76) бронза, Мискин-Булак, там же, время то же; 77, 78) бронза, Тепе-Гиян, слой 1, середина II тысячелетия до н. э.; 79—82) бронза, Талыш, последняя четверть II—начало I тысячелетия до н. э.; 83—86) бронза, погребение 15, могильник Сиалк, VI В, Центральный Иран, VIII в. до н. э.; 87) реконструкция панциря из Сиалка; 88) изображение на бронзовом колчане, Луристан, X—VIII вв. до н. э.; 89—92) бронза, Луристан, первая четверть I тысячелетия до н. э., диам. 6 см, 13,3 см, 5,6 см, 14,1 см; 93) изображение на костяной пластинке, Кипр, финикийская работа, начало I тысячелетия до н. э.; 94) бронза, Гузана (Телль-Халаф), IX—VIII вв. до н. э., длина 25 см; 95) роспись дворца ассирийского наместника, Тиль-Барсиб (Телль-Ахмар), VIII в. до н. э.; 96) рельеф дворца Тиглатпаласара III (744—727 гг. до н. э.) в Кальху (Нимруд); 97) рельеф дворца Саргона II (721—705 гг. до н. э.) в Дур-Шаррукине (Хорсабад); 98) бронза, Кальху, IX в. до н. э., диам. 2,8 см; 99, 100) рельефы дворца Синаххериба (704—681 гг. до н. э.); в Ниневии (Куюнджик); 101) изображение на костяной ассирийской плакетке, из Зивие, конец VIII—начало VII в. до н. э.; 102) бронзовая статуэтка, Хурвин, Западный Иран, IX—VIII вв. до н. э.; 103) роспись керамики, Тепе-Сиалк, X—IX вв. до н. э.; 104) персидский воин, изображение на греческой чаше, живописец Триптолема, Афины, начало V в. до н. э.; 105—107) бронза, Мегиддо, ахеменидский слой, 600—350 гг. до н. э.; 108, 109) бронза, Абхазия, VIII в. до н. э., диам. 3 и 4 см; 110) бронза, Аргиштихинили (Арин-берд), Урарту, VII в. до н. э., диам. 12 см; 111) железо, Кальху, Ассирия, VIII в. до н. э., 9×7 см; 112) железо, Ассирия, VIII—VII вв. до н. э., 9×7,5 см; 113—115) бронза, Пасаргады, IV в. до н. э., длина 4,5 см, 2,5 см, 4 см; 116) бронза, Мегиддо, 1050—1000 гг. до н. э.

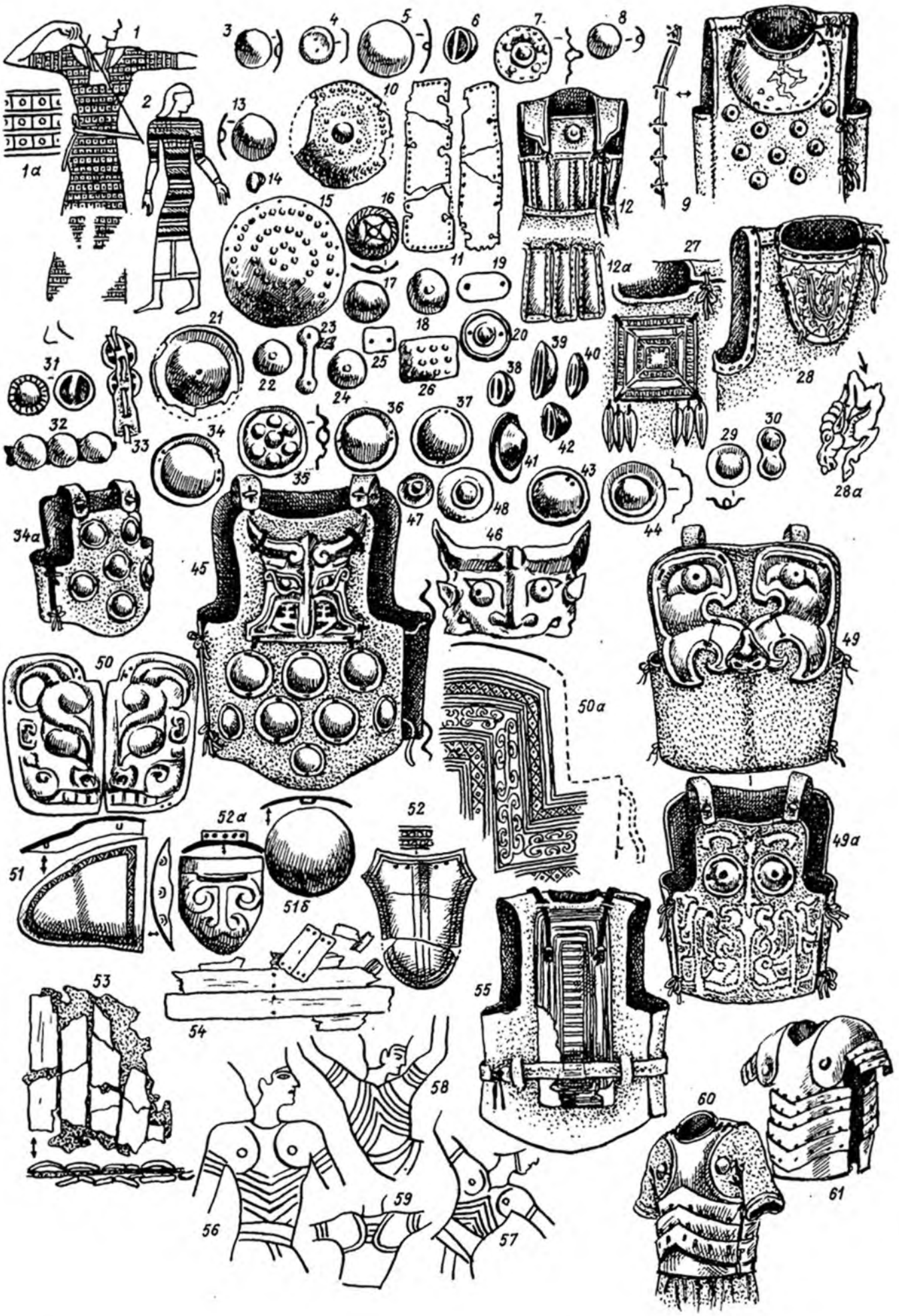

1
1а
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
12а
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
28а
29
30
31
32
33
34
34а
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
49а
50
50а
51
51б
52
52а
53
54
55
56
57
58
59
60
61

Табл. XLIX

Таблица XLIX. Панцири из твердых материалов пластинчатые (1—48, 53, 54) и монолитные (49—52, 56—61), Египет (1, 1а), Сирия-Палестина (56—60), Малая Азия (2), Северное Причерноморье (3—12а), Волжско-Уральский регион (13—18), Средняя Азия и Казахстан (19—23, 27), Индия (29, 30), Центральная Азия (24—26, 28, 31—33), Китай (34—51б), Корея (52), Приамурье (53, 54), Вьетнам (55), Палестина (56—61).

1) панцирь Рамсеса II, рельеф Рамессеума, Фивы, XIX династия, XIII в. до н. э.; 1а) структура панциря Рамсеса II (деталь рис. 1); 2) хеттский воин, деталь того же рельефа; 3) бронза, Солонецкий клад, степное Поднепровье, вторая четверть II тысячелетия до н. э.; 4, 5) бронза, Молдавия, конец II — начало I тысячелетия до н. э., диам. 1 см и 3 см; 6, 7) бронза, Субботовское городище, среднее Поднепровье, IX—VIII вв. до н. э.; 8) бронза, погребение 26, могильник 1, Мебельная фабрика, Кисловодск, VIII — первая половина VII в. до н. э., диам. 2 см; 9) скифский панцирь из кургана 493 у с. Ильинцы, IV в. до н. э. (реконструкция): бронзовая пектораль, ширина 22 см, длина 19 см, бронзовые бляхи, диам. 3,5 см; 10) бронза, Курджипсский курган, Прикубанье, IV в. до н. э., диам. 5,2 см; 11) бронза, оттуда же, 4 — целых, длиной 25 см, 11 фрагментов; 12) реконструкция панциря из Курджипсского кургана; 12а) вариант применения узких пластин курджипсского панциря; 13) бронза, приказанская культура, конец II — начало I тысячелетия до н. э., диам. 2,5 см; 14—17) бронза, Старший Ахмыловский могильник, ананьинская культура, VII—VI вв. до н. э., диам. 1,2 см, 11 см, 3,75 см, 3 см; 18) бронза, Дербеденевский клад, Южный Урал, срубная культура, конец II тысячелетия до н. э., диам. 8 см; 19, 20) бронза, Центральный Казахстан, андроновская культура, вторая половина II тысячелетия до н. э.; 21—23) бронза, Шамши, Киргизия, культура та же, XII—IX вв. до н. э., диам. 11 см, 4 см, длина 7,6 см; 24—26) бронза, Минусинская котловина, культура та же, последняя четверть II тысячелетия до н. э., диам. 5,6 см, длина 4 см, 10 см; 27) сакский панцирь, курган 18, могильник Тегермансу I, Памир, VI—V вв. до н. э. (реконструкция): пластина бронзовая, длина стороны 15 см, подвески бронзовые, длина 10—11 см; 28) сакский панцирь, 1-й Туэктинский курган, Алтай, VI в. до н. э. (реконструкция): пектораль бронзовая, деревянная основа (?), ширина 12 см, высота около 15 см; 28а) деталь пекторали; 29—30) бронза, Нагпур, VIII—VII вв. до н. э.; 31) бронза, вторая половина II — первая половина I тысячелетия до н. э.; 32, 33) бронза, ремень, Восточная Монголия, середина I тысячелетия до н. э.; 34) бронза, «пао», Тайси, пров. Хэбэй, около XIV в. до н. э., диам. 10 см, комплекс из 12 экз.; 35) бронза, эпоха Инь, XIII—XII вв. до н. э., диам. 9 см; 36) бронза, Чжуюаньгоу, пров. Шэньси, начало Чжоу, XI—X вв. до н. э.; 37) бронза, могильник Шаньцуньлин, культура царства Го, VIII — первая половина VII в. до н. э., диам. 9 см; 38—44) бронза, Байфу, р-н Пекина, XI—X вв. до н. э., диам. 2 см, 3,5 см, 2 см, 10 см, 10 см; 45) бронза, кожаная основа, Суцунь, уезд Чэнгу, пров. Шэньси, XII в. до н. э. (11 масок длиной 18 см, 20 см, 200 блях, диам. 8—12 см); 46) бронза, Гугун, XI—X вв. до н. э., ширина 23 см; 47, 48) бронза, Наньшаньгэнь, уезд Нинчэн, Внутренняя Монголия, VII в. до н. э., диам. 2,5 и 4 см; 49) наспинная часть панциря, могильник Сиань, уезд Цинсян, пров. Шаньдун, конец II тысячелетия до н. э. (реконструкция), бронзовая пластина 37×28 см; 49а) реконструкция нагрудной части того же панциря, бронзовые бляхи, диам. 10 см; 50) бронза, Западное Чжоу, конец XI—X в. до н. э.; 50а) край верха нагрудной части кожаного, расписанного цветными лаками панциря, Хоуцзячжуань, Аньян, эпоха Инь, XIII—XII вв. до н. э.; 51—51б) части панциря, бронза, Чжэнчжавацзы, уезд Шэньян, пров. Ляонин, VI—V вв. до н. э.; 51) наплечник, 20×20 см, 51а) пектораль, 13×7 см, 51б) зерцало (4 экз.), диам. 15 см; 52) бронза, Южная Корея, V—III вв. до н. э., высота около 20 см; 53, 54) кость, поселение Польце I, польцевская культура, V—III вв. до н. э.; 53) кость (ширина пластины 22 см), на кожаной основе, 54) кость; 55) реконструкция панциря с бронзовой нагрудной пластиной, культура Донгшон, середина I тысячелетия до н. э., длина пластины 25—30 см; 56—59) панцири «народов моря», рельефы Мединет-Абу, XX династия, XII в. до н. э. (56, 57—вид спереди, 58, 59—вид сзади); 60, 61) варианты реконструкций панцирей «народов моря».

1
1а
1б
2
2а
3
4
5
6
7
7а
8
8а
9
10
11
11а
12
12б
13
14
15
12а
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
33
34
32
43
35
42
44
36
37
40
41
38
39
64
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63

Табл. L

Таблица L. Чешуйчатые панцири Египта (1—12б), Сирии-Палестины (13—15), Кавказа (16, 17, 19—23), Ассирии (18), Ахеменидской империи (24—64); бронза — 1—1б, 12—12а, 15—17, 21, 23, 31, 32, 45, 49; железо — 20, 27—30, 36—44, 50—60; золото — 12б; золоченая бронза — 61; золоченое железо — 33—35.

1—1б) из храма Аменхотепа II (1450—1425 гг. до н. э.), Фивы, высота около 4 см; 2) парадный панцирь Тутанхамона из его гробницы, XVIII династия, XIV в. до н. э.; 2а) чешуйка панциря Тутанхамона, паста, золото, халцедон; 3, 4) боги Анубис и Гор (Хор), роспись гробницы Хоремхеба, XVIII династия, последняя четверть XIV в. до н. э.; 5) чешуйка, деталь рис. 3 и 4; 6) бог Ра-Горахте (Ра-Хорахте), роспись стелы, Новое царство, XIV—XII вв. до н. э.; 7) бог Гор, роспись гробницы Аменхерхорте, сына Рамсеса III, XX династия, XII в. до н. э.; 7а) чешуйки, деталь рис. 7; 8) статуя неизвестного фараона, XIX династия, Каирский музей, XII в. до н. э.; 8а) чешуйки, деталь рис. 8; 9) колесничный лучник Рамсеса III, рельеф Мединет-Абу, XX династия, XII в. до н. э.; 10) бронзовая статуэтка бога Онуриса, XIX династия, XIII в. до н. э., ГЭ; 11) кожа крокодила, последняя четверть II тысячелетия до н. э., длина 3 см, Берлин, Антиквариум; 11а) схема крепления; 12—12б) панцирь фараона Шешонка, вторая половина X в. до н. э.; 12) бронзовые чешуйки, Бруклинский музей, 12а) бронзовые чешуйки, на кожаной основе (в нижнем ряду чешуйка с именем фараона в картуше), Каирский музей, 12б) золотая чешуйка с именем фараона, Бруклинский музей; 13) базальтовая статуя Адуньябиджи, Сфира, р-н г. Алеппо, около 1350 г. до н. э.; 14) Лакиш, XIV—XIII вв. до н. э.; 15) Дер-Алла, Сирия, конец XIII — начало XII в. до н. э.; 16, 17) Кахетия, конец II — начало I тысячелетия до н. э.; 18) рельеф дворца Тиглатпаласара III (744—727 гг. до н. э.) в Кальху (Нимруд); 19) урартский воин, изображение на бронзовой оковке ворот, Имгур-Бел (Балават), IX в. до н. э.; 20,21) Тейшебаини (Кармир-Блур), Урарту, VIII—VII вв. до н. э., длина 4,8 см и 5,5 см; 22) погребение у Кабан-горы, р-н Кисловодска, VIII — начало VII в. до н. э., длина 2 см; 23) погребение 4, могильник у пос. Индустрия I, р-н Кисловодска (более 600 экз.), VIII — первая половина VII в. до н. э., длина 2,5 см; 24) воин ахеменидской Малой Азии, изображение Париса (Александра) на греческом сосуде второй половины V в. до н. э.; 25—26) Пасаргады, VI—IV вв. до н. э., длина 2,8 см; 27—44) Персеполь, VI—IV вв. до н. э.; 27) длина 2,5 см, 28) длина 2,2 см, 29) длина блока 3 см, 30) длина 5 см, 31) длина 2,8 см, 32) длина 2 см, 33) длина 1,5 см, 34) длина 2 см, 35) длина 2 см, 36) длина 6,5 см, 37) длина 3,5 см, 38, 39) длина 2,5 см, 40) длина 40 см, 41) длина 4,6 см, 42) длина 3 см, 43) длина 5 см, 44) длина 3,8 см; 45, 46) Мегиддо, ахеменидский слой, VI — первая половина IV в. до н. э., длина 3,3 см и 2,7 см; 47—59) Мемфис, вторая половина VI в. до н. э., длина 1,5—2,5 см; 60) Дафне, время то же, высота 1,5 см; 61) панцирный воротник, кожаная основа, Иран, первая половина IV в. до н. э., из погребения в Дервени, греческая Македония, вторая половина IV в. до н. э.; 62) персидский воин, изображение на греческой амфоре, первая четверть V в. до н. э.; 63) панцирь персидского тяжеловооруженного всадника, реконструкция по описаниям Ксенофонта и археологическим источникам; 64) панцирные штаны персидского воина, изображение «амазонки» на аттической вазе, середина V в. до н. э.

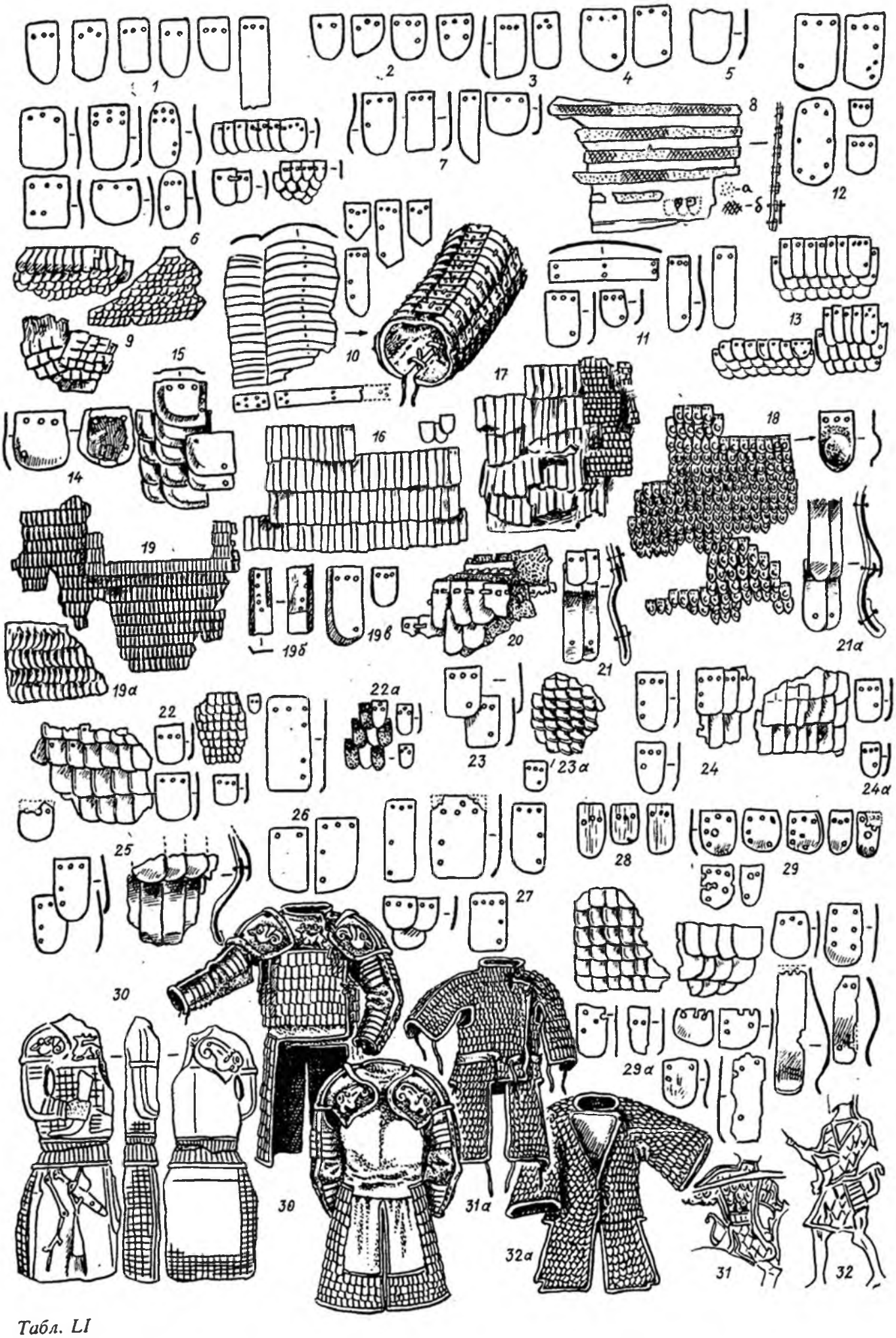

1
2
3
4
5
6
7
8
a
б
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
19а
19б
19в
20
21
21а
22
22а
23
23а
24
24а
25
26
27
28
29
29а
30
30
31
31а
32
32а

Табл. LI

Таблица LI. Чешуйчатые панцири Северного Причерноморья скифского периода.

1) железо, из курганов у хут. Красное знамя, Ставрополье, середина — вторая половина VII в. до н. э., длина 3—4 см; 2) железо и бронза, из курганов у с. Нартан, р-н г. Нальчик, время то же, длина от 1,8 до 3,8 см; 3) кость, оттуда же, время то же; длина 4,2 и 2,3 см; 4) бронза, курган 5, у с. Гойты, Чечено-Ингушетия, вторая половина VII — начало VI в. до н. э., длина 5 см; 5) железо, погребение 1, могильник Султан-гора III, р-н г. Кисловодска, время то же; 6) железо, погребение 1, курган 13, могильник Славянка, Днепропетровщина, рубеж VI—V вв. до н. э., длина 4,5 см, 3 см, 2,1 см, 1,2 см; 7) железо, часть от наножников (56 × 45 см), погребение 2, курган 2 у с. Перещепино, там же, V в. до н. э., длина 5,6 см, 5,5 см, 7,1—7,3 см, 2,6 см, 4,1 см; чешуйки в блоке лежали в 16 рядов; 8) кожаная основа панциря, ширина ремешков — 1 см [а) следы нашивания бронзовых чешуек, б) следы нашивания железных чешуек], с. Каменское, р-н г. Днепродзержинска, V в. до н. э.; 9) железо, курган V, хут. Шумейко, Посулье, VI в. до н. э.; 10) железо, курган у с. Старое, р-н г. Киева, IV в. до н. э., длина чешуек 2,2 см, 4 см, 3 см, 4 см, длина пластин рукава 3,6 см и 8 см (реконструкция рукава по Е. В. Черненко); 11) железо, курган 7 у с. Дуровка, средний Дон, IV в. до н. э., длина пластин рукава 7 см, длина чешуек 3 см, 2,5 см, 4 см, 5 см; 12) железо, с. Крячковка, Поросье, V в. до н. э., длина 6 см, 6 см, 7 см, 2 см, 4 см; 13) бронза, курган Ашика, раскопки 1838 г., Керчь, IV в. до н. э. (около 3500 экз.); 14) железо, обтянутое золотом, курган Куль-Оба, Крым, IV в. до н. э., длина 2 см; 15) то же, Александропольский курган (Луговая могила), вторая половина IV в. до н. э.; 16) железо, (блок), бронза (отдельные чешуйки), курган 24, Нимфей, Крым, середина V в. до н. э.; 17) железо, часть груди (крупные чешуйки) и рукава (мелкие чешуйки), длина блока 24 см, курган 2 у с. Кирово, IV в. до н. э.; 18) золоченая бронза, верхняя часть груди, Запорожье, V—IV вв. до н. э.; 19—19в) остатки панциря (панцирей?), 2-й Семибратный курган, Прикубанье, IV в. до н. э.; 19) верхняя часть груди, железо, окаймляющие ворот чешуйки плакированы золотом, 19а) железо, длина 2 см, 19б) железо, плакированное золотом (кайма ворота), длина 3 см, 19в) бронза, длина 4 см и 2 см; 20) кожаная основа, бронзовые чешуйки, крепление ремешками, курган 398 у с. Журовка, Посулье, V в. до н. э.; 21, 21а) железо, Мелитопольский курган, IV в. до н. э.: 21) край нарукавий-оплечий, длина чешуек 3 см и 9 см, 21а) край подола, длина чешуек 10 см и 6 см; 22, 22а) курган 1 из курганов группы Сторожевой могилы, нижнее Поднепровье: 22) железо, длина 3 см, 3,6 см, 3 см, 1 см, 2,4 см, 7,5 см, 22а) бронза и железо, длина 2,1 см и 1,5 см; 23, 23а) железо, курган Чабанцова могила, там же, V в. до н. э., длина 4 см и 1,5 см; 24, 24а) центральное погребение 1-я Завадская могила, V в. до н. э.: 24) железо, длина 3,6 см, 3 см, 3,6 см, 24а) бронза, длина 2 см; 25) железо, курган I Испанова могила, там же, начало IV в. до н. э., длина 2,8 см, и 4,5 см; 26) железо, курган IV Испанова могила, V в. до н. э., длина 4,2 см и 4,5 см; 27) железо, погребение 3, курган VII Испанова могила, V в. до н. э., длина 5,5 см, 5,4 см, 5 см, 2 см, 4 см; 28) кость, курган у с. Лозовая, Посулье, V в. до н. э.; 29, 29а) первый панцирь из погребения 2, курган 3, Бутова Долина, Посулье, V—IV вв. до н. э.: 29) бронза, длина 2,2—2,4 см, 29а) железо, длина 2,5 см, 3,5 см, 3 см, 2,5 см, 2 см, 9—9,5 см, 5,8 см, 2,3 см, 5,5 см; 30) каменное изваяние из Краснодарского музея, V в. до н. э.; 30а) реконструкция панциря по изваянию из Краснодарского музея; 31, 32) изображение на золотой пластинке из Гермесова кургана, IV в. до н. э.; 31а, 32а) реконструкции панцирей, изображенных на гермесовской пластинке.

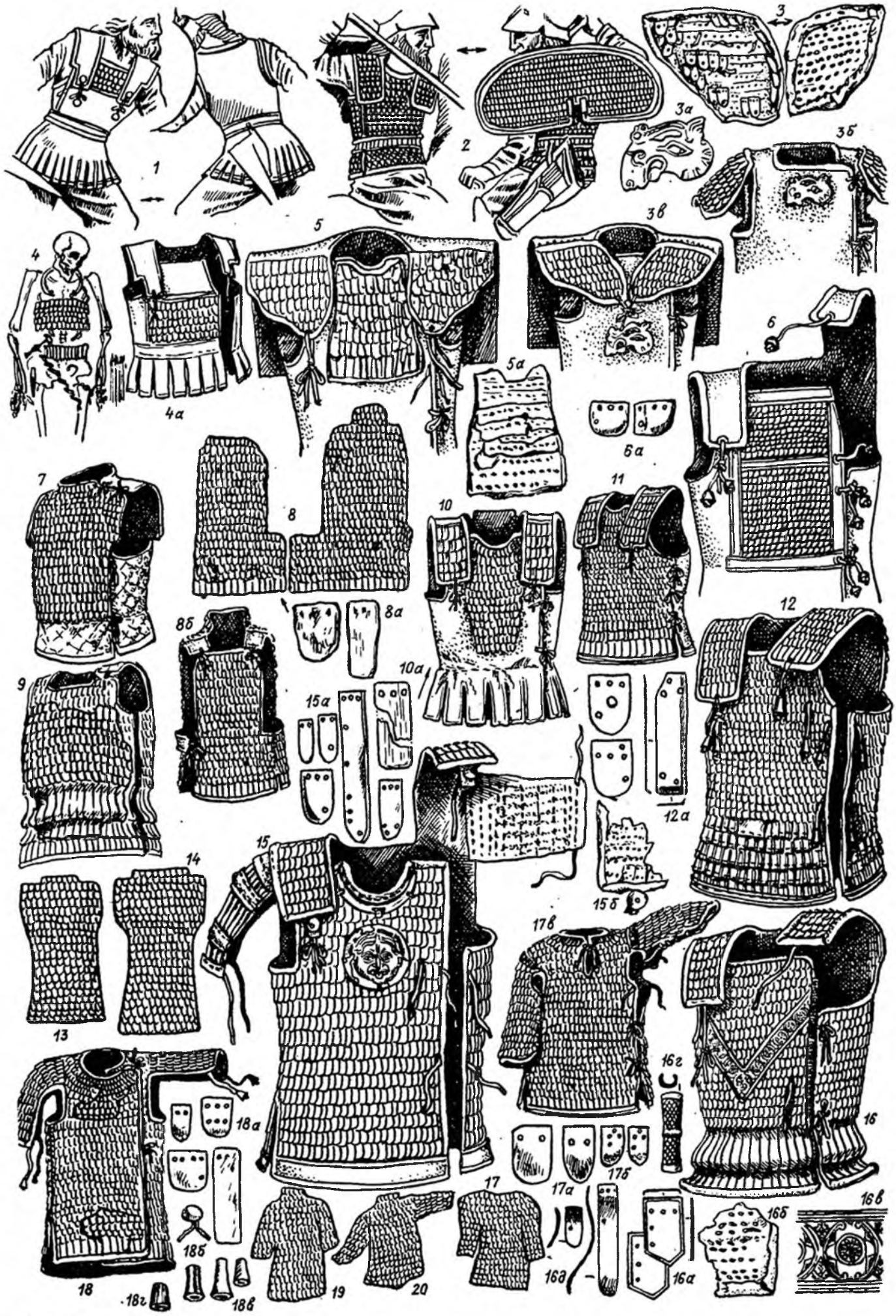

1
2
3
3а
3б
3в
4
4а
5
5а
6
6а
7
8
8а
8б
9
10
10а
11
12
12а
13
14
15
15а
15б
16
16а
16б
16в
16г
16д
17
17а
17б
17в
18
18а
18б
18в
18г
19
20

Табл. LII

Таблица LII. Чешуйчатые панцири Северного Причерноморья скифского периода.

1, 2) изображение на золотом гребне из кургана Солоха, начало IV в. до н. э.; 3—3в) погребение VI, Нимфей, V в. до н. э.; 3) клапан наплечника, 22,5 × 13 см, основа из бараньей или коровьей кожи, чешуи бронзовые, крепление ремешком, 3а) нагрудная бляха, бронза, 11,6 × 8,3 см, 3б, 3в) варианты реконструкции; 4, 4а) Талаевский курган, Крым, V в. до н. э.: 4) бронза; 4а) реконструкция; 5) панцирь из кургана 2 у с. Волковцы, Посулье, V в. до н. э., реконструкция (сохранились бронированные детали: нагрудная 23 × 12 × 15 см и левый клапан 17,5 × 13 см), кожа, бронза; 5а) кожаная основа нагрудной бронированной детали; 6) панцирь из кургана 11/16 у с. Мастюгино, средний Дон, IV в. до н. э., размеры блоков броневого набора 13 × 18 см (верхний) и 17 × 17 см (нижний), реконструкция; 6а) чешуйки мастюгинского панциря, железо, позолота, длина 2,5 см, ворворки с концов завязок из кости, диам. 2,5—3 см; 7) железо, основа из холста (?), курган 2 у с. Щучинка, Посулье, VI в. до н. э.; 8—8б) железо, погребение 2, курган 2, Бутова Долина, Посулье, V—IV в. до н. э.; 8) длина спины 70 см, ширина в плечах 32 см, ширина по подолу 45 см, 8а) чешуйки, длина 3,5 см, 4,5 см, 8б) реконструкция; 9) железо, 1-й Мордвиновский курган, Херсонщина, IV в. до н. э.; 10) панцирь из кургана 1 у с. Волковцы, IV в. до н. э., чешуйки бронзовые (на груди) и костяные (на клапанах), реконструкция; 10а) кость, длина 4,5 см; 11) железо, курган 401 у с. Журовка, V в. до н. э., реконструкция; 12) бронза, погребение 2, курган 12 курганной группы 12-й шахты, около г. Орджоникидзе, нижнее Поднепровье, IV в. до н. э., реконструкция; 12а) длина 2,5 см и 4 см; 13) абрис полного набора железных чешуек в непотревоженном погребении, курган 1 у с. Веремиевка, Посулье, VI в. до н. э.; 14) то же, курган 3, там же, время то же; 15—15б) панцирь из 4-го Семибратнего кургана, Прикубанье, IV в. до н. э., бронза, основа кожа: 15) реконструкция (размеры сохранившихся деталей: кожа рукава — 23 × 18 × 13 см, пектораль площадью 14 × 8 см, ширина 2 см, пластина с изображением Медузы Горгоны диам. 14,5 см), 15а) чешуйки длиной 3 см, 5 см, 15 см, 6 см, 15б) фрагмент клапана, кожа 14 × 14 см, ворворка бронзовая, диам. 3,6 см; 16—16д) панцирь из кургана Толстая могила, нижнее Поднепровье, IV в. до н. э.: 16) реконструкция, 16а) рядовые чешуйки, железо, длина 2,5 см, 16б) изнанка клапана, кожа, крепление — железная проволока, 16в) кожа, тиснение, роспись черной и красной краской, инкрустация золотой фольгой, ширина 5,5 см, 16г) полутрубка — деталь окантовки борта, железо, золоченое, длина 8,7 см, 6 экз., 16д) чешуйки подола, железо, длина 2,5 см и 7 см; 17—17в) курган Старшая могила, Посулье, первая половина VI в. до н. э.: 17) абрис чешуйчатого набора панциря, 17а) железо, длина 4 см, 3,6 см, 17б) бронза, длина 3 см, 17в) реконструкция; 18—18г) второй панцирь, из погребения 2 кургана 12-ой курганной группы 22-й шахты у г. Орджоникидзе, IV в. до н. э.; 18) реконструкция, 18а) железо, длина 2,2 см, 2,5 см, 3,3 см, 10 см, 18б) золотая бляшка с усиками-креплениями, диам. 4 мм, 18в) бронза, длина 1,5—2,5 см, 18г) кость, длина 1,8—2,3 см; 19) абрис набора железной брони, курган Солоха, начало IV в. до н. э.; 20) то же, курган 38, Гуляй-город, VI в. до н. э.

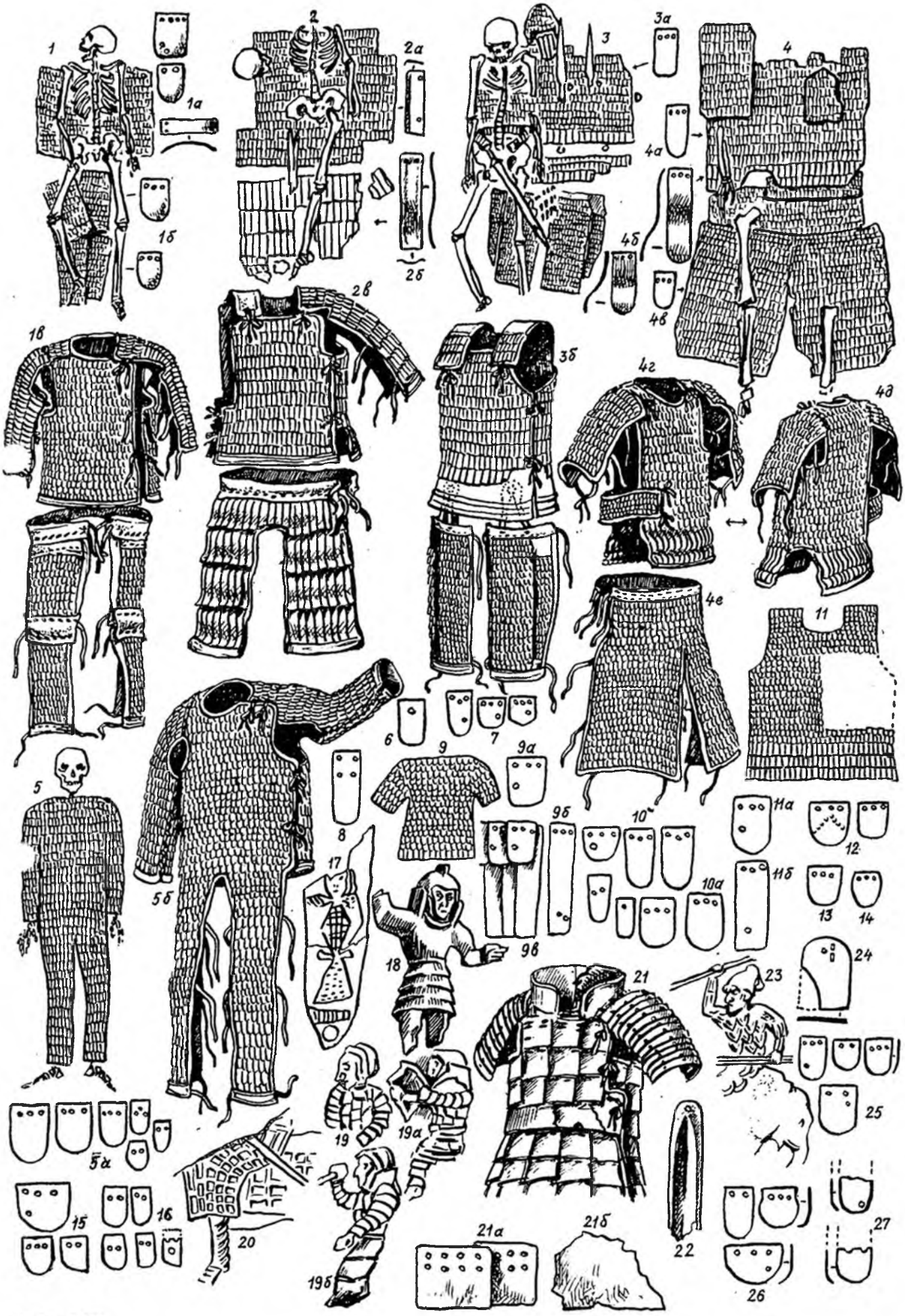

1
1а
1б
1в
2
2а
2б
2в
3
3а
3б
4
4а
4б
4в
4г
4д
4е
5
5а
5б
6
7
8
9
9а
9б
9в
10
10а
11
11а
11б
12
13
14
15
16
17
18
19
19а
19б
20
21
21а
21б
22
23
24
25
26
27

Табл. LIII

Таблица LIII. Чешуйчатые панцири скифов (1—5б), савромато-сарматов донско-волжского региона (6—11б), ананьинской культуры Волго-Камья (12—14), Кавказа (15, 16, 26, 27), сако-юэчжийских племен севера Средней Азии и Центральной Азии (17—21), Индостана (22, 23), Китая (24), Приамурья (25).

1—1в) железо, погребение 1, курган 6 у с. Александровка, Днепропетровщина, конец VI—начало V в. до н. э.: 1) панцирь in situ, 1а) чешуйки прикрытия торса, длина 2,8 см и 2,5 см, пластинка рукава, длина 3 см, 1б) чешуйки наножников, длина 2,7 см и 2,5 см, 1в) реконструкция; 2—2в) железо, погребение 1, курган 8, с. Дмухайловка, Днепропетровщина, V в. до н. э.: 2) панцирь in situ, блок прикрытия торса (два слоя) 78—60 см, блок каждого наножника 72×30 см, 2а) чешуйки прикрытия торса, длина 7 см, 2б) чешуйки наножников, длина 10 см, 2в) реконструкция; 3—3б) железо, курган у с. Новорозановка, Ингул, V в. до н. э.: 3) панцирь in situ, блок прикрытия торса (один слой) 70×86 см, 15 рядов чешуек, блок каждого наножника — 50×25 см (основное поле) + 50×25 см (клин), 3а) чешуйки прикрытия верхней части торса (11 верхних рядов), длина 5 см; нижнего ряда, длина 7 см; правого наножника, длина 0,7 см; левого наножника, длина 1 см, 3б) реконструкция; 4—4е) железо, погребение 1, курган 2 у с. Красный Подол, Херсонщина, первая половина IV в. до н. э.; 4) панцирь in situ, изнанкой вверх, блок прикрытия торса (один слой) 68×74 см, целого рукава-оплечья 38×27 см, соединительной полосы 12×34 см, блок наножников — набрюшная часть 19×65 см, каждого наножника 60×45 см, 4а) рядовая чешуйка прикрытия торса, длина 3 см, 4б) чешуйки предпоследнего и последнего рядов подола, длина 6,5 см и 4,4 см, 4в) чешуйка набора наножников, длина 2,2 см, 4г) прикрытие торса, вид спереди, слева, реконструкция, 4д) то же, вид сзади, слева, 4е) наножники, реконструкция; 5—5б) железо, курган 3, урочище Стайкин Верх, Посулье, начало V в. до н. э.: 5) панцирь in situ, 5а) чешуйки, длина 3,6 см, 3,3 см, 3 см, 2,4 см, 2,1 см, 5б) реконструкция; 6) бронза, курган у с. Ковыловка, Нижнее Поволжье, V в. до н. э., длина 2 см; 7) бронза, курган у с. Тонкошкуровка, там же, время то же, длина 2 см и 1,6 см; 8) железо, курган 1/5 у 15 поселка, там же, IV в. до н. э., длина 4 см; 9—9в) железо, курган у пос. Шолоховский, нижний Дон, конец V—начало IV в. до н. э.; 9) панцирь in situ, длина 60 см, 9а) рядовая чешуйка, длина 2,5 см, 9б) деталь подола, 9в) чешуйка подола, длина 8,5 см; 10, 10а) курган 1 у с. Кащеевка, нижний Дон, IV в. до н. э.; 10) бронза, длина 2,5 см, 10а) железо, длина 3,5 см, 2,5 см, 3,8 см; 11—11б) железо, курган 1, Никольский могильник, Нижнее Поволжье, V в. до н. э.: 11) реконструкция И. П. Засецкой из подлинных остатков панциря, 11а) рядовая чешуйка, длина 1,7—2,1 см, 11б) чешуйка подола, длина 4,5 см; 12) бронза, погребение 123, Старший Ахмыловский могильник, VII—VI вв. до н. э., длина 2,4 см, 2,1 см; 13) бронза, погребение 150, там же, время то же, длина 2 см; 14) бронза, погребение 322, там же, время то же, длина 1,9 см; 15) бронза, курган 3, Вани, Западная Грузия, середина IV в. до н. э., длина 1,7—2 см; 16) железо, бронза, Вани, городище, IV в. до н. э., длина 4—5 см.; 17) гравировка на кости, могильник Ак-Там, Фергана, рубеж V—IV вв. до н. э.; 18) бронзовая скульптурка, деталь светильника, Тараз, Таласская долина, V—III вв. до н. э.; 19—19б) изображение на золотом навершии из «Сибирской коллекции Петра I», Алтай или Семиречье, IV—III вв. до н. э.; 20) изображение на керамическом сосуде, Хумбуз-тепе, Приаралье, IV в. до н. э.; 21—21б) железо, мавзолей и городище Чирик-Рабат, Приаралье, IV в. до н. э.: 21) реконструкция, 21а) рядовые пластины 7,5×9 см, 21б) обломок большой пластины от поясной части 9×12 см; 22) медь, Нагпур, Кхара, Декан, VI в. до н. э., длина около 10 см; 23) царь Пор, изображение на десятидрахмовой монете Вавилона, конец IV—начало III в. до н. э.; 24) погребение 20, Сяотунь, Аньян, эпоха Инь, XIII—XII вв. до н. э.; 25) бронза, жилище № 3; поселение Польце I, польцевская культура, IV—III вв. до н. э., длина 2 см, 1,5 см, 1,7 см, 2,3 см; 26) бронза, Домбай, Карачаево-Черкесия, V—IV вв. до н. э.; 27) бронза, Эшерское городище, Абхазия, IV—III вв. до н. э.

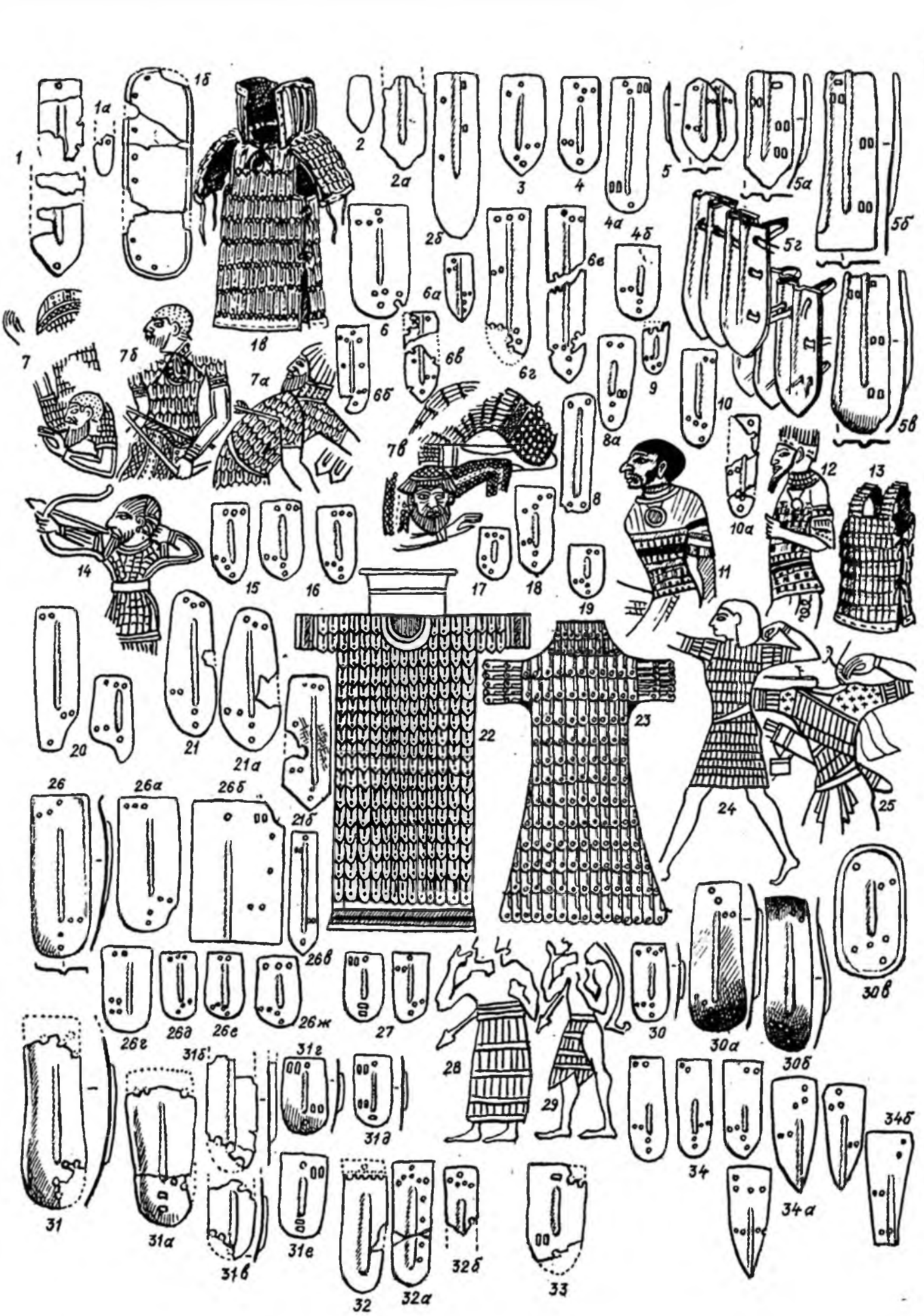

1
1а
1б
1в
2
2а
2б
3
4
4а
4б
5
5а
5б
5в
5г
6
6а
6б
6в
6г
6д
7
7а
7б
7в
8
8а
9
10
10а
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
21а
21б
22
23
24
25
26
26а
26б
26в
26г
26д
26е
26ж
27
28
29
30
30а
30б
30в
31
31а
31б
31в
31г
31д
31е
32
32а
32б
33
34
34а
34б

Табл. LIV

Таблица LIV. Ламеллярные бронзовые панцири Палестины (1—19), Египта (20—25), Месопотамии (26—29), Элама (30—30в), Малой Азии (31, 32), Кавказа (33—34б) II тысячелетия до н. э. (17 — железо, 20 — медь).

1—1в) Газа, гиксосский период, конец XVIII—XVII в. до н. э.: 1) рядовая пластина, длина около 10—12 см, 1а) пластина (или чешуйка?) от рукава-оплечья, длина 5—7 см, 1б) пластина воротника «курпису», длина 23 см, 1в) реконструкция; 2—2б) Газа, период XVIII династии Египта, XVI—XIV вв. до н. э.: 2) длина 4,5 см, 2а) длина около 16 см, 2б) длина около 20 см; 3) Мегиддо, 1479—1350 гг. до н. э., длина 5 см; 4—4б) Алалах (Телль-Атшана): 4, 4б) середина XV — середина XIV в. до н. э., длина 6,5 см, 4а) XIV—XIII вв. до н. э., длина 8,5 см; 5—5г) набор пластин от панциря (панцирей?), 180 экз., Хамида аль-Луз, Ливан, середина XV—XIV вв.: 5) длина 4 см, 5а) длина 6 см, 5б) длина 11,5 см, 5в) длина 9,8 см, 5г) реконструкция (по В. Венцке); 6—6е) Угарит (Рас-Шамра), середина XV — середина XIV в. до н. э.: 6) длина 12 см, 6а) длина 5 см, 6б) длина 8 см, 6в) длина 8,5 см, 6г) длина 16 см, 6е) длина 16,8 см; 7—7в) сиро-палестинские воины, изображение на кожаной обивке кузова колесницы Тутмоса IV, XVIII династия, конец XV в. до н. э.; 8, 8а) Лакиш, XIV—XIII вв. до н. э.; 9) Шарухен (Бет-Пелет, Телль эль-Фар'а), XII в. до н. э.; 10) Мегиддо, середина XIV — середина XII в. до н. э., длина 5,2 см; 10а) оттуда же, вторая половина XII в. до н. э., длина 5,4 см; 11, 12) изображение знатных сирийских пленников Рамсеса III, фаянс, Мединет-Абу, XX династия XII в. до н. э.; 13) реконструкция сиро-палестинских панцирей по рис. 11—12; 14) изображение на финикийской костяной шкатулке, Энкоми, Кипр, XII в. до н. э.; 15) Энкоми, Кипр, XII в. до н. э., длина 6 см; 16) Гастриа-Алаас, Кипр, первая половина XI в. до н. э., длина 6 см; 17) Мегиддо, вторая половина XI в. до н. э., длина 2,8 см; 18) оттуда же, время то же, длина 4,8 см; 19) Хама, XI в. до н. э., длина 4,2 см; 20) Лишт, XVIII династия, XV—XIV вв. до н. э., длина 8 см; 21—21б) из дворца Аменхотепа III, Фивы, XVIII династия, XIV в. до н. э., длина 5 см (на лицевой поверхности пластины 21б — остатки ткани); 22) панцирь в «оружейной палате» фараона, роспись гробницы Кенамона, вторая половина XV в. до н. э.; 23) панцирь в «оружейной палате» фараона, роспись гробницы Рамсеса III, XX династия, XII в. до н. э.; 24, 25) рельефы из Мединет-Абу, XX династия, XII в. до н. э.: 24) лучник-телохранитель Рамсеса III, 25) Рамсес III в бою; 26—26ж) Нуза (Йорган-Тепе), около 1475 г. до н. э.: 26) длина 9 см, 26а) длина 8 см, 26б) длина 8,5 см, 26в) длина 6,6 см, 26г) длина 5 см, 26д, е) длина 4,2 см, 26ж) длина 4,5 см; 27) Телль эль-Фахар, третья четверть II тысячелетия до н. э.; 28, 29) изображение на хурритских печатях, середина II тысячелетия до н. э.; 30—30в) Дур-Унташ (Чога-Замбиль), XIII в. до н. э.: 30) длина 5 см, 30а) длина 12,5 см, 30б) длина 13,2 см, 30в) длина 11 см; 31—31е) Хаттуса (Богазкёй), XIV—XIII вв. до н. э.: 31) длина 9 см, 31а) длина 7,8 см, 31б) длина 7 см, 31в) длина 4,8 см, 31г, д) длина 3,6 см, 31е) длина 4,4 см; 32—32б) Троя, около 1400 г. до н. э.; 33) погребение 10, могильник Гадрекали, Кахетия, импорт из Малой Азии, XIII в. до н. э.; 34—34б) Нор-Баязет, Армения, последняя четверть II — начало I тысячелетия до н. э.

1
1а
2
3
3а
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
13а
13б
13в
14
14а
14б
14в
14г
14д
14е
14ж
14з
15
16
16а
17
17а
18
18а
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36

Табл. LV

Таблица LV. Ламеллярные панцири первой трети I тысячелетия до н. э. Сирии-Палестины (1—14з) и Месопотамии (15—36); железо — 10, 13—14з; бронза — 11, 12, 16—18а, 29.

1, 1а) рельеф на ортостате, Сакчегёзу, VIII в. до н. э.; 2) то же, Гузана (Телль-Халаф), IX в. до н. э.; 3—7) изображение на финикийских костяных пластинах, из Кальху (Нимруд), IX в. до н. э.; 8) изображение на финикийской серебряной чаше, Кипр, VIII—VII вв. до н. э.; 9) изображение на золотой диадеме, Саламис, Кипр, VII в. до н. э.; 10—12) Мегиддо, вторая половина VII в. до н. э.; 10) длина 4 см, 11) длина 2,5 см, 12) длина 1,8 см; 13—13в) погребение 2, Аматус, Кипр, начало VI в. до н. э.: 13) длина 4 см, 13а) блок набора снаружи, 13б) то же, с изнанки, 13в) реконструкция соединения пластин (по Б. Тордеману), ширина кожаных лент 1,2 см; 14—14з) погребение 236, Идалион, Кипр, первая половина VII в. до н. э.: 14) длина 3 см, 14а) длина 2 см, 14б) длина 3,6 см, 14в) длина 3 см, 14г,д) длина 2,8 см, 14ж) реконструкция соединения пластин 14б, 14з) реконструкция соединения пластин 14в — д; 15) Телль-Рифа'ат, IX—VIII вв. до н. э., длина 4 см; 16—16а) Кальху (Нимруд), IX—VIII вв. до н. э., связки ременные: 16) длина 4 см, 16а) реконструкция системы соединения пластин; 17) оттуда же, время то же, длина 6,3 см; 17а) реконструкция системы соединения пластин; 18) Ассирия, VIII—VII вв. до н. э., длина 8 см; 18а) реконструкция системы соединения пластин; 19—21) изображение на бронзовой оковке ворот, Имгур-Бел (Балават), IX в. до н. э.; 22—25) рельефы дворца Ашшурнацирапала II (883—859 гг. до н. э.), Кальху: 22) сапер, 23) лучник, 24) царский телохранитель-щитоносец, 25) колесничный стрелок и возница; 26) рельеф дворца Тиглатпаласара III (745—725 гг. до н. э.), Кальху; 27, 28) рельефы дворца Саргона II (721—705 гг. до н. э.), Дур-Шаррукин (Хорсабад); 29) Ассирия, IX—VII вв. до н. э., музей Метрополитен; 30—32, 34—36) рельефы дворца Ашшурбанапала (668—635/27 гг. до н. э.), Ниневия (Куюнджик); 33) рельеф дворца Синаххериба (704—681 гг. до н. э.), там же.

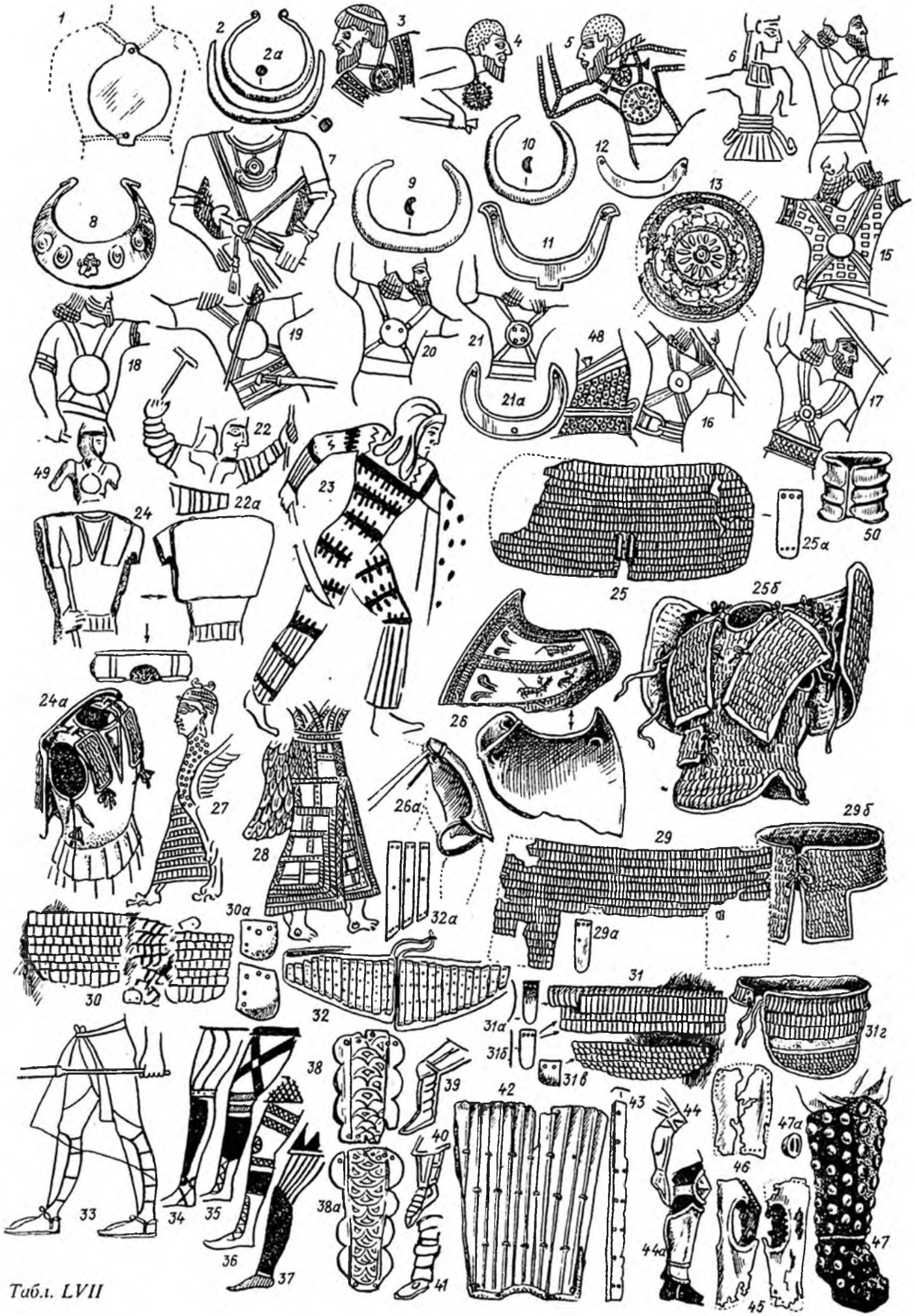
20
19в
19б
19ж
19д
21
24
25а
25б
26
25
25в
26а
26е
28
26б
26в
26г
26д
27
22
23

абл. LVI

1
2
3
3а
3б
3в
3г
4
4а
5
5а
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
19а
19б
19в

Таблица LVI. Ламеллярные панцири Урарту (1—5), Армении (5а), Палестины-Сирии (6, 7), Малой Азии (8), Египта (9), Ирана (10, 11), Алтая (12), Китая (13—23, 27, 28), Кореи (24), Приамурья (25, 26) I тысячелетия до н. э.

1) бронза, Алтын-тепе, VIII—VII вв. до н. э., длина 7,8 см; 2) железо, Аргиштихинили (Арин-берд), VII в. до н. э.; 3—3д) бронза, с именем царя Аргишти I (или II?), вторая или четвертая четверть VIII в. до н. э., Тейшебаини (Кармир-Блур): 3) длина 5,7 см, 3а) длина 5,5 см; 3б) длина 4,5 см, 3в) длина 3,3 см, 3г) длина 3 см, 3д) реконструкция системы соединения пластин; 4, 4а) изображение на бронзовом урартском поясе, VIII—VII вв. до н. э., могильник Тли, Южная Осетия; 5) изображение на бронзовом урартском поясе, V в. до н. э., Гюимли; 5а) изображение на бронзовом поясе, Ходжали, первая четверть I тысячелетия до н. э.; 6) бронза, погребение Т 16, Мегиддо, VI в. до н. э., длина 2,3 см; 7) железо, кожаная подкладка, Идалион, Кипр, около 470 г. до н. э., длина 1,3 см, пластина и реконструкция системы соединения; 8) железо, Гордион, VI в. до н. э.; 9) железо и бронза, Мемфис, конец VII—VI в. до н. э., длина около 5 см; 10) бронза, позолота, Зивие, Западный Иран, середина VII в. до н. э., длина 6 см; 11) бронза, оттуда же, время то же, длина 8,5 см; 12) кость, с. Большая речка, Алтай, VII—VI вв. до н. э., длина 10 см; 13, 14) кость, Яньцзин, пров. Ганьсу; культура Баньшань, конец III — начало II тысячелетия до н. э.; 15) погребение 1767, могильник Шаньцуньлинь, культура царства Го, VIII — первая половина VII в. до н. э., блок 30 × 20 см; 16—19ж) кожа, лак, царство Чу: 16) погребение 16, Цзоцзягуаншань, IV в. до н. э., 17) погребение 1, Тэндянь, уезд Цзянлин, пров. Хубэй, V—IV вв. до н. э.; 18) погребение 1, Лючэнцяо, V—IV вв. до н. э., 19—19ж) панцирь цзэнского хоу И, 30-е годы V в. до н. э., погребение 1, Лэйгудун, уезд Суйсянь, пров. Хубэй: 19) воротник, 19а) нарукавье, 19б) пластины нарукавья, 19в) нагрудная часть, 19г) наспинно-наплечная часть, 19д) набедренная часть, 19е, ж) реконструкция (по [Исследование и реконструкция, 1979]); 20) деревянная статуэтка, г. Чанша, пров. Хунань, культура царства Чу, IV—III вв. до н. э.; 21) глиняная статуэтка, Северный Китай, V—III вв. до н. э.; 22) деревянная расписная статуэтка, г. Чанша, культура царства Чу, IV—III вв. до н. э.; 23) каменная статуэтка, изготовленная в Северо-Восточном Китае, в царстве Янь (?), найдена в пров. Цзянсу, V—IV вв. до н. э.; 24) кость, Корея, первая половина — середина I тысячелетия до н. э., длина 16 см и 14,4 см; 25—25г) кость, жилище 3, пос. Польце I, польцевская культура, V—IV вв. до н. э.: 25) длина 7,25 см, 25а) длина 4,7 см, 25б) длина 3,5 см, 25в) длина 2,5 см; 26—26е) кость, жилище 4, там же, IV—III вв. до н. э.: 26) длина 10 см, 26а) длина 8,5 см, 26б) длина 5,3 см, 26в, г) длина 7,5 см, 26д) длина 9 см, 26е) длина 5 см; 27) кость, Наньшаньгэнь, уезд Нинчэн, Внутренняя Монголия, первая половина II тысячелетия до н. э.; 28) кость, погребение 93, Дахуацзонцзуань, пров. Цинхай, рубеж II—I тысячелетий до н. э.


1
2
2а
3
4
5
6
14
7
10
12
9
8
13
15
11
19
20
21
48
18
21а
16
17
22
49
22а
23
24
25
25а
50
25б
26
24а
27
26а
28
29б
29
29а
30а
32а
30
32
31
31а
31б
31в
31г
38
39
42
43
33
34
35
40
44
47а
46
38а
41
44а
45
47
36
37

Таб. LVII

Таблица LVII. Защитные детали Месопотамии (1, 6, 14—21а), Сирии-Палестины (2—7), Ирана (8, 13, 22, 23, 27, 28), Кавказа (46, 49, 50), степной зоны Евразии (9, 10, 12, 12а, 24—25б, 29—32а, 38—45), Восточной Азии (11, 26, 26а, 47, 47а), Малой Азии (34—37), Египта (33, 48).

1) нагрудный диск (зерцало), бронза, Киш, середина III тысячелетия до н. э.; 2) гривна, бронза, Кфар Монаш, конец IV тысячелетия до н. э.; 2а) то же, бронза, Библ и Угарит, начало II тысячелетия до н. э.; 3—5) медальоны-зерцала сиро-палестинских воинов, изображение на кожаной обивке кузова колесницы Тутмоса IV, XVIII династия, конец XV в. до н. э.; 6) пектораль, изображение на хурритской печати, третья четверть II тысячелетия до н. э.; 7) медальон и пектораль, каменная скульптура, Айн ат-Телль, р-н г. Алеппо, около 800 г. до н. э.; 8) пектораль, бронза, Луристан, начало I тысячелетия до н. э.; 9) гривна-пектораль, бронза, абашевская культура Волго-Камья, третья четверть II тысячелетия до н. э.; 10) то же, бронза, длина 16,5 см, ширина 2 см, Верхнекызыльский клад, культура та же, время то же; 11) пектораль, бронза, уезд Шилоу, пров. Шаньси, XII—XI вв. до н. э.; 12) то же, бронза, Минусинская котловина, тагарская культура, VII—IV вв. до н. э.; 13) зерцало, бронза, долина р. Сефидруд, Северный Иран, первая четверть I тысячелетия до н. э.; 14—16) то же, рельефы дворца Саргона II (721—705 гг. до н. э.), Дур-Шаррукин (Хорсабад); 17, 18) то же, рельефы дворца Ашшурбанапала (668—635/27 гг. до н. э.), Ниневия (Куюнджик); 19—21) то же, рельефы дворца Синаххериба (704—681 гг. до н. э.), Ниневия; 21а) пектораль, бронза, Ур, VIII—VI вв. до н. э.; 22) «браслетные» рукава, изображение на золотой пластинке из Амударьинского клада, V в. до н. э.; 22а) «браслетный» рукав, гравировка на сакской костяной пластине, могильник Ак-Там, Фергана, V—IV вв. до н. э.; 23) наручья и наголенники персидского или малоазийского воина, греческая вазопись, начало V в. до н. э.; 24) прикрытие верха торса, скифское каменное изваяние, Приветное, Западный Крым, IV в. до н. э.; 24а) реконструкция; 25) скифский наспинный щит, железо, погребение 1, курган 2 у с. Красный Подол, Херсонщина, первая половина IV в. до н. э., ширина 95 см, высота 44,5 см; 25а) чешуйка щита, длина 4 см, 25б) вариант реконструкции панциря с прикрепленным к нему наспинным щитом; 26) наплечник (снаружи и изнутри), бронза, р-н Кёнчжу, Южная Корея, третья четверть I тысячелетия до н. э., длина 23,8 см, ширина 17,8 см; 26а) схема крепления к телу, реконструкция; 27) панцирь пластинчатый, из круглых бляшек и ламеллярная юбка (?), изображение сфинкса на золотой пекторали, Зивие, Северо-Западный Иран, первая половина — середина VII в. до н. э.; 28) панцирная (?) юбка, изображение крылатого божества на бронзовой булавке, Луристан, первая четверть I тысячелетия до н. э.; 29—29б) скифский железный набедренник, погребение 1, курган 2 у с. Красный Подол; 29) доспех in situ, длина 101 см, ширина пояса 25 см, общая ширина 47 см, 29а) чешуйка, длина 4,5 см, 29б) реконструкция; 30) скифский набрюшник, бронза, погребение 2, курган 3, Бутова Долина, Посулье, V—IV вв. до н. э., вид in situ с изнанки, длина 35 см, ширина 13 см; 30а) чешуйки, длина 2,2 см (пять верхних рядов) и 3,3 см (два нижних ряда); 31—31г) скифский железный набрюшник, погребение 1, курган 2 у с. Красный Подол: 31) доспех in situ, длина в поясе 100 см, общая ширина 30 см, 31а, б) чешуйки, длина 4,5 см, 31в) чешуйки, длина 3 см, 31г) реконструкция; 32) скифский набрюшник из бронзовых полос, курган у Белой речки, Северный Кавказ, V в. до н. э.; 32а) бронзовые полосы скифского набрюшника, курган 2 у с. Гойты, Чечено-Ингушетия, V в. до н. э., длина 12 см, 10,5 см, 9 см; 33) поножи, рельеф эпохи Аменхотепа III, XVIII династия, начало XIV в. до н. э.; 34—37) изображение на полихромном керамическом фризе, Пазарли, Фригия, VI в. до н. э.; 38, 38а) поножи сакские, дерево, 1-й Туэктинский курган, Алтай, VI в. до н. э.: 38) набедренник, длина 16 см, 38а) наголенник, длина 23 см; 39—41) сакские поножи, изображение на золотом навершии из «Сибирской коллекции Петра I», Алтай или Семиречье, IV в. до н. э.; 42) скифский наголенник, бронза, основа кожаная, крепление — бронзовая проволока, погребение VI, Нимфей, V в. до н. э., длина 20,4 см; 43) бронзовая полоса скифского наголенника, 4-й Семибратный курган, Прикубанье, V в. до н. э., длина 33,5 см; 44, 44а) переделанные скифами греческие наголенники кнемиды, изображение на золотой пластине из Гереместова кургана, IV в. до н. э. и реконструкция; 45) то же, бронза, Керчь, V—IV вв. до н. э., длина 30,5 см; 46) набедренник (налядвенник) колхский (греческий?), бронза, погребение 3, Вани, Западная Грузия, середина IV в. до н. э.; 47) бронированные сапоги, погребение в Чжэнчжавацзы, пров. Ляонин, VI—V вв. до н. э., реконструкция; 47а) бляшки бронзовые, диам. 1,4 см и 2,1 см; 48) чешуйчатая юбка фараона, изображение на кожаной обивке кузова колесницы Тутмоса IV, конец XV в. до н. э.; 49) зерцало, бронза, урартская статуэтка, Топракале, IX в. до н. э.; 50) боевой браслет-запястье, бронза, могильник Куланурхва, Абхазия, VIII в. до н. э., ширина 8 см.

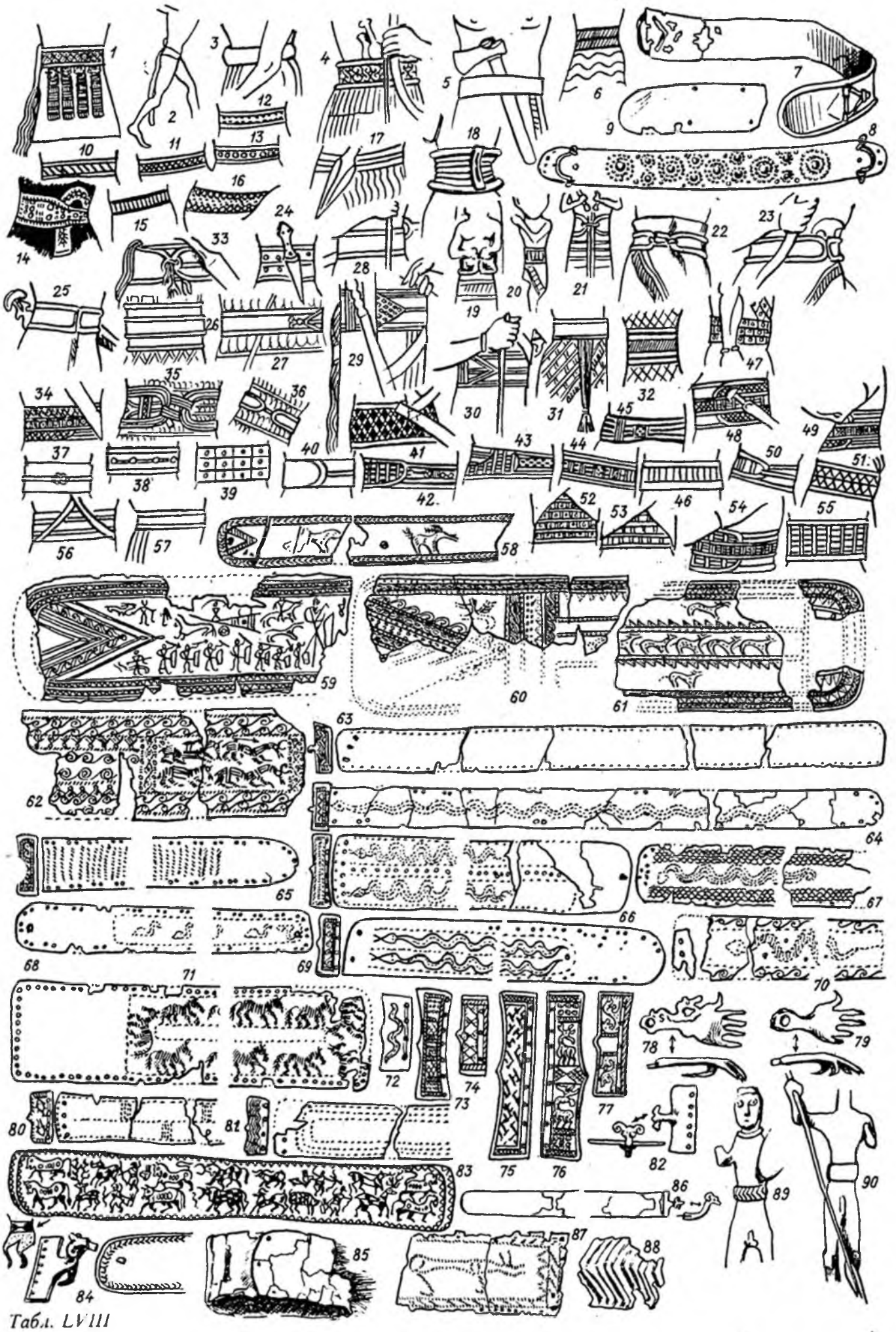
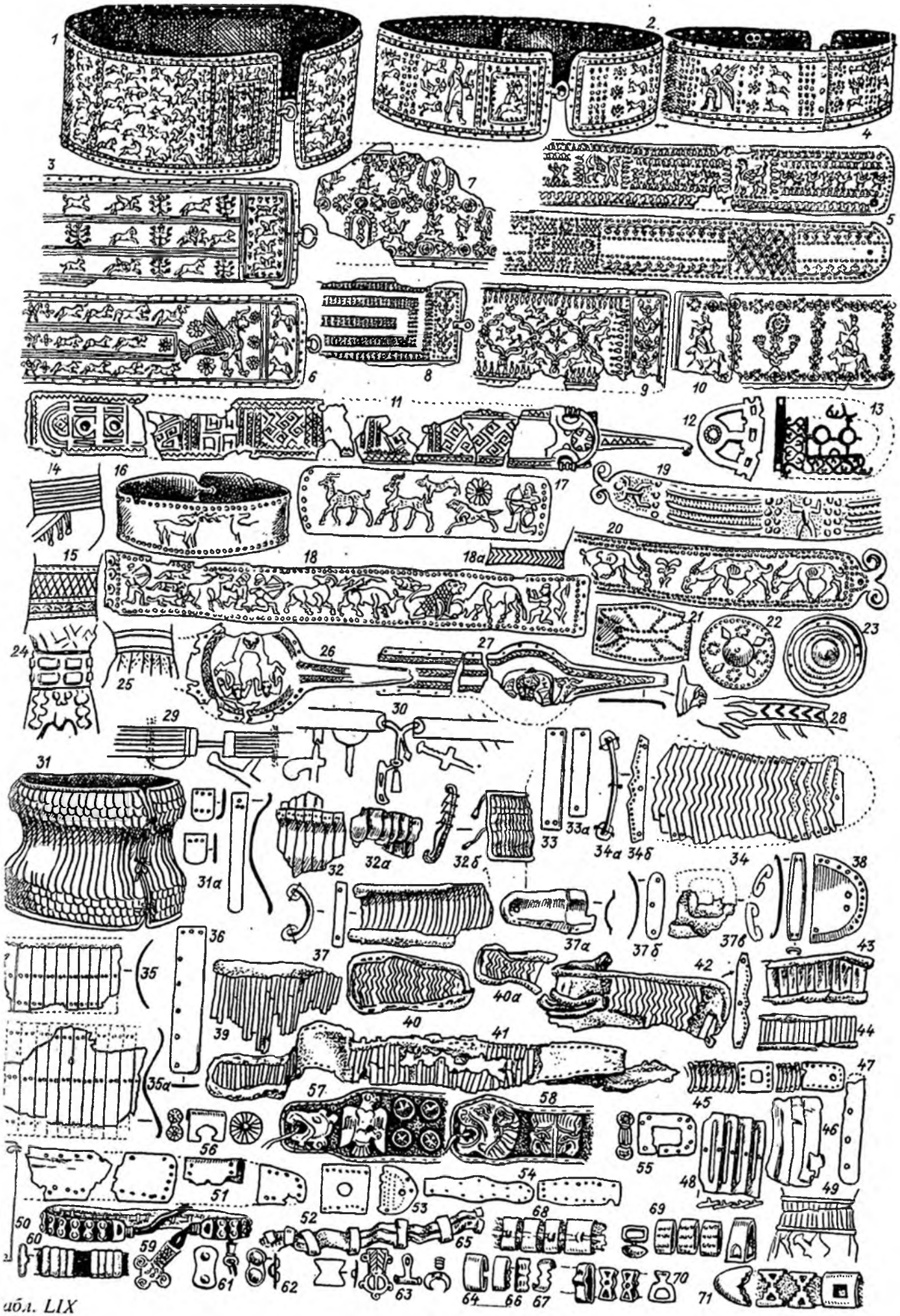


Табл. LVIII


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
18а
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
31а
32
32а
32б
33
33а
34
34а
34б
35
35а
36
37
37а
37б
37в
38
39
40
40а
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71

абл. LIX

Таблица LIX. Боевые пояса Урарту (1—10), Малой Азии (11—13), Элама (14), Ирана (15—28), Северного Причерноморья («киммерийские» — 29, 30, скифские — 31—58), Волго-Камья (59—63), Средней и Центральной Азии (64—71); бронза — 1—12, 16—23, 26, 27, 33—34б, 37, 39—45, 50—52, 54, 58—71; железо — 31—32б, 35, 36, 37а—37в, 45—48, 53, 56, 57; золоченое железо — 38; золото, серебро, электр — 55.

1—6) VIII—VII вв. до н. э., собрание музея Древнего Востока, Токио, ширина 10—20 см; 7) Тейшебаини (Кармир-Блур), время то же, ширина около 20 см; 8) Тигранаберд, VII в. до н. э., длина 130 см, ширина 12 см; 9) Заким, VII в. до н. э., ширина 10 см; 10) Тейшебаини, VIII—VII вв. до н. э., длина около 100 см, ширина 12 см; 11, 13) Гордион, Фригия, время то же; 12) Богазкёй, время то же; 14) изображение эламского конника, рельеф дворца Ашшурбанапала (668—635/27 гг. до н. э.), Ниневия (Куюнджик); 15) изображение на бронзовой пластине, Луристан, рубеж II—I тысячелетий до н. э.; 16) Луристан, IX—VII вв. до н. э., длина 91 см, ширина 9,8 см; 17) Луристан, время то же, длина около 30 см, ширина около 7 см; 18) Луристан, IX—VIII вв. до н. э., ширина 5,5 см; 18а) изображение на бронзовом поясе, Киклаванд, Луристан, около 700 г. до н. э.; 19) Луристан, IX—VII вв. до н. э., длина 57 см, ширина 6 см; 20) оттуда же, VIII—VII вв. до н. э., длина 49,5 см, ширина 6,7 см; 21) оттуда же, IX—VII вв. до н. э., длина 19,5 см, ширина 13 см; 22, 23) оттуда же, VIII—VII вв. до н. э., диам. 16,6 см и 7,5 см; 24) бронзовая статуэтка, Хурвин, IX—VIII вв. до н. э.; 25) изображение на золотой чаше, Ида (Хасанлу), IX—VIII вв. до н. э.; 26) оттуда же, время то же, длина 27 см, диам. 13 см; 27) оттуда же, время то же, ширина ленты 7,2 см, пряжки 12 см; 28) пояс персидско-малоазийского, ахеменидского воина, изображение на греческом керамическом сосуде, V в. до н. э.; 29) изображение на «киммерийской» стеле, Кызбурун, Северный Кавказ, VIII — первая половина VII в. до н. э.; 30) то же, Армавир, Северный Кавказ, время то же; 31, 31а) курган 2 у с. Щучинка, Посулье, VI в. до н. э., длина 106 см, ширина 17 см; 31) реконструкция (по Е. В. Черненко), 31а) чешуйки, высота 3 см и 14 см; 32—32б) погребение 2, курган 12 курганной группы 22-й шахты, г. Орджоникидзе, нижний Днепр, IV в. до н. э.; 32) часть набора, изнанка; 32а) то же, лицевая сторона; 32б) реконструкция, ширина около 20 см; 33—33а) пластины двух поясов из кургана 1 группы Сторожевой могилы, там же, V—IV вв. до н. э.: 33) длина 5,8 см, 33а) длина 4,5 см; 34—34б) основное погребение кургана I Завадская могила, там же, V в. до н. э., крепление проволочное: 34) фрагмент предконцевой части, 34а) сечение, 34б) рядовая пластинка, длина 11 см; 35, 35а) два пояса из кургана I Испанова могила, там же, IV в. до н. э.: 35) ширина 4 см, 35а) ширина 7 см; 36) пластинка пояса или наспинного щита, курган IV Испанова могила, V в. до н. э., длина 11 см; 37—37в) два пояса из кургана Толстая могила, там же, первая половина IV в. до н. э.: 37) разрез, рядовая пластинка и фрагмент первого пояса, ширина 3,6 см, 37а) концевая пластина второго пояса, длина 5 см, ширина 2,5 см, 37б) рядовая пластинка второго пояса, длина 4 см, 37в) срединная пластина второго пояса с отверстием для портупеи, длина 4 см; 38) конечная пластина пояса из кургана Куль-Оба; Крым, IV в. до н. э., длина 9 см; 39) курган 2 у с. Волковцы, Посулье, V в. до н. э., ширина 5 см, кожаная основа; 40, 40а) Галущино, Посулье, V—IV вв. до н. э., ширина 4 см, кожаная основа; 41) курган 1, там же, V в. до н. э., ширина 4,3 см, кожаная основа; 42) курган 4 у с. Грищенцы, Посулье, V в. до н. э., ширина 5 см, кожаная основа; 43) курган 413 у с. Журовка, Посулье, V в. до н. э., ширина 3,6 см, кожаная основа; 44) курган 63, у с. Бобрицы, Посулье, V в. до н. э., ширина 2,7 см, кожаная основа; 45) два аналогичных пояса, курган Чертомлык, нижнее Поднепровье, первая половина IV в. до н. э., ширина 4,2 см и 5,6—6 см; 46) курган 423, с. Ходоров, Посулье, V в. до н. э., ширина 9 см; 47) курган 435 у с. Мокиевка, там же, V—IV вв. до н. э., длина 5 см; 48) Роменский уезд, Посулье, время то же; 49) каменное изваяние из Краснодарского музея, V в. до н. э.; 50) погребение 2, курган 12 группы 22-й шахты, г. Орджоникидзе, нижнее Поднепровье, IV в. до н. э., длина 5,2 см; 51) оттуда же, ширина 4,2 см; 52) срединная пластина, Мелитопольский курган, IV в. до н. э., длина 4,5 см; 53) концевая пластина, курган Солоха, начало IV в. до н. э., длина 8,3 см; 54) курган у с. Шульговка (Капитоновка), IV в. до н. э., длина 15 см и 12 см, ширина 3,7 см; 55) погребение 2, курган 4, группы Страшной могилы, рядовые бляшки (115 экз.) золотые и серебряные, длина 2,5 см, срединная пластина электровая, 3,5 × 2,7 см; 56) рядовая, концевая и срединная пластины, курган 2 у с. Мастюгино, средний Дон, вторая половина IV в. до н. э., высота 2 см; 57) Золотой курган, около г. Симферополь, V в. до н. э., «орел» — 2 экз., «волчья голова» — 2 экз., «пуговицы» — 40 экз.; 58) курган 4 у с. Берестняги, Посулье, V в. до н. э., «львиная голова в профиль» — 2 экз., длина 8 см, «львиная голова в фас» — 10 экз., длина 4,5 см; 59—63) ананьинская культура: 59) Зуевский могильник, VI в. до н. э., ширина 2,5 см, 60—63) Старший Ахмыловский могильник: 60) погребение 704, вторая половина VII — начало VI в. до н. э., ширина 2 см, 61) погребение 114, время то же, длина 2,5 см, 62) погребение 767—768, время то же, длина 2,8 см, 63) погребение 900, VI в. до н. э., длина 1,5 см, подвески длина 5 см, 3 см, 2 см; 64) Чаккасам, Самаркандская область, середина II тысячелетия до н. э., длина 2 см; 65) курган 4, могильник Можуташ, Памир, V в. до н. э., ширина 3 см, кожаный ремень; 66, 67) Памир, VI—IV вв. до н. э., длина 3 см; 68) курган 3 могильник Нурманбет IV, Центральный Казахстан, первая половина VII—VI в. до н. э., ширина 3,3 см; 69) курган 1, там же, время то же, ширина 3,3 см; 70) курган 1, могильник Тасмола II, Центральный Казахстан, V—IV вв. до н. э., ширина 2 см; 71) курган у с. Вавилово, Северный Алтай, время то же, ширина 4,5 см.

Табл. LX

Таблица LX. Шлемы Сирии-Палестины (1, 27—40, 42—70), Месопотамии (2—26, 102), Малой Азии (41), Египта (71—85), Кавказа (86—91), Китая (92—101).

1) бронзовая статуэтка бога-воина, Телль эль-Джудейде, первая половина III тысячелетия до н. э.; 2—2б) медь, погребение 789, «царский» некрополь, Ур, середина III тысячелетия до н. э.; 3) бронза, Нгирсу (Телло), время то же; 4) изображение на перламутровой инкрустации «штандарта», Ур, время то же; 5—7) то же, Мари, время то же; 8) изображение на победной стеле Эанатума («Стеле коршунов»), Нгирсу, время то же; 8а, 8б) варианты краев выреза шлема, там же; 9) шлем полководца (Эанатума), там же; 10) то же, изображение на перламутровой инкрустации, Мари, время то же; 11) золото, чеканка, гравировка, из погребения Мескаламдуга, Ур, время то же; 12) шлем царя Нарам-Суэна (2236—2200 гг. до н. э.), изображение на «Стеле похода на лулубеев» из Суз; 13, 13а) шлемы воинов Нарам-Суэна, оттуда же; 14) изображение царя Римуша (2260—? гг. до н. э.), Нгирсу; 15) шлем царя Нарам-Суэна, рельеф, Диярбакыр; 16) шлем сутийского (?) воина, рельеф из Насирийе, конец III — начало II тысячелетия до н. э.; 17) скульптура из дворца царя Зимри-Лима, Мари, XIX—XVIII вв. до н. э.; 18) изображение на стенной росписи, оттуда же, время то же; 19) изображение на глиняной плакетке, оттуда же, время то же; 20) изображение на перламутровой инкрустации, оттуда же, XVIII в. до н. э.; 21—26) изображение на хурритских печатях середины — третьей четверти II тысячелетия до н. э.; 27—35) шлемы сиро-палестинских воинов, изображение на кожаной обивке кузова колесницы Тутмоса IV, конец XV в. до н. э.; 36, 37) шлемы — дары сирийцев, роспись гробницы Менхеперрасенеба, Фивы, время Тутмоса III, вторая четверть XV в. до н. э.; 38) шлем бога — громовика-воина, рельеф на стеле, Угарит (Рас-Шамра), XIV—XIII вв. до н. э.; 39) голова статуэтки того же бога, оттуда же, XIV—XII вв. до н. э.; 40) то же, Энкоми, Кипр, XII в. до н. э.; 41) шлем бога Тархунтаса, рельеф ворот хеттской столицы Хаттусы (Богазкёй), XV—XIII вв. до н. э.; 42) шлем воина-«шардана» — телохранителя Рамсеса II, рельеф храма Абу-Симбел, XIX династия, XIII в. до н. э.; 43—44) то же, рельефы храма в Луксоре; 46—61) шлемы «шардана», рельефы, Мединет-Абу, XX династия, XII в. до н. э.; 62—66) шлемы филистимлян, оттуда же, время то же; 67) изображение на филистимском глиняном саркофаге, Лакиш, XII—X вв. до н. э.; 68) филистимлянин, изображение на костяном ларце, Энкоми, Кипр, X в. до н. э.; 69—70) сирийские шлемы в «оружейной палате» Тутмоса III, роспись гробницы Кенамона, Фивы, вторая половина XV в. до н. э.; 71) рельеф эпохи XVIII династии, XIV в. до н. э.; 72, 73) рельеф храма Рамсеса II, Абу-Симбел, XIII в. до н. э.; 74, 82—84) шлемы египетских воинов, рельефы Мединет-Абу, XX династия, XII в. до н. э.; 75—79) шлемы в арсенале, то же, там же, время то же; 80—81) шлемы в «оружейной палате» фараона, роспись гробницы Рамсеса III, XII в. до н. э.; 85) боевая корона фараонов XVIII—XX династий, XV—XII вв. до н. э. (с элементами реконструкции); 86—90) бронзовые фигурки колесничных бойцов, Лчашен, Армения, конец II тысячелетия до н. э.; 91) бронзовая статуэтка бога-воина, Зангезур, Армения, конец II — начало I тысячелетия до н. э.; 92) бронза, западная часть Аньяна, пров. Хэнань, культура эпохи Инь, XIII—XII вв. до н. э., высота 25,2 см, Музей искусств, Сен-Луи; 93, 94, 96—98) бронза, погребение 1004, Аньян, время то же, Тайвань, Академиа Синика; 95) бронза, собрание Дженнингса, время то же, высота 23,5 см, вес 1800 г, Гугун, Пекин; 99) бронза, Аньян, время то же, высота 22 см, Тайвань, Академиа Синика; 100) бронза, XII—XI вв. до н. э., г. Чэнгу, пров. Шэньси, высота 20 см (23 экз.); 101) пиктограмма «шлем» на иньском сосуде «Сяо Юй дин», XIII—XII вв. до н. э.; 102) изображение на печати Старовавилонского периода, XVIII—XVII вв. до н. э.

Табл. LXI

Таблица LXI. Шлемы Сирии-Палестины (1—21), Ассирии (22—60), Малой Азии (61—75), Урарту (76—95), Кавказа (93—103); бронза — 11, 22, 23, 25—27, 76, 77, 85—91, 93—95; бронза и железо — 21, 24, 92.

1—3) рельефы ортостатов, Гузана (Телль-Халаф), X — начало IX в. до н. э.; 4, 5) то же, Каркемиш, IX—VIII вв. до н. э.; 6, 7) финикийская резная кость, из Кальху (Нимруд), IX в. до н. э.; 8) деталь терракотового изображения боевой колесницы с экипажем, Агиа Ирини, Кипр, VII—VI вв. до н. э.; 9) терракотовая статуэтка воина, оттуда же, VIII—VII вв. до н. э.; 10) Тамассос, Кипр, VII вв. до н. э.; 11—16) изображение на финикийской серебряной чаше, Кипр, VIII—VII вв. до н. э.; 17) изображение на гравированной финикийской костяной пластинке, около 600 г. до н. э., музей Метрополитен; 18) изображение на рельефе ортостата из Сакчегёзу, VIII в. до н. э.; 19, 20) шлемы иудейских воинов — защитников Лакиша, рельеф дворца Синаххериба (704—681 гг. до н. э.), Ниневия (Куюнджик); 21) Кипр, VII в. до н. э., Британский музей; 22, 23) Сам'аль (Зинджирли), около 700 г. до н. э., высота 21—38 см; 24) из Ниневии (Куюнджик), VII в. до н. э., Британский музей; 25) из Иранского Азербайджана, VIII в. до н. э., Британский музей; 26) навершие шлема — каста для волосяного гребня, Лакиш, начало VII в. до н. э., Палестинский археологический музей, Иерусалим; 27) науши, Алтын-тепе, VII в. до н. э.; 28—31) рельефы бронзовой оковки ворот, Имгур-Бел (Балават), IX в. до н. э.; 32—36) рельефы дворца Ашшурнацирапала II (883—859 гг. до н. э.), Кальху; 37) шлем бога-громовика, рельеф стелы Тукульти-Нинурты II (около 883 г. до н. э.), Терка (Телль-Ашара); 38—41) рельефы дворца Тиглатпаласара III (744—727 гг. до н. э.), Кальху; 42—44) росписи стен дворца наместника, Тиль-Барсиб (Телль-Ахмар), VIII в. до н. э.; 45—51) рельефы дворца Саргона II (721—705 гг. до н. э.), Дур-Шаррукин (Хорсабад); 52—56а) рельефы дворца Синаххериба, Ниневия (52 — шлем филистимского наемника, остальные — ассирийских воинов); 57—60) рельефы дворца Ашшурбанапала (668—635/27 гг. до н. э.), Ниневия; 61—63) рельефы Кара-тепе, Анатолия, VIII в. до н. э.; 64) изображение на бронзовой пластине, погребение в Кавуши, Анатолия, VIII в. до н. э.; 65) изображение на костяной пластинке, Гордион, Фригия, VIII в. до н. э.; 66) изображение на золотом поясе, Хан-е Али Текке, Крит, VIII в. до н. э.; 67) изображение на костяной пластинке, Гордион, VII в. до н. э.; 68—73) полихромные керамические рельефы, Пазарли, Фригия, VI в. до н. э.; 74, 75) то же, Сарды, Лидия, VI в. до н. э.; 76, 77) окрестности оз. Урмия, VIII в. до н. э., Токио, Музей древнего Востока; 78) урартский воин, рельеф дворца Тиглатпаласара III (744—727 гг. до н. э.), Ниневия; 79—79б) урартские воины, рельеф бронзовой оковки ворот, Имгур-Бел (Балават), IX в. до н. э.; 80, 81) бронзовые фигурки воинов, Топрак-кале, IX в. до н. э., Британский музей; 82) изображение на бронзовом сосуде, VIII—VII вв. до н. э.; 83) изображение на бронзовом поясе, Гюимли, VII в. до н. э.; 84) изображение на бронзовом колчане с именем царя Сардури II (760—730 гг. до н. э.), Тейшебаини (Кармир-Блур); 85—87) оттуда же, VIII в. до н. э.; 85) помещение 24, 86) помещение 18, 87) помещение 10, на шлеме надпись с именем Сардури II, высота 30 см; 88) из Луристана, VIII в. до н. э., Британский музей; 89) из Иранского Курдистана (между Керманшахом и Саккызом), время то же; 90) Копенгаген, Национальный музей, время то же; 91) погребение в горах Загра, Луристан, время то же, высота 30 см; 92) VIII—VII вв. до н. э., высота 25,5 см, диам. 17 × 24 см; 93) погребение в Бешташени — Сафар-Хароба, Грузия, VII в. до н. э.; 94) с. Приморское, Абхазия, VIII—VII вв. до н. э.; 95) могильник Фаскау, Северная Осетия, VII—VI вв. до н. э.; 96) бронзовая статуэтка, Паравакар, Армения, IX—VII вв. до н. э.; 97) то же, Арунское ущелье, Чечено-Ингушетия, первая половина I тысячелетия до н. э.; 98) то же, гора Берак, Дагестан, время то же; 99) то же, с. Химой, Чечено-Ингушетия, вторая половина VII—VI в. до н. э.; 100) то же, Дагестан, вторая половина VII — начало VI в. до н. э.; 101, 102) то же, оттуда же, VIII—VII вв. до н. э.; 103) изображение на бронзовом поясе, Санаин, Армения, VIII — первая половина VII в. до н. э.

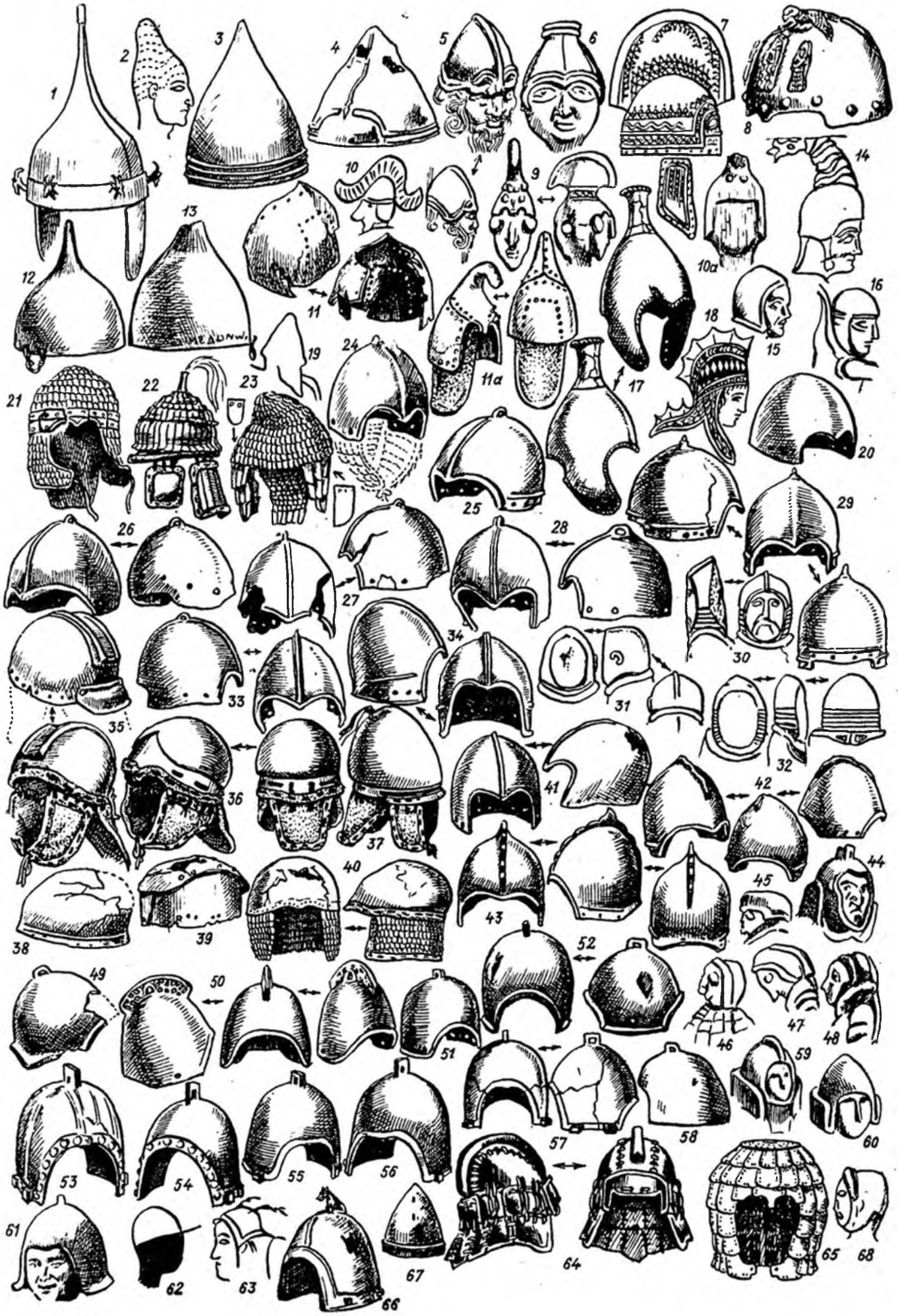


Табл. LXII

Таблица LXII. Шлемы Ирана (1—20), скифские, синдо-меотские и савроматские (21—40), сакские (41—48, 68), севера КНР и Центрального Китая (49—66), юго-запада КНР (67); бронза — 1, 3, 4, 7, 8, 11—13, 17, 20, 24—29, 33—43, 50—58—66, 67; железо — 21—23; кожа, лак — 64.

1) Луристан, первая треть I тысячелетия до н. э., высота 47,3 см; 2) изображение на серебряной чаше, Марлик, Западный Иран, IX—VIII вв. до н. э.; 3) ассирийский импорт (?), Ида (Хасанлу), Северо-Западный Иран, время то же, высота 28 см; 4) то же, оттуда же, время то же, высота 25 см; 5) изображение на бронзовом конском нагруднике, оттуда же, VIII в. до н. э.; 6) бронзовое навершие булавы, Амлаш, IX—VIII вв. до н. э.; 7) Ида (Хасанлу), VIII в. до н. э.; 8) бронза, накладные фигурки и заклепки позолоченные, р-н р. Сефидруд, Гилян, XI—VIII вв. до н. э., музей Метрополитен; 9) бронзовая статуэтка, Хурвин, IX—VIII вв. до н. э.; 10) изображение на бронзовом поясе, Киклаванд, Луристан, около 700 г. до н. э.; 10а) деревянная статуэтка, Зивие, Северо-Западный Иран, середина VII в. до н. э.; 11) Луристан, IX—VIII вв. до н. э., высота обломка 24 см, музей Эшмола, Оксфорд; 11а) реконструкция; 12) Фивы, Египет, ахеменидский период, VI в. до н. э.; 13) персидский шлем-трофей Марафонской битвы, начало V в. до н. э., с греческой посвятительной надписью «Зевсу от афинян, которые взяли его от мидян», музей в Олимпии; 14) изображение персидского воина на золотой пластинке из Амударьинского клада, V в. до н. э.; 15, 16) изображение на ахеменидских печатях, VI—V вв. до н. э.; 17) с. Нуйди, Ахсуйский р-н, АзерССР, ахеменидский Иран, VI—V вв. до н. э.; 18) шлем ахеменидского воина — малоазийца или перса, греческая вазовая живопись, V в. до н. э.; 19) скальный рельеф, Еничекёй, Ликия, V—IV в. до н. э.; 20) ахеменидский Иран, VI—V вв. до н. э., музей в Глазго; 21) курган 401 у с. Журовка, Посулье, V в. до н. э., реконструкция; 22) погребение 2, курган 12, курганной группы 22-й шахты, г. Орджоникидзе, нижнее Поднепровье, IV в. до н. э., реконструкция; 23) курган у с. Новорозановка, Одесская область, V в. до н. э., длина чешуек 2,5 см и 6 см (на нащечниках); 24) Воронцовский курган, стан. Крымская, Прикубанье, вторая половина VII — начало VI в. до н. э., высота 18 см, музей Войска Польского, Варшава; 25) стан. Крымская (?), высота 18 см, музей тот же; 26) с. Гвардейское, Чечено-Ингушетия, время то же; 27—29) стан. Келермесская, Прикубанье, время то же; 27) курган 1, высота 18 см, 28, 29) курган 2, высота 16 и 17 см; 30—32) каменные скифские изваяния из Прикубанья, время то же: 30) стан. Воровсколесская, 31) стан. Манычская, 32) Ставропольский музей; 33) с. Старый Печеур, Поволжье, время то же; высота 18 см; 34) неизвестного происхождения, время то же, высота 18 см, ГИМ; 35) погребение 1 (?), Нимфей, высота 14,5 см, балканский шлем «иллирийского» типа, VI — начало V в. до н. э., переделанный скифом (затылочная часть превращена в лицевую путем переноса назатыльника, бронзовые науши срезаны), реконструкция; 36) курган Солоха, начало IV в. до н. э., высота 14,6 см, греческий шлем «аттического» типа, переделанный скифом (удалены наносник, нащечники, назатыльники), реконструкция; 37) с. Кардашинка, Херсонщина, V — первая половина IV в. до н. э., высота 16,5 см, греческий шлем «южногреческого» типа, переделанный скифом (удалены нащечник и назатыльник), реконструкция; 38) Майкоп, высота 13 см, греческий шлем конца VI — начала IV в. до н. э., переделанный скифом; 39) курган Ашика, Керчь, V — первая половина IV в. до н. э., скифская работа из греческого металлолома; 40) курган 1 у с. Никольское, Нижнее Поволжье, V в. до н. э., греческий шлем «коринфского» типа, VI в. до н. э., переделанный скифом или савроматом, чешуйки бармицы местные, высота наголовья 14 см, длина чешуйки 2 см; 41) верховья Иртыша, Алтай, VII—VI вв. до н. э., длина 20,5 см; 42) городище Кысмычи, Таласская долина, время то же, высота 20 см; 43) Самарканд, время то же, высота 24,5 см; 44) деталь бронзового светильника, Джамбул, Таласская долина, IV—III вв. до н. э.; 45—48) изображение на золотом навершии из «Сибирской коллекции Петра I», Алтай или Семиречье, IV—III вв. до н. э., «гэ»; 49, 50) Байфу, р-н Пекина, XI—X вв. до н. э.: 49) погребение 2, высота 18 см, 50) погребение 3, высота 24,5 см; 51) Гаохун, уезд Люлинь, пров. Шаньси, X—IX вв. до н. э., высота 19,5 см; 52) Синьцунь, уезд Цзюньсянь, пров. Хэнань, X—IX вв. до н. э., высота 20 см, Королевский музей Онтарио, Торонто (аналогичен ему второй шлем из Чифэна, аймак Чжаоуда); 53) погребение 101, раскопки 1963 г., Наньшаньгэнь, уезд Нинчэн, аймак Чжаоуда, Внутренняя Монголия, середина VII в. до н. э., высота 23,8 см; 54) там же, раскопки 1958 г., VII в. до н. э., высота 24 см; 55) Мэйлихэ, Внутренняя Монголия, время то же, высота 24 см; 56) первый шлем из Чифэна, аймак Чжаоуда, время то же, высота 23 см; 57) Шилишань, уезд Цзяньпин, пров. Ляонин, время то же, высота 22 см; 58) Уцзиньтан, уезд Цзиньси, пров. Ляонин, VI—V вв. до н. э., высота 19 см; 59, 60) керамические статуэтки, V—III вв. до н. э., северо-запад Центрального Китая; 61) каменная статуэтка северокитайской (царство Янь?) работы, найдена в пров. Цзянсу, V—IV вв. до н. э.; 62) изображение на бронзовом сосуде, Шаньбяочжэнь, уезд Чжисянь, IV в. до н. э.; 63) серебряная инкрустация на бронзовом зеркале, Синьцунь, г. Лоян, IV—III вв. до н. э.; 64) шлем из погребения цзэнского хоу И, Лэйгудун, уезд Суйсянь, пров. Хубэй, 30-е годы V в. до н. э. (реконструкция по [Исследование и реконструкция, 1979]); 65) погребение 44, городище Сяду — нижней столицы царства Янь, уезд Исянь, пров. Хэбэй, IV—III вв. до н. э., высота пластинки 5 см; 66) Ляодун, середина VII в. до н. э., собрание Дэвид-Вейль, Париж; 67) Цзиньюй, около г. Чэнду, пров. Сычуань, конец IV—III в. до н. э.; 68) бронзовая фигурка — деталь жертвенного столика, Таласская долина, IV—III вв. до н. э.

Таб. I. LXIII

Таблица LXIII. Щиты Месопотамии (1—3), Египта (4—48), Сирии-Палестины (49—75) III—II тысячелетия до н. э.

1) медь, «царский» некрополь, Ур, середина III тысячелетия до н. э., длина 44 см, ширина 32,5 см; 1а) реконструкция, высота 90 см; 2) изображение на стеле Эанатума («Стела коршунов»), Нгирсу (Телло), время то же; 3) гравировка на кости, Мари, время то же; 4) роспись гробницы, Иераконполь, конец IV тысячелетия до н. э.; 5, 6) иероглифы «сражаться», Древнее царство: 5) начало III тысячелетия до н. э., 6) первая половина III тысячелетия до н. э.; 7) щит — иероглифический символ богини Нейт, Древнее царство, первая половина III тысячелетия до н. э.; 8) роспись гробницы Ахтоя, Сиут, Среднее царство, последняя четверть III тысячелетия до н. э.; 9) деревянная модель щита, Сиут, XII династия, XX—XIX вв. до н. э.; 10) то же, время то же, Лувр; 11—14) деревянные фигурки — «войско номарха Сиута», оттуда же, время то же; 15) роспись гробницы Тхутихотепа, Эль-Берзех, XII династия, XX—XIX вв. до н. э.; 16—19) роспись гробницы, Бени-Хасан, время то же; 20—22) то же, изображение домашних арсеналов, начало II тысячелетия до н. э.; 23, 24) рукоять — скрепа-умбон, дерево, Сиут, время то же; 25) настенная роспись, Среднее царство, XX—XIX вв. до н. э.; 26) деревянный расписной умбон с изображением и именем Аменхотепа I, XVIII династия, XVI в. до н. э.; 27) рельеф храма царицы Хатшепсут, Дер эль-Бахри, XVIII династия, начало XV в. до н. э.; 28) изображение мастерской по изготовлению щитов, роспись гробницы Рехмира, XVIII династия, первая половина — середина XV в. до н. э.; 29) щит из «оружейной палаты» Аменхотепа III, роспись гробницы Кенамона, Фивы, последняя четверть XV в. до н. э.; 29а) роспись оттуда же; 30—30б) щиты воинов Эхнатона, рельеф из Эль-Амарны, XVIII династия, XIV в. до н. э.; 31—33) щиты воинов Тутанхамона, изображение на шкатулке из его гробницы, XIV в. до н. э.; 34, 37, 39) роспись гробницы Хеви Аменхотепа, время Тутанхамона, XIV в. до н. э.; 35, 36, 38) щиты из гробницы Тутанхамона: 35) дерево, шкура гепарда, бронзовый умбон, высота 72 см, ширина 51 см, 36, 38) дерево, резьба, позолота, высота 75 см; 40) рельеф времени XVIII династии, XV—XIV вв. до н. э.; 41, 42) иероглифы «сражаться», Новое царство, XIV—XIII вв. до н. э.; 43) рельеф времени Рамсеса II, XIX династия, XIII в. до н. э.; 44) щиты из южных пограничий, роспись храма в Бейт эль-Вали, XIX династия, XIII в. до н. э.; 45—46а) рельефы из Мединет-Абу, XX династия, XII в. до н. э.; 47, 48) раскрашенный рельеф времени Рамсеса II, XIX династия, XIII в. до н. э.; 49) щит азиата-наемника, роспись гробницы, Бени-Хасан, XII династия, XX—XIX вв. до н. э.; 50) граффити в погребении Р3, Иерихон, XVIII—XVII вв. до н. э.; 51—58) щиты сиро-палестинских воинов, изображение на кожаной обивке кузова колесницы Тутмоса IV, последняя четверть XV в. до н. э.; 59—60) то же, роспись шкатулки из гробницы Тутанхамона, XIV в. до н. э.; 61, 62) то же, рельефы храма Рамсеса II в Карнаке, XIII в. до н. э.; 63) бронзовая статуэтка бога-воина, Мегиддо, XIII—XI вв. до н. э.; 63а) слоновая кость, Мегиддо, XIV—XII вв. до н. э.; 64) бронзовая статуэтка бога-воина, Мегиддо, вторая половина XI в. до н. э.; 65) рельеф храма Рамсеса II в Карнаке, XIII в. до н. э.; 66) гравировка на костяной пластинке, Мегиддо, XIII—XII вв. до н. э.; 67) рельеф на костяной пластинке, оттуда же, время то же; 68) рисунок на керамике, Мегиддо, середина XIV — середина XII в. до н. э.; 69) бронзовая статуэтка бога-воина, Энкоми, Кипр, XII в. до н. э.; 70) изображение на печати, оттуда же, время то же; 71—75) щиты «народов моря», изображения на египетских рельефах: 71—73) Карнак и Абу-Симбел, время Рамсеса II, XIII в. до н. э., 74, 75) Мединет-Абу, время Рамсеса III, XII в. до н. э.

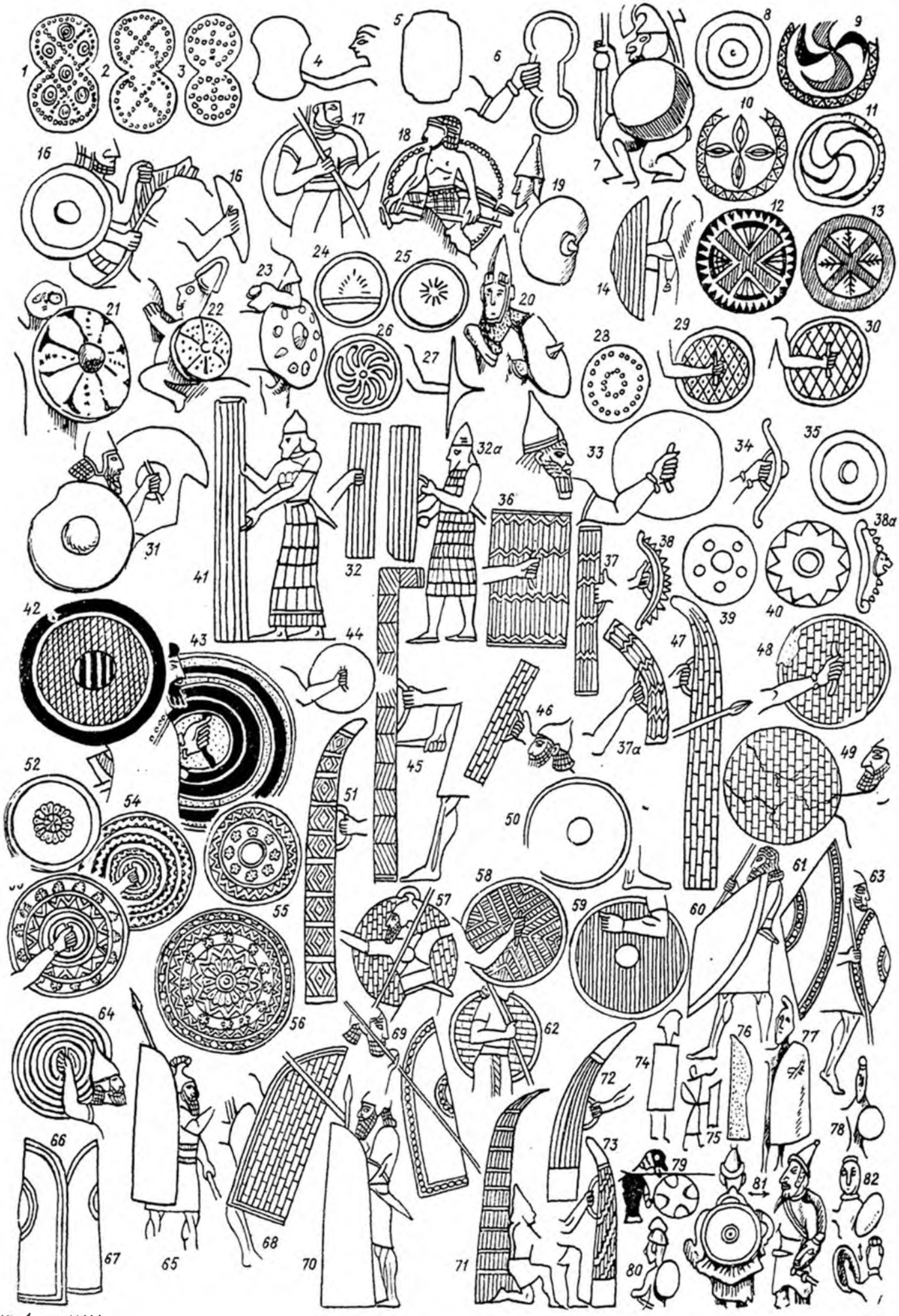
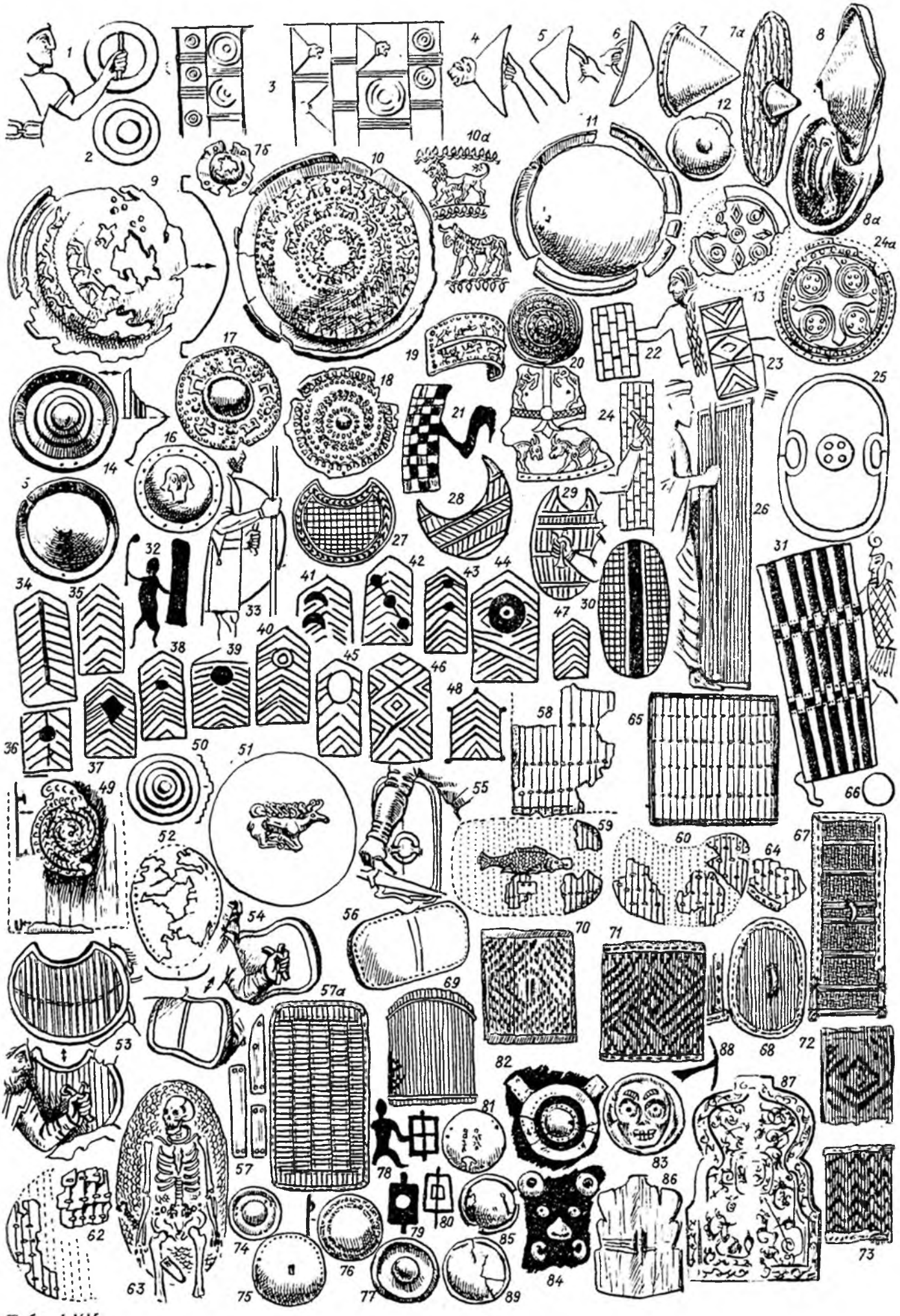


Табл. LXIV

Таблица LXIV. Щиты Малой Азии (1—5, 7—14), Сирии и Палестины (6, 15—31), Ассирии (32—73), Кавказа (74—82).

1—3) золотые фибулы в виде щитов, Аладжа-Хююк, Анатолия, XXIII в. до н. э.; 4, 5) щиты хеттских колесничных бойцов, египетский рельеф, изображающий битву при Кадеше, время Рамсеса II, XIII в. до н. э.; 6) щит бога-воина, рельеф городских ворот, Сам'аль (Зинджирли), IX в. до н. э.; 7) рельеф ортостата, Кара-тепе, около 730 г. до н. э.; 8) щит всадника, резная костяная пластина, мегарон 3, Гордион, Фригия, VIII в. до н. э.; 9—13) полихромный терракотовый рельеф, Пазарли, Фригия, VI в. до н. э.; 14) щит воина «скудра» (вифинца, т. е. малоазийского фракийца), рельеф из Персеполя, V в. до н. э.; 15) щит всадника, рельеф ортостата, Гузана (Телль-Халаф), IX г. до н. э.; 16) щит пешего копейщика, то же, оттуда же, время то же; 17) то же, Каркемиш, IX—VIII вв. до н. э.; 18) финикийская слоновая кость, Кипр, IX—VIII вв. до н. э.; 19) щит финикийского колесничного бойца, терракотовое изображение колесницы Агиа Ирини, Кипр, VII в. до н. э.; 20) то же, Кипр, VII в. до н. э.; 21) щит пешего копейщика, финикийская терракотовая статуэтка, Кипр, VII в. до н. э.; 22) щит конника, то же, оттуда же, время то же; 23) то же, Агиа Ирини, Кипр, VIII—VII вв. до н. э.; 24—27, 29, 30) щиты пеших копейщиков, изображения на финикийских серебряных чашах, Кипр, время то же; 28) щит египетского колесничного бойца на Кипре, изображение на финикийской серебряной чаше, Кипр, время то же; 31) иудейские щиты, рельеф дворца Синаххериба (704—681 гг. до н. э.), Ниневия (Куюнджик); 32, 32а, 35, 38—41) изображение на бронзовой оковке ворот, Имгур-Бел (Балават), IX в. до н. э.; 33, 34, 36—37а) рельефы дворца Ашшурнацирапала II (883—859 гг. до н. э.), Кальху (Нимруд); 42, 43) роспись дворца наместника, Тиль-Барсиб (Телль-Ахмар), VIII в. до н. э.; 44, 45) рельеф дворца Тиглатпаласара III (744—727 гг. до н. э.), Кальху; 46—56) рельефы дворца Саргона II (721—705 гг. до н. э.), Дур-Шаррукин (Хорсабад); 57—63) рельефы дворца Синаххериба (704—681 гг. до н. э.), Ниневия; 64—73) рельефы дворца Ашшурбанапала (668—635/27 гг. до н. э.), там же; 74) изображение на хурритской (?) печати, Артик, Армения, конец II тысячелетия до н. э.; 75, 76) изображение на бронзовом поясе, Степанаван, Армения, VII в. до н. э.; 77, 78) бронзовые статуэтки богов-воинов, Айрум и Паравакар, Армения, VII в. до н. э.; 79) изображение на бронзовом поясе, Санаин, Армения, VIII — первая половина VII в. до н. э.; 80) бронзовая статуэтка бога-воина, с. Химой, Чечено-Ингушетия, IX—VIII вв. до н. э.; 81) то же, Дагестан, вторая половина VII — начало VI в. до н. э.; 82) то же, клад в Мелаани, Грузия, первая треть I тысячелетия до н. э.



Таб. LXV

Таблица LXV. Щиты Урарту (1—10а), Закавказья (11—13), Ирана (14—31), Индостана (32, 33), «карасукской» культуры Центральной Азии (34—48), ананьинской культуры Волго-Камья (49, 50), скифов, синдо-меотов и савроматов (51—65), сакские (66—73), севера КНР (74—77), центра Китая (78—88), Кореи (89).

1, 2) изображение на бронзовой оковке ворот, Имгур-Бел (Балават), время Салманасара III (858—824 гг. до н. э.); 3—6) урартские щиты на стене храма Халди в Муцацире (3) и в руках ассирийских воинов, грабящих храм (4—6), рельеф дворца Саргона II (721—705 гг. до н. э.), Дур-Шаррукин (Хорсабад); 7) бронзовые умбоны с именами царей Аргишти I (781—760 гг. до н. э.) и Сардури II (760—730 гг. до н. э.), высота 12 см, Тейшебаини (Кармир-Блур); 7а) реконструкция щита с умбоном; 7б) умбон, бронза, оттуда же, VII в. до н. э., диам. 12 см; 8) бронза, с именем царя Аргишти I, оттуда же; 8а) изнанка, с элементами реконструкции; 9) бронза, Тушпа (Топрак-кале), VIII в. до н. э., диам. около 70 см, Берлинский государственный музей; 10, 10а) бронзовый щит с именем царя Сардури II и детали его чеканного и гравированного декора, диам. 75 см, Тейшебаини; 11) бронза, с. Мелаани, Грузия, IX—VII вв. до н. э., диам. 26 см; 12) умбон, бронза, каменный ящик. Хачбулаг. АзерССР, начало I тысячелетия до н. э., диам. 12,8 см; 13) бронзовый умбон, клад у горы Бештау, VII в. до н. э., диам. 26 см; 14—19) бронза, Луристан: 14) щит, VIII в. до н. э., диам. 25,7 см, 15) щит, IX—VIII вв. до н. э., диам. 23,7 см, 16) умбон, VIII—VII вв. до н. э., 17) умбон, IX—VII вв. до н. э., диам. 19,9 см, 18) умбон, VIII—VII вв. до н. э., диам. 23,8 см, 19) рукоять щита, VIII—VII вв. до н. э.; 20) умбон, и часть оковки щита, серебро, Зивие, Северо-Западный Иран, первая половина VII в. до н. э.; 21) изображение на керамическом сосуде, Тепе-Сиалк, Центральный Иран, X—IX вв. до н. э.; 22—24) щиты воинов Западного Ирана (мидийцев или персов?), рельефы дворца Саргона II (721—705 гг. до н. э.), Дур-Шаррукин; 24а) бронзовый умбон персидского щита, о-в Самос, конец VI—V в. до н. э.; 25) щиты персидских воинов ахеменидских царей, рельеф Персеполя, V в. до н. э.; 26) то же, рельеф ападаны в Персеполе, первая четверть V в. до н. э.; 27—31) щиты персов, изображение на греческой керамике V в. до н. э.; 32) роспись стен пещеры, Мирзапур, Индия, X—IX (?) вв. до н. э.; 33) воин племени гандхара, рельеф ападаны, Персеполь, первая четверть V в. до н. э.; 34—46) щиты, изображение на «спинах» «оленных камней», Монголия, конец II тысячелетия — первая половина VII в. до н. э.; 47) то же, Туран, Тува, середина VII в. до н. э.; 48) петроглиф на валуне, у горы Кызыл-хая на р. Тыттыг, Тува, время то же; 49) дерево, кожаное покрытие, 48—50 × 38—40 см, железная оковка краев, умбон бронзовый 14 × 10 см, погребение 704, Старший Ахмыловский могильник, вторая половина VII в. до н. э.; 50) умбон бронзовый, диам. 13 см деревянного прямоугольного щита 50 × 60 см, погребение 513, там же, VII в. до н. э.; 51) железное покрытие щита диам. около 75 см; золотое украшение щита — олень, длина 33 см, Костромской курган, Прикубанье, рубеж VII—VI вв. до н. э.; 52) бронза, 60 × 42 см, курган у с. Великоплосское, Одесская область, IV в. до н. э.; 53, 54) изображение на золотом гребне из кургана Солоха, начало IV в. до н. э.; 55) изображение на серебряной чаше из кургана Гайманова могила, первая половина IV в. до н. э.; 56) изображение на золотом сосуде из кургана Куль-Оба, Крым, IV в. до н. э.; 57) кость, 210 экз., длина 6 см, 8,5 см, 10 см, курган 3 у хут. Поповка, Посулье, рубеж VI—V вв. до н. э.; 57а) реконструкция, 90 × 50 см; 58) угол щита, железо, кожаная подкладка и окантовка, скрепление проволочное, высота обломка 21 см, погребение 2, курган 12 курганной группы 22-й шахты у г. Орджоникидзе, нижнее Поднепровье, IV в. до н. э.; 59) железо, кожаная окантовка и подкладка, бронзовая пластинка и украшение — рыба (длина 22 см), оттуда же; 60, 61) железо, из кургана Солоха, нижнее Поднепровье, или одного из Елизаветовских курганов, Прикубанье, начало IV в. до н. э.; 62) железо, бронзовая проволока, курган 401 у с. Журовка, Посулье, первая половина V в. до н. э.; 63) деревянная основа, железные чешуйки и бронзовая проволока, бронзовые полусферические бляшки, 125 × 70 см, длина чешуйки 4 см, Золотой курган, Крым, вторая четверть V в. до н. э.; 64) железо, кожаная подкладка и окантовка, проволока, курган 1 у с. Кащеевка, нижний Дон, IV в. до н. э.; 65) железо, погребение 9, Вани, Западная Грузия, около 70 × 70 см (скифский, синдо-меотский или савроматский импорт); 66) сакский щит (?), изображение на костяной пластинке, могильник Ак-Там, Фергана, V—IV вв. до н. э.; 67) сакский (или персидский?) щит, жердяной каркас, плетеная прутяная основа, кожаное покрытие, изнанка, курган 9, могильник Памирская I, Восточный Памир, V—IV вв. до н. э., около 150 × 60 см, реконструкция; 68) жерди, кожаное покрытие, изнанка, могильник Акбеит, там же, время то же, высота 70 см; 69) прутья, кожа, курган 3, Пазырык, Алтай, конец V в. до н. э., высота 70 см; 70) дерево, раскраска, изнанка, курган 1, Туэкта, Алтай, VI в. до н. э., высота 55 см; 71) прутья, кожа, оттуда же, время то же, высота 50 см; 72, 73) прутья, кожа, лицевая сторона, (72) и изнанка (73), курган 1, Пазырык, вторая половина V в. до н. э., высота 36 см; 74) бронзовый умбон, погребение 3, Байфу, р-н г. Пекина, XI—X вв. до н. э., диам. 16 см; 75) то же, погребение 101, Наньшаньгэнь, уезд Нинчэн, Внутренняя Монголия, середина VII в. до н. э., диам. 29 см; 76) то же, Шиэрдаинцзы, пров. Ляонин, VI—V вв. до н. э., диам. 16 см; 77) то же, хунну (?), диам. 15 см; 78—80) изображение щитов в иньской пиктографии, XIII—XII вв. до н. э.; 81) бронзовый умбон, раннее Чжоу, X—VIII вв. до н. э., диам. 16,5 см; 82) то же, время то же, общая ширина 43,5 см, диаметр внешнего кольца около 30 см, диаметр диска 10,8 см; 83) то же, Хэцзяцунь, уезд Цишань, пров. Шэньси, Западное Чжоу, XI в. до н. э.; 84) бронза, на деревянной, расписанной черным и красным лаком основе, погребение 52, Люлихэ, р-н г. Пекина, конец XI в. до н. э.; 85) бронзовый умбон, могильник Шаньцуньлинь, пров. Хэнань, культура царства Го, VIII — первая половина VII в. до н. э., диам. 16 см; 86, 87) дерево, кожа, роспись цветными лаками, высота около 62—64 см, г. Чанша, пров. Хунань, культура царства Чу, V—IV вв. до н. э.; 88) изображение на бронзовом сосуде, Шанбаояжэнь, IV в. до н. э.; 89) бронзовый умбон, Корея, V—III вв. до н. э., диам. 20 см.

CONTENTS

Preface 3

Chapter I. Offensive Arms 8

1. Battle-knives 10
2. Daggers 15
3. Swords 27
4. One-edged Blade-arms for Fighting at Close Quarters 37
5. Battle-axes 41
6. War Hammers 53
7. Maces, Battle-hammers, Clubs 57
8. Lances and Spears 61
9. Polearms 64

Long-Range Missile Weapons 65

10. Slings 65
11. Bows and Arrows 66
12. Crossbow 77

Chapter II. Defensive Arms 80

1. Armour 82
   - A. Soft-materials Armour 83
   - B. Hard-materials Armour 91

2. Defensive Details 138
   - A. Belt 138
   - B. Defenses for the upper Part of the Body 146
   - C. Defenses for the lower Part of the Body 149
   - D. Defenses for the Extremities 152

3. Helmet 154
4. Shield 175

Conclusion 194
Abbreviations 197
Bibliography 198
Plates 217

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

Глава I. Наступательное оружие 8

1. Боевые ножи 10
2. Кинжалы 15
3. Мечи 27
4. Однолезвийное клинковое оружие ближнего боя 37
5. Боевые топоры 41
6. Чеканы 53
7. Булавы, боевые молоты, дубины 57
8. Копья и дротики 61
9. Усложненные и комбинированные формы длиннодревкового оружия 64

Метательное оружие дальнего боя 65

10. Праща 65
11. Лук и стрелы 66
12. Арбалет 77

Глава II. Оборонительное вооружение 80

1. Панцири 82
   А. Панцири из мягких материалов 83
   Б. Панцири из твердых материалов 91
2. Защитные детали 138
   А. Пояс 138
   Б. Защитные прикрытия верхней части торса 146
   В. Прикрытия нижней части корпуса 149
   Г. Прикрытия конечностей 152
3. Шлем 154
4. Щит 175

Заключение 194
Список сокращений 197
Список использованной литературы 198
Таблицы 217
Contents 348